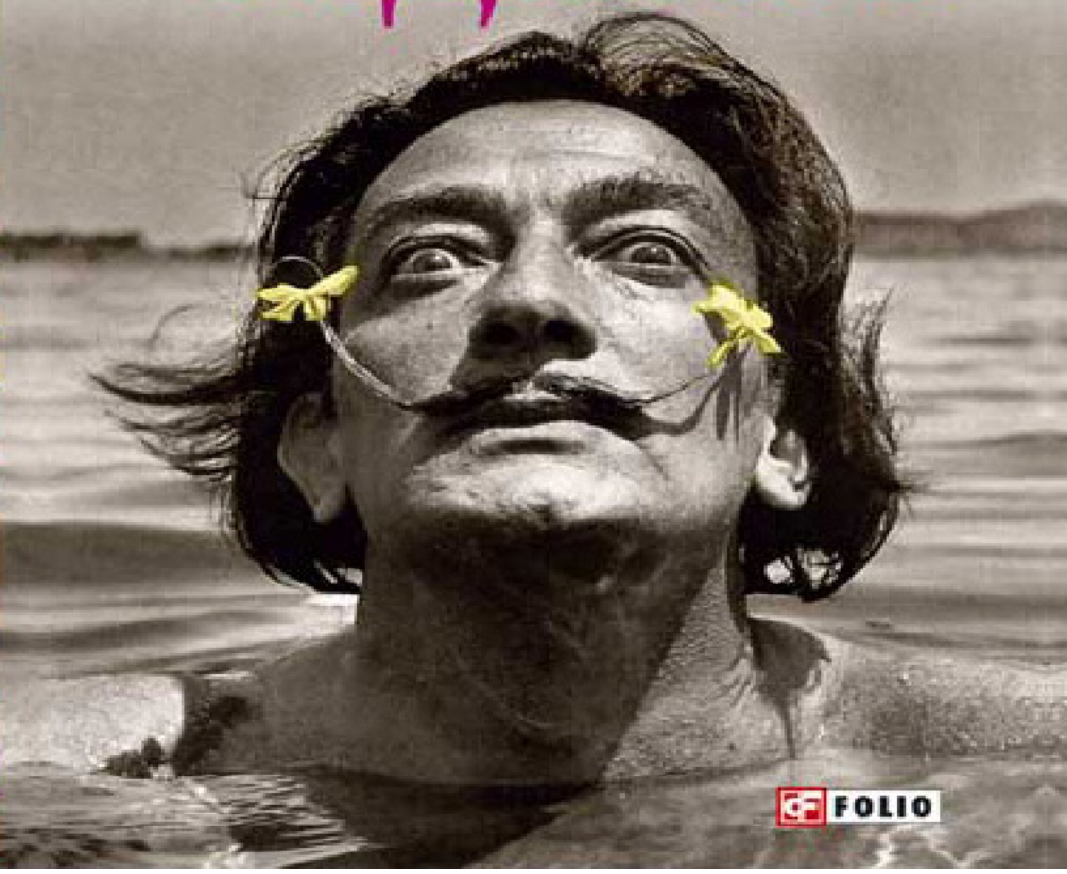

50 ЗНАМЕНИТЫХ ЧУДАКОВ

FOLIO

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга посвящена людям, без которых мир был бы скучен и неинтересен, которые привыкли жить по принципу, наиболее точно сформулированному итальянцем Артуро Графо: «Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят что угодно». Одним словом, эта книга о чудаках. Речь пойдет о философе Диогене и гениальном Эйнштейне; неутомимом «правдолюбце» бароне Мюнхгаузене и отце кибернетики Винере; писателе Марке Твене и художнике Сальвадоре Дали. Немало оригиналов среди политиков и общественных деятелей (рейхсканцлер Германии Отто Бисмарк, губернаторы Москвы и Киева Остерман и Фундуклей), военных (Аракчеев, Суворов, Григорий Воронцов, Ланжерон), а также меценатов, предпринимателей и даже самых богатых людей планеты (к примеру, миллиардер-авиатор Говард Хьюз или миллионер-хиппи Ричард Брэнсон). У всех на слуху имена наших современников, представителей богемы, известных своим эпатажным поведением и экстравагантными выходками: Дэвида Боуи, Майкла Джексона, Жанны Агузаровой и многих других. Они очень разные, герои этой книги, жившие и живущие в разных странах и эпохах, но, пожалуй, их объединяют неординарность, непредсказуемость, стремление удивлять и удивляться. Порою за откровенно провокационной манерой поведения скрывается изменить мир, но разве не чудаки прокладывают пути, по которым рано или поздно пойдут благоразумные?

- Валентина Скляренко, Станислава Евминова, Татьяна Иовлева, Валентина Мирошникова
  - АГУЗАРОВА ЖАННА ХАСАНОВНА
  - АРАКЧЕЕВ АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВИЧ
  - БАРТЕНЕВ АНДРЕЙ
  - БЕНИНЬИ РОБЕРТО
  - БИСМАРК ОТТО ФОН ШЁНХАУЗЕН
  - БОУИ ДЭВИД
  - БРЭД ПИТТ
  - БРЭНСОН РИЧАРД
  - ВИНЕР НОРБЕРТ
  - ВОЛКОНСКИЙ ГРИГОРИЙ СЕМЕНОВИЧ
  - ВУД РОБЕРТ
  - ГАНИН ЕГОР ФЕДОРОВИЧ
  - ДАЛИ САЛЬВАДОР
  - ДЕГТЕРЕВ МИХАИЛ ПАРФЕНТЬЕВИЧ

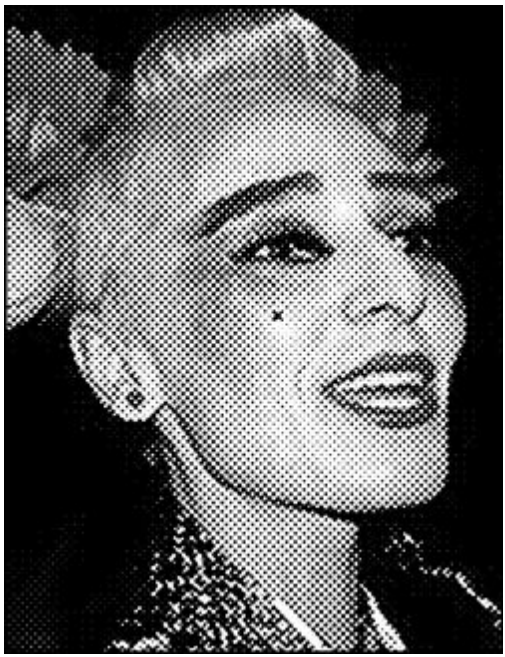
- ДЕМИДОВ ПРОКОПИЙ АКИНФИЕВИЧ
- ДЖЕКСОН МАЙКЛ ДЖОЗЕФ
- ДИОГЕН СИНОПСКИЙ
- ЕЛАГИН ИВАН ПЕРФИЛЬЕВИЧ
- КОКОРЕВ ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
- КОСТРОВ ЕРМИЛ ИВАНОВИЧ
- КУРАКИН АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ
- КУРАКИН АЛЕКСЕЙ БОРИСОВИЧ
- КУСТУРИЦА ЭМИР
- ЛАНЖЕРОН ЛУИ (ЛЮДОВИК)
-
- МАМОНОВ ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ
- МАМЫШЕВ МОНРО ОРЛО
- МАРК ТВЕН
- МАТУШКИН ПЕТР ПЕТРОВИЧ
- МОРРИСОН ДЖИМ
- МЮНХГАУЗЕН ИЕРОНИМ КАРЛ ФРИДРИХ ФОН
- НАЩОКИН ПАВЕЛ ВОИНОВИЧ
- ОВЧИННИКОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ
- ОСТЕРМАН ФЕДОР АНДРЕЕВИЧ
- РЫБАКОВ НИКОЛАЙ ХРИСАНФОВИЧ
- РЯБУШИНСКИЙ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ
- СКАВРОНСКИЙ ПАВЕЛ МАРТЫНОВИЧ
- СУВОРОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
- ТЕСЛА НИКОЛА
- ТИТО ДЕННИС
- ТОЛСТОЙ ФЕДОР ИВАНОВИЧ
- ТРИЕР ЛАРС ФОН
- ТУРГЕНЕВА ВАРВАРА ПЕТРОВНА
- УОРХОЛ ЭНДИ
- ФОССЕТ СТИВ
- ФУНДУКЛЕЙ ИВАН ИВАНОВИЧ
- ХЬЮЗ ГОВАРД
- ШАЛИКОВ (ШАЛИКАШВИЛИ) ПЕТР ИВАНОВИЧ
- ШУРА
- ЭЙНШТЕЙН АЛЬБЕРТ
- ЮХИН АРТЕМ
- ЯКОВЛЕВ САВВА АНДРЕЕВИЧ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Валентина Скляренко, Станислава Евминова, Татьяна Иовлева, Валентина Мирошникова
50 знаменитых чудаков

АГУЗАРОВА ЖАННА ХАСАНОВНА

(род. в 1967 г.)

Популярная российская певица, по определению СМИ и поклонников, «королева рок-н-ролла». Ее личность и творческий имидж часто характеризуются с помощью эпитетов «эксцентричный», «непредсказуемый», «инопланетный», «марсианский»… И действительно, Жанна является одной из самых оригинальных и загадочных фигур в отечественном роке.

Валерий Сюткин, один из бывших солистов знаменитой группы «Браво» и ныне успешный певец, говорил в одном из интервью: «Жанна не тот человек, который, перешагнув через рампу, глубоко вздохнет и скажет: «У, ребята, как я устала». Везде, с кем бы она ни находилась, играет. Вообще, мне ее жалко. Она производит впечатление человека с тяжелым пушечным ранением в голову. Из нее как будто бы все время что-то сыплется: то одно, то другое. Разваливается на куски. Надо идти следом и подбирать. Непредсказуема, сумбурна и чем дальше – тем больше. С ней попросту невозможно становится работать. Потому что, когда тебе семнадцать, – это шалости и озорство, а

когда тебе хорошо за тридцатник – уже не смешно… Как к артистке я к ней отношусь очень хорошо, но как человека мне ее жаль. Она появилась в годы, когда чудаки, которые будоражат народ, были внове. Теперь целая куча таких чудаков, и она среди них затерялась. У каждого человека свое время». Но нельзя сказать, что время Агузаровой прошло бесследно. Такой голос забыть невозможно. Он затмевает весь ее эпатаж и инопланетность.

Жанна – гордый человек с очень сложной судьбой. Дата и место рождения Агузаровой точно не известны. Скорее всего, она родилась 7 июля 1967 года (хотя упоминаются и более ранние даты), по одним источникам, где-то в Средней Азии, по другим – во Владикавказе. Обе эти версии певица отрицает, причем последнюю – особенно рьяно. Детство будущей певицы прошло в поселке Колывань Новосибирской области, куда переехала ее мама, фармацевт по профессии. Отца своего Жанна не помнит. Известно лишь, что он был осетином или, возможно, чеченцем, его звали Хасан, поэтому в юности у Жанны было прозвище Хасанчик. После того как ее мама вышла замуж во второй раз и родила сына, девочка стала жить с бабушкой.

Артистические способности у Жанны проявились рано. Вообще-то стать певицей она никогда не мечтала. Ее манили театр, кинематограф, так как, возможно, главным ее призванием было играть. Уже тогда, в раннем детстве, девочка выделялась из толпы. Она даже по воду ходила не в обычном тулупе, как принято на селе, а в каком-то странном одеянии: поверх старенькой фуфайки надет красивый ремень, а на груди висел найденный в бабушкином комоде зеленый кожаный кошелек. Люди смотрели на юную модницу, дивились и не понимали. Если учесть, что красивой девочка не была, то столь «броская» одежда вызывала лишь насмешки.

Там же в Колывани Жанна впервые вышла на сцену в качестве певицы – на проходившем в школе смотре художественной самодеятельности. Певунья оделась, как обычно, во что-то очень странное, взяла в руку микрофон и начала прыгать по сцене, распевая песенку на английском. Примечательно, что тогда Жанна языка не знала, а просто соединила в песенку знакомые английские слова. Выступление юной артистки имело весьма неприятные последствия для директора школы. Из-за того что он допустил подобное «безобразие», ему объявили партийный выговор. Видимо, оттуда, из тех детских времен, и берет начало страсть Агузаровой к экзотическим нарядам и склонность к перевоплощению в иностранную подданную.

Маленькая хрупкая девочка из сибирского поселка несколько

раз пыталась поступить в театральные училища, но везде ей говорили: «О карьере актрисы вам лучше забыть». В Новосибирском театральном училище, когда Жанна уже вроде бы сдала все экзамены, ее заставили поднять юбку и показать ноги – уж больно худой показалась приемной комиссии будущая актриса. В Москве в 1983 году, на экзаменах в ГИТИС, из 12 членов приемной комиссии 11 человек высказались против ее приема. После первого был второй заход, потом третий – все оказалось бесполезно. А когда от отчаяния Агузарова решила поступить в Музыкальное училище имени Гнесиных, то и там ей вынесли суровый приговор: «Голоса нет!»

Другая бы и думать забыла об артистической карьере, но Жанна не унывала, считая, что просто преподаватели не сумели разглядеть в ней искру Божью. Эта пигалица, которую отвергло несколько театральных училищ, однажды во время отдыха за городом спокойно подошла к загоравшему Никите Михалкову и весело сказала: «Ха-ха! Что, вот это Никита Михалков? Привет, Никита Михалков. Как поживаешь? Ну и что, ты не можешь оценить меня – крутую актрису, с узкими плечами, красавицу неопознанную?» Говорят, Михалков лишь вежливо произнес: «Здравствуйте!», но роли не предложил. Однако уехать из Москвы Жанна уже была не в состоянии, слишком хорошо она вписалась в столичную тусовку. Даже тогда, когда Агузарова поступила в ПТУ, чтобы учиться на маляра, она все еще лелеяла мечту о сцене.

Заканчивался 1983 год – и вдруг ее мечты сбылись. Кто-то, услышав, как Жанна поет, дал ей «заветный» телефончик Евгения Хавтана, который как раз искал в свою группу (тогда еще «Постскриптум») вокалистку. Амбициозная провинциалка не нашла лучшего времени и позвонила руководителю группы в два часа ночи. Хавтан вспоминает: «Что бы вы подумали, если бы вам позвонили в два часа ночи? А она появилась именно так. Сказала, что хочет у меня петь и что мой телефон ей дали «Мухоморы». Нам нужна была солистка, и я ее пригласил. Она приехала в Бескудниково, на нашу репетиционную базу в ДК «Мосэнерготехпром». Первое впечатление? Шок. Она пела скэт. Потом – несколько мелодий без слов (позже одна из них превратилась в песню «Кошки»). Я сыграл – она повторила. Это было точно, дерзко, необычно. Непрофессионально – но в ее вокале была особая прелесть. Красота камня без огранки. Она не была зажата. Нисколько. Абсолютно раскованна. Было видно, что ей очень хочется попасть в группу».

Жанна произвела то впечатление, которое и хотела произвести, – дитя шведского дипломата, живущее в окружении

богемы. Одета модно и одновременно необычно. Первое время никто не знал ее настоящего имени. Агузарова представилась Иванной Андерс, рассказала какую-то невероятную историю об отце, о походах в американское посольство на кинопросмотры. Разыграла все настолько артистично и совершенно, что все поверили. Хавтан лично держал в руках тот знаменитый паспорт, где значилось «Иванна Андерс», и видел конспекты лекций, которые Жанна всегда приносила на репетиции. Иногда прикрываясь лекциями в мединституте, она пропускала репетиции. Кстати, именно одна из агузаровских подруг и предложила новое название группы – «Браво».

Уже после первого прослушивания музыканты полностью капитулировали перед Жанной. «В первую минуту я ее пожалел, – писал Троицкий, – Барбра Стрейзанд выглядела бы рядом с ней курносой куколкой… Гадкий утенок вдруг предстал восхитительным созданием. Она пела самозабвенно и плясала так, будто ее год держали взаперти. Смесь примадонны и хулиганки превращала веселые твисты во что-то глубокое и трогательное». Как говорит Хавтан: «Быстрый успех Агузаровой как вокалистки «Браво» – это встреча в нужном месте нужных людей. И точное попадание во время. Все соединилось, смесь взорвалась. Было это в 1983 году». Первый публичный концерт состоялся в декабре на дискотеке в Крылатском и закончился триумфом «Браво» и Жанны. Группа одной из первых в отечественном роке начала разрабатывать стилистику ретро. Эксцентричная и стильная Агузарова оказалась прирожденной «звездой» – ее высокий, сильный, звонкий и чистый, словно зовущий в неведомые дали голос полюбился слушателям, а яркий имидж (мини-юбки, мужские костюмы, смелый макияж, «прицепные» косы и т. д.) стал образцом для подражания для сотен молодых девушек.

Когда потрясенные зрители начали расспрашивать о новой солистке, музыканты с гордостью отвечали: «Это – Иванна Андерс, дочь дипломатов». Так Жанна стала актрисой. А в жизни она играла всегда, поэтому и появилась Иванна Андерс. Удивительно, но ни у кого (!) не возникло ни малейшего сомнения в том, что это действительно так. Сами ребята из «Браво» искренне считали свою солистку дочкой высокопоставленных родителей. С «Браво» Жанна записала (как соавтор, а также подбирая стихи известных и не очень поэтов) множество прекрасных песен, считающихся сегодня «классикой» группы. Первая 20-минутная магнитофонная запись (декабрь 1983 г.) моментально начала распространяться «из рук в руки», а песни: «Кошки», «Желтые ботинки», «Верю я», «Медицинский

институт» и другие стали хитами сезона и классикой рок-н-ролла.

Развязка мистификации Агузаровой наступила совершенно неожиданно. Был март 1984 года. Группа «Браво», которая в кругах меломанов уже снискала небывалую популярность, проводила первый официальный концерт в ДК «Мосэнерготехпром». Народу набилось много, зрители сидели даже на подоконниках. Жанна самозабвенно пела милую песенку «Белый день»:

Он пропоет мне новую песню о главном,
Он не пройдет, нет, цветущий, зовущий, славный
Мой чудный мир!

Еще звучала последняя строка, когда на сцену выскочили милиционеры и приказали всем оставаться на местах. Люди кинулись из зала, а на улице их хватали стражи порядка и заталкивали в подогнанные автобусы. Позже выяснилось: целью этой акции было доказать, что организаторы получили от концерта огромную неучтенную сумму – не то сто, не то двести тысяч рублей. Но организаторы вышли сухими из воды, а вот группа попала в пресловутый «черный список». И хотя потом музыкантам даже вернули аппаратуру, Агузаровой еще долго «икался» тот концерт. Она была арестована по обвинению в подделке документов, провела полгода в Бутырской тюрьме и Институте судебной психиатрии им. Сербского (заключение психиатров клиники спасло ее от тюрьмы). Подделка документов, да еще на имя иностранной подданной, по тем временам – злодеяние небывалое. А может, власти просто мстили за то, что не удалось поймать рыбу покрупнее. Ведь, как рассказывают очевидцы, «счесть это изделие документом можно было только после основательной порции циклодола». Так или иначе, наказание было суровым: Жанну выдворили из столицы, к тому же ей присудили полтора года исправительных работ в Тюменской области.

В Сибири первая леди московского рока честно проработала приемщицей в леспромхозе. Там же, на малой родине, появилась первая публикация о юном даровании. Жанна приняла участие в областном конкурсе молодых талантов и заняла первое место. Местная печать радостно отрапортовала: «Богата талантами тюменская земля!»

Возвращение ссыльной певицы в белокаменную было триумфальным. В определенных кругах ее встречали как национальную героиню. На сей раз Москва была более благосклонна к изгнаннице. Жанна без труда поступила в

Музыкальное училище имени Ипполитова-Иванова по классу «фольклорное народное пение». Это же отделение в свое время окончила и кумир Агузаровой – Алла Пугачева. Из училища ее выгоняли трижды, и не столько за пропуски во время гастролей, сколько за нежелание учиться: сольфеджио, гармония и пение в хоре – это было так «неприкольно». Да и зачем звезде учиться?

Владимир Царьгородцев, в 1985–1987 годах руководивший отделением, где училась Жанна, на вопрос, почему он трижды выгонял такую знаменитую певицу, ответил: «Во-первых – безграмотна, во-вторых – самонадеянна, в-третьих – недопустима, в-четвертых – нахальна […]

Я ей говорил: «Кроме того что ты имеешь голос, интонируешь, ты обязана знать сольфеджио, гармонию, петь в хоре». Но учиться Жанна не хотела. Это не я – она сама себя выгнала. Я ценю ее природные данные и сожалею, что она не состоялась. И не состоится никогда: сейчас уже поздно. Я ценю ее талант, но мне искренне жаль ее бестолковую голову и того, как она распорядилась своей жизнью. Она убежала от образования, и в этом ее огромная беда. Злым гением Жанны Агузаровой была она сама. Она была и остается ребенком. И я жалею ее как взрослый человек и как музыкант, который пытается образовывать всех этих девочек, чтобы они были не ради себя».

С мнением Царьгородцева, конечно, не согласятся миллионы поклонников Агузаровой. Ведь каждому понятно, что брала она не только дивным голосом (правильно или неправильно поставленным – это не важно), а своей неповторимой энергетикой и умением донести материал до слушателей не как нотную грамоту, а как откровение.

В 1985–1988 годах Агузарова выступала в составе «Браво» и обрела всесоюзную популярность. Ансамбль вступил в только что созданную Московскую рок-лабораторию и получил статус любительского коллектива. В 1985 году они записали очередную «самиздатовскую кассету» с песнями «Чудесная страна», «Ленинградский рок-н-ролл», «Синеглазый мальчик», «Черный кот». В 1986 году певица сотрудничала и с группой «Ночной проспект» (вышел совместный альбом). На какое-то время даже сама Алла Борисовна Пугачева стала продюсером Жанны, таская ее за собой на телевидение и рекомендуя всем музыкальным критикам. По протекции Пугачевой «Браво» отыграли свой первый «стадионный концерт» в СКК «Олимпийский» и приняли участие в концерте «Счет 904» в помощь Чернобылю и в телепередаче «Музыкальный ринг», а также в крупных фестивалях «Рок-панорама-86» и «Литуаника-86» (в последнем случае – уже в статусе филармонического коллектива).

В 1987 году фирма «Мелодия» выпустила пластинку со всеми хитами «Браво», а песня «Чудесная страна» прозвучала в культовом фильме «Асса» Сергея Соловьева, где на экране появилась и сама Жанна.

В карьере Агузаровой все складывалось просто великолепно. Однако она несколько раз порывалась уйти из «Браво», и каждый раз не без скандала. В 1988 году Жанна покидает группу окончательно, а ее место в ней занимают один за другим Евгений Осин, Ирина Епифанова, Валерий Сюткин. Она самостоятельно записывает несколько необычный – после былого репертуара – сольный «Русский альбом», стилистика которого находится на стыке русской лирической песни, городского романса и западной «новой волны». Следует отметить, что музыка всех песен этого альбома была сочинена Жанной в содружестве с другими музыкантами («Мне хорошо рядом с тобой», «Вернись ко мне», «Зимушка» и др.). Во всех хит-парадах фамилия Агузаровой следовала сразу же за Пугачевой, а ее программу хорошо принимала публика. Казалось, все, к чему стремилась Жанна, сбылось. То, за чем она ехала в Москву, воплотилось в жизнь. Однако карьера в Театре Аллы Пугачевой почему-то не сложилась, и в 1991 году Агузарова неожиданно для всех принимает решение уехать в США.

Музыкальные обозреватели сейчас с сожалением и горечью констатируют, что великая надежда советского, российского, а быть может, и мирового рока, блистательная певица сломалась на самом взлете. Ее странное поведение не могло оставить равнодушными ближайших сподвижников и друзей. И несмотря на фактически официальный титул третьей певицы страны (после Пугачевой и Ротару, согласно опросам «МК» за 1986–1988 гг.), Жанна все больше чувствовала себя ущемленной. Ее требования становились все более претензионными: от сумм гонораров до марки подаваемого авто. В кулуарах поговаривали еще об одной причине отъезда Агузаровой: будто Пугачева, которая внешне благоволила к певице и которую Жанна искренне считала своим кумиром, уговорила доверчивую «инопланетянку» уехать из России.

«Я понимаю, почему она уехала, – говорит Евгений Хавтан. – Здесь она уже добилась всего и хотела попробовать себя где-то еще. На другой планете. Наш шоу-бизнес – карманный. А к началу 90-х мы уже успели поездить по фестивалям, где увидели настоящую индустрию. На деле там все оказалось не таким, как она себе представляла. В Америке она пела в ресторане «Черное море». В Штатах десятки таких ресторанов. В них поют наши бывшие знаменитости, на афишах большими буквами написано,

что это мировые звезды. В эти рестораны ходят русские эмигранты. Когда я попал туда, меня охватил дикий ужас. Она пела «Белые розы», песни из репертуара «Браво». Этим все кончилось»…

Агузарова по-своему объясняла все, что произошло в Америке. Когда журналисты спрашивали, не было ли у нее ощущения, что она оторвалась от «русского духа», Жанна отвечала в свойственной ей манере: «Я сама «русский дух». Я несу его везде, где я есть… Я же уехала из-за любви. Занималась музыкой, делала карьеру… А потом человек, с которым я уехала в Америку, сказал, что рок-н-ролла больше нет. И что он видит меня своей женой и матерью его детей, а вовсе не на рок-н-ролльной сцене. «Достаточно ты уже блистала, твое имя есть во всех рок-энциклопедиях. Хватит». Я выбрала рок-н-ролл и сбежала от него… Но я люблю его до сих пор, и он меня. Хотя у меня еще и любовники есть в разных странах…»

Муж Жанны и правда исчез таинственным образом. Его личность – еще одна неизвестная страничка в ее биографии. Кто он такой, толком никто не знает. «Толстый мужчина высокого роста, занимающийся административной работой» – вот все, что о нем знают бывшие музыканты «Браво». Возможно, что и он не смог выдержать взрывного характера «первой леди рок-н-ролла», которая постоянно устраивала семейные сцены на публике: дико вопила, метала в «обидчика» все, что попадало под руку.

«Страна равных возможностей» встретила Жанну без восторга. Конечно, она не влачила жалкого существования, но о восторженных стадионах и рукоплескающих огромных концертных залах пришлось забыть. Вначале она училась на двух «учебах» и работала на двух работах одновременно. Пришлось серьезно углубиться в изучение языка в школе Беверли-Хиллз, в актерской школе избавляться от русского акцента. В это время Жанна трудилась в независимой корпорации AS G Music, а три дня в неделю с 9 вечера до 3–4 часов утра – в кабаре. Народную песенку «Мурка» исполнять ей не доверили. Ее просили исполнять «Верю я», «Ленинградский рок-н-ролл», «Старый отель», «Чудесная страна», «Лаванда», «Знаю, милый», «Тюльпаны», «Море, море», «Черный кот». Жанна пела итальянские, американские, испанские песни.

Агузарову также приглашали в небольшие лос-анджелесские клубы и рестораны, где ее успех отнюдь не был столь грандиозным, как на родине. Жанна вынужденно закончила курсы ди-джеев, а также, по слухам, которых она не отрицает, работала водителем. Впрочем, Агузарова довольно разноплановый человек. Она не только певица, но и текстовик,

имидж-стилист, продюсер, композитор, аранжировщик, а главное – она никогда не впадает в уныние и умеет находить свою нишу. Жанна собрала коллектив андеграундного характера, который носил название, созвучное с псевдонимом певицы. Смена имени – это так в духе Агузаровой. Она обычно искала что-то полезное в русско-американском словарике, и однажды Музы из Манхэттена снизошли и дали новое сценическое имя – «Найнтин Найтис». Оно звучно на всех языках, лаконично и нежно. Певица заполнила бумаги, заплатила 6 или 7 долларов и получила водительское удостоверение личности на имя Найнтин Найтис. Американская «реинкарнация» Жанны сделала из нее мадемуазель «Девяносто Девяностых», но новая фамилия ничего не изменила в ее жизни.

Как говорит она сама, ее команда представляла собой «любопытный набор». У нее свой подход и свои требования к музыкантам: барабанщик обязательно должен был быть азиатом, неважно, китайцем, корейцем или японцем, гитарист – непременно американский индеец, плюс испанец, плюс мексиканец и русская певица. В отличие от такого названия, как «Браво», имя «Найнтин Найтис» не начало работать так быстро. Прошло 6 лет, но Жанна не стала звездой ни в Америке, ни в мире. Но по-прежнему не изменила одному из своих главных девизов – «Никогда не повторяйся. Жизнь есть, она дана, и надо постоянно испытывать новые ощущения».

Жанна попробовала даже создать театр в стиле кабуки. Для Агузаровой-европейки это почти авангардное действие в костюмах и масках в сопровождении современной авторской музыки. Наставником в кабуки стал барабанщик ее группы – японец Макота. А еще Жанна собирала материал для будущей книги, в которой она обещала рассказать о себе всё-всё. Например, о таком неизвестном факте из ее биографии, как ухаживание американского плейбоя Микки Рурка. Герой «Девяти с половиной недель», оказывается, пытался затащить Жанну в постель, но она оказалась девушкой строгих нравов и дала ему от ворот поворот. Агузарова обещает, что подобных откровений будет в книге (если она увидит свет) немало.

Снявший ее в «Ассе» Сергей Соловьев, встретив Жанну через несколько лет в Штатах, был поражен: «Это был другой человек. Столь же отдельный, забавный, театрально выразительный, но – искусственный от пяток и до кончиков волос. Не Жанна, а статуя Жанны. Кукла. Вроде все то же: неплохо, музыкально, забавно, талантливо, но вместо искренности – деланность, кукольность, муляж. Собственный, не чужой, не ворованный, но – муляж, воспоминания о себе самой. И мне стало необыкновенно жаль той Жанны, которую я поздравлял в 84-м, у “Туриста”».

Но из этого «муляжа» рвался все тот же неповторимый звонкий голос, который невозможно было забыть. Не держали на нее обиды и музыканты «Браво». Перед предстоящим туром по Израилю (1993) Евгений Хавтан пригласил Жанну выступить с ними. Она согласилась.

Потом были поездки по России – колоссальный успех, большие площадки, дворцы спорта. Евгений убеждал Агузарову, что «в Америке ей делать нечего. Аудитория ресторанов не сравнится со стадионом. Хотя она может петь где угодно – лишь бы видны были глаза». Но Жанна вернулась в США. В 1993 году на General Records вышел альбом ранних вещей «Жанна Агузарова и «Браво» 1983–1988». А в Америке в том же году она записала с Василием Шумовым (группа «Центр») интереснейший авангардно-экспериментаторский альбом, известный в России как «Тектоника»: своим звонким, почти «пионерским» голосом Жанна исполняет абсурдистские песни Шумова («Мальчик в теннисных туфлях», «Чтение в транспорте», «Цифры» и др.) на фоне электронных аранжировок.

От абсурдистских песен до абсурдных выходок было совсем недалеко. Жанна и так постоянно жила в каком-то придуманном ею мире, который, по ее представлениям, прекрасно вписывался в мир настоящий. Когда она в 1996 году вернулась в Россию для участия в гастролях «Браво», ее узнавали только по голосу. Театр кабуки со своими гротескными масками бледнел перед макияжем Агузаровой, известные кутюрье удивленно посматривали на ее «прикид», журналисты не могли отличить в словах Жанны фантазии от действительности, но… Но голосу были все так же присущи необыкновенная раскованность, открытость, искренность.

Жанна поначалу продолжала «электронно-трансовую» линию творчества, выступая в основном по клубам и устраивая вычурные перформансы. Ее имидж теперь отличается еще большей эксцентричностью – невероятные, на грани «высокохудожественного китча» костюмы и головные уборы, «странная», отстраненно-эпатажная манера поведения на сцене, в жизни, в общении с прессой. Певица решила предстать не то в роли инопланетянки, не то человека из будущего. Даже люди, которых она сама называет близкими, терялись от ее поступков. Хавтан, который всегда был уверен в Жанне, до сих пор не может простить ей срыва большого гастрольного тура (хотя в дружеской помощи по-прежнему не отказывает). Напомним, что Жанна в последний момент отказалась принять участие в юбилейных концертах «Браво», хотя билеты были проданы, в том числе и «на Агузарову».

Кто-то уверяет, что не следует в странном поведении певицы искать какой-то подтекст. Мол, все очень просто – это наркотики, крышу снесло давно и навсегда. Тем не менее большинство знающих Жанну говорят, что это все-таки не так. Да и сама «инопланетянка» уверяет: «Я не пью, не курю и не ем животных. Я проповедую здоровый образ жизни! В мире так много хорошего, ради чего стоит жить и творить на этой планете!» Возможно, Жанна действительно всего лишь играет, но от такого перевоплощения бросает в дрожь. Эпатаж везде и во всем. Все, кто хотя бы раз видел певицу по телевизору или на концерте, не задумываясь, опишут стиль ее одежды с использованием эпитетов, подобных словам «вычурный» и «сумасшедший». И лишь «посвященные» увидят в этом ключ, «открывающий» сознание масс для дальнейшего воздействия. Рецепт один – рассматривать все эти платформы и диковинные пояса, прозрачные платья, «боевую раскраску» и тому подобное лишь как бутафорию, клоунский костюм. Рассматривая детали, надо легонько посмеиваться и просто слушать Жанну.

На какое-то время Агузарова возвращается к песням времен «Браво» и «Русского альбома». Но, несмотря на надежды поклонников, сотрудничество певицы с «Браво» по ее же вине не сложилось. Жанна собирает собственную группу, с которой исполняет старые песни и несколько новых, близких к стилистике «Браво» («Ты, только ты», «Майя» и др.), но с аранжировками в стиле техно. Переиздаются «Русский альбом» и старые хиты «Браво»; барабанщик группы Павел Кузин, выпуская альбом ремиксов на ранние вещи «Браво», называет его «Браво, Жанна!». Статус «первой рок-н-ролльной леди» возвращается к певице.

Однако в Москве Агузарова, по большому счету, оказалась теперь не у дел. У всех друзей – своя жизнь, бывшие поклонники слушают другую музыку и других кумиров. Можно сказать, что Жанна опять приехала в чужой город, где у нее не оказалось даже собственного жилья. Поначалу она поселилась в небольшой двухкомнатной квартире на окраине Москвы у одного своего преданного друга. О том, где она живет сейчас, Агузарова предпочитает не говорить, переходя на патетическое: «Тройная бездомность поэту дана». Лишний раз подтвердилась народная мудрость: с глаз долой – из сердца вон. Поклонники, конечно, Жанну не забыли, но подросло новое поколение любителей современной музыки, и Агузарова была для них лишь легендой. А ничего нового бывшая первая леди рок-н-ролла предложить слушателям не смогла. И пошли концерты, новые скандалы с родной группой, вызывающие поступки, еще более, чем прежде, экзотические заявления прессе.

Общаться с Жанной Агузаровой нелегко. Она то хохочет, то бормочет что-то себе под нос, то даже на самые простые вопросы отвечает туманно: про вечность, любовь и воздух, насыщенный волшебством, говорит, что она – последняя надежда людей. «У меня есть амбиции. Я хочу прославить Россию, я хочу получить премию «Грэмми». И не одну, а две… Я хочу прославить русский народ в искусстве. Сейчас конец века, субкультура, поп-культура, кино. Я хочу попробовать себя в этом. Конечно, если мне скажут: «Уйди, ты бездарная, посредственная, уйди, пожалуйста!» – я смогу понять и принять. Я всегда говорю: «Я все, только не фотограф». […] Я хочу получить Нобелевскую премию за воссоединение Востока и Запада. И все будут довольны. Русская нация – самая главная нация, это я еще давно провозгласила. Даже если я буду занята, беременна или что-то такое, кто-то все равно это сделает. Я просто знаю все заранее».

О ее настоящих планах (не считая, конечно, получение Нобелевской премии) Агузарова говорит расплывчато, как, впрочем, и о личной жизни. В ней все происходит так же неадекватно и довольно интересно. Все ее партнеры и бойфренды очень своеобразны. Некоторые из них знаменитости, некоторые – простые люди. Жанна, как правило, красавчиков из шоу-бизнеса не принимает и романов с ними не заводит. Вокруг певицы или люди науки, серьезные и гораздо старше ее, или городские сумасшедшие. Они любят в ней, по ее словам, достоинство женщины, узкие плечи, сложение, вибрацию какую-то женскую, которую она им дает. Для них характер дерзкой девчонки с немужским умом – это уже пустяки.

Жанна все еще мечтает стать звездой экрана. Звезда – это знак и образ, к которому она питает поистине маниакальную страсть. Ведь в ее первую программу с «Браво» входила песня на стихи Арсения Тарковского «Звездный каталог» со словами:

Я в дороге, я теперь звезда,
Я тебя забыла навсегда,
До тебя мне дела больше нет.
– Позвони мне через триста лет.

Абсолютно в агузаровском стиле. Можно смеяться над чудачествами Жанны, крутить пальцем у виска, но она навсегда вошла в историю эстрады. Так, Артемий Троицкий, много лет занимающийся пропагандой рок-музыки в России и создавший первую отечественную рок-энциклопедию, поместил в «МК» следующий рейтинг: «Вот они, 10 главных эстрадных Див России XX века: Анастасия Вяльцева, Изабелла Юрьева, Любовь Орлова,

Лидия Русланова, Клавдия Шульженко, Людмила Гурченко, Эдита Пьеха, Людмила Зыкина, Алла Пугачева, Жанна Агузарова».

Друзья поддерживают Жанну, несмотря на все ее «сюрпризы» и выходки. И она с благодарностью говорит об А. Липницком, А. Троицком, Е. Хавтане. Создатель группы «Браво» признает: «Сейчас у нее нет ни подходящего музыкального материала, ни спонсоров. А для того чтобы попасть в эстраду, нужны большие деньги и ориентиры. Последних она лишилась, уйдя из группы. Одна она стала похожа на корабль без управления. И еще. Молодые музыканты становятся популярными потому, что говорят на одном языке со своей аудиторией. Для современных тинейджеров – основного эстрадного потребителя – она чудачка с хорошим голосом, «герой времени» их родителей, но не их». А мэтр рок-музыки Борис Гребенщиков считает, что и вовсе не стоит копаться в поведении талантливых людей и воспринимать их, «не обращая внимания, сходят они с колес или нет. Пока человек творит, он творец. Залезать к нему в голову – можно обжечься».

Но корабль Агузаровой пока непотопляем, тем более что он существует в другом времени и измерении: «Я уже нахожусь там, на три года впереди, а некоторые люди здесь, в настоящем. И приходится то по-доброму, то сердито доводить какие-то вещи до их сведения. Уже парю в атмосфере. Уже в капсуле такой, уже парю. Какие обиды? Главное – каким-то образом помочь своему народу, вывести его на широкую дорогу. Наверно, довольно старомодные мечты… Я еще не проявилась, я еще не состоялась. Во мне много граней», – говорит Жанна. Трудно понять, когда она говорит искренне, а когда просто играет. Она ведь всегда мечтала быть актрисой, вот и танцует странные танцы, носит инопланетные одежды и продолжает жить в сказке, которую сочинила сама для себя…

АРАКЧЕЕВ АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВИЧ

(род. в 1769 г. – ум. в 1834 г.)

Алексей Андреевич Аракчеев – один из самых мрачных персонажей русской истории. Государственный и военный деятель, граф, генерал от артиллерии, военный министр (1808–1810), председатель Департамента военных дел Государственного совета, доверенное лицо императора Александра I – казалось бы, при таком послужном списке любой намек на чудачество просто неуместен. Тем не менее, Аракчеева вполне можно считать чудаком, только далеко не добродушным, а жестоким и странным. Его чудачество, граничащее с абсурдом, развилось из болезненной педантичности, из преувеличенного стремления к порядку, которое отличало его с юных лет.

Алексей Андреевич Аракчеев родился 23 сентября 1769 года в Бежецком уезде Тверской губернии в имении своего отца, отставного военного. Отец Аракчеева не был богат и знатен. Он владел всего двадцатью душами крестьян – более чем скромная цифра. Это был мягкий и слабохарактерный человек, который мало интересовался как воспитанием сына, так и хозяйством.

Фактически главой семьи была мать, Елизавета Андреевна Витлицкая, женщина педантичная и жестокая. Своего сына она старалась воспитать под стать себе – и ей это удалось.

С самого раннего детства Елизавета Андреевна внушала Алексею, что основным делом его жизни должна стать служба. Начальное образование он получил у сельского дьячка, а затем был отдан в Санкт-Петербургский артиллерийский и инженерный кадетский корпус. Там Алексей Аракчеев неожиданно проявил недюжинные способности и склонность к математическим наукам. Семейная система воспитания, построенная на беспрекословном подчинении, тут оказалась очень кстати: Аракчеев был примерным кадетом и вскоре обратил на себя внимание начальства. С 15-летнего возраста он помогал корпусным офицерам в обучении кадет фрунту, следил за порядком в классах. Разумеется, это никак не способствовало его сближению со сверстниками – Аракчеева в корпусе ненавидели. Вероятно, поэтому он все усилия сосредоточил на учебе.

Начальник корпуса П. И. Мелиссино разрешил ему «посещать классы или заниматься у себя» и самостоятельно составлять для себя расписание занятий – он был абсолютно уверен, что Аракчеев не позволит себе ни единого незапланированного развлечения. После того как Алексей был произведен в офицеры (в 1787 г.), Мелиссино рекомендовал его графу Н. И. Салтыкову. Тот пригласил молодого офицера преподавать артиллерию и фортификацию своим сыновьям. Одновременно Алексей Андреевич преподавал арифметику и геометрию в корпусе.

Ответственный подход к любому порученному делу сослужил Аракчееву добрую службу. Когда будущий император Павел I обратился к Салтыкову с просьбой прислать расторопного артиллерийского офицера, Салтыков направил к нему с превосходными рекомендациями учителя своих детей. Аракчеев был переведен в гатчинское войско и вскоре завоевал доверие Павла Петровича – в основном благодаря стремлению к дисциплине. Ради внешнего благообразия подчиненных Аракчеев шел на любые, даже самые крутые меры. По свидетельствам современников, у его солдат «оказывались иногда вырванными усы, откушенным ухо и т. п.».

После восшествия Павла I на престол (6 ноября 1796 г.) карьера Аракчеева круто пошла вверх. Пожалуй, найдется немного военных, настолько обласканных властью. На следующий день после восшествия Павла на престол Аракчеева назначают петербургским комендантом, через день производят в генерал-майоры, а 9 ноября – в майоры Преображенского полка. 12 ноября Аракчеев получает орден св. Анны первой степени, 13 числа того

же месяца император поручает ему надзор за тактическим классом, учрежденным во дворце для штаб– и обер-офицеров. Затем, после краткого перерыва, золотой дождь монарших милостей продолжается. 5 апреля 1797 года Аракчееву было пожаловано баронское достоинство. Император Павел I подарил своему любимцу две тысячи душ крестьян. Его вотчиной стало село Грузино Новгородской губернии, впоследствии получившее печальную известность благодаря явлению, называемому во всех учебниках аракчеевщиной. Впрочем, не будем забегать вперед.

18 марта 1798 года Аракчеев был отстранен от службы с произведением в генерал-лейтенанты. Причиной стали беспорядки в артиллерийских ротах и многочисленные жалобы на жестокость Аракчеева. Впрочем, опала была недолгой: уже в декабре Алексей Андреевич вернулся к исполнению своих обязанностей. На этот раз император назначил его генерал-квартирмейстером, а затем – командиром гвардии артиллерийского батальона и инспектором всей артиллерии. Надо ли говорить, что в армии это назначение встретили глухим ропотом, но открыто выразить недовольство было невозможно… Тем более что император вскоре пожаловал фавориту очередной титул – на сей раз графский – и собственноручно вписал в его герб девиз: «Без лести предан». Однако, к радости подчиненных, в 1799 году Аракчеев вновь попал в немилость. 1 октября 1799 года он был отставлен от службы «с воспрещением въезда в столицу». Причиной отставки послужил недостойный поступок Аракчеева: желая спасти от наказания брата (во время его караула произошло хищение), граф назвал виновным другого офицера. Но вскоре обман раскрылся, и инспектор с позором был изгнан.

В 1801 году, после убийства Павла I, многим казалось, что звезда Аракчеева закатилась теперь уже навсегда. Но, как показало время, напрасно. 26 апреля 1803 года император Александр I собственноручной запиской вызвал Аракчеева в Петербург, а 14 мая последовал приказ о его назначении (уже в третий раз) инспектором всей артиллерии и командиром гвардии артиллерийского батальона. У императора было две причины приблизить к себе Аракчеева: во-первых, он приобретал в его лице преданного человека, во-вторых – оба они отличались пристрастием к муштре. Кстати говоря, к реальным боевым действиям Аракчеев не питал ни малейшей склонности. Когда в 1805 году под Аустерлицем Александр I предложил ему командование одной из колонн, тот немедленно отказался. С тех пор Аракчеев не появлялся поблизости от места ведения военных действий, даже в императорской свите. Как ни странно, этот поступок, который сложно объяснить чем-то иным, кроме

трусости, не поколебал мнения Александра о своем придворном. 14 декабря 1807 года император повелел считать приказы Аракчеева столь же обязательными к исполнению, как свои собственные. А 13 января 1808 года Алексей Андреевич был назначен военным министром. Он тут же выдвинул ряд условий своего пребывания на этом посту: отстранения от доклада генерал-адъютанта графа Ливена, передачи военно-походной канцелярии в свое распоряжение и подчинение себе главнокомандующих армиями.

Во время войны со Швецией император направил Аракчеева в Финляндию, предоставив ему неограниченные полномочия. По стечению обстоятельств приезд министра совпал с успешными военными действиями русской армии, и Александр прислал Аракчееву свой орден Андрея Первозванного. Однако фаворит «упросил государя взять орден обратно, что и было милостиво исполнено». Взамен император предписал войскам «отдавать Аракчееву следующие ему почести и в местах высочайшего пребывания».

Справедливости ради необходимо сказать, что педантизм Аракчеева и его стремление к дисциплине и порядку все же имели некоторые положительные результаты. При нем были изданы новые правила и положения, касающиеся военной администрации, упрощена и сокращена переписка, приняты меры к повышению уровня образования офицеров, упорядочена материальная часть.

Положение Аракчеева при дворе и доверие к нему Александра I казались незыблемыми. Однако вскоре он вновь подал в отставку – на сей раз совершенно добровольно, обиженный тем, что проект преобразования Государственного совета, составленный Сперанским, рассматривался императором без его ведома. Причем сделал он это в такой грубой форме, что любой другой на его месте оказался бы в опале до конца своей жизни. Он написал императору язвительное письмо, в котором заявлял, что после прочтения этого проекта ему остается «только сообразить свои собственные познания с разумом сих мудрых постановлений» и уволиться от звания министра. Александр I, немало удивленный вспышкой самолюбия своего фаворита, попытался его образумить. Но Аракчеев настоял на своем. В 1810 году он был назначен председателем Военного департамента вновь учрежденного Государственного совета, а пост военного министра занял М. Б. Барклай де Толли. Тогда же Аракчееву было дано право присутствовать в Комитете министров и Сенате. Несмотря на удачное разрешение конфликта, Аракчеев никогда не смог простить Сперанскому предпочтения, выказанного тому

Александром I.

В 1812 году, во время войны с Наполеоном, Аракчеев вновь был призван на военную службу. Среди его записей есть упоминание об этом периоде жизни: «вся французская война шла через мои руки, все тайные повеления, донесения и собственноручные повеления государя». Во время войны Аракчеев почти не расставался с Александром I, и добрые отношения между государем и его фаворитом были восстановлены. Среди придворных ходила знаменитая фраза: «Недаром же в русском гербе двуглавый орел, и на каждой голове корона: ведь и у нас два царя: Александр I да Аракчеев I». Начиная с 1814 года в ведении Аракчеева оказался чрезвычайно широкий круг вопросов. Нередко Александр I принимал с докладами одного только Аракчеева, через которого доходили до государя представления всех министров и даже мнения Государственного совета. Позднее, в августе 1818 года, он был назначен руководителем канцелярии Комитета министров и тем самым получил официальную возможность влиять на принятие важнейших решений. Министры скрежетали зубами: по любому поводу им приходилось идти на поклон к Алексею Андреевичу, а он, пользуясь доверием императора, мог по своему усмотрению распоряжаться информацией, средствами и человеческими судьбами. Александр I доверял своему ставленнику как самому себе. Именно это обстоятельство и стало причиной того, что государь поручил Аракчееву заняться созданием военных поселений.

Идея военных поселений, казавшаяся воплощением абсолютного порядка, занимала императора с 1810 года. Аракчеев, исполнительность которого с годами только крепла, взялся за реализацию этого проекта с той же прямотой и жестокостью, как и за другие поручения. Статья генерала Сервана “Sur les forces frontières des états”, привлекшая внимание императора, была специально для Аракчеева переведена на русский язык – он утверждал, что не знает французского и не стремится его выучить, умело прикрываясь маской «истинно русского неученого дворянина». На фоне этого заявления довольно странно выглядят свидетельства его наставников из кадетского корпуса, которые в один голос утверждали, что Аракчеев свободно читал по-французски, хотя имел плохое произношение, по-немецки же говорил довольно бегло. Кстати говоря, современники Аракчеева, как и многие историки впоследствии, считали одной из его отличительных черт склонность к юродству. Он часто подчеркивал свою необразованность, бедность, демонстративно отказывался от различных почестей (в том числе от звания фельдмаршала),

чтобы затем получить гораздо большие.

Как бы то ни было, идея Александра I относительно военных поселений, изложенная в письме от 28 июня 1810 года, привела Аракчеева в полный восторг. Он получил долгожданную возможность перекроить хотя бы небольшую часть мира по своему усмотрению. К широкому насаждению военных поселений Алексей Андреевич приступил в 1815 году. Слова Александра I о том, что поселения «будут во что бы то ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова», явились для бывшего военного министра своеобразной индульгенцией. Он мог творить все, что заблагорассудится, – важен был лишь результат, а конкретно – внешний порядок в поселениях. Не обошлось без бунтов: поселяне не спешили радоваться столь своеобразному «счастью», которое для них оборачивалось бессмысленной муштрой, дополнительными работами и чрезмерно строгой дисциплиной. Письма Аракчеева к Александру I полны уверений, что учреждение очередного поселения прошло, «дал Бог, благополучно и мирно».

Игра в образцовые поселения настолько увлекла императора, что Аракчеев получил возможность использовать ее в своих целях. Не было лучшего способа поднять настроение государя, чем сообщить, что день рождения Его Величества был отпразднован смотром военного поселения. Посещение поселений стало считаться признаком благонадежности. Однако то, что наблюдали там посетители, казалось здравомыслящему человеку довольно противоестественным: перед ними была и не деревня вовсе, а какой-то странный механизм, в котором невидимые пружины поддерживают раз и навсегда установленный ход вещей.

Первый эксперимент Аракчеев провел в собственной вотчине – Грузино. Абсолютно все стороны жизни были определены письменными регламентами, нарушение которых строго каралось. Дома в деревне были выстроены по единому плану. Один дом был похож на другой как две капли воды. Поддержание порядка осуществлялось благодаря множеству указов и постановлений. Скажем, во избежание грязи на улицах крестьянам запрещалось держать свиней. Было издано отдельное положение о метелках для подметания улиц, о занавесках на кроватях, об окраске крыш, об обязанностях каждого члена крестьянской семьи и так далее.

Аракчеев попытался планировать даже рождаемость! Согласно его приказу, «всякая баба должна ежегодно рожать, и лучше сына, чем дочь». Последствия подобных указов приходилось расхлебывать несчастным женщинам: за дочь они платили штраф и за выкидыш – штраф, а если вовсе не рожали в

течение года, должны были отдать десять аршин холста.

К человеческим чувствам Аракчеев относился с еще большим пренебрежением. Каждый год 1 января ему представляли списки неженатых и незамужних крестьян, он делал пометы, кого и на ком женить. Разумеется, при таком подходе счастливые браки были огромной редкостью, однако Аракчеева это нисколько не смущало. Абсолютно вся жизнь его крестьян проходила на виду. За их поведением было установлено тайное наблюдение. Провинившихся (независимо от пола и возраста) жестоко пороли. Строгая система телесных наказаний, созданная Аракчеевым, дополнялась «нравственным» наказанием. Провинившийся должен был писать графу покаянное письмо с обещанием исправиться.

Интересно, что сам Аракчеев вовсе не был образцом добродетели. У него были любовницы. Однако, по словам историков, даже его любовные похождения выглядели скучно и буднично. С 1800 года постоянной сожительницей графа стала Настасья Минкина – жестокая и мстительная женщина, чье представление о порядке во многом совпадало с представлением ее любовника. Более того, он сам боялся ее и исполнял любые повеления своей госпожи. Годами копившееся против нее раздражение в конце концов переполнило чашу терпения доведенных до отчаяния крестьян. 10 сентября 1825 года дворовые убили ее. Аракчеев в бешенстве прискакал в Грузино и с неистовой жестокостью расправился с «виновными». Гибель любовницы произвела на Аракчеева настолько сильное впечатление, что он впервые в жизни совершил крупную ошибку. Шервуд, доносчик по делу о заговоре тайных обществ, писал, что курьер, который должен был получить от него важные сведения для представления их Аракчееву, опоздал на несколько дней потому, что граф «был как помешанный». Хорошо информированные современники считали, что если бы Аракчеев вовремя осуществил расследование, то «никогда бы возмущения гвардии 14 декабря на Исаакиевской площади не случилось – затеявшие бунт были бы заблаговременно арестованы». До самой смерти Александра I (19 ноября 1825 года) Аракчеев не возвращался к делам, ссылаясь на «тяжкое расстройство здоровья».

Смерть царственного покровителя стала для Аракчеева еще одним страшным ударом. Попытка вернуть себе прежнее положение при дворе окончилась полным провалом из-за его бестактности. 12 декабря 1825 года великий князь Николай Павлович, готовый уже вступить на престол, писал Дибичу: «Третьего дня видел в первый раз графа Аракчеева. Он мне

упомянул об этом деле (о заговоре), не зная, на чем оно остановилось, и говоря про оное, потому что полагает его весьма важным. Я тогда же сообщил об этом Милорадовичу, который хотел видеться с Аракчеевым; но как граф принял за правило никого у себя и нигде не видеть, даже и по службе, то и не пустил к себе Милорадовича, хотя он и велел сказать, что он от меня». 20 декабря 1825 года последовало возмездие. Аракчеева отстранили от заведования делами Комитета министров. Он сохранил только звание члена Государственного совета и отправился за границу.

Во время путешествия за границей Аракчеев совершил еще один не вполне этичный поступок: издал подборку обращенных к нему писем Александра I. После возвращения в Россию он почти безвыездно жил в Грузино, которое стало настоящим мемориалом его «благодетеля». В память об Александре его бывший фаворит соорудил перед церковью бронзовый памятник, заказал за границей часы с бюстом покойного императора. Эти часы раз в день, в 11 часов дня (время, когда Александр скончался), исполняли музыку – молитву «Со святыми упокой».

21 апреля 1834 года Аракчеев умер и был похоронен в церкви Грузино. За год до смерти он внес в государственный заемный банк 50 тысяч рублей ассигнациями, чтобы эта сумма оставалась в банке 93 года со всеми процентами: 3/4 из этого капитала предназначались тому, кто напишет к 1925 году на русском языке лучшую историю царствования императора Александра I. Оставшаяся четверть капитала должна была пойти на издание этого труда, вторую премию и оплату двум переводчикам (Аракчеев хотел, чтобы труд был переведен на французский и немецкий языки). 300 тысяч рублей Аракчеев пожертвовал Новгородскому корпусу для воспитания бедных дворян Новгородской и Тверской губерний на проценты с этого капитала. Село Грузино также перешло к Новгородскому корпусу (получившему тогда название Аракчеевского), поскольку детей-наследников у Аракчеева не было.

О личности Аракчеева и его влиянии на политику России написано немало. Большинство считает его временщиком, повторяя строки пушкинской эпиграммы «Всей России притеснитель…». Некоторые историки стремятся представить его как человека пусть и не всегда приятного, но талантливого, другие – как психически нездорового. Как бы то ни было, его склонность к установлению порядка любой ценой трудно считать чем-то естественным. Впрочем, если и можно назвать эту черту чудачеством, то чудачеством особого рода, сродни мании или помешательству. Хотя сам Аракчеев был о себе совершенно иного мнения: «В жизни моей я руководствовался всегда одними

правилами – никогда не рассуждал по службе и исполнял приказания буквально, посвящая все время и силы мои службе царской. Знаю, что меня многие не любят, потому что я крут, да что делать? Таким меня Бог создал! Утешаюсь мыслью, что я был полезен».

БАРТЕНЕВ АНДРЕЙ

(род. в 1969 г.)

Кто-то сказал, что все художники в душе – немного чудаки. Если согласиться с этим мнением, то Андрей Бартенев – чудак в квадрате. Он – талантливый художник, график, дизайнер, модельер, автор ряда известных скульптурных перформансов, таких как «Ботанический Балет», «Снежная королева», «Минеральная вода», «Королевская семья возвращается» и других. Его творческую манеру, пожалуй, лучше всего характеризует цитата из британской газеты "Time Out": «Бартенев, очевидно, никогда не терял глаз ребенка».

Современное искусство настолько избаловало зрителей и слушателей нетрадиционным подходом к отображению реальности, что удивить их чем-либо – настоящий подвиг. Если в прошлом веке основу искусства составляли идеи, философские концепции, то XXI век вывел на первый план эмоциональные переживания, сиюминутные впечатления и абсурд во всей его красе. «Это не ново!» – поморщатся знатоки истории культуры. Действительно, подобный всплеск протеста против сложившихся

форм уже наблюдался – взять хотя бы русский авангардный театр 20-х годов XX столетия. А постмодернизм, представителем которого считает себя Бартенев, как раз и является логическим продолжением авангардизма.

Андрей Бартенев – человек, жизненным кредо которого является постоянный поиск, стремление удивлять и удивляться. Он охотно делится своим видением мира: «Мне близко не пассивное, а активное проживание жизни. В ходе постоянного внутреннего эксперимента происходят неожиданные вещи – столько всего фантазируется и эмоционируется. Складывается ощущение, что находишься внутри огромного водяного, летящего вверх потока. Он проходит через тебя, а ты успеваешь фиксировать лишь малую его часть. Когда мне кажется, что мои силы и идеи иссякают, это обманчивое впечатление. Когда я продолжаю опыт, надеясь повторить его в новом качестве, он всегда повторяется иначе – в новом качестве эмоции. Этот поток, летящий вверх (а не падающий вниз мертвым грузом), поражает своей нескончаемостью».

Несмотря на то что завсегдатаи московской художественной тусовки не представляют без Андрея ни одного по-настоящему увлекательного мероприятия, о нем самом известно не так уж много. Скупые факты биографии: родился в 1969 году в Норильске, окончил Краснодарский художественный институт, затем перебрался в российскую столицу. С 1996 года член Московского Союза художников – вот, пожалуй, и вся «анкетная» информация. Все остальное – искусство на стыке жанров.

Бартенев – представитель «новых оптимистов», людей, которые придерживаются весьма неординарных взглядов на жизнь. Отталкиваясь от мысли, что человек должен быть самим собой, они заявляют: «Уничтожить “надо”! Вычеркни из своей жизни людей, обслуживающих это “надо”! Делай, что хочешь! И ты найдешь свой путь!» Можно долго дискутировать на тему, что будет, если этот принцип станет всеобщим, но он великолепно подходит творческим личностям. Ведь создать что-то гениальное, слепо следуя канонам, попросту невозможно. Вопрос преемственности – поколений ли, направлений в искусстве – не относится к разряду ключевых. По крайней мере, для Андрея. В кодексе от Андрея Бартенева четко написано: «Считаю, что важнее быть самим собой, чем чьим-то потомком. Хотя предков своих знаю и помню. Все страдали на службе Отечеству. У них на лбу было написано: «Умрем за Отечество». Но на моем лбу ничего не написано. Я не на службе, я уже третье поколение, изменяющее этому принципу. Я работаю над собой и сам себе благодарен».

В начале 90-х годов слово «перформанс» считалось своего рода пропуском в особый мир, доступный лишь избранным. Позднее оно прочно вошло вначале в обиход журналистов, затем – в словари. Перформанс (*англ.* performance, букв. – представление) – вид художественного творчества, объединяющий возможности изобразительного искусства и театра. Предметом его может стать все, что угодно – вплоть до надевания тапочек, а главным действующим лицом является сам художник (он же – режиссер действа) или нанятые статисты, представляющие публике живые композиции, построенные на символических жестах, позах и атрибутике. Огромное значение имеет название того или иного действа. Среди шедевров Андрея Бартенева – «Ботанический Балет», «Нижнее белье для Африки», «Если мой рот был бы 1 метр 60 см ширины и 1 метр 40 см высоты», «Лестница Красных», «Вторжение крошек хлеба», «Падающие люди»… Не менее экстравагантны и его «статические» работы – «Девочка с двумя фейерверками», «Автопортрет в свадебном наряде райской птицы», «Монпансье в зоопарке», «Спокойствие двух клоунесс» (эта работа была продана на аукционе Сотби в частную коллекцию в Торонто), «Я фей, я – фей прекрасный»… Приверженцы реализма при виде его костюмов, скульптур, коллажей и перформансов впадают в кому, любители авангарда – испытывают чувство, граничащее с буддийским просветлением. Кстати, далеко не случайно. Андрей достаточно серьезно относится к покровительству высших сил: «Был такой вопрос с моей стороны, я спрашивал, как же можно так жить: придумываешь монументальные, глобальные вещи, и они не материализуются. И когда я в какой-то определенный момент своей жизни задавал очень часто такой вопрос, мне пришел такой сон: привокзальный буфет, там сидят люди, и все люди мне говорят: «Он появляется там». Потом – оп, меняется время, я опять в этом ресторане, поезд меня по-прежнему ждет, и тут я вижу старца. Мне говорят, это он. Я спрашиваю, за какие же грехи я все еще тут. И он мне говорит: “Делай что можешь”».

Сложно описать действо, ориентированное на непосредственное эмоциональное восприятие, но некоторое представление о работах Бартенева дает описание его перформанса «Нашествие хлебных крошек». И все же попробуем. На сконструированный подиум по очереди выходили обмотанные в фольгу с головы до ног люди, к ногам и рукам которых было прикреплено по несколько батонов (всего было использовано 168 штук!). Немного покрасовавшись, они рухнули на сцену и беспомощно трепыхали конечностями, видимо изображая агонию. Потом шли девушки в купальниках, с лицами, обезображенными

скотчем, а вместо головного убора их головы украшали гигантские уши. Красавицы-чебурашки носились по сцене с картонками в зубах, где значилось «Я его крошка!». Им на смену выходили мужчины в костюмах желтых волков с надписью «Она моя крошка». И так долго-долго. Через некоторое время на сцену вышел сам Бартенев и, не теряя времени даром, устроил свадебное обсыпание рисом всех присутствующих, а также благополучно облил водой все близстоящие объективы камер. Киевская публика осталась довольна и долго не расходилась даже после конца шоу. Странно? Эпатажно? Бесспорно. Но чрезвычайно притягательно – не случайно перформансы московского скульптора-постмодерниста – Андрей настаивает именно на этом определении своей профессии – пользуются таким успехом на Западе.

Невозможно удержаться от соблазна привести фрагмент из его работы с интригующим названием «Прыжок женщины быть мужчиной». Не то чтобы он отличался необыкновенной глубиной смысла или особой остротой юмора – просто знакомство с этим текстом позволяет заглянуть в зазеркалье постмодернизма. Итак, прыгала женщина, прыгала и в одном прыжке проснулась мужчиной. Если скорость прыжков увеличивается до скорости света, то женщина превращается в мужчину. По мере увеличения скорости прыжков сначала отпадают груди, затем из женских органов начинают формироваться мужские, волосы меняют направление роста и с головы уходят в нос, уши, подбородок, на грудь, спину, руки и пятки. Транссексуальная диффузия с использованием прыжков со скоростью света проходит под кодом: “ДОПРЫГАЛАСЬ”». Как говорится, комментарии излишни. Единственный совет – не пытайтесь найти во всем этом логику. Ее нет – именно так и было задумано.

Звуковая скульптура «Скажи: “Я тебя люблю!”» – проект совершенно другого рода. Он необыкновенно лиричен. Объясняя свой замысел, Андрей Бартенев создал целое стихотворение в прозе: «Ты можешь услышать звук, похожий на смех, на грусть, на восторг, временами похожий на стон. Звук то сверкает прозрачностью воды, то шепотом ночи, то звоном рассвета, то шелестом облаков. Ты не можешь понять, почему этот звук так нравится, не можешь разобрать до конца всех его оттенков и граней. И все окажется очень просто: это любимый голос для тебя произносит: “Я тебя люблю”. Все любящие могут прийти и сказать – все любимые могут прийти и услышать». Необходимый эффект достигается с использованием сложной системы разнонаправленных динамиков, при помощи которых и создается звуковая скульптура – летящий корабль любви.

Одну из последних находок Андрея Бартенева под названием «Падающая скульптура» каждый может воспроизвести самостоятельно. Нужно только взять какой-нибудь предмет и уронить его. Вполне подойдет бутылка минеральной воды. Пока она не коснулась пола – это падающая скульптура. А название можете придумать сами. Демонстрируя новый жанр журналистам, Бартенев прокомментировал: «Вы можете показывать «скульптуру» своим друзьям, подругам. Уверяю, это очень весело! Есть еще и самовозводящаяся скульптура, но ее намного сложнее делать технически. Хотя, если наступить на грабли, к примеру, это и будет примером такого нового жанра».

Первые публикации, посвященные творчеству Бартенева, появились в начале 90-х годов прошлого века, и с тех пор западные журналы нередко помещали статьи о знаменитом московском чудаке, на весь мир заявившем о своей приверженности «ненужному искусству» – в противовес коммерческому. Его путь к успеху начался с того, что Андрей попросту перестал обращать внимание на сложившиеся в обществе стереотипы и правила. Он ходил по улицам в скафандрах и прочих громоздких конструкциях, с игрушечным жирафом под мышкой и в инопланетном шлеме на голове, мог запросто явиться на встречу с журналистами в женском костюме в розовую клеточку от японского дизайнера Ватанабэ, украшенном мигающей гирляндой-брошью китайского производства, или отпраздновать свой день рождения в костюме невесты… Это было не столько игрой на публику, сколько средством самовыражения, иначе Бартенев остался бы, в лучшем случае, живой московской достопримечательностью, не более того. За откровенно провокационным «фасадом» стояло стремление изменить мир, сделать его более радостным и прекрасным. И мир откликнулся – к художнику пришел настоящий успех. Перечисление работ Бартенева заняло бы несколько страниц, ведь одним из основополагающих принципов его творчества является «быстро жить и быстро делать ради счастья, мира и красоты». Поэтому мы лишь слегка коснемся основных вех на творческом пути Андрея.

Его звездный час настал в 1992 году, когда «Ботанический Балет» буквально потряс Ассамблею неукрощенной моды в Юрмале и с огромным успехом демонстрировался в Европе и США в последующие годы. Черно-белая коллекция костюмов из папье-маше для этого перформанса до сих пор считается одной из самых удачных работ Бартенева и дает повод добавить к числу его профессий еще одну – модельер, хотя Андрей относится к подобным попыткам отрицательно: «Искусство для меня – это единый поток, и мне все равно, в какие формы он выливается».

Кстати, в 2000 году «Ботанический Балет» был запечатлен на пленку, став первым в карьере Бартенева документальным фильмом. В 1993 году перформанс «Снежная королева» стал заметным событием легендарной выставки «Арт-Миф» и телевизионной программы «Матадор».

Затем последовал целый ряд интересных проектов: «Спящая красавица» (1995), «Нижнее белье для Африки» (1997), «Фестиваль Мамонта» (Минск, Белоруссия, 1998)… В 1999 году Андрей стал призером фестиваля Декаданса в Санкт-Петербурге. «Между делом» Бартенев отметился и на других мероприятиях. Например, в 1995 году он принял участие в лондонском нетрадиционном конкурсе «Альтернативная Мисс Мира» (по условиям конкурса, в нем могут принимать участие все, включая роботов, собак и даже… мужчин).

Лето и осень 2002 года Андрей Бартенев провел в Америке и Англии, активно работая над созданием новых проектов. 27 июля в Центре искусств Роберта Вилсона “Water Mill” под Нью-Йорком он представил публике перформанс «Лестница Красных», в котором участвовали 35 человек. Фотографии перформанса были опубликованы в газете “New York Times”. В том же 2002 году художник стал лауреатом молодежной премии «Триумф».

На выставке-ярмарке «Арт-Москва-2004» Бартенев вновь заявил о себе. Представив инсталляцию «Снег в Лондоне», художник оказался, что называется, вне конкуренции. Интерактивное шоу с использованием высоких технологий, видео, музыки, световой партитуры могло бы украсить экспозицию самых престижных мировых артфорумов. После «Снега в Лондоне» поклонники Бартенева заговорили о новом этапе в его творчестве, отмеченном сочетанием мягкого юмора, тонкой интеллектуальной игры и рафинированной визуальной культуры.

График Бартенева расписан на два года вперед. Он является одним из самых востребованных современных художников. Об этом наглядно свидетельствует хотя бы перечень зарубежных телеканалов, демонстрирующих его работы: ZDF, SWR (Германия), BBC «Синий Петер», MTV, Super Channel (Великобритания), NZZ Format (Швейцария), NHK (Япония), MCM (Франция). Тем не менее, Андрей, в отличие от многих своих коллег, страдающих звездной болезнью, относится к успеху с юмором и не делает различия между именитыми заграничными нанимателями и своими соотечественниками – ведь искусство принадлежит всем…

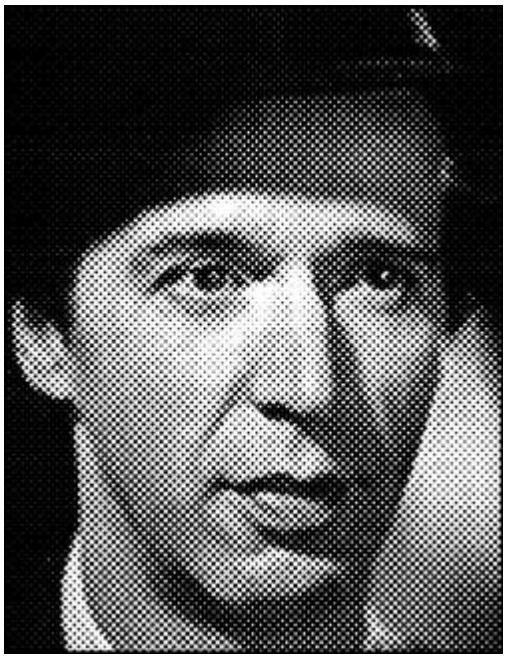
В те времена, когда основополагающим направлением в отечественном искусстве был соцреализм, считалось, что авангардисты – люди, не обремененные излишними знаниями и

далекие от классической, рафинированной культуры. Со временем стало ясно, что это не так. Если говорить о Бартеневе, то круг его интересов чрезвычайно широк. Своим учителем он считает художника Пауля Клее. Восхищается Пикассо, Гауди, эпохой австрийского модерна и Микеланджело. Музыку предпочитает, как ни странно, не авангардную, а классическую – Перселл, Моцарт, Бах, Бетховен, Верди, Прокофьев, Чайковский, Шуман. Увлекается хореографией Мориса Бежара и Пины Буш, американскими труппами, работающими в стиле модерн. А вот к кино и литературе у него двойственное отношение. С одной стороны, он любит картины Сокурова, Параджанова, Гринуэя, Феллини, Антониони и Висконти, а самым сильным киновпечатлением называет «Цветок 1001 ночи» Пазолини. С другой – может с удовольствием смотреть примитивные комедии («чем тупее, тем лучше»). Кстати, за день Андрей может посмотреть до восьми фильмов – один за другим. Такая же ситуация и с литературой: Бартенев любит поэзию Мандельштама, Цветаевой, Ахматовой, Пастернака, но вместе с тем зачитывается современной фантастикой, которую многие интеллигенты считают едва ли достойной внимания.

Творчество Андрея Бартенева не рассчитано на создание монументальных проектов, которые останутся на века. По его собственному признанию, в двадцать лет ему хотелось, чтобы люди, проходя по Москве через сто лет, говорили: «Это сделал Андрей Бартенев!». Но после тридцати он открыл для себя простую истину: «жизнь так коротка, что ее надо максимально эмоционально прожить. И вот в срок, который для меня остался, мне хочется, чтобы я вместил туда 5, 7, 8 своих любопытств».

БЕНИНЬИ РОБЕРТО

(род. в 1952 г.)

Итальянский режиссер, актер, лауреат премии «Человек мира», двух «Оскаров» и многих других кинематографических наград. Снимался в фильмах: «Берлингуэр, я тебя люблю» (1977), «Воспетые дни» (1978), «Прошу убежища» (1979), «Луна» (1979), «Похлебка» (1980), «Весь Бениньи» (1985), «Остается лишь плакать» (1986), «Голос луны» (1990), «Ночь на земле» (1991), «Сын розовой пантеры» (1993) и др. Режиссер-постановщик и исполнитель главных ролей в своих фильмах: «Ты меня смущаешь» (1983), «Маленький дьявол» (1988), «Джонни Зубочистка» (1991), «Чудовище» (1994), «Жизнь прекрасна» (1998, 40 международных кинематографических премий и призов, в том числе – три премии «Оскар»), «Пиноккио» (2000) и др.

Когда на Каннском фестивале за фильм «Жизнь прекрасна» синьору Бениньи присудили «Гран-при», он поразил собравшихся, облобызав ботинки Мартина Скорсезе, который вручал приз. «Как же я мог поступить иначе! – говорил потом господин Роберто. – Ведь Скорсезе – не человек, он гость из высшего мира. Мы

должны благодарить Бога за каждую минуту, которую он провел с нами». Затем, в том же страстном порыве, режиссер принялся целовать всех членов жюри: Вайнону Райдер, Сигурни Уивер и других голливудских красавиц. В зале поднялся веселый шум. Находившаяся среди почетных гостей Софи Лорен покачала головой и воскликнула: «Что же будет делать этот чудак, если ему дадут “Оскара”?»

Экспансивному и темпераментному итальянскому киномэтру вскоре присудили две высшие награды Академии киноискусства США: как режиссеру – за лучший иностранный фильм и как актеру – за лучшее исполнение мужской роли. (Третий «Оскар» кинолента «Жизнь прекрасна» получила за лучшую музыку, композитора Николо Пьовани).

Как и предполагала Софи Лорен, на церемонии вручения этой премии чудаковатый Бениньи тоже отличился. Услышав о том, что его удостоили «Оскара», 47-летний Роберто вскочил со своего места в зале и помчался на сцену… по спинкам кресел. Случайно наступив на голову Стивену Спилбергу, он оступился и рухнул на колени одной из светских дам. Извинившись и расцеловав ее в обе щеки, чудак прыгнул в проход между рядами, сделал сальто-мортале и запрыгнул на сцену.

Синьор Бениньи с детства отличался комическими выходками. Он родился 27 октября 1952 года в итальянской деревушке Мизерикордия в Тоскане. Отец мальчика, Луиджи Бениньи, долгие годы скитался по Италии в поисках заработка (семейство Бениньи не имело даже жилья). Во время правления Муссолини он попал в концлагерь (шла Вторая мировая война, и всех безработных и бродяг частенько обвиняли в шпионаже). Домой Луиджи вернулся инвалидом, весил всего 36 кг, но чудесным образом сохранил чувство юмора и оптимизм. Несмотря на то что по ночам его мучили кошмары, днем он был весел и жизнерадостен, рассказывал своим детям о жизни в заключении. Но чтобы не пугать их, отец выбирал те эпизоды, о которых можно было поведать смешно. Маленький Роберто, так же как и его сестры Бруна, Альбертина и Анна, до слез хохотал над отцовскими «байками», не понимая, что за ними скрывалось.

Роберто был болезненным и щуплым, но очень живым и сообразительным ребенком. Священник, преподававший в местной школе, считал его очень способным и устроил мальчика в школу иезуитов во Флоренции. Это было счастьем и большой честью для бедной семьи. Родители радовались, что сын получит хорошее образование и церковный сан, а значит, не будет жить в нужде.

Но Роберто не нравилось целыми днями сидеть за партой и

зубрить молитвы. Когда в городе случилось наводнение и школьное здание было повреждено, он воспользовался благоприятным моментом и удрал через пролом в стене. Немного поскитавшись по Италии, несостоявшийся священник набрел на бродячий цирк. Там 12-летнего Роберто впервые приобщили к искусству: он стал ассистентом иллюзиониста. Как вспоминал позже Бениньи, «…это было счастливейшее время моей жизни. Когда живешь среди говорящих лошадей и ученых собак, поневоле начинаешь верить в чудеса». Роберто решил стать клоуном – это больше подходило для его чудаковатой натуры, чем должность священнослужителя. Но увидев, сколько нужно трудиться, чтобы достигнуть настоящего мастерства, подросток отказался от мечты стать «принцем цирка». Вскоре он покинул бродячую труппу и отправился в родную деревню.

Родители настаивали на возвращении сына во флорентийскую школу иезуитов, но он не желал там учиться. Роберто решил заняться стихосложением. Восемь лет он зарабатывал на жизнь своими остроумными стишками-экспромтами. Юноша читал их, взобравшись на какое-нибудь возвышение – будь то бочка из-под вина, сельский забор или плоская крыша крестьянского домика.

Уже тогда проявилась его неординарность. Юный поэт часто потешал публику, вырядившись по-клоунски и читая свои забавные куплеты, стоя на руках, а потом проделывая акробатические трюки. И односельчане, и жители окрестных деревень обожали своего артиста, но Роберто мечтал о настоящей славе и поэтому отправился в Рим.

В столице он поступил в Театр сатиры. Артисты труппы смотрели на неотесанного сельского парня свысока. Бениньи понял, что нужно заняться самообразованием и засел за книги. Дни он проводил на репетициях, а ночами изучал мировую литературу, драматургию, историю искусства, философию. Спустя год Роберто стал эрудированным человеком, но продолжал заниматься самообразованием.

В труппе театра он прослыл любителем отколоть какой-нибудь веселый номер, разыграть коллег, но все признавали его талант.

Известность к Бениньи пришла после того, как он начал выступать на сцене с забавными монологами. Затем на телевидении вызвала скандал его программа «Свободная стихия». В театре успехом пользовалась написанная им с Джузеппе Бертолуччи пьеса в монологах «Чони Марио был Гаспаре ди Джулия».

Кинорежиссеры заметили неординарного актера и стали

приглашать его сниматься в своих картинах. Дебютировал Роберто в фильме «Берлингуэр, я тебя люблю» (1977) Джузеппе Бертолуччи, где сыграл главную роль люмпена. Фильм был снят по мотивам их совместной пьесы. Потом были разножанровые роли в фильмах «Воспетые дни» Паоло Пьетранджели, «Прошу убежища» Марко Феррери, «Безумные постели» Луиджи Дзампы, «Луна» Бернардо Бертолуччи, «Похлебка» Сердио Четти. Почти в каждой роли Роберто старался выйти за рамки режиссерских наставлений и сделать что-нибудь неординарное.

В 1983 году Бениньи, уже прослывший чудаком, выступил как оригинальный постановщик и исполнитель главной роли в фильме «Ты меня смущаешь». Он сотрудничал с Четти в картине «Минестроне», с Джузеппе Бертолуччи («Весь Бениньи»), с Джимом Джармушем («Даунбайло»). В 1988 году в фильме «Маленький дьявол» Роберто создал свой особый, юмористический мир: магический и парадоксальный, сюрреалистичный и фантастический.

Вместе с Массимо Троизи режиссер поставил костюмно-историческую комедию «Остается лишь плакать», в которой они исполнили роли учителя и сторожа начальной школы, волею судьбы перенесенных в XV столетия и ставших современниками Леонардо да Винчи и Христофора Колумба.

Огромный успех имела комедия «Джонни Зубочистка», сценарий к которой Бениньи написал совместно с Винченцо Черами. Кинолента «Чудовище» закрепила успех Роберто у зрителей 1990-х годов, ее прокат принес доход в 40 млрд лир.

Иногда перед премьерой своего фильма режиссер появлялся на сцене, выкатываясь из-за кулис «колесом» (этому он научился еще в бродячей цирковой труппе). Впоследствии публика уже жила в предвкушении очередного «фокуса» чудаковатого Бениньи и встречала его появление бурными аплодисментами.

Мировой триумф режиссеру принесла полная комедийных приключений и юмора кинолента «Жизнь прекрасна», которую он снял по собственному сценарию и где сыграл главную роль. (Тут пригодились веселые истории, услышанные режиссером в детстве от отца – бывшего узника фашистского концлагеря.) Комическое и трагическое в жизни сосуществуют рядом, грань между ними зачастую призрачна, – такая мысль лейтмотивом проходит через весь фильм. И в то же время в подтексте картины остается ощущение беды и страданий, бесчеловечности тоталитарной фашистской системы.

В начале картины бедный и веселый итальянский юноша Гвидо (Роберто Бениньи) крутит любовь с «девушкой из высшего общества» Дорой, роль которой исполняет жена Бениньи

Николетта Браски. Будущие супруги встретились в 1983 году, и с тех пор Роберто снимал ее в каждом своем фильме. И всякий раз Николетте доставалась роль женщины, в которую влюбляется герой Бениньи. На белом коне Гвидо похищает Дору прямо со светского бала. Влюбленные женятся, потом на свет появляется их сын Джошуа (Джорджио Кантарини). Счастливая семья живет в любви и согласии, содержит книжную лавку. Во время Второй мировой войны мужа и сына депортируют в немецкий концлагерь. О Доре похлопотали ее богатые родственники, чтобы она не попала в неволю. Но женщина отправляется туда добровольно. Она идет вслед за угнанными мужем и сыном, чтобы быть рядом с ними в трагические минуты и вместе бороться за жизнь.

Гвидо ради спасения сына придумывает игру: он говорит пятилетнему Джошуа, что они попали не на «фабрику смерти» и что не газовая камера ожидает их. Они участвуют в увлекательном соревновании, это игра взрослых и детей, где главный приз – танк, о котором все время мечтал мальчуган. И отец объясняет три главных правила: чтобы выиграть игрушку, сыну надо не плакать, не жаловаться на голод и не проситься к маме. А еще – прятаться от плохих дядей. Игра началась!

В финале фильма вместо игрушечного танка, обещанного папой, на экране появляется настоящий танк освободителей. Правда, неунывающий Гвидо его уже не увидел – он спас сына ценой своей жизни.

Неординарный режиссер ставит перед публикой дилемму: смеяться или плакать? Картина рождает совершенно новый взгляд: на убийство, на уродство человеческой души, на уныние и унижение.

Сняв фильм «Жизнь прекрасна», синьор Бениньи стал всеобщим любимцем. В Италии после получения «Оскара» его встречали как национального героя, и несколько дней люди пели и плясали.

«Моя судьба была запрограммирована еще в детстве, – рассказал как-то журналистам синьор Бениньи. – Однажды ночью во сне мне явилась белая лошадь и нежно позвала меня: «Оскар!» Я проснулся и удивленно сказал: «Но ведь я не Оскар, меня зовут Роберто!» Однако через несколько дней лошадь приснилась мне вновь и все повторяла: «Оскар! Оскар!» Теперь я понимаю, что сон был вещим и сбылся спустя десятилетия».

Картина «Жизнь прекрасна» в первый же уик-энд собрала в Италии 2,7 млн долларов, а в итоге стала самой кассовой за всю историю страны итальянской лентой. Папа Римский Иоанн Павел II так высоко оценил фильм, что организовал в Ватикане

специальный просмотр для кардиналов. После него он пожелал лично увидеть знаменитого режиссера. Синьор Бениньи и тут «отличился»: при встрече вместо того чтобы поцеловать кольцо на руке главы католической церкви, как того требовала традиция, расцеловал его в обе щеки, назвав при этом «папочкой». Кардиналы были шокированы такой фамильярностью, а Папа Иоанн Павел II расхохотался и увел знаменитого режиссера в другую комнату, где беседовал с ним тет-а-тет целых три часа – в три раза дольше, чем с президентом США Биллом Клинтоном!

Как показал в то время опрос общественного мнения, около трети итальянок считали чудака-режиссера «идеальным партнером для романтического путешествия». И это несмотря на его хилое телосложение, длинный нос и привычку шутить в самых неподходящих местах. В то же время о путешествии с красавчиком Леонардо Ди Каприо мечтали всего лишь 20 процентов жительниц Апеннин. Да и те утверждали, что не выбрали синьора Бениньи лишь потому, что он однолюб и никогда не изменяет своей жене – актрисе Николетте Браски.

Кстати, Роберто даже со своей супругой путешествует нечасто. Он живет с ней в Риме, в роскошной многокомнатной квартире. И только время от времени чета приезжает в родную деревню Бениньи – Мизерикордию. Там живут его родители и сестры. Отец и мать на пенсии, Анна учительствует в местной школе, Альбертина заведует цветочным магазином, а Бруна работает на ткацкой фабрике. Родственники, в отличие от Роберто, ни в каких чудачествах замечены не были.

Недоброжелатели утверждали, что когда синьор Бениньи бежал по спинкам кресел на сцену за «Оскаром», то вовсе не случайно наступил на голову Стивену Спилбергу. Прославленный автор киноленты «Список Шиндлера» остался недоволен фильмом коллеги «Жизнь прекрасна» и демонстративно ушел с просмотра со словами: «Этот балаган – вопиющее издевательство над жертвами Холокоста!» Роберто пытался объяснить: «Да нет же, просто на трагедию я смотрю глазами комедианта… А название – это же цитата из дневника Льва Давидовича Троцкого. Последняя запись, сделанная им за несколько часов до того, как агент НКВД ударил эмигранта ледорубом по голове, гласила: “Жизнь прекрасна!”»

Его следующий нашумевший фильм – это «Пиноккио», снятый по мотивам книги «Приключения Пиноккио» Карло Коллоди. (Всем читателям знаком русский вариант этой сказки «Приключения Буратино»…) В этой работе синьор Бениньи снова выступил в качестве режиссера-постановщика и исполнителя главной роли – Пиноккио.

Сам режиссер остался верен себе и потешался над своим чересчур стройным телосложением, граничащим с дистрофией, и длинным носом. Он говорил, что его нос в фильме удлинять почти не пришлось. Его обаятельная жена Николетта сыграла Мальвину – девочку с голубыми волосами.

«Пиноккио» побил все рейтинги посещаемости в Италии. Он демонстрировался в 940 кинозалах (всего в этой стране около трех тысяч кинотеатров). Фильм, считающийся самой дорогостоящей итальянской картиной за всю историю (его бюджет – 45 млн долларов), установил рекорд первого уик-энда в Италии, собрав 9,1 млн долларов. Прежнее лучшее достижение принадлежало «Властелину колец» (7,6 млн долларов), который показывали в 702 кинозалах.

В то же время критики отнеслись к новой работе режиссера более чем прохладно и назвали «Пиноккио» «скучным и лишенным фантазии фильмом». Несмотря на это, итальянцы объявили картину кандидатом на престижную премию Академии киноискусства США в номинации «Лучший иностранный фильм».

«Естественно, я надеялся, что именно мою картину Италия выберет в качестве претендента на “Оскар”», – заявлял в интервью режиссер. «Это прекрасно. Когда приходят призы и подарки, я наслаждаюсь этим, купаюсь в них», – шутил синьор Бениньи. На этот раз чудак-режиссер, в случае получения им главного приза Академии киноискусства США, обещал расцеловать не только жюри, но и каждого, кто будет присутствовать на церемонии.

Премию «Оскар» фильму «Пиноккио» не присудили, поэтому обещанные поцелуи публика не получила.

19 октября 2002 года в Риме под эгидой фонда Михаила Горбачева проходил саммит лауреатов Нобелевской премии мира. На этом форуме бывший президент Советского Союза вручил синьору Бениньи премию «Человек мира». Вот вам и чудак!

Итальянский мэтр планирует снять комедию «Тигр и снег» о войне в Ираке. Действие киноленты будет происходить в марте 2003 года, незадолго до начала и во время военной операции США. Сам синьор Бениньи сыграет роль поэта, который волею случая оказался в центре военных действий.

Что на этот раз «выкинет» режиссер в случае победы его картины на каком-нибудь кинофестивале?

БИСМАРК ОТТО ФОН ШЁНХАУЗЕН

(род. в 1815 г. – ум. в 1898 г.)

Один из самых известных политиков XIX столетия. В историю Европы вошел как создатель объединенной Германии, ее первый рейхсканцлер, один из вдохновителей Тройственного союза 1882 года, направленного против Франции и России. А еще с его именем связано множество исторических анекдотов, рисующих Бисмарка как человека эксцентричного, своенравного, склонного к пренебрежению общепринятыми нормами поведения и авантюризму.

Отто Эдуард Леопольд фон Шёнхаузен Бисмарк родился 1 апреля 1815 года в родовом имении Шёнхаузен. Именно в этот период действовал знаменитый Венский конгресс, определивший судьбы европейских стран после эпохи наполеоновских войн. Его результаты разочаровали немцев. Германия по-прежнему осталась раздробленной. Немецкие земли объединял лишь так называемый Германский союз, в который входили 37 монархий и 4 вольных города.

Отец будущего объединителя Германии, Фридрих фон

Бисмарк, принадлежал к старинному дворянскому роду, который был известен уже в XII веке. Он был крупным землевладельцем и относился к так называемому прусскому юнкерству – сословию, возникшему в XVI столетии на основе рыцарского дворянства Восточной Пруссии. Фридрих фон Бисмарк был человеком заурядным. В молодости он стал военным, но дослужился только до чина ротмистра. Оставив службу, он осел в своем имении, где вел типичный для юнкерства образ жизни. Весь его кругозор ограничивался делами имения, а развлечения заключались в пирушках, верховой езде и охоте. Напротив, мать Отто, в девичестве Вильгельмина Менкен, хотя и не имела дворянского звания, зато получила прекрасное образование и отличалась изысканными манерами. Ее отец много лет занимал пост кабинет-секретаря в королевском дворце и даже написал несколько публицистических работ.

Вильгельмина очень любила сына. Ей он был обязан знанием иностранных языков и умением вести себя в обществе. Однако, по крайней мере в первую половину жизни, Бисмарк-младший не слишком утруждал себя использованием этих несомненных достоинств.

Мать хотела, чтобы сын стал государственным чиновником, поэтому определила его в берлинскую школу Пламана, где преподавание велось по методике Песталоцци. Увы, учиться маленький Отто не желал. Он чувствовал себя счастливым только на каникулах в родном имении, где мог вволю поохотиться. Успехи Отто были так незначительны, что для того чтобы определить его в университет, пришлось нанять репетитора. Кое-как сдав экзамены в знаменитый Геттингенский университет, Отто продолжил свое обучение. Затем из-за многочисленных пропусков занятий он вынужден был перевестись в Берлинский университет.

В это время и проявился буйный характер будущего канцлера. Профессора не часто видели нерадивого студента на лекциях. А когда кто-нибудь из них осмеливался поставить буйному отпрыску старинного юнкерского рода неудовлетворительную отметку, тот бил профессорам окна. Однако делал это весьма своеобразным способом – леденцами или пряниками, из уважения к их дочерям. Повсюду юношу сопровождал огромный дог Ариэль, внушавший всем страх. В университетский суд, куда Отто частенько вызывали, он являлся с трубкой в зубах, халате и ермолке. За 18 месяцев пребывания в университете юноша 28 раз дрался на дуэли, но ранен был всего один раз – после сильного удара сломавшееся острие шпаги оцарапало дуэлянту щеку. Перепить Бисмарк мог кого угодно.

Когда его товарищи буквально валились под стол, Отто невозмутимо продолжал осушать один бокал за другим, совершенно не пьянея. Уже в студенческие годы будущий канцлер прославился шокирующими заявлениями. К числу наиболее известных относится следующее: Отто сказал одному из приятелей, что станет либо величайшим негодяем, либо первым человеком в Пруссии.

Известно, что с юных лет Бисмарк отличался патриотизмом. Однажды американский студент Кофин неуважительно, по мнению Бисмарка, отозвался о немцах. Завязалась драка, но потом противники помирились и отправились в ближайшую пивную. За кружками пива они заспорили о будущем Германии. Кофин утверждал, что немцы никогда не объединятся, а Бисмарк настаивал на противоположном. Наконец, он предложил пари и пообещал ровно через 25 лет прислать Кофину 25 бутылок шампанского в том случае, если Германия останется раздробленной. В 1853 году, когда пришел срок, а страна все еще не была объединена, Бисмарк навел справки о своем визави, чтобы исполнить обещание. Однако Кофин к тому времени уже умер.

Окончив университет, Бисмарк с помощью репетиторов сдал экзамен, дающий право на государственную службу, и получил место в берлинском городском суде. Однако в присутствии его видели крайне редко. Когда же Бисмарк появлялся на работе, это очень часто заканчивалось скандалом – с посетителями молодой чиновник обращался крайне грубо.

Рассказывают о таком эпизоде. Однажды в суд пришел чрезвычайно словоохотливый проситель и начал очень подробно излагать суть своего дела. Нетерпеливый Бисмарк прервал его, а потом закричал: «Если вы не замолчите, я вытолкаю вас!» Судья, пытаясь смягчить ситуацию, заметил: «Это уже мое дело, господин Бисмарк». Тогда Бисмарк заорал истцу: «Молчать, или я вас вытолкаю при содействии господина судьи!»

Такие сцены повторялись довольно часто, поэтому Бисмарку в конце концов предложили уйти. Тот не слишком огорчился. Мать быстро нашла молодому человеку новое место в канцелярии губернатора курортного городка Аахена. Там он вращался в светском обществе, балы следовали один за другим. Молодого человека с прекрасными манерами в обществе приняли радушно. Однако вскоре Бисмарк и здесь отличился: повеса обручился с некой англичанкой и, не предупредив начальство, отправился с ней в путешествие. Но помолвка расстроилась из-за финансовой несостоятельности жениха, а вскоре ему предложили оставить службу. В рекомендательном письме, которое Отто получил перед

отъездом, его начальник написал: «Молодой Бисмарк мог бы далеко пойти по службе, если бы он только не питал к ней отвращения».

Вскоре положение молодого человека резко изменилось. Его родители начали болеть, дела в имениях шли все хуже. Семья решила передать их в ведение сыновей. Отто достался любимый им Шёнхаузен. Чтобы приобрести навыки в области ведения сельского хозяйства, он некоторое время слушал лекции в сельскохозяйственном институте близ Грейфсвальда, а потом двенадцать лет неотлучно провел в имении, решив для себя, что, как и его отец, закончит свои дни в деревне. Дела его шли весьма успешно. Будущий канцлер досконально изучил бухгалтерию, химию, сельское хозяйство. Его брат Бернгард вскоре совсем отошел от дел, и все имения Бисмарков оказались в руках младшего из сыновей. Его стараниями ценность поместий за 9 лет возросла чуть ли не в три раза. Отто много читал и вскоре стал намного образованнее своих соседей.

Однако именно в этот период жизни эксцентричная натура будущего канцлера проявилась наиболее ярко. Недаром соседи прозвали его Бешеным Бисмарком. По его собственному признанию, в те годы он «не чурался никакого греха, водя дружбу с любой компанией дурного рода». За карточным столом Бисмарк проигрывал огромные суммы. Отправляясь в гости к друзьям, он оповещал их о своем приближении выстрелами. Мог выстрелить из револьвера над ухом задремавшего гостя. А однажды явился в гостиную к соседу, ведя на поводке лисицу. Лисицами он пугал и собственных сестер, запуская зверей в комнаты, и громко хохотал, когда женщины разбегались и визжали.

Своим постоянным местом жительства Бисмарк сделал одно из поместий, которое назвал Книпгоф. Однако вскоре соседи переименовали его в Кнейпгоф – кабак, потому что молодой помещик слишком часто даже для юнкерского круга устраивал для приятелей шумные кутежи с громкой стрельбой и огромным количеством вина. Редкая неделя обходилась без попойки.

Еще одной страстью Бисмарка была верховая езда. Он без зазрения совести скакал на своем огромном жеребце Калебе по угодьям соседей, не заботясь о посевах. Отто так любил бешеную скачку, что несколько раз чуть не поплатился за это жизнью. Однажды, возвращаясь домой, он наткнулся на толстый сук, свалился с лошади и ударился головой о камень. Бисмарк потерял сознание, а когда пришел в себя, сел на лошадь конюха и отправился домой. Дома он повел себя чрезвычайно странно. Не узнал собственных собак, стал рассказывать, что конюх упал с лошади и за ним нужно послать носилки, потом поужинал и лег

спать, а утром встал совершенно здоровым. В следующий раз падение произошло в густом лесу. Три часа он пролежал без сознания, а потом окровавленный, весь в синяках, явился домой. Врач не нашел никаких серьезных повреждений, но был убежден, что пациент только чудом не сломал себе шею. Но даже такие происшествия не отвратили будущего канцлера от рискованной езды. Впоследствии он еще не раз падал с лошади и ломал себе ребра.

Конечно, Бешеному Бисмарку нелегко было найти себе жену. Мало кто из родителей хотел видеть свою дочь замужем за человеком с таким буйным нравом. Однако его натиск разрушал любые барьеры. Во время одного из путешествий он познакомился с некрасивой, но очень умной и обаятельной Иоганной Путкамер. Бисмарк без памяти влюбился, убедился во взаимности девушки и написал ее родителям письмо, в котором просил руки их дочери. Те пришли в ужас. Узнав об этом, Бисмарк явился в дом к Путкамерам, обнял, поцеловал Иоганну и обратился к ее родителям со словами: «Соединенное Богом люди разлучать не должны». Растроганные старики согласились и никогда в этом не раскаялись. Иоганна благотворно повлияла на мужа. Неистовые кутежи и игра в карты остались в прошлом, а сам Бисмарк не раз повторял: «Вы представить себе не можете, что сделала со мной эта женщина». Однако это не означало, что Отто стал менее эксцентричным. Он по-прежнему любил эпатировать публику.

Начало супружеской жизни Бисмарков совпало с изменением политической обстановки как в Пруссии, так и по всей Европе. Назревали революционные события 1848 года. Теперь во время застольных бесед Бисмарк начал с увлечением говорить о политике, обнаруживая крайне консервативные взгляды. В то время как большинство его соотечественников поддерживали идеи либерализма, владелец Шёнхаузена не стеснялся в выражениях, если речь заходила о либералах. Впрочем, в юнкерской среде он находил понимание, поэтому на местных выборах прошел в Соединенный ландтаг (парламент). 15 мая 1847 года Бисмарк впервые поднялся на трибуну и сразу прославился не только консерватизмом, но также агрессивностью и неуважением к другим депутатам. Во время выступлений он не стеснялся в выражениях. Известен случай, когда в ответ на бурную реакцию парламента по поводу его речи, Бисмарк демонстративно повернулся спиной к залу и читал газету, пока аудитория не затихла.

Летом Отто с женой отправился путешествовать по Италии. Королевский прусский двор в это время был в Венеции. Молодой

депутат отправился к королю и был приглашен на обед. Бисмарк чрезвычайно понравился монарху и вскоре стал завсегдатаем королевских приемов. Однако он, казалось, совсем не дорожил такой честью. Были случаи, когда Отто публично дерзил Фридриху Вильгельму IV. Однажды во время обеда в летней королевской резиденции Сан-Суси Бисмарк на вежливый вопрос короля о состоянии его дел резко ответил: «Плохо», объяснив это тем, что король потворствует революции.

Видимо, Бисмарк вообще не испытывал особого почтения к королям. Много позже, уже в бытность прусским канцлером (премьер-министром), он, боясь установления австро-прусского сотрудничества, вынудил короля Вильгельма I отказаться от поездки во Франкфурт, где по предложению Австрии должны были собраться все правители разрозненных немецких государств. Добившись своего, Бисмарк вышел в приемную, схватил стакан, разбил его вдребезги и со словами: «Ну вот, теперь мне хорошо!» – отправился сообщить об отказе короля саксонскому премьер-министру. Тот ответил, что саксонский король Иоанн специально прибыл, чтобы привезти Вильгельма во Франкфурт, и не уедет без прусского короля. Тогда Бисмарк закричал: «Даю вам честное слово, что если завтра утром в 6 часов специальный поезд с королем Иоанном не уедет, тогда в 8 часов батальон пруссаков из Раштатта будет в Бадене, и, прежде чем мой король встанет с постели, его дом займут войска, у которых не будет другого задания, кроме как не пропускать ни одного саксонца». Представитель Саксонии вынужден был подчиниться.

Во время мартовских событий 1848 года, когда на улицах Берлина реяли революционные знамена, а правительство не знало, на что решиться, на одном из великосветских приемов произошло следующее. Присутствующие были удручены, все обсуждали происходящее и не находили выхода из сложившейся ситуации. Вдруг сидевший за роялем Бисмарк громко заиграл походный марш. Знаменитый генерал Миддендорф вскочил, обнял его и воскликнул: «Вот что нужно!» Вскоре революция была подавлена, а Бисмарк прославился еще одной фразой: «Прежде всего, нужно разрушить дотла все большие города, эти очаги революции».

Взгляды Бисмарка очень импонировали королю и правительству. Поэтому, когда встал вопрос о назначении прусского посланника в Союзный сейм – центральный орган Германского союза, выбор пал на одиозного депутата несмотря на его молодость.

Став дипломатом, Бисмарк избрал своеобразную линию

поведения, стремясь всячески вывести противника из себя. В то время в сейме доминировала Австрия, а прусский дипломат не мог с этим смириться, считая, что главенствовать должна его родная Пруссия. За время пребывания Бисмарка во Франкфурте здесь сменилось три австрийских представителя. И каждого из них при каждом удобном случае прусский представитель старался задеть, даже в мелочах демонстрируя свою независимость в отношении враждебной, по его мнению, страны. Бисмарк не давал спуску даже председателю союзного форума, тоже австрийцу, графу Туну.

Ярким свидетельством тому служит такой случай. До прибытия Бисмарка во Франкфурт во время заседаний сейма курил только председатель. Заметив это, Бисмарк демонстративно достал сигару, попросил у председателя огня и закурил. Никогда не куривший посланник Баварии счел себя униженным и тоже взялся за сигару. Несмотря на то что его тошнило, он мужественно выкурил ее до конца. Примеру Бисмарка не замедлили последовать и другие члены форума, давно тяготившиеся высокомерием графа Туна. Равенство среди членов сейма было восстановлено.

В другой раз высокомерный Тун позволил себе выйти к Бисмарку в жилете, демонстрируя таким образом свое пренебрежение. Бисмарк не растерялся. Он тут же снял свой сюртук со словами: «Вы совершенно правы, ваше превосходительство, здесь жарко».

Однажды грубое поведение Бисмарка чуть не вызвало конфликт с Австрией. Во время одного из заседаний австрийский посланник Прокеш-Остен сделал заявление, которое не соответствовало истине. Вечером во время светского раута об этом зашел разговор. Бисмарк, единственный из присутствующих, открыто заявил, что Прокеш-Остен лжет. Оскорбленный посол воскликнул: «Если это не верно, выходит, императорско-королевское правительство солгало?» «Несомненно, ваше превосходительство», – спокойно ответил прусский посланник. Испуганный австриец нашел способ помириться с Бисмарком, однако его авторитет и авторитет Австрии пострадали.

А Бисмарк продолжал третировать австрийцев. На парад в Мюнхене, устроенный в честь австрийского генерала, он явился в форме офицера ландвера[1], увешанный орденами, полученными от разных германских правительств. Австрийский генерал решил подшутить над дипломатом. Он спросил, где он заслужил эти ордена, «не перед лицом же неприятеля?», намекая на то, что Бисмарк не принимал участия в военных действиях. «Да, – ответил Бисмарк, – перед лицом неприятеля, во Франкфурте»,

имея в виду австрийских дипломатов.

В 1859 году Бисмарка назначили послом в Россию. В Пруссии этот дипломатический пост издавна считался важнейшим. Новый посол охотно знакомился с культурой России, восхищенно отзывался о московской архитектуре и даже выучил русский язык. Слова «ничего» и «авось» прочно вошли в его лексикон. Позже Бисмарк предлагал заменить преподававшийся в школах Пруссии греческий язык русским. Первый канцлер объединенной Германии сохранил любовь к России до конца жизни, он видел в ней основного союзника Пруссии. По его мнению, сила России основана на «мощи, устойчивости и постоянстве», а для характера народа свойственно «медленно запрягать и быстро ехать».

Как ни странно, Австрия решила использовать Бисмарка в качестве своего агента в Санкт-Петербурге. За это ему была предложена ежегодная плата в 20 тысяч талеров. Чтобы использовать этот факт против австрийцев, возмущенный Бисмарк попытался получить у банкира Левинштейна, представлявшего интересы Австрии, документ, подтверждавший это позорное предложение. Однако хитрый банкир ответил предложением увеличить сумму до 30 тысяч. Тогда Бисмарк пообещал спустить его с лестницы.

В 1862 году Бисмарка отозвали из Санкт-Петербурга и отправили послом в Париж, а затем в Лондон. Но и там он пробыл недолго. Сложная обстановка в стране заставила короля назначить бывшего посла министром-президентом и министром иностранных дел, что соответствовало должности премьер-министра.

Новый премьер-министр оказался у власти 8 октября 1862 года. Однако его жесткая политика только подлила масла в огонь. Вскоре в Берлине начались уличные столкновения, а депутаты в парламенте громко возмущались действиями нового правительства.

Тогда Бисмарк начал заигрывать с рабочим движением. В 1864 году, когда силезские ткачи, пришедшие ко дворцу с петицией, не были приняты королем, министр-президент уговорил монарха встретиться с ними. По его настоянию из государственной казны рабочим была выдана ссуда для создания производственного товарищества.

В отличие от своих предшественников, Бисмарк пытался изучать жизнь народа изнутри. Он был лично хорошо знаком со многими рабочими, часто бывал у них дома. Не чуждался он и предпринимателей. Часто приглашал их на совещания. Однако решения его правительства ограничивали права капиталистов, а социальные реформы насаждались жесткими методами и

вызывали недовольство. Примерно так же Бисмарк вел себя и со своими крестьянами. Он разыгрывал роль патриарха, живо интересовался их проблемами, помогал в случае несчастий, но в то же время, если выходил из себя, мог прибегнуть и к плетке.

С первых же дней пребывания во главе правительства Пруссии Бисмарк начал воплощать в жизнь свою мечту об объединении Германии. Хитроумными политическими комбинациями и неприкрытой грубостью он добился войны с Австрией. Результатом стало присоединение к Пруссии герцогств Шлезвиг, Голыптиния и Нассау, королевства Ганновер, княжества Гессе и вольного города Франкфурта-на-Майне.

Потом Бисмарк развязал войну с Францией. Для этого он пошел, быть может, на самую дерзкую авантюру в своей жизни. Втайне от короля и правительства он внес некоторые изменения в депешу, предназначавшуюся для публикации в газетах. В результате безобидный текст приобрел оскорбительный для Франции смысл и война стала неизбежной.

Франко-прусская война (на самом деле против Франции воевала не только Пруссия, но и все государства, которые вскоре объединились в Германскую империю) известна как одна из самых жестоких войн XIX века, во многом предвосхитившая мировые войны XX века. В этом многие обвиняют Бисмарка. И действительно, его поступки и высказывания того периода поражают жестокостью и цинизмом. Эти «чудачества» канцлера дорого обошлись Европе. Это был первый прецедент антигуманного отношения к противнику, буйно расцветший в период мировых войн.

Для относительно гуманного XIX столетия бомбардировка осажденного Парижа артиллерийскими снарядами, на которой настаивал Бисмарк, была делом небывалым. Генералы считали, что парижане и так будут вынуждены сдаться. Однако Бисмарк добился своего. А в ответ на жалобы французов, что при обстреле ядра попадают в приют для слепых, он ответил: «Чего вы жалуетесь? Вы поступаете еще хуже: вы стреляете в наших здоровых людей!»

В феврале 1871 года Париж капитулировал. В уплату за прекращение военных действий Бисмарк потребовал Эльзас и Лотарингию – французские провинции, где население говорило на немецком языке. Эти требования были выполнены, и 6 марта 1871 года немецкие войска покинули столицу Франции. Однако уже через месяц снова вернулись и подвергли Париж новой бомбардировке, на этот раз помогая правительству Тьера расправиться с Парижской коммуной.

Следствием франко-прусской войны стало объединение

разрозненных немецких государств в Священную германскую империю прусской нации во главе с императором Вильгельмом I. Она была провозглашена 18 января 1871 года. Во главе ее правительства встал Бисмарк.

Теперь главным направлением политики канцлера стало создание условий для получения империей доминирующего положения в Европе. Для этого он стремился к союзу с Россией и Австро-Венгрией. Летом 1871 года Бисмарк обратился к главам этих стран с предложением совместно бороться против революционных элементов, в частности против набиравшего силу Интернационала. Результатом этого стал Тройственный союз, защищавший монархический принцип государственного управления.

Шли годы, и политическая биография Бисмарка начала клониться к закату. Теперь его подводило здоровье. Особой страстью Бисмарка на протяжении всей его жизни была обильная и вкусная еда. Пищи он поглощал неимоверное количество. В 55 лет он жаловался: «Недавно еще я съедал зараз по одиннадцать штук [крутых яиц] без всякого вреда для здоровья» и шутил при этом: «Не выпив и не покушав сытно, я не могу заключить хорошего мира».

Пил Бисмарк также чрезвычайно много. Портер и шампанское в доме Бисмарков по настоянию хозяина не сходили со стола. Окружающих поражала способность канцлера не пьянеть, невзирая на количество выпитого. Однажды во время придворной охоты король Фридрих Вильгельм IV предложил присутствующим выпить шампанского из рога. Этот рог принадлежал королю и имел такую форму, что пить из него приходилось, не касаясь края губами. В него входило около бутылки шампанского. Бисмарк первым осушил рог ледяного напитка и попросил налить еще. Однако король не позволил сделать этого.

Естественно, следствием такого образа жизни стали многочисленные болезни. Канцлер страдал нервным расстройством, бессонницей, нервным тиком, у него болела печень. Все усилия домашнего врача заставить высокопоставленного пациента изменить образ жизни были напрасными. Бисмарк продолжал есть и пить в свое удовольствие, расплачиваясь постоянными недомоганиями, нездоровой полнотой и отечностью.

После смерти Вильгельма I, находившегося под каблуком у Бисмарка, на трон взошел его сын Вильгельм II, не любивший канцлера и стремившийся избавиться от его опеки. После длительной борьбы с новым императором Бисмарк вынужден был

подать в отставку. Она была подписана 18 марта 1890 года. Не удержавшись от последнего в своей жизни политического эпатажа, бывший глава правительства написал письмо императору Австро-Венгрии о том, что его уход от дел не является добровольным. «Лягнув» таким образом на прощание своего монарха, Бисмарк отбыл в свое имение Фридрихсру, где и умер в ноябре 1897 года. На предсмертном одре в бреду он произнес: «Исходя из общих государственных интересов это невозможно!» А на могильной плите завещал выгравировать надпись: «Князь Отто фон Бисмарк, верный немецкий слуга императора Вильгельма I». Вряд ли это понравилось Вильгельму II, считавшему, что как политический деятель он намного превосходит отца, всю жизнь плясавшего под дудку своего канцлера. Как тут не вспомнить, что один из премьер-министров Англии сказал о Бисмарке: «Опасайтесь этого человека! Он говорит то, что думает».

БОУИ ДЭВИД

Настоящее имя – Дэвид Роберт Джонс

(род. в 1947 г.)

Знаменитый английский музыкант, актер и художник, новатор в музыке и сценическом оформлении. За свою музыкальную карьеру записал 26 альбомов, многие из которых стали «золотыми» и «платиновыми». Сыграл более чем в 20 фильмах. Автор музыки ко многим фильмам, а также пьес и киносценариев.

Творчество Дэвида Боуи оказало огромное влияние на многих музыкантов различных поколений, его передовые идеи давали начало новым стилям музыки, на его песнях учились многие известные ныне исполнители, перед ним преклонялись и… воровали идеи. Самые большие знаменитости на протяжении нескольких десятилетий считают честью выступить с ним или принять участие в записи альбома Дэвида Боуи. Долгие годы он был лицом поп-культуры, менявшимся вместе с обликом музыканта, которого многие музыкальные критики нарекли рок-хамелеоном. Хотя называть Боуи «музыкантом» – не совсем

справедливо, он – скорее творец, изобретатель музыки, идейный вдохновитель, оформитель. И музыка его – это не только сама музыка, это еще и театр, живопись, мода: «Я всегда ощущал, что кино, театр, мода и музыка составляют единую среду и движутся в едином направлении. У меня не было проблем с этими видами искусства. Я считаю, что если ты не являешься полным идиотом, то ты должен быть способен применить элементы одной профессии ко всем остальным формам искусства». Боуи никогда не принадлежал к так называемому мэйнстриму и не выпускал ширпотреба, но, несмотря на это, практически всегда был популярен. А это удавалось немногим.

Дэвид Джонс родился 8 января 1947 года в пригороде Лондона Брикстоне в малообеспеченной семье. Его отец был публицистом, а мать работала в передвижном театре. В доме Джонсов постоянно звучала музыка, в основном джаз и рок-н-ролл. Школу Дэвид недолюбливал, больше всего его угнетало то, что учителя пытались заставить его, левшу от природы, писать и рисовать правой рукой. В 13 лет мальчик увлекся джазом и брал уроки игры на саксофоне у известного музыканта Ронни Росса. В 16 лет Дэвид возглавил школьный джазовый оркестр, тогда же он начал учиться играть на гитаре и принял решение посвятить жизнь музыке. Это казалось ему единственным способом вырваться из бедности. Примерно в это же время произошло одно событие, весьма неприятное и оставившее на лице Дэвида неизгладимый след, позже ставший частью имиджа знаменитого музыканта, его визитной карточкой, – глаза разного цвета. Во время драки со своим другом он сильно повредил себе глаз, почти год пролежал в больнице, где благодаря нескольким операциям удалось предотвратить слепоту, но в левом глазу зрение стало совсем слабым, и цвет глаза изменился навсегда.

По окончании школы Дэвид Джонс пошел работать художником в рекламное бюро, но продержался там всего полгода и вновь вернулся к музыке. Первая его группа называлась “King Bees” («Трутни»). В 1964 году «Трутни» выпустили первую пластинку, которая не имела успеха, и это привело к развалу группы. Со следующими группами и пластинками Дэвида Джонса в течение нескольких лет происходило то же самое. Все это время музыканты зарабатывали себе на жизнь игрой в маленьких клубах, в одном из которых Дэвида однажды и заметил менеджер известной группы “Monkeys” Кен Питт, искавший в то время разносторонне одаренного человека, такого, который мог бы играть, петь, сочинять песни и умел бы вести себя на сцене. Именно таким был Дэвид Джонс, который вскоре после знакомства с Питтом, чтобы его не путали с одним из участников

группы “Monkeys” – тоже Дэвидом Джонсом, сменил фамилию на Боуи. Этот псевдоним Дэвид «позаимствовал» у известной американской марки армейских и охотничьих ножей “Bowie”.

В 1966 году Дэвид подписал контракт с звукозаписывающей компанией “Pye”, но первые записи вновь не имели успеха. Чтобы заработать себе на жизнь, Боуи работал манекенщиком и снимался в рекламе. Осенью того же года музыкант серьезно увлекся культурой Тибета, начал изучать китайский язык и регулярно общаться с тибетскими монахами. К весне следующего года Боуи уже был готов к посвящению в монахи в буддийском монастыре в Шотландии, но по контракту с “Pye” он должен был записывать очередную пластинку. Так буддизм потерял потенциального монаха, а мир обрел знаменитого музыканта. Этот альбом назывался «Мир Дэвида Боуи» и был благосклонно принят критикой, однако раскупался плохо. Дэвид тогда сильно расстраивался по этому поводу, его терзали сомнения: а стоит ли продолжать начатое? Пройдет несколько лет, прежде чем уже известный к тому времени музыкант полушутя скажет: «Первый альбом я записал за 15 минут, кажется, я немного поторопился».

После этой неудачи Боуи вновь пытался обратиться к буддизму, но нашел себя в совершенно другом занятии. Однажды, проходя по Ковент-Гардену, он увидел труппу мимов, разыгрывавших представление. К своему удивлению, в музыке, зазвучавшей в антракте, Боуи узнал свою песню. Дэвид сразу же познакомился с руководителем труппы, на следующий день уже был его учеником, а к концу года начал выступать в составе труппы. С начала 1968 года Боуи выступал с сольным номером пантомимы на концертах известной группы “T. Rex”, показывая незаурядную пластику. Весь этот год Дэвид также пробовал себя как актер, играя второстепенные роли в телепостановках.

К музыке Боуи вернулся зимой 1969 года. Написанная в этот период песня “Space Oddity” («Космическая причуда») впоследствии стала очень популярной, но тогда ее не захотела выпускать ни одна фирма звукозаписи. Добиться записи песни Дэвиду помогла его знакомая – модель и телевизионная ведущая Анджела Барнетт, вскоре ставшая женой музыканта. “Space Oddity” была выпущена отдельной пластинкой и вскоре заняла пятое место в британском хит-параде. К Дэвиду Боуи пришла долгожданная известность; в том же году он стал лауреатом итальянского песенного фестиваля и получил награду за лучшее исполнение на фестивале песни на Мальте.

Вернувшись домой, Дэвид застал своего отца при смерти. «Мой отец умер спустя неделю после того, как я стал известным», – вспоминает музыкант. Концерты, состоявшиеся

после этого печального события, были неудачными, подавленный Боуи принял решение не выступать совсем и начал работать в небольшом лондонском клубе «Лаборатория искусств», где помогал начинающим группам и пытался объединить рок-музыку и театральное искусство. Все это способствовало его возвращению к занятиям музыкой. Дэвид иногда выходил на сцену клуба с гитарой, потом по просьбам слушателей начал делать это все чаще, а вскоре многие люди ездили в клуб специально для того, чтобы послушать Боуи. Вскоре музыкант организовал в рамках клуба свою группу, получившую название “Spiders From Mars” («Пауки с Марса»). Тогда же начались эксперименты Дэвида с собственным имиджем. Его идея слияния рок-музыки с элементами театра, пантомимы и фантастики намного опередила время, ведь конец 60-х годов – эпоха хиппи, интересовавшихся музыкой попроще.

Вскоре Боуи нашел себя в глэм-роке – новом направлении, скорее не музыкальном, а сценическом: глэм предполагал яркие блестящие наряды, эффектное световое оформление концертов. Четко вписать музыку Дэвида в рамки одного музыкального направления невозможно, ибо он в каждый период своей артистической карьеры изобретал что-то неординарное, зачастую становясь основоположником новых стилей музыки. В 1972 году вышел альбом “Ziggy Stardust And The Spiders of Mars” («Зигги Стардаст и пауки с Марса»), мгновенно ставший популярным. На концертах Боуи представал перед зрителями бесполым существом в серебристом костюме, с мертвенно-бледным лицом и ярко-рыжими, почти красными волосами.

В 1972 году, после успеха «Зигги Стардаста» и концертов в Англии, Дэвид Боуи со своей группой отправился в стодневное мировое турне. Музыкантам пришлось преодолевать значительные трудности из-за одной странности Дэвида – он никогда не летал на самолете, поэтому огромные расстояния преодолевались на пароходах, поездах и автобусах. После успешного турне было выпущено несколько альбомов подряд, также пользовавшихся большим успехом. Самый популярный альбом того периода – “Alladin Sane” – основывался на впечатлениях Боуи от мирового турне, вернее от мест, в которых он побывал.

В том же 1972 году Дэвид Боуи шокирует прессу заявлением о том, что он гомосексуалист. И это несмотря на то, что с 1970 года он был женат, а в 1971 году у него родился сын Данкан Боуи Хейвуд! А ведь это был период тотальной борьбы с гомосексуализмом! Вера в «голубизну» звезды, правда, продержалась недолго, на смену ей вскоре пришли слухи о

бисексуальности Боуи, распространенные им же самим. Намного позже, когда эта тема перестанет быть запретной и не будет вызывать столько негативных эмоций со стороны общественности, а мировую сцену переполнят «голубые» артисты, музыкант сделает заявление о том, что никакой он не гомосексуалист, а самый что ни на есть нормальный мужчина. Что ж, во все времена Боуи был верен себе – шел наперекор всем и вся.

В 1974 году Боуи с женой переехал в Соединенные Штаты, в Калифорнию. Весна и лето прошли в гастролях по Америке. Концерты проводились с колоссальным размахом, за время выступления Дэвид переодевался до 12 раз, менялись декорации, а таких световых эффектов не применял до него еще никто. В Штатах он познакомился с Энди Уорхолом, культовой фигурой того времени, – еще более странным и своеобразным человеком, чем сам музыкант. Его другом стал и Игги Поп, которому Боуи помог добиться мировой известности и даже выступал с ним какое-то время в качестве простого клавишника.

Помимо музыки, Дэвид Боуи всегда интересовался кинематографом. Его яркая неординарная внешность и большой актерский талант привлекали многих режиссеров, и вскоре после окончания американских гастролей музыкант уехал в Мексику сниматься в фильме «Человек, упавший с неба», в котором сыграл главную роль. Фильм пользовался большой популярностью, правда, в основном благодаря участию в нем Боуи. Особо примечательным в актерской карьере Дэвида стал фильм знаменитого режиссера Мартина Скорсезе «Последнее искушение Христа», где он сыграл Понтия Пилата.

После выхода в 1976 году очередного альбома под названием “Station To Station” («От станции к станции») Дэвид Боуи покидает Америку и переезжает жить в Западный Берлин, огороженный со всех сторон островок капитализма в коммунистическом лагере, шокируя этим своих поклонников по обе стороны океана. В Берлине Боуи снял маленькую двухкомнатную квартиру в районе, где жили турецкие гастарбайтеры, которая стала его домом на два с половиной года. Здесь на звезду практически никто не обращал внимания, и Дэвид смог попробовать быть самим собой, а может – кто знает? – просто примерял очередной образ: «Я учусь быть счастливым. Засыпать ночью, а не в пять утра, вставать утром, а не в обед. Я отрастил нормальные волосы и иногда даже хожу по улицам». Берлин помог Боуи раз и навсегда прекратить эксперименты с наркотиками, в которых в последнее время он стал заходить слишком далеко, что представляло угрозу если не его жизни, то психическому состоянию.

Музыкант все время менял свой облик – перекрашивал

волосы, изобретал костюмы и грим, один причудливее другого. Если бы не фильмы, в которых он снимался, вряд ли бы кто-нибудь вспомнил, как же Дэвид Боуи выглядит на самом деле. Он был то кудрявым белокурым «ангелочком», то – неземным сверкающим существом неопределенного пола с красной шевелюрой, то – развязным жиголо, то… продолжать можно очень долго! Сам он объяснял частую и кардинальную смену имиджа так: «Я использую себя как холст и пытаюсь нарисовать на себе правду о нашем времени». Однажды Боуи признался, что и сам не знает, какой он на самом деле: «Я не знаю, где настоящий Дэвид Джонс. Это похоже на капусту: у меня так много всего сверху, что я забыл, как выглядит ядро. И я не узнаю его, даже если найду».

При этом менялся не только имидж звезды, но и музыка, которую Дэвид исполнял. Она становилась все сложнее, добавлялись новые музыкальные инструменты, он использовал различные стили, смешивал их, постоянно привносил в музыку что-то новое – Боуи никогда не стоял на месте. Он сам весьма необычно отзывается о своей музыке: «Песни Дэвида Боуи не принадлежат мне – я лишь выпускаю их через себя в этот мир. Потом слушаю и поражаюсь: их автор, кто бы он ни был, по крайней мере, испытывал сильные чувства! Мне таких познать не дано…»

Шли годы, Дэвид Боуи менял не только свой облик, но и места проживания. Он жил то в Швейцарии, то в Ирландии, то на Багамах или в Индонезии. Последние годы больше всего времени Боуи проводит в Нью-Йорке, где привыкшие ко всему горожане не видят ничего особенного в том, что по улицам рядом с простыми смертными ходят звезды мирового масштаба.

80-е годы XX века начались для Боуи и его творений так же успешно, как и предыдущее десятилетие, правда, несколько омрачил этот период развод с Анджелой Барнетт. В начале 80-х музыкант играл на Бродвее главную роль в постановке «Человек-слон», где изображал человека, больного элефантизмом, а также исполнил главную роль в телевизионной постановке «Ваал» по Бертольду Брехту. Немногим ранее он снялся в фильме «Жиголо», где его партнершей по съемочной площадке стала знаменитая Марлен Дитрих. В 1983 году Дэвид Боуи был признан «человеком года». В 1985 году он снялся в фантасмагорическом фильме «Лабиринт», где сыграл одну из лучших своих ролей в кино – короля гоблинов. Для этой картины Боуи написал и исполнил пять песен. В 1987 году по данным опроса, проведенного еженедельником “New Musical Express”, Дэвид Боуи вошел в пятерку лучших исполнителей всех времен, уступив лишь таким

музыкальным динозаврам, как «Биттлз», Джимми Хендрикс и Элвис Пресли. Но с конца 80-х годов позиции музыканта в хит-парадах заметно ухудшились, интерес к его творчеству начал угасать. Тогда в 1988 году Дэвид пошел на очередной эксперимент: он создал новую группу под названием “Tin Machine” («Жестяная машина»), которая стала играть совсем не характерный для музыканта агрессивный рок. Эта группа не пользовалась популярностью у слушателей и благосклонностью критиков и просуществовала лишь до 1992 года. В этом году Боуи вернулся к сольной карьере и записал альбом “Black Tie White Noise”, возвративший ему прежнюю популярность в Европе. Следующие альбомы Дэвида Боуи, выпущенные в 90-х годах XX века, также были весьма успешны и по-прежнему оригинальны.

На протяжении всей своей музыкальной карьеры Дэвид Боуи продолжал заниматься живописью – одним из главных своих увлечений. Имя Боуи как художника хорошо известно, а выставки его картин неизменно пользуются большим успехом.

В 1992 году Боуи женился во второй раз. Его избранницей стала темнокожая модель Иман Абдул Маджид. Сейчас супруги живут в Нью-Йорке, в 2000 году у них родилась дочь Александрия.

В начале 90-х годов XX века Дэвид Боуи снялся в известных всему миру телевизионных сериалах «Твин Пике» Дэвида Линча и «Голод» Тони Скотта. Тогда же он несказанно удивил всех, отказавшись принять рыцарский титул от английской королевы, сказав, что это пустая и бесполезная трата времени. «У меня никогда не было даже мысли о том, что мне могут присвоить титул. Я действительно не понимаю, зачем все это нужно, и работаю не для того, чтобы получить высочайшее одобрение. С другой стороны, я не могу осуждать Мика Джаггера или Пола Маккартни, которые приняли титулы из рук королевы, – это их решение, которое я уважаю», – так прокомментировал Боуи свой отказ.

Дэвиду Боуи скоро исполнится 60 лет. В это трудно поверить, так как он сохраняет прекрасную физическую форму и активность. Он делает скандальные заявления, чтобы сразу же их опровергнуть, запутывая и сбивая с толку общественное мнение; говорит, что не пожелал бы славы и злейшему врагу, и продолжает держаться на пике популярности; в интервью пускается в шокирующие откровения, а когда у репортеров начинают загораться глаза в предвкушении сенсации, улыбается: «Все это, конечно же, шутка». Несмотря на возраст, не похоже, что звезда собирается уйти на покой и мирно почивать на лаврах, тратя свое баснословное состояние (в 1997 году Боуи был

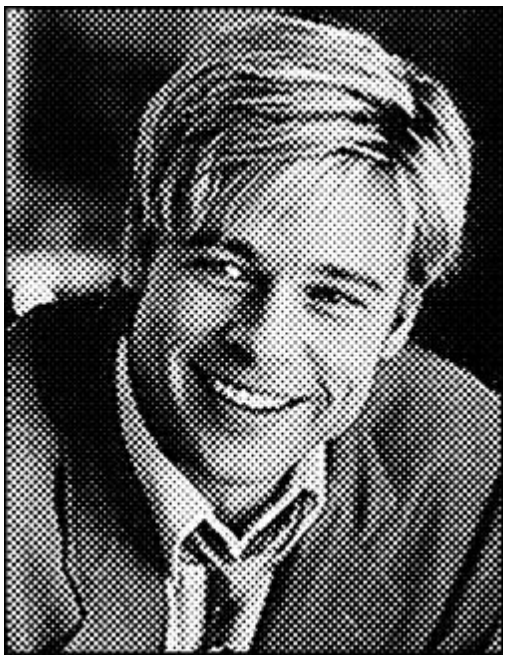
признан самым богатым музыкантом в мире). Он уже стал живым классиком, причем невозможно сказать, в каком музыкальном стиле: это поп– и рок-музыка, рок-н-ролл и диско, джаз и соул, альтернатива и блюз, тяжелый металл и электронная музыка, основателем последних, кстати, большинство склонно считать именно Дэвида Боуи. На счету музыканта огромное количество записанных альбомов, блестящих концертных шоу и гастрольных туров, ярких ролей в кино и замечательной музыки к фильмам – мало кто из современных звезд может похвастаться таким масштабом творческих достижений.

Но наш герой продолжает творить и удивлять, меняться вместе со своей музыкой, ведь он не может без этого. Он – рок-хамелеон, человек со множеством лиц, он – Дэвид Боуи, чье имя стало синонимом неординарности и успеха.

БРЭД ПИТТ

Настоящее имя – Уильям Брэдли Питт

(род. в 1963 г.)

Знаменитый американский актер. Исполнитель разноплановых ролей более чем в 30 фильмах. Обладатель «Золотого глобуса» и номинант на «Оскар» (1995). Владелец кинокомпании "Plan B Entertainment". Его неоднократно признавали самым красивым мужчиной планеты. Этот вечный супермен на экране в повседневной жизни нередко удивляет окружающих своими странными увлечениями.

Брэд Питт – один из самых знаменитых голливудских актеров современности. Он талантлив, красив и богат. Эти слова можно адресовать многим его коллегам по цеху, но есть одна вещь, которая выделяет его среди них. Когда смотришь фильмы с его участием, создается впечатление, что Питт не играет свои роли, а проживает их. Он естественен в любом образе, искренен в любви и ненависти. Зритель ему по-настоящему верит. Да и как можно сказать «не верю», глядя в эти глаза, даже если они наполнены

злостью ко всему миру, как у убийцы-психопата Эрли Грейса («Калифорния»), или горят страстью, как у Тристана Ладлоу («Легенды осени»), а может быть полны слезами раскаяния и безысходности – как у неправильного вампира Луиса («Интервью с вампиром»), или чистые и просветленные – как у бывшего нациста Харера («Семь лет в Тибете»), одержимые идеей, и наконец, это всезнающие, мудрые и справедливые глаза самой смерти, решившей примерить образ молодого красивого мужчины («Знакомьтесь, Джо Блэк»). Соперники часто называют Брэда Питта недоучкой из провинции. Но каков же он на самом деле, этот человек, который при своих потрясающих внешних данных часто отказывается от прибыльных ролей положительных героев-любовников, доблестных суперагентов и хороших полицейских и играет людей из самых низов общества, убийц и представителей темных сил, а из двух предложений скорее предпочтет непроходной, но интересный ему фильм высокобюджетному блокбастеру? Как и его экранные герои, Брэд Питт совсем не прост в реальной жизни.

Уильям Брэдли Питт родился 18 декабря 1963 года в маленьком городке Шоуни, штат Оклахома, в консервативной религиозной семье. Его отец был менеджером в конторе, занимавшейся грузоперевозками, а мать – преподавателем. Родители пытались с раннего детства приучить своих троих детей к экономии, чтобы они смирились с мыслью, что им придется много работать для обеспечения себе сносного существования. Но на старшего сына Уильяма подобные наставления не действовали. Он рос очень ленивым ребенком – ему было лень ходить в школу, хотя учился Уильям неплохо, лень петь в церковном хоре, куда его определили религиозные родители. Целыми днями мальчик лежал на диване перед телевизором и смотрел все подряд, потому что переключать каналы в поисках интересных передач ему тоже было лень. Строгое воспитание, замешанное на религии, во многом определило мировоззрение Питта – из детства он вынес стойкое неприятие догм и неприязнь ко всем религиям как факторам, мешающим полноценному развитию личности, и позже, по аналогии с религией, – к политике Соединенных Штатов, которые диктуют свои порядки другим странам. «Не надо указывать, как мне жить; дайте мне жить своей жизнью, а я не буду мешать вам и буду уважать наши различия. Все наши пуританские ценности выводят меня из себя. Мы становимся мировым полицейским, навязывая наши представления другим народам», – в этих словах знаменитого актера звучат отголоски детской обиды, когда, подчиняясь религиозным догмам, родители Питта указывали ему, что можно

делать, а что нельзя. Тогда же в детстве он понял, какие преимущества дает человеку привлекательная внешность. Это также наложило своеобразный отпечаток на его характер и во многом определило мировоззрение актера. «Помню, я был в начальной школе, когда заметил, что вокруг творится несправедливость. Я хорошо понимал, что мне сходит с рук гораздо больше, чем остальным. От этого я не мог заснуть по ночам», – вспоминает Брэд Питт, для которого его красота стала не только привилегией, но и проклятьем на долгое время.

После окончания школы Уильям поступил в университет Миссури на факультет журналистики по специальности «рекламное дело». Но за несколько месяцев до получения диплома неожиданно бросил университет и с 325 долларами в кармане отправился покорять Голливуд, сообщив родителям, что переводится в колледж искусств в Пасадене. Но Голливуд не спешил раскрывать свои объятия провинциальному пареньку, и Питт подрабатывал водителем лимузина и зазывалой в ресторане быстрого питания, где ему приходилось носить костюм цыпленка. Он укоротил свое имя до привычного нам Брэд Питт и записался на актерские курсы. Вскоре симпатичное лицо молодого актера заметили продюсеры, и он получил свою первую роль – в телевизионном сериале «Даллас». В ходе работы над ним оказалось, что парень не только красив, но и талантлив, и предложения сниматься в других сериалах и телевизионных фильмах буквально посыпались на Брэда Питта.

Во время работы над телефильмом «Слишком молод, чтобы умереть», где Брэд Питт сыграл молодого наркомана, он сошелся с начинающей актрисой Джульет Льюис. Их роман длился три года и мог бы продолжаться и дальше, если бы оба молодых актера внезапно и практически одновременно не прославились. Льюис сыграла серьезную роль в фильме «Мыс страха» знаменитого режиссера Мартина Скорсезе. Питт же снялся в небольшом эпизоде картины не менее известного режиссера Ридли Скотта «Тельма и Луиза» (1991), но этот эпизод изменил всю дальнейшую жизнь актера. В этом фильме Питт появляется на экране всего на 15 минут, большую часть которых составляет сексуальная сцена с актрисой Джиной Дэвис. Казалось бы, в масштабах кинематографа это ничто, однако в этом случае все оказалось не так. Эту сцену неоднократно называли самой лучшей из подобных в истории кино, а Брэд Питт получил от авторитетного журнала “People” титул самого сексуального мужчины в мире. С тех пор у Питта отбоя не было от предложений сниматься. Отношения актера с Джульет Льюис не выдержали одного из самых тяжелых испытаний – испытания

славой, – и пара вскоре распалась.

После «Тельмы и Луизы» были более крупные роли в фильмах «Параллельный мир» и «И катит воды река…». В последнем Питт проявил недюжинное мастерство как драматический актер, талантливо сыграв провинциального паренька, игрока и алкоголика. Брэд Питт не ожидал, что так быстро станет знаменитостью. Поэтому царивший вокруг его персоны ажиотаж, пристальное внимание прессы и толпы поклонников, жаждущих лицезреть своего кумира, раздражали новоиспеченную звезду. Актер понимал, что во многом здесь виновата его внешность, и вновь, как в детстве, страдал. Он несказанно удивил известного режиссера Доминика Сену, предложившего ему главную положительную роль в фильме «Калифорния», отказавшись от нее и… пожелав сыграть отрицательного героя – психопата и убийцу Эрли Грейса. В постоянно грязном, потном, со спутанными волосами, неопрятной бородой и кривой ухмылкой злодее из «Калифорнии» не осталось ничего от сексуального красавца из «Тельмы и Луизы». Но Питт зря надеялся отпугнуть поклонников сменой имиджа. Наоборот, эта роль заставила заговорить о многогранности таланта актера, хотя некоторые критики не преминули отпустить несколько ехидных реплик о странностях его характера. В качестве одного из аргументов «испорченности» актера нередко приводили его же слова, сказанные журналистам: «Особое пристрастие я питаю к фильмам с мрачными сюжетами».

В следующих фильмах Брэд Питт вернулся к образу красавца. Он играет сложные роли – Тристана, ведущего постоянную борьбу между своим разумом и сердцем, в «Легендах осени» и вампира Луиса, не утратившего человеческих чувств, в «Интервью с вампиром», где ему удалось затмить таких звезд, как Том Круз и Антонио Бандерас. После выхода этих двух фильмов и номинации в 1995 года на «Оскар» за роль второго плана в фильме «12 обезьян» Брэда Питта узнал весь мир.

В 1995 году на съемках триллера «Семь» Питт познакомился с актрисой Гвинет Пэлтроу, и у молодых людей завязался продолжительный роман. Они были очень разными: Гвинет – из богатой аристократической семьи и Брэд – парень из провинции, без высшего образования и хороших манер. Их отношения к тому же омрачались постоянным вмешательством родителей Пэлтроу, не одобрявших выбора дочери. Питта безмерно раздражало обострившееся внимание вездесущих репортеров, постоянно следивших за каждым шагом звездной пары. Он умолял оставить их в покое и постоянно судился со средствами массовой информации, тщетно надеясь отпугнуть остальных назойливых представителей прессы. В 1997 году Брэд уехал в Аргентину, где

проходили съемки фильма «Семь лет в Тибете», основанного на реальных событиях философской саги о дружбе представителей совершенно разных культур: австрийского альпиниста, члена национал-социалистической партии Генриха Харера и юного Далай-ламы XIV.

Вернувшись после съемок фильма в Лос-Анджелес, актер первым делом помчался к Гвинет, чтобы вручить ей подарок – купленное в Аргентине обручальное кольцо. Однако девушка встретила его холодно и кольцо не приняла, что могло означать только одно – о свадьбе не может быть и речи. Сколько ни добивались репортеры ответа на вопрос, почему же они вдруг расстались, от Гвинет не дождались ничего, кроме признания, что Брэд ни в чем не виноват. А Питт отвечал на вопросы примерно так: «С кем? Я не понимаю, о ком вы говорите. Никакой Пэлтроу я не знаю».

Расставание с Гвинет Брэд Питт перенес очень тяжело. Его из ряда вон выходящая нелюбовь к прессе, желание оградить себя от назойливых журналистов и поклонников, постоянно вторгающихся в его жизнь, стали еще сильнее. И актер сделал это весьма необычным способом.

Брэд Питт купил у актрисы Кассандры Питерсон, прославившейся в Голливуде в ролях ведьм и прочей нечисти, дом, больше похожий на замок графа Дракулы, чем на жилище обычного американца. Столовая в этом доме была отделана под склеп, обеденный стол сделан в форме гроба; остальные комнаты также носили некий инфернальный оттенок. Переехав в новое жилище, актер первым делом уволил всю прислугу и охрану. Он не покидал дом в светлое время суток, мог неделями вообще никуда не выходить, запершись в нем один. Питт занялся разведением пауков и хамелеонов, одевался в одежду исключительно черного цвета. Пресса мгновенно отреагировала на новый образ звезды предположением, что Питт навсегда оставил актерскую карьеру и посвятил себя изучению черной магии.

Неизвестно, как бы далеко зашли и как бы долго продолжались подобные чудачества звезды, если бы он не встретил новую любовь в лице Дженнифер Энистон. Молодой актрисе было далеко до мировой славы Брэда Питта, но в Америке она была хорошо известна благодаря участию в очень популярном там телевизионном сериале «Друзья». Пара начала встречаться в 1998 году, а в июле 2000 года актеры поженились. Свадебная церемония обошлась Питту и Энистон в миллион долларов, она проходила на берегу Тихого океана в Малибу. Супруги переехали в новый дом в Беверли Хиллз, Брэд Питт ради

любимой жены избавился от коллекции пауков и хамелеонов, которых девушка терпеть не могла, и вновь окунулся в актерскую работу. Питт и Энистон вместе создали собственную кинокомпанию “Plan B Entertainment”. На протяжении последующих четырех с половиной лет звездную пару называли «самой благополучной», «самой красивой» и «самой крепкой» семьей Голливуда. Однако не все обстояло так хорошо, как казалось на первый взгляд. Питт очень хотел иметь детей, он в самом начале супружеской жизни начал самостоятельно оборудовать детскую комнату в их особняке. Но Дженнифер не спешила становиться матерью. Сначала помешали съемки в сериале «Друзья», затем она получила главную роль в полнометражной картине. Терпения Брэда хватило на четыре года, после чего актер поставил вопрос ребром, и тогда Энистон была вынуждена признаться, что из-за постоянного приема средств для похудения она физически не может иметь детей. Однако и это не остановило знаменитого актера на пути к семейному счастью и осуществлению его мечты, и он предложил усыновить ребенка. После отказа со стороны Энистон отношения звездной пары начали резко портиться.

С 1998 по 2003 год Брэд Питт снялся в нескольких картинах, ставших очень популярными, среди которых стоит особо отметить такие, как «Знакомьтесь, Джо Блэк», где он сыграл саму Смерть, которой, как оказалось, совсем не чужды человеческие чувства; «Бойцовских клуб», в котором актер предстал перед нами в образе философа-анархиста, бросившего вызов косному американскому обществу потребителей; «Большой куш», где Питт блеснул в эпизодической, но яркой роли косноязычного цыгана-ирландца Микки, и «Мексиканец», в котором его партнершей стала знаменитая Джулия Робертс, а сам Брэд сыграл смешного недотепу и неудачника. Это были хорошие, тонко прочувствованные актером роли, близкие ему по духу. А вот чего мало кто ожидал, так это того, что Брэд Питт в 2004 году согласится на роль Ахиллеса в масштабном 200-миллионном голливудском проекте «Троя», ведь именно таких картин и героев он избегал на протяжении всей своей актерской карьеры. Сам Питт прокомментировал это событие лаконично и с улыбкой: «Я сдался».

На самом же деле и в этой роли актер сумел найти «изюминку». «Я почти отказался, роль казалась мне слишком банальной», – вспоминает Брэд Питт. Однако при более детальном рассмотрении Ахиллес оказался вовсе не типичным представителем главных героев голливудских блокбастеров. Он противоречив, высокомерен, безудержно жесток в бою и мести,

его душа полна демонов, но в то же время он способен глубоко чувствовать, а это все – как раз для Брэда Питта. К этой роли актер готовился долго и тщательно, после года тренировок его телу могли бы позавидовать античные атлеты. Он соблюдал специальную диету и даже бросил курить, что было для него самым трудным, ведь Питт был заядлым курильщиком с шестого класса школы. Эти жертвы не были напрасными: сорокалетний актер в роли Ахиллеса выглядит совершенно юным, он пластичен и подвижен. На съемочной площадке «Трои» было собрано огромное количество известных актеров, и все они с уважением отзывались о Брэде Питте, что не вписывается в голливудские стереотипы: «С ним очень приятно работать. Чувствуешь себя наравне с ним»; «Он – скромный парень. Каждому дает понять, что считает честью работать с ним, и это создает замечательную атмосферу» и т. п. Несмотря на то что голливудские сценаристы, как обычно, безбожно перекроили древний сюжет (чего только стоит гибель Менелая, по Гомеру – благополучно вернувшегося домой с Еленой, не говоря уже о смерти самого Ахиллеса в стенах пылающей Трои, до падения которой, согласно легенде, герой не дожил), фильм получился впечатляющий, и во многом это произошло благодаря Брэду Питту.

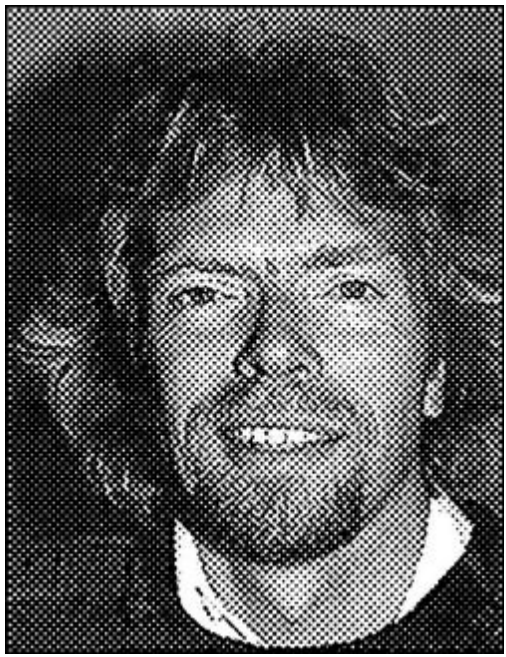
Следом за «Троей» последовал еще один коммерческий проект – черная комедия «Мистер и миссис Смит», на съемках которой Питт познакомился с известной актрисой Анджелиной Джоли. Именно ее пресса склонна обвинять в распаде семьи Брэда, потому что как раз после съемок этого фильма, в 2005 году, Брэд Питт и Дженнифер Энистон подали на развод. Однако встреча с Анджелиной, видимо, только ускорила неизбежное. Брэд оставил особняк в Беверли Хиллз бывшей жене, а себе купил новый дом на пляже севернее Лос-Анджелеса. Спустя несколько месяцев после развода звездной пары в этот дом переехала и Анджелина Джоли. Вместе с ее переездом осуществилась самая большая мечта Брэда Питта – в его доме появились дети. Дело в том, что у знаменитой актрисы двое приемных детей – трехлетний Мэддокс из Камбоджи и совсем еще маленькая Захара Марли из Эфиопии, чьи родители умерли от СПИДа. По итогам голосования 2005 года, журнал “People” признал Брэда Питта и Анджелину Джоли самыми красивыми людьми планеты. Это многие поклонники актеров расценили как знак свыше и с восторгом восприняли новость о том, что их любимцы готовятся к свадьбе. Но до бракосочетания произошло не менее важное событие в их жизни (а для Брэда, возможно, самое важное) – рождение ребенка. Он появился на свет в конце мая 2006 года в одном из тихих уголков африканской Намибии.

В последние годы знаменитый актер стал активно заниматься благотворительной деятельностью. Недавно Брэд Питт начал совместно с солистом ирландской группы U2 Боно масштабную благотворительную кампанию, направленную на борьбу с нищетой и высокой смертностью в африканских странах.

Сейчас Брэд Питт находится на пике своей популярности, ежегодно входит в рейтинг самых сексуальных людей планеты и продолжает активно сниматься. Он все так же придирчиво относится к выбору ролей, ругается и судится с докучливыми репортерами и фотографами, а в свободное время занимается дизайном интерьеров, мечтает перебраться в Европу и завести не менее шести детей, позволяет себе нелестные высказывания по поводу американского образа жизни и привычки Соединенных Штатов навязывать свои правила другим государствам. В общем, знаменитый актер остается самим собой. Вот только вместо пауков и хамелеонов он теперь коллекционирует велосипеды, точного количества которых не знает сам, так как скупает их в поистине устрашающем количестве, практически все подряд. В то же время катающимся на велосипеде Брэда Питта никто никогда не видел. Это скромное, безобидное чудачество – еще один штрих к сложному портрету талантливого актера.

БРЭНСОН РИЧАРД

(род. в 1950 г.)

Миллиардер, один из богатейших людей Великобритании, основатель и владелец бренда и группы компаний "Virgin", точное число которых он сам не может назвать (журналисты насчитали около 280). Автор автобиографической книги «Теряя "Невинность"».

Как только Брэнсона ни называют: рыцарем, очищающим бизнес от грязи, хиппи-миллиардером, мастером эпатажа, гвоздем в ботинке большого бизнеса, чеширским котом с львиной хваткой, своим парнем в бархатной перчатке на железной руке. Но кем бы ни был этот человек, ясно одно: Ричард – большой оригинал во всем.

Он наряжался для презентации в подвенечное платье, бросался кремовыми пирожными, не побоялся выступить в суде против крупнейшего в стране конкурента-монополиста и выстоял в этой борьбе до победы, летал на воздушных шарах через океаны, сталкивал своих гостей в бассейн. В конце одного из ток-шоу, где Ричард играл роль главного гостя, он встал, радостно

улыбнулся и вылил на голову ведущему стакан воды. Публика взвыла от восторга, а все объяснялось очень просто – бизнесмен растерялся и не смог быстро найти ответ, так как страдает дислексией. Эта болезнь плохо поддается лечению – Брэнсон так и не научился красиво говорить. У больных дислексией нарушена координация, для них буквы и цифры смешаны и лишены смысла – такого человека очень трудно научить читать и писать. Тем не менее у чудака-миллиардера несколько домов, дорогие машины, собственный остров в Карибском море.

Ричард Брэнсон родился 18 июля 1950 года в семье потомственного английского аристократа, верноподданного Ее величества королевы графа Эдварда Брэнсона. Дед Ричарда по отцовской линии, Джордж Брэнсон, восседал в качестве лорда-судьи в Палате лордов. Он был кузеном Роберта Скотта, известного английского исследователя Антарктиды, который первым из англичан в январе 1912 года достиг Южного полюса и погиб на обратном пути. Дед Ричарда по материнской линии разводил цыплят. А его жена, бабушка Ричарда, Дороти Флинт, на старости лет стала ставить рекорды: в 89 лет была самой старой ученицей, сдавшей экзамен по латиноамериканскому танцу, в 90 – самым старым игроком в гольф. В 99 лет она совершила кругосветное путешествие, во время которого случилось одно довольно забавное происшествие. На Ямайке, купаясь, она пропустила отплытие круизного лайнера и осталась… в одном купальнике.

Отец Ричарда, Эдвард Брэнсон, с четвертого раза с трудом поступил в Итон – aima mater английской «золотой молодежи». (Видимо, он тоже страдал дислексией, которая передалась сыну.) Хотя Брэнсон-старший и завалил несколько раз экзамены, тем не менее адвокатом он все-таки стал. А затем женился на простой стюардессе, тем самым нарушив семейные традиции. (Его предки служили в английской армии, на флоте и в суде, блистая умом и знаниями, которые приносили им неплохой доход, и связывали свои судьбы только с богатыми семьями.)

Мать Ричарда, Иветт Флинт, унаследовала авантюрные наклонности своей матери: занималась в Королевском балете, хотела стать пилотом (для этого она переоделась мужчиной, так как женщин на такую работу не брали, и сумела сесть за штурвал). Затем Иветт работала стюардессой на международных линиях, хотя не имела специального образования и не знала иностранных языков. Она была мудрой и волевой женщиной. Миссис Брэнсон пришлось работать, поскольку ее муж-аристократ не преуспел на юридическом поприще и денег в семье было мало. Иветт плела корзинки, ткала коврики, расписывала коробочки.

Мать изо всех сил старалась воспитать Ричарда так, чтобы он мог адаптироваться к реальной жизни, и периодически устраивала ему тесты на выживание. Например, когда сыну было четыре года, она высадила его из машины за несколько миль от дома и предложила самому найти дорогу: к вечеру малыш добрался домой. В 11 лет его на велосипеде (в январе!) отправили навестить родственников в соседнем городе, причем о провизии он обязан был позаботиться самостоятельно. Миссис Брэнсон готовила сына как минимум к карьере премьер-министра и не хотела, чтобы он потерял почву под ногами в самый ответственный момент.

Однако в учебе Ричард не делал успехов. Только в 14 лет после усиленной подготовки его взяли в закрытую аристократическую школу. В высшем обществе было принято тратить огромные суммы на образование детей, так как подобные учебные заведения настолько закаляли учеников, что те входили в жизнь с достаточным багажом опыта и знаний. В школе Ричарда нещадно били и считали полным идиотом, пока не выяснили, что у него близорукость и дислексия. Парню подобрали очки, он смог, наконец, разглядеть, что написано на доске, но буквы и цифры все равно не обрели для него смысла. Периодические порки превратили для Ричарда учебу в пытку.

Школьника иногда спасало то, что он был капитаном сразу трех спортивных команд, – за успехи в футболе и регби ему прощали многое. Но потом Брэнсон сломал ногу и моментально очутился в классе для отстающих учеников. Там его стали пороть ежедневно, причем по любым причинам. Через год он перестал обращать внимание на удары и каждый раз благодарил учителей за порку.

А родители, просвещенные и либеральные люди, прощали сыну все его выходки. Его родная тетка, например, дружила с фронтовиком, потерявшим на войне ногу. Ложась отдохнуть, инвалид эту ногу отстегивал. Однажды юный Ричард украл протез, чтобы показать друзьям. Даже тогда родители не повысили на него голос.

В школе Ричард непонятно каким образом умудрился соблазнить 18-летнюю дочь директора: 14-летний подросток зачастил в этот дом, и однажды кто-то из учителей увидел его, когда он вылезал из окна комнаты дочери директора. Папаша сразу исключил малолетнего прелюбодея из школы. Но дерзкий мальчишка, вернувшись в общежитие, написал предсмертную записку, отдал ее самому любопытному школьнику и направился к ближайшей скале. За самоубийцей бежала толпа учеников и учителей. Исключение было отменено.

«Могу вам предсказать, молодой человек: вы или окажетесь в тюрьме, или станете миллионером», – сказал один из преподавателей школы юному Брэнсону. Ричард запомнил эти слова и начал претворять их в жизнь. На рождественских каникулах он приехал домой и занялся торговлей елками, затем взялся за попугаев – торговля птицами оказалась настоящим золотым дном. Брэнсон-старший сколотил вольер, и попугаи стали плодиться как кролики. Сын снабдил ими весь городок, а товара становилось все больше. Вскоре он вернулся в школу, и мать написала ему, что попугаев съели забравшиеся в вольер крысы. На самом деле Иветт Флинт выпустила их на волю – попугаи чересчур много ели и слишком громко чирикали. Ричард горевал недолго – у него появился новый бизнес.

Брэнсон вместе со своим школьным другом решил основать журнал “Student”. Свою комнату в школьном общежитии он переоборудовал под офис. Установить там телефон ему не разрешили, и ученик звонил рекламодателям из уличного автомата. За телефонный разговор Ричард не платил – закрыв за собой дверь будки, он звонил на телефонную станцию и сообщал, что разговор прервали, а монету автомат проглотил. Телефонистка соединяла его с нужным номером и говорила: «С вами будет говорить мистер Брэнсон!», поэтому все принимали ее за секретаря большого босса. Через пять минут она сообщала, что время истекло, поэтому Ричард до истечения этого времени изо всех сил старался убедить потенциального рекламодателя дать в его журнал платную рекламу. Он ссылался на вымышленных партнеров, рассказывал о том, что их конкуренты уже якобы купили рекламную площадь в журнале “Student”. Так юный бизнесмен получил деньги на выпуск первого номера издания.

В умении выбивать бесплатные статьи ему тоже не было равных: Брэнсон обращался к знаменитостям с вежливым письмом, в котором просил их поразмышлять на важные для человечества темы. Из 50 адресатов ему ответили десять – этого хватило на три первых номера издания.

“Student” удалось раскрутить – в нем печатались Жан-Поль Сартр, Мик Джаггер, Джон Леннон и знаменитый автор шпионских романов Джон ле Карре. Никому из них Ричард не заплатил ни пенни.

Первый номер журнала вышел 26 января 1968 года. На прибыль был создан консультативный центр для молодежи: здесь боролись за то, чтобы медсестрам повысили зарплату, устраивали на работу нянь, искали учеников студентам-репетиторам и оказывали моральную поддержку забеременевшим незамужним девушкам. Для убедительности предприятия Ричард рассказывал

всем душещипательную историю: однажды от него забеременела девушка, и они не знали, что им делать и куда обратиться, – вот и решили создать собственный центр помощи молодежи.

Приятели не могли понять, почему Брэнсону все удается. Например, лондонцы месяцами стояли в очереди на телефон, а он без труда обеспечил себя связью. Со временем выяснилось, что Ричард познакомился с инженером телефонной станции, и тот решил все их телефонные проблемы. Новому знакомому Брэнсон не платил ни пенни – время от времени он давал ему ключи от своей квартиры, куда тот водил подружек.

Через два года журнал прогорел: молодой бизнесмен не справился с привлечением рекламы и распространением издания. Но к этому времени он уже прочно стоял на ногах за счет того самого молодежного консультативного центра.

Может, в связи с работой его центра или от понимания своей неискушенности в бизнесе Брэнсон придумал название универсального бренда Virgin – «Девственник (ца)». Так он назвал свою новую фирму по почтовой рассылке дешевых пластинок.

Ричард так объяснял рождение своего феномена: «Когда зимой 1969 года мы искали имя для нашей звукозаписывающей компании, мне в голову закралась смутная идея, что оно должно быть привлекательным и приемлемым для множества других изделий для молодежи».

Брэнсон по-настоящему преуспел: его пластинки шли нарасхват, а когда разразилась забастовка почтовых служащих, он открыл вместе с другом магазин на одной из центральных улиц Лондона – и при этом ничего не заплатил за аренду. Их пустил к себе владелец шикарного обувного магазина: молодой бизнесмен сумел его убедить, что посетители маленького музыкального магазинчика будут привлекать внимание и к его обуви. В первый же день к брэнсоновскому прилавку выстроилась очередь, вечером он вышел из-за него чуть ли не миллионером. А обувщик продал всего четыре пары.

В 1973 году Брэнсон запустил лейбл Virgin Records, спустя четыре года записал скандально известных Sex Pistols, от которых отказались другие студии. В 1978 году молодой миллионер пригласил посетителей в первый ночной клуб “Virgin”, через три года записал Фила Коллинза, а в 1982 году – Бой Джорджа.

На следующий год Брэнсон основал “Virgin Vision” для распространения фильмов и видеозаписей, затем появилась фирма “Virgin Games” – производитель программ компьютерного обеспечения.

В 1984 году Брэнсон внедрил совершенно новый проект – “Virgin Atlantic Airways”. До сих пор отличительной чертой его

авиакомпании является невиданный уровень сервиса. В самолетах установлены кресла с экранами на 15 программ, есть видеоигры, услуги по маникюру, массаж и душевые кабинки.

Этому предшествовала схватка с монстром бизнеса – авиакомпанией “British Airways”. Здесь имели место и перехват пассажиров, и черный пиар, и взлом компьютерной системы с целью овладеть списками пассажиров, летающих “Virgin Atlantic Airways”. Правда, хакерские действия обошлись “British Airways” в 610 тысяч фунтов стерлингов штрафа. Ричард Брэнсон поделил их между всеми сотрудниками “Virgin”, и хотя каждому досталось всего по 166 фунтов, все ощутили вкус победы над монополистом.

Вообще натуре Брэнсона свойственна артистичность, но в жизни он не играет, а использует любую возможность, чтобы пообщаться с клиентами и выслушать любого своего сотрудника. У каждого работника компаний “Virgin” есть его личный номер телефона.

Ричард Брэнсон быстро шел вверх, и путь его был блистательным. Он занялся кино: основал сеть «Девственных кинотеатров», продюсировал экранизацию оруэлловской антиутопии «1984» и сам исполнил главную роль в фильме.

В 1985 году “Virgin” совершенно заслуженно получила почетный титул «Компании года». Потом Брэнсон освоил туристический бизнес: «Девственные отели» объединили множество гостиниц в Великобритании и Испании, а также на принадлежащих Англии Девственных островах. «Девственные выходные» ежегодно организуют отдых четверти миллиона человек. Радиостанция «Девственник», ориентированная на образованную молодежь, была признана лучшей в Англии, а по прибыльности заняла третье место. «Девственная кола» стала одним из самых модных английских прохладительных напитков. «Девственная водка», которую Брэнсон выпустил вместе со старинной фирмой «Уильям Грант», специализирующейся на элитных сортах виски, оккупировала более десяти процентов английского рынка. «Девственные игры» занимаются компьютерными игрушками.

Но захватническая политика этого «мягкого и пушистого» миллиардера в растянутом свитере и поношенных ботинках не раздражает англичан. Все, что брал под свой контроль Ричард Брэнсон, становилось образцовым. Так, вложив в железные дороги немалые средства, “Virgin” снизила цены на билеты, искоренила опоздания поездов, а Брэнсон получил 42 млн прибыли! Еще один пример – рынок финансовых услуг Великобритании. «Мы долго и внимательно присматривались к этому рынку, – говорит

Брэнсон, – и видели везде одно и то же: высокие цены, большие комиссионные сборы… Это напоминало один гигантский картель».

В 1999 году Брэнсон получил рыцарское звание и стал сэром Ричардом.

“Virgin” завоевывала мир, рыцарь рвался все выше и выше. На личную жизнь у него не оставалось ни сил, ни времени – и она затрещала по всем швам.

Еще в 1973 году он женился на американке Кристен Томасси. Обстоятельства их знакомства таковы. Крича во все горло: «Контрабанда!», Брэнсон носился по дому, арендованному «Девственником» для приезжих музыкантов. Заглянув в одну из комнат, он увидел красивую рослую блондинку с веселыми глазами, в обтягивающих бедра черных джинсах и бюстгальтере – свитер женщина держала в руках. Ричард сказал, что так она выглядит гораздо лучше и ей можно вообще ничего не надевать. Блондинка поинтересовалась, о какой контрабанде он спрашивает. Когда черная и лохматая Контрабанда вошла в комнату, виляя хвостом, оба расхохотались.

А утром она ушла – ее ждал жених. Ричард не собирался с этим мириться: днем Кристен получила странную телеграмму: «Лодка идет ко дну. Позвоните по телефону-автомату». Внизу стоял его собственный номер. Озадаченная женщина побежала звонить. А пока они разговаривали, друг Ричарда вошел в квартиру Кристен, сообщил ее жениху, что девушка от него ушла, и увез ее чемодан в брэнсоновский плавучий домик. По телефону Брэнсон сказал Кристен, что приготовил ей сюрприз и надо поскорее к нему приехать, – сюрпризом оказались ее собственные вещи, которые чудак торжественно вывалил на пол. Вскоре они поженились.

Однако молодая жена не смогла разглядеть и по достоинству оценить в Ричарде талант бизнесмена. Ее раздражала манера супруга постоянно, даже ночью, говорить по телефону. В конце концов Кристен начала изменять мужу, и миллионер вынужден был гоняться за ней чуть ли не по всему свету. Последний их разговор состоялся в каком-то греческом ресторанчике – оба рыдали так, что официант не взял с них денег за горячительные напитки. И все же Кристен не вернулась – Ричарду пришлось с этим смириться, но они остались друзьями.

Джоан Темплен, его вторая жена, тоже не смогла привыкнуть к чудачествам мужа. Несколько лет назад Брэнсон переплыл Атлантику на моторной лодке (катер пошел ко дну, а ему чудом удалось спастись), в другом путешествии он тоже чуть не погиб, когда воздушный шар разбился о скалы (Ричард вовремя прыгнул

в океан, и его подобрали спасатели). То, что он постоянно проверял себя и испытывал судьбу, не давало Джоан спокойно спать – зачем рисковать, ведь у них все так хорошо?!

В 1989 году Брэнсон увел ее, продавщицу антикварного магазина, от законного мужа, с которым она прожила восемь лет. Ричард влюбился в нее с первого взгляда, год приносил цветы, еще год ходил на свидания – и в один прекрасный вечер она осталась в его плавучем домике. Их первенец прожил всего четыре дня, зато дочка родилась веселой, здоровой, а потом у нее появился брат.

Супруга очень переживала по поводу «художеств» Ричарда. Король эпатажа Брэнсон чего только не придумывал для рекламы своей бизнес-империи: переодевался клоуном, стюардессой, пиратом, летал на гигантском воздушном шаре (причем неоднократно), прыгал с огромной высоты на крыльях, как Икар, участвовал в козьих бегах, спускался на горных лыжах абсолютно голым, танцевал на столе в женских подвязках, окатывал принцессу Диану шампанским, переворачивал жену миллиардера Трампа вверх ногами, толкал знаменитостей в бассейн. Маргарет Тэтчер вспоминала, как Брэнсону удалось стать центральной фигурой одного из правительственных приемов – фотографы как по команде отвернулись от королевы и стали снимать его ноги (он пришел в Виндзорский дворец в ботинках разного цвета).

Чудак считает, что не в деньгах счастье, и даже не в их количестве. Ему нравится сам процесс их зарабатывания, который он превратил в удовольствие. Имя и бренд для Брэнсона нечто большее, чем деньги. Может быть, поэтому в его фирмах работникам платят небольшие зарплаты, но атмосферу, которая там царит, нельзя сравнить ни с чем. Это, как выразился очевидец, творческий сумасшедший дом. Сотрудники называют своего босса только Ричардом, и для них существует уникальная возможность быстрого карьерного роста. Например, стюардесса “Virgin” предложила открыть салон-магазин для новобрачных и тут же стала его совладелицей.

Как отмечает биограф чудака-бизнесмена Тим Джексон, «в отношении торговых сделок у Брэнсона замашки уличного торговца: он точно знает, когда говорить, а когда промолчать, когда надавить на клиента, а когда просто уйти». Огромное обаяние этого чеширского кота маскирует прекрасно отточенную технику торговых сделок и мозги, «работающие лучше любого компьютера».

Конечно, не во всех областях у него все идет так, как хотелось бы, не все сразу удается. Скажем, в молодости он был осужден и оштрафован на семь фунтов за использование в рекламе

студенческого консультационного центра слов «венерические заболевания». Это выражение было запрещено чудом не отмененным «Актом о непристойных рекламных объявлениях» от 1889 года. В 1971 году Брэнсон был заключен в тюрьму за попытку беспошлинного экспорта грампластинок основанной им студии “Virgin Mail Order”.

Как утверждал сам бизнесмен, «не ошибается тот, кто не думает. Нужно смириться с неудачами и учиться на ошибках. Я люблю свое дело, потому что каждый день узнаю что-нибудь новое».

Время от времени этот чудак потрясает мир своими неожиданными выходками. Как-то он с напарником, в очередной раз пытаясь совершить кругосветное путешествие на воздушном шаре, летел по узкому воздушному коридору, потому что в Ираке шла война, а Россия запретила пролетать над своей территорией. В какой-то момент воздухоплавателям пришлось выбросить все из гондолы, включая и мешки с деньгами, потому что они стремительно теряли высоту. Правда, потом Ричард Брэнсон на воздушном шаре удачно перелетел Тихий океан – из Японии в Канаду.

Вслед за этим он совершил еще один, не менее невероятный поступок. Вот что писала в 1990 году одна из британских газет: «В небе над Лондоном появилась “летающая тарелка”, которая не исчезла, как обычно, невесть куда, а приземлилась в окрестностях британской столицы. Место посадки было немедленно окружено подразделениями полиции и армии, а также толпами любопытствующих. Открылся люк и из “тарелки” вышло существо, по виду похожее на человека. Лишь один полицейский осмелился пойти навстречу “инопланетянину”, который оказался… известным в Англии миллиардером Брэнсоном. “Тарелка” была сконструирована по его заказу на базе спортивного самолета».

В богатой приключениями жизни Ричарда была и почти криминальная история. Однажды накануне первого апреля он задумал с приятелями подшутить над другом, который должен был возвратиться из деловой поездки. Они решили сымитировать у него в квартире кражу со взломом, мастерски оставив следы взлома, беспорядок и многочисленные отпечатки пальцев на полированной мебели. Но приятель оказался еще большим шутником и «заложил» Брэнсона полиции. Пока шутка не раскрылась, первое апреля миллиардеру пришлось провести в камере.

Второй курьезный случай тоже чуть было не довел его до суда. Однажды покупательница заявила, что презервативы,

купленные ею в одном из магазинов Брэнсона, не выдержали испытания со всеми вытекающими отсюда последствиями. Находчивый бизнесмен нашел вполне достойный выход из этой скандальной истории – он стал крестным отцом новорожденного, и все претензии были сняты.

Миллиардер с 2007 года обещает отправлять желающих в космическое путешествие на его кораблях «Вирджин Галактик». Цель – сделать полеты более доступными для широкой публики, с тем чтобы в каждой стране мира появились тысячи собственных астронавтов. Именно поэтому в планах Брэнсона – строительство площадок для старта космических кораблей не только в Великобритании, но и в целом ряде стран.

Для реализации своей мечты сэр Ричард взял за основу уже слетавший в космос американский корабль “Space Ship One”. Брэнсоном подписано соглашение с американской компанией “Mojave Aerospace Ventures” на создание первых пяти пассажирских космических судов, которые являются, по сути, прототипами “Space Ship One”, но больше размером.

Билеты на «Вирджин Галактик» будут стоить примерно 115 тысяч фунтов стерлингов (около 200 тысяч долларов США). Для сравнения: за свой космический полет на российской ракете американский турист Деннис Тито заплатил 20 млн долларов. В ходе трехчасового полета туристам предоставится возможность выйти на несколько минут в открытый космос.

«Мы надеемся, что тысячи людей осуществят свою мечту и смогут полюбоваться нашей планетой из космоса, увидеть Землю и звезды во всем их великолепии», – заметил Брэнсон на брифинге в Королевском аэрокосмическом обществе в Лондоне.

В течение пяти ближайших лет Брэнсон планирует отправить в космос до трех тысяч человек. Все доходы от продажи билетов он намерен вкладывать в дальнейшее развитие программ космического туризма. В отдаленном будущем Брэнсон хочет построить отель на Луне и наладить регулярные пассажирские рейсы к нашему естественному спутнику.

Космический туризм обещает стать поистине золотой жилой. Примерная оценка стоимости рынка космических путешествий – десять млрд долларов в год. Специальное исследование, проведенное в США, выявило, что подавляющее число граждан этой страны готовы уже сейчас авансом заплатить за шанс когда-либо отправиться в космос. В листе ожидания американской компании “PanAm” к 2000 году значились 93 тысячи человек, вознамерившихся лететь на Луну. Япония заявляет о себе как о второй стране массового космического туризма.

Понятно, что 55-летнему Брэнсону и самому хотелось бы

побывать в космосе. А на Земле ему нужно немногое: он никогда не платит за бутылку вина больше 15 фунтов, а выглядит так, будто одевается на дешевых распродажах. До последнего времени он жил в маленьком плавучем домике, а в офисе у него не было даже рабочего кресла – своей империей Брэнсон управлял с маленького потертого диванчика, стоявшего в углу главного офиса компании “Virgin”.

ВИНЕР НОРБЕРТ

(род. в 1894 г. – ум. в 1964 г.)

Выдающийся американский ученый, «отец» кибернетики. Мировую известность ему принесли труды в области математической логики и теоретической физики: работы по теории потенциалов, гармоническим функциям, рядам и преобразованиям Фурье, тауберовым теоремам, общему гармоническому анализу, теории случайных процессов, электрических сетей и вычислительной техники. Однако мэтр точных наук в обыденной жизни был похож на беспомощного ребенка и часто вызывал улыбки окружающих.

Обычно профессор Винер приходил в аудиторию без каких-либо записей и конспектов лекций. Сначала он шумно и энергично сморкался, потом поворачивался к доске, даже не собираясь объявлять тему, и начинал что-то писать мелом. «Хотя я обычно сидел в первом ряду, мне было трудно разобрать, что он пишет, – рассказывал много лет спустя китайский физик К. Джен, обучавшийся у Винера в Массачусетсском технологическом институте. – Большинство других студентов не видели вообще

ничего». Упорно исписывая мелом доску, лектор бормотал себе под нос какие-то слова, содержащие оценку написанного, например: «Ну, это определение совершенно не верно». А затем быстро-быстро стирал все, что успел написать, и начинал заново. Наконец студенты могли расслышать, как он говорит: «Пока это, похоже, правильно». Только все брались за ручки, чтобы что-нибудь записать, как вдруг профессор снова все стирал и начинал писать сначала. Так продолжалось всю лекцию, а когда звенел звонок, он, не прощаясь и даже не взглянув на своих слушателей, удалялся из аудитории.

При такой склонности к чудачествам Винер был достаточно тщеславен и высокомерен. Единственное, что спасало его от насмешек, – потрясающая ироничность. Легенда гласит, будто именно ему принадлежат такие фразы: «Профессор – это человек, который может говорить на любую тему примерно минут пятьдесят». Или: «Лучшей материальной моделью кошки является другая, а желательно та же самая кошка»…

Норберт Винер революционно изменил представления о роли информации и связал ее с философскими и психологическими концепциями. Будущий «отец» кибернетики родился 26 ноября 1894 года в городе Колумбия, штат Миссури, в семье еврейского иммигранта, выходца из царской России. По семейному преданию, корни рода Винеров уходят к Моисею Маймониду из Кордовы – лейб-медику султана Саладина Египетского, известному ученому и богослову. Отец Норберта, Лео Винер, уроженец Белостока (этот небольшой польский городок тогда входил в состав Российской империи), в молодости учился в Германии и провел достаточно бурную, полную приключений молодость. Он был убежденным последователем Льва Толстого и одним из первых его переводчиков на английский язык. К моменту рождения Норберта он уже стал профессором современных языков в Миссурийском университете.

Спустя несколько лет семья Винеров переехала в Кембридж, штат Массачусетс. Здесь Лео Винер преподавал славянские языки и литературу в Гарвардском университете. Его отличала широкая эрудиция и нестандартные взгляды. В частности, он выдвинул гипотезу африканского происхождения цивилизаций Перу и Мексики, которая, однако, не встретила поддержки в научных кругах. Но в наибольшей степени нестандартность взглядов Лео Винера проявилась в воспитании собственного сына. Под руководством отца Норберт научился читать в четыре года, в семь лет цитировал по памяти Дарвина и Данте, в девять лет поступил в среднюю школу (в ней начинали учиться с 15–16 лет, предварительно закончив восьмилетку), а в одиннадцать –

окончил ее! В четырнадцать Норберт по окончании высшего учебного заведения Тафтс-колледж получил первую в своей жизни ученую степень – бакалавра искусств. Эти годы Винер подробно описал в своей автобиографической книге «Бывший вундеркинд».

Таким образом, еще подростком Винер был хорошо подготовлен к блестящей академической карьере. Затем он учился в Гарвардском и Корнельском университетах, в 17 лет в Гарварде стал магистром искусств, в 18 – доктором философии по специальности «математическая логика». В 1913 году молодой Гарвардский университет выделил Винеру стипендию для учебы в Кембриджском (Англия) и Геттингенском (Германия) университетах, где он слушал лекции Б. Рассела, Дж. Х. Харди, Д. Гилберта, Э. Ландау, но в связи с началом Первой мировой войны Винеру пришлось вернуться в Америку.

С детства Норберт страдал чудовищной близорукостью. Временами казалось, что он просто родился в огромных очках. Они были предметом насмешек одноклассников и раздражения учителей в школе, ссор с родителями и в конце концов стали причиной появления у маленького Норберта целой «коллекции клинических неврозов и душевных недугов». Очки были злорадным напоминанием о его физической неразвитости, о большой голове на непропорционально узких плечах, из-за которой сверстники прозвали его «яйцеголовым», и о неумении общаться с противоположным полом.

Норберт постоянно находился в замкнутом круговороте депрессий, повторявшихся каждые три недели. В 1915 году он попытался попасть на фронт, но не прошел медкомиссию из-за плохого зрения, и в течение пяти лет после этого его преследовала непрерывная череда неудач. Юноша пытался преподавать в университете Мэн и в Кембридже. В Колумбийском университете он стал заниматься топологией, но начатые исследования до конца не довел. В 1915–1916 учебном году Винер в должности ассистента преподавал математику в Гарвардском университете. После вступления США в войну он работал на заводе «Дженерал электрик» помощником инженера, откуда перешел в редакцию Американской энциклопедии в Олбани. Затем Норберт какое-то время участвовал в составлении таблиц артиллерийских стрельб на полигоне, где его даже зачислили в армию, но вскоре из-за близорукости уволили. Потом он перебивался статьями в газеты, написал две работы по алгебре, за опубликование которых получил рекомендацию профессора математики В. Ф. Осгуда. Благодаря этому и не без помощи отца, в 1919 году Винер наконец получил должность

ассистента кафедры математики Массачусетского технологического института (МТИ), где и прослужил «до последних дней своей малоприметной жизни», как сказано в его автобиографии.

В 1922, 1924 и 1925 годах Винер побывал в Европе у знакомых и родственников семьи. В Геттингене в 1925 году он выступил с сообщением о своих работах по обобщенному гармоническому анализу, которое заинтересовало таких именитых ученых, как Гильберт, Курант и Борн. Впоследствии Винер понял, что результаты его исследований в некоторой степени связаны с развивавшейся в то время квантовой теорией. Тогда же Винер познакомился с одним из конструкторов вычислительных машин – В. Бушем. Норберт высказал однажды пришедшую ему в голову идею нового гармонического анализатора, которую тот претворил в жизнь.

Продвижение Винера по службе шло медленно. Однако пришло, наконец, и везение. На заседании Американского математического общества Винер встретился с Я. Д. Тамаркиным, геттингенским знакомым, всегда высоко оценивавшим его работы. Такую же поддержку оказывал ему и неоднократно приезжавший в США Харди. Это в конце концов повлияло на положение Винера: он стал известен в Америке. Особенно значимой оказалась совместная деятельность Винера с приехавшим из Германии в Гарвардский университет Э. Хопфом, – в результате чего в науку вошло «уравнение Винера – Хопфа», описывающее радиационные равновесия звезд, а также относящееся к другим научным задачам.

В личной жизни молодого ученого также произошли большие изменения. После длительного периода ухаживания в 1926 году он женился на Маргарет Енгерман, и вскоре в их семье одна за другой родились две дочери. Надо отдать должное Маргарет – она была надежным другом, сиделкой и хозяйкой для своего не приспособленного к повседневной жизни супруга. Они почти не расставались, и даже во время многочисленных и продолжительных поездок в Европу и Китай семья сопровождала профессора. Общение с домашними происходило на странной смеси английского и немецкого языков, причем Норберт часто употреблял «детские» окончания, а свою жену уважительно называл полным именем Маргарита, что совсем не по-английски. Жизнь супругов была очень замкнутой, но сохранились письма… Неврозы Винера стали проявляться в меньшей степени, но фраза из письма типа «дом начинает выглядеть пустым, и погода все больше становится осенней…» (Нью-Гемпшир, 7 сентября, 1931 г.) говорит о многом…

«Отец» кибернетики славился чрезвычайной забывчивостью. Когда однажды его семья переехала на новую квартиру, жена положила ему в бумажник листок, на котором записала их новый адрес, – Маргарет отлично понимала, что иначе муж не сможет найти дорогу домой. Тем не менее в первый же день, когда ему на работе пришла в голову очередная замечательная идея, он полез в бумажник, достал оттуда листок с адресом, написал на его обороте несколько формул, понял, что идея неверна, и выбросил листок в мусорную корзину.

Вечером, как ни в чем ни бывало, он поехал по своему прежнему адресу. Когда обнаружилось, что в старом доме уже никто не живет, он в полной растерянности вышел на улицу… Внезапно его осенило, он подошел к стоявшей неподалеку девочке и сказал: «Извините, возможно, вы помните меня. Я профессор Винер, и моя семья недавно переехала отсюда. Вы не могли бы мне сказать, куда именно?» Девочка выслушала его очень внимательно и ответила: «Да, папа, мама так и думала, что ты это забудешь»…

Подобных анекдотов о рассеянности гениального ученого существует великое множество. Вот лишь некоторые из них. Однажды Винер столкнулся со своим студентом около университетского кампуса. Они поздоровались и, слово за слово, увлеклись обсуждением одной интересной математической задачи. Когда Винер закончил объяснять способы ее решения, он вдруг виновато взглянул на студента и спросил: «Простите, а с какой стороны я пришел сюда?» Студент почтительно указал направление. «Ага. Значит, я еще не ел», – с грустью констатировал профессор…

Администратор факультета математики Массачусетсского технологического института Филлис Блок вспоминал, как Винер любил навещать его в офисе и подолгу беседовать с ним о научных материях. Так продолжалось несколько лет, пока офис мистера Блока не переехал в другое помещение. И тогда Винер пришел к нему снова… представился и познакомился. «Он не помнил, что я – это тот самый человек, – смеялся Блок, – с которым он часто общался. Меня он помнил только по комнате, в которой я сидел…»

Ученый был человеком принципиальным и даже упрямым. Однажды утром один из его студентов ехал по дороге в Нью-Гемпшир и увидел старенький автомобиль с проколотой шиной, стоявший на обочине. Рядом сидел какой-то человек и беспомощно глядел на все это хозяйство. В незадачливом водителе студент узнал самого Винера. Когда молодой человек остановился и попытался помочь, профессор первым делом

проверил у него зачетку и согласился принять помощь, так как зачет по математике уже был получен.

С возрастом странности в психике Норберта почти исчезли и, по свидетельству многих современников, трансформировались в своеобразную защитную реакцию, выражавшуюся в тщеславии и высокомерии. Справедливости ради надо заметить, что оснований для высокомерия было более чем достаточно. Профессор Винер, ни много ни мало, изобрел новую науку – кибернетику.

Когда в 1920–1930-х годах Винер колесил по Европе с целью повышения квалификации, он познакомился с Н. Бором, М. Борном, Ж. Адамаром и другими известными учеными. Сам Норберт говорил о своей потребности в новых знаниях: «Когда я переставал учиться хотя бы на минуту, мне казалось, что я перестаю дышать. Это было сродни тупому инстинкту».

Окружающие относились к Винеру как к настоящему «сумасшедшему профессору» – вымирающему ныне типу, впервые блестяще описанному Жюлем Верном. Винер преподавал, писал статьи и книги. Его имя приобретало все большую известность. Он читал курс лекций в пекинском университете Цинхуа (1934). Год работы в Китае Норберт считал годом своего становления как ученого.

С началом Второй мировой войны в Пентагоне вспомнили о Винере. Нет, его не послали стрелять по врагам из винтовки или управлять радаром – Норберт, не покидая родной институтской кафедры, занялся разработкой новой модели управления силами ПВО. Он исследовал проблему движения самолета при зенитном обстреле. В процессе работы над математическим аппаратом для систем наведения ученый первым предложил отказаться от практики ведения огня по отдельным целям, особенно воздушным, так как в условиях реального боя это практически бесполезно. Можно сказать, что принятое в военной тактике понятие «массированный огонь» – довольно жуткое по своей сути, но, с математической точки зрения, абсолютно правильное изобретение – своим рождением обязано именно Винеру. Кстати, сам он не любил распространяться об этом периоде своей научно-исследовательской деятельности, поскольку всегда считал себя пацифистом.

Анализ и эксперименты убедили Винера в том, что система управления огнем зенитной артиллерии должна быть системой с обратной связью и что подобная обратная связь играет существенную роль и в человеческом организме. Все большее значение ученый придает прогнозирующим процессам, осуществляя которые нельзя полагаться лишь на человеческое сознание.

Существовавшие в ту пору вычислительные машины необходимым быстродействием не обладали. Это заставило Винера сформулировать ряд требований к ним. По сути дела, он предсказал пути, по которым в дальнейшем пошла электронно-вычислительная техника. Вычислительные устройства, по его мнению, «должны состоять из электронных ламп, а не из зубчатых передач или электромеханических реле. Это необходимо, чтобы обеспечить достаточное быстродействие». Следующее требование состояло в том, что в вычислительных устройствах «должна использоваться более экономичная двоичная, а не десятичная система исчисления». Машина, полагал Винер, должна сама корректировать свои действия, в ней необходимо выработать способность к самообучению. Для этого ее нужно снабдить блоком памяти, где откладывались бы управляющие сигналы, а также те сведения, которые машина получит в процессе работы.

Если ранее машина была лишь исполнительным органом, всецело зависящим от воли человека, то ныне она становилась думающей и приобретала определенную долю самостоятельности.

В этой напряженной военной обстановке возникли первые наброски того, что со временем стало новой наукой. Очень продуктивным оказалось знакомство Винера с мексиканским физиологом доктором Артуром Розенблютом, которое состоялось чуть позже, в 1945–1947 годах, когда Винер работал в кардиологическом институте в Мехико.

Сопоставление знаний из области медицины, физиологии и математики и позволили Норберту Винеру сформулировать принципы нового научного направления. Идея заключалась в необходимости создания единой прикладной науки, изучающей процессы хранения и переработки информации, управления и контроля. Для этой науки Винер предложил название «кибернетика», получившее общее признание. Естественно, конкретное содержание этой новой области знания не было результатом работы одного Винера. Не меньшую роль сыграли в формировании кибернетики, например, идеи Клода Шеннона. Но Винеру, несомненно, принадлежит ведущая роль в пропаганде кибернетики во всей системе человеческих знаний.

В 1948 году вышла книга Винера «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине». Она читалась как захватывающий роман, хотя и была насыщена терминологией и формулами. Судя по ней, Винер мог бы стать хорошим писателем, но стал гениальным ученым.

С выходом книги в свет кончился первый, если так можно выразиться, инкубационный период истории кибернетики, и

начался второй, крайне бурный – период распространения и утверждения. Кибернетика нашла горячих защитников и столь же горячих противников. Одни усматривали в ней философский выверт и «холодную войну» против учения Павлова. Другие, энтузиасты, считали уже тогдашние «электронные мозги» вполне разумными. Третьи, не возражая против сути проекта, сомневались в конечном успехе.

Итак, вокруг новой науки бушевали страсти. Однако кибернетика, в конце концов, выиграла сражение и получила право гражданства в семье наук. Период ее утверждения занял приблизительно десять лет. К 1958 году уже почти никто не выступал против новой науки.

Теперь имя Винера знал не только научный мир. К преподаванию и напряженной работе над книгами и статьями добавились выступления, поездки, участие в многочисленных конгрессах. Винер сотрудничал с группами разработчиков первых американских цифровых вычислительных машин. В 1953 году он выступал с лекциями в Индии, а в 1960 году даже приезжал в Советский Союз и выступал в Политехническом музее с лекцией о мозговых волнах. Вернувшись в США, ученый высоко оценил уровень развития советской науки: «Они отстают от нас в аппаратуре – не безнадежно, а немного. Они впереди нас в разработке теории автоматизации».

В январе 1964 года Норберт Винер был удостоен высшей для американского ученого награды – национальной медали «За научные достижения». На торжественном обеде в Белом Доме, посвященном этому событию, президент США Линдон Джонсон обратился к профессору с такими словами: «Ваш вклад в науку, на удивление, универсален, ваш взгляд всегда был абсолютно оригинальным, вы потрясающее воплощение симбиоза чистого математика и прикладного ученого». Надо сказать, что во время произнесения этой фразы Винер вдруг начал громко сморкаться, а потом долго переспрашивал у соседей, что сказал этот молодой джентльмен.

В толпе энергичных и жизнерадостных людей он выглядел потерянным, будто старающимся все время что-то вспомнить. Его вид мог бы вызывать жалость, если бы окружающие не понимали, что он по-настоящему велик. Впереди у Винера было еще несколько лет напряженной работы, но он уже прикоснулся к вечности и даже стал ее частью. Прошло два месяца – и великого ученого не стало. «Отец» кибернетики Норберт Винер умер в Стокгольме 19 марта 1964 года в возрасте 69 лет. За свою жизнь он написал по крайней мере одну великую книгу – «Кибернетика», придумал более 10 компьютерных терминов,

которые используются до сих пор, обучил несколько тысяч студентов, опубликовал множество трудов по математическому анализу, теории вероятностей, электрическим сетям и вычислительной технике. Кстати сказать, Норберт Винер всерьез исследовал и придуманные фантастами проблемы телепортации. Он предлагал изучить какой-либо предмет или человека до максимально мелких деталей, а собранную информацию закодировать в серии электромагнитных сигналов или гравитационных волн, способных без искажений проходить колоссальные космические расстояния. Таким образом, перебросив информацию в требуемое место, можно будет точно восстановить объект по его описанию. Но все упиралось в одну проблему: можно исследовать органические ткани, из которых состоит человек, но как исследовать разум и душу, а после этого пересадить их во вновь полученное тело? И кем будет телепортированный человек по отношению к «основному» – клоном, близнецом? До сих пор подобные вопросы относятся скорее к области фантастики, однако «винеровская телепортация» в принципе вполне осуществима… Возможно, только «сумасшедший профессор», витавший где-то в облаках, мог подарить человечеству новую науку и поставить перед ним новые задачи.

ВОЛКОНСКИЙ ГРИГОРИЙ СЕМЕНОВИЧ

(род. в 1742 г. – ум. в 1824 г.)

Григорий Семенович Волконский, сподвижник Румянцева и Суворова, получивший от последнего прозвище «неутомимого Волконского», прослужил во славу России почти семьдесят лет и был кавалером всех российских орденов. Даже получив в одной из битв серьезное ранение в голову, он остался в строю. Однако это не прошло бесследно, и при всем уважении к генералу от кавалерии, оренбургскому губернатору и члену Государственного совета, многие его считали юродивым и шутом.

Сейчас большинству читателей Григорий Семенович Волконский известен как отец декабриста Сергея Волконского. Однако в свое время этот представитель известнейшей в России фамилии был таким же знаменитым, как Суворов и Кутузов. Согласно сохранившимся летописям, Волконские ведут свой род от Святого князя Михаила Всеволодовича Черниговского, замученного в Орде в 1246 году, внук которого Иван Юрьевич, по

прозвищу Толстая голова, был пожалован уделом на реке Волокне. Волконские служили при царском дворе воеводами, стольниками, послами, окольничьими, а в 1650 году один из них, князь Федор Федорович, получил боярство. В XVIII–XIX веках многие представители этого рода занимали видные государственные должности. Дед Г. С. Волконского, князь Федор Михайлович, ходил на Азов с Петром I, отец, князь Семен Федорович, участвовал в Семилетней войне и дослужился до чина генерал-аншефа. Так что в роду Волконских все служили Отечеству. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Григорий Семенович, родившийся 25 января 1742 года, в возрасте 14 лет поступил на военную службу в чине поручика, а в двадцать один год уже был полковником Ряжского карабинерного полка.

В 1767–1768 годах Волконский участвовал в военных действиях против польских конфедератов. В 1768 году стал командиром Сибирского карабинерного полка, который участвовал в русско-турецкой войне 1769–1774 годов. За победу в сражении при Кагуле 21 июля 1770 года Екатерина II пожаловала его в кавалеры 4 класса ордена Св. Георгия. В 1774–1776 годах Григорий Семенович, уже в чине генерал-майора, принял участие в усмирении крымских татар, в 1787–1791 годах, во время Второй русско-турецкой войны, командовал 1-й дивизией в составе Украинской армии генерал-фельдмаршала графа П. А. Румянцева, затем состоял при светлейшем князе Г. А. Потемкине, объединившем командование, и наконец, был зачислен в корпус князя Н. В. Репнина.

Главным сражением в военной судьбе Волконского стало сражение у дунайского города Мачин 28 июня 1791 года. Григорий Семенович командовал корпусом в армии Репнина, на который пришлась основная тяжесть боя (кстати, соседним корпусом командовал М. И. Кутузов). В ходе шестичасовой битвы Волконский находился на передовой линии и был ранен в голову саблей (это ранение и даст знать о себе в дальнейшем). Турки здесь потеряли четыре тысячи человек, русские – в шесть раз меньше. «Во уважении на усердную службу и мужественные подвиги, коими он отличался в сражении при Мачине», генерал-поручик князь Волконский был награжден орденом Св. Георгия II степени.

В 1794 году Григорий Семенович, командуя всеми войсками, расположенными в районе только что заложенной Одессы, стал вторым лицом в регионе после Дерибаса и получил довольно обширный земельный надел в начале нынешней улицы Ришельевской, между Ланжероновской и Дерибасовской, где и построил дом. Только Волконский недолго радовался своему

одесскому приобретению: не прошло и трех лет, как князь вынужден был навсегда оставить новый город. С середины 1800-х годов принадлежащие ему строения отошли к сподвижнику герцога де Ришелье, барону Жану Рено. Этот чрезвычайно деятельный француз надстроил один из одноэтажных флигелей дома Волконского вторым этажом – здесь-то в 20-х годах XIX века и помещалась гостиница, в которой квартировал ссыльный Пушкин.

В 1795–1796 годах Волконский, уже генерал-аншеф, командовал 2-й дивизией в армии Александра Васильевича Суворова. Великий полководец был доволен своим учеником – «неутомимым Волконским», как он называл его за энергичность. За свои ратные подвиги Григорий Семенович был награжден всеми российскими орденами (исключая орден Св. Георгия I степени).

На портрете кисти В. Л. Боровиковского Волконский предстает патриархом, «пребывающим в полном мире с самим собой. У него лицо очень доброго человека, а не заносчивого вельможи, скорее командира, о котором говорят “отец родной”». Григорий Семенович и впрямь был патриархом большого семейства. Князь Волконский был женат на дочери своего командира княжне Александре Николаевне Репниной, которая была младше мужа на 15 лет. По понятиям того времени, красотой она не блистала, была скорее дурнушкой: серые, чуть навыкате глаза, длинноватый нос, узкий рот, тогда как в моде был «ангельский взор», губки, если и не бантиком, то нежные, пухлые, детские, и прямой нос античной статуи. Комплекс «дурнушки», должно быть, прочно засел в ее душе. Невзирая на высокое положение в обществе, судьба ее не баловала, и вряд ли брак с Г. С. Волконским был заключен по любви. Александра Николаевна была обергофмейстериной Высочайшего двора и статс-дамой. По словам ее внука, С. М. Волконского, жена героя войны «была характера сухого; для нее формы жизни играли существенную роль. Придворная до мозга костей, она заменила чувства и побуждения соображениями долга и дисциплины».

В семье росло четверо детей: три сына и дочь. Старший из детей – Николай (с 1801 г. принял фамилию матери, чтобы сохранить угасающий род князей Репниных) пошел по отцовским стопам, дослужившись до генерала от кавалерии. Он участвовал во всех походах против Наполеона. Раненый и взятый в плен под Аустерлицем, он отказался от предложения Наполеона освободить его, если он даст честное слово два года не воевать против него. После окончания Отечественной войны Николай Григорьевич был наместником Саксонского королевства. Второй

сын нашего героя, Никита Григорьевич, тоже стал военным и участвовал во всех войнах начала XIX века. Третьим ребенком в семье и любимицей отца была Софья. Естественно, военная карьера была не для нее, поэтому она просто удачно вышла замуж за своего дальнего родственника князя Петра Михайловича Волконского, генерал-фельдмаршала, неразлучного спутника Александра I и министра двора в 1826–1852 годах. О Сергее Григорьевиче Волконском, младшем сыне, многие знают как об участнике Отечественной войны 1812 года (генерал-майор) и декабристе, осужденном на вечную каторгу. Что касается рода Волконских, то можно еще добавить, что Григорий Семенович доводился двоюродным дедом Льву Николаевичу Толстому.

14 июля 1803 года Александр I назначил героя екатерининских войн князя Волконского оренбургским военным губернатором. При этом Григорий Семенович становился инспектором Оренбургской инспекции, в обязанность которому вменялось и управление гражданской жизнью Оренбургской губернии. К исполнению новой службы Волконский приступил со всем усердием, оставив в Петербурге всю семью (даже жена не сопровождала его, так как не могла оставить двор). Сейчас трудно определить, насколько человек, провоевавший всю сознательную жизнь, был готов возглавить огромный край. Говорят, что он вел дела исправно, за что уже через год удостоился «особенной признательности» Александра I.

Князь руководил губернией не только из своего кабинета, он совершал длительные инспекторские поездки. Конечно, в первую очередь он обращал внимание на вопросы, связанные с воинской службой, и в короткий срок добился разрешения «составить для охраны оренбургской пограничной линии четыре гарнизонных батальона из неспособных к полевой службе и надлежащих отставке нижних чинов Оренбурга и других инспекций. Чуть позже эти гарнизонные батальоны слились в один и стали именоваться Оренбургским линейным батальоном».

В 1805 году военный губернатор отправился второй раз инспектировать Оренбургскую губернию и вверенные ему войска. Побывал в Уральске, Симбирске, Казани, Уфе и других городах обширного края. Увиденное в поездке, вероятно, и на этот раз не слишком удовлетворило Г. С. Волконского. По крайней мере, именно после возвращения из нее он решает открыть в Оренбурге военное училище, чтобы обеспечить губернию подготовленными кадрами. Два казачьих полка губернатор «командирует» в Москву для укрепления союзнических войск России, Австрии и Пруссии в войне с Наполеоном, а сам вынужденно остается в далеком от военных действий Оренбурге.

Волконский прекрасно понимал, какой богатейший край достался ему в управление, и поэтому способствовал одной из экспедиций в район Джезказгана, которая подтвердила предположения о больших запасах в районе нынешнего Центрального Казахстана свинца и меди.

Григорий Семенович правил Оренбургским краем до 1817 года. Говорят, что он был единственным из оренбургских губернаторов, которому была посвящена ода, написанная предположительно В. В. Евреиновым:

Киргиз-касанцы вострепещут
И в радости узрят тебя.
Уфа и Оренбург восплещут
Врученных под покров себя.
Там милости рекой польются;
Хвалы твои да разнесутся
По азиатским странам!
Узнают к Богу как прибежен,
Как милостив и сердцем нежен, —
«Отец приехал, – скажут, – к нам»…

Однако не все были в восторге от его правления этим обширным краем. Так, граф П. В. Заводовский со свойственной ему резкостью выразился по этому случаю: «Распорядок на страну Оренбургскую хорош был по голове Неплюева; но в наш век возлагают на юродивого и шута». А бывший одно время адъютантом у князя А. М. Тургенев писал, что Волконский был человек «вспыльчивый, бешеный, надменный, бестолковый. Нельзя сказать о нем, что он был дурак, но суждение его во всем обо всем было странное, уродливое»… Что же послужило причиной столь обидного для генерала мнения? Дело в том, что о странностях Волконского ходили легенды. Совершенно заслуженно ему отведено несколько страниц в книге М. И. Пыляева «Замечательные чудаки и оригиналы».

Чудачества Волконского и его подражание великому Александру Суворову были хорошо известны оренбуржцам. Григорий Семенович благоговейно хранил память о своем учителе всю жизнь. Как и Суворов, оренбургский губернатор любил холод. А. И. Второв писал, что Волконский «зимой и летом ежедневно обливался холодной водой, ходил часто по улицам без верхнего платья и говорил: “Суворов не умер. Он во мне!”» Волконский, как и Суворов, считал прусскую военную форму уродливой (хотя с этим многие согласились бы), не хотел носить косу и букли, чем навлек на себя гнев императора Павла I.

И хотя большинство историков считает, что князь управлял вверенным ему Оренбургским краем не очень удачно, но все-таки существует и другое мнение. Генерал-майор И. В. Чернов называл Волконского хорошим администратором, однако признавал, что в последние годы своего правления губернатор практически не занимался даже важными делами.

Но думается, что управление краем все же было генералу не по плечу. Современники с облегчением отмечали: слава Богу, что не состоялся готовившийся в 1805 году поход на Хиву – помешала русско-турецкая война. А так, одолеваемый суворовскими амбициями, Волконский мог очень далеко завести русское войско. К тому же из-за контузии в голову Григорий Семенович вел себя очень странно. Историк Ф. И. Лобысевич рассказывает, что князь «был большой чудак, постоянно ходил в халате с надетыми на него орденами и в таком костюме даже прогуливался по улицам, сопровождаемый толпами мальчишек». Из всех своих пеших прогулок он возвращался домой на какой-нибудь попутной телеге… «Когда князь выходил из дому посидеть на крыльцо, то любимым его занятием было останавливать женщин и любезничать с ними. Получив из Санкт-Петербурга бумаги, князь Волконский прежде всего распечатывал царские указы, благоговейно крестился, целовал подпись и, не читая, клал их за образ в своем кабинете. Когда же являлся правитель канцелярии, который собственно управлял краем, то, отдавая ему указы, приговаривал: “Дать надлежащий ход”».

Бумаги князь подписывал не читая и только спрашивал правителя канцелярии: «Ты читал, что здесь написано?» – «Читал, ваше сиятельство». – «Побожись». Правитель божился, и тогда Волконский подписывал все, что ему давали.

Конечно, ему было одиноко в захолустном Оренбурге, вдали от семьи и блеска двора. За 13 лет губернаторства – «азиатского одиночества» – к нему только дважды приезжала жена. Александра Николаевна – доверенное лицо императрицы Марии Федоровны, первостепенная фигура при дворе Николая I – не могла оставить придворную службу. А Григорий Семенович так радовался ее визитам, превращая ее приезды в настоящие торжества. В 1805 и 1816 годах он выезжал ей навстречу, как только получал весть, что княгиня всего лишь «приближается к пределам азиатским». Изредка отца навещали дети, но особенно он радовался посещениям своей любимицы Софьи. Отъявленный «вояка», заслуживший от самого Суворова аттестацию «неутомимый и трудолюбивый», был по отношению к родным сентиментальным, искренним и простодушным, о чем свидетельствовали его письма к дочери. В них он называет ее

«душевным другом» и «ангелом». Текст изобилует «сладчайшими сентиментами к дорогим обжектам». Старик рекомендует дочери: «детей-ангелов держи, голубушка, где их комната, чтоб всегда был чистейший свежий воздух, отнюдь не жарко натопленная печь: никогда у ангелов кашля не будет». Беременность дочери отец называет «благословенным положением».

Видимо, Софья была для Волконского очень близким человеком. Ей он писал не только об оренбургских событиях, но и о товарах из Азии, подарках, которые он направлял из Оренбурга близким и друзьям. Князь всегда с нетерпением ждал караваны из Азии, чтобы накупить редких товаров для подарков. Особенно его привлекали кашемировые шали и платки, их он приобретал в огромном количестве. Одну, белую, особенно нарядную, Григорий Семенович отправил Марии Федоровне. Шаль императрице понравилась. И даже последовал ответ: «Обещаю наряжаться в сию шаль при упоминании о Вас, шаль прекрасная, и я очень чувствительна к намерению Вашему мне удовольствие сделать». Очень часто он также посылал в Петербург лошадей. А в одном из писем к дочери читаем: «Вам, голубушка, невестке… братьям пришлю славные шубы черные лисьи. Носите на здоровье!»

Иногда подарки бывали странными. Так, князь Григорий Семенович направил к дочери с просьбой поместить в ее доме, пока не разберут по своим домам сановники, «колонию коралькопаков (каракалпаки и калмыки) – до двух десятков… все угрюмые и нехорошие лицами, все крещеные, и привита оспа». Надо полагать, что сановники быстро «разобрали по домам» модную по тем временам прислугу.

Из Петербурга главе семейства в первую очередь слали одеколон, к которому он питал особое пристрастие, оподельдок и жасминную помаду для волос. Дочь отправляла и новые мундиры, которые губернатор надевал по случаю какого-нибудь праздника. А праздников в Оренбурге он устраивал великое множество. Генерал-майор И. В. Чернов вспоминал: «Князь Волконский устраивал вечера для танцев, на которые приглашал жен и дочерей казачьих офицеров в их казачьих нарядах: девицы в жемчужных лентах или повязках, а замужние в кокошниках. Он был последний губернатор, к которому на вечера приглашались казаки. Военный губернатор Волконский устраивал народные увеселения для всего населения по праздникам. Вечера отличались затейливой программой: фейерверки, ракеты, разноцветные огни в виде каскадов. Особенно блистательными бывали праздники в честь приезда к нему жены с семьей из Петербурга». При Волконском Оренбург часто озарялся фейерверками. Их устраивали также по случаю рождения внуков

и именин всех членов семьи князя.

По воспоминаниям И. В. Чернова, такой странный и причудливый образ жизни князя Волконского, конечно, был известен в Петербурге, и говорили, что его не раз вызывали в столицу, но Григорий Семенович прямо отвечал, что не поедет, потому что тотчас же по приезде умрет в тамошнем климате. В Оренбурге же особого вреда от него не было. Разве что, проходя по улицам, губернатор иногда бросал медные деньги в народ, особенно в большие праздники, а в его доме было много клеток с подаренными ему канарейками, соловьями и другими «певцами».

Но понемногу «оренбургское сидение» старику Волконскому все же наскучило, он все чаще поговаривал, как хорошо бы получить назначение, например, послом в Константинополь… Послом стать ему не довелось, но покинуть Оренбург пришлось: 26 декабря 1817 года Волконский был вызван в Петербург и назначен членом Государственного совета. С годами странности его не уменьшились. В книге княгини Е. Г. Волконской «Род князей Волконских» упоминается о том, как Григорий Семенович в Петербурге в карете цугом выезжал на базар и сам закупал провизию; сзади кареты, по бокам от ливрейных лакеев, висели гуси и окорока, которые он раздавал бедным. Будучи чрезвычайно богомольным (на портрете В. Л. Боровиковского он изображен с руками, положенными на Библию), он иногда останавливал свою карету, выходил и, посреди улицы становясь на колени, творил молитву.

Барон М. А. Корф в своих «Записках» называет князя Волконского «человеком известным в своем роде; ездя по петербургским улицам без мундира или сюртука, в одном камзоле и с непокрытою головою, он заходил на пути в каждую церковь, прикладывался к иконам и вообще старался подделываться во внешних приемах под все причуды и странности Суворова».

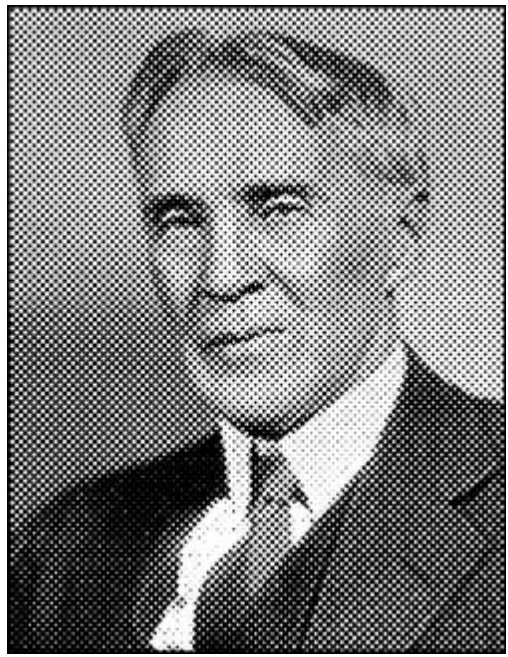
Б. Л. Модзалевский писал о Григории Семеновиче: «Старик был характера мягкого, добродушного, поэт в душе, страстный меломан… и знакомил оренбургских обывателей с творениями Марчелло, Палестрины, Перголеза, Страделла и др., а также с польского Козловского, русского Бортнянского. Волконскому всякая практика жизни была чужда. Он, кроме того, был со странностями, и здесь сказывалось ранение в голову, полученное при взятии Мачина. В семье было предание, что однажды он своего старшего сына Николая ударил по щеке. Сын ушел и заперся в своей комнате. Через несколько минут раскаявшийся отец стучится в дверь, но сын не отворяет. Тогда слышится голос: «Отопри, я стал на колени». Сын отворяет дверь, – и оба, отец и

сын, стоят на пороге друг перед другом коленопреклоненные».

17 июня 1824 года Григорий Семенович Волконский скончался, прослужив государю и Отечеству почти семьдесят лет. Похоронен был князь в Духовской церкви Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге. Надгробный памятник в виде пристенной доски выполнен скульптором Ф. И. Ковшенковым по проекту архитектора О. Монферрана. В 1930-х годах надгробие было перенесено в Благовещенскую усыпальницу.

ВУД РОБЕРТ

(род. в 1868 г. – ум. в 1955 г.)

Американский физик – экспериментатор, которого часто называют «отцом современной физической оптики» и «гением эксперимента». Открыл и исследовал резонансное излучение паров натрия и ртути, развил методы спектроскопии, заложил основы ультрафиолетовой и инфракрасной фотографии. Его экспериментальные исследования легли в основу квантовой теории строения атомов и повлияли на развитие молекулярной физики, физики ультразвука и астрофизики. Наряду с этим Вуд прославился множеством эксцентричных выходок, большинство которых так или иначе было связано с его страстью к экспериментам.

Американский писатель Уильям Сибрук, знавший Вуда и написавший о нем замечательную книгу «Доктор Вуд. Современный чародей физической лаборатории», был убежден: «Сущность Роберта Уильямса Вуда состоит в том, что это – сверходаренный американский мальчик, который не стал взрослым за всю свою жизнь». С этим трудно не согласиться.

Легенды о странных выходках и чудачествах сопровождали Вуда с детских лет до преклонного возраста. Несомненно, этому способствовала обстановка в семье, где родился будущий ученый.

Семейное предание гласит, что 2 мая 1868 года в день появления на свет Вуд собственноручно написал письмо бабушке, в котором сообщил о своем рождении, так как мать в силу физической слабости сделать этого не могла. Это письмо сохранилось, но, конечно, его написал кто-то из взрослых, скорее всего отец мальчика, который, впрочем, всегда отрицал свое авторство.

Вуд-старший происходил из семьи первых колонистов, то есть относился к американской аристократии, был образованным и незаурядным человеком. Он слыл искателем приключений, много путешествовал, дважды совершил опасное плавание вокруг мыса Горн. Это, однако, не помешало ему приумножить свое состояние. Отец Роберта был пионером возделывания сахарного тростника и производства сахара на Гавайских островах. Там он провел 20 лет, а в 1866 году вернулся в Америку и женился на Люси Джейн Дэвис.

Их сын Роберт к восьмилетнему возрасту стал сущим наказанием как для соседей, так и для родителей, которые, впрочем, не слишком строго относились к его проделкам, всячески поощряя любознательность сына (при этом следует учесть, что разница в возрасте между отцом и сыном составляла 66 лет). Они позволяли ему играть в мастерских завода вентиляционных устройств. Их сосед, хозяин завода Бенджамин Франклин Стэртевант, также снисходительно относился к множеству происшествий, которые сопровождали визиты мальчика на его предприятие. Впрочем, они всегда были связаны с попытками Роберта произвести какие-нибудь опыты или сделать что-нибудь своими руками, например, лыжи, самострел и даже электрическую машину по собственным чертежам и рисункам.

В пятнадцать лет из школьного курса Роберт узнал, что если сильно ударить по смеси бертолетовой соли и серы, произойдет взрыв. Первый опыт едва не стоил подростку руки, однако только раззадорил его. К празднику 4 июля вместе с кузеном Брэдли Дэвисом Роберт приготовил 20 фунтов смеси, врыл в землю столбы, прикрепил к ним гирю и устроил страшный взрыв.

С тех пор страсть к подобным эффектам не оставляла Вуда всю жизнь. После окончания Гарварда он поступил в университет Джона Гопкинса, намереваясь получить там степень доктора философии по химии, и поселился в пансионе. Дорога к университету шла через негритянский квартал. В полдень возле местной бакалейной лавки собиралась толпа чернокожих, чтобы

погреться на солнышке. Пространство за тротуаром было затоплено огромной лужей. И Вуд решил подшутить над завсегдатаями этого места. Он знал, что если бросить в воду натрий, то он загорается ослепительным желтым пламенем. В один прекрасный день аспирант положил в карман шарик натрия величиной с грецкий орех. Проходя мимо рассевшихся на тротуаре и расслабленных теплом негров, Вуд громко закашлялся, плюнул в лужу и незаметно бросил в нее шарик натрия. Раздался громкий взрыв, а над поверхностью воды поднялось пламя. Суеверные негры вскочили и с громкими криками «Этот человек плюнул огнем!.. Только сам Старый Сатана умеет так делать!» разбежались. Вуд был очень доволен. Много лет спустя он говорил, что это был его самый удачный эксперимент.

Эти годы отмечены и другими выходками Вуда. С помощью несложного химического опыта с хлористым литием он разоблачил хозяйку пансиона, которая подавала на завтрак вчерашнее мясо. Вместе с молодым физиком А. Б. Портером Роберт сконструировал из твердого картона огромный мегафон (подобные приборы, но гораздо меньшего размера появились в продаже только через 4–5 лет). С помощью этого мегафона молодой ученый дразнил прохожих, создавая иллюзию того, что кто-то невидимый обращается к ним с замечаниями вроде: «Вы что-то уронили». Со своей невестой Гертрудой Эмс Вуд переписывался с помощью восковых валиков для фонографа, в то время малоизвестных. Он запечатывал их в жестянки из-под муки и пересылал через весь континент.

Женитьба и рождение детей ничуть не изменили Роберта Вуда. В 1894 году семья переехала в Берлин. Молодой ученый получил предложение работать у известного профессора Вильгельма Оствальда. Но немецкий язык супруги знали плохо, поэтому еще в Америке стали брать уроки у веселого рыжебородого немца, очень любившего сигары «Корона». Однако преподавал он из рук вон плохо, предпочитая изъясняться с учениками на английском. Чтобы избавиться от учителя, Вуд начинил одну из сигар какой-то смесью. Когда ничего не подозревающий немец закурил, она издала шумный хлопок и раскрасила перепуганного курильщика сажей. Больше Вуды его не видели.

В Германии Роберт тоже не преминул отличиться. В свободное время он часто отправлялся на прогулки в горы. Однажды, чтобы сократить обратный путь, Вуд, не обращая внимания на плакат, запрещавший пешеходам проникать в туннель, спокойно вошел в него и двинулся вдоль рельсов. На

противоположном конце туннеля он попал прямо в руки полицейских. «Добрый вечер», – весело сказал им Вуд и попробовал проскользнуть мимо. Однако суровые стражи порядка заявили, что он арестован. С одной стороны от дороги высилась крутая скала, с другой вниз спускалась не менее крутая насыпь. Не долго думая, Роберт оперся на альпеншток, перескочил через край насыпи и понесся со страшной скоростью вниз вместе с лавиной мелких камней. Опешившие полицейские побоялись повторить этот трюк, а Вуд благополучно скрылся в еловом лесу.

Вместе с приятелем Августом Троубриджем Роберт часто устраивал розыгрыши на улицах, дразня чопорную берлинскую публику и полицию. Отметив, как тщательно стражи порядка в метро следят за тем, чтобы пассажиры, взявшие билет в третий класс, не воспользовались вторым, друзья устроили целое представление. Роберт купил билет третьего класса (от билета второго класса он отличался цветом) и, размахивая им, вошел в вагон второго класса. К нему тут же кинулись полицейские, но поезд успел тронуться. Вуд сделал вид, что не понимает, почему его выставляют из вагона. На отвратительном немецком он повторял: «Нет, я не выходить здесь. Я выходить на Фридрихштрассе». Конечно, ученого арестовали. В полицейском участке он вытащил свой постоянный билет второго класса и заявил, что полицейский либо плохо различает цвета, либо сумасшедший.

Все же, несмотря на многочисленные розыгрыши и выходки, Вуд с пользой провел время в Германии. Он успел провести самостоятельные исследования по измерению температуры в вакуумных трубках и стал известен в ученых кругах.

Проработав два года в Германии, Вуд решил вернуться в Америку. Однако тут любознательному Роберту представилась возможность совершить путешествие по Сибири. Журналист и писатель Франк Виллард ехал в Россию собирать материал о Всероссийской выставке 1896 года и строительстве Транссибирской железной дороги. Лучшим спутником для себя он считал Вуда. Русский министр путей сообщения Хилков предоставил друзьям бесплатный проезд. Однако оба молодых человека обладали склонностью к авантюризму. Для графа Льва Толстого они везли в багаже его книги, изданные за рубежом и запрещенные в России. На русской границе приятели обвязались толстыми томами, а сверху надели пальто. Иностранцев не стали обыскивать, хотя у их соседей по поезду проверили багаж и даже карманы. Удачливые контрабандисты в Москве передали книги приятелю Вилларда, тогда еще малоизвестному Антону Павловичу Чехову, который и доставил их по назначению.

В том же 1896 году семья Вудов с двумя детьми вернулась в Америку. Роберт занял скромную должность преподавателя физики в Висконсинском университете и скоро приобрел огромную популярность своими оригинальными демонстрациями физических законов. Из подручных материалов он мастерил экраны для создания маленьких миражей, торнадо, заставлял деревянные шарики летать по кривой, а с помощью электромагнита и металлических шариков от велосипедного шарикоподшипника демонстрировал движение планет вокруг солнца.

Однако деятельность Вуда не ограничивалась этими эффектными лекционными демонстрациями. Вскоре он изобрел способ отогревания замерзших труб с помощью электричества, так называемое «электротаяние». Это позволило сэкономить миллионы на компенсацию потерь от пожаров и принесло университету премию в 200 тысяч долларов.

Шло время, и Вуда все сильнее стали привлекать проблемы спектроскопии. Выяснив, что учебные пособия по этой дисциплине отстали от уровня ее развития лет на десять, он решил написать новый учебник, а параллельно занялся исследованием дисперсии света в парах металлического натрия. Этой работе, конечно наряду с другими, он посвятил почти всю жизнь.

В 1901 году Вуду предложили возглавить кафедру экспериментальной физики в университете Дж. Гопкинса (Балтимор). Американская академия искусств и наук в Бостоне выделила ему премию из фонда Румфорда. Это позволило ученому построить большой и мощный спектрограф, который стал первым из целого ряда других, более совершенных аппаратов. Один из них Роберт, кстати, называл «могильным», так как для его основания была использована большая могильная плита.

С помощью спектрографа Вуд открыл колебания линий спектра. Это стало началом чрезвычайно важных исследований в области резонансных спектров. Свой триумф Вуд отпраздновал чрезвычайно необычным способом. В тот момент, когда ученый увидел движение линий, разразилась гроза. Вуд выглянул в окно и увидел, что по улице текут потоки воды, а множество прохожих прячутся под козырьками зданий. Он достал из ящика стола кусок металлического натрия величиной с яйцо, дождался очередного раската грома и швырнул его вниз. Натрий взорвался желтым гигантским языком пламени, а толпа в ужасе шарахнулась внутрь здания.

Со спектрографом связан и еще один экстравагантный

поступок ученого, едва ли не самый знаменитый. Один из первых аппаратов состоял из длинной деревянной трубы шести дюймов в диаметре. За зиму в трубу забрались пауки и сплели там паутину. Когда Вуд заглянул в трубу спектроскопа, то смог разглядеть только плотные паучьи сети и пришел в ярость. К несчастью для себя, рядом находилась кошка. Профессор схватил ее и засунул в трубу спектроскопа. Испуганное животное пролезло через все сооружение и выскочило наружу, волоча за собой целый шлейф паутины.

Путешествуя по Европе, Вуд прославился своим маскарадным костюмом – возможно, самым оригинальным за всю историю маскарадов. В те годы в Париже был очень популярен французский летчик Пегу, который умел делать не только «мертвые петли», но даже пролететь четверть мили вниз головой. Вуд видел такой полет и тоже пришел в восторг. В Париже его с семьей пригласили на центральное событие сезона – Рождественский маскарад. Профессор держал в тайне от домашних свой костюм. Но однажды, когда дочь Маргарет особенно настаивала на том, чтобы он открыл ей секрет, ученый сказал: «Я наряжусь Пегу вниз головой в аэроплане». Все недоумевали, как это можно сделать. Профессор же спокойно заявил: «Мои голова и плечи будут закрыты картонным фюзеляжем. Спереди будет мотор и пропеллер, крылья на вытянутых руках, белые перчатки на ногах и огромная голова француза в шлеме и очках, с бородой – крепко привязана на заду». Гертруда пожала плечами и заметила: «Это будет не смешно. Просто человек с маской на заду». Но Вуд уже загорелся идеей. Из нескольких ярдов желтого полотна, связки тонких бамбуковых палок и листов картона он за несколько часов сделал конструкцию, которая стоила меньше трех франков.

Один из организаторов маскарада пришел в восторг от костюма и решил выпустить Вуда в конце, очистив ему место для замысловатого танца, а у двери поставить людей, которые бы кричали: «Пегу летит! Да здравствует Пегу!» И вот знаменательный день настал. Под громкий хохот публики, увидевшей голову на заду, и звуки Марсельезы Вуд выделывал невероятные виражи. Конечно, первый приз за костюм был присужден профессору.

Несмотря на огромную занятость Вуд обожал маскарады, домашние спектакли, пантомимы и другие развлечения, принятые в светском обществе того времени. Его шутки и розыгрыши доставляли огромное удовольствие всем, кто имел счастье сталкиваться с ним. Вот один из «фокусов» Вуда, специально подготовленный для развлечения друзей, который он

сам называл «полетом на аэроплане».

Предоставим слово профессору: «Гвоздем программы был объявлен полет на аэроплане с крыши сарая. К столбу на крыше была привязана железная проволока, спускавшаяся под небольшим углом через широкую лужайку к воротам дома. К проволоке я подвесил на двух стальных роликах огромного коробчатого метеорологического змея – бюро погоды, которого мне прислали для фотографических опытов. В указанный час я появился на лугу, одетый в странный авиационный костюм, в огромных очках и с бородой. Меня представили гостям как Блерио, первого человека, перелетевшего Английский канал [Ла-Манш] по воздуху; я взобрался по лестнице за сараем, перелез через крышу и отпустил змея с соломенным чучелом, одетым, как я, висящим снизу. Перед этим я зажег красный бенгальский огонь на переднем и заднем крыле и, толкнув машину, спрятался за столбом. Она заскользила по проволоке, испуская облака красного дыма. Визг роликов соединился с криками женщин, когда все приспособление – “человек”, машина и красный огонь – шлепнулись в кусты перед домом».

Еще одним чудачеством Вуда была изданная им книжка «Как отличить птиц от цветов». К науке она никакого отношения не имела. Ученый написал ее для собственного развлечения и в пику полуграмотным сочинителям, которые составляли для детей книги по ботанике. Книга в шутливых стихах объясняла разницу между вороной и крокусом (по-английски crow и crocus), клевером и ржанкой (clover и plover), перепелом и капустой (quail и kale), котенком и осьминогом (puss и octo-pus), а также между другими представителями животного и растительного мира, чьи названия созвучны друг другу. Она пользовалась огромной популярностью, но читатели не хотели верить, что сочинение написано знаменитым ученым-физиком. И это очень огорчало профессора.

Одна из самых знаменитых авантюр Вуда была связана с раскрытием тайн гробницы Тутанхамона. Эту страницу его жизни, принесшую профессору огромную популярность, можно было бы озаглавить: «Таинственная кража золота Тутанхамона». Вуд, безусловно, вором не был. Драгоценности понадобились ему для раскрытия одной из самых интересных загадок знаменитой гробницы, связанной с так называемым «пурпурным золотом», которое было обнаружено при раскопках захоронения.

Дело в том, что многие украшения из гробницы Тутанхамона имели золотые фрагменты, которые отличались пурпурным окрасом. Египтологи, химики, металлурги и ювелиры того времени ломали голову над загадкой: является ли пурпурное

золото результатом искусства ювелиров или приобрело такую необычную окраску в результате химических изменений от долгого пребывания под землей. Вуд загорелся желанием раскрыть эту тайну. Однако достать образцы из музея было практически невозможно. Нашедший гробницу Говард Картер противился попыткам изъятия из коллекции любого экспоната и даже незначительных фрагментов украшений. Однако Вуду удалось склонить к сотрудничеству куратора музея Энгельбаха. В интересах науки тот согласился нарушить правила и открыл для исследователя одну из витрин, предложив выбрать образцы. Вуд отобрал восемь маленьких фрагментов и на этом остановился. Бедный Энгельбах начал нервничать.

С помощью лака для ногтей, похищенного у жены, Вуду удалось доказать, что секрет получения пурпурного золота принадлежит египетским ювелирам. Оказалось, что для получения нужного эффекта они добавляли в золото другие металлы, а потом уже готовые ювелирные изделия подвергали термической обработке. После этого фрагменты золотых украшений благополучно вернулись в музейную экспозицию, а авторитет Вуда признали египтологи всего мира.

К числу увлечений профессора относилась его страсть к разоблачению всякого рода мошенников. В те годы, как впрочем и в наше время, особой популярностью пользовались различные спиритические сеансы, якобы позволявшие общаться с духами умерших. На этом поприще ему удалось серьезно напугать приехавшую в США знаменитую Евзапию Палладино, которую считали медиумом. Во время ее сеансов профессор использовал рентгеновские лучи, поставив с одной стороны кабинета мощную трубку, а с другой – снаружи комнаты – большой экран. Однако Палладино заподозрила неладное, сказалась больной, а потом спешно покинула страну.

Более серьезным результатом деятельности Вуда в этом направлении стало доказательство отсутствия существования N-лучей, якобы открытых в 1903 году главой физического отделения университета в Нанси профессором Р. Блонд о. Однако в данном случае речь идет не о мошенничестве, а о заблуждении известного ученого, жаждавшего славы супругов Кюри и Рентгена.

Блондо объявил о своем открытии лучей, которые по свойствам значительно превосходили Х-лучи Рентгена. Их якобы излучали многие металлы. Затем ученый мир охватило повальное сумасшествие. Исследователи соревновались друг с другом в получении сенсационных результатов. В солидных научных изданиях одно за другим появлялись сообщения о том, что N-лучи обладают способностью при попадании в глаз усиливать его

способность видеть, что их излучают не только металлы, но также растения, живые организмы и даже трупы, что их можно передавать по проводам и т. п. За свое «открытие» Блондо был удостоен премии Французской академии в 20 тысяч франков и золотой медали «За открытие N-лучей».

Вуд, прочитав об экспериментах французского профессора, попробовал повторить их, но положительного результата не получил. Какое-то время он помалкивал, а потом отправился в Нанси, чтобы разобраться на месте. Встретившись с Блондо, Вуд принял участие в демонстрации различных свойств N-лучей и убедился в том, что его оппонент заблуждается. Он «видел» спектр и его изменения там, где его на самом деле не было. Свои наблюдения Вуд направил в солидное научное издание “Nature” («Природа»). Пелена спала с глаз ученых. Статьи про свойства таинственных лучей перестали появляться в печати. Истина восторжествовала. Однако несчастный Блондо сошел с ума и вскоре умер.

Иногда не только борьба за истину, но и шутки профессора бывали достаточно жестоки. Однажды ему предложили написать статью в «Британскую энциклопедию» по поводу флуоресценции. Вуд решил проиллюстрировать ее фотографией человеческого лица при свете ультрафиолетовой лампы. В ее невидимых лучах белая кожа становилась темно-шоколадной, зубы светились таинственным голубым светом, а зрачок глаза казался белым. С предложением сфотографироваться для энциклопедии он обратился к хорошенькой машинистке, которую раньше едва замечал. Польщенная девушка согласилась. Каково же было ее отчаяние, когда в книге вместо своего лица она увидела жуткую маску.

В жизни Вуда очень часто имели место безобидные чудачества. Например, внезапно вспыхнувшая страсть к игре на фортепиано. По правде сказать, слуха у профессора не было совсем. В детстве его пытались учить музыке, но безуспешно. Но однажды ученый услышал игру одной из своих знакомых. Она с блеском исполняла «Большую сонату» Шумана. Ученый тут же, несмотря на потрясшую его цену, купил ноты и засел за рояль. Спустя год он выучил первую часть сонаты. В Берлине, где семья, обремененная маленькими детьми, прожила два года, инструмент оказался недоступен. Однако, вернувшись на родину, Вуд с лихвой восполнил упущение. Несколько лет он продолжал настойчиво осваивать сонату, но жене и детям опротивел Шуман. Пришлось уступить. Однако профессор нашел выход из положения. Взамен шумановской сонаты он купил ноты бравурной «Прелюдии» Рахманинова и принялся за изучение

нового произведения, терзая громкими звуками уши близких и знакомых. Помучившись еще какое-то время, семья окончательно восстала, и профессору пришлось прекратить музыкальные занятия.

Роберт Вуд покинул наш мир 11 августа 1955 года, оставив по себе славу одного из самых талантливых и оригинальных людей прошлого века. Его вклад в науку человечество оценило очень высоко, а истории, связанные с чудачествами профессора, еще долгое время будут веселить людей, далеких от научных изысканий.

ГАНИН ЕГОР ФЕДОРОВИЧ

(род.? – ум. в 1830 г.)

Этот человек, живший в первой четверти XIX столетия, был одержим настоящей манией писательства. Будучи коллежским советником и богатым купцом, он всю жизнь стремился к «изяществу»; вот только в понятие это вкладывал свой собственный смысл…

Дом коллежского советника Егора Федоровича Ганина когда-то стоял на Калашниковом берегу Невы, недалеко от Болотной улицы, рядом с фабрикой Штиглица. Перед окнами здания был разбит небольшой сад, являвшийся, несмотря на свои скромные размеры, одной из достопримечательностей Санкт-Петербурга. Сам коллежский советник происходил из богатых вологодских купцов; этого человека считали одним из самых чудаковатых обитателей северной столицы того времени.

Среднего роста, с прической, напоминающей вставшую дыбом щетину (волосы всегда были сильно напудрены), Ганин не особенно выделялся среди прочих советников его ранга. Разве что неизменный голубой платок на шее, никогда не покидавший своего «поста» под подбородком хозяина, вызывал вполне дружелюбные насмешки окружающих. Егор Федорович обычно в долгу не оставался, отшучивался в ответ, однако свято хранил верность этому предмету своего гардероба и с упорством, достойным уважения, продолжал изо дня в день повязывать свой неизменный платок. В итоге голубой кусочек ткани по-прежнему мозолил глаза друзей и знакомых упрямого коллежского советника, победно выглядывая из-под отворотов делового костюма или домашнего халата. Шейному платку Ганина, похоже, отводилась роль сигнала, сообщавшего: внимание, перед вами чудак!

Егор Федорович, подобно другим богатым представителям своего сословия, имел, кроме основного рода занятий, «одну, но пламенную страсть» – был одержим непреодолимой тягой к писательству, считал себя удивительно талантливым и пытался доказать свою гениальность современникам. Последние, страдая, по мнению Ганина, «толстокожестью», не спешили заносить упрямца в список признанных мастеров пера и творческих потуг купца не замечали… А если и обращали внимание на его труды, то…

Уж лучше бы Егор Федорович не писал! В частности, несколько драм, которые настырный графоман все-таки умудрился «протолкнуть» в печать, доставили массу удовольствия его современникам: произведения Ганина надолго стали пищей для обидной болтовни и неисчерпаемым источником насмешек… Но непризнанный автор особенно не унывал. Во-первых, всегда можно было подобрать компанию друзей, готовых сыграть в домашнем театре твою пьесу. Во-вторых, в драматургии Ганин видел возможность для введения новшеств. Например, его всегда раздражало, что в сценах, где предусмотрено появление каких-либо кулинарных блюд, актеры сидят перед яствами из папье-маше или раскрашенного воска. Егор Федорович настаивал, чтобы слуги искусства в таких случаях получали вполне реальные кушанья. Причем коллежский советник уточнял: жаркое в данном случае подавать не стоит, поскольку «резать неловко, да крылышки, ножки, хлупики обгладывать»; да и раков «вообще на сцену пущать не следует». Исключение составляет тот случай, когда блюдо с раками просто несколько минут мелькает «в кадре»; но тут уж можно действительно обойтись муляжом…

Дабы подать современникам пример, Егор Федорович поставил в своем домашнем театре драму «Слабомыслов», им же самим написанную. Гостям хозяин предоставил список реальных блюд, подаваемых самодеятельным актерам в IV действии, явление I. Вот перечень, составленный самим Ганиным:

1) «Бульон в фарфоровых раззолоченных и живописных чашках. Какия чашки налиты наполовину были, чтоб не разлиться».

2) «Язык ломтиками на зеленом горошке».

3) «Плов, облитый дичинным соусом, с печенкою».

4) «Рыбный майонез с желеем».

5) «Фарш, очень вкусный, в форме каплуна».

6) «Желе весьма крепкое и светящееся».

7) «Миндальный пирог самаго красиваго вида с битыми сливками».

В конце текста имелась приписка: «Все сие было мягко и удобно для яствия на сцене. А потому вместо ненатуральных и несъедобных картонных и других блюд, по моему мнению, можно бы держаться сего указателя».

Свои замечания известный оригинал вскоре представил дирекции придворного, Его Величества, театра. Однако радение коллежского советника о состоянии желудков слуг Мельпомены желаемого воплощения в жизнь не получило. Виной тому, как говорил Ганин, оказался цензор, не внявший гласу разума. В данной неблагодарной роли выступил надворный советник Соц,

который написал на предоставленной ему рукописи рецензию красными чернилами: «Неприличное указание дирекции придворного, Его Величества, театра».

Столь же оригинальным, как и тяга к реформаторству театрального действа, стало упорное желание Ганина окружить свою собственную персону и гостей дома «изяществом». Скажите, ну разве могли петербуржцы, избалованные созерцанием многих настоящих шедевров, проникнуться трепетом и вдохновением в отношении… кунсткамеры нелепостей?! А ведь именно под такую «экспозицию» Егор Федорович отвел сад при собственном доме на берегу Невы. И, как оказалось, его идея пришлась по вкусу многим. Местные жители по достоинству оценили выходку известного чудака: «кунсткамера» в кратчайшие сроки превратилась в одну из достопримечательностей города и любимое место отдыха петербуржцев.

Чудаковатый купец решил собрать в одном месте коллекцию всего того, что большинство провинциальных помещиков вполне искренне считали проявлением тонкого вкуса и пониманием изящества. Сам он и зимой и летом жил в своем деревянном доме; украшением постройки служила широкая терраса, с ранней весны и до поздней осени уставленная многочисленными горшками с цветами – как искусственными, так и натуральными. В саду же, окружавшем здание, советник собрал все то, что в большом количестве наводняло загородные поместья его состоятельных современников, но только в утрированном виде. Все прихоти барства были здесь доведены до карикатурности; храмы славы, павильоны дружбы, фонтаны, водопады и пруд имели нелепый вид и невольно вызывали насмешку. Тем более что пруд и сад Ганина во множестве «населяли» игрушечные корабли, бастионы, крепости, картонные пушки и солдатики. А немного дальше располагался необычный зверинец: все его многочисленные экзотические жители были сделаны из картона в натуральную величину. На территории сада места хватило и на гроты; в одних скрывались нимфы и прочие «обитатели» мифов Древней Греции, а другие были отданы более возвышенной тематике. Например, в одной из таких пещерок сидел пастор с Библией.

Все это «великолепие» Ганин щедрой рукой «пересыпал» многочисленными алебастровыми бюстами мудрецов Греции и языческих богов, причем все изваяния он приказал выкрасить в телесный цвет… Там же, в саду, Егор Федорович воздвиг и памятник своей первой супруге (то-то ей, наверное, икалось на том свете!). Изваяние имело надпись: «Марш другу, любви и верности». Как это нужно было понимать? А Бог его знает! Ганин

как-то не особо заботился о том, чтобы его выходки были понятны окружающим… Не забыл коллежский советник соорудить также две горы (древлянскую и поставленную в честь «парнасских милых дам») и поставить «молочницу с разбитым кувшином». А по праздникам в сад выносился говорящий попугай, обитавший в большой клетке. Птица, едва завидев хозяина, радостно орала на всю округу: «Дурак! Дурак!»

Вход на территорию необычного сада был свободным для всех желающих. Об ограничении, сделанном хозяином, сообщала табличка, которая висела при входе: «Для добрых, честных и правдивых и без собак». Вообще, надписей в саду хватало. Например, на фронтоне беседки имелось «глубокомысленное» изречение: «Незачем далеко, и здесь хорошо». А на большой зеленой доске красовалось посвященное самому Ганину четверостишие:

Армидины сады поэтам лишь известны,
И только видим их у Тасса мы в стихах:
Но садик Ганина, поистине чудесный,
У нас не в баснях: он у каждого в глазах.

Стоило пройти немного дальше, как на глаза попадалась доска красного цвета. На ней серебряными буквами было написано:

О, чудный в свете вертоград!
Похвал достойный Ганин сад!
О драма русская «Любим»,
Гордимся автором своим.

Егор Федорович завел специальную книгу, в которую вносил фамилии посетителей своего сада. Его интересовали, в частности, лица, имевшие чин от пятого класса и выше. Описание «кунсткамеры», принадлежавшей коллежскому советнику, неоднократно мелькало на страницах журнала «Благонамеренный». Издававший его А. Е. Измайлов не мог удержаться, чтоб не пройтись по поводу такого собрания «изяществ», и поэтому опубликовал юмористическое стихотворение, в котором обрисовал увиденное со своей точки зрения.

О том, что Ганин горазд отчебучивать всяческие нестандартные номера, знали все. И тем не менее, общественность каждый раз вполне искренне удивлялась

изобретательности ума развеселого купца. Пожалуй, только ему могли прийти в голову такие способы веселить народ, о которых речь пойдет ниже. Он умел, слегка задевая самолюбие жертв шутки и порой вгоняя их в краску, не переступать некоей незримой черты, за которой кончался собственно розыгрыш и начиналось оскорбление. Видимо, поэтому даже то, что на удочку Егора Федоровича время от времени попадались представители высшего света и даже члены августейшей семьи, легко сходило ему с рук.

Представьте себе: лето, великолепная погода, река… На яхте, в сопровождении гвардейского экипажа, проплывает будущий император Александр I. Над Невой разносятся звуки роговой музыки Нарышкина… В общем, тишь, гладь и Божья благодать. И тут… Цесаревич, разглядывая изменяющийся окрестный пейзаж, внезапно узрел на берегу некую деталь, резко диссонирующую с общим благолепием и торжественным величием. Говоря проще, пред ясными очами Александра Павловича предстала большая компания, отдыхавшая на травке в абсолютно голом виде. Цесаревич, понятно, возмутился, сочтя себя оскорбленным в лучших чувствах. Он тут, понимаете ли, гулять изволит, а какие-то мужики (явно не шибко трезвые, а то на такой бы конфуз не пошли!) с настроения сбивают. Скорее всего, это гости Ганина, упившись без меры, прохлаждаются; и Александр Павлович спешно отрядил на берег своего адъютанта – порядок наводить.

Каково же было удивление посланного, когда он прибыл на берег! Решительный адъютант, собиравшийся в два счета разогнать неприличную компанию, обнаружил, что «гости», выбравшиеся голышом на всеобщее обозрение, – это… алебастровые статуи «под античность»! Просто Ганин, любивший шокировать публику, удачно пошутил, отдав приказ покрасить изваяния в светло-розовый цвет, напоминающий незагорелую кожу…

Цесаревич тоже оказался не лишен чувства юмора. Инцидент был исчерпан, высочайшие особы от души посмеялись выходке купца, обладавшего столь буйной фантазией, однако решили позаботиться о нравственном облике прочих петербуржцев. Чтобы оригинальные статуи впредь не смущали случайных зрителей и не наводили их на неприличные мысли, тогдашний обер-полицмейстер приказал своей команде спешно выбелить алебастровые фигуры, приведя их тем самым в изначальный вид. Что говорила по поводу шутки Егора Федоровича бригада маляров поневоле – науке не известно…

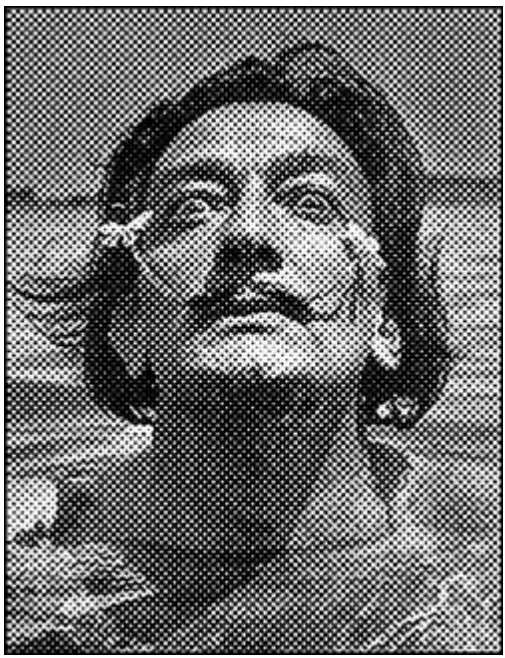
В 1830 году Егор Федорович Ганин умер в возрасте 65 лет от холеры. Похоронили его на Митрофаньевском кладбище Санкт-

Петербурга. Друзья и знакомые очень жалели, что потеряли столь колоритную, досужую на выдумки и веселые выходки личность. Оказалось, что для многих пожилой оригинал стал чем-то вроде символа остроумия и ироничного отношения к реальности. С уходом этого неунывающего чудака жизнь в Санкт-Петербурге стала более пресной и блеклой…

ДАЛИ САЛЬВАДОР

Полное имя – Дали Сальвадор Феликс Хосинто

(род. в 1904 г. – ум. в 1989 г.)

Знаменитый испанский художник, дизайнер и декоратор. Автор огромного количества живописных полотен. Работы Дали широко представлены в музеях Европы и Соединенных Штатов Америки. Не менее знаменит художник и своим эпатажным поведением и безумными выходками.

Сказать, что знаменитый испанский художник Сальвадор Дали был необычным человеком, значит не сказать ничего. Трудно даже представить, сколько раз в его адрес звучало определение «Сумасшедший!». Странные, иногда даже пугающие картины, шокирующие высказывания и эпатажное поведение создали вокруг этого человека таинственный ореол самого экстравагантного европейского деятеля культуры XX века. Его любили и ненавидели, перед ним преклонялись и поливали его грязью. Ему одному из немногих художников удалось сколотить на продаже собственных картин огромное состояние при жизни,

ведь он считал, что богатство дает независимость, а «герой ни к кому не идет в услужение», как ни шел в услужение сам Дали.

Сальвадор Феликс Хосинто Дали родился 2 мая 1904 года в городе Фигерас в Каталонии. Его отец служил государственным нотариусом. Родители дали Сальвадору и его младшей сестре Анне-Марии самое лучшее образование, которое только возможно было получить в то время. Сальвадор рос умным мальчиком, довольно рано начал проявляться его талант к рисованию, что вскоре заметил друг семьи – художник-импрессионист Рамон Пихо, который и стал его первым учителем. Но наряду со способностями еще в раннем детстве у Сальвадора проявились некоторые странности. Мальчик страдал от того, что родители дали ему имя умершего в 1901 году брата. «Когда я родился, – писал впоследствии Дали, – я должен был идти по следам мертвеца, который продолжал жить во мне». Стремясь хоть как-то выиграть соревнование с несуществующим братом, он все время пытался привлечь к себе внимание окружающих и делал это весьма своеобразно: симулировал приступы удушья, падал на пол в конвульсиях. При этом Сальвадор наслаждался страхом родителей, которым его стоны напоминали смерть их первенца.

Большую часть детства и юности Сальвадор провел в принадлежавшем его семье домике на берегу моря в Кадиксе. Там он общался с рыбаками и рабочими, от которых узнавал о суевериях и мифах простонародья, что впоследствии оказало серьезное влияние на его творчество. В 1921 году семью потряс тяжелый удар – от рака умерла мать Сальвадора. Через год после этого горестного события Дали покинул родной дом и отправился в Мадрид. Ему удалось уговорить отца помочь основать свою художественную студию при Академии изящных искусств Сан-Фернандо. Однако спустя четыре года после смерти матери отец Сальвадора вновь женился, это привело к ухудшению отношений в семье, потому что сын посчитал этот брак предательством.

Уже в 1925 году была проведена первая персональная выставка Сальвадора Дали в Барселоне. У молодого художника быстро появилось множество неординарных знакомых в Мадриде, которые оказали определенное влияние на его жизнь и творчество. Среди них были такие знаменитые личности, как Луис Буньюэль – ведущий европейский кинорежиссер и Федерико Гарсия Лорка – поэт и драматург. Дали быстро проникся их настроениями и стал противником консервативных доктрин испанской политики и догм католической церкви, что вскоре привело его к несогласию с методами Академии изящных искусств и, в конечном итоге, исключению из нее в 1926 году за подстрекательство студентов к беспорядкам.

В 20-е годы XX века Сальвадор Дали пробует себя в различных направлениях живописи – реализме, импрессионизме, кубизме. В 1926 году он совершил поездку в Париж, в то время – мировой центр искусств, где побывал в мастерской Пабло Пикассо, работы которого произвели на молодого художника сильное впечатление. В том же году была проведена вторая персональная выставка Дали в Барселоне, в галерее Делмо.

В 1929 году Буньюэль пригласил художника в Париж для работы над сюрреалистическим фильмом под названием «Андалусский пес», который сейчас считается классикой сюрреализма. Заслуга Дали в создании картины была огромна. Одна из самых знаменитых и шокирующих сцен, в которой человеческий глаз разрезает лезвие, была придумана именно им. После выхода фильма на широкий экран Буньюэль и Дали стали знаменитыми. Их следующий фильм «Золотой век» был принят критикой с восторгом, но он же стал и причиной размолвки двух мастеров, так как каждый считал, что сделал для фильма больше, чем другой. Несмотря на то что творческий дуэт Дали – Буньюэль после этого распался, совместная работа оставила глубокий след в жизни обоих мастеров, а Сальвадор Дали избрал для себя путь сюрреализма.

В 1929 году, после завершения работы над «Андалузским псом», Дали вернулся в Кадикс, чтобы подготовиться к новой выставке в Париже. В его дом часто приезжали гости, одним из которых был французский поэт Поль Элюар. Вместе с ним у художника гостила и его семья – дочь Сесиль и жена Гала, ставшая вскоре любовницей, а позже – женой, моделью и музой Сальвадора Дали.

Картины художника становились все более сюрреалистичными, в них явно прослеживался сексуальный подтекст и читался открытый вызов морали и обществу. В одной из картин того периода, где вокруг силуэта Мадонны было грубо нацарапано: «иногда мне нравится плевать на портрет моей матери», его отец, с которым отношения у Сальвадора и так были не самыми теплыми, усмотрел осквернение памяти своей первой жены и матери художника. К этому добавилось недовольство ветречами сына с Галой Элюар, и отец в результате запретил Сальвадору посещать их семейный дом в Кадиксе.

Гала Элюар (урожденная Елена Делувина-Дьяконова) была почти на 10 лет старше Дали, к тому же он считал себя по сравнению с ней, долго вращавшейся в артистических кругах Парижа, простым провинциалом. Возможно, поэтому перед первым свиданием с покорившей его сердце женщиной молодой художник натер тело самодеятельными духами,

представлявшими смесь рыбьего жира, козьих экскрементов и масла. Кроме того, Дали выбрил себе подмышки и выкрасил их в синий цвет, напомадил волосы на голове и воткнул в них красный цветок, выстриг дыры на одежде и повесил на грудь янтарную цепь. Правда, в последнюю минуту он все-таки смыл «духи». Влюбленный художник очень старался понравиться Гале, и она это поняла и оценила. Их взаимная страсть оказалась сильнее всех моральных преград, и уже в 1930 году Гала оставила Элюара и переехала к Сальвадору Дали. Удивительно, но факт – на их свадьбе, состоявшейся в 1934 году, одним из свидетелей был ее бывший муж. Забавно, что в дальнейшем супруги десятки раз повторяли брачную церемонию: Дали вновь и вновь женился на Гале, освящая свой союз с ней под сводами различных церквей и регистрируя брак во многих странах мира. Он даже добился аудиенции у Папы Римского, получив у него благословение на брак с любимой женщиной. После очередного венчания он давал торжественный обет и с восторгом отправлялся в свадебное путешествие.

Выставки художника становились все успешнее, картины хорошо продавались. На деньги, вырученные от продажи своих работ, Дали, который трудно переживал расставание с домом на берегу моря в Кадисе, купил собственный дом неподалеку от Порт Лигат, тоже на морском побережье.

Женитьба придала Сальвадору Дали новые силы и добавила уверенности в себе, Гала стала источником вдохновения художника. Он порвал с группой сюрреалистов во главе с Андре Бретоном, в которую вступил в 1929 году, и отныне принадлежал только себе. Он утверждал: «Сюрреализм – это я». С этого времени Дали начал использовать принципиально новый прием так называемого двойственного изображения. Что интересно, собственно художественную технику знаменитый живописец использовал далеко не новую, считая, что для создания картин достаточно достижений эпохи Возрождения, и не изобретал ничего принципиально нового, в отличие от остальных сюрреалистов. Гораздо больше внимания мастер уделял содержанию картин, высвобождая образы из подсознания, стараясь фиксировать каждое, даже самое мимолетное и нереальное видение. Метод работы над сюрреалистичными сюжетами своих картин Сальвадор Дали назвал параноидально-критическим. Художник был убежден, что для того чтобы освободить из глубин подсознания мысли, необходим разум сумасшедшего, не ограниченный рациональным мышлением и моральными установками. Идея о существовании целого мира подсознания была заложена в картине 1936 года «Предместья

параноидально-критического города: полдень на окраинах европейской истории». На первый взгляд, там изображен обычный город, однако при более детальном рассмотрении оказывается, что перспективы отдельных частей картины не имеют ничего общего, многие детали будто взяты из сновидений, в разных частях города происходят события, не связанные друг с другом, но являющиеся плодами памяти художника. Примечательно, что названия своим картинам художник давал только тогда, когда работа над полотном была полностью завершена: «Как я могу узнать название картины, если я ее еще не написал!»

С середины 30-х годов XX века Сальвадор Дали начинает создавать, помимо картин, ряд материальных сюрреалистических объектов: смокинг-афродизиак, увешанный винными бокалами, «Телефон-омар», знаменитый «Диван-губы». В 1936 году художник шокировал публику, появившись в Лондоне на лекции в рамках Международной выставки сюрреалистов в водолазном костюме, под шлемом которого едва не задохнулся.

В том же году в Испании началась гражданская война, и это помешало Сальвадору Дали вернуться на родину. Страх художника за судьбу своей страны и народа нашел отражение в его картинах того времени, самая впечатляющая и трагическая из которых «Мягкая конструкция с вареными бобами: предчувствие гражданской войны». На переднем плане картины – вырастающие друг из друга части тела, одна из которых – женская грудь – жестоко сжимается огромной корявой рукой; в нижней части картины изображена горстка вареных бобов – символ нищеты. Естественно, и это творение Дали повергло зрителей в шок. В картине 1936 года «Осенний каннибализм» на фоне скал Кадикса переплетенные пальцы поедают друг друга – очередной символ войны в Испании. Дали потерял на этой войне многих знакомых, но самой тяжелой утратой стала для него гибель поэта Габриэля Гарсии Лорки, застреленного солдатами Франко.

В 1937 году Дали принял участие еще в одной Международной выставке сюрреалистов, на этот раз в Париже, для чего создал одну из самых своих известных и скандальных композиций – «Дождливое такси», которая представляет собой такси с манекеном на заднем сиденье. Поверхность манекена была покрыта живыми улитками, а в салон через крышу постоянно лилась вода. Вокруг работы поднялся нешуточный ажиотаж: критики были вне себя от гнева. К Сальвадору Дали отныне и навсегда приклеился ярлык экстравагантного полусумасшедшего человека.

Во время гражданской войны в Испании Сальвадор и Гала посетили Италию, где изучали полотна художников Возрождения,

которыми Дали восхищался всю жизнь. Во Франции, куда они вернулись из Италии, их встретили слухи о скорой войне в Европе. Зловещие предчувствия художника вскоре подтвердились, и в сентябре 1939 года, сразу же после начала Второй мировой войны, супруги покинули Париж и отправились в Лиссабон, а оттуда – в Соединенные Штаты Америки. В отличие от Европы, в США Дали приняли очень тепло. Сальвадор и Гала поселились в городе Хэмтон Мэнор (штат Вирджиния) в доме авангардного издателя Кросби, а через год перебрались в Сан-Франциско, откуда периодически выезжали в Нью-Йорк. Знаменитый художник провел в Америке восемь лет и за это время нажил солидное состояние, участвуя, помимо написания картин, в многочисленных коммерческих проектах в разных областях деятельности: это были театр, балет, ювелирные украшения и мода.

В 1939 году, вскоре после приезда художника в Америку, Дали получил заказ на оформление витрин для большого магазина Бонуита Тэллера в Нью-Йорке. Сальвадор выполнил этот заказ, не изменяя своему экстравагантному стилю, – он выставил в витрине черную ванну, а над ней голову буйвола с окровавленным голубем в зубах. Эта композиция привлекла такое количество народа, что по тротуарам улицы, на которой располагался магазин, невозможно было пройти. Администрация магазина закрыла композицию, а расстроенный Дали перевернул черную ванну, разбив при этом стекло витрины, и вышел через образовавшуюся брешь на улицу, где тут же был арестован полицией. Инцидент со стражами порядка снова привлек к художнику внимание, и последовавшая вскоре после истории с ванной выставка Дали в нью-йоркской галерее пользовалась огромным успехом.

В 1939 году Дали пригласили для оформления павильона «Мечта Венеры» на Международной нью-йоркской выставке. Художник планировал построить бассейн внутри павильона и поместить в нем русалок, на фасаде же он намеревался изобразить фигуру Венеры в стиле Боттичелли, но с рыбьей головой. Руководство выставки не утвердило этот план, и оскорбленный Дали опубликовал манифест под названием «Декларация независимости воображения и прав человека на собственное сумасшествие».

В Соединенных Штатах Сальвадор Дали довольно активно работал в сфере моды, создавая фантастические предметы и аксессуары, которые попадали на страницы таких авторитетных модных изданий, как журналы “Vogue” и «Harper’s Bazaar». Основатель балета в Монте-Карло, маркиз де Куэвас, заказал

Дали оформление сцены для спектаклей «Вакханалия», «Лабиринт» и «Разрушенный мост».

В Америке Дали вновь обратился к кино. Сотрудничая с режиссером Альфредом Хичкоком, он создал в фильме «Зачарованный» (1945) знаменитую сюрреалистическую последовательность сна. Художник работал над проектом Уолта Диснея «Детсино», который, правда, так и не был доведен до конца.

К концу своего пребывания в Соединенных Штатах Сальвадор Дали был настолько широко известен и популярен в этой стране, что его называли там не иначе как «королем современного искусства», а картины раскупали мгновенно и платили за них очень большие по тем временам деньги. В Америке, как и повсюду, художник возбуждал много разговоров о себе не только своим творчеством, но и экстравагантностью. Он гулял по Пятой авеню в Нью-Йорке в костюме Санта-Клауса, а на приемы надевал фрак, к которому были прицеплены 88 маленьких бутылочек ликера… с мертвой мухой в каждой. А однажды художник выпрыгнул в форточку на глазах у специально созванных фоторепортеров.

В 1948 году Дали с Галой вернулись в Испанию, и он продолжил работать над картинами. Теперь его волнует тема послевоенного мира и потрясшая его до глубины души атомная бомба, жертвы японских городов. Все это и конечно же неизменная муза Гала находят отражение в картинах художника послевоенного периода. Дали и в Испании продолжает сотрудничать с театрами, создавая ряд неординарных и запоминающихся декораций. В 50–70-х годах XX века он много работает над портретами, приносившими ему большие доходы. В 50-х годах Дали начинает развивать новое направление – дезинтегрирующие картины. Высшим достижением этого стиля считается картина «Галатея сфер», на которой изображена голова Галы, состоящая из множества вращающихся сфер.

В 1954 году Сальвадор Дали вместе со своим другом, фотографом Филиппом Халсманом, издал книгу под названием «Усы Дали: фотоинтервью». В ней воспевались знаменитые усы художника, которые он сам именовал «антенной для восприятия искусства». На презентации книги на вопросы о нормальности автора Дали отвечал: «Я сошел с ума? Да я нормальнее любого, кто купил эту книгу». В том же году в картинах художника начал появляться новый символ – носорог. После относительно реалистичных картин американского и послевоенного периода Дали вновь вернулся в свой параноидально-критический мир. Работы этого периода отличаются разнообразием сюжетов и

техники исполнения. Он пробует совсем фантастические методы рисования: стреляет из духового ружья гвоздями и кусками железа по литографскому камню и красками из аркебузы по чистому холсту.

Сальвадор Дали продолжал шокировать своими выходками публику. В 1955 году на лекцию в Сорбонне о своем параноидально-критическом методе он прибыл на лимузине, покрытом цветной капустой. В Риме на одном из спектаклей, в создании которого он принимал участие, Дали появился в «метафизическом кубе», представлявшем из себя простую белую коробку, исписанную какими-то знаками. Говорят, знаменитого художника видели прогуливающимся с муравьедом на поводке… Словом, везде и всегда Дали превращал свою жизнь в некий аттракцион. К визитерам он выходил то в мундире, увешанном орденами, то в халате из леопардовых шкур, то в белоснежном фраке, а то на античный манер – голым и верхом на лошади. Именно так он принял у себя советского композитора Арама Хачатуряна: под звуки знаменитого «Танца с саблями» художник обскакал на швабре вокруг ошеломленного гостя и, не произнеся ни слова, скрылся за воротами своей резиденции. Видимо, по представлению Дали, так должен был выглядеть особенно почетный прием.

Начиная с 1970 года здоровье Дали стало заметно ухудшаться, художника начали все чаще посещать мысли о смерти и вечности. Он исследовал пути сохранения тела с помощью замораживания и последующего восстановления ДНК. Однако еще больше волновала Дали жизнь его картин, для сохранения которых он решил построить музей. Вскоре с этой целью он взялся за перестройку сильно пострадавшего во время войны театра в Фигерасе. Над сценой был воздвигнут гигантский купол, зрительный зал расчищен и разделен на сектора, Дали сам расписал стены в фойе. Это новое творение экстравагантного художника получило название «Дворец Ветров». Он был открыт в сентябре 1974 года.

В 70-х годах XX века спрос на произведения Дали достиг поистине феноменального уровня, за него боролись издатели, журналы, дома мод и режиссеры театров. Знаменитый художник создал к тому времени иллюстрации к таким шедеврам мировой литературы, как Библия, «Божественная комедия» Данте, «Потерянный рай» Мильтона, «Искусство любви» Овидия.

В июне 1982 года на Дали обрушилось страшное несчастье – умерла его жена и муза Гала. Чтобы быть поближе к ее духу, Сальвадор переехал в замок Пубол, подаренный ей художником в конце 60-х годов. Дали находился в это время на пике своей

популярности: он стал членом Академии изящных искусств во Франции, король Испании Хуан Карлос собственноручно вручил ему Большой крест Изабеллы, художник получил титул маркиза де Пубол. Несмотря на все это, Дали был подавлен и глубоко несчастен, его спасала только работа. По свидетельству друзей художника, «он превращается в больного гения, смирившегося и доверчивого».

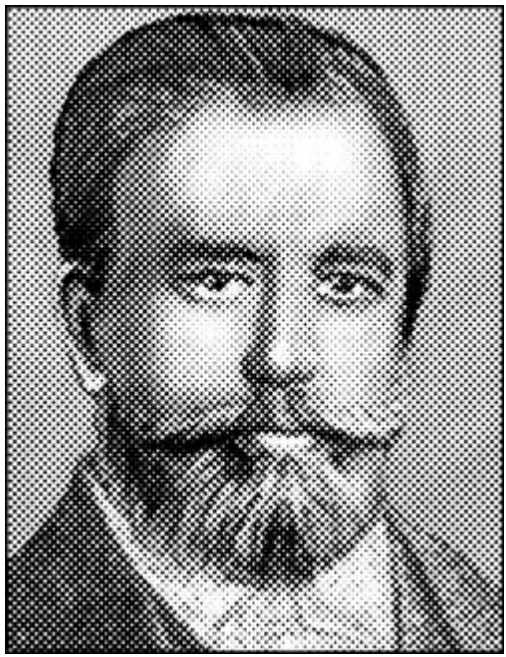
В 1984 году мастер чуть не покинул этот мир вслед за своей музой – он болел и несколько дней был прикован к кровати, когда его ложе внезапно загорелось, возможно, из-за неисправности стоявшей рядом лампы. Огонь охватил всю комнату, но Дали удалось доползти до дверей, где его обнаружил управляющий и успел вытащить из пламени. Однако художник все же получил тяжелые ожоги и с тех пор не показывался на людях. Последнюю свою картину под названием «Ласточкин хвост» он создал еще в 1983 году, а последняя его книга «Сальвадор Дали: человек и его работа» была опубликована в 1984 году. В середине 80-х годов поползли слухи о том, что Дали полностью парализован, болен болезнью Паркинсона, что его насильно держат взаперти и множество других, зачастую еще более невероятных.

Сальвадор Дали умер 23 января 1989 года в своем доме в Фигерасе. Согласно завещанию, он – одна из самых ярких и неординарных фигур XX века – лежит в склепе в своем театре-музее в Фигерасе. Все свое огромное состояние и работы знаменитый художник завещал родной Испании.

Музей Сальвадора Дали в Фигерасе – одна из самых посещаемых достопримечательностей в Испании. Его образы и символы вполне актуальны и сегодня, а сам художник остается одним из самых известных и популярных деятелей искусства XX века.

ДЕГТЕРЕВ МИХАИЛ ПАРФЕНТЬЕВИЧ

(род. в 1831 г. – ум. в 1898 г.)

Купец и предприниматель, славившийся своей скупостью, и в то же время – меценат, жертвовавший многомиллионные суммы на благотворительные цели.

О скупости Дегтерева ходили легенды, а вся его жизнь, казалось, свелась к добыванию денег любыми путями. В книге «Клев в 1880-е годы. Воспоминания старожила», вышедшей в 1910 году, ее автор, адвокат и журналист Сергей Ярон, пишет о нем так: «Дегтерев был невероятно скуп, прижимист… Владея тремя крупными домами на главной улице Клева – Крещатике – и обладая десятимиллионным состоянием, Михаил Парфентьевич личные свои потребности довел до минимума, а скупость его доходила до того, что из-за пяти копеек он способен был торговаться до бесконечности. Жил с женой, без детей, замкнуто и экономно… Человек он очень богатый, его называли «миллионщиком»… Он занимается отдачей денег в рост под верное обеспечение, преимущественно под закладные домов и имений. Даже рассказывали, что, содействуя и помогая деньгами

киевскому купеческому собранию при постройке собственного здания, М. П. Дегтерев брал проценты, и довольно значительные. Дегтерев был председателем совета старшин купеческого собрания и настолько забрал в свои руки все дела этого собрания, что стал полным его хозяином. Он являлся в клуб ежедневно и смотрел на него исключительно как на собственное коммерческое предприятие, имея в виду главным образом свои интересы. Доходило до того, что ежедневная выручка от биллиардов получалась лично Дегтеревым в погашение долга… Все эти обстоятельства привели к тому, что купеческое собрание при управлении Дегтерева не пользовалось симпатиями и просто называлось «лавочка Дегтерева»… Дегтерев был невероятно скуп и целью своей жизни поставил исключительно приобретение денег, нисколько не стесняясь способами такого приобретения… Этого купца и предпринимателя уважали в силу положения и должностей. Но и поносили как скупердяя. Когда к нему обращались за помощью, он придирчиво разбирался в необходимости таковой и не всегда выделял средства».

Михаил Парфентьевич родился 26 августа 1831 года незадолго до переезда родителей из Калуги в Клев. А переехали они в Украину после заманчивого предложения Николая I. Осуществляя политику русификации Украины, или, как ее тогда называли, Малороссии, император принял решение укрепить здесь влияние великорусского капитала и сделал в связи с этим весьма привлекательные предложения крупнейшим представителям российского предпринимательства и торговли.

И вот, привлеченные обещанными льготами и радужными перспективами развития своих дел в условиях богатого края и еще недостаточно освоенного рынка, в Украину, и в частности в Клев, в начале 1830-х годов переехали представители крупных купеческих фамилий.

Среди них оказались и Дегтеревы. Глава семейства Михаил Дегтерев и его сыновья Тимофей и Парфентий были известны в России как оборотистые купцы, которые торговали железно-скобяными товарами. Сохранилась историческая запись о том, что начало торговому дому Дегтеревых было положено в 1635 году.

Переехав в Клев, многочисленное семейство поселилось на Подоле в доме на углу Ильинской и Волошской улиц, здесь был также магазин, торговый склад и другие служебные помещения. Поначалу Дегтеревы осваивали Подол и лишь потом, во второй половине века, стали перебираться на Крещатик и в другие, становившиеся престижными районы Клева.

Отец Михаила, Парфентий Михайлович, помимо занятия

торговым делом, построил в городе первый чугунолитейный завод, который производил довольно широкий ассортимент продукции для сахарной промышленности и земледелия. Производство на заводе было весьма успешным и приносило доход до 75 тысяч серебром ежегодно.

В 1834 году по высочайшему повелению прекратилась деятельность старого Киевского магистрата и изменилась система самоуправления, а через год прошли первые выборы городского головы. Им стал Парфентий Михайлович Дегтерев, отец Михаила. На этом посту он пробыл недолго, так как скоропостижно скончался в сравнительно молодом возрасте в 1837 году, оставив вдове и детям – сыновьям Михаилу и Родиону, дочерям Варваре и Клавдии – довольно солидный капитал.

Михаил из-за смерти отца не получил университетского образования, о чем всегда весьма сожалел. Но острый ум, прекрасная память, воля и работоспособность сделали свое дело – еще юношей он сумел на равных со старшим братом вести сложные торговые сделки.

Потом, когда произошел раздел имущества, Михаил Парфентьевич за короткое время умножил свое состояние за счет работы приобретенных за бесценок небольших мастерских и артелей, производивших хорошо продававшиеся товары. К этому времени торговые связи Дегтеревых простирались от Сибири до западных границ Российской империи. Михаил открыл новые торговые точки не только в Клеве, но и в Житомире, Каменец-Подольском, Бердичеве и многих других городах Украины, а также в Москве, Ростове, Самаре, Екатеринбурге и др.

Сначала в его магазинах продавались только скобяные товары, но со временем чего там только не было! Вот объявление в газете о товарах магазина М. П. Дегтерева на Александровской улице: «Покупайте у нас биллиардные шары, ваксу, гитары, гребни, детские игрушки, золотые и серебряные вещи, зонтики, канву, клеенки, конторские книги, кофе, кувшины, кучерские кафтаны, лото, маски карнавальные, ножи и вилки, обои, обувь разную, одеколон, очки, персидский порошок, перчатки, помаду, почтовую бумагу, пуговицы, сахар, свечи, скрипки, сургуч, табак, треуголки, фарфор китайский, фуражки, чай, чернила, шелк, шерсть, шляпы и шпаги. Кроме означенных, получены в среду еще самые разнообразные товары».

В 1870–1880 годах Михаил Парфентьевич довел оборот своей фирмы до миллиона рублей.

Дегтерев относился к тем замечательным людям, которые, по словам известного украинского мецената Евгения Чикаленко, «любили Украину не только до глубины души, но и до глубины

собственного кармана». Он был в числе тех, кто отстаивал необходимость организации в Клеве общественного транспорта. Так, в 1869 году Михаил Парфентьевич с другими горожанами представил Думе четыре проекта конной железной дороги. Их отвергли из-за дороговизны. После этого было еще несколько проектов, которые постигла та же участь. И только в 1886 году городская управа утвердила проект инженера и предпринимателя Аманда Струве о трамваях на конной и паровой тяге. (Струве писал Дегтереву: «Благодаря Вам и Вашим настоятельным предложениям я взялся за столь трудное предприятие и надеюсь с Божьей и Вашей помощью его осуществить на благо города нашего»). Через пять лет в Клеве впервые появился вагон, который везла пара лошадей. Правда, скоро выяснилось, что гнедые не в состоянии преодолевать крутые киевские подъемы. Появившийся впоследствии паровой трамвай, построенный в том числе и на пожертвования Дегтерева, также забраковали, потому что он отравлял воздух густым дымом и ужасно гремел.

Были у Михаила Парфентьевича и более удачные проекты – строительство или покупка доходных домов, магазинов. Он вошел в круг самых именитых и влиятельных киевлян, был избран товарищем (заместителем) председателя Киевского биржевого комитета, попечителем Сиротского дома и старостой Александро-Невской церкви, а с 1870 года и до конца своей жизни являлся бессменным гласным (депутатом) городской Думы.

Воспитанный в патриархальных правилах, исповедуя христианскую мораль, Михаил Парфентьевич руководствовался знаменитыми словами из «Поучения Владимира Мономаха»: «Всего же более убогих не забывайте». Он всячески старался помочь бедным людям, выделял средства на богадельни, приюты, ночлежные дома, лечебницы, школы, училища. Оказалось, что почти легендарная скупость и прижимистость чудака соседствовала с щедрой благотворительностью.

Например, в 1883 году Дегтерев купил на улице Покровской усадьбу с двухэтажным домом и устроил богадельню для сорока немощных христиан. Он внес в банк в качестве неприкосновенного капитала 100 тысяч рублей. На проценты с этих денег и содержалась богадельня. Затем через три года Дегтерев построил на углу улиц Покровской, Андреевской и Боричев Ток четырехэтажное здание и учредил в нем Вдовий дом. Здесь в отдельных комнатах бесплатно жили более ста малоимущих вдов с детьми. И тоже в банк было внесено 100 тысяч рублей на их содержание. Он также пожертвовал 45 тысяч рублей на больницу для чернорабочих, а затем – 15 тысяч для устройства при ней амбулатории. По 15 тысяч выделил

филантроп и на стипендии студентам Коммерческого училища и Политехнического института. Гомерическая скупость и наряду с этим щедрые пожертвования чудака повергали некоторых киевлян в шок. Впрочем, при жизни он в народе так и не стяжал широкой славы благотворителя.

18 марта 1893 года городская Дума с благодарностью приняла 50 тысяч рублей и предложение Дегтерева о строительстве на эти деньги церкви на территории Александровской больницы. Михаил Парфентьевич писал городскому голове Степану Сольскому: «…Многие больные, за отсутствием при больнице постоянного священнослужителя, не могут исполнить христианский долг и умирают без напутствия к загробной жизни. Побуждаемый чувством христианского долга, я предлагаю выстроить при Александровской больнице домовую церковь во имя святителя Михаила, первого митрополита киевского, для постройки которой прошу Думу избрать место в усадьбе больницы. Постройку церкви и церковной утвари я произведу за свои средства».

Через два года состоялось освящение Свято-Михайловской церкви, а Михаил Парфентьевич в октябре 1895 года митрополитом Киевским и Галицким был утвержден в должности церковного старосты.

22 декабря 1898 года первые полосы киевских газет сообщили, что 21 декабря в семь часов утра после продолжительной и тяжелой болезни скончался коммерции советник и потомственный почетный гражданин Михаил Парфентьевич Дегтерев, удостоенный за свою выдающуюся гражданскую и благотворительную деятельность орденов Станислава 2-й и 3-й степени и Анны 2-й степени. Из этих же сообщений можно было узнать, что Михаил Парфентьевич был почетным членом и старшиной Совета старшин Киевского русского купеческого общества, членом комитета и учредителем общества распространения коммерческого образования в Клеве, с 1875 года состоял членом учетного комитета по торгово-промышленным кредитам при Киевской конторе Госбанка, членом попечительских советов многих учебных и благотворительных заведений Клева, ас 1881 года – членом Киевского биржевого комитета.

Михаила Парфентьевича похоронили в усыпальнице у левой стены Свято-Михайловской церкви, выстроенной на его деньги. (У правой стены точно в такой же усыпальнице завещала себя похоронить его жена, Елизавета Ивановна, что и было сделано душеприказчиками и родными.) В путеводителе «Клев и его окрестности», изданном в 1912 году, Свято-Михайловская церковь

и находящаяся в ней усыпальница М. П. Дегтерева были включены в число главных достопримечательностей Клева, куда «обязательно надо зайти и помолиться».

Удивлению киевлян, смешанному с чувством сердечной признательности, не было границ, когда было публично обнародовано завещание М. П. Дегтерева – в нем покойный все свое имущество и накопления завещал на различные благотворительные цели. Он желал устроить богадельню для престарелых и увечных, приют для детей старшего возраста, приют для малышей, отдельно приют для младенцев, корпуса для больниц… И все это было выполнено.

Дегтереву принадлежали лучшие гостиницы и доходные дома, которые ежегодно давали большую прибыль. Он завещал все эти строения городу, но с обязательной оговоркой: будущие доходы от имущества не должны использовать на иные цели, кроме благотворительности и помощи бедным и больным.

В своей книге С. Ярон написал: «…этот самый Дегтерев, умирая, завещал городу Клеву все свое недвижимое имущество на два с половиной миллиона рублей, наличных денег и ценных бумаг – свыше двух миллионов; все это им назначено было для постройки и содержания богадельни и приюта на 660 душ (500 богадельцев и 160 детей), а так как оставшиеся капиталы превзошли всякие ожидания, то и постройки душеприказчиками были значительно расширены, что дает возможность городскому управлению призревать не 660 душ, а почти втрое больше. И только после смерти М. П. Дегтерева те самые киевляне, которые считали его скупым и ростовщиком, поняли, что он всю жизнь отказывал себе во всем и, собирая разными способами деньги, поставил себе единственной задачей – облагодетельствовать бедное население Клева».

Вот строки из завещания усопшего: «Желаю и прошу, чтобы после моей смерти были устроены богадельня и детский приют для детей старшего возраста от 6 до 13 лет. Богадельня имеет назначение призрение 500 престарелых и увечных лиц обоего пола, православного исповедания, не имеющих ни собственных средств, ни родственников, могущих оказывать им помощь. Приют желаю устроить на 60 детей обоего пола, без различия звания, круглых сирот, полусирот и таких, родители коих не имеют средств для воспитания и обучения… Сверх указанного желаю, чтобы был устроен приют для 100 детей возраста до 6 лет как бесприютных младенцев, так и вообще бедных».

У четы Дегтеревых детей не было. Киевский городской голова Степан Сольский, зная их заботу о сиротах, предлагал Елизавете Ивановне и Михаилу Парфентьевичу взять на воспитание ребенка

из приюта. Но супруги, по свидетельству Сольского, «отказывались категорически, ибо душа их была против того, чтобы брать чужого как родного». Что ж, это можно назвать еще одной странностью Дегтерева.

В завещании были также оговорены суммы, которые надо потратить на стипендии для бедных учащихся подольских гимназий, на строительство дополнительного корпуса больницы для чернорабочих, на расширение Покровской богадельни… Были подарены городу два больших дома на Крещатике, а после смерти Елизаветы Ивановны к этим двум домам добавился еще один… Были осуществлены пожертвования в несколько тысяч рублей каждому из десяти монастырей и каждой из 30 церквей, а также переданы храмам ценные иконы. Газета «Киевлянин» с восторгом писала: «…Как же славен наш славный город именем славного нашего и почетного горожанина Михаила Парфентьевича Дегтерева! Да упокоит Господь его светлую душу».

26 октября 1902 года богадельня была торжественно освящена, а на следующий день приняла первых обитателей (Елизавета Ивановна не дожила до этого счастливого события – скончалась 4 июня). Было построено три жилых здания: на 250 женщин, 150 мужчин и 100 хронических больных. Была возведена также церковь Святого Михаила и трехэтажное здание для детского приюта.

Такой большой богадельни у Клева еще не было: 13 корпусов, библиотека-читальня, столовая, кухня, прачечная, баня, мастерские, два ледника… Взрослые обитатели богадельни не обременялись никакой работой и занятия выбирали по желанию. Помимо питания, они получали белье и одежду. В детском приюте питание было пятиразовое. После детского сада малыши посещали двухклассное училище, где получали начальное образование и навыки трудовой деятельности. Тем, кому исполнялось 13 лет, вручалось приданое: две пары белья и одежды, обувь для лета и зимы, а также сумма денег на съем жилья и первоначальное обустройство в самостоятельной жизни. За первые десять лет их существования общие расходы на содержание богадельни составили 1 млн 169 тысяч рублей.

С годами богадельня расширялась, был построен двухэтажный приют для ста детей дошкольного возраста, проведено пароводяное отопление и канализация, разбит фруктовый сад, парк с широкими аллеями и цветниками, устроены площадки для игр и гимнастических упражнений, установлены электрические фонари.

В 1903 году «Киевская газета» писала о Дегтереве: «Его врожденная скупость и вместе с тем щедрые пожертвования

всегда были для киевлян большой и неразрешимой загадкой. Те самые киевляне, которые считали Дегтерева ужасно жадным к деньгам, поняли после смерти Михаила Парфентьевича, что благородный Дегтерев и его дражайшая супруга Елизавета Ивановна всю жизнь отказывали себе во всех житейских радостях, дабы собрать средства и осуществить поставленную перед собой великую задачу – облагодетельствовать бедное население Клева. Имя Дегтерева никогда не забудется Клевом, для которого Михаил Парфентьевич так много сделал необходимого, доброго, благородного!»

Принимая во внимание большие заслуги Михаила Парфентьевича Дегтерева перед Клевом, городская дума в 1904 году приняла решение назвать одну из улиц его именем.

С приходом в 1917 году к власти большевиков имена тех, кто трудом наживал свои богатства и затем бескорыстно отдавал их на благо людей неимущих, были забыты и даже предавались анафеме. Дегтеревская улица в 1944 году была переименована в улицу Пархоменко, в честь героя Гражданской войны. (В 1993 г. улице было возвращено прежнее название.) Богадельня имени М. П. Дегтерева вообще перестала существовать – Советская власть не считала опеку старости, помощь инвалидам и больным своей обязанностью. Вековая славянская и христианская традиция общественного призрения в 1920-х годах была прервана. Слепая вера во всемогущее государство, которое всех накормит, утешит и обогреет, позволяла не замечать, как много вокруг людей больных, увечных, одиноких и просто потерявших крышу над головой и работу, тех, кто без помощи других уже не поднимется на ноги. Поэтому в бывшей богадельне «мироеда, пившего кровь трудящихся», в 1923 году большевики открыли детский городок имени В. И. Ленина. Он считался «всесторонней экспериментальной базой в создании детской трудовой интернациональной коммуны», и его воспитанники «осваивались с трудовой советской жизнью». В 1931 году городок был передан одному из полков Красной Армии. А затем здесь разместилось Киевское танково-техническое училище, потом – Киевский институт Сухопутных войск Министерства обороны Украины.

Свято-Михайловскую церковь, построенную на деньги М. П. Дегтерева, в 1931 году наряду с другими христианскими храмами взорвали. Газета «Правда Украины» писала в те дни: «Очистился воздух Клева! Комсомольцы, преданные ленинским идеям и воодушевленные своим комсомольским энтузиазмом, снесли Михайловскую церковь, которая мешала улучшению работы Октябрьской больницы».

ДЕМИДОВ ПРОКОПИЙ АКИНФИЕВИЧ

(род. в 1710 г. – ум. в 1788 г.)

Внук Никиты Демидова, основателя династии российских заводчиков и землевладельцев Демидовых. Действительный статский советник. В течение 25 лет владел Невьянской группой демидовских заводов на Урале. Известен широкой благотворительной деятельностью. Организовал в Москве Демидовское коммерческое училище и Ботанический сад в Нескучном саду. В 1779 году пожертвовал Московскому университету 10 тысяч рублей «в пользу обучающегося на казенном содержании юношества». В 1789 году передал Университету гербарий (в том числе с определением Линнея), к сожалению погибший в 1812 году во время пожара. Прославился как один из самых оригинальных людей своего времени, богатого неординарными личностями.

Один из чудаков екатерининского времени, Прокопий Акинфиевич Демидов принадлежал к третьему поколению знаменитых российских заводчиков и землевладельцев. В XVIII столетии основанные Демидовыми 50 заводов выплавляли 40 % чугуна в России.

Как это часто бывает с потомками создателей промышленных империй, Прокопий не интересовался делом отца и деда. Он, правда, основал два или три завода, но особого участия в их работе не принимал. Зато благополучно продал 6 заводов, доставшихся ему от отца. Тем не менее, свои денежные дела он содержал в отменном порядке, поэтому обладал одним из самых крупных состояний в России.

Был Прокопий Акинфиевич человеком добрым. Известно, что к заводским рабочим он относился гораздо лучше своего младшего брата Никиты. Своим детям, управлявшим заводами, он писал из Москвы, чтобы те не принуждали крестьян к работе насилием, чтобы не «доводили их до разорения». В то же время его чудачества были подчас довольно жестоки, чего он, по-видимому, не понимал. Иллюстрацией к этому служит такой случай.

Однажды знакомая старуха попросила у Прокопия Акинфиевича взаймы тысячу рублей. Тот согласился их дать при условии, что она сама отсчитает эту сумму медными деньгами и заберет их с собой. В то время медяки были очень

тяжеловесными. Чтобы увезти такое их количество, потребовалось бы не менее трех ломовых лошадей. Однако старуха все же взялась отсчитывать нужную ей сумму. На это ей пришлось потратить весь день. К тому же благодетель постоянно мешал ей: он ходил по комнате и несколько раз как бы нечаянно задевал столбики уже отсчитанных монет, заставляя просительницу начинать все сначала. Наконец, вдоволь натешившись над отчаявшейся просительницей, он вкрадчиво сказал: «Не дать ли тебе, матушка, золотом, а то чай медь-то неудобно нести?» Та с радостью согласилась.

Легче пришлось разорившемуся купцу Мердеру, который тоже попросил помощи у Демидова. Тот дал деньги, но с условием, чтобы Мердер прокатил его на спине. Бедный купец долго возил тучного Прокопия Акинфиевича, но и сумму, которую просил, получил сполна.

Такие случаи, безусловно, характеризуют Демидова как человека доброго, хотя объектам его благодеяний из-за стремления богача поразвлечься иной раз приходилось несладко. При этом денежную помощь заводчик старался оказывать только людям простым. К знати и дворянам он чувствовал антипатию и шутил над ними достаточно жестоко. Недаром императрица Екатерина II не любила его и называла «дерзким болтуном».

Однажды первая статс-дама императрицы Елизаветы графиня Румянцева обратилась к Демидову с просьбой ссудить ей 5 тысяч рублей. Тот ответил, что особам такого звания в долг он не дает, потому что на дворян «нет управы, если не заплатят деньги к сроку», но согласился помочь, если графиня даст расписку очень необычного содержания. Демидов хотел, чтобы в ней было зафиксировано следующее: «Я, нижеподписавшаяся, обязуюсь заплатить Демидову через месяц 5 тысяч рублей, полученные мною от него. Если же этого не исполню, то позволяю ему объявить всем, кому он заблагорассудит, что я – распутная женщина».

Отчаянно нуждавшаяся графиня написала расписку, но в срок деньги вернуть не смогла. Демидов же после истечения срока в дворянском собрании зачитал расписку. Дело дошло до императрицы. Рассерженная Екатерина II велела заплатить долг.

Еще большее ее неудовольствие вызвал случай с братом известного фаворита императрицы, графом Федором Григорьевичем Орловым. Для продолжения русско-турецкой войны государство нуждалось в деньгах. Гордость не позволяла Екатерине прямо обратиться к Демидову, поэтому она возложила на графа миссию – просить богача дать на военные нужды государства 4 млн рублей. Демидов ответил: «Императрице не

дам, уж такой у меня нрав, боюсь дать тому, кто меня посечь может! А тебе дам!» Однако и здесь чудаковатый заводчик не обошелся без очередной выходки. В случае неуплаты долга вовремя Орлов должен был согласиться получить от Демидова публично три оплеухи. Во избежание скандала Екатерина приготовила деньги задолго до истечения срока. Однако Демидов согласился принять их только в назначенное время.

И уж совсем громкий скандал вызвал случай, когда какой-то вельможа, бывший проездом в Москве и в честь которого Демидов решил устроить грандиозный обед, в последнюю минуту отказался прийти, сославшись на то, что его срочно вызвали к генерал-губернатору. Оскорбленный Демидов приказал втащить в столовую свинью, посадил ее на почетное место и начал потчевать ее разными блюдами. Животное, естественно, рвалось и хрюкало, а Порфирий Акинфиевич приговаривал: «Кушайте, ваше сиятельство, на здоровье, не побрезгуйте моим хлебом и солью; век не забуду вашего одолжения!»

Отрицательное отношение Демидова к дворянству сказалось и на судьбе его дочерей. Их он выдавал замуж только за купцов и промышленников. Когда же одна из них посмела заявить, что хочет выйти за дворянина, Порфирий Акинфиевич поместил на дверях своего дома объявление, что «у него есть дочь дворянка и не желает ли кто-нибудь из дворян на ней жениться?». Мимо проходил некто чиновник Станиславский, который решил воспользоваться данной ситуацией. Он тут же пожаловал к Демидову. В тот же день несчастная девушка была обвенчана с человеком, которого видела в первый раз в жизни.

Иногда шутки Демидова причиняли людям и физические страдания. Однажды он объявил «конкурс». Он обещал дать крупную сумму тому, кто пролежит без движения на спине в течение года. Желающие, конечно, нашлись. Но выполнить условие оказалось чрезвычайно сложным делом. Несчастные не имели права даже шевельнуться. Кормили, поили и ухаживали за ними специально приставленные слуги. Они также следили за тем, чтобы главное условие «конкурса» неукоснительно выполнялось. Иногда они оставляли испытуемых одних, а сами потихоньку подсматривали за ними. Если кто-либо шевелился, их секли и с позором изгоняли.

В другой раз желающим было предложено не моргать в течение часа. В этом случае с не выдержавшими испытание Демидов обошелся мягче. Их не секли, а просто выгоняли. При этом Демидов кричал: «Каналья! Берешься не за свое дело! Ну где тебе, дураку, не мигать! Какое от тебя может быть удовольствие богатому человеку!»

Однако большинство чудачеств Прокопия Акинфиевича носили абсолютно безобидный характер. Например, он любил выезжать в колымаге ярко-оранжевого цвета, запряженной цугом. Цуг состоял из двух маленьких лошадей возле самой повозки, двух огромных – в середине, с форейтором-карликом, и двух небольших лошадок впереди, но с форейтором огромного роста, длинные ноги которого задевали мостовую. При этом у лакеев одна половина ливреи была сшита из золотого галуна, другая – из грубой сермяжной ткани; одна нога – в шелковом чулке и лакированном башмаке, другая – в онучах и лапте. Таков был парадный выезд миллионера. В менее торжественных случаях он выезжал не менее оригинально. В экипаж впрягали всего две лошади, «левая коренная с верблюда, а правая с собаку», а сопровождали хозяина «на запятках трехаршинный гайдук и карлица». Таким образом, Прокопий Акинфиевич высмеивал стремление вельмож того времени производить впечатление на окружающих богатыми выездами.

Любил Демидов подшутить и над модными увлечениями высшего дворянства. Когда в моду вошли очки, он приказал надеть их не только на свою прислугу, но даже на собак и лошадей.

Владея огромным состоянием, Демидов большей частью жил в Москве, но по торговым делам нередко бывал за границей. В одной из таких поездок его обманули на каком-то товаре английские купцы, продав его по очень высокой цене. Вернувшись домой, Прокопий Акинфиевич решил им отомстить. Он скупил всю имевшуюся на рынке пеньку и, когда англичане приехали за ней в Россию, назначил им цену в 10 раз дороже действительной стоимости. Купцы вынуждены были вернуться ни с чем. Однако, нуждаясь в пеньке, они через некоторое время прислали других покупателей. К кому бы они не обращались, их посылали к Демидову, а тот тем временем повысил цену еще вдвое. И во второй раз англичане уехали без товара.

Проживая в Саксонии, Прокопий Акинфиевич немало удивлял местное население. Он закупал на рынке все, даже то, что, по-видимому, вовсе не было ему нужно. А еще устраивал роскошные, милые русской натуре угощения. Прижимистые немцы считали его мотом, а богач вслух смеялся над бедностью столичного Дрездена и говорил, что ему некуда девать здесь денег: купить нечего.

Странности Демидова с возрастом все более увеличивались. В своих чудачествах он находил единственное удовольствие. В 1778 году в Петербурге он устроил такой народный праздник, который вследствие непомерной попойки стал причиной смерти 500

человек. Подобные замашки Прокопия Акинфиевича в некоторой степени унаследовал его сын, Акакий Прокопьевич. Он тоже был известен своим оригинальным гостеприимством. Если кто-нибудь приезжал в гости к заводчику, обрадованный хозяин тут же запирал ворота и не открывал их несколько дней, пока прибывший ему не надоедал. А жертве гостеприимства приходилось участвовать в гомерических обедах. Если гость не допивал вино, хозяин тут же грозил ему: «Пей, или я велю, душенька, вылить тебе за пазуху!» То же происходило, если гость оставлял что-нибудь на тарелке.

Вместе с тем Прокопий Акинфиевич, несомненно, был человеком образованным. Он страстно увлекался ботаникой и в молодости чуть не поплатился за это наследством. Его отец, возмущенный тем, что его сыновья Прокопий и Григорий не проявляют никакого усердия в горном деле, обошел их в завещании. Однако после его смерти братья сумели вернуть себе состояние, не оставив своего увлечения.

Особой страстью Демидова был ботанический сад. Он владел Нескучным садом в Москве и собирал там экзотические растения, пользуясь отводками и семенами из крупнейшего в Сибири сада своего брата Григория, расположенного в селе Красное близ Соликамска. После его смерти Прокопий перевез к себе самое интересное из соликамской коллекции. В 1765 году он написал трактат «Об уходе за пчелами» и составил описание своего ботанического сада.

Разведением растений в Нескучном саду занимались лучшие садовники. Он был необычайно красив, и сюда приезжало много желающих полюбоваться уникальными растениями. Большинство посетителей, особенно дамы, не могли удержаться от того, чтобы не сорвать понравившийся цветок или узорные листья ценных экземпляров. Тогда Демидов придумал оригинальный способ справиться с потравщиками. Он велел снять с пьедесталов садовые статуи, сделанные по античным образцам, и заменить их атлетически сложенными крепостными мужиками. Вместо одежды они были с ног до головы осыпаны мелом. Если кто-нибудь из посетителей делал движение, чтобы сорвать что-нибудь на клумбе, «статуя» грозно окликала нарушителя.

Как и большинство богатых людей того времени, Прокопий Акинфиевич проявлял равнодушие к общественным делам. Однако он первым в России предложил правительству проект о введении ссудных касс и стал первым крупным благотворителем в роду Демидовых, пожертвовав на учебные заведения Москвы и Санкт-Петербурга около 1,5 млн рублей.

Умер Прокопий Акинфиевич Демидов в Москве 4 ноября 1788

года. Один из его современников, редактор «Русского вестника» П. Бартенев, характеризуя его жизнь и деятельность, писал: «Он был одним из своеобразнейших лиц чудного XVIII столетия, человек во всех отношениях достопамятный. Екатерина была права, сделав его почетным опекуном и сенатором, и глядела сквозь пальцы на его так называемое самодурство, от которого терпеть приходилось лишь не многим, тогда как тысячи людей пользовались плодами его умной благотворительности… Его чудачество доходило до юродства и, вероятно, было неудобно в близких с ним сношениях, но он был человек истинно почтенный и достоин сочувственного воспоминания в потомстве».

ДЖЕКСОН МАЙКЛ ДЖОЗЕФ

(род. в 1958 г. – ум. в 2009 г.)

Американский эстрадный певец, которого часто называют королем поп-сцены и одним из самых динамичных исполнителей XX века, был известен своими причудами и крупными скандалами. В начале 1990-х годов этот человек считался самым богатым музыкантом мира. Трудно назвать еще кого-либо в мировой поп– и соул-музыке за последние 100 лет, кто мог бы побить рекорды Майкла Джексона и чьи похождения с таким же ажиотажем обсуждались бы во всем мире.

Родился будущий король поп-музыки в Гэри (США, штат Индиана). Майкл стал седьмым ребенком в многодетном семействе (позже «клан» Джексонов увеличился еще на трех малышей, один из которых умер вскоре после рождения). И если для хромоножки Кэтлин Джексон (она в детстве переболела полиомиелитом) дети были главным смыслом жизни, то Джозеф к своим отпрыскам относился равнодушно. К тому же, отец семейства часто зверствовал, «уча жить» тех малышей, которые попадали ему под руку. Садистские наклонности Джозефа спустя

много лет сказались на психическом здоровье его детей…

В шоу-бизнес мальчик попал в пятилетнем возрасте – тогда, когда его сверстники, что называется, сидели в песочнице. Все началось с того, что отец решил организовать из своих не в меру активных отпрысков ансамбль «Джексон 5». В состав группы вошли пятеро братьев, причем Майкл был самым младшим. (Уже к тому моменту малыш откровенно ненавидел отца и мечтал поскорее стать самостоятельным.) Дети и в самом деле обладали музыкальным талантом.

По сути, маленького Майкла взяли в ансамбль лишь с одной целью: добавить в программу экзотики. Однако почти сразу выяснилось, что он обладает не просто хорошими, а великолепными музыкальными способностями. Мальчик не только прекрасно пел и имел редкий музыкальный слух, но и отличался особой пластичностью. Собственно, именно младшему из участников группа была обязана тем, что быстро преодолела путь от местных знаменитостей до заключения серьезного контракта с солидной звукозаписывающей фирмой «Motown». В 1969–1971 годах «Джексон 5» выпустили шесть синглов, ставших безусловными хитами, после чего на протяжении 70-х годов оставались на вершине популярности, регулярно представляя слушателям новые хиты.

Но Майкла уже не устраивало такое положение вещей: добившись многого, он считал, что способен на большее. Причем – самостоятельно… И он решил рискнуть: при помощи студии, с которой «Джексон 5» сотрудничали все это время, подросток начал делать свои сольные записи. В 1971 году, когда его первая отдельная композиция “И1 Be There” заняла в хит-парадах твердое четвертое место, всем стало ясно, что в музыкальном мире Америки появилась новая суперзвезда. Нет, из «семейной» группы Майкл не ушел. Однако параллельно с этим он сделал еще несколько записей, ставших хитами (такие, как “Rockin’Robin” и “Ben”), а затем выпустил свой первый сольный альбом. В 1976 году братья подписали контракт со студией “Epic”.

К тому же, кроме голоса, Майкл обладал совершенно невероятной танцевальной техникой, чем и привлек внимание публики. Создавалось впечатление, что на сцену каждый раз выходит человек без костей, способный свободно, подобно струе воды, передвигаться одновременно в разных направлениях. Для изобретения новых трюков он содержал целый штат балетмейстеров и тренеров. Многое Майкл придумывал лично. А для того чтобы воплотить в жизнь все свои идеи, певец позаботился о высокой технической оснащенности. Так, на одно

выступление Джексона затрачивалось не менее трех фунтов взрывчатых веществ, использовалось три лазера и 225 звуковых дорожек. Обычно оборудование, задействованное во время концертов поп-короля, перевозили 57 грузовиков, а служба перевозок включала более 160 человек. И это без учета работников сцены, музыкантов и специального шоу-балета!

В 1978 году в США решили снять афро-американскую версию старого фильма «Волшебник из страны Оз», а у Майкла появился шанс «засветиться» в кинематографе. Ему предстояло сниматься вместе с Дайаной Росс. Но, несмотря на все надежды, «Волшебник» не получился. Тем не менее Майкл Джексон не остался в накладе. Во время съемок он познакомился с легендарным продюсером Куинси Джонсом, который заинтересовался им и, чувствуя, что возможности Майкла огромны, взялся его «раскручивать». Джексон и Джонс серьезно занялись подготовкой нового альбома певца. Когда же “Off the Image Build ERROR!!! Wall” в 1979 году появился в продаже, чудо свершилось: отныне Майкл перешел в разряд самых настоящих «взрослых» суперзвезд… Успех альбома превзошел все ожидания: за рекордно короткие сроки 19 миллионов его копий буквально «улетели» с прилавков магазинов. Даже критики, на удивление, тоже не торопились добавлять свою стандартную ложку дегтя в бочку меда. Специалисты восторженно отзывались о работе Майкла, отметив, что сочетание стилей соул и рок, на котором был построен альбом, является на редкость гармоничным. Даже Дэвид Марш, отъявленный скептик и на редкость недружелюбный критик, объявил этот альбом шедевром современной звукозаписи…

Это казалось невероятным. Такой успех радовал и настораживал одновременно. Ведь, как показывает практика, не многим творческим личностям удается удерживать интерес публики, каждый раз создавая вещи не хуже тех, которые уже завоевали популярность. Но в случае с Майклом Джексоном все обстояло гораздо интереснее. В 1982 году молодой исполнитель неожиданно «прыгнул через собственную голову», то есть превзошел самого себя: небольшой альбом “Thriller” стал настоящей музыкальной бомбой; как известно, было продано более 40 миллионов его копий. Интересно, что этот рекорд не превзойден до сих пор. Это был триумф дуэта «продюсер – певец». Совместная работа Джексона и Джонса принесла восемь наград «Грэмми» и признание критики. В горячую десятку вошло рекордное для одного альбома количество песен – шесть. В их числе был дуэт с Полом Маккартни “The Girl Is Mine”, “Billie Jean”, “Beat It” и “Thriller”. Майкл умело поддерживал бешеную

популярность альбома при помощи видеоклипов, которые постоянно крутили по сети MTV. Не только любители музыки с удовольствием слушали песни Джексона; даже такие отъявленные хулители, как Фред Эстейр и Тин Келли, соизволили похвалить Майкла.

Вершины творческих возможностей Джексон достиг летом 1984 года. Тогда он воссоединился с братьями и вместе с ними отправился в «Тур Победы». Следующие альбомы певца, “Bad” (1987) и “Dangerous” (1991), по-прежнему расходились миллионными тиражами. Однако, несмотря на это, ажиотаж вокруг персоны поп-короля стал явно спадать. Новая волна интереса к творчеству Джексона совпала с сообщением певца о том, что он намерен выпустить клип на композицию “Black and Whit” из своего последнего альбома. Пресса явно оживилась, меломаны с нетерпением ждали выхода обещанного клипа. Но публика была разочарована; последние кадры ролика, в которых Джексон в буйстве крушит молотком машину, зрителей как-то не вдохновили…

Не слишком хорошо восприняла публика и лирическую композицию “It don’t matter if you’re black or white”. Иронию вызвало, в частности, новое лицо Майкла. Тот явно перестарался с пластическими операциями и косметическими процедурами, желая быть похожим на европейца… Тем не менее, если эксцентричность внешнего вида и поведения звезды еще хоть как-то можно было списать на издержки профессии, то этого нельзя сказать о причудах и пристрастиях Джексона, список которых увеличивался с пугающей быстротой. Так, «король» возжелал видеть в своем доме… новенький гроб. Вслед за этим он соорудил алтарь в честь Элизабет Тэйлор. А потом объявил, что страшно боится одиночества; но поскольку людей боится еще больше, окружил себя невероятным количеством манекенов. А потом и вовсе стал появляться на публике исключительно в окружении детей. Параллельно певец продолжал демонстрировать свою любовь к животным, которые «не настолько агрессивны и неблагодарны, как люди, и на добро отвечают добром». На своем ранчо Майкл даже завел целый зоопарк. Интересно, что, составляя завещание, он солидную долю имущества завещал как раз одному из «братьев наших меньших». Эти и многие другие «фишки» звезды привели к тому, что в обществе поползли слухи и сплетни.

Кроме всяческих «бзиков», Джексон регулярно «радовал» публику тем, что попадал в опасные для здоровья и жизни переделки. То его едва не укусила гремучая змея, то избил какой-то посетитель кафе, то во время репетиции загорелись волосы на

голове, оставив страшную рану величиной с ладонь (пришлось делать серьезную операцию). Затем, посидев после коррекции швов на болеутоляющих наркотических веществах, Майкл вынужден был пройти курс лечения от наркомании. А с диагнозом «сильное обезвоживание организма» и крайне низким кровяным давлением певца госпитализировали уже многократно, равно как и со всякого рода отравлениями.

В 1993 году Джексон «рассекретил» некоторые стороны собственного звездного бытия. В интервью с Опрой Уинфри он сообщил о том, что сделал якобы «всего лишь две пластические операции», причем исключительно из-за дефектов пигментации кожи. Затем Майкл разоткровенничался и рассказал, что считает свою жизнь на ранчо Neverland в парке развлечений в окрестностях Лос-Анджелеса сказкой, чем-то напоминающей жизнь Питера Пэна. Тогда же певец сказал, будто Брук Шилдс – его девушка. Правда, по поводу последнего заявления следует учесть склонность «двуцветной» звезды к некоторым преувеличениям. Так, Джексон «признавался», например, что «чуть не женился на принцессе Диане», а перед этим его «невестой» числилась Элизабет Тэйлор…

Но это интервью лишь в малой степени давало возможность приоткрыть жизнь короля поп-музыки. В конце 1993 года грянул скандал: 13-летний Джордан Чандлер обвинил Джексона в сексуальных домогательствах, сообщив, что подвергся им во время ночевки в Neverland. Это заявление стало для Майкла громом среди ясного неба. Еще бы! Ведь певец откровенно гордился своим отношением к детям… В общем, пришлось Джексону спешно прерывать гастрольный тур и возвращаться домой – улаживать щекотливое дело. Этот шаг привел к тому, что певец, во-первых, потерял рекламный контракт с фирмой “Pepsi”, во-вторых, нанес непоправимый урон собственной репутации, а в-третьих, стал беднее на 20 миллионов долларов: столько запросила семья мальчика за то, чтобы позволить закрыть дело…

В 1994 году тучи над головой поп-короля, казалось, рассеялись. Однако, едва переведя дух, он вновь столкнулся с неприятностями, на сей раз на личном фронте. В мае 1994 года Майкл сочетался браком с дочерью Элвиса Пресли, Лайзой Марией. Тайная церемония была проведена в Доминиканской республике. Пресли, пережившая к тому моменту несчастливый брак и оставшаяся одна с двумя детьми, в 28 лет представляла собой едва ли не образец ранимости и разочарованности жизнью. После встречи с Майклом, который, по словам Лайзы Марии, нравился ей давно, она стала по-иному смотреть на мир и выглядела абсолютно счастливой. На головы молодоженов сразу

же обрушился шквал сплетен: кто-то считал, что этот ход понадобился новоявленным супругам, чтобы подлатать свою серьезно потрепанную жизнью репутацию; кому-то не давала покоя идея «рекламное™» брака; некоторые любители музыки восприняли событие как очередную причуду творческих личностей – и не более. Лишь незначительная часть меломанов умилялась свершившемуся факту слияния двух выдающихся музыкальных семей.

Вскоре после вступления в брак Джексон, который по доходам опустился на восьмое место в мире, выпустил двойной альбом “HIStory” (1995). В него, наряду с новыми песнями, вошли старые композиции. Реакция публики была весьма оригинальной. Если песни прошлых лет по-прежнему вызывали восторженное признание, то новым явно не везло; их восприняли более чем прохладно. Альбом певца вошел в первую десятку, но… По меркам Майкла его продажа шла из рук вон плохо. Напрасно Джексон и Пресли в интервью с Дианой Сойер на канале ABC News дуэтом доказывали, что их брак – отнюдь не фикция и они действительно любят друг друга. Им просто не верили. То ли публика стал а уж очень проницательной, чувствующей даже самый замаскированный подвох, то ли супруги устали от негативной реакции общественности в свой адрес – сложно сказать. Однако Майкл и Лайза Мария продержались вместе всего полтора года…

Похоже, что Пресли просто попалась на удочку певца, действительно желавшего поднять свою популярность при помощи брака с дочерью легенды сцены. И если Лайза Мария в самом деле была похожа на влюбленную женщину, то Майкл вскоре довольно откровенно продемонстрировал, что ему наплевать на чувства своей жены. Поговаривали, что он старался заставить Пресли сделать «оригинальную» пластическую операцию – стать двойником его любимой актрисы Элизабет Тэйлор. По понятным причинам Лайза Мария очередной «бзик» своего чудаковатого супруга восприняла, мягко говоря, прохладно и расставаться со своим лицом не захотела.

Вообще-то тяга Джексона к смене облика превосходила все мыслимые границы и больше напоминала уже не чудачество, а манию. В свое время он вдоволь поиздевался над собой и вынужден был пожинать плоды своего упрямого нежелания мириться с данной природой внешностью. Ведь в случае с Майклом речь идет вовсе не о подтяжках кожи или изменении формы и размеров глаз, губ, носа или скул. Подобные операции в наши дни стали явлением обычным, и к ним прибегают не только звезды кино и эстрады, но и граждане, никоим образом с шоу-

бизнесом не связанные. Джексон же стремился во что бы то ни стало избавиться от всех черт, присущих его расе. И проблему решил кардинально. «Перекраивание» лица поп-короля состояло из нескольких этапов. Впервые Майкл лег под нож хирурга, когда ему исполнилось 26 лет. Тогда певец решился только на сужение кончика носа. Перемена внешнего вида была очень заметной, однако критики не вызвала, поскольку результат усилий специалиста выглядел очень естественно. На следующий год Майкл зачем-то снова сузил кончик носа и сделал перманентный макияж глаз и губ. До скандала дело опять не дошло, поскольку личную жизнь и репутацию молодой звезды усиленно охраняли многочисленные адвокаты, менеджеры, продюсеры и помощники. В 29 лет чудак, что называется, с цепи сорвался. Он еще больше заузил кончик и крылья носа, обзавелся выразительными скулами и… поменял цвет кожи с шоколадного на белый. Поначалу певец отрицал то, что к смене его «масти» приложили руку медики. Он сетовал на витилиго и, как показала жизнь, накаркал… А покуда по стране пошла гулять злая шутка: «Только в Америке можно родиться чернокожим мужчиной, а умереть белой женщиной». Проблема же крылась в том, что Джексон, с легкой руки собственного отца, в раннем детстве обзавелся «комплексом чернокожего» и стал стыдиться цвета своей кожи. Ситуация усугублялась с каждым годом (одно время парень даже не включал свет, принимая ванну, чтобы не видеть себя), а Джозеф Джексон активно подливал масла в огонь: отец звезды, будучи сам типичным представителем своей расы, терпеть не мог чернокожих… В 32 года Майкл довел собственную внешность до абсурда: треугольный нос с очень острым кончиком и совсем плоскими крыльями, здоровенный квадратный имплантант челюсти с ямочкой… Певец практически не снимал черные очки, и кто-то принялся распространять слух, что на самом деле Майкл – не Майкл, а его сестра Ла Тойя. Мол поэтому-то они никогда не появляются вместе… Дошло до того, что однажды под фотографией поп-короля в одном из американских журналов появилась подпись: «Бытовой женский алкоголизм».

В 41 год Джексон понял, что несколько переборщил. Он попытался снова исправить форму носа, несколько раздвинув его крылья и изменив кончик. Имплантант в челюсти певцу заменили на аналогичный, но чуть пouже, а попутно тщательно подтянули звезде кожу. Спустя год впервые появились сообщения о том, что певец «доигрался», настолько часто корректируя себе форму носа. Его организм не выдержал, хрящевая ткань стала все хуже приживаться, приводя к различного рода осложнениям, в результате чего многострадальный орган обоняния стал мягким,

как глина, и… провалился. Одна из поклонниц Джексона, подкараулив своего кумира, сделала фотографию. Но певец предстал на фото в столь жутком виде, что американка, не лишенная деловой хватки, продала снимок местной «желтой прессе». В том же году, выступая в качестве ответчика на суде (причиной иска стал беспричинный срыв звездой двух концертов в Нью-Йорке), Майкл прятал лицо под медицинской маской. Объяснял свою прихоть он тем, что в воздухе находится слишком много микробов. Говорят, что долгое время певец вынужден был носить… накладной муляж носа, поскольку остатки его собственного органа обоняния представляли собой весьма плачевное зрелище. И только в конце 2004 года один смелый хирург согласился попытаться исправить урон, нанесенный чудаком собственному лицу. Специалист взял хрящ из уха Майкла и соорудил из него новый нос. Хорошо, если бы черно-белая звезда на этом успокоилась!

Но если историю с носом можно было отнести к числу завершившихся, то проблемы Майкла с кожей вызывали опасение. В результате «отбеливания» у поп-короля начало прогрессировать заболевание витилиго, характеризующееся образованием на коже белых пятен, что, естественно, никоим образом внешность звезды не украшало. Эти пятна постоянно увеличивались; у Джексона же, хоть он и горел желанием «осветлиться», перспектива превратиться в альбиноса не вызывала восторга… Однако он цеплялся за любой шанс победить витилиго: Майкл надеялся на британских медиков из Бредфордского университета, создавших лекарство, которое может если не излечить болезнь, то хотя бы остановить ее развитие.

Пунктик по поводу собственного здоровья, кстати, у певца был нешуточный. Он искренне решил дожить до мафусаиловых лет, побив все рекорды долгожительства, и решительно занялся воплощением собственной мечты в действительность: спал в барокамере, дышал чистейшим кислородом, носил на лице черную маску (якобы от вирусов), отказывался передвигаться пешком по нестерильным поверхностям… Параноидальный ужас Джексона перед микробами известен всем. А в 2001 году черно-белая знаменитость испытала острый приступ страха перед сибирской язвой. И сразу же отправилась на обследование, дабы убедиться, что сия зараза ему, любимому, не грозит. Попутно заботливый папаша затаскал по врачам своих чад (тогда только двоих). Он плакался, что плохо себя чувствует, постоянно кашляет и страдает от того, что глаза слезятся. И вообще, он и его малыши – самые несчастные и больные существа в мире… Джексон считал, что подхватил «эту инфекцию», развернув один

из конвертов, а упрямые медики просто не желали разглядеть у него симптомов сибирской язвы. Некоторые врачи-психиатры называли Джексона «своим клиентом», поскольку он явно был психически болен и часто терял ощущение реальности… А как иначе можно объяснить тот факт, что дети звезды вообще не знали, что у них есть мать? А кадры, на которых Майкл держит своего младшего сына за балконом? Да, кстати, а о том, что с Джексоном приключались конвульсии при одном только приближении женщины, вы слышали?! Поэтому он и не мог найти себе постоянную спутницу жизни.

Расставшись с Лайзой Марией Пресли, певец завел себе подругу, Дебору Роу, которая была ассистентом его дерматолога. В ноябре 1996 года поп-король объявил, что женщина ждет от него ребенка. И снова в прессе замелькали обвинения. Мол, Джексон на самом деле просто использует Роу для того, чтобы получить собственного отпрыска. Пара стоически отрицала все неприятные предположения. Видимо, чтобы несколько утихомирить не в меру активных «акул пера», певец и его новая пассия поженились. Бракосочетание состоялось в Австралии, а уже спустя три месяца поп-король стал счастливым отцом. Дебора подарила ему Принца Майкла I. Вскоре наследников у Джексона прибавилось: вслед за первым сыном на свет появилась дочь Пэрис, а затем, после небольшого перерыва, второй сын – Принц Майкл II. Отношения же Джексона и Роу и правда выглядели, мягко говоря, несколько… странновато. Супруги вместе не жили и виделись в общем-то крайне редко. Поговаривали, что для Деборы рождение детей для Майкла Джексона стало прибыльной работой, не более того, что как только младенец начинал реагировать на мир, его забирали под надзор нянь, решения матери малыша силы не имели, а по условиям брачного контракта в случае развода четы дети оставались с отцом. Правда, о малышах «человек-инопланетянин» заботился нешуточно; даже погремушки, раз попав на пол, отправлялись няньками в мусорное ведро. А то вдруг какая-нибудь инфекция к крохе пристанет!

В 2002 году Джексон попал в центр очередного скандала. Компания “Union Finance and Investment Corporation” подала против него иск в Калифорнии. По словам ее руководителей, певец задолжал 12 миллионов долларов, кои отдавать как-то не торопился… Суд, по оценкам специалистов, обошелся ответчику примерно в 10 миллионов.

И снова долго отдыхать от внимания Фемиды Джексону не дали. Ему предъявили очередное обвинение – в растлении малолетних. Судебное расследование длилось вплоть до июня

2005 года. На процессе «Народ штата Калифорния против Майкла Джексона» против певца было выдвинуто 10 обвинений. Самыми тяжелыми являлись те, где речь шла о сексуальных домогательствах звезды по отношению к 13-летнему Гэвину Арвизо и о подпаивании малолетних. Если бы вина поп-короля была доказана, ему «светил» срок лишения свободы до 20 лет! В ходе разбирательства обвинением было обнародовано такое количество пикантных подробностей о жизни знаменитости, что Джексон просто не мог не чувствовать себя общеизвестным козлом отпущения… Родственники Майкла говорили, что процесс он перенес с большим трудом. Но поп-король все же вышел сухим из воды, отделавшись испугом и изрядными расходами на адвокатов. Зато женщине, сын которой обвинял чудаковатую звезду, в конце августа было предъявлено обвинение в… мошенничестве. Предполагается, что Джанет Арвизо с ноября 2001 по март 2003 года получила 19 000 долларов в качестве материальной помощи, хотя никаких прав на пособие не имела. Она просто скрыла от сотрудников социальной службы штата Калифорния тот факт, что имела другие источники дохода. Адвокаты Джексона потрудились предоставить в суд документы о том, что Джанет Арвизо только в 2001 году получила от одного из магазинов одежды 150 000 долларов за отзыв иска. Оказывается, ушлая дамочка была обвинена в краже из магазина, после чего решила идти ва-банк и… подала встречный иск, обвинив охранников в оскорблении. О такой «мелочи», как 150 000, мошенница «забыла» уведомить социальную службу. Да и о том, что ее бывший супруг оплачивал аренду квартиры, Джанет не заикнулась. А уж о крупных суммах денег, которые Джексон, друживший с сыном склочницы, часто передавал ей, дамочка вообще не вспоминала. В общем, кто из участников скандала оказался на положении кошки, а кто – мышки и кому в итоге отольются слезы оппонента – не ясно. Решение в отношении певца суд принял, но неизвестно, что день грядущий нам готовит, – вполне вероятно, что вскоре мог начаться новый скандал. И действительно, долго скучать без Майкла судьям не пришлось. Теперь иск по поводу невыполнения поп-королем финансовых обязательств предъявила компания “Prescient Acquisition Group”. Истцы требовали от Джексона возвращения 48 миллионов долларов: столько звезда якобы задолжала в виде комиссионных. Мол, руководство компании помогло певцу рефинансировать совершенно фантастический долг в размере 537,5 миллиона долларов. В результате Джексон, которого на тот момент обвиняли в развратных действиях в отношении малолетнего, не только расплатился с банковскими долгами, но и

умудрился приобрести вторую часть библиотеки песен «Биттлз» вместе с правами на нее. И вот благодарность… Как говорится, кто следующий?!

Сразу же после вынесения вердикта Майкл отправился в Бахрейн – приводить нервы в порядок. А чтоб не мелочиться и устроиться с удобством, он купил две огромные виллы на искусственном острове неподалеку от острова Аль-Мухаррак, открыл счета в местном банке, купил три автомобиля (для себя, любимого, и для своих троих детей), а затем и вовсе оформил постоянный вид на жительство. Контактов с прессой и поклонниками Майкл упрямо избегал – во избежание, так сказать… Впервые певец рискнул появиться на публике только в октябре 2005 года в Лондоне.

Перед этим, в сентябре, поп-король начал работать над организацией записи благотворительного сингла, средства от продажи которого должны были пойти на нужды соотечественников певца, пострадавших от буйства урагана Катрина. Предполагалось, что в проекте примут участие также Мэрайа Керри, Джеймс Браун и рэппер Снуп Догг. Исполнители охотно откликнулись на призыв Майкла. В результате к списку участников проекта присоединились Лени Кравитц, Мисси Эллиотт и Лоурен Хилл. Кстати, опыт в благотворительной сфере у Джексона имелся. Еще в 1985 году он выпустил песню «Мир – это мы», которая имела большой успех. Доходы от хита пошли тогда на борьбу с голодом в Африке. Интересно, что в работе над благотворительным проектом собиралась принять участие звукозаписывающая компания, принадлежащая сыну эмира Бахрейна.

Кстати, в том же октябре 2005 года Джексон снова получил приглашение в суд американского города Санта-Мария, где ранее слушалось его дело. Но на сей раз ситуация напоминала комедийную: певцу, которому несколько месяцев назад были предъявлены более чем серьезные обвинения, предложили выступить… в качестве присяжного заседателя! Да уж, такая «переквалификация» не снилась даже Великому махинатору Остапу Бендеру… Анекдотическая ситуация сложилась потому, что в США кандидатуры присяжных утверждаются методом случайного отбора из числа местных жителей. Так что у поп-короля появилась возможность встать по иную сторону юридического барьера. Правда, Джексон от столь высокой чести отказался; тем более, что он в последнее время на своем ранчо не появлялся, так что в списках потенциальных присяжных значиться не обязан.

Одновременно с окончанием не самого приятного периода в

своей жизни певец решил, что пора кардинальным образом изменить свой тщедушно-женоподобный имидж. Он заявил, что собирается использовать меньше косметики, коротко постричься и начал наращивать мускулатуру.

Что ж, благими намерениями… Ведь, достигнув почти 50 лет, Майкл не зря суетился: певец катастрофически быстро терял популярность. 1 апреля 2005 года ему третий раз подряд присудили победу в национальном конкурсе на звание… главного дурака года! Мол, по глупости с певцом не может сравниться ни один его соотечественник… Так что новый облик был призван вернуть Джексону титул короля поп-музыки и поправить его финансовое положение, которое давно оставляло желать лучшего и продолжало стремительно ухудшаться. Долги Майкла составляли уже 270 миллионов долларов… Правда о состоянии дел певца, когда-то бывшего богатейшим представителем своей профессии в мире, всплыла во время одного из судебных процессов. Оказалось, Джексон зарабатывал в последнее время так мало, что даже не способен был вносить ежемесячные платежи по ссудам. В один из не самых прекрасных дней команда звезды даже опасалась, что не удастся оплатить счет за электроэнергию… Во всяком случае, задолженности Джексона купила компания “Fortress Investments”, которая специализируется на безнадежных долгах. Певцу было предложено продать 50 % акций компании “Sony/ATV” (именно ей принадлежит каталог песен «Биттлз», хиты Джонни Митчелла, Стиви Никса и Боба Дилана). А это ни много ни мало – более 500 миллионов долларов! Только вот чудаковатая звезда никак не могла решиться расстаться с имуществом. Даже ради того, чтобы кредиторы оставили его наконец в покое.

Для того чтобы улучшить свое финансовое положение, певец планировал совершить во второй половине 2009 года мировое турне, но жизнь внесла свои коррективы. В июне 2009 года мир потрясло сообщение о неожиданной, трагической смерти певца. Причины ее до конца не установлены, в любом случае, они связаны с принятием больших доз лекарств, которыми он злоупотреблял в последний период жизни.

На грандиозной церемонии прощания в Лос-Анджелесе, состоявшейся 7 июля, присутствовали более 17 тысяч поклонников певца. Если бы не позолоченный гроб с телом Джексона на сцене и траурные речи гостей – можно было бы подумать, что зрители собрались на последнем шоу поп-короля. В финале траурной церемонии члены семьи Джексонов и гости исполнили одну из самых известных композиций покойного певца – “Heal the Wold”. Надпись на сцене «Светлой памяти Майкла

Джексона (1958–2009)» сменилась словами: «Я жив, и я здесь навечно».

ДИОГЕН СИНОПСКИЙ

(род. ок. 400 или 412 гг. – ум. ок. 323 г. (ок. 330–320 гг.) до н. э.)

Греческий философ-киник, который практиковал крайний аскетизм, доходящий до эксцентричного юродства.

Диоген Синопский – наиболее прославившийся из трех древнегреческих философов, носивших имя Диоген (еще известны Диоген Аполлонийский и Диоген Лаэртский. Все они жили в разное время, не состояли между собой в родстве и не были знакомы).

Как-то Александр Македонский подошел к Диогену и спросил его, что он, Александр, может сделать для философа. В ответ он услышал: «Отойди в сторону и не загораживай мне солнце!»

Этот исторический анекдот как нельзя лучше характеризует самого Диогена и философию, которую он исповедовал.

Родился Диоген Синопский около 400 или 412 года до н. э. в древнегреческом портовом городе Синоп (Понт) на Черном море. Отец его был менялой в этом же городе и фальшивомонетчиком. По крайней мере, так пишет тезка Диогена

Синопского – Диоген Лаэртский – в своем труде “Vitae philosophorum” (его труд «Жизнь и мнения прославленных философов» появился около 220 г. до н. э.). Отца будущего философа разоблачили и заключили в тюрьму, где он и скончался. Диоген долго колебался – продолжать или нет опасное занятие отца? Но как-то на храме Аполлона он прочел изречение: «Лучше подделывать монеты, чем истину», после чего отбросил все сомнения и занялся ремеслом отца. Диогена уличили в преступлении и изгнали из города. (В Древней Греции за подделку денег приговаривали не только к изгнанию, но и к смертной казни, так что новоявленному фальшивомонетчику, можно сказать, повезло.)

Диоген пришел в Афины и увлекся философией таких мудрецов, как Сократ, Платон, Аристипп, Эсхин, Эвклид и Антисфен. Однако вскоре он проникся презрением ко всем им, кроме Антисфена, основателя школы киников[2].

Школа киников представляла собой течение в греческой философии, исповедующее отрицание всего материального в жизни: богатства, удовольствий, а также моральных канонов и т. д. Диоген из всех известных приверженцев этого течения был самым ярым сторонником такого стиля жизни. Даже его учитель Антисфен, основоположник философии, был менее склонен к крайностям.

С Антисфеном Диоген общался охотно, но хвалил, впрочем, не столько его самого, сколько его учение, полагая, что только оно раскрывает истину и может принести пользу людям.

«Богатство, имущество, родные, близкие, друзья, слава, привычные ценности, общение с другими – все это чужое, – говорил Антисфен. – Зато каждому человеку принадлежат его представления. Они абсолютно свободны, никому не подвластны, никто не может им ни помешать, ни заставить воспользоваться ими иначе, чем человек этого хочет».

Сравнивая же самого Антисфена с его учением, Диоген нередко упрекал того в недостаточной твердости и, порицая, называл своего учителя боевой трубой – шума от нее много, но сама она себя не слышит. Антисфен терпеливо выслушивал его упреки, так как восхищался характером ученика.

Узнав, что, по Платону, человек определяется как двуногое животное, лишенное перьев, Диоген ощипал петуха и, принеся его в Академию, объявил: «Вот человек Платона». (После этого к определению было добавлено: «И с широкими ногтями».)

Когда Платон распространялся о своих идеях и говорил о «стольности» и «чашности», Диоген заметил: «Что касается меня, то стол и чашу я вижу, а вот “стольности” и “чашности” – нет». На

что Платон ему якобы ответил, что для чаши и стола у Диогена есть глаза, а для «чашности» и «стольности» у него нет разума.

Диоген и его последователи – странствующие наставники истины – проповедовали довольство малым. Увидев однажды, как мальчик пил воду из горсти, философ выбросил из сумы свою чашку, промолвив: «Мальчик превзошел меня простотой жизни».

Подтверждая личным примером необходимость сбросить оковы цивилизации, уродующей людей, и возвратиться в лоно природы, Диоген поселился в бочке, вернее, в большой глиняной амфоре для хранения жидкостей, вина или зерна – пифосе. Полагая, что добродетель состоит в воздержании, в отсутствии потребностей и в жизни, сообразной с природой, он довел свой аскетизм до крайних пределов.

Его проповеди, обычно строившиеся в форме непринужденной беседы со слушателями, больше всего были популярны среди городских низов, и большинство горожан любили чудака. Так, например, когда какой-то мальчишка разбил его бочку-амфору, они высекли злоумышленника, а Диогену дали новую бочку.

Многие киники жили подаянием, но в этой своей бедности были, следуя и подражая Диогену, довольно остроумны. Один из них, Телес (III ст. до н. э.), говорил богачу: «Ты даешь щедро, а я принимаю мужественно, не пресмыкаясь, не роняя своего достоинства и не ворча».

Меткие выражения киников, их остроумные шутки, обличительные сатирические выступления, в которых чередовались стихи и проза, встречали живой отклик среди народа.

Самому Диогену приписывают многие изречения. Однажды, например, когда кто-то читал длинное сочинение и уже показалось неисписанное место в конце свитка, философ воскликнул: «Мужайтесь, други: виден берег!»

Как-то он рассуждал о важных предметах, но никто его не слушал; тогда философ принялся свистеть по-птичьему; собрались люди, и Диоген пристыдил их за то, что ради пустяков они сбегаются, а ради важных вещей не пошевелятся.

Когда кто-то привел философа в роскошное жилище и не позволил плевать, он тут же сплюнул в лицо спутнику, заявив, что не нашел места хуже.

Чудак без стеснения занимался у всех на глазах мастурбацией и мочился, как собака, что вызывало неприятие окружающих.

Платон прозвал его «беснующимся Сократом».

Диоген просил подаяния у статуи; на вопрос, зачем он это

делает, философ ответил: «Чтобы приучить себя к отказам».

Он просил милостыню у скряги, тот колебался. «Почтенный, – сказал Диоген, – я же у тебя прошу на хлеб, а не на склеп!»

На вопрос, почему люди подают милостыню нищим и не подают философам, он ответил: «Потому что они знают: хромыми и слепыми они, может быть, и станут, а вот мудрецами – никогда».

Человеку, спросившему, в какое время следует завтракать, он ответил: «Если ты богат, то когда захочешь, если беден, то когда можешь».

Когда философ завтракал на площади, зеваки столпились вокруг него, крича: «Собака!» – «Это вы собаки, – сказал Диоген, – потому что толпитесь вокруг моего завтрака».

Кто-то пожалел Диогена за его изгнание. «Несчастный, – ответил он, – ведь благодаря изгнанию я стал философом».

На вопрос, что дала ему философия, чудак ответил: «По крайней мере, готовность ко всякому повороту судьбы».

Человеку, сказавшему: «Мне дела нет до философии!», он возразил: «Зачем же ты живешь, если не заботишься, чтобы хорошо жить?»

Феофраст в своем «Мегарике» рассказывает, что Диоген понял, как надо жить в его положении, когда поглядел на пробегавшую мышь, которая не нуждалась в подстилке, не пугалась темноты и не искала никаких мнимых наслаждений. По некоторым сведениям, он первым стал складывать вдвое свой плащ, потому что философу приходилось не только носить его, но и спать на нем. Он носил суму, чтобы хранить в ней пищу, и всякое место было ему одинаково подходящим и для еды, и для сна, и для беседы. Поэтому философ говаривал, что афиняне сами позаботились о его жилище, и указывал на портик Зевса и на Помпейон.

Тем, кто боялся недобрых снов, Диоген говорил, что они не заботятся о том, что делают днем, а беспокоятся о том, что приходит им в голову ночью.

Видя, что в Мегарах овцы ходят в кожаных попонах, а дети бегают голыми, Диоген сказал: «Лучше быть у мегарца бараном, чем сыном».

Когда кто-то задел его бревном, а потом крикнул: «Берегись!» – он спросил: «Ты хочешь еще раз меня ударить?» По другой версии, человека, который толкнул его бревном, а потом крикнул: «Берегись!», Диоген сначала ударил палкой и затем тоже крикнул: «Берегись!»

На вопрос, по какому месту лучше получать удары, он ответил: «По шлему».

Говорят, чудак среди бела дня бродил с фонарем в руках, объясняя свои действия словами: «Ищу человека».

А однажды он голый стоял под дождем, и окружающие жалели его; бывший свидетелем этого Платон сказал им: «Если хотите пожалеть его, отойдите в сторону», имея в виду его тщеславие.

По неподтвержденным данным, у Диогена была жена Памфила и дочка Милена. И это несмотря на то, что чудак отрицал, наряду с богатством и почестями, также и науку, и частную собственность, и брак.

Видя, как кто-то совершал обряд очищения, Диоген сказал: «Несчастный! Ты не понимаешь, что очищение так же не исправляет жизненные грехи, как и грамматические ошибки».

Однажды он просил подаяния у человека со скверным характером. «Дам, если ты меня убедишь», – говорил тот. «Если бы я мог тебя убедить, – сказал Диоген, – я убедил бы тебя удавиться».

Как-то он возвращался из Лакедемона в Афины и на вопрос: «Откуда и куда?» – ответил: «Из мужской половины дома в женскую».

На вопрос, откуда он, чудак говорил: «Я – гражданин мира».

Кто-то приносил жертвы, моля у богов сына. «А чтобы сын был хорошим человеком, ради этого вы жертв не приносите?» – поинтересовался Диоген.

Увидев неумелого стрелка из лука, он уселся возле самой мишени и объяснил: «Это чтобы в меня не попали».

«Когда мир благоденствует?» – спросили как-то Диогена. «Когда его цари философствуют, а философы царствуют», – ответил мудрец.

Если Диоген нуждался в деньгах, он не говорил, что одолжит их у друзей; он говорил, что попросит друзей возвратить ему долг. Философ проповедовал: «Любовь к деньгам есть мерило всякого порока».

Он удивлялся, что историки изучают бедствия Одиссея, но не ведают своих собственных; музыканты ладят струны на лире, а не могут сладить с собственным нравом; астрономы следят за Солнцем и Луной, а не видят того, что у них под ногами…

Вернувшегося из Олимпии философа спросили, мол, много ли там было народу, на что он ответил: «Народу много, а людей немного».

Некий «прыгун» сказал Диогену:

– Как жаль, Диоген, что ты с такой закалкой никогда не участвовал в Олимпийских состязаниях. Наверняка ты был бы первым!

– Зато я участвую в состязаниях более важных, чем Олимпийские.

– В каких же это? – не понял «прыгун».

И, укоризненно качнув головой, Диоген ответил:

– Вы же знаете: я состязаюсь в борьбе с пороками.

Одна из притч Диогена гласит:

«Владелец несметных богатств созвал на пир гостей со всех земель, всех народов и языков, всякого звания, пола и возраста. Будучи щедрым, он выставил перед гостями обильные угощения и каждого оделил тем, что ему всего полезнее. Приглашенные наслаждались и благодарили хозяина. Но вот нашелся среди них один, кому показалось мало того, что назначалось ему, и он стал захватывать то, что назначалось для его соседей, даже не подумав, что отнимает, в том числе, у слабых и больных, а также у маленьких детей. И стал он отнятое пихать себе в рот до тех пор, пока желудок не извергнул все это обратно!.. Так вот, щедрый владелец богатств – это природа, гости на ее пиру – все люди и народы мира, а алчный – это богатей, который отнимает у всех, кто слабее их!»

Диоген отличался лысиной и носил длинную бороду, дабы, по его словам, не изменять вида, данного ему природой; был сутул до сгорбленности, из-за этого смотрел всегда исподлобья; ходил, опираясь на палку, в верхней части которой находился сук, куда Диоген вешал свою котомку странника.

После смерти учителя, философа Антисфена, основателя школы киников, чудак решил, что больше ни с кем общаться не стоит. И отправился в новые странствия.

Однажды Диоген плыл на корабле, как вдруг в районе о. Крит на судно напали пираты. В итоге философ вместе с другими бедолагами в качестве раба попал на невольничий рынок. Последующая сценка основана на древних свидетельствах и легендах, рисует незаурядный облик этого чудака.

«Хотя Диоген изнывал от зноя, он весело улыбался. Потом без разрешения хозяина уселся на песок.

– Куд-да! – зарычал на него работорговец. – Кто тебя, сидячего, здесь увидит?!

– Почему же? – возразил философ. – Рыба лежит, а своего покупателя находит!

Работорговец удивленно захохотал и позволил пленнику сидеть. Тут Диоген, приободряя заморенных жарой невольников, закричал на весь базар: «Эй, люди! Вы что же носы повесили?.. Уж не потому ли, что не в силах дольше слушать голодное урчанье собственного чрева? Ничего, это дело поправимое!» И, обращаясь к работорговцам, продолжал: «Граждане наши хозяева!

Послушайтесь голоса разума! Ведь овец и поросят вы откармливаете на совесть, как и подобает делать рачительным владельцам, не так ли? Так не глупо ли тогда человека, самого дорогого из животных, морить на продаже голодом?!»

В толпе послышался смех рабов и их хозяев, потому что шутку любят все. И подобревшие работорговцы сказали: «А ведь, пожалуй, их и в самом деле не мешает покормить!»

Утолив слегка голод и жажду, повеселевшие невольники со всех сторон благодарили сидящего Диогена. Тогда его хозяин, снисходя к такому необычному рабу, спросил:

– А что ты умеешь делать, старик?

– Я? – переспросил Диоген, отправляя в рот остатки поданных ему оливок. – Властвовать над людьми!

Торговец захохотал:

– Ты, конечно, шутишь?

– Нисколько.

– Да кто же купит раба, который корчит из себя господина?

– Как раз такого-то купят всех быстрей, – ответил Диоген. – Ведь обычный раб не в диковинку. Впрочем, ты можешь сам в этом убедиться, стоит только тебе объявить обо мне.

– Нет уж! Если хочешь, сам о себе объявляй. А я погляжу, что из этого выйдет!

Диоген поднялся и громко закричал на весь базар:

– Кто хочет купить себе хозяина?! Кто хочет купить хозяина, спешите сюда!

Все вокруг потешались, но тут к чудаку приблизился какой-то пожилой человек и смеясь спросил:

– Уж не ты ли и есть хозяин, продающий себя?

– Представь себе, это я! – гордо ответил Диоген.

– А я, – вмешался здесь работорговец, – хозяин этого «хозяина»! Беру за него три мины!

Покупатель в сомнении покачал головой, собираясь отойти, но чудак задержал его:

– Это совсем недорого, клянусь богами! Ведь три мины – стоимость рабочей лошади, а я умом скакун!

Улыбнувшись, покупатель сказал:

– Прекрасно! И куда же скачет твой ум?

– В просторы философии, милейший!

– Ты изучаешь явления космоса?

– Диалектика мертвой материи меня не занимает. Диалектика души – вот предмет моих занятий!

– Что ж, в таком случае ты сгодишься моим сыновьям как воспитатель. Согласен?

– Согласен, – сказал Диоген, – но с одним условием…

Вокруг рассмеялись, а хозяин Диогена насмешливо сказал:

– Этот тип еще смеет условия ставить!

– Да, ставлю условие, – упрямо кивнул Диоген.

– Какое? – спросил покупатель.

– Следовать за мной и делать только то, что я тебе скажу…

И снова в толпе рассмеялись, а покупатель, желая намекнуть на пословицу, что яйца курицу не учат, насмешливо продекламировал:

– Вспять потекли источники рек!

– Ты прекрасно знаешь Еврипида, господин хороший, – угадав, чей это стих, сказал Диоген. – Но позволь тебя спросить, если ты нанял, к примеру, врача, а он предупредил тебя, что нужно следовать его советам, ведь ты не стал бы упрекать его изречениями Еврипида?

И, пристально вглядевшись в Диогена, покупатель сказал:

– Я беру этого человека! – И, отсчитав положенную сумму работорговцу, добавил: – А вот тебе еще одна мина к запрошенным!

Когда работорговец ушел, Диоген спросил нового хозяина:

– На какую кличку ты отзываешься?

– Я торговец Ксениад.

– А моя кличка – Собака. Не удивляйся, это мое прозвище, а звать меня Диоген, что значит богорожденный! – И он с шутливым величием поднял вверх палец. – Так куда мы отправляемся?

– Ко мне домой, в Коринф.

– Прекрасно! – одобрил Диоген. – Я всю Элладу обошел, а быть в знаменитом Коринфе мне до сих пор не довелось».

Евбул в книге «Продажа Диогена» рассказывает, как философ воспитывал сыновей Ксениада. Он обучал их, кроме всех прочих наук, ездить верхом, стрелять из лука, владеть пращой, метать дротики; а потом, в палестре, он велел наставнику закалять их не так, как борцов, но лишь настолько, чтобы они отличались здоровьем и румянцем. Он учил, чтобы дома ребята сами о себе заботились, чтобы ели простую пищу, коротко стриглись, не надевали украшений, не носили ни хитонов, ни сандалий, а по улицам ходили молча и потупив взгляд. Дети запоминали наизусть многие отрывки из творений поэтов, историков и самого Диогена; все начальные сведения он излагал им для удобства запоминания кратко. Обучал он их также и охоте. Ученики в свою очередь тоже заботились о наставнике и заступались за него перед родителями. Тот же автор сообщает, что у Ксениада философ жил до глубокой старости.

Учениками Диогена считаются также Стильпон Мегарский,

Онесикрат, спутник Александра Македонского и др.

Умер философ 13 июня 323 года, съев сырого осьминога и заболев холерой; но есть и другая версия: смерть наступила «от задержки дыхания». Сыновья Ксениада похоронили Диогена в Коринфе с большой пышностью.

Соотечественники воздвигли ему много памятников и на одном из них, на родине философа в г. Синопе, вырезали эпитафию:

Время точит и камень, и бронзу,
Но слова твои, Диоген, жить будут вечно!
Ведь ты учил нас благу довольствоваться малым
И наметил пути продвижения к счастливой жизни!

И в завершение рассказа о великом чудаке мы приведем еще несколько его изречений:

«Злословец есть самый лютый из диких зверей, а льстец – самый опасный из ручных животных».

«Те, кто содержат животных, должны признать, что скорее они служат животным, чем животные им».

«Обращайся с сановниками, как с огнем: не стой ни очень близко, ни очень далеко от них».

«Демагоги – это прислужники толпы, а венки – прыщи славы».

«Солнце заглядывает в ямы с навозом, но не оскверняется».

«Протягивая руку друзьям, не надо сжимать пальцы в кулак».

«Образование сдерживает юношей, утешает стариков, бедных обогащает, богатых украшает».

«Любовь проходит с голодом, а если ты не в силах голодать, петлю на шею – и конец».

«Влюбленные мыкают горе себе на радость».

Антон Павлович Чехов сказал о Диогене: «Свободное и глубокое мышление, которое стремится к уразумению жизни, и полное презрение к глупой суете мира – вот два блага, которых никогда не знал человек. И вы можете обладать ими, хотя бы вы жили за тремя решетками. Диоген жил в бочке, однако же был счастливее всех царей земных».

ЕЛАГИН ИВАН ПЕРФИЛЬЕВИЧ

(род. в 1725 г. – ум. в 1794 г.)

Русский писатель, драматург, переводчик, историк, государственный и политический деятель, член Российской академии (1783), директор Придворных театров (1766–1779), тайный советник (1767), обер-гофмейстер императорского двора (1782), глава масонских лож Первого елагинского и Второго елагинского союзов. Автор стихов, пьес, комедии «Русский француз», исторического труда «Опыт повествования в России» и др.

Иван Перфильевич родился 30 ноября 1725 года в Санкт-Петербурге в старинной дворянской семье, имевшей немецкие корни. С 1738 по 1743 год он учился в Сухопутном кадетском корпусе. Его товарищами по учебе были А. П. Сумароков, П. С. Свистунов, М. М. Херасков. По окончании этого учебного заведения началась военная служба Ивана, которая, однако, его не прельщала. Интересы выпускника сосредотачивались на самообразовании, изучении иностранных языков и современной литературы.

Литературную карьеру Елагин начал в 1748 году, помогая А. П. Сумарокову в издании его трагедий. В начале своего творчества он выступал в защиту национальных традиций в русском языке и культуре. «Эпистола к г. Сумарокову» (1753), направленная против литературной ориентации на Францию, вызвала широкую общественно-литературную полемику в России. Иван Перфильевич написал также сатирическую комедию «Русский француз».

Борьба за литературные принципы отразилась и в серии его переводов под общим заголовком «Автор», напечатанных в 1755 году в журнале «Ежемесячные сочинения, для пользы и увеселения служащие». Елагин был также автором перевода комедии Ж. Б. Мольера «Мизантроп, или Нелюдим», романа А. Ф. Прево «Приключения Маркиза Г… или Жизнь благородного человека, оставившего свет», который выдержал в XVIII столетии пять изданий.

Иван Перфильевич оказался в числе переводчиков программного романа об идеальном правителе Ж. Ф. Мармонтеля «Велизарий», перевод которого выполнялся по инициативе Екатерины II во время ее путешествия по Волге в 1767 году. В 1859 году в «Библиотечных Записках» была напечатана его сатира «На петиметра и кокеток».

Постепенно молодой премьер-майор стал близким ко двору великой княгини Екатерины Алексеевны и играл роль посредника между ней и Станиславом Августом Понятовским (будущим королем Речи Посполитой). В 1757 году 32-летний Елагин был произведен в полковники.

В 1758 году власти арестовали канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина, заподозренного в заговоре против Елизаветы Петровны в пользу великой княжны Екатерины Алексеевны. Полковника Елагина, как сторонника Екатерины и доверенное лицо Понятовского, судебным распоряжением отправили из столицы в ссылку в родовое имение под Казанью. Вскоре туда стали приходить дружеские письма от будущей императрицы Екатерины Алексеевны. В одном из них княгиня обещала: «Будь уверен, что я никогда не забуду любви и верности твоей». (Чудаковатый Елагин пользовался безграничным доверием и расположением Екатерины II до конца своей жизни.)

С ее воцарением на престол после государственного переворота 1762 года Иван Елагин немедленно был возвращен из ссылки и, несмотря на нелюбовь к нему Орловых, щедро награжден за преданность. Императрица произвела его в чин действительного статского советника, назначила на службу в Кабинет собственных дел Ее величества, сделала членом

Дворцовой канцелярии («статс-секретарь для принятия прошений») и ввела в Комиссию о вине и соли. Она говорила о Елагине, что «он хорош без пристрастия».

Иван Перфильевич стал автором проекта устройства крестьян Дворцового ведомства, поданного на конкурс Вольного экономического общества в 1766 году. Кроме того, он участвовал в работе Комиссии по Уложениям.

Елагин, по-видимому, был соавтором императрицы в некоторых ее литературных произведениях, слагал стихи для ее комедий и т. д. Во всяком случае, так думал Г. Р. Державин. Скорее всего, именно Елагин написал за императрицу сказку «Жил да был мужичок» о причинах роспуска Комиссии по Уложениям, которая была напечатана в журнале Г. В. Козицкого «Всякая всячина».

Исследователи полагают, что Иван Перфильевич перевел все комедии Детуша. Ему же приписывается неизданный перевод французской комедии “Jean de France”, поставленной в 1765 году на сцене, и многое другое.

20 декабря 1766 года последовало новое назначение Елагина, вполне соответствовавшее его литературным и драматургическим наклонностям, – он получил пост директора Придворных театров и на этой должности оставил заметный след в истории развития театрального искусства в России.

Назначение совпало с реорганизацией театрального дела: впервые утверждался штат и заранее разработанный театральный репертуар, артистам назначался определенный годовой оклад, а впоследствии актерам должна была выплачиваться пенсия.

В 1774 году с помощью Елагина был учрежден русский Публичный театр в Санкт-Петербурге. Н. И. Новиков писал: «Его тщанием Российский театр возведен на такую степень совершенства, что иностранные люди ему удивляются». В руководстве театрами Ивану Перфильевичу помогали талантливые сотрудники, в том числе управляющий Русским театром В. И. Бибиков. Он по всей Европе подбирал для театра группу талантливых драматических актеров во главе с И. А. Дмитриевским и Я. Д. Шумским.

В том же 1774 году в Москве вышли четыре тетради под названием «Музыкальные увеселения, помесячно издаваемые: содержащие в себе оды, песни российские… коттильоны, балеты и прочие нотные штуки». Их составителем был И. П. Елагин. Его же стараниями в 1779 году было основано театральное училище во главе с И. А. Дмитриевским.

Кроме забот об искусстве, Иван Перфильевич также покровительствовал молодым литераторам Д. И. Фонвизину и В.

А. Лукину, которые служили у него секретарями. По инициативе Елагина были впервые поставлены пьесы Фонвизина «Недоросль» и «Бригадир».

Иван Перфильевич как директор оказывал большое влияние на выбор пьес, из-за чего у него были частые столкновения с А. П. Сумароковым. Одну из ссор в 1768 году пришлось улаживать самой Екатерине II. История умалчивает о подробностях инцидента, но исследователи полагают, что здесь не обошлось без проявления непредсказуемого и чудаковатого характера Ивана Перфильевича.

В 1784 году вышел в свет первый театральный журнал в России – “Russiche Teatralien”, издававшийся немецким актером Зауервейдом. Три номера этого журнала вышли при непосредственном участии Елагина. Он также «благословлял» «Драматический словарь», содержащий в алфавитном порядке названия всех пьес, оригинальных и переводных, с указанием имен сочинителей. «Словарь» увидел свет в Москве в 1787 году. Иван Перфильевич также внес предложения о создании словаря русского литературного языка и руководства по риторике и поэтике.

Елагин считается одним из родоначальников первобытного славянофильства. Он интересовался обычаями славян, пользовался былинами как историческими источниками и писал иногда почти по-славянски. Д. И. Фонвизин, с 1763 по 1769 год служивший при нем секретарем, сначала подражал своему патрону, употребляя много славянских слов.

Открывшаяся в 1783 году Российская академия наук, учитывая заслуги И. П. Елагина, включила его в состав своих первых членов. Современники почитали Ивана Перфильевича и называли не иначе как «первым писателем в прозе после Ломоносова». В то же время они отмечали наряду с образованностью и хлебосольством Елагина его высокомерие, корыстолюбие и лесть Екатерине II и ее фаворитам.

Известно, что писатель был в дружеских отношениях с графом А. И. Мусиным-Пушкиным, обменивался с ним рукописями и пользовался его коллекцией для своих научных изысканий. С помощью графа Иван Перфильевич собрал коллекцию рукописей и копий с документов. В своих работах Елагин использовал труды В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, Г. Ф. Миллера и др.

С 1790 года писатель работал над историческим трактатом «Опыт повествования о России». Автор успел охватить период до 1389 года – до времен правления царя Ивана IV. В Москве в 1803 году, уже после смерти автора, вышла первая часть этого труда.

По мнению современных исследователей, научные приемы «Опыта» крайне наивны и не выдерживают никакой критики. Они написаны в виде беллетризированного рассказа, где автор выступал против положений «норманнской теории». Произвольные домыслы и фактические неточности значительно снизили научное значение этого труда.

Еще в 1779 году управляющий Императорскими театрами И. П. Елагин вышел в отставку в чине тайного советника. Спустя три года он получил от Екатерины II почетную, но не обременительную должность императорского обер-гофмейстера.

Многие исследователи объясняют отставку 54-летнего Ивана Перфильевича его чудачествами, а также масонством. Советский энциклопедический словарь дает такое толкование слова «масонство (франкмасонство, от французского – «вольный каменщик»): религиозно-этическое движение, возникшее в начале XVIII века в Англии. Название и традиции заимствованы от средневековых цехов (братств) строителей-каменщиков и отчасти средневековых рыцарских и мистических орденов. Масоны стремились создать тайную всемирную организацию с утопической целью мирного объединения человечества в религиозном братском союзе. С масонством были связаны как реакционные, так и прогрессивные общественные движения.

И. П. Елагин играл выдающуюся роль в русском масонстве. Он был посвящен в масоны во французской рыцарской ложе в 1750 году, затем сам открыл в России первую масонскую ложу по английской системе. С начала 1770-х годов Иван Перфильевич возглавил объединенные и реорганизованные им русские масонские ложи, создав так называемую Елагинскую систему масонства. В 1772 году он стал Великим наместным мастером Русской провинциальной ложи, а также руководил ложей «Девяти муз» в Санкт-Петербурге.

При его участии русское масонство в 1776 году было введено в организацию шведской системы «слабого наблюдения». Ложи, руководимые Елагиным, были достаточно открытыми для посетителей и особенно известны своими музыкальными собраниями. В 1777 году Иван Перфильевич участвовал во введении среди русского масонства шведской масонской системы «строгого наблюдения». (Елагин являлся автором неоконченной «Записки» о русском масонстве, она была опубликована в 1864 году – спустя почти столетие после ее написания). В 1784 году деятельность масонских лож в России была прекращена Екатериной II.

Императрица не сочувствовала масонским идеям, а после Французской революции перешла к прямому преследованию

членов этого ордена. В письме к французскому ученому М. Гримму она так отозвалась о масонских сочинениях Ивана Перфильевича: «Удивительная чепуха, из которой явствует, что он сходил с ума».

Несмотря на это в 1786 году Елагин создал так называемый Второй елагинский союз и стал гермейстером «Высокого капитула» (1787). Масонство казалось ему действенным средством для того, чтобы избежать влияния на русское общество деистической французской философии. Возможно, это явилось одной из причин, по которой в 1789 году Иван Перфильевич не прошел в предводители петербургского дворянства.

Но не только масонством увлекался чудаковатый писатель и государственный деятель. Он также прославился «Островом радости», или, как все его называли, «Елагиным островом». Этот участок земли Северной Пальмиры Иван Перфильевич купил в 1777 году у князя Потемкина за девять тысяч рублей. Новый хозяин сделал очень много для благоустройства приобретенной территории. Во избежание затоплений от разливов Невы рабочие обнесли остров земляным валом, по которому проложили дорогу. В болотистых рощах они выкопали пруды и прорубили просеки. У перевоза с Каменного острова была построена каменная набережная, на которой Елагин поставил 12 медных пушек для «увеселения» и приветствия гостей салютом.

Были сооружены различные павильоны и беседки, проложены многочисленные аллеи и прорыты каналы, через которые перекинули ажурные мостики. И наконец, был выстроен первый на острове каменный дворец, возможно даже по проекту известного зодчего Кваренги. Также были устроены оранжереи и зимний сад с экзотическими тропическими деревьями и певчими птицами.

В завершение хозяин поставил по всему имению памятники своим друзьям-масонам. Отдельно возвышались памятники императрице России Екатерине II и вице-канцлеру графу Н. И. Панину.

Знатных гостей на «Острове радости», как его стали именовать, встречали пушечным салютом и сопровождали торжественным маршем в исполнении оркестра. В доме находился богатейший погреб с заморскими винами и великолепными закусками. Для приезжих гостей был устроен чудесный буфет.

Хлебосольный и радушный Иван Перфильевич потчевал гостей напропалую, всякий раз выговаривая, что они мало едят и пьют. В усадебном доме для них разыгрывались театральные представления с участием известных актеров. Елагин, не считая

денег, придумывал все новые и новые увеселения для многочисленных гостей своего поместья.

Доступ сюда «всем хорошо одетым людям» был открыт даже в отсутствие хозяина. Приезжающих на прогулку господ встречал дворецкий и угощал обильным обедом. По праздникам «Остров радости» оглашался звуками бравурных маршей в исполнении духового оркестра, пускались «потешные огни», «ломались паяцы» и, как всегда, столы ломились от изысканных яств и напитков.

Еще одной особенностью чудаковатого государственного деятеля было увлечение тайными науками – Елагин являлся горячим адептом Калиостро и даже принимал знаменитого графа в своем доме.

Рассказывали, что Елагин также имел слабость к женскому полу. Как-то раз в гостях у заезжей актрисы пожилой чудак-сенатор начал делать пируэты перед зеркалом и вывихнул ногу. После того случая императрица позволила ему являться в свою резиденцию с тростью и даже сидеть в ее присутствии. Иван Перфильевич этим правом с удовольствием пользовался. Однажды прибывший во дворец полководец Александр Суворов заметил это, но Екатерина II поспешила уведомить его: «Не удивляйтесь, что Елагин встречает вас сидя: он ранен, только не на войне, а у актрисы, делая прыжки перед зеркалом».

И. П. Елагин умер на своем любимом острове 22 сентября 1794 года на 69-м году жизни. Из его завещания известно, что чудаковатый сенатор и писатель был богатым владельцем недвижимого имущества, состоявшего из имений в Петербургской губернии, Псковском и Полоцком наместничествах. Вся его недвижимость перешла по наследству к дочери Александре, в замужестве Бутурлиной.

После кончины обер-гофмейстера императорского двора, театрала, переводчика, писателя, собирателя древнерусской литературы, масона и чудака-хозяина «Остров радости» постепенно ветшал. К 1800 году он представлял собой уже абсолютно забытое место Санкт-Петербурга.

КОКОРЕВ ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

(род. в 1817 г. – ум. в 1889 г.)

Крупнейший российский предприниматель и коллекционер, чье собрание из 500 живописных полотен стало основой Третьяковской галереи, основатель Волжско-Камского банка, преемником которого на сегодняшний день является Промышленно-строительный банк. На протяжении своей жизни Кокорев, носивший прозвища «русское чудо» и «купеческий кандидат в министры финансов», вкладывал деньги в создание водолечебницы, в строительство железных дорог, добычу нефти на Каспии и другие столь же грандиозные проекты. Фактически для развития русской промышленности, торговли и просвещения этот человек сделал больше, чем все государственные мужи того времени вместе взятые. «Для души» же неугомонный купец занимался журналистикой и писал экономические труды. Мало кто знает, что этот меценат неоднократно становился героем поэм Н. А. Некрасова и Н. А. Добролюбова.

Василий Александрович Кокорев родился в 1817 году в маленьком старинном городке Солигаче, затерявшемся в лесах Костромской губернии, в старообрядческой семье, владевшей небольшой солеварней. Местные жители называли этот населенный пункт «концом света», так как именно в Солигаче почтовый тракт из Костромы упирался в тупик. Дальше ходу не было, поскольку до самой Вологды простирались непролазные лесные чащи. И само название городка, и его герб – три белые солонки на золотом поле – указывали на то, каким ремеслом испокон веку занималось здешнее население.

Солеварение в семье Кокоревых было занятием, естественно, наследственным. Только вот беда: копи беднели, что называется, не по дням, а по часам, так что Василию отцовское владение больших перспектив не сулило. Став после смерти родителей совладельцем (вместе с родными дядьями) практически полностью выработанных копей, из которых уже ничего нельзя было «выжать», 20-летний Кокорев решил приспособить наследство к иному делу. Он пригласил химика и врача А. П. Бородина, чтобы тот проанализировал состав солигачских минеральных вод. Приезжий дал им очень высокую оценку и посоветовал открыть в старинном городке водолечебницу, дабы у многих жителей Российской империи отпала необходимость путешествовать ради отдыха и поправки здоровья за границу. Василий Александрович принял совет к сведению и сделал попытку преобразовать едва сводивший концы с концами солеваренный завод в общероссийский курорт с минеральными источниками. Однако заработать на данном предприятии ему так и не удалось, поскольку аристократы все же предпочитали ездить на воды в Европу – это было, понятно, престижнее. Интересно, что старая водолечебница в Солигаче работает и по сей день. Уже много десятков лет это лечебно-профилактическое учреждение носит название «Санаторий им. Бородина».

В общем, пришлось Кокореву искать иной путь поправки своего материального положения. Хорошо зарабатывать он стал, только обратившись к традиционно выгодной для предпринимателей Российской империи отрасли, а именно: торговле спиртными напитками…

Все началось с того, что в 1839 году завод в Солигаче окончательно прогорел и перед Василием стал вопрос «переквалификации». Он был не единственным человеком, потерявшим средства к существованию из-за поспешного введения правительством в обращение серебряного рубля. Тогда цены по всей стране в мгновение ока выросли в три и более раз, а целая армия купцов малой и средней руки оказалась банкротами.

Так что молодой старовер, даже не имевший приличного образования, с целью найти пропитание отправился в Петербург.

Знания неплохо заменили удивительная сообразительность Василия и его умение извлекать прибыли из чего угодно. Сначала парень устроился помощником к одному из винных откупщиков и некоторое время работал простым сидельцем. Затем помещик Жадовский, разглядевший в Кокореве редкую деловую хватку, предложил молодому человеку место управляющего своими откупами и винокуренным заводом на Урале.

Так уж повелось, что русский бюджет всегда напрямую зависел от продажи алкоголя. Доход же собирали не чиновники, а откупщики. Обычно дело происходило следующим образом. Организовывались торги, ставшие, по сути, прообразом современного тендера; тот откупщик, который мог предложить наибольшую сумму, становился обладателем монопольного права на торговлю спиртными напитками на определенной территории. После отчисления доходов казне в руках откупщиков оставались немалые суммы, которые составляли их «зарплату». Но откупщики не могли лично усмотреть за всеми хозяевами кабаков. Поэтому приходилось нанимать для этой цели управляющих.

Итак, 24-летний Василий Кокорев согласился на предложение Жадовского и отправился на Урал. Деловитость, житейская сметка, способность расположить к себе любого – эти черты, присущие новому управляющему, сделали свое дело. За короткое время Кокорев блестяще себя зарекомендовал, после чего получил «повышение», став поверенным полковника Лихачева – богатейшего казанского откупщика.

Поработав на новом месте несколько лет, Василий решил попытаться продвинуться выше. Он прекрасно знал, что государственный бюджет в то время сводился с дефицитом, и, несмотря на то что печатный станок работал на полную мощность, Николаю I приходилось то и дело обращаться к заграничным займам. Положение усугублялось тем, что Россия содержала на тот момент самую большую в Европе армию – 800 000 солдат. А поскольку денег не хватало катастрофически, то роль откупов постоянно возрастала. Так вот, Кокорев нашел способ, благодаря которому можно было бы резко поднять доход от продажи алкоголя. В 1844 году он обратился со своими соображениями к губернатору Казани Шипову; тот и сам «на досуге» занимался откупами, стараясь особо не афишировать этот свой род деятельности. С помощью Шипова, увидевшего в идее молодого человека вполне реальную возможность обогатиться, Василий составил подробную записку о своем новшестве и подал

ее министру финансов графу Вронченко. Документ этот до высочайшей особы дошел и был прочитан. По некотором размышлении Вронченко одобрил идею провинциала.

«Купеческий сын» предложил несколько этапов изъятия денег из карманов любителей зеленого змия. Новый подход к торговле алкоголем должен был «придать торговле… увлекательное направление в рассуждении цивилизации». Для начала Василий Александрович советовал лишить потенциального покупателя возможности приобретать спиртное где-либо, помимо откупа. Затем следовало сократить издержки на обслуживающий персонал. Кроме того, нужно было организовать продажу водки в розлив – чем больше, тем лучше. В общем, в основе новой системы лежал принцип уменьшения себестоимости продукции при увеличении отпускной цены.

Граф недаром занимал место министра финансов. Он быстро смекнул, что эти меры действительно могут помочь восполнить дефицит бюджета. Однако Вронченко не привык верить чему-либо на слово. Даже понимая правильность высказанных идей, граф всегда старался проверить предложенное на практике, а уже потом давать свою оценку. Итак, дело оставалось за экспериментом…

Министр решил не мелочиться и испытать не только систему «купеческого сына», но и его самого, так сказать, в полевых условиях. Благо мест для приложения сил в стране хватало с лихвой. Множество так называемых неисправных откупов было давнишней головной болью Вронченко, и он решил отправить Кокорева в одну из таких «мертвых точек» – в Орловскую губернию, за которой числилась задолженность на невероятную сумму в 300 000 рублей. Василию Александровичу разрешили применить на практике свои идеи, и он, ничтоже сумняшеся, начал с того, что выгнал с насиженных мест большую часть откупных служащих, которые успели вконец провороваться. На освободившиеся должности Кокорев нашел честных и деловых людей, сделав попутно своей правой рукой выходца из известнейшей купеческой династии Москвы Ивана Мамонтова. На недостаток служащих Василий Александрович не жаловался, поскольку его сотрудниками стали и купцы, и помещики, и выкупленные Кокоревым крепостные. Платил своим рабочим «новатор» очень хорошо; но при этом он требовал отдачи «на все сто», оплошностей не прощал и при первом же промахе безжалостно увольнял виновного. Недоброжелателей, по понятным причинам, у Кокорева хватало. Ему вменяли в вину повышение цен на спиртное и ухудшение качества товара. Несмотря на это, безнадежный, казалось бы, Орловский откуп

впервые за солидный срок принес неплохую прибыль. После столь наглядной демонстрации полезности нововведений Василию Александровичу предоставили в управление еще 23 не особо доходных откупа. Теперь в ведении бывшего солевара оказалась территория от Оренбурга до Рязани и от Перми до Брянска. И Кокорев развернулся, что называется, от души: он принес казне чистой прибыли на 1 800 000 рублей. Себя, понятно, управляющий тоже не обидел. Его система в итоге была принята и стала законом, действовавшим во всей империи. А Василий Александрович, чьи особые заслуги перед отечественной торговлей привели к пополнению государственной казны, стал самым молодым в истории России коммерции советником.

Естественно, Кокорев ушел с поста управляющего. Теперь он мог позволить себе стать самостоятельным откупщиком. Относительно этой области деятельности у него также имелись большие прожекты. Для начала Василий Александрович сблизился с богатейшим предпринимателем России – Бендараки. Затем приятели создали своеобразный синдикат, который начал упорно вытеснять с рынка конкурентов. Постепенно Кокорев стал торговать водкой и на Кавказе, и в Новороссии, пополнив казну империи на 137 миллионов рублей. Самому Василию Александровичу от этих операций осталось восемь миллионов – и он на жизнь не жаловался… А тут грянула Крымская война.

Если кто из предпринимателей и прогорал в военное время, то уж во всяком случае не торговцы алкоголем. На их товар спрос увеличился во много раз, и уже никто из вышестоящих чиновников не контролировал ни цены, выставляемые купцами, ни качество водки. Зато и прибыли «зеленый змий» давал не в пример больше: вместо трети – почти половину всего дохода казны. Естественно, откупщики, пользуясь моментом, взвинтили цены. При этом они продавали самую распоследнюю сивуху по цене лучшего сорта водки – пенника. Изготовители брали за такое пойло 40 копеек за ведро (12,3 литра). В казну же откупщик отсчитывал за это четыре рубля. Скажите, кого после этого интересовало, что тот же откупщик, продавая ведро водки «распивочно», оставлял себе с него 16–17 рублей «навара»?! Во всяком случае, в военное время аферистам ничего не грозило.

И тут произошло неслыханное чудо: русские мужики, доведенные до крайности, стали давать обеты не пить… А поскольку денег «на поправку здоровья» все равно не было, они пошли громить кабаки. По времени это совпало с падением Севастополя и вступлением на престол Российской империи Александра II. Кстати, Кокорев в то время снарядил за свой счет сто саней с провизией из Москвы в Севастополь. Назад этот

«поезд» вернулся с ранеными защитниками города… Поскольку газеты временно стряхнули с себя цепкие лапы цензуры, критики сразу же накинулись на откупщиков, откровенно спаивавших народ. Отмена откупов замаячила перед предпринимателями в опасной близости. И тут…

Кокорев, давно «баловавшийся» публицистикой, начал публиковать в прессе многочисленные статьи с проектами реформ. Самым известным из прожектов купца стал «Миллиард в тумане»; в этой статье Василий Александрович предложил план выкупа крепостных крестьян на волю. Воплощением столь грандиозного проекта в жизнь должен был заняться специально созданный частный банк. Кокорева сразу же окрестили «русским чудом», признали в нем прирожденного оратора и поставили на одну доску с древними мыслителями. Крестьяне с почтением произносили имя «откупщицкого царя», а многие сановники, недовольные излишней активностью Василия Александровича, ратовали за то, чтобы «осадить» наглеца и отучить его вмешиваться не в свои дела.

Кокорев между тем давно чувствовал, что винные откупа будут отменены. Поэтому в 1863 году, когда это все-таки произошло, выяснилось: ушлый купец успел вложить свои капиталы в различные новые предприятия, что позволило ему не остаться у разбитого корыта.

В 1859 году в Тайтусвилле (Пенсильвания) полковник Дрэйк пробурил первую в истории нефтяную скважину. Кокорев, следивший за событиями в мире, быстрее всех осознал значение новой промышленности и причины вспыхнувшей нефтяной лихорадки. В итоге он в том же году, что и американцы, построил первый в своей стране керосиновый завод. Предприятие, положившее начало развитию отечественной нефтяной промышленности, Василий Александрович открыл под Баку, в Суруханах. Попытки выгонять керосин из пропитанной нефтью земли желаемого результата не принесли. Тогда Кокорев нанял в качестве эксперта Дмитрия Менделеева. Отец периодической таблицы элементов посоветовал своему работодателю не маяться дурью и перейти на нефть.

Вскоре Василий Александрович основал первый в России нефтеперегонный завод и протянул от него к Каспию трубопровод. Для перевозки керосина морем использовались специальные эмалированные бочки; транспортировали «черное золото» также на судах наливом.

Поначалу предприятие было убыточным и не покрывало всех издержек. Ведь какая бы то ни было инфраструктура на Апшероне отсутствовала, а значит, вначале требовалось солидное денежное

вливание. Постепенно завод Кокорева начал становиться на ноги; хозяин предприятия сумел даже пробить благоприятный таможенный тариф на американский керосин, поскольку в России керосиновые лампы становились все более популярными. И тут Василию Александровичу пришлось столкнуться с сильными конкурентами, а именно – с компанией Нобеля. В результате этого прибыль от керосинового завода оказалась более скромной, чем рассчитывал Кокорев.

Все идеи, которые Василий Александрович старался воплотить в жизнь в 60-е годы XIX столетия, неизменно требовали больших инвестиций. А в России найти их не представлялось возможным. Так, в 1862–1865 годах он построил в Москве крупный гостинично-складской комплекс, получивший в народе название «Кокоревское подворье». В данное предприятие купец вложил 2,5 миллиона рублей. Комплекс был новшеством не только для России, но и для Европы в целом; фактически, «Кокоревское подворье» стало предком «гранд-отелей»… Это здание, кстати, простояло в Москве, прямо напротив Кремля, более 100 лет. Затем его снесли, чтобы освободить место для нового бизнес-центра. Одновременно с началом строительства «подворья» Василий Александрович открыл в Москве первую публичную галерею, что стало настоящей сенсацией.

Пожалуй, максимальную прибыль давали разве что транспортные концессии. В 1856–1874 годах Кокорев участвовал в создании Русского общества пароходства и торговли, Волго-Донской железной дороги, Товарищества Московско-Курской и Общества Уральской железных дорог. Кстати, этот изобретательный человек вполне может претендовать также на звание первого медиа-магната в России, поскольку именно он в 70-х годах XIX столетия создал Северное телеграфное агентство; занялся этим Василий Александрович с одной целью: чтобы устранить зависимость русской печати от иностранных телеграфных агентств. Но… Кокорева «подвинули» более удачливые дельцы новой формации. Сильно пошатнул финансовое положение предпринимателя и взнос в «Военный займ», сделанный им в 1878 году, во время русско-турецкой войны. Тогда Василий Александрович потряс всю страну, внеся на нужды действующей армии фантастическую по тем временам сумму – 45 миллионов (!) рублей. В итоге бывший откупщик-миллионер постепенно обрастал долгами. От тюрьмы и банкротства его спасали только старые связи. Собственно, за свою жизнь Кокорев перенес столько падений и взлетов, что никто уже особо не удивлялся его очередному «скачку» из бедности в богатство и обратно. Этот чудак умудрялся неоднократно

поражать деловую Россию тем, что, разорившись дотла, всего за пару лет умудрялся провернуть проект, приносивший многомиллионную прибыль.

Понятно, что безденежье деятельного и напористого предпринимателя не устраивало. Сколько-нибудь серьезного капитала у него не было, так что приходилось искать для новых начинаний область, где бы изначально не требовались большие вложения наличных средств. Поэтому Кокорев в 1870 году стал инициатором создания и председателем правления нового большого Волжско-Камского коммерческого банка (перед этим он успел попробовать свои силы в данной области, открыв Московский купеческий банк). Данное предприятие считалось сугубо национальным; акционерами его стали в основном русские купцы. Среди них числились такие «акулы» отечественной торговли, как хлеботорговцы Полежаевы, владелец знаменитых текстильных фабрик Варгунин, московские «ситцевые короли» Морозовы, Малютины и Солдатенковы.

По сути, Кокорев создал крупнейший в России и единственный в Петербурге депозитный банк, который существовал не за счет вкладывания активов в акции частных предприятий и государственные ценные бумаги, а за счет кредитов и вкладов населения. За короткий промежуток времени детище Василия Александровича обзавелось 20 отделениями (больше, чем у любого другого банка страны!), которые были открыты, прежде всего, в речных портах волжского бассейна. Сделано это было неспроста: по Волге и ее притокам осуществлялось в три раза больше грузоперевозок, чем по всем железным дорогам империи, вместе взятым. А значит, нужда в сезонном кредите у покупателей и продавцов, совершавших сделки на берегах главной транспортной артерии России, была нешуточной. Вот Кокорев и предоставил для предпринимателей выгодную программу кредитования.

Василий Александрович носился со своим новым предприятием и находил способы уладить любые трудности банка. Проблем у финансовых учреждений хватает всегда, но Кокорев устроил свои дела таким образом, чтобы в случае острой необходимости иметь возможность немедленно получать стабилизационный кредит Госбанка – под крайне низкий процент. А поскольку открыть очередное предприятие, подобное кокоревскому, было весьма непросто, Волжско-Камский банк, в течение ряда лет не имевший сильной конкуренции, считался системообразующим. Благодаря правительственной поддержке и отличному менеджменту банк вплоть до революции считался крупнейшим в России по размерам своего капитала. Кстати, с

уходом Василия Александровича в совете директоров состояли его сын Сергей и зять Василий Верховский.

Кроме страсти к различного рода бизнес-проектам, у Кокорева было еще одно увлечение, а именно – организация банкетов. На банкетах чудак-предприниматель обожал «сказывать речи, столь сильные, что блюстители порядка должны были вообще принять укротительные меры против красноречия целовальника». После одного из застолий, где Василий Александрович произнес тост за людей, которые будут содействовать выходу «из кривых и темных закоулков на открытый путь гражданственности», его вызвал московский генерал-губернатор Закревский. Явившемуся пред ясные очи сановника возмутителю спокойствия было сделано строгое внушение за выпады против дворянства, а затем правительство вообще запретило обеды с речами. Однако Кокорев не унимался. Тогда Закревский послал в Петербург жалобу шефу жандармов князю Долгорукову. Именно в пику Закревскому Кокорев и решил начать выпускать памфлеты собственного сочинения… В дальнейшем неугомонный купец выпустил несколько книг на экономические темы. Эти труды, написанные простым и понятным языком, наглядно демонстрируют высочайший уровень экономического мышления автора-самоучки. Незадолго до смерти Кокорев закончил книгу-завещание «Экономические провалы по воспоминаниям с 1837 года». Так вот, эту работу по достоинству, можно сказать, оценили только в наши дни, так как она представляла собой детальнейший анализ всех экономических ошибок Российского государства в течение 59 лет…

Еще одной страстью Кокорева, очень ценившего живопись, было стремление бескорыстно поддерживать отечественных мастеров кисти. Он часто давал деньги молодым художникам на образовательные поездки в Европу. А незадолго до конца жизни купец-меценат организовал для русских живописцев «Академическую дачу» в Тверской губернии.

23 апреля 1889 года Василий Александрович Кокорев скончался, оставив по себе добрую память. По сути, он подарил отечеству нефтяную промышленность, построил на свои деньги железные дороги на Урале и на Дону, возвел несколько крупных храмов, создал солидный коммерческий банк. Позднее собрание живописных полотен Кокорева стало основой знаменитой Третьяковской галереи и Русского музея. А еще на память потомкам остались книги Василия Александровича… Проводить его в последний путь пришли единоверцы предпринимателя – поморы-староверы. Толпа людей в необычных для столицы старорусских одеяниях вынесла из особняка Кокорева на

полотенцах дубовый гроб. Василий Александрович завещал похоронить себя по старому обряду, так что последнее пристанище этого необычного человека не имело ни единого гвоздя, поскольку было просто выдолблено в стволе дерева. Гроб на руках отнесли до Малой Охты и предали земле на территории фамильного захоронения Кокоревых в восточном углу кладбища. И еще один маленький штрих: чтобы не дробить свое состояние, которое, по мнению Кокорева, должно было служить России, все свои деньги он завещал не сыновьям, а жене…

КОСТРОВ ЕРМИЛ ИВАНОВИЧ

(род. ок. 1750 г. – ум. в 1796 г.)

Русский поэт и переводчик, автор стихотворений, од, поэм и пр., а также первого стихотворного перевода на русский язык «Илиады» Гомера, «Золотого осла» Апулея и других произведений мировой литературы.

За блестящий перевод древнегреческой «Илиады» современники назвали Кострова «российским Гомером». Он был большим чудаком и горьким пьяницей. Все старания многочисленных друзей и влиятельных покровителей поэта уберечь его от этой пагубной страсти оставались тщетными. О чудачествах Ермила Ивановича ходили многочисленные байки. Вот некоторые из них.

Императрица Екатерина II, прочитав перевод «Илиады», пожелала видеть Кострова и поручила И. И. Шувалову привезти его во дворец. Иван Иванович, которому хорошо была известна слабость Ермила, позвал его к себе, велел одеть на свой счет и убеждал непременно явиться к нему в трезвом виде, чтобы вместе ехать к государыне. Поэт обещал, но в назначенный день и час

его, несмотря на тщательные поиски, нигде не смогли найти. Шувалов отправился к Екатерине на прием во дворец один и объяснил ей, что Костров не мог воспользоваться ее милостивым вниманием по случаю будто бы приключившейся внезапной и тяжкой болезни. Государыня выразила сожаление по этому поводу и поручила Ивану Ивановичу передать знаменитому стихотворцу от ее имени тысячу рублей.

Только спустя две недели Костров явился к Шувалову.

– Не стыдно ли тебе, Ермил Иванович, – сказал ему с укоризною Шувалов, – что ты променял дворец на кабак?

– Побывайте-ка, Иван Иванович, в кабаке, – отвечал Костров, – право, не променяете его ни на какой царский дворец!

Некоторое время знаменитый поэт жил у И. И. Шувалова, где занимался переводом древнегреческих произведений. Домашние Шувалова почти не замечали его в доме, как домашнюю кошку, к которой привыкли. Однажды к Шувалову зашел приятель и, не застав его дома, спросил: «А дома ли Ермил Иванович?» Лакей отвечал: «Дома; пожалуйте сюда!» – и привел его в задние комнаты, в девичью, где девки занимались работой, а поэт сидел в их кругу и сшивал разноцветные лоскутки. На столе возле него лежала вверх переплетом открытая книга Гомера. На вопрос гостя, чем это он занимается, переводчик ответил очень просто: «Да вот девчата велели что-то сшить!» – и продолжил свою работу.

Ермил Иванович Костров родился около 1750 года в крестьянской семье. По другим данным, он появился на свет в 1755 году в селе Синеглинское Вятской губернии. Талантливый юноша учился в Вятской семинарии, затем изучал богословие в московской Славяно-Греко-Латинской академии. Оттуда, не желая, видимо, становиться церковнослужителем, перешел в университет, который окончил в 1777 году со степенью бакалавра. Выпускник при содействии поэта М. М. Хераскова был назначен официальным университетским поэтом и стал членом Общества любителей учености при этом учебном заведении.

Еще будучи семинаристом, Ермил напечатал «Стихи св. прав. Синода конторы члену Новоспасского ставропигиального монастыря архимандриту Иоанну» (Москва, 1773). Затем студент Славяно-Греко-Латинской академии сочинял издававшиеся отдельно эпистолы и хвалебные стихи архиепископу Платону, князю Потемкину, Шувалову, императрице России Екатерине II и др. Мелкие оды начинающего поэта, богатые церковно-славянскими формами и заимствованными у Гомера и Оссиана сравнениями и метафорами, появлялись отдельными брошюрками на каждый торжественный случай. Другие

стихотворения Костров помещал в «Московских Ведомостях», «Зеркалах Света», «Приятном и полезном препровождении времени», «Аонидах» Карамзина (1796) и пр.

Поначалу Ермил пытался писать оды в духе нарождающегося сентиментализма, но ему не хватало смелости идти до конца, и постепенно начинавшиеся простым, задушевным языком оды, в конце концов, наполнялись тяжеловесными фразами. Костров заботился тогда лишь о том, «чтобы песнь была красна и стройна», мало думая о содержании. Понимая свои слабые стороны, он вовсе отказался от этого жанра и перешел к новым, разработанным к тому времени поэтами-лириками – «стихотворениям на случай». Он, например, одним из первых стал воспевать военные победы не слишком приближенного ко двору полководца А. В. Суворова в восторженных стихах. (Скажем, «На взятие Варшавы», 1795.)

До конца 1782 года поэт написал от имени Московского университета полтора десятка од и стихотворений, адресованных высоким особам России – например, ко дню рождения Екатерины II и ее многочисленных фаворитов. Но потом Костров стал менее ревностно отзываться на заказные темы: за последующие пять лет Ермил написал лишь пять стихотворений официального содержания. Если раньше он посвящал оды знатным особам, правителям, суворовским победам, мощи и величию Российской империи, то теперь стал воспевать любовь, дружбу, природу.

Язык его произведений также претерпел изменения, он стал простым и понятным, исчезли громоздкие фразы. Например, его стихотворения «Клятва», «К бабочке» и др. можно отнести к лучшим лирическим произведениям XVIII столетия.

В год стихотворец получал от своего учебного заведения 1500 рублей. И все же, несмотря на сравнительно неплохое денежное вознаграждение, должность университетского поэта тяготила Кострова. Он хотел преподавать, но до кафедры допущен не был из-за своего крестьянского происхождения и пристрастия к неумеренному употреблению горячительных напитков.

«Его не разгадали, ему хотелось учить поэзии с кафедры, – говорил граф Дмитрий Иванович Хвостов. – Нынче смеются над неразгаданными; но они всегда были и есть. Для них нет времени!»

Известный в то время литератор и профессор Московского университета Петр Иванович Страхов говорил: «Если бы Костров, как он желал всегда, занял место по способностям при университете, мы бы не лишились его так рано, и поэзия наша двинулась бы целым веком вперед».

Самолюбивый, честный, чужой для окружающих, чудаковатый

поэт никак не мог осуществить своих желаний. Неудовлетворенный своим положением «сочинителя», он часто уходил в запой. И пошли гулять по свету всевозможные байки, повествующие как о пьяных приключениях чудака, так и о его доброте, честности и безобидности.

Однажды в университете студенты, недовольные обедом, разбили несколько тарелок и швырнули в эконома пирожками. Начальство, разбирая это дело, в числе бунтовщиков обнаружило бакалавра Ермила Ивановича Кострова. Все изумились – ведь он был нраву самого кроткого, да и вышел давно из студенческого возраста.

– Помилуй, Ермил Иванович, – сказал ему ректор университета, – ты-то как сюда попался?..

– Из сострадания к человечеству, – отвечал добряк Костров.

В 1782 году он получил второй чин – провинциального секретаря – и на этом карьера поэта завершилась: одолеть следующую ступеньку служебной лестницы мешало, как уже отмечалось выше, низкое происхождение и злоупотребление спиртным.

И все же Костров все время стремился в Санкт-Петербург, поближе к влиятельным людям, чтобы найти среди них покровителей. В конце концов это ему удалось. К нему участливо относился Г. Р. Державин, в хороших отношениях с ним был А. В. Суворов, который оказывал поэту покровительство и называл его своим приятелем. Поэт посвятил знаменитому полководцу несколько произведений, написанных в разных жанрах. Вот отрывок одного из них:

Сын славы, чести сын, воспитанник побед,
Он правотой души в восторг приводит свет.
Не раболепствует он счастию слепому,
Но к славе по пути он шествует прямому.

И все же Кострову, несмотря на покровительство и поддержку знаменитых людей Российской империи, не удалось реализовать все свои возможности. От неудовлетворенности своим положением он продолжал искать спасения в алкоголе.

Как-то после веселого обеда у какого-то литератора подвыпивший поэт сел на диван и откинул голову на спинку. Один из присутствующих молодой человек, желая подшутить над ним, спросил:

– Что, Ермил Иванович, у вас, кажется, мальчики в глазах?

– И самые глупые, – отвечал Костров.

Он частенько захаживал к Ивану Петровичу Бекетову, где для

поэта всегда стояла суповая чаша с пуншем. Вместе с Бекетовым жил его брат Платон Петрович, у них бывали знатные гости, скажем, младший брат Н. М. Карамзина, Александр Михайлович, бывший тогда кадетом и приходивший к ним по воскресеньям. Напоив Ермила, гости специально ссорили его с молодым Карамзиным, которому самому это казалось забавным. А пьяный чудак-поэт принимал эту ссору всерьез. Потом молодчики доводили их до дуэли и давали кадету в руки обнаженную шпагу, а Кострову – ножны от шпаги. Он не замечал этого и с трепетом сражался, боясь пролить невинную кровь. Ермил никогда не нападал, а только защищался.

Костров, не имея своего жилья, одно время проживал в Очаково, в имении поэта М. М. Хераскова. (Того самого, что помог Ермилу Ивановичу устроиться в Московском университете на должность стихотворца.) Известный поэт и театрал конца XVIII столетия И. М. Долгоруков вспоминал, что в Очакове «… ежедневно происходили очарования: разнородные сельские пиршества: театры, иллюминации, фейерверки и все, что может веселить ум и чувства… Бессмертный наш пиит, старец Херасков… в липовой роще, ходя задумавшись, вымышлял свои песни в то время, как в регулярном саду вся фамилия Трубецких предлагала гостям всякие сюрпризы. Москва переносилась вся в их мирное и волшебное увеселение… Был кабинет в саду Хераскова, в котором помещены вензеля всех занимающихся литературой…» Не исключено, что там имелся и вензель Е. И. Кострова.

Ермил Иванович хорошо знал древние языки и французский; его попытка привить русскому языку формы и понятия европейских литературных образцов заслуживает большого внимания, как и его переводы, которые местами были поэтичны, местами прозаичны, но в общем замечательно верны подлиннику.

В 1779 году в Москве он напечатал свой стихотворный перевод поэмы Арнода-старшего «Эльвир» и рассказа Арнода-младшего «Зенотемис», соединенные в одной книге. В том же году Ермил перевел стихами сатиру «Тактика» Вольтера, затем издал свой перевод под названием: «Луция Апулея, Платонической секты философа, или Золотой осел» (Москва, 1780–1781, второе издание – Москва, 1870).

Первые шесть песен «Илиады» на русском языке Костров издал тоже в Москве в 1787 году. Именно этому переводу он обязан своей известностью, к сожалению, скорее посмертной, чем прижизненной. Седьмая, восьмая и часть девятой песни этого произведения были напечатаны уже после смерти Ермила Ивановича – в «Вестнике Европы» (1811, № 16). Именно Костров

впервые в России перевел «Илиаду» Гомера и «Золотого осла» Апулея.

Перевод «Илиады» сделан таким легким и красивым языком, что с удовольствием читается и в наши дни. Вот как умел работать этот чудак – «российский Гомер», который еще до Гнедича взялся за перевод этого бессмертного произведения.

Однажды князь Потемкин захотел увидеть знаменитого Кострова. Покровители вынуждены были по этому случаю держать совет, как одеть поэта и, главное как его уберечь от запоя накануне визита. Всякий уделил ему из своего платья: кто французский кафтан, кто шелковые чулки. Наконец, Ермила Ивановича причесали, напудрили, обули, одели, привесили ему шпагу, дали шляпу и пустили идти по улице. А сами пошли его провожать, боясь, чтоб он, по своей слабости, куда-нибудь не зашел пропустить рюмочку-другую, после которой его было уже не остановить. Но при этом приятели шли за ним на расстоянии, потому что идти с ним рядом было совестно: Костров и трезвый был нетверд на ногах и шатался. Прохожие высказывались, кто с сожалением: «Видно, больной человек!», а кто с осуждением: «Эх, как напился!» Ни того, ни другого: и здоров, и трезв поэт, а такая была походка! Так проводили его до самых дверей дворца Потемкина, подождали, пока он войдет внутрь, и оставили в полной уверенности, что Костров уже точно попадет на прием к князю. Кстати, тот неоднократно одаривал Ермила Ивановича деньгами.

Екатерина II тоже часто жаловала Кострову значительные подарки. Но поэт все, что зарабатывал упорным трудом, или терял, или отдавал бедным. Жалость, сострадание и бескорыстность Ермила Ивановича подтверждается многими из напечатанных о нем баек.

Костров, получив за перевод 150 рублей, тотчас расположился в питейном заведении с известными намерениями. Завтра, думал он, поеду в Петербург, там не то что в Москве, стоит только явиться прилично. Моя лира знакома Императрице, теперь я попаду на путь торный. Костров не профессор, не учитель; но что! Может быть, он будет?.. Вдруг поэт услышал, как один из вошедших офицеров сказал другому, что ему надо явиться к сроку в полк, но он потерял последние 150 рублей и теперь не может вернуться на службу вовремя. Через некоторое время офицеры вышли. Костров вскочил, побежал за ними, остановил их и, обращаясь к тому, который говорил о потере денег, протянул ему свои купюры. Офицер удивился. «Да, милостивый государь! я нашел ваши 150 рублей, вот они». И, не дожидаясь благодарности, поэт развернулся и ушел в темноту.

Костров страдал перемежающейся лихорадкой. «Странное дело, – заметил он как-то Н. М. Карамзину, – пил я, кажется, все горячее, а умираю от озноба».

Вот как вспоминал один из современников поэта, М. Макаров, встречу с Ермил ом Ивановичем: «Через несколько дней после моего первого знакомства с Костровым, возвращаясь из университетского пансиона, я уже один навестил Федора Григорьевича Карина и, признаюсь, собственно для того, чтоб еще посмотреть на Кострова, показать ему какие-то стишки, которые надиктовали мне в классе; какую-то книжку, которую тогда подарил мне незабвенный наш воспитатель А. А. Прокопович-Антонской. Пусть же знает Костров, что и я начал читать стихотворцев: но все это не так сбылось, как мне хотелось: Кострова я встретил на крыльце у самых дверей квартиры Карина. Поэт мой был в положении самом ужасном. Лицо Кострова засыпано было мукою, одна букля его прически распустилась; но в ней еще держалась шпилька; коса его вылезла из ленты и рассыпалась по плечам; худая испачканная шинель едва его прикрывала, бедный жрец Бахусов шатался!

Я старался было ускользнуть от него; но он заметил меня, и, схватив очень крепко мою руку, произнес укоризненно: «И ты, дитя, идешь прочь от жалкого переводчика Гомеровой «Илиады»: таков талант, такова звезда горемычнаго воина Парнасских полков Аполлоновых!»

Многочисленные попытки друзей и покровителей отучить чудака от пристрастия к «зеленому змию» заканчивались неудачей. Пагубное пристрастие к алкоголю и погубило замечательного поэта и переводчика. Окончательно спившийся, он умер от белой горячки в 1796 году в крайней бедности и одиночестве, не дожив даже до 50-летнего возраста. А. С. Пушкин в лицейские годы в стихотворении «К другу стихотворцу» сочувственно писал: «Костров на чердаке безвестно умирает».

Потомки не забыли поэта. Печальная судьба Кострова побудила Н. В. Кукольника написать пятиактную драму в стихах: «Ермил Иванович Костров» (Санкт-Петербург, 1860). Драматург А. Н. Островский избрал его прототипом Любима Торцова в своей комедии «Бедность не порок».

Полное собрание сочинений Е. И. Кострова (без прозы) и переводов в стихах вышло в Санкт-Петербурге в 1802 году и (вместе с Аблесимовым) в 1849 году. Стихотворные произведения чудаковатого поэта собраны в выпуске «Русской поэзии» С. А. Венгерова (Санкт-Петербург, 1894), а также в «Филологических Записках» (1876).

КУРАКИН АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ

(род. в 1752 г. – ум. в 1818 г.)

Александр Борисович Куракин, российский князь, вице-канцлер, дипломат. Автор книг: «Precis historique de la vie du comte M. J. de Panine» (Лондон, 1784); «Описание путешествия князя А. Б. Куракина вниз по Суре» (Санкт-Петербург, 1793) и «Souvenirs d'un voyage en Hollande et en Angleterre» (Санкт-Петербург, 1815). Этот государственный деятель прославился многими своими чудачествами.

КУРАКИН АЛЕКСЕЙ БОРИСОВИЧ

(род. в 1759 г. – ум. в 1829 г.)

Алексей Борисович Куракин, российский князь, генерал-прокурор и министр иностранных дел России. Так же как и его брат, Александр Борисович, прослыл большим чудаком и оригиналом.

Правнук знаменитого дипломата и свояка Петра I Александр Борисович Куракин был большим педантом в одежде. Каждое утро, когда он просыпался, то по специальной книге в виде альбома выбирал себе наряды на предстоящий день. В этом альбоме, который утром приносил камердинер, находились образцы ткани, из которой были сшиты великолепные костюмы князя. К каждому наряду полагалась особенная шпага, украшенная драгоценными камнями, перстень с бриллиантом, такая же пряжка, эполеты, табакерка, усыпанная изумрудами, соответствующий головной убор и т. д.

Рассказывают, что однажды, играя в карты у Екатерины II, князь чуть не лишился чувств: открывая табакерку, он увидел, что перстень на его пальце совсем не подходит к табакерке, а она, в свою очередь, не соответствует остальному одеянию. Волнение чудака было столь велико, что он с хорошими картами проиграл игру. К счастью, никто, кроме него самого, не заметил небрежности прислуги в выборе платья. Но оплошавший камердинер ничуть не пострадал: А. Б. Куракин за свою жизнь никого не оскорбил.

Александр Борисович Куракин родился в 1752 году и принадлежал к старинному княжескому роду, начало которому положил князь Андрей Петрович Булгаков по прозвищу Курака. Род князей Куракиных внесен в пятую часть родословных книг Орловской и Пензенской губерний.

Предки Александра в XVI и XVII столетиях были боярами в Москве. Наиболее известные из них: Иван Семенович (умер в 1632 г.) участвовал в 1606 году в боярском заговоре против Лжедмитрия I; Федор Семенович (умер в 1656 г.) не раз отличался в царствование Михаила Федоровича в борьбе с поляками и татарами; Григорий Семенович (умер после 1679 г.) командовал сетью укреплений Московского государства, участвовал в войнах с поляками и крымскими татарами; Федор Федорович (умер после 1683 г.) в 1662 году способствовал усмирению в Москве Медного бунта; в 1674 году, при

«объявлении» царевича Феодора, был назначен к нему дядькой, но в следующем году попал в опалу из-за своего чудачества – постоянно держал при себе бабку-ворожку; Борис Иванович (1676–1727) в юности был спальником при Петре I и участвовал в его «потешных» сражениях и забавах, а с 1709 года состоял послом России во многих странах, исполнял личные поручения императора; Александр Борисович (1697–1749) – сын Бориса Ивановича, обер-шталмейстер и сенатор, был послом в Париже. И наконец, отец Александра Борисовича, Борис-Леонтий Александрович (1733–1764) – президент камер-коллегии и коллегии экономии, сенатор. Он способствовал поднятию значения финансовых учреждений и расширению их задач в области государственного хозяйства. Доклады его, высоко ценившиеся Екатериной II, легли в основу наказа депутатам от камер-коллегии в комиссию в 1767–1768 годах.

Александр воспитывался под руководством своего дяди, графа Н. И. Панина, вместе с будущим императором Павлом I, с которым уже тогда водил тесную дружбу. (Куракин с благоговением всю жизнь хранил у себя стол, за которым провел, как он считал, лучшие годы своей жизни, обучаясь вместе с Павлом Петровичем.) Сначала мальчик получил хорошее домашнее образование, потом учился в Киле и Лейдене, позже собрал громадную домашнюю библиотеку. Он написал и издал три книги: «Precis historique de la vie du comte M. J. de Panine» (Лондон, 1784); «Описание путешествия князя А. Б. Куракина вниз по Суре» (Санкт-Петербург, 1793) и «Souvenirs d'un voyage en Hollande et en Angleterre» (Санкт-Петербург, 1815).

При Екатерине II правнук знаменитого дипломата и свояка Петра I был сослан в ссылку в свое саратовское имение Надеждино. Причиной опалы послужила обнаруженная во время путешествия секретная переписка его с флигель-адъютантом Бибиковым и симпатии к другу детства – будущему императору Павлу I.

В имении Александра Борисовича кипела бурная жизнь – большой наплыв гостей всегда был приятен князю. Многие из бедных дворян жили здесь по нескольку месяцев, не смея представиться хозяину. Но все они пользовались удобствами барской жизни: во дворе стояли наготове экипажи для прогулок, на пруду всех желающих покататься на лодках поджидали дюжие гребцы, прислуга в любой момент была готова выполнить любую прихоть гостя, столы ломились от яств и вина.

Куракин установил для многочисленных гостей семь правил, которые в виде отпечатанного листа вручались каждому, кто переступал порог гостеприимного дома князя. Первое правило

гласило: «Хозяин, удаляясь от суеты и пышностей мирских, желает и надеется обрести здесь уединение совершенное, а от оного проистекающее счастливое и ничем не поколебимое спокойствие духа»; второе – «хозяин почитает хлебосольство и гостеприимство основанием взаимственного удовольствия в общежитии. Следственно, видит в оных приятные для себя должности»; третье – «всякое здесь деланное посещение хозяину будет им принято с удовольствием и признанием совершенным»; четвертое – «хозяин, наблюдая предмет и пользу своего сюда приезда, определяет в каждый день разделять свое время жалующими к нему гостями от часу пополудни до обеда, время обеда и после обеда до семи часов вечера»; пятое – «хозяин по вышеуказанному наблюдению определяет утро каждого дня от семи часов до полудни – для разных собственных его хозяйственных объездов, осмотров и упражнений, а вечер каждого дня, от семи до десяти часов, определяет он для уединенного своего чтения или письма»; шестое – «хозяин просит тех, кои могут пожаловать к нему на один или на два дня, или на многие дни, чтобы, быв в его доме, почитали себя сами хозяевами, никак не помня о нем единственно в сем качестве, приказывали его людям все подобные для них услуги и, одним словом, распоряжались бы своим временем и своими упражнениями от самого утра, как каждый привык и как каждому угодно, отнюдь не снаравливая в провождении времени самого хозяина, который через то с новою к ним благодарностью получить свою свободу им приятное безостановочно и с продолжительным тщанием выполнять»; седьмое – «хозяин никогда не ужинает, но всякий день в девять часов вечера, будет у него ужин готов для всех, прибывших к оному, и он, прося дозволения от оного всегда отлучаться, просит также своих случающихся гостей, несмотря на его отсутствие, за оный садиться и за оным самим хозяйничать». Многочисленные гости быстро привыкали к чудачествам хозяина и чувствовали себя в его имении, как дома.

Павел I по восшествии на престол пригласил друга детства в Петербург и назначил его вице-канцлером с присуждением звания тайного советника. Кроме того, Павел Петрович удостоил Александра Борисовича ордена Св. Александра Невского и ордена Св. Андрея Первозванного, а также подарил ему пять тысяч душ крепостных, 20 тысяч десятин земли в Тамбовской губернии и рыбные промыслы на Волге.

Но триумф Александра Куракина вследствие переменчивого нрава императора продолжался недолго. В 1798 году он уступил место вице-канцлера В. П. Кочубею.

При Александре I князь был в 1806 году послом в Вене и в

1808–1812 годах в Париже. Во французской столице в 1810 году Куракин едва не погиб во время пожара на празднике, данном австрийским послом князем Шванценбергом по случаю бракосочетания Наполеона с эрцгерцогиней Марией Луизой. (Тогда в огне погибло около 20 человек, в том числе хозяйка дома – жена князя Шванценберга.) Александр Борисович сильно обгорел, у него не осталось волос, руки и ноги были покрыты сильными ожогами. Спасением князь был обязан отчасти своему мундиру, который весь был вышит золотом. Оно до того нагрелось, что вытащившие русского посла из огня французские офицеры долго не могли поднять тело, обжигаясь от одного только прикосновения к его одежде. Они стали лить на потерявшего сознание Куракина воду из лужи, а другие в это время отрезали бриллиантовые пуговицы с мундира, сорвали золото и другие драгоценности. Во время суматохи князь лишился бриллиантов на сумму более 70 тысяч франков.

Долгое время жизнь русского посла находилась под угрозой. Его лечили лучшие врачи Франции, в том числе и личный врач императора Наполеона. Поправив здоровье, Куракин приказал слугам перенести себя в бархатном кресле, халате и соломенной шляпе в свой загородный парижский дом. Перед тем как прислуга внесла князя в резиденцию, он произнес приветственную речь перед жителями пригорода Парижа, собравшимися у входа в здание.

Под конец своей жизни Куракин состоял членом Государственного совета и жил в Петербурге на Большой Морской улице. В своем роскошном особняке он регулярно устраивал пышные обеды и балы, на которых разыгрывались лотереи в пользу прекрасного пола. Но призами служили не денежные выигрыши, а очень дорогие вещи и одежда. На подобных балах хозяин не раз принимал Александра I с семьей.

Привязанность к драгоценностям и экстравагантным нарядам князь сохранил до конца своих дней. Он часто носил глазетовый или бархатный кафтан или камзол с бриллиантовыми пуговицами и крестом с изумрудами, а на груди и рукавах при этом были кружева. На правое плечо князь надевал эполеты, украшенные бриллиантами и изумрудами, пряжка и шпага были отделаны алмазами. Шляпа тоже украшалась драгоценными камнями.

Сохраняя екатерининский обычай, Куракин продолжал ездить в позолоченной карете с лакеями, скороходом на запятках, двумя верховыми впереди и двумя скороходами, бежавшими за каретой, хотя в это время уже даже император ездил в скромном экипаже с одной лошадью.

Перед смертью Александр Борисович дал свободу крестьянам одной из своих вотчин, но это распоряжение не было приведено в исполнение.

А. Б. Куракин умер в 1818 году в Веймаре, а похоронили его в Павловске. Императрица Мария Федоровна воздвигла князю памятник с надписью: «Другу моего супруга». Младший брат Александра Борисовича, князь Алексей Борисович Куракин, в память о нем построил дом для инвалидов.

Алексей, как и его брат, являлся государственным деятелем, жил на широкую ногу и тоже отличался некоторыми чудачествами. Вероятно, это было их семейной традицией.

Он родился 19 сентября 1759 года, получил отличное домашнее образование, служил в гвардии. Однако военная карьера не прельщала юношу, и вскоре он перешел на гражданскую службу. В 1780 году его избрали заседателем 1-го департамента верхнего земского суда, а затем молодой человек попал в Сенатскую канцелярию, которой руководил генерал-прокурор князь А. А. Вяземский. К 35 годам Алексей Куракин имел уже чин тайного советника и был награжден орденами Св. Анны и Св. Владимира 2-й степени.

Подлинный взлет карьеры А. Б. Куракина начался при императоре Павле I, который благоволил к нему, как и к его старшему брату Александру. Оба они были щедро одарены милостями монарха: как уже знает читатель, Александр Борисович стал вице-канцлером, а Алексей Борисович 4 декабря 1796 года занял посты генерал-прокурора, главного директора Ассигнационного банка и присутствующего в Императорском совете. Он получил чин действительного статского советника, а 19 декабря 1797 года – орден Св. Андрея Первозванного.

Вследствие переменчивого нрава императора 8 августа 1798 года Алексей Куракин был смещен с должности генерал-прокурора и назначен лишь сенатором, а затем и вовсе отправлен в отставку.

Алексей Борисович возобновил службу при Александре I, который вначале назначил его сенатором, а 4 февраля 1802 года – генерал-губернатором Малороссии. Он заботился о народном образовании и здравоохранении, а также провел канал на реке Остер.

В 1826 году А. Б. Куракин был членом Верховного Уголовного суда, который рассматривал дело революционеров-декабристов, поднявших 25 декабря 1825 года мятеж в столице России.

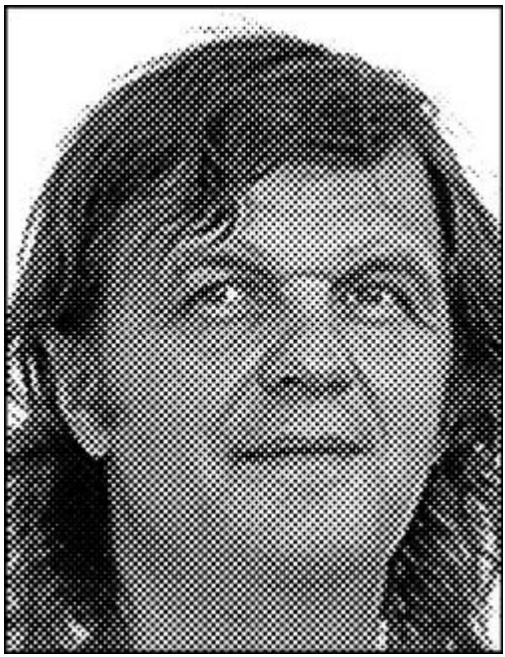
Что касается чудачеств, то в своем любимом имении Куракино Малоархангельского уезда Орловской губернии князь держал штат придворных чинов и полиции. Это была полная

пародия на царский двор. Вплоть до 60-х годов XIX века на кладбище куракинского имения стояли могильные плиты с такими претенциозными надписями: «Здесь похоронена девица Евпраксия, служившая до конца своих дней при дворе его сиятельства камерюнгферой», или «В ней (могиле) покоится Сенька Триангильянов, бывший в ранге полицмейстера в придворном штате его сиятельства». Разъезжал он, как и старший брат Александр, в позолоченных каретах с целой свитой сопровождения. Чудаковатый барин соблюдал очень строгий этикет, и нередко даже родные дочери дожидались выхода князя по пять дней. Щепетильность Алексея Борисовича в вопросах этикета доходила порой до смешного: он рассчитал своего старого домашнего доктора только за то, что тот осмелился ночью, во время приступа болезни князя, явиться к нему не во фраке. Роскошный дом Куракина насчитывал более 50 комнат с залом и галереей в помпейском стиле.

Скончался князь Алексей 30 декабря 1829 года и был похоронен в том же Куракино. После его смерти неблагодарные потомки не оценили по достоинству роскошь екатерининского времени: по их повелению дом и золотые кареты были в один день уничтожены управляющим, при этом одного только драгоценного металла было продано более десяти тысяч пудов. Наследники оказались людьми прагматичными и напрочь лишенными чудачеств своих предков.

КУСТУРИЦА ЭМИР

(род. в 1955 г.)

Один из самых знаменитых европейских режиссеров современности. Обладатель двух «Золотых пальмовых ветвей» и награды за режиссуру на Каннском фестивале; награды «За вклад в мировой кинематограф» на Московском международном фестивале; двух Серебряных львов на кинофестивале в Венеции; специального приза Берлинского кинофестиваля. Автор сценариев к собственным фильмам; музыкант и композитор.

К Эмиру Кустурице нельзя относиться равнодушно. Его или боготворят, или ненавидят. Точно так же, как и его картины. Кустурица так же не похож на среднестатистического жителя нашей планеты, как его фильмы и персонажи не сравнимы ни с чем в истории мирового кино. И это несмотря на то, что его герои – люди, в которых нет ничего сверхъестественного – блестящего ума, большого таланта или непревзойденного героизма. И пусть в фильмах Кустурицы они – жители цыганских таборов, сербских деревенек или американской глубинки, наверняка подобные люди отыщутся в окружении любого из нас – среди соседей,

друзей или родственников. Потому что отличительная особенность этих людей – это их особый взгляд на жизнь, с помощью которого режиссер пытается донести до нас свою мысль, мысль о том, что «жизнь не такая серьезная и сложная штука, как всем кажется». И пусть большинство его героев нельзя назвать честными людьми – они грабят, обманывают, а иногда даже убивают, – они, в отличие от штампованных голливудских суперменов, живые, настоящие, искренние в своих чувствах. Такие, как и их создатель – самый экстравагантный режиссер современности.

Эмир Кустурица родился 24 ноября 1955 года в Сараево. Его предки были православными сербами, но во время турецкой оккупации, чтобы обезопасить себя, вынуждены были принять ислам. Его отец носил мусульманское имя Мурад и своего сына назвал также мусульманским именем – Эмир, что означает «правитель». Режиссер до сих пор упорно называет себя югославом, несмотря на то что такого государства давно не существует, и объясняет это так: «Я родился на окраине, где в радиусе трехсот метров стоят католический и православный храмы и синагога. Они стоят на земле, на которой не растет ничего, кроме сливы. На земле, по которой прошагали все завоеватели нового времени… Я смутно понимаю громкое слово “моя родина”, зато я хорошо знаю, что такое “моя земля”».

Как и миллионы других жителей Югославии, семья Кустурицы вскоре вовсе отказалась от какой бы то ни было религии в пользу коммунистических идей. Юный Эмир не разделял взглядов своих родителей, был оппозиционно настроен по отношению к коммунизму и водил дружбу с «врагами народа». После окончания школы, в 1973 году, родители, не на шутку встревоженные таким поведением своего сына, отправили его учиться в Прагу на режиссерский факультет знаменитой Пражской киноакадемии FAMU. Там Эмир с самого начала показал себя как перспективный режиссер. А его дипломная работа – фильм «Герника» – получила первый приз на студенческом кинофестивале в Карловых Варах. Еще будучи студентом, Эмир Кустурица собрал панк-группу “The No Smoking Orchestra” («Некурящий оркестр»), в которой и по сей день играет на бас-гитаре. Первой работой режиссера после окончания академии стал телевизионный фильм под названием «Невесты приходят». Он, правда, сразу же был запрещен цензурой «по моральным соображениям».

Огромной неожиданностью для молодого режиссера, да и для всего киномира, закончился Венецианский кинофестиваль 1981 года, на котором Кустурица за свой фильм о жизни югославской

молодежи «Помнишь ли, Долли Белл?» получил «Золотого льва» в номинации «Лучший дебют». Но это было всего лишь начало. С тех пор ни один фильм Кустурицы не оставался без престижных наград европейских кинофестивалей. В 1985 году за картину «Папа в командировке» режиссер получил «Золотую пальмовую ветвь» – высшую награду знаменитого Каннского фестиваля – и был номинирован на «Оскар». Это грустная история о репрессиях начала 50-х годов XX века в Югославии и сложных семейных взаимоотношениях, увиденная глазами маленького мальчика. Вышедший в 1989 году фильм «Время цыган» (оригинальное название – «Дом для повешения») – грандиозная этнографическая картина о жизни современных цыган на Балканах и о трагическом столкновении двух цивилизаций – получил приз за режиссуру на Каннском фестивале.

Все это время Эмир Кустурица преподавал режиссуру в киношколе в Сараево. В конце 80-х годов XX века руководство киношколы собиралось назначить его профессором. Но коммунистическая система Югославии не смогла простить Эмиру его участия в группе “The No Smoking Orchestra”, игравшей «идеологически чуждую» музыку. По этому поводу даже собралась специальная комиссия министерства культуры, которая и вовсе запретила Кустурице заниматься преподавательской деятельностью. Эмир не сильно расстроился по этому поводу – он никогда не хотел становиться винтиком в коммунистической системе. Тем более, что вскоре, в 1990 году, его пригласили преподавать режиссуру в Колумбийский университет в США. Перед знаменитым европейским режиссером открывалась сказочная перспектива – покорение Голливуда.

Однако этого не произошло. Сложно судить, что помешало – взаимная неприязнь режиссера и Голливуда, непонимание со стороны американцев, нежелание Кустурицы отдаляться от родины, начавшаяся в Югославии война или что-то другое. За два года, проведенных в Соединенных Штатах, Кустурица снял один фильм – «Сны Аризоны». Это странная история о странных людях и их несбывшихся мечтах. И хотя фильм очень грустный – герои умирают, постоянно выясняют отношения, их чувства и мечты разбиваются о суровую реальность, – он наполнен светлыми моментами, самые примечательные из которых – это сны главного героя и его последняя реплика: «Я понял, что ничего не знаю о жизни и что мне нравится жить». Несмотря на гениальную игру звезд американского кино, принимавших участие в картине, – Джонни Деппа, Фэй Данауэй, Лили Тэйлор – и действие, происходящее в США, этот фильм, как и остальные творения режиссера, не пользовался популярностью у

американских зрителей и критиков. Сам европейский режиссер после работы в Америке окончательно утвердился в мнении, что современный Голливуд – «это промышленность, завод», навязывающий зрителям ложные идеалы и видение мира: «Голливуд следует Новому Порядку, внушает тебе систему ценностей, не имеющую ничего общего с человеческими. Они не дышат в этих голливудских фильмах. Они же не дышат».

В Европе же отношение к работам Эмира Кустурицы было диаметрально противоположным, и в 1993 году фильм «Сны Аризоны» получил специальный приз Берлинского кинофестиваля.

Этот же год ознаменовался одной из самых громких и знаменитых выходок эксцентричного режиссера. Эмир Кустурица абсолютно серьезно вызвал на дуэль сербского ультраправого националиста Воислава Шешели в ответ на его требование изгнать из парламента всех хорватов. «Я почувствовал себя оскорбленным, захотел преподать ему урок и потребовать извинений», – позже прокомментировал свои действия режиссер. Кустурица предоставил право выбора оружия противнику, но место проведения дуэли выбрал сам – ни много ни мало главную площадь Сараево. Накануне назначенного для дуэли дня Шешели заявил, что не хочет убивать художника, а на саму дуэль и вовсе не явился. Кустурица почувствовал себя еще более оскорбленным и еще долго возмущался по этому поводу.

Прошло совсем немного времени после несостоявшейся дуэли, и Кустурица вновь ошеломил публику: на международном фестивале в Белграде режиссер набросился с кулаками на лидера Нового Сербского Правого движения Небоша Пайкича. Сцена получилась довольно комичной и долго обсуждалась в прессе: Кустурица избивает политика, а жена Пайкича лупит режиссера дамской сумочкой по голове. Но нашего героя не тревожила скандальная репутация – он был самим собой и не считал кого-либо или что-либо вправе мешать ему в этом.

В 1995 году на экраны вышел очередной фильм знаменитого режиссера – «Подземелье», одна из самых известных работ мастера. В этой картине Кустурица обращается к очень близкой ему теме – теме войны в Югославии. Картина вызвала крайне негативную реакцию в его родной Боснии, режиссера обвиняли в политической некорректности и просербском настрое. Дело дошло до крайностей – его мать выгнали из сараевского дома режиссера, а сам дом был занят Фондом боснийских писателей, а позже и вовсе уничтожен. Нападки критиков, осуждавших режиссера за поддержку не тех сил, которые поддерживает весь остальной мир, не помешали «Подземелью» получить «Золотую

пальмовую ветвь» в Каннах. Однако эмоциональный режиссер был не на шутку обижен таким отношением соотечественников к своей работе и объявил о своем уходе из кинематографа.

После «ухода из кинематографа» Эмир Кустурица переселился в дом в пригороде Парижа и начал сотрудничество с немецким телевидением, для которого делал проект о цыганской музыке, и много времени уделял собственной группе. Но разлука с кинематографом оказалась недолгой. В 1998 году вышел в свет один из самых известных, веселых и светлых фильмов режиссера – «Черная кошка, белый кот». Картина получила приз за режиссуру на Венецианском кинофестивале. Однако критики все не унимались. На этот раз они ставили в вину Кустурице то, что он снимает «пир во время чумы» и уходит в призрачный мир цыганского счастья, в то время как на его родной земле идет война. На самом деле режиссер именно этого и добивался. Он устал от политики и постоянной борьбы, он хотел создать утопию, хотя бы на экране воплотить счастье в чистом виде, и ему это вполне удалось. А цыгане, к которым у режиссера особое отношение, помогли создать Кустурице нужную атмосферу фильма: «Цыгане – совершенно особые люди. Они маргиналы. А я обожаю маргиналов, у них жизнь и сознание незамутненное, почти детское, они не участвуют в этой нашей запрограммированной жизни. Для цыган существуют только деньги, любовь, семья. И все. Ничего лишнего».

Следующий фильм знаменитого режиссера, вышедший на экраны в 2004 году, спустя шесть лет после «Черной кошки», как и большинство предыдущих картин, вновь стал сенсацией. Его съемки длились целых 14 месяцев. Кустурица так комментирует столь длительный процесс: «Некоторым писателям нужно 14 месяцев, чтобы написать роман, а мне – чтобы снять картину. Объяснить это мое неумение быстро делать кино мне трудно. Могу лишь сказать, что пользуюсь привилегией тщательно работать над фильмами. Это – огромное счастье». И действительно – позволить снимать каждую сцену по 15–20 дублей может далеко не каждый, даже самый знаменитый, режиссер. Кустурица старается сделать каждый кадр живым и совершенным: «…я хочу, чтобы каждый кадр был шедевром. А в фильме примерно 2000 кадров. Значит, мне нужно 2000 шедевров». Возможно, именно благодаря такому подходу картины Кустурицы буквально дышат жизнью, они наполнены мелочами, которые составляют целостную картину и дают ощущение полной реальности происходящего на экране. Ведь режиссер ради пяти минут совершенства на экране может снимать сутками один и тот же эпизод, за легкостью каждой сцены фильма стоит долгая и

кропотливая работа.

«Жизнь как чудо» – это основанная на реальных событиях история любви сербского мужчины и боснийской девушки, разворачивающаяся на фоне войны в Югославии в 1991 году. Сын главного героя попадает в плен, и отец с целью обмена захватывает в заложники мусульманскую девушку, в которую постепенно влюбляется. Все события фильма разворачиваются вокруг героя, разрывающегося между чувствами к собственному сыну и пленнице. При всей незамысловатости сюжета фильм вызвал бурю эмоций среди зрителей и критиков. В нем Эмир Кустурица пытается показать весь абсурд и бессмысленность войны на Балканах и в который раз утверждает – любовь превыше всего, а жизнь, какие бы ужасы вокруг ни творились и как бы тяжело ни бывало справиться с ними, все же чудо, главное и самое дорогое, что есть на свете. «Жизнь как чудо» – первый фильм знаменитого режиссера, где основной темой является любовь, к которой у Кустурицы особое отношение. Он – образцовый семьянин, свою жену Майю, оказывающую неоценимую помощь режиссеру в создании его фильмов, он называет «своей самой большой любовью» и говорит, что «любовь – единственная мотивация жизни, единственный ее смысл». Фильм «Жизнь как чудо» так же как и его предшественники не остался без престижной награды – режиссер получил награду «За вклад в мировой кинематограф» на Московском международном кинофестивале.

Примечательно, что к этим двум последним фильмам музыку написал сам режиссер, ему помогали его друзья из “The No Smoking Orchestra”. Эта музыка представляет собой гремучую и задорную смесь из турецких маршей, цыганских мотивов, южноамериканских напевов и примесей ряда современных стилей. Творчество группы Эмира Кустурицы не укладывается ни в какие стилевые рамки и этим привлекает миллионы поклонников, заряжает позитивной энергией и уникальным духом балканской свободы. На концертах его группы собираются десятки тысяч человек, а альбомы “The No Smoking Orchestra” распродаются миллионными тиражами. Еще один интересный факт – помимо работы над музыкой к фильму «Жизнь как чудо», каждый из музыкантов группы принял непосредственное участие в съемках фильма, «засветившись» в различных эпизодах. А сын Кустурицы Стрибор, играющий в группе на ударных, прекрасно справился с довольно большой ролью капитана Алексича.

После съемок фильма «Жизнь как чудо» Эмир Кустурица остался жить на Балканах. Но уже не в родной Боснии, которая отвергла своего талантливого сына. Он остался жить в тех местах,

где снимался его последний фильм. В сербских горах, практически на границе с Боснией, в трех часах езды от Белграда знаменитый режиссер построил на вершине холма собственную деревню из 25 деревянных домов. Там есть центральная улица, церковь, магазины, почта и, конечно же, кинотеатр. В скором времени в деревне начнет работать небольшая фабрика по производству сухофруктов и керамики. Эксцентричный режиссер сам полностью спроектировал эту деревню и собственноручно помогал строить дома. Это творение Кустурицы пока не имеет названия и больше всего походит на средневековый деревянный сербский городок. В деревне живет семья Эмира Кустурицы и его ученики, которых он набирает по собственному усмотрению. Знаменитый режиссер очень гордится своей деревней и порядками, которые он там установил: «Когда я ее строил, то решил, что демократия мне не подходит. В демократических государствах горожане выбирают себе мэра, а в моей деревне я выбираю себе жителей».

Кустурицу не понимают и не любят на Балканах. Сербы – за то, что он мусульманин, боснийцы – за то, что он недостаточно мусульманин, да и фильмы об их грустной действительности выходят у режиссера слишком веселыми, и даже когда речь идет о балканской войне, нет у режиссера правых или виноватых, что не может понравиться противоборствующим сторонам. Он действительно не показывает своей приверженности ни к одному из народов, его взгляды космополитичны, режиссер с одинаковым уважением относится к представителям всех народностей и рас, а всех жителей планеты считает своими соседями. Поэтому Эмир Кустурица часто любит повторять, что он – никто и пришел ниоткуда.

В 2005 году знаменитый режиссер возглавил жюри 58-го Каннского кинофестиваля и начал работу над новым проектом – полнометражным документальным фильмом о знаменитом аргентинском футболисте Диего Марадоне. Съемки пройдут в Буэнос-Айресе, Неаполе, Барселоне и на Кубе. В новой картине Кустурица вновь обратится к волнующим его вопросам любви и семьи: «…основная его [фильма] идея состоит в том, чтобы объяснить зрителю, почему не осуществилось главное жизненное устремление великого футболиста – семейная гармония». И еще знаменитый режиссер хочет изменить общественное мнение о не менее знаменитом футболисте, сложившееся благодаря скандалам, разгоревшимся вокруг этой персоны. «Бесспорно, Марадона является мастером по части устраивать вокруг себя скандалы, но это не означает, что по отношению к нему надо применять принципы суда Линча, который вершит над ним в

последнее время бульварная пресса. Необходимо видеть в его характере и многие положительные качества», – сказал в своем интервью Кустурица.

Один белградский критик однажды написал: «Самый большой, самый успешный и самый необыкновенный фильм Эмира Кустурицы – это его жизнь», и в этом утверждении он недалек от истины. Знаменитый режиссер не боится показаться смешным и нелепым. В свои 50 лет он ругается с политиками и коллегами по цеху, дерется в барах и устраивает скандалы на серьезных мероприятиях, он импульсивен и бескомпромиссен в своих суждениях, на концертах своей группы беснуется на сцене, как подросток, живет по собственным законам и делает только то, что считает нужным. Но вместе с тем гениальный творец нежно любит природу, людей и жизнь, он старается подарить зрителям утопию с помощью своих фильмов, сделать их счастливыми хотя бы на два часа – время просмотра фильма, заставить человечество видеть мир таким, каким его видят его герои – светлым, радостным, полным любви, и поверить в то, что жизнь – это чудо. Как верит в это сам режиссер: «Мне уже 50 лет, а я все еще действительно хочу верить, что жизнь чудесна. Я все еще верю в существование чуда, хотя бы в наших надеждах. Ведь в нашей жизни можно найти множество поводов, чтобы восхищаться».

ЛАНЖЕРОН ЛУИ (ЛЮДОВИК) АЛЕКСАНДР АНДРЕ ДЕ

В русском подданстве – Александр Федорович Ланжерон

(род. в 1763 г. – ум. в 1831 г.)

Если вы посетите Одессу, то кроме имен де Рибаса и Ришелье услышите еще одно, произносимое с не меньшим почтением – Ланжерон. Судьба этого человека поистине удивительна. За 50 лет военной службы во Франции и России он принял участие едва ли не в большем количестве сражений, чем кто-либо другой в свое время. Но не только за воинские подвиги ценили его. Бравый вояка Ланжерон любил женскую красоту и придворные интриги, блистал в салонах как прекрасный рассказчик и сам нередко становился героем забавных историй. Градоначальник Одессы и Новороссийский генерал-губернатор запомнился современникам как «храбрый генерал, добрый правдивый человек, но рассеянный, большой балагур» и, несмотря на высокий пост… «вовсе не администратор»!

Сорок лет верой и правдой служил Российскому престолу

французский аристократ граф Луи Александр Андре де Ланжерон. В 1789 году он покинул родную Францию, дав клятву, что больше никогда в жизни не станет сторонником революции. Но, говорят, не только государственный переворот стал причиной бегства из страны молодого талантливого военного. Называют и другую – слишком острый язык. Подтрунивание над сильными мира сего мало кого доводило до добра…

Граф Луи Александр Андре де Ланжерон де Сэсси, маркиз де ля Косс, барон Куиньи родился в Париже 13 января 1763 года. Детство свое он провел в небольшом фамильном замке Ланжерон под присмотром любящей матери и периодически наезжающих дядюшек. От одного из них, графа Роже де Дама, кутилы и неисправимого весельчака, но одновременно отличавшегося редким бесстрашием, мальчик и унаследовал склонность к авантюрам. В юные годы за свои проделки и успех у местных крестьянок он получил говорящее прозвище Бесик.

В 16 лет Луи в чине младшего лейтенанта был зачислен в гвардейский пехотный полк, которым командовал граф де Дам. Аристократическое происхождение и принадлежность к королевской гвардии, прекрасные манеры и умение вести себя в высшем свете быстро открыли молодому шевалье путь ко двору Людовика XVI. Но лишь три года блистал Ланжерон в высшем свете – уже в 1782 году он отправился в Северную Америку в составе французского корпуса под командованием графа де Рошамбо, чтобы, участвуя в войне за независимость США на стороне восставших против Британской короны колоний, заслужить настоящую воинскую славу. Однако реальной помощи этот корпус не успел оказать: корабль почти сразу атаковала английская эскадра, и французы поспешили укрыться в устье реки Делавэр. Оттуда Луи направился в Бостон, где стояла эскадра под командованием маркиза Водреля, командированная для боевых действий в Южную Америку с войсками под началом Виомениля. Воевал он, по свидетельствам современников, самоотверженно и порой даже с излишним лихачеством. Сражения при Порто-Кабелло, Каракасе и Сан-Доминго принесли в его боевую «копилку» первую награду – орден Цинцината, который ему впоследствии запрещала носить русская императрица Екатерина II, ко всяким мятежам относившаяся с понятным опасением.

В 1783 году, после того как был подписан Версальский мир, Ланжерон вернулся домой победителем. Проявленные в боях лидерские качества позволили ему быстро продвинуться по карьерной лестнице. Сразу после заключения мира Луи был назначен капитаном драгунского полка принца Конде, а спустя

некоторое время, во время службы в Медоке (1786) и Арманьяке (1788), стал сверхштатным полковником.

Скорее всего, молодого талантливого офицера ждала бы блестящая военная карьера и многие почести в родной стране, но такому развитию событий помешала Великая французская революция 1789 года. Поначалу Ланжерон, служивший тогда в военной охране Версаля, принял ее восторженно, с одобрением – он всегда был «за свободу». Однако увидев, какие бесчинства творятся ее именем, и сохранив преданность королевскому дому, Ланжерон стал активным участником антиреволюционного движения. В это время очень ярко проявился его литературный дар. Он работал как публицист и писатель-пародист, драматург, писал для французских газет и сочинил несколько пьес: «Масаниэлла», «Розамонда», «Мария Стюарт», «Притворное столкновение» (последняя пьеса, единственная комедия из этого списка, даже была поставлена в 1789 году). По приглашению известного тогда памфлетиста роялистского направления М. Палтье Ланжерон вошел в редакцию “Les Actes des Apôtres” – серии сатирико-политических брошюр, которые издавались на средства из собственной кассы короля Франции в качестве противовеса революционным листкам. В них в стихах, прозе и драматической форме высмеивались действия Учредительного собрания. Издание продержалось до октября 1791 года и было закрыто по желанию самого короля, но полковника Ланжерона в это время уже не было во Франции. Он оказался в списке лиц, не желательных для Республики.

Однако это официальная версия изгнания Луи из страны. Существует и другая, своими корнями уходящая в то время, когда ему было только 19 лет. В том году у Марии Антуанетты наконец-то родился наследник. Франция ликовала, в Версале был дан великолепный бал. Юный шевалье Ланжерон, попавший на празднество случайно, был неотразим в лучшем камзоле – «праздник у моря с синим фейерверком» – ярко-зеленого с синим отливом, он, как всегда, шутил и любезничал с дамами. Празднество раздражало только одного – негодующего брата короля, графа Прованского, который до рождения у королевы сына был единственным наследником престола. Желчный человек недалекого ума всем и каждому на балу доказывал, что Мария Антуанетта родить не способна, а ребенка ей прислали… по почте из Вены, откуда она была родом. Лейтенант Луи тогда уже слыл в полку человеком, острым на язык. Не подвел его талант и тогда. Раздосадованный кислой физиономией графа, он с лету продекламировал собеседникам простенькое четверостишие:

О графе Прованском всяк думать привык:
«Отлично у парня подвешен язык!»
Подвесим и то, что расскажет о графском уме.
Весы улыбнутся и будут стоять на нуле.

Практически мгновенно удачная эпиграмма разлетелась по бальной зале. Ее со смехом повторяли и лакеи, и министры – сам король рассмеялся на удачную остроту. Но когда ее наконец-то услышал граф Прованский, то возненавидел беззаботного балагура Ланжерона, который и не представлял себе, на что был способен брат короля из мести. Молодого человека начали преследовать, и это не прекратилось даже после отъезда Луи из Франции.

Возможно, «невинная шутка» стала одной из причин бегства графа.

Вначале он попытался поступить на службу в австрийскую армию (как раз назревала война между Австрией и Турцией), но император Иосиф II отклонил его предложение. Только тогда Луи решился поехать в далекую, незнакомую Россию. Надо сказать, что предложение об этом поступило от его любимого дядюшки Роже, который к тому времени был адъютантом Григория Потемкина и захватывающе рассказывал о победах России над Турцией – было где разгуляться молодому амбициозному офицеру! Появление в Петербурге графа де Дам, а затем его племянника Ланжерона не прошло незамеченным. По крайней мере, в «Древней и современной истории России» Г. Кастельно сказано о появлении их на российской земле. Оба офицера, молодой и старый, упомянуты и в седьмой песни романа в стихах «Дон Жуан» лорда Байрона:

Когда бы нам (историк говорит)
Деянья русских описать досталось бы,
Тома б наполнить мог любой пиит —
И многое несказанным осталось бы!
А посему о русских он молчит
И воздает хвалы (смешно, казалось бы)
Десятку чужеземцев: Ланжерон,
Дамб, де Линь – вот русской славы звон!

Ланжерон прибыл в Россию в свите принца Нассауского в 1789 году. В мае 1790 года он принес клятву на верность Екатерине II. Сохранилась даже собственноручная записка императрицы Екатерины II, в которой она, одобряя принятие

полковника Ланжерона в русскую службу, оценивала его как полноценного и яркого представителя французской аристократической культуры, столь значимой для русской культуры и в целом для русской государственности, для русского дворянского самосознания, ориентирующегося на европейские ценности. Тогда же, по протекции принца, Луи был принят на русскую службу в чине полковника в 1-й Сибирский гренадерский полк, находящийся в то время в составе армии Потемкина на Дунае, на очередной войне с Оттоманской Портой. Однако бить турков ему тогда не пришлось, он остался на время в Петербурге: принц Нассауский предложил ему сражаться в Швеции в составе флотилии из шести боевых кораблей, которой он руководил. Так полковник-гренадер стал командиром 2-й дивизии гребного флота и – отныне и до конца жизни – Ланжероном Александром Федоровичем. Именно в этом звании он принял участие в Выборгском морском сражении, начав вписывать новые страницы в свою военную биографию и в историю России. Победные бои 21 и 22 июня 1790 года при Биорке-Зунде, в которых Ланжерон принимал участие, способствовали разгрому армии короля Густава III, а сам офицер был награжден лично императрицей своим первым российским орденом – военным орденом Св. Георгия 4-й степени.

Надо заметить, слава шутника и острослова и в России приклеилась к Ланжерону практически сразу же. Сохранилось множество полуанекдотических историй и высказываний, приписываемых графу. Так, уезжая из Санкт-Петербурга, он попал в лужу перед гостиницей на Большой Морской улице, где жил, и воскликнул: «Действительно эта столица построена на болоте! Ведь мне приходится вместо рук умывать ноги». Во время войны со Швецией он с успехом командовал канонерскими лодками, а потом рассказывал Екатерине II о военных действиях: «Шведы вели шквальный огонь! И я подумал, что превратности судьбы сейчас и превратят меня в предмет совершенно неодушевленный, хоть и в чине капитана». – «Пока этого не произошло, я жалую вам чин майора», – рассмеялась императрица.

После окончания русско-шведской войны Луи незамедлительно отправился на Дунай. Во время осады принадлежащего Турции Измаила он, вместе со своим другом, еще одним знаменитым французом – одесситом Ришелье, служил под началом Потемкина. При взятии считавшейся неприступной крепости граф прекрасно проявил себя и был ранен. По словам Суворова, он «оказал отличную неустрашимость в атаке неприятеля», за что и получил золотую шпагу с надписью «За храбрость». А всю Россию очень скоро облетела фраза графа об

украинских степях. Когда он проезжал бескрайними просторами, то встретил в корчме княгиню Голицыну и, поддерживая светскую беседу, сообщил ей: «Пейзажи вокруг прекрасные! Но вот из удобств тут только водка».

В мае 1791 года Ланжерон прибыл в распоряжение командующего русскими войсками в Молдавии князя Репнина и принял участие в нескольких сражениях, особо отличившись под Мачином, за что удостоился всемилостивейшего рескрипта. И сразу же по окончании этой войны граф на три года уехал из России на Рейн, чтобы принять участие в борьбе коалиции против республиканской Франции, дрался с революционными войсками под Гризуэлем, в Нидерландах. Волонтером при войсках французских эмигрантов он совершает поход в Лотарингию и Шампань, где служил в «армии Принца» – в монархической армии принца Конде. Сражение шло за сражением – при Вердене, Тионвилле, Мобеже, Ландресси, Линнуа, Тюркуане, Турне, Флерюсе, Розендале, под Валансьеном, Дюнкихерном, Дюнельдорфом… Лишь после поражения коалиции Ланжерон возвратился в Петербург, и то ненадолго – по поручению императрицы, желающей оценить силы новой Франции, он с Ришелье уезжает в Нидерланды, военным наблюдателем к принцу Саксонии, командиру австрийской армии в Северной Франции и Нидерландах (1793–1794), чтобы держать Екатерину II в курсе действий армии. Лишь после этой миссии в жизни графа наступил относительно спокойный 10-летний период без войн.

Надо сказать, что Ланжерон вел дневники во время всех военных кампаний, в которых ему довелось участвовать. Они представляют не только историческую ценность, но и являются оригинальным литературным произведением, ярко отражающим характер Александра Федоровича. Дневники эти пестрят множеством деталей и анекдотов, они сохранили для истории яркую, живую, а иногда и весьма субъективную оценку событий. Так, портретная галерея русских генералов и министров, идея создания которой послужила толчком к началу работы над дневниками, является прежде всего собранием пороков и недостатков современников Ланжерона. Дневник полон убийственных острот и едких анекдотов. Александр Федорович, постоянно подчеркивая приверженность исторической правде, с удовольствием излагает дискредитирующие полководцев факты и, кажется, радуется любой возможности настроить читателя против каждого из них. При этом стиль повествования довольно сдержанный: Ланжерон, пожалуй как нигде более, проявил свое аккуратное, «точечное» острословие в соединении с притворным удивлением по поводу «внезапно обнаруженной»

некомпетентности коллег. Так, он пишет в одном из дневников: «Четвертая колонна, совершив марш в полверсты, оказалась в пределах досягаемости неприятеля, который, однако, не был обнаружен (абсолютно неправдоподобно, но все же совершеннейшая правда). В конце концов генерал Кутузов лично приказал полковнику Новгородского гарнизона Манаткину продвигаться вперед побыстрее, поскольку генералу Милорадовичу такая идея в голову не пришла…»

Спокойное течение жизни было нарушено Моравской кампанией 1805 года. Ланжерон снова стал действующим полководцем, оставив гражданскую жену Ангелу Ерьяновскую (Анжели Джержановскую) и двоих малолетних детей – Диану, которая умерла в 1816 году, и Теодора Андре (Федора), впоследствии получившего дворянство и ставшего личным советником императора и сенатором. Вообще, Александр Федорович всегда пользовался успехом у дам и был трижды женат: в 1784 году он женился на Мари-Диане Маньяр де ля Вопалье, в 1804 году на Анастасии Трубецкой, вдове майора Кашинцева, ив 1819 году на Луизе Бруммер – но от этих браков наследников не осталось.

Во время Моравской кампании генерал командовал второй колонной русской армии Буксховдена, и после ноября 1805 года она перешла под командование Кутузова. Под Аустерлицем Ланжерон вначале сражается в центре левого фланга русской армии, а затем пытается задержать продвижение французских войск вместе с бригадой Каменского. Действия полководца описаны Л. Толстым в романе «Война и мир». Раздраженный поведением Буксховдена, который опирается на инструкции Генерального штаба, не обращая внимания на конкретные обстоятельства, и который говорит ему: «Вам везде чудятся враги, мой друг!», – Александр Федорович резко отвечает: «А вы, Ваше Высочество, не в состоянии нигде разглядеть никакого врага!» Император Александр I считал, что именно гибель колонны генерала Ланжерона в сражении при Аустерлице предопределила во многом сокрушительную победу Наполеона над войсками союзников и полководец в этой трагической для России битве вел себя умно и достойно.

Однако мнение императора не спасло Ланжерона от первой немилости: после поражения Буксховден резко раскритиковал его в своем рапорте Кутузову… Александр Федорович в результате подал оставшийся неудовлетворенным рапорт об отставке и уехал в Одессу помогать ее градоначальнику, герцогу Ришелье. Вернули Ланжерона в действующую армию лишь в 1807 году в связи с русско-турецкой войной. Он был отправлен в Дунайскую армию,

где получил корпус. Три долгих года Александр Федорович находился в центре военных действий: под Измаилом, в районе Бухареста, у Силистрии… Особенно же отличился он при взятии Рущука (сентябрь 1810 г.), за что был произведен в генералы от инфантерии. За время всей этой кампании «в воздаяние отличного мужества и храбрости» Ланжерон получил также Георгиевский крест 3-й степени, орден Св. Владимира 2-й степени (в 1811 г. за сражение под тем же Рущуком – Св. Владимира 1-й степени), орден Св. Александра Невского. С начала 1811 года он замещал заболевшего главнокомандующего Молдавской армией генерала Н. М. Каменского, а с прибытием в армию Кутузова стал его ближайшим помощником.

В Отечественную войну 1812 года Ланжерон продолжая служить в Молдавской армии, командуя отдельным корпусом. Затем в составе Северной армии у Бернадотта участвовал в битве под Лейпцигом. После взятия Ле Бурже в 1814 году граф вернулся на новую родину, в Россию.

После окончания антинаполеоновских войн, в ноябре 1815 года, генерал от инфантерии Александр Федорович Ланжерон был назначен херсонским военным губернатором и одесским градоначальником, управляющим гражданской частью в губерниях Херсонской, Таврической и Екатеринославской, а в 1822 году – генерал-губернатором Новороссии и главноначальствующим над бугскими и черноморскими казаками. Граф сменил на должности старинного друга – Ришелье – и занимал этот пост вплоть до мая 1823 года.

Император не прогадал в этом своем назначении, хотя и поставил на административную работу военного: Ланжерон содействовал развитию края, благоустройству Одессы, которую он искренне полюбил, – и люди боготворили его.

До наших дней сохранилась триумфальная арка, ведшая на дачу графа, именуемая одесситами аркой Ланжерона и открывающая ныне дорогу на пляж его имени. Это память о человеке, который сделал для процветания города все, что было в его силах, а потому оставшийся почитаемым для всех последующих поколений одесситов.

А его дом, который называли в народе Ланжероновским дворцом, со знаменитыми пушками у входа, дал название Ланжероновской улице и долгое время служил одной из одесских достопримечательностей, не говоря уже о тех десятках забавных легенд и анекдотических историй, связанных с жизнью в нем Александра Федоровича, которые так любили рассказывать одесситы.

К концу своего губернаторства в Одессе он стал чрезвычайно

рассеянным. Рассказывают, как во время приезда Александра I в Одессу граф уступил ему свой дворец.

И когда он оставил императора в своем кабинете, то по рассеянности запер за собой дверь – и Александр долго не мог выйти оттуда, пока не разыскали графа с ключом. Хотя в одной из полуанекдотических историй, повествующих о встречах Ланжерона с Пушкиным, граф говорит, что намеренно запер Александра, – чтобы тот почитал его предложение об отмене «Табели о рангах». Однако и в этих байках отмечается рассеянность графа. Например, как-то оставив Пушкина со своей супругой беседовать в кабинете, он вышел по делу, а когда вернулся, отчетливо сказал слуге: «Что же вы, Тихон Иванович, сколько раз я вам говорил: не пускать в мой кабинет посторонних!»…

Об этой черте характера Ланжерона говорит еще одна историческая байка. Как-то в двенадцать часов ночи граф спросил у князя Гагарина: «А вы отчего не едете домой, князь? Вас уж, верно, дома заждались!» На это удивленный князь Гагарин ответил: «По-моему, вы считаете, что я у вас в гостях? Но, граф, это вы у меня дома! Вы приехали ко мне в пять, а уже двенадцать!» Граф осмотрелся и был вынужден признать, что… сидит в гостиной князя Гагарина!

Еще один факт говорит о близком знакомстве Ланжерона с Пушкиным. Знаменитый историк Н. Эйдельман проанализировал мемуары Александра Федоровича и «Исторические записки» Пушкина и наглядно доказал, что в своих записках поэт использовал записи Ланжерона, с которыми познакомился в 1821 году. Да и сам Пушкин позже вспоминал: «Я видел письма его [императора Александра I] Ланжерону… Ланжерон был тогда недоволен и сказал мне: “Вот как он мне писал; он обращался со мною как со своим другом, все мне поверял – зато и я был ему предан. Но теперь, право, я готов развязать мой собственный шарф”»…

Одесситы полюбили своего градоначальника за тонкую, убийственную, но такую естественную иронию. Его литературный дар ценили даже признанные литераторы и, когда граф бывал в Петербурге, всегда предлагали сотрудничество в журналах. Да Ланжерон и так был постоянным автором парижского сатирического издания «Акты апостолов».

Заканчивая наш рассказ о графе Ланжероне, приведем несколько шуток и случаев, связанных с его именем.

В Петербурге жил его троюродный брат Мишель Андре-Ланжерон-Антоновский (его предки из рода Ланжеронов служили в Украине еще в XVI веке). Он был майором в отставке и издавал

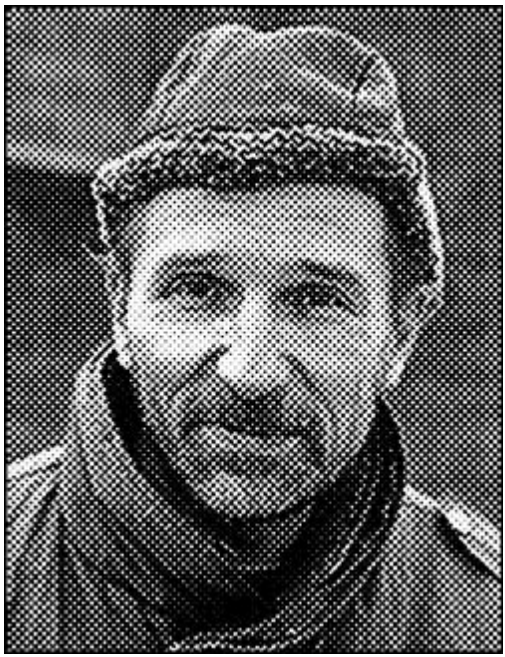
журналы – сперва «Вечернюю зарю», а потом «Беседующего гражданина». Журнал этот был настолько неудачен, что Александр Федорович называл его не иначе как «Бредящий гражданин».

Графа можно считать автором современного анекдота про загоревший тещин язык. Это он, став генерал-губернатором Новороссии и градоначальником Одессы, но часто бывая в Петербурге, как-то сказал на балу слишком разговорчивой даме: «По-моему, вы недавно приехали с юга, из Одессы. У вас такой загорелый язык!» Тогда же он высмеял и некоего кавалера, который в танце невпопад и часто опускался перед дамой на колено: «Он становится перед ней на колени, чтобы увереннее способствовать ее падению!» Впрочем, встречались и куда более пикантные остроты… А иногда его шутки были и не к месту, но, что поделать, любимцу-графу прощали все. Так, однажды утешая овдовевшую жену одесского плац-майора, известного бабника и гуляки, он сказал ей: «Утешьтесь. Теперь, по крайней мере, вы точно будете знать, где он проводит все ночи». Комментарии излишни.

Последние три года жизни Ланжерон провел в разъездах между Парижем, Петербургом и Одессой, занимаясь работой над обширными мемуарами. А относительно смерти своей Ланжерон оказался провидцем. Он всю жизнь опасался холеры и всегда писал: «Когда я умру от холеры…» Так и вышло. Граф-француз, великий полководец, прекрасный градоначальник умер 4 июля 1831 года в Санкт-Петербурге, заразившись во время одной из одесских эпидемий. Но захоронено его тело в католической церкви Одессы – как Луи Александр Андре де Ланжерон, в русском подданстве Александр Федорович, и завещал.

МАМОНОВ ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ

(род. в 1951 г.)

Российский музыкант, композитор и актер, руководитель и солист рок-групп «Звуки Му» и «Мамонов и Алексей». Снимался в фильмах: «Игла» (1988), «Такси-блюз» (1990), «Нога» (1991), «Анна Карамазофф» (1991), «Терра инкогнита» (1994), «Время печали еще не пришло» (1995), «Пыль» (2005). Играл в спектаклях: «Лысый брюнет», «Есть ли жизнь на Марсе?», «Шоколадный Пушкин», «Мыши, мальчик Кай и Снежная королева».

Петр Мамонов – одна из самых колоритных и самобытных фигур русского рока. Его называли гением, чудаком, пророком, святым, всероссийским рок-шутом, сумасшедшим, трагическим поэтом, человеком, открывающим новые горизонты в рок-музыке. То, что делал Петр на эстраде, не укладывалось ни в какие рамки. Лидер группы «Звуки Му» творил на сцене не просто песни, а собственный «магический театр». Чудак красил зубы через один черным лаком для ногтей и бился на сцене, словно в эпилептическом припадке, «забрызгивая зрителей звуками и слюной». Ему подражали, его песни «разбирались» на меткие

словечки. «Петя, отец родной, давай!» – орали на его концертах панки.

Мамонов родился 14 апреля 1951 года в Москве на Большом Каретном, в обеспеченной, по советским меркам, семье. Его дед был народным комиссаром рыбной промышленности. Он умер еще в 1935 году, и может быть, только поэтому семья не пострадала в период сталинских репрессий.

Несхожесть с другими, чудаковатость и феноменальный артистизм Петра проявились еще в детстве в довольно причудливых формах: «…Из двух средних школ меня выгнали за то, что я “устраивал цирк”, – признавался Мамонов. – Зато я очень хорошо на воротах стоял, отчаянно. Бросался на мячи, разбивал себе рожу…Я эмоциональный человек, с 13 лет начал пить – портвейн и все такое прочее, книги таскал из дома и пропивал. И несколько десятилетий потом пил – до потери сознания и неузнаваемости облика».

В свое время призывник Мамонов «закосил» от службы в армии. Сделал он это весьма оригинальным способом – два месяца не мыл ноги. Пришел на взвешивание, разделся, стал на белые весы. Врач говорит: сходите, а он не может, прилип. На вопрос, что у него с ногами, Петр ответил: «Обычные ноги, и давайте куда тут дальше у вас идти». После дополнительного осмотра и вопросов призывника отправили в дурдом, где он пролежал недели две. А потом на консилиуме Петр сказал врачам: «Так, ребята, давайте договоримся, дурака из меня делать нечего, и прошу там не шептаться! Мне что? Автомат, одеть меня по полной форме, в армию срочно стрелять учиться, защищать нашу с вами родину». В результате из 20 человек двоих комиссовали – одного совсем дурного и Мамонова. Может, и правы доктора были: в 20 лет дать ему в руки «Калашникова»?..

В начале 60-х годов подросток заинтересовался рок-музыкой, играл на гитаре в школьном вокально-инструментальном ансамбле «Экспресс», однако в то время так и не связал свою жизнь с музыкой и в дальнейшем сменил множество самых разных занятий. Среди почетных профессий грузчика, истопника и лифтера в Доме Литфонда Петр небезуспешно освоил и мастерство переводчика. И, кстати, переводил стихи даже с норвежского языка. Ему приписывают знание четырех иностранных языков, хотя институт Мамонов так и не закончил.

В начале 80-х годов Мамонов снова вернулся к рок-н-роллу. Всю жизнь он писал стихи, а с 1980 года – песни. И создал ансамбль. В него входили, кроме самого Петра (вокал, гитара), его брат Алексей (он играл на ударных, а затем освоил гитару), школьный приятель Александр Липницкий, пианист и

аранжировщик Павел Хотин (в то время известный как Пабло Менгес). Некоторое время с ними играл живший тогда в Москве ленинградский художник-концептуалист и музыкант Сергей Бугаев по прозвищу Африка.

Название ансамбля – «Звуки Му» – по преданию, восходило к фразе «звуки московских улиц», хотя определенную роль в этом выборе, вероятно, сыграло и название знаменитого фильма «Звуки музыки».

Дебют музыкантов состоялся в школе, где некогда учился Мамонов. Участие в этом концерте приняли «Браво», Сергей Рыженко («Последний шанс»), Василий Шумов («Центр») и ряд других московских и ленинградских музыкантов. Получился небольшой, но насыщенный событиями мини-фестиваль, после которого группа на полтора года ушла в подполье. (Как известно, в те годы коммунистические идеологи не поощряли «буржуазные» стили музыки). «Звуки Му» дали затем несколько квартирных концертов, наделавших немало шума среди московских любителей рок-н-ролла.

В апреле 1985 года ансамбль прошел прослушивание в Доме самодеятельного творчества и легализовавшись ребята стали членами Московской рок-лаборатории. Осенью того же года состав группы пополнили Александр «Фагот» Александров (фагот), который в конце 70-х годов играл с «Аквариумом», и Михаил Жуков, известный по работе во многих экспериментально-джазовых проектах. Ребята регулярно выступали в Москве и других городах и выглядели убедительно и интересно на фоне знаменитых в то время ансамблей «Кино», «Аквариум», «Алиса» и др. В середине 80-х годов группа записала ряд магнитофонных альбомов, изданных лишь десятилетие спустя. Первый альбом назывался «П. Мамонов 1984–1987».

С 1988 года «Звуки Му» начали выезжать за рубеж. Весной того же года они выступили на фестивале альтернативной культуры “Hungaro Carrot” в Будапеште, позднее в этом же году сыграли на фестивале “Marchewka” в Варшаве и дали серию концертов в Италии. На необычную по стилю группу обратил внимание известный британский музыкант и продюсер Брайан Ино, в то время открывший собственный лейбл OPAL RECORDS и искавший для него нетрадиционно мыслящих музыкантов. Англичанин выступил продюсером в дебютном альбоме «Звуков», вышедшем в Британии в начале 1989 года и удостоившемся серии одобрительных рецензий и откликов музыкальной прессы. Группа побывала на гастролях в английских городах, однако в конце того же года под давлением все нараставших разногласий между Мамоновым и Липницким объявила о прекращении своего

существования.

Кстати, в Британии с Петром и его ребятами произошла любопытная история, о которой он поведал в интервью в Израиле в 2001 году. Во время английских гастролей их поселили в доме младшего брата продюсера Брайана Ино – Роджера, который в то время был на гастролях в Португалии. Ребята обнаружили у него в холодильнике джин, виски и другие напитки. Посчитав их дорогостоящими, трогать не стали. Зато в шкафу нашли бутылок сорок вина, сложенных на боку и покрытых пылью. Вот их-то они и выпили. А оказалось, что это была коллекция – Роджер привозил из каждой страны по бутылочке двадцатилетней давности… К счастью, коллекционер был человеком с юмором, все понял, и никаких обид особенных не возникло, хотя сначала, конечно, он весь побелел от такой потери.

Последнее выступление «Звуков Му» состоялось в октябре 1989 года на очередном фестивале Рок-лаборатории, после чего пути ребят разошлись.

Мамонов, который еще в середине 80-х годов принимал участие в съемках документальной ленты “How Do You Do?” на ЦСДФ, в 1988 году снялся в фильме «Игла» Рашида Нугманова. Здесь он сыграл главного отрицательного персонажа, оппонента Виктора Цоя. В картине «Такси-блюз» Павла Лунгина героем Петра стал бывший музыкант Селиверстов. За эту роль актер был отмечен на Каннском кинофестивале 1990 года.

В том же году состоялось возвращение Мамонова в рок-н-ролл: он воссоединился с братом в новой группе «Мамонов и Алексей», которая отразила интерес Петра к минимализму и современным музыкальным технологиям.

Они сделали совместную программу с бывшим лидером «Центра» Василием Шумовым и несколько раз показали ее в Москве и Ленинграде.

В 1993 году Петр Николаевич поверг всю московскую богему в изумление. Он построил в деревне Ревякино Калужской области одноэтажный сельский дом с банькой и перебрался туда вместе с женой Ольгой, детьми, дюжиной кошек и автомобилем «мерседес-126» 1980 года выпуска. Здесь же чудак-музыкант оборудовал студию звукозаписи, которую ему подарил продюсер Брайан Ино. К Мамонову стали ездить паломники, но он пускал к себе далеко не всех. О причине такого неординарного поступка Петр рассказывал следующее: «…Я годам к 40 с лишним оказался в полном тупике, мне стало незачем жить. Всех человеческих устремлений к тому времени я достиг. Я говорю не о количестве денег, а о работе, семье, доме. Но стало незачем, скучно жить. И кайфы не помогли. Обкуривался, опивался и упирался в стенку.

Для тупых или “спящих” это, может, и нормально. Для меня оказалось пустотой…» Теперь он считает, что живет самой «продвинутой» жизнью: у него настоящий рубленый дом, он сам рубит дрова, топит баню. Петр не идеализирует деревню, но считает, что там более простые отношения между людьми, потому что «где денег меньше, там чище».

Музыкант продолжал записывать с ребятами диски, писать стихи. Сидя в своем домике под Вереей и аккомпанируя себе на «Ямахе», он пел, например:

Мы идем по Уругваю.
Ночь, хоть выколи глаза.
Слышны крики «Раздевают!»,
Обезьяньи голоса…

Кроме того, Мамонов стал сочинять моноспектакли. Еще в начале 90-х годов он сыграл главную роль в пьесе «Лысый брюнет», написанной специально для него и поставленной в Московском драматическом театре им. К. С. Станиславского. Для участия в этом спектакле Петр снова собрал группу, к которой присоединились бас-гитарист Евгений Казанцев и барабанщик Юрий Кистенев.

Новый состав гастролировал с театром, выступая также с концертами, в которых исполнялся как современный материал, так и хиты «Звуков Му», что и возродило популярность ансамбля. Ребята в 90-х годах записали альбомы «Транснадежность», «Мамонов и Алексей», «Крым», «Грубый закат», «Жизнь амфибий как она есть», «Простые Вещи», «Инструментальные Вариации», «Легенды Русского Рока», «Шкура Неубитого» и др.

Петр играл также в пьесе «Полковнику никто не пишет» по Маркесу. Потом был спектакль «Есть ли жизнь на Марсе?» по чеховскому водевилю «Предложение». Как он сам говорил в Клеве: «Сидел я полтора года в тишине и этот спектакль думал. Вещь вроде бешеная, но она в чистоте родилась. Не знаю уж, насколько чист родитель, но роддом был идеальный». За эту работу Мамонову вручили высшую театральную премию России – «Золотую маску».

Еще одно театральное сочинение Петра – «Шоколадный Пушкин», где он не просто в который раз поразил потрясающей, прямо-таки исповедальной искренностью, но и много пел – баллады из альбомов «Мыши-2002» и «Зелененький». Это была адаптация для клубной и театральной сцены старых песен «Звуков Му».

В афише «Шоколадного Пушкина» стояло: «Мэтры

сюрреализма Петр Мамонов и Сальвадор Дали». «При чем здесь сюрреализм?» – спрашивали актера. «Совершенно ни при чем, – невозмутимо пояснял он. – И вообще все эти образы так называемые – никакие не образы, это я сам, я так живу, так существую. Знаете, с самим собой очень трудно жить. Если по-честному. Никак не получается. А когда получается, вдруг – прямо свет в душе. Это самое главное».

Во всех спектаклях герой Мамонова – одиночка, асоциальный тип со странностями, юродивый, городской сумасшедший. Он циничен и в то же время пронзителен и никогда не говорит серьезно о серьезном.

В «Шоколадном Пушкине» этот шут одному ему известного королевства пел а капелла, пытался перекричать звучащий со старой пластинки голос тенора, читал белые стихи под монотонный бит и играл смычком на электрогитаре. Получался и не концерт, и не спектакль, а некая мистерия.

Затем Мамонов объединился с группой «Свои 2000» (Сергей Лобан и Марина Потапова) и создал рок-балет «Мыши, мальчик Кай и Снежная королева». Именно рок-балетом назвал свой перформанс Петр Николаевич. Понять его концептуально-бессознательные шедевры, как и ответить на вопрос, о чем это, тяжело. «Мыши – это мысли, которые обитают в голове. Многочисленные коты их едят», – пояснял непонятливым журналистам автор.

Это первый спектакль, где актер был на сцене не один. Кроме него, здесь играли трое непрофессиональных артистов – лысая танцовщица в серебристом латексе на лыжах, глухой мальчик с треснувшим яйцом вместо головы, который играет сам с собой в шахматы, и врач-гастроэнтеролог. По мнению критиков, пластика Петра Николаевича напоминала предсмертные судороги жирафа. На протяжении всей пьесы звучало немало «перлов». К примеру, в одной из сцен Мамонов складывался на полу и произносил: «Я такой дядечка особенный, много-много лет пролежал в пыли, так что трясти меня не надо…» В другой раз он восклицал: «Я б уехал бы в Вайоминг, но это был бы не Мамонинг…»

Музыкальная часть действа была оформлена произведениями самого маэстро из альбомов «Мыши-2002» и «Зелененький». Каждая звучащая песня представляла определенную сцену спектакля. По опросу сайта Guruken.Ru, Петра Мамонова назвали лучшим рок-исполнителем 2004 года.

Сейчас сын Петра Николаевича, Иван, начал съемки отца на видео. «Это не фильм, это мы шоу будем делать, – говорит Мамонов. – Мне без группы надоело, а людей как-то не встречается. И я решил, я буду вживую петь и еще двух себя

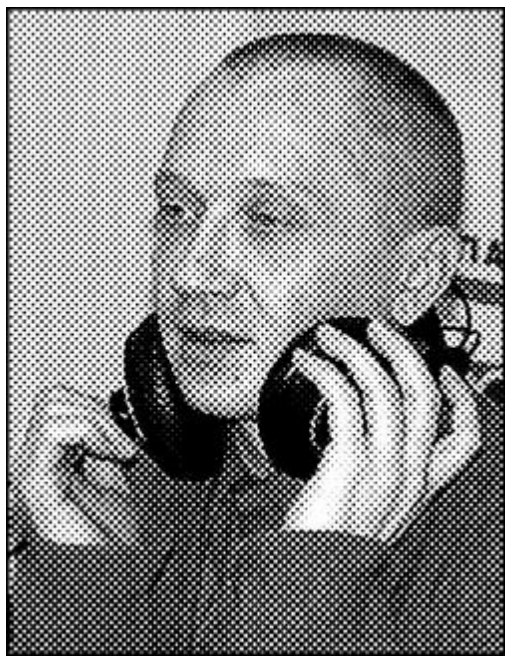
сниму и по сторонам поставлю. Вот группа из трех человек. А сейчас мы снимаем фон для этого. Хотим на фоне природы. Но это Ивана дело. А мое дело – снять человечка, который играет. Интересно, когда природа или что-то отснятое перестает быть тем, что ты отснял. А вдруг таинственным образом переходит в нечто другое. И это нечто другое не требует названия, а просто клево смотреть на это».

Петр Мамонов выпустил новый альбом «Сказки братьев Гримм» и теперь занят подготовкой шоу по мотивам этой записи. А недавно состоялась премьера фильма «Пыль» режиссера Сергея Лобана, в котором чудаковатый актер сыграл одну из ролей.

Оценивая творчество актера, его близкий друг – музыкальный критик Артемий Троицкий – назвал Мамонова «русской народной галлюцинацией». Он – то возникает ниоткуда, то исчезает в никуда. Никогда нельзя сказать, сможет ли спектакль повториться. А сам Петр Николаевич говорит о себе: «Я клоун, и это хорошо, что я это осознаю и люблю в себе. И вот мое предназначение. Никакой я не серьезный актер, я клоун, который может веселить людей. Может, печальный клоун… Я думаю только о том, как бы мою жизнь почистить, чтобы Бог пробыл подольше во мне. Чтобы Он не погнушался этого мерзкого сосуда, которым я являюсь…»

МАМЫШЕВ МОНРО ОРЛО ВЛАДИСЛАВ ЮРЬЕВИЧ КОРОЛЕВИЧ

(род. в 1969 г.)

Художник-трансвестит Владислав Мамышев считается художественным феноменом и особым случаем в истории искусства, который уже успел обрасти легендами. Этот друг Тимура Новикова, Бориса Гребенщикова, Сергея Курехина и прочей питерской компании на заре перестройки объездил мир в образе… Мерилин Монро. Позже он менял обличья, как перчатки, удивительно легко перевоплощаясь в разных исторических и литературных персонажей. Поскольку художественные работы и инсталляции Владислава как нельзя лучше вписались в конъюнктуру времени, он на волне успеха укатил на Запад, где выставлялся в самых крупных и престижных залах и познакомился со многими западными звездами – от Дэвида Боуи до Брайана Ино и от Эндрю Логана до "Pet Shop Boys". Для Мамышева трансвестизм является художественным средством, помогающим познать себя через образы разных людей. И наконец, небольшое уточнение: имя, указанное в начале статьи, уже не является псевдонимом. Оно

действительно значится в паспорте питерского художника…

Родился Владислав Мамышев 12 октября 1969 года в Ленинграде. Собственно, имя свое он получил в честь командира космического корабля, находившегося тогда на орбите, – Владислава Волкова. Но при посадке произошла разгерметизация, и все трое космонавтов погибли… На вопрос, кем он мечтал стать в детстве, художник отвечает: «Трансвеститом из космоса». А пока, по мере взросления, ассоциировал себя с такими литературными персонажами, как Колобок, Татьяна Ларина и Иуда Искариот. И жалел, что не родился в эпоху правления Людовика XIV (это любимый временной отрезок художника), автора знаменитого высказывания: «После нас – хоть потоп!» Именно там – глубоко в прошлом – Мамышев наиболее уютно чувствует себя до сих пор, «мысленно или при помощи всяких подручных средств перемещаясь в пространстве и во времени».

О своей семье и детских годах Владислав рассказывает много и охотно. Однако при этом во многие его россказни не верит никто; уж слишком богатая у художника фантазия, он и сам в ней подчас тонет, переставая различать вымысел и реальность… Рассуждая, откуда же у него взялся дар перевоплощения и потрясающая мимикрия, Мамышев часто вспоминает свою любимую прабабушку. Оказывается, эта женщина, пытавшаяся воспитать в правнуке религиозность, была… очень известной на Волге колдуньей, излечившей от различных недугов огромное количество людей. Мать мальчика, партработник, воспитывала сына в духе «высокой коммунистической морали». Что из этого вышло – вы видели сами. Как говорится: «Что выросло, то выросло…» А ведь в течение нескольких лет, будучи подростком, Мамышев всерьез собирался делать карьеру партийного работника…

В школе Владислав старался найти для себя наибольший по воздействию символ, в результате чего… намертво прикипел к образу Гитлера… Это нездоровое увлечение стало причиной того, что на свет появилось «Дело ученика 9-го класса средней школы № 27 Владислава Мамышева по кличке Гитлер, предводителя неофашистской молодежной организации Василеостровского района». Сотрудники КГБ, заинтересовавшиеся нездоровым увлечением подростка, инкриминировали ему организацию фашистских сборищ, шествий со штандартами и автоматами по Невскому проспекту в окружении «двойников» Геббельса, Гиммлера, Геринга и прочих на 9 мая и т. д. Сам Владислав утверждает, что ничего этого не было и в помине, а было лишь чересчур живое воображение людей из Комитета Безопасности и

письмо родителей одноклассника, к которому прилагались фотографии Мамышева в образе Гитлера и его рисунки – портреты фюрера анфас и профиль. По словам художника, столь целенаправленная работа над ярким историческим образом была неосознанной. Так сказать, чисто художественное увлечение, полное находок и откровений… Но на подобные заверения подростка майор КГБ Соболев реагировал не так, как ожидал Владик. «Подключение к субъекту» Гитлера, проникновение в его сущность окружающим явно не нравилось. Но Мамышев не может утверждать, что хотел этого или мог это не делать. «Все происходило независимо от моего желания, словно важное задание, которое не обдумывают. Задание, данное Богом? Гитлером? Шизофренией? Это не важно, главное, что я его выполнил…» – поясняет художник. «Дело» новоявленного фюрера через год закрыли. А поскольку мать-партийка просила не исключать Владислава из комсомола, парня исключили из школы. Так что пришлось ему отправляться на завод – осваивать профессию слесаря. Но, как показало время, из этой идеи «воспитания трудом» ничего хорошего не могло получиться априори. Правда, к тому времени Гитлером он уже отболел, зато успел «подцепить» другую «хворь»…

Однажды в школе учительница показала классу фотографию Мэрилин Монро и рассказала о судьбе американской актрисы. С того самого момента Мамышев решил, что не любит никого, кроме этой звезды экрана. Монро настолько завладела мыслями мальчишки, что это стало слишком бросаться в глаза. В то время (1986–1987) в прокате как раз появился фильм «В джазе только девушки». Он шел во всех кинотеатрах одновременно либо по очереди. Так вот, для того чтобы в очередной раз полюбоваться на Монро, Мамышев все чаще сбегал в кинотеатр, забросив учебу, работу. Тогда мать будущего художника решила обратиться за помощью к психиатру… Сам же Владислав утверждает, что именно тогда и произошло «включение сигнала Монро в действие моей конкретной функции, и доктрина Монро заработала, что вызвало начало перестройки в СССР». Его интересовал в этой женщине не секс. «Иногда я думал, что это – мама моя, иногда, что бог мой. Дела важнее Монро перестали для меня существовать», – пояснял Владислав. Будущий художник постоянно рыскал по разным библиотекам, надеясь отыскать хоть какую-то информацию об актрисе, внезапно ставшей для него смыслом жизни. То, что не удавалось взять домой, он просто похищал. Не угомонился Мамышев даже после скандала в Публичной библиотеке: одна из служащих застукала его за вырезанием из газет; сведения о происшествии предоставила

читателям городская газета «Смена». В статье Владислава обозвали «гнусным вором-панком с овечьим, бессмысленным выражением на лице». Но ничто не могло вразумить чудака.

Итак, к 1984 году Владислав закончил среднюю художественную школу № 10, ав 1986 успел попрощаться с литературной школой № 27, где будущая знаменитость числилась в классе Вениамина Каверина. Завершив, таким образом, свое образование, Мамышев начал принимать участие в выставках группы «Новые художники».

В 1987 году Мамышев «загремел» в армию; в течение двух лет он поменял три воинские части на Байконуре и наконец попал в детский клуб в качестве художника и руководителя. Но уже в 1989 году Владислава отправили в госпиталь с диагнозом «психопатология на сексуальной почве». После выписки оттуда Мамышева признали непригодным к службе, и он получил возможность вернуться домой. А причиной всему стал случай в клубе. Тогда Мамышев, ободрав всех подвернувшихся под руку кукол-блондинок (клуб-то был детский!), соорудил парик, подобрал костюм и «нарисовал» на своем лице… все ту же Мэрилин Монро. Затем он позвонил знакомому фотографу и попросил его запечатлеть «для истории» данные кадры. Владислав говорит, что жизнь давно подталкивала его к перевоплощению в женщину, и поэтому, когда настало время, он выбрал самую любимую из них. Но фотографии попались на глаза замполиту части… К тому времени «всплыл» также написанный Мамышевым портрет Горбачева в облике индийской женщины (в сари и с красной точкой-тикой на лбу). Начальство сразу же «обрадовало» провинившегося, что дело пахнет керосином: дальше будет либо особый отдел, либо психушка. Командование выбрало в отношении Владислава второй вариант решения проблемы, и толстый том нового «дела» Мамышева перекочевал в психиатрическое отделение военного госпиталя. А там уже врачи решили, что рядовой со столь странными замашками к дальнейшей службе не пригоден. Интересно, что до своего внепланового дембеля Владислав успел приступить к постановке спектакля «Золушка». Что могло у него получиться – судить можно хотя бы по тому, что все женские роли у постановщика-«новатора» играли мужчины, а раздумья главной героини в момент, когда начинают бить часы, звучали так:

Бьют часы, ядрена мать,
Надо с бала мне бежать!

Комментарии, как говорится, излишни… Образ американской

актрисы, похоже, намертво «въелся» в личность самого Мамышева. Он, кстати, считает явление Мэрилин Монро в американской массовой культуре США «явлением белого голубя, почти библейского». Ведь, рассуждая об этой удивительной женщине, ее почему-то часто называют ангелом, несмотря на всю сексуальную подоплеку образа; за Мэрилин прочно закрепился ореол великомученицы, святой, в итоге покончившей жизнь самоубийством или убитой по приказу президента, – этот вопрос не выяснен до сих пор. Владислав считает, что его «попадание точно в образ» актрисы связано исключительно с волей Провидения…

Вернувшись из армии, Мамышев на следующий же день получил предложение сняться с ансамблем «Поп-механика» на киностудии «Ленфильм» для фильма режиссера Олега Телепцова. Помощника режиссера просто привлекла колоритная внешность чудака, одетого в стиле «из дедушкиного сундука». А после того как парень появился на публике в «Поп-механике» в образе Мэрилин Монро, к нему домой заявилась толпа французских корреспондентов. Газетчики сделали немало интересных снимков и взяли у оригинала пространное интервью. Очень быстро Владислав стал известным художником, актером, певцом и писателем. Известность, конечно, импонировала Мамышеву, но, поскольку ему в угоду толпе приходилось воплощать «столько нелепых теток», художника едва окончательно не засосала «трясина трансвестизма». В жизни же вне сцены он продолжал исследовать феномен своего субъективизма и в итоге организовал кафедру «Монрологии» при Московской свободной академии. Результатом исследований для Мамышева стала историко-философская работа «Вовсе то не солнышко встает, – это монрология в гости к вам идет», написанная в жанре эксцентрической диссертации.

В Ленинграде молодой человек познакомился с Тимуром Новиковым, и они вместе в 1989 году основали независимую телекомпанию «Пиратское телевидение». Спонтанно же сложившийся сериал «Смерть замечательных людей» стал последним толчком к осознанию художником своей «всевмещаемости». Кстати, сценарии для нового проекта писал Владислав. Он же исполнял практически все роли. Спустя год Мамышев ввязался в новое дело и вместе С. Бугаевым (Африкой) принял участие в создании «научного журнала Кабинет».

В 1995 году москвичи и гости столицы по милости Мамышева испытали настоящий шок: на одной из центральных улиц столицы, на Якиманке, напротив посольства Франции появилась своеобразная выставка баннеров. На них был изображен

Владислав, перевоплотившийся в различных исторических персонажей – от Христа до Монро. Правда, через три дня мэр города Лужков позаботился о том, чтобы портрет Гитлера все же исчез с улицы; прочие же «персоны» провисели на своих местах в течение всего следующего года.

С 1991 по 2002 год ФСБ, без объяснения причин, отказывало Владиславу в выдаче загранпаспорта. Тот по-прежнему продолжал свою серию перевоплощений; причем новыми «ипостасями» художника были не только исторические, но и мифологические персонажи. Мамышев сотрудничал уже практически со всеми актуальными галереями и институциями Москвы и Петербурга, но… Он начал сильно пить и находился в том состоянии, когда человек бодро и уверенно топает по направлению диагноза «хронический алкоголизм». Среди карнавально-эзотерических проектов тех лет особо удачными были признаны «Русские вопросы», созданные по заказу государственного Русского музея в 1997 году, и «Любовь Орлова» (галерея Марата Гельмана, 1999 г.). Картины же, которые Владислав писал в 90-х годах в традиционной форме (холст/масло), как-то незаметно исчезали в мировых музеях… Долгое время художник к этой стороне творчества не возвращался, предпочитая заниматься фотографией и видео, а затем, когда вернулась мода на холст, он вновь взялся за кисти.

Безысходность невыездного положения в конце концов привела к тому, что Владислав к 2001 году практически совсем спился. Тут бы и пришлось ему распрощаться со своей скандальной карьерой, если бы не арткуратор Татьяна Амешина. Решительная дама взялась за художника всерьез и смогла вернуть его к нормальной жизни.

В итоге Мамышев женился на Татьяне, а уже в 2002 году получил вожделенный загранпаспорт. Хотя нужен был этот документ художнику исключительно для того, чтобы представить свои работы за рубежом: уезжать из России надолго Монро не хочет. И тем более не собирается перекочевать куда-нибудь на ПМЖ; его, как говорится, и тут неплохо кормят… Последние проекты Владислава, «Достоевский в Баден-Бадене», «Актуальная мобилография», «Немое кино, или Рак сердца» и «Женщина как она есть», пользовались шумным успехом. Иногда даже кажется, что этот художник достиг уже такого предклассического состояния, когда любой креатив его изготовления воспринимается публикой с априорным восторгом. Об этом же свидетельствовала персональная выставка Мамышева-Монро “STARZ” (фотография), прошедшая с 28 июня по 15 июля 2005 года в Петербурге и Москве в галереях «Д137» и “XL”. Этот же

проект был впервые представлен в начале того же года в рамках Первой Московской международной Биеннале современного искусства. Здесь можно было увидеть фотоработы, на которых Мамышев перевоплотился в «Тутанхамона», Мону Лизу, Аллу Пугачеву, Папу Римского… Там же находилась и новая картина художника, на которой изображена Элизабет Тэйлор в образе Клеопатры и замахивающаяся на нее бутылкой Мэрилин Монро. Особый интерес вызвали кадры легендарного проекта с переодеванием (например, новая версия Гитлера); Сергей Хачатуров, давая оценку увиденному, сказал: «Владислав Мамышев-Монро… будучи выдающимся лицедеем, спародировал всю глупость «старского» имиджа в костюмных фотографиях звезд и идолов масс-культуры на открыточном фоне с кремлевскими башнями и рубиновыми на них же звездами».

На телевидении Мамышев работает по-прежнему. Теперь он ведет «Розовый блок» телепрограммы Артемия Троицкого «Признаки жизни». Монро говорит, что может сравнивать себя с Бенни Хиллом, «который был настолько гениален, что уже не мог общаться с окружающими»… Мол, поэтому-то комик и переругался со всеми, даже с прислугой, остался один, начал сильно пить и умер. Да уж, от чего точно не грозит умереть самому Владиславу – так это от скромности, благо ее избытка у художника явно не наблюдается…

В настоящее время Владислав по-прежнему кочует из Петербурга в Москву и обратно. Правда, чудак говорит, что на его творчество Питер больше никак не влияет, – а то бы он, мол, «давно лежал бы в матери сырой земле»… «Стараюсь дистанцироваться на данном этапе от своей любимой Родины, ожидая более комфортабельных времен, и искренне восхищаясь победоносным героизмом Тимура Новикова, к коему, по возрастным соображениям, пока сам не готов», – сообщает Монро. И тем не менее, в холодильнике художника постоянно хранится оригинальная вещь: горсть питерской земли…

Вообще, Монро – натура артистическая, одаренная, легкая в общении и абсолютно безответственная. Ему ничего не стоит, например, пропасть на неопределенный срок, напиться вдребезги (еще и выкурить что-то недозволенное) в VTP-ложе на премьере балета в Большом театре, а потом дурным голосом орать на весь зал песню. А то и вообще… сжечь квартиру знакомых, у которых остановился. При этом, глядя на пепелище, в которое превратилась роскошная жилплощадь, Владислав не испытывал ни малейших угрызений совести; подумаешь, пожар, он тут экспериментировал, опыты ставил – вот что ценно. А ремонт, мебель, вещи… Боже мой, какая мелочь! И что самое

непостижимое – ему все сходит с рук…

Свою собственную квартиру Монро продал. Как говорит, для того, чтобы иметь возможность красиво ухаживать за некоей особой в надежде зажечь в ней ответное чувство. Но, видимо, пиротехник из Владислава никудышный: без жилья-то он остался, но предмет страсти так и не покорил. Так что теперь художник слоняется по знакомым, а иногда просто бомжует и бессовестно стреляет деньги у знакомых (и не очень!) граждан. При этом постоянно бездомный и безденежный Мамышев, мечтающий жить в замке и походить на римского императора, никогда не выходит из образа модника-эстета, продолжая оставаться украшением богемных вечеринок и вернисажей. Что же касается собственности, то она, похоже, просто мешает художнику жить; по сей причине он всегда старается как можно быстрее избавиться от всего «лишнего». Свои собственные работы он творит походя, легко и будто бы из ничего. Обычно все, что ему нужно, – это сцена ночного клуба или объектив камеры, средства для макияжа и костюм. При помощи столь скромного набора в течение 10 лет Владислав успел побывать Мэрилин Монро, Гитлером, Екатериной Второй, Христом, Буддой, Наполеоном, Людовиком XIV, Лениным, Аленушкой, Иваном-царевичем, Штирлицем, Майклом Джексоном, Чарли Чаплином, Дракулой, Достоевским, Бен Ладеном и еще несколькими десятками лиц. Подобные перевоплощения, по словам самого художника, даром не проходят. Его преследует какой-то рок: в том случае, если создаваемый образ оказался особо удачным, в жизни художника начинают происходить какие-то мистические события, связанные именно с данной персоной.

Периодически Владислав подшучивает над приятелями и знакомыми – когда специально, когда случайно, – порой вгоняя жертв розыгрышей в самый настоящий шок. Так, например, его приятель Розанов еще долго не мог успокоиться после одного случая. Монро долго жил у него и, если честно, порядком надоел гостеприимному хозяину. Так что после того как Розанову наконец удалось выставить Мамышева за дверь, он решил отметить это знаменательное событие и напился до розовых слонов. Как счастливый квартиросъемщик попал в свои апартаменты – загадка природы. Однако, придя в себя, Розанов обнаружил, что благополучно валяется на родном диване и чувствует себя премерзко. Казалось, хуже просто не может быть. Однако, как выяснилось, может… У дивана на полу хозяин квартиры увидел не подающую признаков жизни… Аллу Пугачеву. Розанов получил сильнейший шок: как примадонна попала к нему домой и что он с ней сделал?! И вообще, что же

теперь будет?!! Но тут «примадонна» продрала глаза и… оказалась Монро, который в последний момент передумал уезжать в Питер, от души отметил это свое решение и среди ночи завалился к Розанову в квартиру – благо ключи были. А вот смыть грим и раздеться у него не хватило сил; Владик просто свалился на пол и заснул. А утром узнал, что едва не довел знакомого до психбольницы… Кстати, Пугачева в свое время стала для Мамышева учителем грима, и он, как показало время, прекрасно усвоил преподанные уроки. Искусство профессионального мейк-апа Владислав постиг легко и быстро, что не удивительно для художника, который еще со времени обучения в художественной школе воспринимал свое лицо как белый лист бумаги. Теперь он накладывает грим в зависимости от внутреннего ощущения: иногда тщательно «рисует» новое лицо, а иногда… Пара мазков по щекам – и перед публикой возникает новый герой, внезапно «проявившийся» на лице Владислава. Художник по поводу той легкости, с которой он превращается в другого человека, говорит, что просто следует своей собственной задаче – поместить в себя вселенную, вобрав самые кричащие, самые эгоцентричные образы человечества.

В 1997 году к Монро обратился заведующий отделом новейших течений Русского музея Александр Давидович Боровский. Он сказал, что неплохо было бы через месяц сделать выставку работ Владислава. Тот согласился сразу же. Дело в том, что Мамышев, в отличие от других художников, выставки готовит очень быстро, поскольку сомнениями не мучится. Для себя он раз и навсегда решил: все работы создаются исключительно на заказ и в соответствии с требованиями заказчика. А раз так, стоило для начала определить круг вопросов, понятных каждому потенциальному посетителю Русского музея. Так появились «Куда смотрит милиция?», «Выходит ли у тебя, Данила, каменный цветок?», «Откуда дровишки?» и тому подобные работы. Они, собственно, и составили экспозицию «Русские вопросы».

В 1999 году Мамышев благодаря поддержке галереи Марата Гельмана осуществил один из своих грандиознейших проектов. Он создал фотолетопись жизни звезды советского экрана Любови Петровны Орловой; при этом на всех фотографиях запечатлена не сама актриса, а Владислав, принявший ее облик. Работы художника охватили период с середины 30-х годов XX века до самой смерти актрисы. На очень многих фотографиях Монро и правда удивительно похож на Орлову, а на некоторых – нет. Где-то чудак просто проиллюстрировал вполне реальные сюжеты из творческой биографии звезды, а где-то – отпустил на волю свою фантазию. Он пытался показать то, что происходило за кулисами

большого экрана, чего не знал советский зритель. Жизненный путь звезды автор проследил до конца; среди фоторабот есть даже та, где Орлова лежит на смертном одре, а близкие прощаются с ней… Как бы там ни было, фотолетопись получилась удивительно интересной, к тому же сама «Любовь Петровна» время от времени мелькала в толпе, общалась с журналистами и публикой. И для зрителей, пожалуй, важным было это: бесшабашная, фривольная, травестийная, провокативная игра Монро в Орлову. Недаром журналисты когда-то назвали Владислава «Божьим клоуном»; он действительно играет абсолютно по-детски, просто так, без дальнего умысла. Может, по этой причине и результат получается столь впечатляющим?

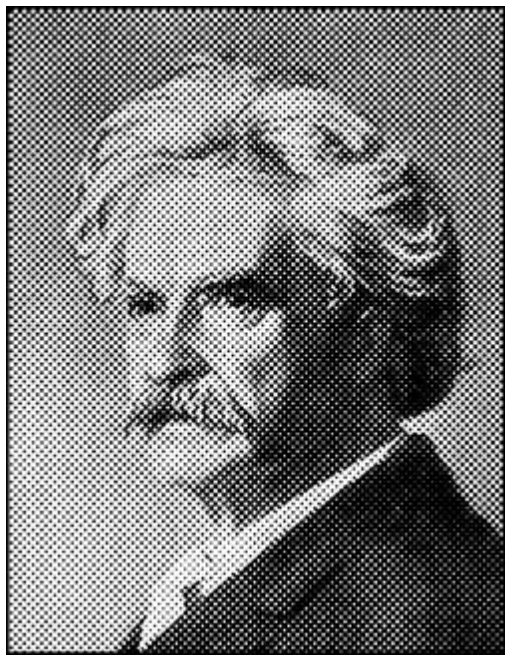
Сегодня Мамышев-Монро занят подготовкой работ для новой выставки, которая будет проходить в музее-заповеднике Московский Кремль. Теперь Владислава привлекает голография; он говорит, что ученые еще совсем недавно утверждали, что делать такие портреты с живых людей – занятие небезопасное, поскольку в голографической реальности могут происходить какие-то самостоятельные, не зависящие от нас процессы. Такие «ужасы» лишь сильнее подстегнули интерес Мамышева к данной технике. Он собирается представить на суд зрителей 12 работ. Пока известно, что это будут портреты Тутанхамона, Венеры Милосской, Иисуса Христа, Моны Лизы, Шекспира, Людовика XIV, Екатерины II, Наполеона, Будды. Как видим, три места пока остаются вакантными. Подобрать персонажи для голографических работ непросто: Владислав хочет отобрать только тех лиц, воздействие которых на человечество может длиться тысячелетия…

Владислав часто говорит, что, если бы ему не удалось стать художником, он избрал бы поприще банщика или… классного руководителя выпускных классов средней школы. И если с первой профессией в общем-то все ясно, то со второй… Хотите проверить, богатое ли у вас воображение? Тогда попробуйте представить себе Королевича Монро Орло в роли классного руководителя своего ребенка… Добавлять тут, скорее всего, ничего не нужно. Чего же не хватает чудаку в жизни? Оказывается, самой малости: «свободного от комплексов и предрассудков общения с молодежью, моряками и солдатами»… И вообще, Мамышев свято верит какой-то колдунье, сообщившей его дальнейшую жизненную программу. Мол, живи расслабленно и просто жди своего часа, когда появится по-настоящему серьезная работа. Вот Владислав и развлекается искусством в свое удовольствие, ожидая, когда, наконец, для него пробьет час великих свершений…

МАРК ТВЕН

Настоящее имя – Сэмюэл Лэнгхорн Клеменс

(род. в 1835 г. – ум. в 1910 г.)

Известный американский писатель, доктор литературы Оксфордского университета (1907).

Сэмюэл Лэнгхорн родился 30 ноября 1835 года во Флориде (США, штат Миссури). Вообще, у Джона и Джейн Клеменс было много детей, но все они умирали в раннем младенчестве; из всех своих отпрысков чете удалось вырастить только четверых малышей. Сэм стал третьим из них. Когда будущий писатель немного подрос, Клеменсы покинули родной город и перебрались в Ганнибал (штат Миссури), пытаясь лучше устроить свою жизнь. Именно Ганнибал и его жители позднее были описаны Твеном в его знаменитых произведениях (в частности, стоит упомянуть тут «Приключения Тома Сойера», вышедшие в 1876 году).

Но перемена места не принесла радости Клеменсам. В 1847 году внезапно скончался отец семейства, оставив после себя многочисленные долги. Старший брат Сэма, Орайон, решил

поправить дело, основав собственную газету. Будущий же писатель начал помогать ему, став для начала учеником наборщика, а затем взяв на себя обязанности типографа. Кроме того, он периодически брался за перо, когда назревала необходимость срочно состряпать статью. Интересно, что именно Сэм стал автором наиболее спорных и живых заметок, напечатанных в данном издании. Правда, обычно они выходили в момент отсутствия Орайона… Ранние публикации Клеменса (он начал постоянно печататься с 17 лет) свидетельствовали в основном о хорошем знании грубоватого юмора американской глубинки. При этом с самого начала было ясно: газетные публикации молодого автора несут на себе черты художественного очерка. Клеменс, несмотря на свой острый язык, журналистом в полном понимании слова не был: он быстро уставал от репортажа и терял к нему интерес, если предоставленный материал не располагал к юмору. Тогда же, во время работы в газете, Сэм начал иногда выезжать по делам в Сент-Луис и Нью-Йорк. Когда старший из братьев перебрался сначала в Мескатин, а затем в Кеокук (штат Айова), младший, естественно, последовал за ним, каждый раз помогая на новом месте «раскрутить» новое печатное издание.

Казалось, перед молодым человеком более чем явственно маячит карьера журналиста, однако… Клеменс был просто помешан на своей любви к Миссисипи. Так что он решил стать лоцманом на пароходе. В 1857 году молодой человек стал учеником лоцмана, начав, таким образом, воплощать в жизнь свою детскую мечту «познать реку».

Некоторое время он работал рулевым вместе с младшим братом на судне «Пенсильвания». Однажды Сэму приснился странный сон, в котором его брат лежал в железном гробу, установленном на четырех стульях; на груди у него белел букет цветов. О неприятном видении парень рассказал лишь сестре, после чего благополучно забыл о произошедшем. Однако вскоре трагедия стала явью… Поссорившись с капитаном, Клеменс перешел на другое судно; а спустя несколько дней «Пенсильвания» затонула в районе Мемфиса… Тогда погибло более 150 человек, но брата будущего писателя в перечне жертв катастрофы не оказалось. Сэм отыскал его в госпитале Мемфиса и в течение шести дней ухаживал за раненым. Тем не менее, парень скончался в тот момент, когда старший брат задремал от усталости. Открыв глаза, Клеменс увидел картину, пригрезившуюся во сне…

Права по избранной специальности Сэм получил в 1859 году. Согласно его утверждению, именно этой профессии он с

удовольствием посвятил бы всю свою жизнь. Однако действительность поторопилась внести коррективы в планы молодого человека: в 1861 году гражданская война Севера и Юга положила конец частному пароходству, и Клеменсу пришлось срочно искать другое место для приложения собственных сил…

В ополчении Сэм, выступавший, как он писал позднее, не на правой стороне, пробыл недолго. Но воспоминания того времени оказались столь яркими, что Клеменс в 1885 году решил ознакомить с ними читателей. А пока в июле 1861 года молодой человек уехал на Запад – подальше от войны. Тем более что для переезда подвернулся самый что ни на есть удобный случай: Орайону предложили занять должность секретаря губернатора штата Невада, и он, согласившись, прихватил с собой Сэма. В течение двух недель братья глотали дорожную пыль, добираясь дилижансом до шахтерского города Вирджиния (он являлся центром добычи серебра в Неваде).

Собственно, жизнь на Западе окончательно сформировала Клеменса как писателя и легла в основу его второй книги. Оставив надежду снова стать лоцманом, Сэм «переквалифицировался» в шахтеры. К жизни в лагере старателей он привык быстро, но особой удачей похвастать не мог. Наконец, молодой человек понял: пора оставить добычу серебра и заняться чем-то более привычным для себя. Так что место в вирджинской газете “Territorial Enterprise” подвернулось как никогда вовремя. В литературу, таким образом, Сэм пришел поздно: только в 27 лет, в августе 1862 года, он стал профессиональным журналистом. Первые же юморески, вышедшие из-под пера молодого человека, принесли ему известность. Там же в Вирджинии Сэм впервые поставил под собственной статьей подпись «Марк Твен» – псевдоним, под которым ему было суждено войти в историю литературы.

Если верить самому писателю, то данное сочетание слов являлось одним из терминов речной навигации и означало минимальную безопасную глубину, пригодную для прохождения речных судов (364 см или две морских сажени). Но существует и другая версия происхождения этого псевдонима. Возможно, писателю он особо запомнился еще со времени жизни на Западе; слова «марк твен», произнесенные посетителем, только что потребившим двойную порцию виски, давали понять бармену: клиент не собирается расплачиваться сразу, а просит записать заказ на свой счет. Как бы там ни было, Сэмюэла Клеменса мир знает именно как Марка Твена. За всю свою жизнь он лишь однажды воспользовался иным псевдонимом, подписавшись в 1896 году как «господин Луи де Конте».

В мае 1864 года молодой человек перебрался в штат Калифорния, в Сан-Франциско. Он неплохо устроился, сотрудничая одновременно с несколькими местными газетами. А спустя год к Твену пришел литературный успех. «Первой ласточкой» будущей популярности стал юмористический рассказ «Знаменитая скачущая лягушка из Калавераса»; он был перепечатан всеми более-менее крупными газетами страны и вскоре назван «лучшим произведением юмористической литературы, созданным в Америке к этому моменту». Весной 1866 года газета “Sacramento Union” командировала популярного автора на Гавайи. В обязанности Твена входило создание описаний своих дорожных впечатлений и приключений. И автор не разочаровал ни работодателей, ни читателей; его письма ждал оглушительный успех, и в Сан-Франциско Сэм вернулся уже знаменитостью.

Сразу же писатель получил предложение издателя газеты “Alta California”, полковника Джона Маккомба, отправиться в трехмесячное турне по штату – читать юмористические лекции о Гавайях. Твен, естественно, согласился. Ведь перед ним открылась великолепная возможность эксперимента! Писатель искал новые, более разнообразные формы выражения, тщательно рассчитывал паузы, стараясь добиться точного соответствия изначальной идеи и конечного результата. Он неизменно собирал полные залы публики, которую с видимым удовольствием развлекал, получая с каждого посетителя лекции по доллару. Но сам Сэм, похоже, мечтал о другой популярности. Ведь покуда он был известен именно как журналист, репортер. А Твен во что бы то ни стало хотел получить признание как писатель…

Воодушевленный бешеным наплывом публики, Сэм уговорил Маккомба спонсировать его поездку на Средний Восток и в Европу. По ходу средиземноморского круиза на пароходе «Квакер-Сити» он отсылал в газету письма, которые сразу же шли в печать. Собственно, эти заметки и легли в основу книги Твена «Простаки за границей». К созданию этого произведения писатель приступил сразу же после возвращения на родину. Тогда же Твен познакомился с Ч. Лэнгдоном из Элмайра (штат Нью-Йорк). «Простаки…», в которых определился крайне простой лейтмотив творчества писателя – путешествие в пространстве, вышли из печати в 1869 году. Стиль и принцип, обоснованные самим маршрутом поездки, сохранились также в книгах «Закаленные» («Налегке», 1872), «Пешком по Европе» (1880) и «По экватору» (1896). Распространялись «Простаки за границей» по подписке и имели ошеломляющий успех. А впереди у Твена были путешествия по Европе, Азии, Африке, Австралии…

2 февраля 1870 года добившийся известности писатель женился на сестре своего приятеля – Оливии Лэнгдон. Затем он перебрался в город Буффало (штат Нью-Йорк), но уже в 1871 году вновь сменил место жительства, на этот раз осев в Хартфорде (штат Коннектикут). Именно там писатель провел следующие 20 лет; он считал, что это было самое счастливое время в его жизни. Что же касается собственно художественной прозы, то к ней Твен подходил осторожно и постепенно. К созданию первого своего романа он приступил только в 34 года. «Позолоченный век», который был написан Твеном в соавторстве с Ч. Д. Уорнером, вышел в свет в 1874 году. Действие этого произведения задумывалось как современная социальная сатира. Однако читатель то и дело «спотыкался» о плохо вписавшиеся в текст куски стандартных викторианских сюжетов. И все же стало ясно: художественное несовершенство произведения базируется только лишь на несочетаемости стилей и жизненных позиций его авторов. Недаром ведь название романа вскоре стало означать вообще весь период президентства Гранта!

Приблизительно в то же время Твен встретился с одним из старых друзей. Писатель неожиданно ярко вспомнил о своих детских приключениях в Ганнибале и решил отразить эти истории на бумаге. Удалось задуманное не сразу. Несколько неудачных попыток воплотить в жизнь столь интересную идею едва не заставили Твена забросить эту работу и заняться чем-нибудь другим. Но в итоге правильный подход был все же найден, и в 1874–1875 годах, с небольшими перерывами, на свет появился роман «Приключения Тома Сойера». Напечатанный год спустя, он принес своему автору славу мастера характеров, интриги и замечательного юмориста. А вот «Том Сойер за границей» (1894) и «Том Сойер-сыщик» (1896) потерпели явную неудачу, не вызвав большого интереса у читателей.

С января по июль 1875 года публиковались также «Старые времена на Миссисипи», а в следующем году Твен засел за создание «Приключений Гекльберри Финна». Перед этим он закончил книгу «Принц и нищий» (издана в 1881 году), которая до сих пор не оставляет равнодушными детей всего мира. Собственно, эта была первая попытка писателя создать историческое повествование. Интересно, что он, несмотря на ограничение местом, эпохой и историческими обстоятельствами, сумел сполна воплотить свою идею. В дальнейшем историческая тема не слишком удавалась Твену. Самое серьезное произведение этого жанра, «Личные воспоминания о Жанне д'Арк» (1896), потерпело фиаско и не переиздавалось.

Теперь Твен практически регулярно читал лекции в США и в

Англии. Постепенно его перо все сильнее отклонялось в сторону острой сатиры; писатель увлекся критикой американского общества и политиков. В этом смысле сборник рассказов «Жизнь на Миссисипи» (1883) стал настоящей бомбой, всколыхнувшей читателей. И если карьера Твена началась с безобидных юмористических зарисовок, то теперь писатель ошеломлял соотечественников жуткими и почти вульгарными хрониками человеческого тщеславия, лицемерия и даже убийства.

Собственно, наибольшую известность Марку Твену принесли его книги «Приключения Тома Сойера», «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура», «Воспоминания 18-го президента США У. С. Гранта» (1885) и «Приключения Гекльберри Финна» (роман несколько раз откладывался и был опубликован только в 1884 году). Последнее произведение, кстати, многие специалисты считают не только высшей творческой удачей автора, но и лучшим литературным творением, когда-либо созданным в Америке. Повествование в книге велось от лица 12-летнего мальчика; впервые средством художественного изображения довоенного южного общества – от аристократии до «дна» – стал разговорный язык американской глубинки, ранее используемый только в фарсе или сатире.

Будучи прекрасным оратором, Твен не только помогал создавать американскую литературу как таковую – с особой, характерной тематикой, необычным языком, – но и старался популяризировать ее. Много времени писатель уделял также поиску молодых талантов, которых сам же потом и «проталкивал» в литературу, используя собственное влияние и связи. Немало в данном вопросе помогала издательская компания, приобретенная Твеном в 1884 году. Кстати, номинально возглавлял фирму Ч. Л. Вебстер – муж племянницы писателя.

Твен увлекался не только творчеством, но и наукой и научными проблемами. Его близким другом стал Никола Тесла, в лаборатории которого писатель пропадал часами. То, что Твен неплохо разбирался в науке, продемонстрировал сюжет произведения «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» (путешествие во времени, в результате которого современные технологии «заработали» в древней Англии). Правда, технический гений самого автора столь далеко не распространялся. Тем не менее, он все же запатентовал собственное изобретение – улучшенные подтяжки для штанов…

Досуг писателя целиком и полностью поглощала игра на бильярде и… курение. В кабинете Твена обычно стояла такая плотная «дымовая завеса», что сквозь нее чаще всего нельзя было разглядеть даже самого хозяина! Кроме того, в жизни

популярного автора был еще один «пунктик» – кошки. Этих животных Твен просто обожал: в его доме постоянно проживало с десяток хвостатых любимцев, которым позволялось буквально все. Так, одна из кошек, трехцветная пушистая красавица, любила вздремнуть на обеденном столе, покрытом клетчатой скатертью. Трогать животину и тем более прогонять ее с выбранного места категорически запрещалось. Твен обычно лишь умилялся, завидев развалившегося на столе зверька: мол, как же скатерть подходит по цвету к его шкурке! Если же писатель выходил из себя, он начинал издавать какие-то странные, «кошачьи» звуки – то ли фырканье, то ли шипение. Дети, зная это, не раз специально доводили отца в буквальном смысле слова до белого каления, чтоб понаблюдать за столь комичным эффектом. Убравшись на всякий случай подальше от разъяренного родителя, они радостно вопили: «Нет, ну вы посмотрите на этого злого гадкого кота!» Вообще же Твен считал, что дети обязательно должны расти вместе с животными – они, мол, значительно интереснее людей. В большом доме писателя, кроме кошек, были и другие «братья наши меньшие» – черепахи, собаки, белки. Когда же обстоятельства вынудили семью уехать из Америки, весь этот «зверинец» пришлось оставить, о чем Твен сожалел больше всего. Как-то, говоря о родителях, уже взрослая дочь писателя Сьюзи сказала: разница между матерью и отцом заключалась в том, что «она любит мораль, а он – кошек»…

Естественно, что автор столь популярных сатирических и юмористических произведений в реальной жизни отличался недюжинным чувством юмора и умением быстро реагировать на происходящее. Множество его фраз, брошенных «на ходу», стали афоризмами, не утратившими своей актуальности и в наши дни. Причем эти крылатые выражения разлетелись далеко за пределы Америки, будучи переведены на многие языки.

Твену часто досаждали многие читатели, считавшие, что они внешне очень похожи на знаменитого автора. Письма с фотографиями таких «двойников» приходили к писателю пачками. Одному из особо назойливых почитателей Твен написал оригинальный ответ: «Дорогой сэр. Благодарю вас за письмо и фотографию. Вы действительно очень похожи на меня. Уверен, что если бы вы стояли напротив меня вместо зеркала, то я смог бы бриться, глядя на вас». А анонимному недоброжелателю, приславшему записку с одним-единственным словом «свинья», Твен ответил через газету: «Часто мне посылают письма без подписи, но вот я получил письмо с одной подписью». Вообще, смутить писателя, а тем более вывести его из себя было делом нелегким! На любое щекотливое замечание или «нештатную»

ситуацию Твен умудрялся ответить так, что объектом насмешек становился не он сам, а его опрометчивый оппонент. Здесь достаточно вспомнить пару эпизодов из жизни писателя. Однажды, работая редактором газеты, он опубликовал разгромное обличение некоего господина, в котором говорилось, что сей субъект не заслуживает даже плевка в лицо. Естественно, персона, ставшая героем очерка, возмутилась и подала на редактора в суд. Твена обязали опубликовать опровержение своих слов, и он легко согласился с этим решением. В результате, на следующий день весь город покатывался со смеху: «законопослушный» редактор напечатал, что «господин N заслуживает плевка в лицо»… Даме, невежливо ответившей на комплимент писателя, пришлось также несладко. Услышав о себе нелестное высказывание, Твен, ранее заявивший о том, что его собеседница очаровательна, сказал: «А вы сделайте, как я, – соврите!» В общем, зная остроту языка писателя, не многие отваживались состязаться с ним в остроумии и напрашиваться на сомнительный комплимент.

Время от времени книги Марка Твена попадали в немилость цензуры и запрещались. Так случилось, например, с «Инцидентом на Филиппинах»: это произведение было опубликовано только через 14 лет после смерти автора – в 1924 году.

Неоднократно предпринимались также попытки запретить роман «Приключения Гекльберри Финна». В основном цензура ополчалась против натуралистичных описаний и словесных выражений, оскорбляющих афроамериканцев. Интересно, что сам Марк Твен имел статус признанного противника расизма, заходившего в своем неприятии гораздо дальше современников. Тем не менее, многие термины, ранее бывшие во всеобщем употреблении, в настоящее время расцениваются исключительно как расовые оскорбления.

В основном причиной настороженного отношения цензуры к произведениям Твена стала активная гражданская и социальная позиция писателя. Но некоторые из работ он и сам отказывался печатать – по просьбам семьи. Обычно это касалось тех книг, которые могли бы оскорбить религиозные чувства читателей. Именно поэтому последнее сатирическое произведение писателя, повесть «Таинственный незнакомец», вышло в свет только в 1916 году и было опубликовано по незавершенной рукописи. А другие антирелигиозные работы оставались ненапечатанными до 40-х годов XX столетия. Что же касается самого противоречивого текста, созданного Твеном, – юмористической лекции в парижском клубе «Размышления о науке онанизма», – то ее выпустили лишь в 1943 году ограниченным тиражом (50

экземпляров). А последнее, наиболее едкое обличение «проклятого человеческого рода» – «Письма с Земли» – дочь писателя Клара рискнула опубликовать только в 1962 году.

Тем временем жизнь благополучием писателя не баловала. Он успел пережить троих своих детей из четверых (один ребенок умер еще маленьким, дочь Сьюзи скончалась в 1896 году от менингита, а накануне Рождества 1909 года в Реддинге, штат Коннектикут, от приступа эпилепсии умерла дочь Джин). Когда же в 1904 году ушла из жизни любимая жена Твена, он впал в глубокую депрессию, которую не смог преодолеть до самой смерти. Успехи в творчестве тоже пошли на спад. Шутить, правда, писатель не переставал, однако его юмор приобрел специфический оттенок. Так, на ошибочный некролог о его смерти Твен отреагировал знаменитой фразой: «Слухи о моей смерти сильно преувеличены». Острые, обличительные памфлеты по-прежнему очень интересовали публику, а вот более крупные произведения, начатые Твеном в последние годы жизни, так и не были завершены. Например, фрагменты автобиографии, которые писатель диктовал в 1906–1908 годах, не были объединены в единый текст. В печати фрагменты этой работы стали появляться только с 1925 года. Видимо, депрессия спровоцировала и увлечение Твена философией; во всяком случае, в 1906 году он завершил создание трактата «Что такое человек?», который разительно отличается от всего остального творческого наследия этого автора.

В материальном плане дела писателя ухудшались тоже. В целях экономии и возможности более высоких и стабильных заработков Твен с семьей еще в 1891 году перебрался в Европу. За четыре года долги были выплачены, материальное положение выровнялось, и в 1900 году писатель вернулся на родину. Но тут везение закончилось. Твен, например, вложил огромную сумму в новую модель печатного станка, но тот так и не был запущен в производство. Во время экономического кризиса 1893–1894 годов разорилась издательская компания Твена, и у него были самым наглым образом украдены права на несколько его книг… Казалось, автор медленно, но верно идет ко дну. Однако ситуация в корне изменилась в 1893 году, когда писателя представили одному из директоров компании “Standard Oil” – нефтяному магнату Генри Роджерсу. Новый знакомый помог Твену выгодно реорганизовать финансовые дела и укрепить свое положение. Вскоре мужчины стали близкими друзьями. Когда же в 1909 году Роджерс внезапно скончался, это стало для Твена настоящим ударом. Тогда же выяснилось, что дружба магната и писателя носила взаимовыгодный характер: если Твена она спасла от

финансового краха, то его покровителя просто превратила… в нормального человека. Роджерс был известен своим крутым «взрывоопасным» нравом и недаром получил прозвище Адская гончая. Трудно сказать, как удалось писателю повлиять на своего раздражительного приятеля, однако бумаги, обнаруженные после смерти магната, подтверждали: после знакомства с Твеном он будто бы переродился, превратившись из безжалостного скряги в мецената и благотворителя. Роджерс, например, много внимания стал уделять вопросам образования, организуя учебные программы для афроамериканцев и талантливых людей с ограниченными возможностями.

За год до собственной смерти Марк Твен сказал: «Я пришел в 1835-м с кометой Галлея, через год она снова прилетает, и я рассчитываю уйти вместе с ней». Тогда подобное заявление было воспринято окружающими с юмором. Мрачное предчувствие отнесли на счет усилившейся депрессии и потери друга-покровителя. Однако, как показало время, Твен знал, о чем говорит. 21 апреля 1910 года его не стало…

МАТУШКИН ПЕТР ПЕТРОВИЧ

(род. в 1926 г.)

Этот человек – единственный музыкант России, который умеет играть на… автомате Калашникова.

В 140 км от Ростова-на-Дону, близ Сальска, расположен поселок Гигант – когда-то здесь была центральная усадьба крупнейшего в СССР зерносовхоза «Гигант». Живет здесь немало интересных людей, и Петр Петрович Матушкин – один из них. Славится он тем, что за несколько минут может переделать боевое оружие в подобие гитары: есть и струна, и гриф, и резонатор. Правда, привычных ладов на грифе-стволе нет, и струну, натянутую от мушки до приклада автомата Калашникова, ветеран зажимает ножом, двигая его вверх-вниз. Звук от этого становится, как у гавайской гитары. Хотя «Землянка», «Синий платочек» или, скажем, «Сердце, тебе не хочется покоя» звучат довольно непривычно, однако вполне узнаваемо. Мелодия получается все та же, что и звучала во фронтовых окопах. Туда Матушкин попал в 1943 году.

Родился он 5 октября 1926 года в обычной донской

крестьянской семье. С детства одаренный мальчик любил музыку, обладал замечательным музыкальным слухом и голосом, у отца научился играть на балалайке, затем освоил гармошку и аккордеон. Не зная нот, подросток на слух подбирал любую мелодию. Односельчане любили этого невысокого веселого паренька, играющего на сельских вечеринках и праздниках. Говорили, что его предки – донские казаки – тоже отличались музыкальными способностями.

В 1943 году, когда Петру не исполнилось и 17 лет, его взяли на фронт, и он захватил с собой любимую балалайку. Однако в военкомате у парня отобрали музыкальный инструмент – не на концерт, мол, едешь.

На войне юноша проявил себя как ловкий и удачливый боец и вскоре стал командиром отделения разведки отдельной бригады ПВО зенитно-артиллерийского полка. Он очень скучал без балалайки и однажды решил соорудить ее… из пистолета-пулемета Шпагина (автомат ППШ с круглым диском).

«А дело было около г. Коростень, на Украине, – вспоминал ветеран войны в одном из интервью. – Сидел я в окопе, когда целый день немцы не давали высунуться, смотрел на свой автомат и вдруг подумал: «Ну что ты можешь делать? Напугать, ранить, убить? У тебя ведь всегда одна и та же мелодия смерти…» И возникла у меня идея обучить его музыкальной грамоте».

К ложу ППШ находчивый умелец привязал свой алюминиевый котелок – а он был звонкий – получился своеобразный резонатор звука. Затем вдоль автомата он протянул телефонный провод – вот тебе и струна. Вырезал колышек, вставил его в канал ствола и с его помощью натянул струну. Прижал ее алюминиевой ложкой, задел щепкой – получился вполне приемлемый звук. Потом ложкой стал придавливать струну в разных местах и получать звуки, напоминавшие звуки гавайской гитары. Передвигая ложку по струне и ударяя по ней палочкой, музыкант стал подбирать песню. Сквозь автоматный стрекот зазвучала «Катюша». Казалось, даже огонь на какое-то время стих. Может, немцы тоже прислушивались, не веря своим ушам?

Когда противника оттеснили, в окоп заскочил командир роты. «Где балалайка?!» – «Какая балалайка, товарищ капитан?» – «Ты что, издеваться надо мной вздумал? – не унимался командир. – Найду инструмент – отвечать будешь! Не то время, чтобы заниматься самодеятельностью в боевой обстановке!»

«Тогда я очень боялся выдать свой секрет, – рассказывал Петр Петрович. – Ведь кто же меня похвалит за эту проделку: боевой автомат превратить в музыкальный инструмент. Хотя я и не

нарушил его боевых свойств. Поэтому играл только для души и тайком. Помня, что такое изобретение строго наказуемо, я, в случае чего, разбирал музыкальное устройство за несколько секунд. Заскочат в мой окоп, а я – с автоматом в обнимку. Мистика!»

Никто бы не поверил, что мелодию наигрывал боевой ППШ. А музыка звучала все чаще: легендарная «Катюша», затем «Сулико», «Синий платочек», «В лесу прифронтовом», «Про Стеньку Разина», «Землянка» и десятки других знаменитых фронтовых песен.

Но долго таиться Петру не удалось – коллеги-разведчики как-то выследили «балалаечника», да и девчонки-санитарки услышали – слух дошел до ротного:

– Говори, где гитару прячешь, – настаивал грозный капитан.

Матушкину пришлось сознаться и продемонстрировать необычное преобразование ППШ в музыкальный инструмент. Он достал свои деревяшки и на глазах у изумленного офицера сделал из боевого оружия подобие гавайской гитары с «мяукающим» звуком. Затем сыграл «Катюшу», «Сулико», частушки. «Смотри, сукин сын, чтобы никто не услышал…» – предупредил ошарашенный командир находчивого изобретателя, но играть тайком не запретил.

Вот так уникум-музыкант и расслаблялся в перерывах между боями. И едва не угодил в штрафной батальон. Кому-то показалось, что боец «курочит боевое оружие», и последовал донос на него в особый отдел. Следователь-офицер из СМЕРШа, правда, во всем разобрался и дал отбой, убедившись: ППШ у Матушкина не только наигрывал в окопах задушевные мелодии, но и прекрасно косил фрицев. Парня даже начали приглашать по вечерам в командирский блиндаж – отцам-командирам тоже не хватало развлечений.

Первый свой публичный концерт командир отделения дал в землянке узкому кругу полкового начальства. Хотя офицерам музыка понравилась, они строго-настрого велели исполнителю быть тише воды, ниже травы:

– Смотри, сукин сын, чтоб дальше не пошло!

Но шила в мешке утаить не удалось. Сначала были представления в узком кругу, затем Петр играл уже для всех однополчан.

В 1945 году Матушкин попробовал натянуть струну на 37-миллиметровую пушку. Ветеран вспоминал: «Несколько октав можно было взять уже. А карабин что – всего две октавы. На ППШ и того меньше, ствол у него короткий. Натягивал я струну даже на пистолет, но он совсем короткий – всего одна октава получается. Только танковую пушку превратить в музыкальный

инструмент не пробовал».

Демобилизовавшись после войны, Матушкин вернулся домой и решил получить музыкальное образование. В Ростовском культурно-просветительном училище он перешел к классике: выучился играть на автомате «Полонез Огинского», «Турецкий марш» и др.

По окончании учебы его направили в райцентр Целина директором Дома культуры и еще поручили возродить местный парк. Собственно, парка-то и не было – одни бурьяны на пустыре. Ему дали свободу действий – делай на этом месте что хочешь, но чтобы получилось красивое место отдыха.

Молодой директор взялся за дело всерьез, перечитал горы литературы и вскоре понял, что парки – это не просто деревья и кустарники в ряд, а целое искусство. Он выезжал в Гатчину под Ленинградом для изучения этого искусства и в итоге заложил такой парк в Целине, который и в наше время выглядит на высшем уровне. Одновременно Петр Петрович организовал там городок аттракционов, тир, вел преподавание в музыкальной школе. И за успехи ему присвоили звание «Отличник культпросветработы». Да еще в качестве поощрения послали отличившегося директора в конце 50-х годов на Всесоюзное совещание работников культуры в Москву.

В Кремле уникум-музыкант познакомился с легендарным Утесовым. И Леонид Осипович попросил Матушкина сыграть на автомате.

– Я решил исполнить его же песню – «Сердце, тебе не хочется покоя», – вспоминал ветеран. – Смотрю, а у него глаза на мокром месте. Смахнув непрошеную слезу, Утесов пожелал сам попробовать.

– Черт, сразу не получается, – разволновался известный артист. – Не всем, видно, дано на автоматах играть…

Поэту Льву Ошанину донской умелец дал почитать свои стихи. Мэтр оценил их довольно трезво:

– Ты, Петр, затоптанный самородок. Вот если бы отскоблить. Много еще учиться тебе.

Матушкин выступал также в Центральном доме художника и Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца. Ему довелось танцевать с совсем еще юной актрисой Людмилой Гурченко и аккомпанировать внучке Громыко – Екатерине Лычевой. При этом для пущего эффекта он давал в потолок короткие автоматные очереди пыжами.

Но профессионально заняться музыкой и поэзией Петру Петровичу не удалось. Чтобы прокормить семью, ему пришлось по-каторжному работать там, куда пошлют. Он трудился

механиком, комбайнером, преподавал в сельских школах пение, рисование, трудовое обучение. Учителей в селе не хватало, и приходилось заниматься всем. В итоге директор школы отправил талантливого преподавателя на курсы в Новочеркасск в Институт виноградарства и виноделия: «Подучись там, нам нужен садовод на опытном поле».

Петр Петрович – человек ответственный – постиг и это сложное дело и даже со временем обогнал самую передовую виноградарскую науку! Ныне в Гиганте, где живет Матушкин, свои сельскохозяйственные опыты он проводит на поле, которое находится рядом с его домом. И сюда часто заходят студенты местного сельхозтехникума – посмотреть, как теория выглядит на практике, поучиться передовым методам виноградарства.

Наверное, подобных виноградников на свете не найдется. Матушкин и тут изобретатель от Бога. Он придумал такой способ посадки винограда, который позволяет не через три-четыре года снимать первый урожай, а уже на следующий год. При этом «виноградный куст Матушкина» в постоянных удобрениях не нуждается. Виноградарь-новатор все удобрения заносит уже в процессе посадки на 50 лет вперед! И ягоды при этом получаются отменные!

Когда Петру Петровичу было уже за 70, врачи обнаружили у него рак печени, а он взял и сам себя вылечил своим виноградом и медом. По этому поводу Матушкин написал такие строки:

Мед – это солнце на столе,
А виноград – вселенская сгущенка.
Ты кушай божее пюре,
И заживет твоя печенка.

Вот так в стихах пенсионер сформулировал рецепт своего лекарства.

Ну и, конечно, в исцелении ему помогла музыка, остающаяся постоянным увлечением Петра Петровича. И самое заветное желание этого необычного человека, причем уже много лет, – натянуть поющие струны на все виды оружия, чтобы оно не уничтожало людей, а радовало их музыкой.

Кроме того, он не жалеет денег на покупку редких и очень дорогих книг – по садоводству и виноградарству, ландшафтной архитектуре и озеленению. Дошло в итоге до того, что неугомонный пенсионер стал в этих вопросах советником у нового главы администрации Сальска, который задумал превратить город в цветущий сад. Дел и забот у Матушкина прибавилось. Пришлось ему через день ездить за 20 км в Сальск –

организовывать работу по озеленению райцентра. Старания советника оказались не напрасными: в городе был создан совет дизайнеров, в котором собрались местные экологи, писатели, художники, артисты, музыканты, депутаты. Петру Петровичу удалось увлечь власть имущих, и они приняли большую часть его предложений. Начинать решили с теплиц, где можно выращивать вечнозеленые саженцы ели, сосны, туи, самшита, можжевельника. Матушкин уже помог восстановить в городском парке заброшенную теплицу, обучил знакомого агронома, который возглавил производство саженцев. И пошла первая продукция – в контейнерах, что позволяет высаживать деревья в любое время года. Рядом планируется соорудить еще одну теплицу – на газе. Неутомимый Матушкин лично объезжал питомники Ростовской области и искал посадочный материал, чтобы районировать его в зоне Сальских степей.

Что касается музыки, то до сих пор сыграть на оружии удается только Петру Петровичу. Он пробовал научить своему мастерству лучших балалаечников и гитаристов из музыкальных школ Сальского района, но ничего не получилось. Впрочем, чудак-музыкант не отчаивается и продолжает искать преемника.

Из своего музыкального автомата Матушкин попал точно в цель: такое хобби даже человеку с богатым воображением придумать трудно. Он принимал участие в первом чемпионате России по хобби, где зарегистрировались более 460 человек, и был отмечен жюри.

Остается добавить, что телевизионщики задумали познакомить Петра Петровича Матушкина с конструктором АКМ Михаилом Тимофеевичем Калашниковым и снять целый фильм об этой, можно сказать, исторической встрече. Дважды Герою Социалистического Труда, лауреату Ленинской и Государственных премий СССР, генерал-лейтенанту М. Т. Калашникову и уникуму-музыканту есть о чем поговорить.

Сразу напрашиваются параллели. Взять, например, 1943 год. Интересно, что в том далеком году старший сержант Калашников, будучи в отпуске по ранению, изготовил в кустарных условиях мастерских паровозного депо на станции Матай в Казахстане свой первый АК. А Петр Петрович Матушкин в том памятном для себя году изобрел свою «гитару-автомат». Правда, на вооружении автоматов Калашникова тогда еще не было.

С готовым макетом автомата начинающий оружейник Калашников отправился в Алма-Ату, где его задержал военный патруль. Старшего сержанта посадили на гауптвахту, пока не выяснили, что за неизвестное оружие при нем и где он его взял. Похожая история происходила и с Матушкиным, но уже в наши

дни.

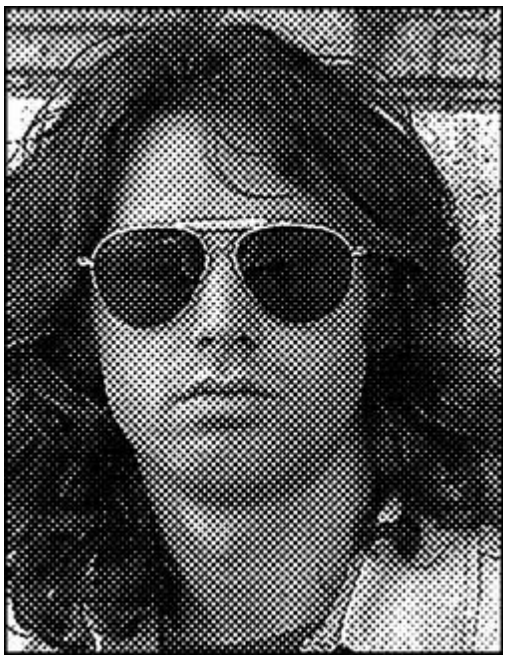
Как известно, ветерана с удовольствием приглашают на различные концерты. Когда Петр Петрович появлялся со своей «балалайкой» в каком-нибудь городе, его частенько останавливали сотрудники милиции: мол, чего это ты, дедушка, разгуливаешь по улицам с автоматом Калашникова? Уж не террорист ли? Но, разобравшись, отпускали с миром.

Когда в России начались террористические акты, боевой автомат у чудака-музыканта конфисковали. Теперь сельчанин играет на деревянном макете АКМ. Юные техники из радиокружка приделали к автомату приборчик, позволяющий усиливать звуки, подключив «гавайскую гитару» к радиоприемнику. Вместо солдатского котелка умелец привязал консервную банку, а на прикладе самодельного автомата сделал надпись одной из Божьих заповедей: «Не убий».

МОРРИСОН ДЖИМ

Полное имя – Джеймс Даглас Моррисон

(род. в 1943 г. – ум. в 1971 г.)

Знаменитый американский музыкант и поэт, ставший легендой еще при жизни. Солист группы "The Doors". Все шесть альбомов, выпущенных группой, стали «золотыми».

На знаменитом парижском кладбище Пер-Лашез покоится множество известных людей. Жан Батист Мольер, Пьер Бомарше, Оноре де Бальзак, Огюст Конт, Жан Батист Фурье, Пьер Абеляр, Марсель Пруст, Джоаккино Россини, Жорж Бизе, Сара Бернар, Ив Монтан – это далеко не полный список знаменитых писателей, поэтов, артистов, ученых и музыкантов, нашедших здесь свой последний приют. Среди роскошных склепов и памятников было бы сложно заметить скромную небольшую могилу, если бы не одно «но» – надгробие круглый год утопает в цветах, к нему идут и идут люди, чтобы склониться в скорбном молчании. Это – могила американского певца и поэта, легендарной и неординарной личности, чья жизнь и смерть окутаны ореолом

тайны, а стихи и песни до сих пор заставляют сердца множества людей биться чаще. Это – могила Джима Моррисона.

Джеймс Даглас Моррисон родился 8 декабря 1943 года в городке Мельбурн, штат Флорида. Его отец, Джордж Стивен Морриссон, служил в Военно-морском флоте США. К тому моменту, когда его сын стал знаменитым, Стив дослужился до звания контр-адмирала ВМФ. Пройдет 24 года со дня рождения Джима, к тому времени он выбросит из фамилии одну букву «с» и скажет, что его родители погибли, хотя на самом деле его отец и мать надолго переживут своего сына. Семья военных часто переезжала, и во время одного из таких переездов, неподалеку от Нью-Мексико, когда мальчику было всего 4 года, произошло событие, которое Джим Моррисон неоднократно называл одним из важнейших и судьбоносных моментов своей жизни. Машина семьи Морриссонов проезжала мимо места катастрофы: на дороге перевернулся грузовик с индейцами, вокруг лежали их окровавленные тела. Увидевший эту картину в окно Джим позже вспоминал:

«Я впервые открыл смерть я думаю, в тот момент души тех мертвых индейцев, может, одного или двух из них, носились вокруг и вселились в мою душу, я был, как губка, с готовностью впитавшая их». Именно с этого момента у Джима началось страстное увлечение всем, что было связано с индейцами. И Моррисон на всю жизнь сохранил искреннюю веру в то, что души тех погибших индейцев навсегда соединились с его душой.

В начальной школе Джим Моррисон был старостой класса, его характеризовали как воспитанного и очень умного мальчика. Но уже тогда он начал проявлять первые признаки странности поведения и взрывного характера, а мрачные шутки Джима зачастую выходили за рамки дозволенного. Например, когда в доме звонил телефон, он мог снять трубку и гробовым голосом ответить: «Морг Морриссонов. Вы их мочите, мы их кладем под могильную плиту». В декабре 1958 года Морриссоны переехали в Вашингтон. В местной школе Джим сразу стал звездой – он постоянно выкидывал всякие фокусы, вел себя вызывающе, хулиганил и эпатировал окружающих. Он придумывал совершенно невероятные истории и совершал дикие поступки. Так, объясняя, почему он опоздал в школу, Джим мог совершенно серьезно и в подробностях рассказывать о том, что его по пути захватили бандиты или украли цыгане. Мальчик мог посреди урока встать и выйти из класса, объяснив учителю, что сегодня после обеда у него важная хирургическая операция – удаление злокачественной опухоли мозга. Среди учителей он прослыл странным, неуравновешенным и капризным ребенком, что,

однако, не мешало мальчику получать хорошие оценки. Еще в школе Джим серьезно начал интересоваться литературой. Этот интерес был тоже весьма своеобразен. Парень зачитывался трудами Фридриха Ницше и Плутарха, стихотворениями знаменитого французского символиста Артура Рембо, во многом повлиявшего на творчество Моррисона в дальнейшем. Джим постоянно удивлял своего учителя литературы выбором произведений: «Джим читает много, пожалуй, больше всех других в классе, но выбор его падает на такие редкие и малоизвестные публикации, что мне приходится просить своего коллегу, другого учителя, который часто ездит в библиотеку Конгресса, проверить – на самом ли деле существуют книги, которые Джим указал в своих списках. Одно время я подозревал даже, что все названия он выдумывает, например, в его списках были книжки XVI–XVII века по английской демонологии. Я о них никогда не слышал, но они все-таки существовали…»

Джим не только много читал, но и много писал. Он заполнял своими ежедневными размышлениями, наблюдениями и цитатами любимых авторов целые толстые тетради. Тогда же Моррисон начал писать стихи.

Никакого интереса к дальнейшему образованию Джим не проявлял, и поэтому его родители сами выбрали ему колледж во Флориде, где жили его бабушка и дедушка. Это были религиозные люди, в доме царила чистота и строгая дисциплина, но это не останавливало юного Моррисона – он мог неделями ходить в одной и той же одежде, обрастал волосами и начал употреблять алкоголь. Учился в колледже он посредственно, основную часть своих знаний, как и во время учебы в школе, черпал из книг. Когда к Джиму приходили друзья, он показывал на ряды книг, заполнявшие его комнату до потолка, и говорил: «Выберите любую, откройте на любом месте и начните читать, а я с закрытыми глазами скажу вам: во-первых, какая это книга, и во-вторых, кто ее написал». Его друзья не припоминают ни единого случая, чтобы Моррисон когда-либо ошибся.

После окончания колледжа, в 1964 году, Джим поступил на факультет кинематографии в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе. В этом же году, на рождественские каникулы, Моррисон отправился домой. Это была его последняя встреча с родителями.

В университете Джим познакомился с Рэйем Манзареком, учившимся на том же факультете. Это был образованный и начитанный молодой человек, окончивший консерваторию по классу фортепиано и имевший степень бакалавра по экономике. Учебные фильмы этих двух молодых людей неизменно

выделялись из общей массы: Рэя – профессионализмом и качеством, Джима – эпатажем и откровенными сценами секса и насилия. Несмотря на то что первого преподаватели неустанно хвалили, а второго столь же неустанно ругали, молодые люди быстро нашли общий язык и проводили очень много времени вместе. В одной из философских бесед Моррисон вспомнил слова знаменитого английского поэта Уильяма Блэйка: «Если бы двери познания были открыты, людям открылась бы бесконечность. Но люди укрылись от мира и видят его лишь в узкие щели своих пещер». Именно в этой беседе, после этих слов, родилась идея создания рок-группы под названием “The Doors” – «Двери».

В университете Джим продержался всего лишь один год. Его курсовая работа вызвала бурю негодования у преподавательского состава, Моррисон получил за нее низший проходной балл, чего его самолюбие вынести не смогло, и молодой человек бросил учебу. Он перебрался в курортный пригород Лос-Анджелеса, где жил на крыше склада. Середина 60-х годов XX века в Америке – это начало движения хиппи и массового распространения наркотиков. Не обошли психоделические эксперименты над собственным сознанием и нашего героя. Путешествуя внутри собственного сознания, Джим Моррисон писал стихи. Но чем дальше, тем больше он понимал, что это не стихи, а песни.

Летом 1965 года на пляже Джим случайно встретил своего старого приятеля Рэя Манзарека. В разговоре зашла речь о песнях, которые пишет Моррисон, и Рэй попросил его спеть что-нибудь. Когда Джим закончил куплет, между молодыми людьми состоялся примерно такой диалог: «Прекрасные стихи. Ничего подобного еще не слышал. Давай сделаем группу и заработаем миллион». «Вот именно, – ответил Моррисон, – и я о том же».

После этой исторической встречи Джим переехал жить в дом к Рэю. Там же проходили и первые репетиции группы, которой друзья дали название, придуманное ими ранее, – “The Doors”. Первоначально в состав группы помимо Джима и Рэя входили два брата Манзарека – Рик и Джим, чуть позже к ним присоединился барабанщик Джон Дэнсмор. Группа записала несколько песен, и ее участники по очереди возили демонстрационный диск по звукозаписывающим компаниям Л ос-Анджелеса, но – безрезультатно. Однако удача все же улыбнулась музыкантам: они заинтересовали представителя фирмы «Коламбия» и подписали с ней контракт на пять лет. С этим событием совпали и изменения в составе “The Doors” – ушли братья Рэя Манзарека, а на их место пришел 19-летний гитарист Робби Кригер. С тех пор состав группы оставался неизменным.

Музыканты репетировали с утра до вечера, но дальше игры в

низкопробных клубах, на свадьбах и вечеринках дело не шло. Джим стеснялся петь, и все песни исполнял Манзарек, а наш герой скромно бил в бубен или играл на губной гармошке, так как другими инструментами он не владел. Не продвигалось вперед и дело с «Коламбией», а когда музыканты пришли в студию узнать, почему не начинается запись, оказалось, что их группа находится в списке на расторжение контракта. Они не стали ждать окончательного решения фирмы и в тот же день расторгли контракт. Дела группы были совсем плохи, особенно в финансовом плане. А вдобавок ко всему Джиму Моррисону начали приходить повестки о призыве в армию с требованием пройти медицинскую комиссию. Однако эту проблему Джиму удалось решить. Перед самой медкомиссией он довел свой организм с помощью наркотиков до полной непригодности, все основные жизненные показатели были выведены из нормы – пульс, давление, сердце и даже речь. Плюс ко всему Моррисон заявил членам комиссии, что он гомосексуалист. Вопрос о военной службе был решен раз и навсегда.

Осенью 1965 года Моррисон познакомился с 18-летней Памелой Карсон, своей «космической подругой», ставшей его спутницей на всю недолгую жизнь. Умная и привлекательная девушка терпела все выходки и измены своего неспокойного друга. Джим, в свою очередь, тоже закрывал глаза на похождения не обремененной излишней нравственностью Памелы. Для них важно было одно – несмотря на многочисленные скандалы и измены в конечном итоге они всегда возвращались друг к другу.

В мае 1966 года, когда уже казалось, что группа так никогда и не сможет вылезти из дешевых подвальных клубов, “The Doors” пригласили играть в большом ночном клубе “Whisky a Go-Go”, где платили вполне приличные по тем временам деньги. Несмотря на то что владелец клуба терпеть не мог Моррисона, группа выступала там по июль 1966 года. У “The Doors” появились поклонники, по Лос-Анджелесу распространялись слухи о странной группе и ее сумасшедшем вокалисте. Джим и впрямь вел себя на сцене весьма своеобразно. Сначала он вообще боялся поворачиваться к публике лицом, и люди, пришедшие на концерт, все выступление лицезрели лишь его спину. Некоторые песни Моррисон растягивал на четверть часа, вставляя стихи и импровизации.

Армия поклонников “The Doors” росла, группа привлекала новизной музыки, нехарактерными для рока того времени глубокими текстами и специфическим поведением Джима Моррисона. Но продюсеров, которых участники группы приглашали на свои выступления в “Whisky a Go-Go”, это все не

впечатляло. Так и Джек Хольцман, музыкальный продюсер и хозяин небольшой звукозаписывающей компании «Электра-рекордз», не увидел ничего интересного в музыке “The Doors”. Но его уговорили прийти на концерт еще раз, в третий раз Хольцман уже пошел в клуб по собственному желанию, а после четвертого предложил группе контракт на год с правом продления еще на два года.

Пока оговаривались условия контракта, группа продолжала играть в клубе “Whisky a Go-Go”. Перед одним из выступлений, июльским вечером Джим Моррисон перебрал с наркотиками, которые с недавних пор стали неизменными спутниками его жизни. Этой ночью Джиму суждено было навсегда покинуть клуб и заложить первую ступеньку на пути к живой легенде. Группа исполняла одну из самых известных своих композиций – “The End” («Конец») – песню с меняющимся стихотворным размером, ритмом и стилем музыки. Моррисон пел с закрытыми глазами, опираясь на стойку микрофона; странная музыка и траурный голос солиста вводили зал в состояние, близкое к трансу, – затихли все разговоры, никто не двигался. Внезапно Джим снял микрофон со стойки и продекламировал ставшие впоследствии легендарными слова, навеянные философией Ницше и древнегреческим мифом об Эдипе: «Убийца проснулся перед рассветом, надел ботинки, взял лицо из старинной галереи и спустился вниз. Зашел в комнату, где жила его сестра, потом проведал своего брата и спустился вниз. Он подошел к двери и заглянул внутрь. Отец. – Да, сын. – Я хочу убить тебя. Мама. – Да, сын. – Я хочу любить тебя». Трудно описать шок, последовавший за этими словами: сказать такое со сцены в пуританской Америке 60-х годов не мог себе позволить никто. Нет ничего удивительного, что с этого момента вход в клуб “Whisky a Go-Go” для группы был закрыт.

В январе 1967 года студия «Электра-рекордз» выпустила первую пластинку “The Doors” с одноименным названием. Особой популярностью пользовалась песня “Light My Fire” («Зажги мой огонь») – ее постоянно крутили радиостанции, довольно быстро она вошла в первую десятку американского хит-парада. “The Doors” колесили по Америке с концертами, а в июле 1967 года группа заняла первое место в списке, составленном авторитетным музыкальным журналом «Биллборд». С этого момента можно было говорить уже о настоящей славе. В конце августа 1967 года первая пластинка “The Doors” достигла статуса «золотой», «золотым» стал и сингл с песней “Light My Fire”.

Следующий альбом группы под названием “Strange Days” вышел в мае 1968 года. Он, как и первый, был совсем не

характерен для рока 60-х годов XX века. Альбом очень разноплановый как музыкально, так и по текстам – это протест, крик души и исповедь одновременно. Практически то же самое можно сказать и о следующей пластинке – “Waiting For The Sun” («В ожидании солнца»). Популярность группы, и особенно Моррисона, росла все больше и больше, превращая Джима из поэта, каким он себя считал, в рок-идола. К 1969 году с “The Doors” по популярности в Америке не могла сравниться ни одна из групп, а из зарубежных группа уступала лишь “The Beatles”. “The Doors” уже выступали в залах, рассчитанных не менее чем на 10 000 человек. Эти залы становились своеобразными полями для шаманских экспериментов Моррисона – гипнотическое влияние его голоса было несомненным, он контролировал действия тысяч человек одновременно. Во время пауз, которые особенно любили устраивать участники группы, вместе с музыкой и голосом Джима мгновенно замирал и замолкал весь зал, что само по себе – беспрецедентное явление для рок-концертов.

В вышедшем в 1969 году альбоме “Soft Parade” («Тихий парад») группа значительно расширила музыкальный ряд, пригласив на запись музыкантов из лос-анджелесской филармонии.

Эксперименты с публикой становились все откровеннее и эпатажней. Моррисон сыпал со сцены бранью в адрес своих поклонников, ругался со стражами порядка на концертах, но ничто не могло снять с него ярлык рок-идола, которым музыкант последнее время сильно тяготился. Однажды на концерте в Майами Моррисон разделся перед полным залом, что было последней каплей в чаше терпения американских моралистов. Ассоциации концертных залов Америки были разосланы анонимные письма с перечислением грехов Моррисона и настоятельной рекомендацией препятствовать выступлениям “The Doors”. Городов в гастрольном списке группы заметно поубавилось, к тому же многие радиостанции исключили песни “The Doors” из своего репертуара. Последствия выходки Моррисона в Майами оказались весьма плачевными – в апреле 1970 года Джим был арестован за непристойное поведение, правда, сразу же выпущен под залог. Судебные издержки и выплаты неустоек за несостоявшиеся концерты серьезно подорвали финансовое состояние музыкантов.

Концерты “The Doors” проходили отныне при огромном скоплении стражей порядка, готовых в любой момент броситься на сцену. В Лас-Вегасе шериф местной полиции и вовсе пришел на концерт с готовыми ордерами на арест всех четверых музыкантов группы, в которых пустыми оставались лишь поля

для обвинения. Но на этот раз выступление прошло спокойно.

В 1970 году Джим Моррисон совершил, пожалуй, самый странный поступок в своей сумбурной жизни. После очередной ссоры с Памелой Карсон он женился на одной из своих многочисленных любовниц – известной журналистке Патриции Кеннели, возглавлявшей в секте сатанистов собрание ведьм. Церемония, правда, законной силы не имела – она вершилась по кельтскому обряду, молодые люди были повенчаны кровью. К концу года Моррисон расстался с Патрицией и, как и всегда, вернулся к Памеле.

Несмотря на проблемы с правоохранительными органами и протесты со стороны моралистов, альбом 1970 года “Morrison Hotel” («Отель Моррисона») вновь стал «золотым», уже пятым по счету, как и все предыдущие пластинки группы, что сделало “The Doors” рекордсменом в Америке. Но Джим Моррисон уже порядком устал от славы, поклонников, концертов и судебных разбирательств. Он все больше времени посвящал поэзии, собираясь напечатать поэтический сборник и выпустить альбом со своими стихами. Группа работала над записью очередного альбома “L. A. Woman”, но живые выступления “The Doors” постепенно сошли на нет.

Вслед за своей подругой Памелой Карсон в начале 1971 года Моррисон уехал в Париж, который всегда привлекал его своей особой атмосферой. К тому же в Европе можно было спрятаться от поклонников и многочисленных друзей и знакомых, от которых Джим тоже порядком устал. Он писал стихи и пил, часто впадал в депрессию. Незадолго до своей смерти Моррисон написал ставшие легендарными строки, некое предчувствие близкого конца: «Люди боятся смерти больше, чем страданий. Это странно. Раны, которые наносит жизнь, намного страшнее. Со смертью же страдания прекращаются, вот почему я и в самом деле считаю ее другом». 3 июля 1971 года, в пять часов утра Памела нашла Джима мертвым в ванной. Ему было всего 27 лет. По официальной версии, Моррисон умер от сердечной недостаточности, о том же, что было на самом деле, споры не утихают и по сей день. Тело знаменитого музыканта и поэта видели всего двое – Памела Карсон и врач, констатировавший смерть и составивший заключение, все же остальные могли лицезреть лишь запечатанный гроб. Это вызвало массу слухов и сплетен, начиная от банальной передозировки наркотиками и заканчивая заговором ФБР. Были и люди, которые считали, что это – очередная выходка хулиганистого музыканта и Моррисон жив, просто прячется от славы и поклонников.

7 июля 1971 года на парижском кладбище Пер-Лашез, в

присутствии всего пяти близких друзей, тело Джима Моррисона было предано земле. Памела присоединилась к нему спустя три года – она умерла от передозировки наркотиков. Она похоронена на том же кладбище, в соседней могиле.

В конце 60-х годов XX века, когда группа “The Doors” была на пике своей популярности, многие считали, что известность ее – «на 15 дней, часов или минут», как говорил хороший знакомый Моррисона, еще одна культовая личность американской культуры, Энди Уорхол. Но они оказались не правы – слава надолго пережила самого Джима. Спустя 20 лет, в 1991 году, знаменитый режиссер Оливер Стоун снял фильм о жизни Джима Моррисона под названием “The Doors”. Картина стала культовой, о Моррисоне узнало новое поколение, музыка группы и стихи Джима обрели вторую жизнь. И на кладбище Пер-Лашез потянулись новые отряды паломников. Они тянутся и сегодня – неровными, разноязыкими и разновозрастными рядами – те, для кого Джим Моррисон был не просто запойным рок-музыкантом со странностями, а гуру, шаманом, подарившим новую веру и новую реальность…

МЮНХГАУЗЕН ИЕРОНИМ КАРЛ ФРИДРИХ ФОН

(род. в 1720 г. – ум. в 1797 г.)

Прошло более двухсот лет со дня смерти этого знаменитого хвастуна и враля, имя которого стало нарицательным. Его «правдивые» истории невероятно популярны: о нем написаны книги, сняты фильмы и мультфильмы, поставлены спектакли, ему сооружены памятники, его именем даже названо психическое заболевание (когда человек не может достоверно передать конкретную информацию). Жизнь и удивительные приключения Иеронима Карла Фридриха фон Мюнхгаузена, «всегда говорившего только правду», по сей день будоражат умы не только любознательных читателей, но и серьезных исследователей. Популярность барона оправдана его редким талантом – никогда не терять присутствия духа.

Личность остроумного рассказчика давно заинтересовала исследователей. Сегодня известно, что барон Мюнхгаузен не только существовал на самом деле, но и действительно долгое

время служил в России, участвовал в сражениях и придворных балах. Он прожил долгую жизнь, достойную его литературной славы. Более того, в мире существуют как минимум два музея барона – в Латвии и Германии, – где можно подробно ознакомиться с его настоящей судьбой.

11 мая 1720 года в поместье Боденвердер недалеко от Ганновера в родовом имении обедневшего дворянина полковника Отто фон Мюнхгаузена родился пятый из восьми детей. Мальчика нарекли звучным именем – Иероним Карл Фридрих. Его детство прошло в этом маленьком уютном нижнесаксонском городке, жизнь в котором имела как свои преимущества, так и недостатки: наследнику старинного рода найти здесь достойное занятие было довольно сложно. Дворянский род Мюнхгаузенов был известен еще с XII века. Основателем его считается рыцарь Ремберт. Семейная легенда гласит, что все его потомки погибли в войнах и междоусобицах. И только один из них уцелел, уйдя в юности в монастырь. По специальному указу ему, как последнему представителю рода, было предписано вернуться в мир. С него и началась новая ветвь рода – ветвь Мюнхгаузенов, что в переводе означает «дом монаха», или «обитель монаха». Поэтому на гербах всех Мюнхгаузенов изображен монах с посохом и книгой. Среди Мюнхгаузенов были известные воины и вельможи. Например, в XVII веке прославился полководец Хилмар фон Мюнхгаузен, в XVIII – министр Ганноверского двора Герлах Адольф фон Мюнхгаузен, известный тем, что основал Геттингенский университет.

Но настоящая, всемирная, слава выпала на долю «того самого» Иеронима Карла Фридриха, который значился в родословной книге Нижнесаксонской ветви Мюнхгаузенов где-то в середине списка под номером 701. Когда Иерониму Карлу едва исполнилось четыре года, скончался отец, но мать приложила все усилия, чтобы сын не прозябал в провинциальном городишке. Сначала она отослала его в замок Беверн, одну из герцогских резиденций, где мальчику преподали кое-какие науки и галантные манеры, благодаря чему он был определен пажом в свиту Брауншвейг-Вольфенбюттельского герцога, а в 15 лет его зачислили в свиту герцога Фердинанда Альбрехта II. Будущее Иеронима Карла Фридриха было определено – его ждала военная служба в одном из брауншвейгских полков или под знаменем какого-нибудь соседнего германского государства, но эта судьба досталась трем его братьям. А перед Иеронимом Карлом открылась другая дорога – в Россию.

В это время на российском императорском престоле восседала бездетная Анна Иоанновна. Для своей племянницы

Анны Леопольдовны она еще в 1733 году выбрала в будущие мужья Антона Ульриха Брауншвейгского и пригласила юного принца в Петербург, где тот был принят на военную службу. Антон Ульрих весьма серьезно отнесся к своим обязанностям, поэтому во время русско-турецкой войны 1735–1739 годов в марте 1737 года отправился в военный поход под командованием фельдмаршала Миниха брать турецкую крепость Очаков. В военных походах и сражениях, по словам Миниха, он проявил себя настоящим солдатом. В бою принц действовал с присущей молодости смелостью, хотя лошадь под ним была убита, кафтан прострелен, один из пажей убит сразу, второй смертельно ранен. Именно отсюда и берет начало крутой поворот в жизни Мюнхгаузена.

Антону Ульриху после взятия Очакова и возвращения в Петербург потребовались пажи, и он написал письмо брату с просьбой поскорей прислать замену. Дело это оказалось не из легких, так как среди дворян не нашлось охотников служить (пусть даже будущему императору) в стране, где «по улицам бродят медведи». Но два молодых человека, склонных к приключениям и авантюрам, все же нашлись. Ими стали фон Хойм и фон Мюнхгаузен. Судьба первого не исследовалась, а вот пребывание в России Иеронима Карла отслежено если не по дням, то уж по годам четко.

Пажи выехали из Вольфенбюттеля вместе с направляющимся в Россию советником фон Эбеном 2 декабря 1737 года. Сообщение об их приезде в Петербург имеется в донесении из России секретаря брауншвейгского посольства Христофора Фридриха Гросса. Это письмо от 8 февраля 1738 года называет почти точно дату прибытия Мюнхгаузена: «Граф фон Эбен на днях прибыл сюда с двумя пажами». Новая страна произвела на Иеронима Карла сильное впечатление. То, что он попал в Россию в декабре, уже можно расценивать как суровое испытание – русские морозы и снежные бураны для европейцев были сущим наказанием. На склоне лет он рассказывал слушателям: «Я выехал из дома, направляясь в Россию, в середине зимы. Только в это время года мороз и снег приводят в порядок дороги, позволяя добраться до этой удивительной страны…» Мюнхгаузен представлял Россию, гиперболизируя все виденное и слышанное, чтобы подчеркнуть ее особенности. Описывая обильные снегопады, он сообщает, что вынужденно привязал коня к какой-то виднеющейся из-под снега палке, которая оказалась кончиком креста церковной колокольни, возвышавшейся над окрестными строениями. А когда снег неожиданно стаял, ему пришлось выстрелом перебивать веревку, чтобы освободить привязанного к

макушке колокольни коня. Отсюда и мороз, от которого даже звук замерзает в рожке ямщика, и безмерные пространства, которые можно преодолеть разве что с фантастической скоростью.

Но в то же время далекая заснеженная страна, столь уверенно и мощно выходившая на авансцену европейской и мировой политики, была для юного барона, до того ни разу не покидавшего Боденвердер, краем, где вершилась сама История. И он спешил навстречу будущему, открывавшемуся ему в мечтах. Восемнадцатилетний фон Мюнхгаузен уехал в Россию, преисполненный юношеского честолюбия, планов и надежд, и оказался в Петербурге – городе, поражавшем даже взыскательный взгляд европейца новизной и грандиозностью. Паж молодого герцога часто бывал при дворе, восхищался фейерверками и гвардейскими парадами, видел императрицу и принимал участие в придворных обедах и праздниках. Кстати, впоследствии в одной из своих историй барон Мюнхгаузен описал гигантский паштет, поданный на таком обеде: «Когда с него сняли крышку, наружу вышел одетый в бархат человечек и с поклоном преподнес императрице на подушечке текст стихотворения». Можно было бы усомниться в этой «выдумке», если бы не точно такое же описание пира на свадьбе племянницы Петра I Анны Иоанновны (будущей императрицы) с герцогом Курляндским Фридрихом Вильгельмом. Петр I сам разрезал два огромных пирога, из которых выбежали на стол нагие карлицы и станцевали менуэт. Так что барон говорил «чистую правду», только сильно преувеличенную.

Роскошь и блеск петербургского двора не могли не поразить молодого человека, однако жизнь Мюнхгаузена состояла не только из светских развлечений. Уже в конце февраля 1738 года русские войска под командованием фельдмаршала Миниха вновь пошли на турок, и Антон Ульрих вместе со свитой отправился честно исполнять воинский долг. Это была единственная военная кампания, в которой барон Мюнхгаузен действительно принимал участие и о которой потом много и «правдиво» рассказывал. Поход оказался чрезвычайно изматывающим, турки вынудили русские войска отступать, преодолевая степи, переправляясь через притоки Днестра, и терять силы, людей и обозы. В конце концов русская армия отступила, и принц вместе с пажами вернулся в Петербург. Анна Иоанновна, наконец, назначила день свадьбы: торжественная церемония состоялась в июле 1739 года. В следующем году у Анны Леопольдовны родился сын Иван, которого императрица и назначила своим наследником.

В это же время для Мюнхгаузена, который уже «вырос» из роли пажа, открылась перспектива карьеры в русской армии.

Свою военную службу он начал в 1740 году корнетом кирасирского Брауншвейгского полка, созданного специально для Антона Ульриха, который считался его командующим, поэтому офицерами туда назначались в основном иностранцы. Кирасирские полки (то есть кавалеристы-«латники») считались привилегированными и находились на особом положении. Офицеры были расквартированы в наиболее удобных местах, получали повышенные оклады, имели превосходство в чинах. А их мундиры поражали даже царствующих особ. Мать будущей императрицы Екатерины княгиня Ангальт-Цербстская, впервые увидав русских кирасир, с восторгом записала в дневнике: «Я очень хвалила виденный мною кирасирский полк, который действительно чрезвычайно красив». Кафтан из лосиной кожи, обшлага из голубого бархата, высокие тупоносые сапоги с отворотами и шпорами, черная треугольная шляпа, обшитая серебряным позументом и украшенная белым бантом и золотой пуговицей, шпага с золоченым эфесом в серебряной портупее… Этот строевой мундир русского кирасира остался навеки запечатленным во внешности литературного барона Мюнхгаузена, как его изображают иллюстраторы знаменитых похождений.

Реальный же барон, судя по найденной его переписке, хоть и обладал правом носить эффектный мундир, был занят более чем будничными заботами. Мюнхгаузен оказался в Лифляндии (которая вместе с Эстляндией была присоединена к России после Северной войны). Жизнь в Риге, куда направили новоиспеченного корнета, была ему близка и вполне понятна, ведь эти земли с XIII века были завоеваны немецкими крестоносцами и принадлежали остзейским баронам. Для Мюнхгаузена началась обычная служба – сохранились его отчеты в полковую канцелярию, где он докладывает о событиях армейских будней, – здесь и амуниция, и провиант, получение новых лошадей и лечение заболевших, разрешение солдатам жениться, поимка беглых и т. д. Все служебные документы написаны по-русски и лишь подписаны “Lieutenant von Münchhausen”. Известно, что и впоследствии Мюнхгаузен не мог писать на русском языке, но говорил, видимо, достаточно хорошо. Скучная рутинная работа, но барон, наверное, не один раз перекрестился, когда в России начали происходить стремительные и серьезные изменения.

Согласно манифесту, после смерти Анны Иоанновны престол переходил к ее двоюродному внуку – младенцу Ивану, до совершеннолетия которого управлять страной должен был ее фаворит герцог Бирон. Но в 1740 году – через три недели после смерти императрицы – Анна Леопольдовна произвела дворцовый

переворот, отправила Бирона в ссылку и объявила себя правительницей России до совершеннолетия сына. Мюнхгаузен, вовремя сориентировавшись, послал своему бывшему господину почтительное письмо, после чего Антон Ульрих приказал произвести его из корнета в поручики. Для Мюнхгаузена это был серьезный скачок в карьере, так как на эту вакансию претендовали еще 12 человек. Но правление Анны Леопольдовны длилось, как известно, тоже недолго – дочь Петра I Елизавета Петровна считала, что у нее прав на престол значительно больше, и с помощью верных ей солдат Преображенского полка в 1741 году арестовала всю царствующую семью. Понятно, что если бы Мюнхгаузен оставался пажом Антона Ульриха, то не миновать ему участи господина, которую разделили почти все его приближенные… Так адъютант принца Геймбург провел в российских тюрьмах 20 лет, после чего был выслан из России. Но Мюнхгаузен счастливо избежал такой участи, покинув два года назад свиту Антона Ульриха, – вместо ареста и ссылки он продолжал военную службу, проявив себя честным офицером, аккуратно исполнявшим обязанности. Ему больше не пришлось принимать непосредственное участие в военных действиях, зато пришлось поучаствовать в различных торжественных церемониях.

В 1744 году Мюнхгаузен лично встречал немецкую принцессу Софью-Фредерику-Августу Ангальт-Цербстскую, ставшую впоследствии одной из важнейших фигур в русской истории, – будущую императрицу Екатерину II. Юная принцесса вместе с матерью остановилась отдохнуть в Риге, где ее с подобающей торжественностью встретил кирасирский полк. Во главе почетного караула стоял Иероним Карл Фридрих фон Мюнхгаузен. Он же сопровождал немецкую принцессу, когда она отъезжала из Риги в Петербург. Если вспомнить о моральном облике Екатерины II, то трудно себе представить, что торчащий на русском морозе под окнами будущей императрицы Мюнхгаузен остался не замечен. Когда высокие гости покидали Ригу, Мюнхгаузен сопровождал их, гарцуя в конном строю. Впоследствии он рассказывал: «Медвежьи шкуры я отослал русской царице. Царица выразила свою признательность в собственноручном письме, доставленном мне чрезвычайным послом. В этом письме она предлагала мне разделить с ней ложе и корону. Но поскольку меня никогда не прельщал королевский сан, я в самых изысканных выражениях отклонил милость ее величества…» («Восьмое приключение на море»).

Барон никогда не предавался грусти из-за того, что «не разделил корону» с будущей императрицей. В тот момент все его помыслы занимала другая женщина – дочь судьи Якобина фон

Дунтен. 2 февраля 1744 года произошло важное для Мюнхгаузена романтическое событие – он обвенчался с любимой и поселился в ее родовом поместье Дунте. Местные жители поселка Дунте, что на «расстоянии полета мюнхгаузенского пушечного ядра» от Риги (в полусотне километров), до сих пор рассказывают в кабачках историю о том, как барон Мюнхгаузен познакомился здесь, на берегу Балтийского моря, с Якобиной. Кстати, пресловутое ядро до сих пор бережно хранится в местном музее: гид утверждает, что именно на нем барон летал на войну. Сегодня от дома Мюнхгаузена осталось только основание, зато отреставрирован дом управляющего. Посетителям с гордостью покажут бутылки, мебель, личные записи и предметы одежды барона – все подлинное, историческое, принадлежащее великому фантазеру. А в кабачке музея Мюнхгаузена можно попробовать фирменный напиток барона и тех самых уток, которых знаменитый фантазер стрелял через дымовую трубу. Хранители же музея уже мечтают о тех временах, когда здесь будут построены отели и в поселок Дунте хлынет поток туристов из Европы, ведь Евросоюз уже обещал помочь в обустройстве исторических мест.

В этих местах барон прожил со своей женой шесть лет: охотился, вел хозяйственные дела, а вечерами, говорят, рассказывал в кабачке свои истории. Рассказы барона слушали с удовольствием. Правда, случались и казусы – какой-то офицер, услышав о стае куропаток, простреленной ружейным шомполом, решил, что рассказчик над ним издевается. Этот скандал мог легко дойти до дуэли, если бы вояке вовремя не шепнули, что господин барон болен и искренне верит в свои фантазии. Но так ли это было? Скорее всего, нет. И утвердившееся в психиатрии понятие «синдром Мюнхгаузена» (принятие своих вымыслов за реальность) непосредственно к самому барону отношения не имеет. Напротив, всю свою жизнь барон Иероним Карл Фридрих демонстрировал отменное здравомыслие, не выказывая никаких признаков душевного расстройства. Просто чинная помещичья жизнь казалась ему скучной, и он изо всех сил старался сделать ее интереснее хотя бы посредством своих историй и общения. А когда его рассказам не верили, вступала в действие оскорбленная дворянская гордость. И чем больше смеялись слушатели, тем яростнее барон утверждал, что все им рассказанное – чистая правда.

Однако рассказы рассказами, а карьера не складывалась: войны не было, обойти длинную очередь поручиков так же легко, как дюжину корнетов, не получилось. Дослужившись в 1750 году до чина ротмистра, Мюнхгаузен вместе с женой уехал на родину, чтобы уладить наследственные дела после смерти матери и

старших братьев. Он написал прошение о годичном отпуске и продлевал его дважды, вплоть до 1753 года. Получив в наследство небольшое поместье, барон решил выйти в отставку, ив 1754 году его исключили из полка. На этом его служба в России закончилась.

Однако Мюнхгаузен полюбил Россию и до самых последних дней своих сохранил в воспоминаниях о ней теплоту и сердечность. Он с гордостью демонстрировал строки указа императрицы Елизаветы: «Иероним Карл Мюнхгаузен Нам верно служил, для его оказанной службе Нашей ревности и прилежности в Наши ротмистры всемилостивейши произведен 20 февраля 1750 года» (копия этого указа висит на стене боденвердерского музея). Барон очень гордился своим званием и, вернувшись в Боденвердер, решил во всех официальных документах именоваться не иначе как ротмистром российской армии.

Мюнхгаузен счастливо проживал с Якобиной в своем небогатом имении. Хозяйственные заботы, охота, сплетни и свары соседей – так текли монотонные будни. Единственной отдушиной в большом, наполненном событиями мире оставались фантазии и воспоминания, воспоминания о России. И вот по округе пошла гулять молва о боденвердеровском помещике, потчующем гостей удивительными историями. Мюнхгаузен рассказывал их талантливо и остроумно, и, чтобы послушать его, люди приезжали издалека. Только ли выдумки и забавные несуразицы манили их в Боденвердер? Конечно, нет. В рассказах Мюнхгаузена был не только вымысел. В них была жизнь страны, неведомой и загадочной для многих земляков. Его истории сокрушали предрассудки, высмеивали чванливое невежество и местечковый национализм бюргеров. В книжке о его приключениях есть очень примечательная реплика, сказанная Мюнхгаузеном по поводу его участия в походах русской армии: «У меня… нет особых притязаний на славу, добытую в крупнейших боях с неприятелем. Все мы вместе выполняли наш долг патриота, солдата и просто честного человека».

Следует отметить, что барон, в отличие от своего книжного собрата, был красив. Среди экспонатов музея бережно хранится портрет молодого человека в форме русского офицера елизаветинских времен, в стальной кирасе, с белым шарфом на шее, шпагой на боку. Букли уставного парика из-под треуголки, высокий лоб, прямой нос, губы в легкой усмешке и большие, тщательно выписанные глаза, в которых читаются и ум, и пытливое внимание. Вопреки сложившемуся стереотипу, именно таким был Мюнхгаузен в 30 лет. Именно таким – молодым,

обаятельным и симпатичным, а не тщедушным старичком с закрученными на кайзеровский манер усами – знали его друзья, собиравшиеся в Боденвердер со всей округи, чтобы послушать рассказы об удивительных приключениях барона.

В маленьком Боденвердере (тогда – 1200 жителей) барон вел жизнь небогатого помещика, развлекаясь охотой, редкими поездками в соседние города Ганновер, Геттинген, Гамельн да рассказывая в кругу друзей за бутылкой вина у камина о своих удивительных подвигах. Впрочем, Мюнхгаузен не стеснялся и более широкой аудитории. Геттингенцы ждали приезда барона, который обычно рассказывал забавные истории в ресторанчике гостиницы «Король Пруссии». Современник так описал свои впечатления: «Обычно он начинал рассказывать после ужина, закурив свою огромную пенковую трубку с коротким мундштуком и поставив перед собой дымящийся стакан пунша… Он жестикулировал все выразительнее, крутил руками на голове свой маленький щегольской паричок, лицо его все более оживлялось и краснело, и он, обычно очень правдивый человек, в эти минуты замечательно разыгрывал свои фантазии». Кстати надо сказать, барон Мюнхгаузен был весьма остроумен и чаще всего начинал повествование в ответ на слишком уж невероятные россказни охотников или рыболовов об их выдающихся «подвигах». Его слава рассказчика росла, но дальше устного творчества литературные претензии барона никогда не простирались. Так и катилась бы его жизнь к спокойному концу, однако в старости Мюнхгаузена подстерегли приключения погорячее, чем полет на ядре.

Сначала его рассказы стали распространяться по Нижней Саксонии; их повторяли другие когда-то слышавшие Мюнхгаузена люди. И как правило, им удавалось вызывать и интерес и хохот слушателей этого «вранья вруна всех вралей». Затем в Германии стали появляться сборники веселых нелепых историй, которые якобы рассказывал некий «М-г-з-н», а в конце 1785 года имя барона было напечатано полностью на титульном листе книжечки, изданной в Лондоне. Уже в следующем 1786 году она переиздавалась четыре раза! Первые сборники издавал в Англии Р. Э. Распе, сам некогда бывавший в компании барона и слышавший его рассказы. Затем они были переработаны и изданы другим известным литератором Готфридом Августом Бюргером под названием «Удивительные приключения барона фон Мюнхгаузена на воде и на суше, походы и веселые приключения, как он обычно рассказывал о них за бутылкой вина в кругу своих друзей». Эта книга была куда остроумнее книги Распе, поскольку ее автор, поэт Бюргер, лучше знал немецкий фольклор. Его

Мюнхгаузен вызывал симпатию как неисправимый романтик и мечтатель. Книжки обоих авторов на всех языках мгновенно распространились по Европе.

После выхода этих книг барон Мюнхгаузен лишился покоя. Его засыпали письмами самого грубого и нелестного содержания. Многие несведущие всерьез считали, что барон занимается плагиатом, то есть заимствует свои истории… у Распе и Бюргера. В маленький тихий городок стекались толпы любопытствующих – поглазеть на живого персонажа анекдотов и глуповатых шуток, ставшего при жизни всеобщим посмешищем, на легендарного вруна. Слуги Мюнхгаузена даже патрулировали поместье и лупили зевак палками.

Барон воспринял свою непрошеную фантастическую литературную известность как оскорбительную насмешку, счел свое доброе имя опозоренным, собирался даже судиться, но изменить уже ничего не мог. Барон Мюнхгаузен даже подал в суд за клевету, но первое издание, вышедшее в Лондоне, было анонимным, и суд отклонил иск (о том, что «Повествование барона Мюнхгаузена…» опубликовал Распе, стало известно много позже).

Прижизненная слава рассказчика и выдумщика принесла Мюнхгаузену лишь одни огорчения и неприятности. Родственники, обвинив барона в том, что он опозорил их имя, отвернулись от него. Но этой беды оказалось мало: барон совершил поступок, достойный его литературного однофамильца. Судьба вновь сыграла с ним злую шутку – Мюнхгаузен влюбился! Его любимая супруга Якобина, с которой он прожил 46 лет, к тому времени умерла, детей у них не было, и барон Мюнхгаузен решил жениться снова. Семнадцатилетняя Бернардина фон Брун, дочь отставного майора, согласилась выйти за него замуж, ив 1793 году состоялась их свадьба. Говорят, брачную ночь 73-летнему старцу пришлось коротать одному – новобрачная загуляла с гостями. Через полтора года разразился скандал: Бернардина родила от писаря из ближнего городка ребенка, которого барон отказался признать своим.

Барон затеял судебную тяжбу и дело о разводе. Однако суд требовал больших издержек и колоссального терпения. Разбирательство затянулось. История последней любви Мюнхгаузена имела печальный финал: оплачивая бесконечные заседания, он полностью разорился и остался в одиночестве. Ребенок умер, юная жена сбежала за границу, прихватив скромные сбережения Мюнхгаузена. На старости лет привыкший к многолюдному окружению барон оказался в полном одиночестве. Другой на его месте отчаялся бы или впал в уныние,

но барон Мюнхгаузен до самой смерти оставался верен себе: когда ухаживавшая за ним женщина спросила, почему у него не хватает двух пальцев на ноге (их он отморозил в России), барон Мюнхаузен гордо сообщил, что их откусил белый медведь…

Не выдержав злоключений, барон Иероним Карл Фридрих фон Мюнхгаузен скончался в нищете 22 февраля 1797 года.

Литературный же Мюнхгаузен быстро завоевал Европу, а затем и весь мир. Не раз ему удавалось выходить победителем из самых невероятных передряг, о которых сегодня знает каждый школьник, и даже после смерти он перехитрил судьбу. Понятно, что и в России его встретили как своего. Первый русский перевод «Приключений Мюнхгаузена», сделанный Н. П. Осиповым, вышел в Петербурге в 1791 году под заглавием, которое лучше всего подходило устному творчеству барона, – «Не любо – не слушай, а врать не мешай». Книги Распе и Бюргера, великолепный детский пересказ Корнея Чуковского издавались за два столетия на десятках языков многими миллионами экземпляров. В «мюнхгаузиады» вкладывали различное содержание: от простой развлекательности до политической сатиры или даже философских идей. Наконец, «новый Мюнхгаузен» научился даже странствовать во времени: например, во время Первой мировой войны неизвестный автор сочинил «Приключения барона Мюнхгаузена на Мировой войне». Впоследствии перемещения Мюнхгаузена во времени стали довольно частым литературным приемом.

Лучшие «мюнхгаузиады» связаны не с «дополнением» приключений Мюнхгаузена, а с переосмыслением образа главного героя. Если ранние «мюнхгаузиады» словно уводили читателя от реального прототипа, то в XX веке авторы сближали «своего» барона с реальным Мюнхгаузеном. Такое сближение придает главному герою жизненную достоверность, репутация враля сменяется образом романтического мечтателя, а то и правдолюбца. Таковы роман Пауля Шербарта «Мюнхгаузен в Берлине», повесть Сигизмунда Кржижановского «Возвращение Мюнхгаузена», пьеса Вальтера Хазенклевера «Мюнхгаузен», пьеса и киносценарий Григория Горина и поставленный по ним художественный фильм «Тот самый Мюнхгаузен».

Знаменитый барон стал героем всеми любимых книг, пьес и кинофильмов. Дом Мюнхгаузенов в Боденвердере стоит и поныне, в нем сейчас расположена городская администрация. А по соседству – небольшой музей Мюнхгаузена. Городок на реке Везер украшают скульптуры знаменитого земляка и литературного героя. В Боденвердере есть оригинальный памятник-фонтан, который изображает барона восседающим на половинке лошади,

жадно приникшей к колодцу, и, точь-в-точь как в его рассказе, взору обернувшегося всадника предстает поток воды, выливающейся у него за спиной. В 2004 году в Москве был открыт памятник «Барону Мюнхгаузену – Человеку, способному вытащить себя и других из болота». Самый правдивый человек в мире вернулся и в Калининград, где российскому офицеру и литературному герою открыли памятник: почти трехтонный металлический барельеф установлен в парке у Театра кукол. На нем изображен полет Мюнхгаузена на пушечном ядре.

На родине барона принято считать олицетворением лживости. А в стране, которой Мюнхгаузен служил верой и правдой, искренне верят как человеку, у которого на каждый день запланирован подвиг!

НАЩОКИН ПАВЕЛ ВОИНОВИЧ

(род. в 1801 г. – ум. в 1854 г.)

Имя Нащокина лучше всего известно пушкинистам. Во многочисленных монографиях, посвященных жизни Пушкина, Павел Воинович упоминается как самый преданный и верный друг и поклонник поэта. Как правило, ближайшее окружение гениев оказывается в тени. Нащокина эта участь миновала. Он был личностью более чем известной. Один из первых посвященных ему очерков появился под рубрикой «Московские оригиналы былых времен».

Павел Воинович Нащокин имел репутацию чудака – надо сказать, вполне заслуженную. Тем не менее, его современники чуть ли не в один голос называли его человеком редкого обаяния, ума и доброты. Казалось бы, к чудакам обычно относятся несколько свысока, однако Павел Воинович пользовался всеобщим уважением, несмотря на то что его образ жизни несколько отличался от общепринятого… Впрочем, судите сами.

Павел Воинович происходил из дворянского рода. Его отец, Воин Васильевич Нащокин, был одной из заметных фигур

Екатерининской эпохи, был принят при дворе, но после прихода к власти Павла I вышел в отставку. По семейному преданию, когда Павел спросил Воина Васильевича о причине отставки, тот, ничуть не смутившись, заявил: «Вы горячи, я горяч, – нам вместе не ужиться». Государь подарил Нащокину деревню в Воронежской губернии, и он зажил там барином. По воспоминаниям Павла Нащокина, в их доме царили весьма своеобразные порядки. Скажем, когда отцу приходилось куда-либо выезжать, это превращалось в настоящую экспедицию. Впереди на рослой лошади ехал поляк Куликовский с валторной, с помощью которой он подавал сигналы привала и похода. Следом ехала одноколка Воина Васильевича, за которой (на случай дождя) шла двухместная карета. Под козлами кареты ехал любимый шут Нащокина – Иван Степанович. Дальше выстраивался целый обоз: кареты с прислугой, фуры с борзыми собаками, буфет на 16 лошадях и даже повозки с различной мебелью – барин любил путешествовать с комфортом и останавливаться предпочитал прямо в поле.

Мать Нащокина была из рода Нелидовых. История ее знакомства с будущим мужем, ставшая одним из семейных преданий, может вызвать удивление и у сегодняшних читателей. Воин Васильевич, заблудившись на охоте, приехал в дом Нелидовых. Ситуация, в общем-то, совершенно обычная – в те времена люди редко отказывали в гостеприимстве даже случайным путникам – разумеется, своего круга. Удивительно другое: Воин Нащокин до такой степени влюбился в дочь Нелидова, что не захотел ждать буквально ни дня. На то, чтобы добиться руки и сердца Нелидовой (а кроме того – благословения на брак ее родных, что намного труднее), Воину Васильевичу понадобились всего лишь сутки. Свадьба состоялась на следующий день, и с тех пор супруги были неразлучны. В записках Павла Нащокина есть упоминание о том, как складывалась семейная жизнь его родителей: «Отец мой ее любил, но содержал в строгости. Много вытерпела она от его причуд. Например: она боялась воды. Отец мой в волновую погоду сажал ее в рыбачью лодку и катал по Волге. Иногда, чтоб приучить ее к военной жизни, сажал ее на пушку и палил из-под нее». Неудивительно, что Павел, с детства привыкший к тому, что в доме всегда шумно, весело и необыкновенно, повзрослев почувствовал тягу к такому же положению вещей.

Разумеется, дети в семье Нащокиных, как и в других дворянских семьях, не только развлекались. Отец не жалел средств на учителей, которые занимались с самим Павлом и его братом. Сестра в то время жила в Москве. Однако домашнее

воспитание могло лишь заложить основы образования, поэтому в 1814 году Павел Нащокин поступил в Благородный пансион при знаменитом Царскосельском лицее. Это, казалось бы, не слишком значительное событие оказало огромное влияние на всю последующую жизнь Павла Нащокина. Дело в том, что одновременно с ним в пансионе учился Лев Пушкин – брат Александра Сергеевича. Во время одного из визитов поэта к брату и состоялось знакомство Пушкина и Нащокина, которое позже переросло в тесную дружбу. Пушкин держал его в курсе своих литературных дел, делился житейскими неурядицами, следовал его советам, как человека опытного и доброжелательного.

Впрочем, об этом периоде жизни Нащокина историкам известно не слишком много. В обнаруженных ими документах упоминается лишь, что Павел Нащокин курса не завершил – не то разочаровавшись в науках, не то под влиянием каких-то жизненных обстоятельств. Вместо того чтобы корпеть над переводами с латыни и греческого, Нащокин отправляется в армию. Есть сведения, что в 1819–1823 годах он служил вначале в Измайловском, а затем в Кавалергардском полку. В 1823 году Павел Воинович вышел в отставку «по домашним обстоятельствам» в чине поручика и более не служил.

Недостатка в средствах Павел Воинович мог не опасаться, поэтому довольно скоро стал вести тот образ жизни, который вызывал у современников удивление и зависть. Нащокина охотно принимали в лучших домах Петербурга, он был настоящей находкой для общества. К деньгам он относился легко, охотно покровительствовал художникам и артистам. Но что вызывало наибольшее изумление общества – это страсть Нащокина к покупке на первый взгляд абсолютно бесполезных вещей: китайских безделушек, бронзы, мраморных ваз. Если какая-то из выставленных вещей ему нравилась, он, не торгуясь, платил за нее любые деньги. Если бы Нащокиным двигало стремление создать собственный домашний музей, это было бы более-менее понятно – коллекционированием увлекались многие. Но дело в том, что Павел Воинович раздаривал свои приобретения не менее охотно, чем их покупал. Достаточно привести лишь один пример: как-то раз Нащокин приобрел за баснословные деньги… маленький восковой огарок, перед которым знаменитая актриса Асенкова учила свою лучшую роль (в роли продавца выступила ее горничная). Покупкой огарка дело не ограничилось: Нащокин велел оправить его в серебро, а затем подарил футляр с огарком кому-то из знакомых.

Но самым известным его «экспонатом» был знаменитый на всю Россию кукольный домик. Это был двухэтажный макет

дворянского дома, который представлял собой прямоугольный футляр с раздвижными стеклами. Нащокин стал первым в России, кто воспроизвел в миниатюре всю свою тогдашнюю обстановку: мебель фирмы Гамбса, скатерти, салфетки, фарфоровую и хрустальную посуду (столовые приборы, разложенные на столе, были едва различимы простым глазом). Если судить по сохранившимся миниатюрным предметам, то можно сказать, что в «Домике» были гостиная, столовая, буфетная, кабинет, бильярдная, спальня, будуар, детская. Вероятно, в этот перечень входила и «пушкинская комната». Всего в нащокинском домике насчитывалось более 600 предметов настолько тонкой работы, что даже современные специалисты восхищаются искусством мастеров, сумевших в то время достичь такой тонкости и точности в работе.

Пушкин искренне восхищался «Домиком». Он писал жене: «Дом его отделывается: что за подсвечники, что за сервиз! Он заказал фортепьяно, на котором играть можно будет пауку…» Кстати говоря, жена Нащокина Вера Александровна при помощи тоненьких прутиков действительно играла на игрушечном инструменте. В «Домике» были игрушечные часы, которые показывали время с такой же точностью, что и настоящие, самоварчик, который можно было вскипятить… Все вещи были выполнены по заказу Нащокина русскими искусниками, мастерами по фарфору и бронзе, ювелирами из Германии и Италии. На изготовление миниатюрного шедевра ушло много лет и еще больше денег. «Домик» обошелся Нащокину в 40 тысяч рублей – почти фантастическая по тем временам сумма! За эти деньги можно было купить настоящий особняк. Первоначально Нащокин собирался завещать свой домик Наталье Николаевне Пушкиной. Однако этого обещания выполнить не сумел: игрушечный особняк был заложен и не выкуплен…

Знакомых – и близких, и «шапочных» – у Павла Воиновича было великое множество. Он был известным меценатом и ценителем настоящих талантов, дружил с Гоголем, Жуковским, Денисом Давыдовым, Баратынским, Брюлловым. Благодаря Нащокину стал известен художник-портретист Петр Федорович Соколов. А сколько гораздо менее известных, но безусловно талантливых людей находило в его доме поддержку и участие!

Впрочем, в гости к Нащокину приходили не только за дружеским советом или материальной помощью. Там постоянно происходило нечто необыкновенное, разительно отличающееся от привычных светских приемов. Некоторое представление об атмосфере нащокинского дома дает отрывок из второго тома «Мертвых душ» Гоголя. Дело в том, что исследователи

практически единогласно утверждают, что Павел Воинович послужил прототипом Хлобуева. Приведем лишь небольшой отрывок из четвертой главы: «Если бы кто заглянул в дом его, находившийся в городе, он бы никак не узнал, кто в нем хозяин. Сегодня поп в ризе служил там молебен, завтра давали репетицию французские актеры. В иной день какой-нибудь, не известный никому почти в дому, поселялся в самой гостиной с бумагами и заводил там кабинет, и это не смущало и не беспокоило никого в доме, как бы было житейское дело. Иногда по целым дням не бывало крохи в доме, иногда же задавали в нем такой обед, который удовлетворил бы вкусу утонченнейшего гастронома. Хозяин являлся праздничный, веселый, с осанкой богатого барина, с походкой человека, которого жизнь протекает в избытке и довольстве. Зато временами бывали такие тяжелые минуты, что другой давно бы на его месте повесился или застрелился».

О трудных временах Гоголь упоминает не случайно. Нащокин довольно быстро растратил свое немалое наследство (что при его расходах было неудивительно). Другой бы на его месте уехал в деревню, навсегда запомнив горький урок, и попытался бы как-то прокормиться со своего имения. Но Павел Воинович никогда не падал духом и встречал периоды безденежья, почти нищеты, с философским хладнокровием. Он был из тех счастливых людей, которые живут, как евангельские птицы небесные: не думая о грядущих невзгодах. Нащокин не сомневался, что на смену черной полосе придет белая, и судьба не раз доказывала справедливость подобного отношения к жизни. Биографы подсчитали, что он около десяти раз становился богачом, а затем оказывался в полной нищете. За падением следовал очередной взлет. Временами ему помогали друзья. Например, в 1834 году Пушкин помог Нащокину и его молодой жене выбраться из Тулы. Они сидели там без единой копейки, не имея возможности ни уехать из города, ни жить там. В другой раз (точных дат, к сожалению, не сохранилось) он выиграл крупную сумму в карты. В третий – получил нежданно-негаданно наследство от дальнего родственника. В последний раз он сумел поправить свои дела в 1854 году, но после его смерти семье пришлось туго: выплатив долги, они остались практически ни с чем.

По обычаям того времени, Нащокин, приезжая в город, снимал дом. Поэтому у него не было постоянного адреса. К перемене обстановки он относился так же спокойно, как и к деньгам, и принимал гостей то в роскошных апартаментах, то в убогих, скудно обставленных комнатах. Он жил то в Николопесковском переулке, то в Гагаринском, то на Остоженке,

то «противу старого Пимена»… Тем не менее, Пушкин, приезжая после долгого перерыва к Нащокину, находил его дом очень легко: все извозчики отлично знали адрес Павла Воиновича.

Говоря о Нащокине, нельзя не сказать несколько слов о его жене – Вере Александровне. Она была дальней родственницей Павла Воиновича, женщиной редкой душевной красоты. Интересно, что Нащокин представил ее Пушкину еще до свадьбы. Пушкин весь вечер проговорил с Верой Александровной, а когда собрался уходить, Нащокин в шутку спросил: «Ну что, позволяешь на ней жениться?» – «Не позволяю, а приказываю», – ответил Пушкин. Свадьба состоялась в начале 1834 года, и Нащокины прожили в мире и согласии двадцать лет. У них родилось шестеро детей – четыре дочери и два сына.

Пушкин был самым близким другом Павла Нащокина. Это было настоящее родство душ. Пожалуй, не было ни единого значительного события, по поводу которого они бы не советовались друг с другом. Пушкин просил у «Войныча» совета перед женитьбой. Он был крестником его дочери, к несчастью умершей в раннем возрасте. В доме Нащокиных поэту была отведена отдельная комната, которую так и называли – «пушкинской». Впрочем, друзья проводили вместе гораздо меньше времени, чем хотелось обоим. Когда не было возможности увидеться, поддерживали оживленную переписку. В январе 1836 года Пушкин писал Нащокину: «Думаю побывать в Москве, коли не околею на дороге. Есть ли у тебя угол для меня? То-то бы наболтались, а здесь не с кем…» Встретились они только в мае. Пушкин прожил у Нащокиных 18 дней и уехал в Петербург – навстречу смерти.

Смерть Пушкина стала для Нащокина страшным ударом. Он пережил друга на 17 лет и до конца жизни не смирился с этой утратой. В гостиной Нащокиных стоял прекрасный бюст Пушкина работы И. П. Витали, а в 1839 году по заказу Нащокина художник К. Мазер написал портрет поэта в халате (после смерти мужа Наталья Николаевна подарила его Павлу Воиновичу). Чета Нащокиных всю жизнь хранила самые теплые воспоминания о Пушкине и охотно делилась ими с исследователями творчества поэта.

По воспоминаниям современников (прежде всего – Николая Васильевича Гоголя), практически все сороковые годы прошли для Нащокина в страшной нужде. Гоголь помогал ему как мог и даже пытался подыскать для него место воспитателя в богатом доме. Эта идея в конце концов провалилась, да и странно было бы видеть Павла Воиновича в качестве примера для подражания и педагога… Однако сам Гоголь искренне считал, что у Нащокина

есть несомненный талант пробуждать в людях лучшие чувства, и давал ему наилучшие рекомендации.

Незадолго до смерти Нащокин пережил последний период привольной и богатой жизни. Однако чувствовалось, что знаменитый российский оригинал начал уставать от жизни. Последней его страстью стала карточная игра – он просиживал за столом целые ночи, с попеременным успехом ставя на кон немалые деньги. Скончался он в богатом доме на Плющихе – как и всегда, съемном, оставив после себя безутешную вдову и детей. Вера Александровна пережила его почти на полвека. В конце жизни она с огромной теплотой вспоминала мужа и считала себя счастливой, хотя ютилась на убогой даче и была вынуждена отказывать себе во всем и даже сдавать одну из комнат постояльцам. О ней вспомнили лишь во время празднования столетнего юбилея Пушкина, привезли на торжественное заседание Московского университета, даже выхлопотали пенсию. Вера Александровна вновь оказалась в центре всеобщего внимания, но ненадолго: 16 ноября 1900 года она умерла. Ее похоронили на Ваганьковском кладбище, рядом с Павлом Воиновичем.

На этом можно и окончить рассказ о Павле Нащокине. Осталось только упомянуть о судьбе его самой любимой и дорогой игрушки – «Домика». Он существует и сейчас – в прошлом веке стараниями музейных работников и исследователей больше половины его обстановки, рассеянной по всему свету, было собрано и выставлено в музее А. С. Пушкина. Тысячи людей смогли своими глазами увидеть то, на что Павел Воинович затратил столько сил и средств. И радостно улыбнуться – ведь нащокинский домик, как и его создатель, создает вокруг себя удивительно легкую и радостную атмосферу. Атмосферу чуда.

ОВЧИННИКОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

(род. в 1938 г.)

Художник Владимир Овчинников из райцентра Боровск (Калужская область) совершенно бесплатно рисует на стенах и заборах. Но не то, что вы подумали… Его рисунки – это настоящая живопись, на которую специально приезжают посмотреть туристы из других городов.

Бывший инженер-строитель первую роспись сделал на глухой стене дома, принадлежавшего некогда местному купцу Санину. На оштукатуренном полотне он нарисовал главный собор города и уходящую к нему дорогу. Получилось так правдоподобно, что один из шоферов увидел эту дорогу, свернул на нее и, естественно, врезался в стену. С тех пор перед картиной стоит ограждение.

Родился Владимир Александрович Овчинников в 1938 году. У него нет художественного образования, он окончил в свое время Московский инженерно-строительный институт, работал в

различных строительных организациях, возводил дома, трубы, маяки, защитил кандидатскую диссертацию, воспитал двух дочек. А художником Овчинников стал только после выхода на пенсию, когда из шумной Москвы перебрался в тихий провинциальный районный центр Боровск.

Некогда один из первых духовных центров России, Боровск к началу XIX столетия превратился в обычный провинциальный городок на полпути меж Калугой и Москвой. После октябрьского переворота 1917 года Боровск начал приходить в упадок, хотя раньше процветал, славился купцами-меценатами, торговлей, суконным производством.

Однажды в Свято-Пафнутиев-Боровском монастыре – прямо на день рождения святого Пафнутия – обвалился купол, а под ним обнаружились фрески, расписанные самим Дионисием, учеником Рублева. И стали монастырь возрождать, потянулись туда паломники, экскурсанты. Но рядом с возрождающимся монастырем Боровск, где для развития туризма у властей средств не находилось, продолжал влачить жалкое существование. И тогда Овчинников взял кисти и расписал унылые фасады и некоторые заборы. Художник выбрал для своего творчества городские административные здания, пожарную часть, библиотеку, суд, больницу, бывшие купеческие особняки, многоэтажные дома, торговые ряды рынка. Картины служили также иллюстрацией стихов жены художника, замечательной поэтессы из города Обнинска Калужской области, Эльвиры Чистяковой.

Идею расписывать стены домов ставшего родным калужского городка Владимиру Александровичу подсказал в 2002 году друг, Вячеслав Черников. Он когда-то служил в Прибалтике и видел, что там заборы и дома красиво расписаны. «Давай попробуем баллончиками рисовать», – предложил Черников. Но при этом краска не смешивалась, выходило грубо, пришлось Овчинникову использовать кисти и краски.

«Сюжеты искал сам, – рассказывал в одном из интервью художник. – Рядом в доме окно было заколочено фанерой. Я на ней изобразил окно с сидящим на подоконнике котом. Подошел ко мне мальчишка и сказал: «О, точно как мой, только у меня рыжий».

Владимир Александрович немногословен, сдержан и в то же время стремителен в делах, нацелен на новые идеи и образы. Оттого и выходят ежегодно книги с его картинами, появляются новые холсты с портретами, пейзажами, натюрмортами. Из всех видов техники он предпочитает пастель. А параллельно Овчинников украшает стены домов райцентра, и небольшой

провинциальный городок преображается на глазах.

Вначале никаких согласований и прочей бумажной волокиты не было. Пенсионер, получив устное согласие мэра города, взял кисти, краски, стремянку и начал работать. Ни о каком вознаграждении речи не шло, город был расписан исключительно на энтузиазме этого, как его называют некоторые жители, чудака-бессребреника. Нарисовав за три летних периода около 70 настенных «полотен», он материально не обогатился ни на копейку. Вдобавок к своей пенсии строителя Овчинников подрабатывает тем, что водит по городу экскурсии и даже выпустил путеводитель «Параллельный Боровск» с обозначением исторических мест и своих росписей.

А показать приезжим есть что. Например, изображения знаменитых земляков: «отца русской космонавтики» ученого Циолковского, прожившего здесь восемь лет, адмирала Сенявина, промышленников братьев Полежаевых (их групповой портрет – это как бы увеличенная копия фотографии начала XX столетия, которая украшает дом, где они жили), художника Прянишникова и др. Любопытно также туристам будет взглянуть на виды Боровска, выполненные по старым фотографиям, сюжет о пожаре 1857 года, когда выгорело полгорода, современные пейзажи и натюрморты. И конечно, пользуются вниманием экскурсантов «Окна в мир» – аллея росписей-размышлений о жизни, о человеке:

Распахнуты окна для добрых прохожих.
Пускай распахнутся и души навстречу!
И станет чуть легче тяжелая ноша
На этой аллее средь лип долговечных.

Почти всегда картины Овчинникова сопровождают поэтические строки замечательной поэтессы Эльвиры Чистяковой. Ее стихи раскрывают смысл картин и заодно дополняют, а часто и развивают мысль Овчинникова. Этот союз слова и картины, возникший еще во время работы над иллюстрированным альбомом «Боровск в живописи и поэзии» (40 художников и поэтов), со временем перерос в семейный союз и продолжает радовать жителей райцентра и приезжих новыми творческими удачами.

Владимир Александрович с супругой скромно живет в маленьком частном домике на улице Первого мая. Впрочем, в Боровске люди в основном обитают в одноэтажках.

Маэстро молод и перспективен. Молод душой. Его азарт, доброта, искренность передаются через росписи всем, кто попадает в поле их воздействия.

«Я поставил перед собой задачу – восстановить в образах историю города хотя бы 100-летней давности, – делился откровениями Овчинников в одном из интервью. – А летопись у Боровска за почти 650 лет очень богатая. Через городок отступал Наполеон Бонапарт. Здесь жил и творил Константин Циолковский. В Боровском монастыре, в подземельях, томился ссыльный протопоп Аввакум. Сюда сослали непокорную боярыню Морозову и княгиню Урусову, здесь они и умерли от голода и были похоронены».

«Святую троицу» Владимир Александрович изобразил на 75-метровой картине, написанной на стене бывшего здания райкома КПСС. Эту работу автор считает самой удачной. Кстати, здесь же неподалеку перезахоронен прах боярыни Морозовой.

Есть в городке шуточная картина о Пушкине, издали видно Наполеона на коне в память о том, что французский завоеватель дважды ночевал в Боровске. На базарной площади Овчинников нарисовал лавки купцов, среди которых изображен и Полежаев, основатель суконной фабрики. На стене рядом со зданием районной администрации красуется симпатичный старик-огородник с огромным огурцом в руках и рядом надпись «Молодец наш огурец». (Эти края – огуречный рай и издавна славятся умелыми огородниками). На стене старой гостиницы огромное полотно «Чаепитие» – девять бородатых и статных мужиков за самоварами пьют чай. Перед крутым поворотом – картина с цветочками и пожеланием водителям «красивого поворота».

Владимир Александрович рассказал журналистам историю создания одной своей картины. Как-то к нему подошла женщина и попросила расписать гараж ее мужа, нарисовать, к примеру, березки. Художник изобразил хозяина на фоне деревьев. И все, кто поднимается от речки, думают, что это живой человек перед гаражом стоит со своей внучкой. Однажды, не разглядев, что это рисунок, подошла к воротам соседка и обратилась к нарисованному соседу: «Петр Васильевич, ты мне разрешишь здесь травку покосить кроликам?» А тут он сам выходит живой. Она так и обомлела…

Стараниями Овчинникова сквозь больные многолетней слепотой окна старых купеческих особняков проступают образы их жителей, старинные интерьеры, цветы… А то вдруг заколоченное окно отразит уголок современного города.

Все «полотна» Владимир Александрович пишет в одиночку, без подмастерьев. По его словам, помощь бывает нужна, когда приходится рисовать на большой высоте. Для этой цели мэрия предоставляла художнику вышку, с которой он и производил

необходимую работу. Одну стенку подготовила частная строительная фирма, все остальное сделал сам, на свои средства.

Затраты в основном на краски, кисти, где-то надо было подготовить поверхность. Мастер скромно говорит, что это не очень большие затраты – в среднем где-то около тысячи рублей на картину. Последнее время ему помогают местные предприниматели, которые владеют магазинами строительных материалов. Они сами предлагают Овчинникову свои услуги и дают бесплатно шпаклевку, цемент и краску. Он не злоупотребляет подобной благотворительностью, для каких-то своих хозяйственных нужд ее не использует, а только для работы над картинами.

Художник молод и технологиями: его удивительно современные сюжеты, написанные по, казалось бы, неподготовленной поверхности (голой кладке кирпича или иногда отваливающейся штукатурке), превращают эти поверхности в органичный элемент росписи. Добрые, информативные, колористически выдержанные картины стали не только визуальным украшением города, но и заставили многих задуматься о прошлом, прикоснуться к своим корням, ощутить потребность осмысленно жить. Росписи создали в Боровске удивительную параллельную реальность, которая положительно воздействует на повседневную жизнь горожан и многочисленных туристов.

Например, рядом с речкой Владимир Александрович расписал профессорский забор, сопроводив рисунки стихами своей жены Эльвиры Чистяковой. Да так удачно, что хозяин стал водить вдоль своего забора экскурсии. А рисунок на стене больницы заставил горожан взяться за лопаты, вскопать клумбы, высадить цветы – неудобно было видеть запущенный пустырь рядом с такой красотой. У местных предпринимателей появилась потребность не просто устанавливать ларьки-палатки, а делать это красиво, с обустройством цветников и фонарей, а у городских властей – вдумчиво реконструировать старые торговые ряды.

Слухи о том, что чудаку-художнику сделала заказ администрация города, он опровергает. К сожалению, не всегда его творческие начинания находят понимание со стороны чиновников. А порою бывает и такое противодействие, которое не удается преодолеть. Вот, к примеру, есть в Боровске картинная галерея, расположенная в бывшем храме Всех Святых. Владимир Александрович хотел на глухой стороне написать картину памяти Прянишникова, который жил в этих краях и вместе с Крамским основал Товарищество передвижных выставок. Много его картин экспонируется в Третьяковской галерее, а на родине о нем

почему-то забыли. И что же? «Роспись мне делать запретили. Говорят, это будет осквернением храма, принадлежащего старообрядцам. А то, что внутри церкви висят светские картины и люди с толстыми кошельками устраивают всякие банкеты, почему-то никого не смущает…» – сокрушался Овчинников.

Творчество замечательного художника большинством боровчан воспринимается положительно, простым людям его картины нравятся. Доказательством симпатии и поддержки горожан служит то, что ни к одному портрету не пририсованы ни рожки, ни ножки, не добавлены надписи. Для художника это было приятной неожиданностью. Ведь поначалу ему казалось, что будет повальный вандализм. Но ничего подобного не случилось. Чем это объяснить? Мэр города говорил, что, мол, это дело прекрасное, поэтому не поднимается рука у людей осквернять картины. С одной стороны – так. А с другой стороны, может быть, действительно, что-то меняется в людях и добро берет верх? Во всяком случае, хотелось бы в это верить.

Хотя далеко не все так безоблачно. Есть чиновники, которых раздражает необычное творчество художника. «Власти представлены разными людьми. Кто-то положительно относится, приветствует, одобряет, в меру сил помогает или хотя бы не мешает. А у кого-то настороженное отношение к моим работам: все неординарное чиновникам от культуры легче отклонить и запретить, чем одобрять и поощрять», – размышляет Владимир Александрович.

К сожалению, «отцы» города пока не имеют в бюджете денег ни для поддержки заманчивых планов самобытного живописца, ни для развития туризма и превращения Боровска в туристический центр наподобие Суздаля. Это могло бы вдохнуть в райцентр новую жизнь. Не зря побывавший здесь композитор Геннадий Гладков, увидев настенную галерею Овчинникова, долго восхищался такой красотой.

Многочисленное сообщество боровских художников, среди которых есть и признанные мастера, пока не рискнуло подхватить и развить инициативу Владимира Александровича, – видать, не всем по плечу масштабность такого дела и бескорыстность.

Не один год в России поднимается вопрос о национальной идее. А Овчинников не рассуждает об этом вслух, а ярко и образно преподносит всем эту самую идею своим творчеством: знание своих корней должно сочетаться с желанием качественного преобразования своей же собственной жизни в каждом конкретном уголке России. Притом своими собственными силами, без оглядки на бытовые обстоятельства, президентов, правительства и так называемую элиту.

В последнее время к Владимиру Александровичу зачастили журналисты и телевизионщики. О нем регулярно появляются заметки не только в местных и региональных газетах и журналах, но и в центральных изданиях, а также ведутся репортажи на общероссийских телевизионных каналах и на радио. Знаменитый боровчанин принимал участие в финале чемпионата России по хобби и не остался незамеченным. Даже Британское агентство «Рейтер» подготовило информацию о творчестве нетитулованного российского художника из провинции.

А в апреле 2005 года Овчинников выставлялся в Москве. На Крымском валу в Центральном Доме художника успешно прошла его персональная выставка под названием «Параллельный город». На ней были представлены фотографии работ Владимира Александровича – понятно, что стены боровских домов и заборы с картинами в столицу не привезешь. Посетители в книге отзывов написали много теплых слов художнику и пожелали ему новых творческих успехов.

Однако не всем по душе работа Владимира Александровича. По сообщению корреспондента АНН Олега Аленушкина, в августе 2005 года неизвестные уничтожили настенную картину В. А. Овчинникова «Россия возродится». На ней были изображены мэр Москвы Юрий Лужков и калужский губернатор Анатолий Артамонов. Самого маэстро вызвали на заседание административной комиссии и предупредили об ответственности за создание несогласованных с властями настенных росписей. Дескать, население Боровска высказало пожелание прекратить работу: во-первых, закончились хорошо оштукатуренные здания, во-вторых, городок уже перенасыщен таким монументальным творчеством. Об этом, в частности, поведал журнал «Медведь» за ноябрь 2005 года:

«…Он сделал город Боровск Калужской области самой большой в мире картинной галереей под открытым небом. Жителям нравится. Туристам тоже. Не нравится только местным властям: время от времени они закрашивают работы Овчинникова большими квадратами Малевича».

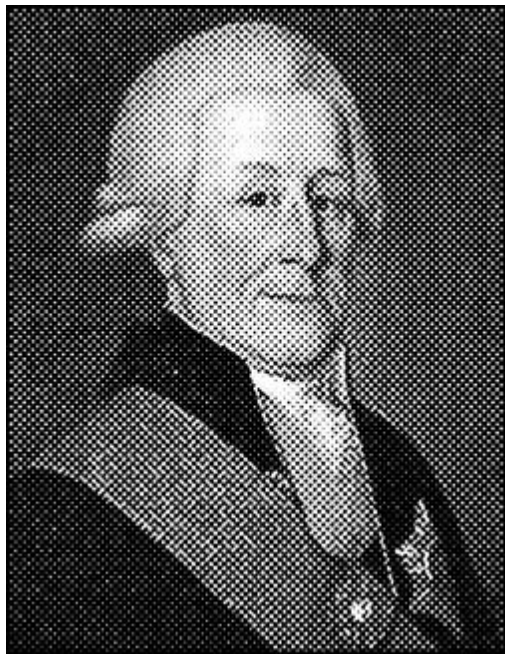
Иногда это делается и по просьбам жителей города. Нет, к искусству своего земляка они относятся хорошо, но эта настенная живопись нередко вступает в противоречие с их бытовыми потребностями – ведь, согласитесь, как-то неловко вывешивать белье на балконе, под которым нарисован великий полководец Дмитрий Донской.

И все же, несмотря ни на что, художник полон творческих замыслов. Эльвира Чистякова и Владимир Овчинников всегда рады пригласить всех желающих на прогулку по Боровску,

обретшему по желанию необычного художника многомерность и многовременность. 70 стен домов и заборов этого маленького городка в Калужской области стали произведениями искусства. Какой еще населенный пункт России может похвастать такой замечательной галереей под открытым небом?

ОСТЕРМАН ФЕДОР АНДРЕЕВИЧ

(род. в 1723 г. – ум. в 1804 г.)

Российский государственный деятель, тайный советник, генерал-поручик, губернатор Москвы (1773–1781), сенатор, граф, автор «Замечаний на записки Маништейна о России», старший сын знаменитого дипломата и сподвижника Петра I – вице-канцлера А. И. Остермана.

Федор Андреевич Остерман отличался чрезмерной рассеянностью, о которой было всем известно и которая вошла в предания. «Общий Гербовник Российской империи» так характеризует его: «Человек он умный и благородный, прославился между современниками своею необыкновенною рассеянностью. Она создает иногда комичные ситуации, чаще хлопотные, но, как правило, без тягостных последствий».

Рассказывают, что однажды Федор Андреевич приехал в присутствие, держа в руке вместо шляпы ночной горшок. В другой раз он шел по паркету, на котором было разостлано полотно. Граф принял его за свой выпавший носовой платок и начал засовывать полотно в свой карман.

Родился он 31 марта 1723 года и был вторым сыном тайного советника Андрея Ивановича Остермана – его старший брат Петр, появившийся на свет годом раньше, прожил всего чуть больше года. Затем родились Анна Андреевна (1724–1789) и Иван Андреевич (1725–1811).

Родиной старинной бюргерско-пасторской фамилии Остерман можно считать Вестфалию или Пруссию, хотя отдельные представители ее встречались в Баварии и Саксонии. Наиболее выдающимся лицом из этого рода, до переселения его в Россию, являлся Петер Остерман, юрист и писатель, живший в Кельне в XVII столетии.

До наших дней не сохранилось сведений, отличался ли кто-нибудь из предков Федора Андреевича какими-либо чудачествами. Но известно, что его отец, дипломат и тайный советник Андрей Иванович Остерман, прославился своей неряшливостью. Он носил грязную одежду, комнаты его были неубраны и грязны, прислуга ходила в лохмотьях, серебряная посуда, из которой Андрей Иванович ел, больше смахивала на оловянную. Запущенность и беспорядок наблюдались как в доме, так и вокруг него. И все равно сподвижник Петра I оставался любимцем императора. Он присутствовал у Остерманов при рождении и на крестинах Федора со своей дочерью царевной Анной и ближайшим окружением.

Федора записали сержантом лейб-гвардии Преображенского полка, он получил хорошее домашнее образование. Его учил молодой Г. В. Рихман, впоследствии известный физик, академик, соратник Михаила Ломоносова.

В 1840 году Федор был уже капитаном гвардии и кавалером ордена Св. Александра Невского. Этой награды он был удостоен скорее за заслуги своего отца, так как вряд ли 17-летний капитан сам прославился на каком-либо поприще. На эту мысль наводит, прежде всего, дата получения ордена – 25 февраля. В этот день праздновалась десятая годовщина вступления на императорский престол Анны Иоанновны, и награды раздавались направо и налево.

Вскоре Федор женился на графине Анне Васильевне Толстой, но детей у них не было. Затем последовали дворцовые интриги, к которым его отец, вице-канцлер Российского императорского двора Андрей Иванович Остерман, был причастен. В опале среди прочих оказался и его политический конкурент, фельдмаршал Бурхард-Кристоф Миних. И именно мужественное поведение фельдмаршала на судилище спасло жизнь обоим подследственным. Миних пережил Остермана на 20 лет (он умер в 1767 г.) и еще успел достойно послужить России.

После опалы отца и его ссылки в январе 1742 года Федор был переведен вместе с братом Иваном из гвардии в Троицкий пехотный полк, расквартированный в башкирских степях, где прослужил 20 лет. Императрица Елизавета Петровна лишила Федора высокой награды, правда, оба брата сохранили звания капитанов. Но уже через месяц они были частично амнистированы: им возвратили конфискованные отцовские имения.

Во время Семилетней войны с Пруссией подполковник Бутырского пехотного полка Ф. А. Остерман отличился храбростью и умением командовать. За боевые подвиги в августе 1758 года он был произведен в полковники и назначен командиром Вологодского пехотного полка. В боях под Франкфуртом в знаменитом Кунерсдорфском сражении 1 августа 1759 года полковник был ранен. В 1762 году уже к концу войны Остерман в чине генерал-майора командовал бригадой в Мекленбургском корпусе графа П. А. Румянцева. По окончании военных действий Федор Андреевич вернулся в Россию в составе Третьей дивизии под командованием князя В. М. Долгорукова.

22 сентября 1762 года, вскоре после вступления на престол, императрица Екатерина II наградила Ф. И. Остермана орденом Св. Анны 1-й степени и назначила шефом Нарвского пехотного полка. В 1763 году он был назначен командиром Московской дивизии и присутствующим в Военной коллегии.

17 января 1768 года его вновь наградили орденом Св. Александра Невского, которого Остерман был лишен в 1742 – м, а в 1771 году генерал-майор был произведен в генерал-поручики.

В том же году императрица предложила Государственному совету назначить Остермана губернатором Астрахани вместо Бекетова. В то время в Астраханской губернии было неспокойно. Калмыки, кочевавшие в низовьях Волги, удалились из России, «что произвело великое смятение в тех краях и дало повод к разным военным мерам». Впрочем, смены губернатора Астрахани тогда не произошло.

С 1773 года Федор Андреевич состоял губернатором Москвы. Тогда не было еще разделения института губернаторства на гражданскую и военную сферу – реформа губернского управления ощутимо коснулась Москвы, когда Остермана на посту губернатора сменил 1 января 1781 года печально известный обер-полицмейстер Н. П. Архаров.

Воспоминаний современников о Ф. А. Остермане сохранилось очень мало. Одно из них оставил И. М. Долгоруков. Оно относится к моменту окончания Долгоруковым университета. «При первом моем появлении в свете Остерман ободрил меня

своим вниманием и похвалил; принял меня в доме своем, как родственника; снабжал рекомендациями к уважительным лицам в Петербурге… В первый раз, когда я к нему приехал с почтительным визитом, он меня принял в своем кабинете и с благородной откровенностью сказал мне следующее: “Наши предки всегда ссорились, и междоусобия их у Двора были причиной ссылок и ужаснейших бедствий для вашего и нашего рода; нам, потомкам, надлежит это забыть, и прежние раны уврачевать дружелюбным между собою общением”».

Остерман был хорошо знаком с известным духовным деятелем и просветителем Московским митрополитом Платоном, под попечительством которого находилась Академия. Уже в преклонном возрасте Федор Андреевич брал у Платона уроки богословия и вел с ним переписку. К сожалению, сегодня остается невыясненным, какое место занимал Ф. А. Остерман в жизни митрополита. Исследователь И. М. Снегирев в 1856 году писал, что Платон действительно преподавал богословие Остерману. Это доказывают найденные после их смерти тетради, писанные собственною рукою Платона, и переписка его с канцлером И. А. Остерманом.

В день 20-летия вступления на престол Екатерины II, 28 июня 1782 года, Остерман получил чин 2-го класса – действительного тайного советника (в звании сенатора он оставался до самой смерти). В 1793 году Федор Андреевич удостоился высшей российской награды – ордена Св. Апостола Андрея Первозванного.

В московском доме Федора Остермана в Малом Трехсвятительском переулке проживали (помимо хозяев) родственники его жены Анны Васильевны. Мать Федора Тютчева, Екатерина Львовна, была ее племянницей и воспитанницей. Здесь прошли детские годы будущего поэта, родилась его сестра Дарья. Екатерина Львовна почитала Ф. А. Остермана как отца, историки предполагают, что своего сына она назвала в честь Федора Андреевича.

В старости Ф. А. Остерман удивлял московскую публику своими причудами. Анекдоты, которые ходили о нем, запечатлели Д. Н. Бантыш-Каменский, П. А. Вяземский и некоторые другие авторы.

Был случай, когда в доме у своих друзей Остерман поднял на руки хозяина вместо его внука и очень удивлялся, что за неделю мальчик мог так потяжелеть.

В другой раз он принял известного и знатного посетителя за некую барыню, стал обличать его мотовство и распутство и грозил отдать в опеку.

Садясь в кресло, Федор Андреевич кричал, чтобы везли его в Сенат, чесал за обеденным столом ногу соседа вместо своей ноги, плевал в его тарелку. Бывало, чудак, выходя на улицу из кареты, долго стоял неподвижно возле какого-нибудь дома, уверяя лакея, что он еще не закончил своего занятия, между тем как с крыши лил дождь. Иногда он являлся в гости в таком наряде, что заставлял барышень краснеть, а вступив с хозяином в ученый разговор, тут же засыпал.

К несчастью, браки Федора Андреевича и Ивана Андреевича Остерманов потомков не имели. Иван, женатый на Александре Ивановне Талызиной, дослужился до вице-канцлера, президента Коллегии иностранных дел. Он был человеком сосредоточенным и благородным. «Гербовник» так и пишет о нем: «Муж души возвышенной, пламенно любящий свое отечество, он благородством поступков своих стяжал почтение современников».

Знаменитой фамилии грозило угасание. Братья обратились к Екатерине II с просьбой о передаче имени, титула и герба Остерманов их двоюродному внуку (т. е. внуку их сестры), Александру Ивановичу Толстому. Государыня просьбу благосклонно рассмотрела и издала соответствующий разрешительный указ.

Еще в 1742 году младшая сестра Федора Андреевича – графиня Анна Андреевна Остерман – в возрасте 18 лет по личному выбору императрицы Елизаветы Петровны была выдана замуж за незнатного подполковника Матвея Андреевича Толстого. Таким образом, императрица, с одной стороны, выступила как благодетельница, устраивая судьбу дочери опального вице-канцлера, с другой – брак представительницы столь знатного рода с малоизвестным подполковником определенно был наказанием: в замужестве Анна лишалась графского титула, а ее дети наследовали только дворянство.

Внук Анны Андреевны, Александр, родился в 1770 году, на следующий год после ее смерти. В 26 лет он был уже подполковником, участвовал в штурме Измаила, имел орден Св. Георгия 4-й степени. Его имя сохранено в военных анналах, он был боевым генералом и в качестве командира дивизии активно участвовал в сражениях с французами. В битве под Кульмом 30 августа 1813 году храброму генералу оторвало руку.

Особенно любил своего внучатого племянника отставной генерал-поручик Федор Остерман, которому тот навевал воспоминания о боевой молодости.

Значительно позже, живя в Италии, Александр Иванович Толстой-Остерман заказал несколько литографированных портретов своих родственников, в том числе и братьев Остерман.

Под изображением Федора Андреевича он сделал надпись «Мой благодетель».

Умер Федор Андреевич в Москве 10 ноября 1804 года. Он оставил интересные «Замечания на записки Манштейна о России», которые были напечатаны в «Отечественных записках» в 1825, 1826, 1828 и 1829 годах.

Чудачества Ф. А. Остермана передались и его родственнику, поэту Федору Тютчеву. Он унаследовал от графа не только имя, но и рассеянность, которая была темой многих анекдотов при петербургском дворе. Рассказывали, к примеру, о том, что как-то вместе с ненужными ему бумагами поэт бросил в мусорную корзину целый ворох своих стихов и переводов. Тютчев не принимал никакого участия в издании двух своих прижизненных книг – их подготовили к печати его друзья. У поэта они вызвали только ироническую усмешку: он считал, что «писанье – ужасное зло. Оно – как будто второе грехопадение злосчастного разума». И все-таки писал стихи, не мог не писать их, потому что Бог дал ему этот дар.

РЫБАКОВ НИКОЛАЙ ХРИСАНФОВИЧ

(род. в 1811 г. – ум. в 1876 г.)

Николай Хрисанфович Рыбаков – великий российский трагик, всю свою жизнь посвятивший театру. Это был исключительно сердечный, бескорыстный и отзывчивый человек. И вместе с тем – неуемный фантазер и выдумщик. Если бы кто-то собрал и опубликовал рассказанные им истории, получилась бы занимательная книга в духе приключений барона Мюнхгаузена.

Николай Рыбаков родился 7 мая 1811 года в Курске. Его родителей никак нельзя было назвать зажиточными людьми. Пока был жив отец (он умер, когда Николаю едва исполнилось три года), служивший управляющим имениями курских помещиков Вельяминовых, семья не испытывала особой нужды. Но после его смерти все тяготы по обеспечению семьи и ведению хозяйства легли на плечи матери. Открытая ею белошвейная мастерская приносила не слишком большой, но, по крайней мере, постоянный доход. Николай часто заходил в мастерскую и наблюдал за посетителями. Ему нравилось изучать людей – манеру их поведения, разговора. А посетители охотно беседовали

с любознательным и смышленым мальчуганом.

В десятилетнем возрасте Николая отдали в губернскую прогимназию, которую он благополучно окончил спустя четыре года – в 1825 году. Четырехлетняя гимназия не давала выпускникам ни блестящего образования, ни особой подготовки для дальнейшей учебы. Изучив четыре правила арифметики и обучившись грамоте, гимназисты оказывались во взрослом мире, далеко не всегда настроенном благожелательно. Именно во время учебы Рыбаков впервые попал в театр. С замиранием сердца смотрел Николай старинную мелодраму «Пустынник с острова Фромантеро». Театр казался ему целым миром, в котором свои законы и правила и который разительно отличается от серой реальности. Да и что хорошего могло ждать Рыбакова в жизни – его семья не имела ни средств, ни особых связей, поэтому единственным выходом для молодого человека было устроиться на службу и постепенно карабкаться по служебной лестнице.

Практически сразу после окончания гимназии Рыбаков поступил в курскую казенную палату. Он влился в чиновничью среду с огромной неохотой. Все в ней было расписано на много лет вперед: переписка бумаг, подхалимство перед начальством, медленное, но верное продвижение от коллежского регистратора до столоначальника (лет этак через сорок!). Став канцеляристом, Николай постоянно думал о театре. Крошечного жалованья катастрофически не хватало. Тогда, чтобы иметь возможность посещать спектакли, Рыбаков отправился к содержателю театра Штейну и заключил с ним соглашение: Николай обязался бесплатно участвовать в массовке, а антрепренер за это предоставил ему право посещать театр бесплатно.

Какой любитель театра не мечтает о том, чтобы хоть раз самому выйти на сцену! Рыбаков отчаянно хотел этого, и вскоре такой случай представился. 5 февраля 1826 года он впервые получил маленькую роль в водевиле Федорова «Чудные встречи, или Суматоха на маскараде». Николай имел приятную внешность, к роли подошел очень ответственно, и это решило его дальнейшую судьбу. Постепенно все привыкли к тому, что Николаю достаются все новые и новые небольшие роли. Играл он совершенно бесплатно, и это вполне устраивало и администрацию, и его самого.

Так продолжалось до 1829 года, когда театр Штейна отправился на длительные гастроли в Клев. Рыбаков принял смелое решение: оставить надежную карьеру чиновника и посвятить себя театру. Переписка бумаг еще долго давала ему возможность подработать – почерк у Николая был прекрасный, – но дальнейшая его жизнь преимущественно проходила на

подмостках. Чтобы подчеркнуть свой новый статус, он взял себе псевдоним Львов и отправился с группой Штейна на гастроли.

По непонятной причине Штейн не давал Рыбакову новых ролей. Он как будто не замечал явного таланта молодого артиста. В конце концов, в начале зимы 1832 года труппа раскололась на две части, и Рыбаков оказался в коллективе, который возглавил бывший актер театра Штейна Людвиг Юрьевич Млотковский. Примерно в течение десяти лет эта труппа стала настоящим украшением Харькова. В то время Харьков был единственным центром просвещения на Восточной Украине, здесь был университет, здесь собрались выдающиеся деятели культуры того времени. Млотковский серьезно занялся репертуаром театра. В числе спектаклей, сыгранных на харьковской сцене труппой Млотковского, были шекспировские «Гамлет», «Отелло», «Король Лир», «Ромео и Джульетта». Ставили и российских авторов – «Недоросля» Фонвизина, «Ревизора» и «Женитьбу» Гоголя…

Именно Млотковский первым разглядел талант Рыбакова. Он начал давать ему значительные роли в трагедиях. Николай стал знаменит, отказался от псевдонима и начал искать собственный путь к мастерству. С каждым новым представлением он раскрывался и совершенствовался все больше, покоряя публику и заставляя критиков признать, что его игра существенно отличается от того, что было прежде. Рыбаков избегал вычурности и позы, он брал искренностью, воодушевлением. Вскоре появились и учителя, благодаря которым он сумел из просто талантливого артиста превратиться в гениального. Первым был Павел Степанович Мочалов – великий московский актер, которого Млотковский на рубеже 30–40-х годов несколько раз приглашал в Харьков. Вторым – М. С. Щепкин, начинавший, как и Рыбаков, в труппе Штейна.

В начале 40-х годов Млотковский уехал из Харькова. Во главе созданного им театра оказалась группа дельцов, и Рыбаков принял решение отправиться на гастроли. С этого момента он практически постоянно переезжал из города в город. В его «послужном списке» были десятки городов и ярмарок – от Клева и Одессы до забытых Богом медвежьих углов, где роль театра отводилась полуразвалившемуся сараю, а актерские труппы влачили нищенское существование…

Вскоре Рыбаков стал одним из самых известных провинциальных актеров. Его имя привлекало публику, с ним охотно заключали контракты. Настало время попробовать себя в столичном театре. Николай Рыбаков дважды пытался поступить на столичную сцену. Первый раз – в 1852 году, второй – в 1854-м. Однако ни первый дебют в московском Малом театре, ни второй –

в петербургском Александринском – успехом не увенчались. Позже Рыбаков с горечью вспоминал о причинах своего поражения: «Я еще в 50-х годах хотел поступить в труппу императорских театров, и даже дебютировал и очень удачно, но потом, встретив против себя подкопы и интриги, чуть было не побил режиссера… Тогда меня призвал к себе директор театра и стал говорить мне: – По твоему таланту, говорит, я бы очень охотно принял тебя в труппу… Но я тотчас перебил его: – Прежде всего я попрошу, ваше превосходительство, отличать меня от вашего лакея и булочника – не говорить мне «ты»… Директор нахмурился и продолжал: – По таланту-то вашему я бы вас принял, но по характеру вы не годитесь: вы легко можете угодить в солдаты… Так я и остался весь свой век провинциальным артистом – Несчастливцевым!»

Кажется довольно странным, что выдающийся человек, наделенный чувством собственного достоинства, оказался в списке чудаков и оригиналов… Однако, по свидетельству современников, Николай Хрисанфович обладал патологической страстью к вранью. Вранье это было безобидным, никогда не затрагивало третьих лиц, и не приносило Рыбакову ничего, кроме репутации чудака. Когда он начинал рассказывать очередную невероятную историю, то воодушевлялся до такой степени, что сам начинал свято верить в то, что говорит. Вот лишь немногие из его историй.

Как-то в Клеве, посещая Лысую Гору, Рыбаков, по его словам, познакомился с молоденькой ведьмой. Хотя особого удовольствия общение с нечистой силой ему не доставляло, поскольку дамочка была с хвостом и нечесаная, но любопытства ради хотелось уяснить, что же это за ведьмы такие. Театральный сезон подходил к концу, и Николаю нужно было возвращаться в Москву. А денег в кармане – ни копейки, занять было не у кого, но находчивый актер сообразил, к кому обратиться. Пошел он на Лысую Гору, вызвал свою Углядку (так знакомую ведьму звали) и попросил добыть для него денег, а в залог пообещал оставить свою библиотеку.

Ведьма в ответ пропищала, что денег они не признают и при себе их не держат, но бесовскою властью обладают, и предложила доставить его в Москву задаром. Однако возмущенный Николай отказался от путешествия на помеле. Тогда ведьма объяснила, что он может поехать на чем угодно, хоть на бревне. Бревно показалось актеру более солидным транспортом, и он согласился.

На следующее утро наш герой уложил вещи, взял чемодан под левую руку, под правую на всякий случай зонтик захватил и отправился на условленное место к бревну. Там его уже

поджидала ведьма с творожными ватрушками – за ночь полтораста штук на дорогу напекла. Усадила она Николая на бревно, какие-то непонятные три слова произнесла, плюнула в его сторону, – он и взлетел. Летел-летел-летел – наконец, глядь – за что-то левой ногой задел, оглянулся – Иван Великий. Тогда приказал бревну спускаться потихоньку. Оно и спустилось, да неудачно – поперек Тверского бульвара расположилось, так что земли путешественник никак не мог достигнуть, пришлось на воздухе проболтаться всю ночь, пока утром его обер-полицмейстер из окна не увидал. Бревно-то было так велико, что через весь бульвар с крыши на крышу перекинулось, как воздушный мост. Сбежались городовые и спасательные круги стали бросать горемыке, но только никак не могли до него докинуть. Пришлось им за пожарной лестницей сходить. Приволокли и приставили ее к бревну. Николай пополз по ней, но только до половины дошел, как оказалось, что лестница до земли сажени на три не достает. Что ж было делать? Попросил он городовых растопырить руки и спрыгнул. Повели его к полицмейстеру. Тот стал допытываться: что за человек и откуда это бревно приволок. Полицию обманывать нельзя, вот актер и признался, что по знакомству с ведьмой на бревне с Лысой Горы в Москву приехал. И вышел из-за этого, рассказывал Рыбаков, вопиющий скандал: его в двадцать четыре часа выселили вон из города.

Самое интересное – к этой детской сказке Николай Хрисанфович отнесся настолько серьезно, что когда его с улыбкой спросили: «Ну тут-то вы, вероятно, проснулись?», очень обиделся и даже назвал собеседника дураком. Другие его истории (к сожалению, привести их целиком мы не можем – слишком много потребовалось бы бумаги) не менее комичны. Так, в беседе с комиком Глушковским Рыбаков абсолютно серьезно утверждал, что в Олонецкой губернии настолько плодородная земля, что если в нее бросить спичку, то через год на этом месте вырастет целый лес… В другой раз он сочинил историю о своих часах, которые будто бы потерял на охоте в окрестностях Тамбова. По его словам, он очень огорчился из-за потери часов, но пора было уезжать, не до поисков было. В Тамбов он вернулся только через три года. В один из свободных дней Николай взял собаку и отправился на охоту. Собака рыскала в траве и вдруг сделала стойку. Рыбаков остановился, крикнул: пиль! А собака стоит, не собирается дичь поднимать. Еще раз скомандовал: пиль! Не двигается собака… Решил тогда Николай посмотреть – в чем причина. Подошел к собаке. Слышит – в траве что-то тикает. Думал – стрекоза, наклонился и вскрикнул от восторга: часы

нашлись!.. Эту историю Рыбаков неизменно заканчивал словами: «И вообразите, в четыре года отстали всего на пять минут!» Еще более невероятной кажется история о строительстве какого-то театра. Рыбаков клялся и божился, что был свидетелем невероятного случая: перед строительством в землю стали забивать сваи – одна на другую. И вдруг из Парижа пришло заказное письмо, где было сказано: «Остановитесь: ваши сваи на самом красивом месте в Летнем саду сажени на четыре высунулись и производят безобразия». По словам Рыбакова, в ответ была отправлена телеграмма с оригинальным советом: облепить сваи в статуи, но ни в коем случае не подпиливать их – казенные же…

Если все эти байки (иначе их трудно назвать) создали Рыбакову славу занимательного рассказчика и большого оригинала, то случай с известным антрепренером Николаем Ивановичем Ивановым был гораздо более неловким. Однажды Иванов зашел в гости к своему знакомому купцу, заядлому театралу, и застал у него гостя, в котором безошибочно признал актера. Хозяин по какой-то причине не представил их друг другу, и Иванов между прочим спросил Рыбакова (это был именно он): «А Иванова вы знаете?». Каково же было его изумление, когда Рыбаков не моргнув глазом ответил, что Иванов – его закадычный друг, он неоднократно служил у него, да и теперь подумывает над его предложением. Вконец ошарашенный Иванов поинтересовался, в чем причина раздумий. Рыбаков вскользь упомянул, что они не сошлись в вопросе жалованья, и рассказал антрепренеру фантастический случай из его жизни (его стоит привести в изложении самого Рыбакова): «Приезжает фокусник в Тверь и обращается к Иванову с просьбой уступить ему на один вечер театр. Иванов сдать театр был не прочь, но заломил безобразную цену. Фокусник стал торговаться, а Иванов упрямится и ни копейки не спускает. Вот фокусник и говорит ему: «Ежели ты по-моему не сделаешь, то усыплю тебя на трое суток и не будешь ты ни пить, ни есть, ни свежего воздуха нюхать». А Иванов ему отвечает, подставляя к физиономии кулак: «А не знаешь ли ты, немецкая кислота, чем этот параграф пахнет?» Фокусник обозлился и пришел вечером на спектакль. «Дон Жуан» шел, и Иванов в нем статую командора изображал.

И как только взобрался командор на свой пьедестал, тут-то немец что-то такое и сотворил. Иванов моментально в величественной позе заснул, да так трое суток, как монумент, и простоял». В подтверждение своих слов Рыбаков заявил, что все три дня лично ощупывал живую «скульптуру». Терпение Иванова лопнуло, и он представился. Рыбаков ничуть не смутился, сказал,

что рад знакомству, а только что рассказанная история – совсем про другого Иванова…

Несмотря на свои чудачества, Рыбаков был по-настоящему великим артистом. За какую бы роль он ни брался, ее исполнение было безукоризненным – будь то Простаков в «Недоросле», мельник в «Русалке» или Гамлет… Артисты, имевшие счастье играть с ним на одной сцене, отзывались о нем с величайшим уважением. Он не только учил их актерскому мастерству, но и поддерживал в трудную минуту, делился последней заработанной копейкой. А ведь уже с начала 40-х годов он был обременен семьей и нередко получал куда меньшее жалованье, чем требовалось его близким. К счастью, его жена – Паулина Герасимовна – сама была талантливой актрисой и прекрасно понимала своего мужа. Они оставались вместе до самой смерти Николая Хрисанфовича, прожив немало трудных лет и воспитав четверых детей (двух сыновей и двух дочерей). Рыбаков видел в Паулине Герасимовне ближайшего соратника и называл ее в письмах «милый друг мой Павочка». Несмотря на все тяготы кочевой жизни, они всегда были рады гостям, и в их доме неизменно царила легкая и дружественная атмосфера.

Важным этапом в жизни Рыбакова стала его работа в Народном театре, открывшемся в Москве 4 июня 1872 года постановкой пьесы Гоголя «Ревизор», где Рыбаков исполнял роль Земляники. Несмотря на то что театр просуществовал всего три месяца, артист успел почувствовать, что наконец-то он занимается настоящим делом, наконец-то найден настоящий контакт со зрителем… После Народного театра Рыбаков успел поработать в Одессе, затем вернулся в Москву, в только что открытый Общедоступный театр (по иронии судьбы, он располагался на месте бывшего Народного театра). Плодотворным оказалось его сотрудничество с Николаем Островским, пьесы которого он ценил очень высоко.

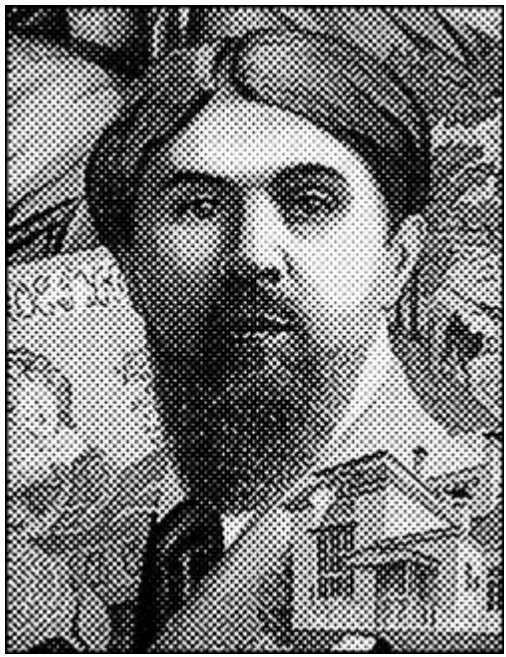
Последние спектакли с участием Рыбакова состоялись в Тамбове. Получив приглашение от антрепренера Тамбовского театра Ознобишина, Рыбаков отправился в путь с тяжким сердцем. Перед отъездом он сказал пророческие слова: «Еду в Тамбов. А ты знаешь ли, что такое по-французски tombe? Могила! Верно, уж это будет мое последнее путешествие».

12 ноября 1876 года Рыбаков должен был выступать в переводной мелодраме «Адская жизнь». Однако перед началом спектакля с ним случился обморок. Рыбакова без чувств увезли домой, и больше ему не суждено было появиться на сцене. Через три дня великий российский актер скончался от разрыва сердца, оставив по себе добрую память – и как о великом мастере сцены,

и как о чрезвычайно легком и приятном в общении человеке. Последними словами его были: «Пора! Птенцы уже подросли и сами летают!»

РЯБУШИНСКИЙ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ

(род. в 1877 г. – ум. в 1951 г.)

Владелец московской виллы «Черный лебедь», организатор «афинских ночей» с голыми девицами, меценат, антиквар, собиратель русской и западно-европейской живописи, литературный критик, редактор и издатель журнала «Золотое руно».

О ночных оргиях в особняке Николая Рябушинского по Москве ходили легенды, а количество дам, желающих посетить скандальную виллу «Черный лебедь», не уменьшалось. Страсть к женскому полу Николай Рябушинский сохранил на всю жизнь.

Видимо, чтобы ночи проходили веселее, хозяин украсил одно из помещений виллы коллекцией отравленных стрел из Новой Гвинеи. Дело в том, что Рябушинский, путешествуя в юности по экзотическим странам, побывал у папуасов-людоедов и даже якобы пил вино из черепа побежденного врага у вождя гостеприимного племени.

Устраивая светские приемы и издавая журнал «Золотое руно» себе в убыток, Николай промотал все свое состояние.

Он даже изготовил для себя саркофаг, но воспользоваться им так и не пришлось. Кроме всевозможных чудачеств и неистребимой страсти к слабому полу Рябушинский был, наверное, одним из первых российских автолихачей. Его роскошный «даймлер» красного цвета, мощностью в 60 лошадиных сил (что по тем временам было последним словом техники), жители Москвы быстро научились узнавать. Несколько раз Николая привлекали к ответственности за нарушение правил автомобильной езды, а однажды ему даже пришлось выплатить солидные отступные сбитому пешеходу.

Родился Н. П. Рябушинский в 1877 году в Москве. Его мать, Александра Степановна, была дочкой крупного хлеботорговца Овсянникова. Отец, Павел Михайлович, являлся выходцем из старинного рода купцов и предпринимателей Ребушинских. Дед Николая – основатель династии Михаил Яковлевич (1786–1858), взявший фамилию Ребушинский (измененную его сыновьями на Рябушинский) по названию родной деревни Ребушки, что неподалеку от города Боровска Калужской губернии, – раньше носил фамилию Стекольщиков. Перебравшись в Москву около 1802 года, он предъявил купеческому собранию тысячу рублей (довольно большие по тем временам деньги) и стал купцом третьей гильдии.

После Отечественной войны 1812 года Михаил Яковлевич оказался разорен, на десять лет перешел в мещане, но потом неустанным трудом вновь завоевал место в купечестве. Дело развивалось, и к 50-м годам М. Я. Ребушинский владел уже несколькими мануфактурами в Москве и в провинции. О нем говорили как об одном из видных московских богатеев. После его смерти в 1858 году сыновьям, Василию и Павлу, достался в наследство капитал в два миллиона рублей ассигнациями, и они продолжили дело отца.

Павел Михайлович заработал за свою жизнь 20 млн рублей. В 1899 году он умер, успев разумно распорядиться деньгами: несколько десятков тысяч рублей завещал своему духовному отцу, дом в Малом Харитоньевском переулке оставил жене, а сыновьям передал отлично отлаженное и энергично развивавшееся дело, а также огромнейшее по тем временам состояние в 20 млн ассигнациями.

У него было восемь братьев (не считая пяти сестер), которые позже приобрели предприятия льняной, стекольной, бумажной и полиграфической промышленности, в годы Первой мировой войны – лесопромышленной и металлообрабатывающей. В 1916

году в Москве неподалеку от Симонова монастыря они основали автомобильный завод АМО. Именно так началась история знаменитого московского автомобильного завода ЗИЛ.

Из всех братьев Рябушинских наибольшей известностью пользовался Павел Павлович, который был старшим из детей Павла Михайловича. Он и принял на себя руководство семейным делом. Павлу Павловичу пришлось столкнуться с большими трудностями, которые усугубились еще и пожаром, уничтожившим текстильные фабрики. К тому же через год после пожара покончил с собой крупный харьковский банкир и промышленник А. К. Алчевский, а именно в его дело братья Рябушинские вложили около четырех млн рублей. Но все эти напасти не сломили Павла. Он сумел не только восстановить производство, но и модернизировать его.

Павел Павлович был председателем Товарищества «Павел Рябушинский и сыновья», владельцем Московского банка, неизменным вдохновителем многочисленных совещаний и комитетов представителей промышленности и торговли России, лидером партии прогрессистов, главным редактором газеты «Утро России». В ней критиковали даже министров.

Не менее известен Дмитрий Павлович Рябушинский. Он занимался аэродинамикой, был профессором, членом-корреспондентом Французской академии наук. В 1904 году в семейном имении близ Кучино он организовал открытие первой в мире аэродинамической лаборатории, ставшей впоследствии частным институтом.

Федор Павлович, рано скончавшийся от туберкулеза, увлекался географией и этнографией. Он стал инициатором и организатором научной экспедиции по изучению Камчатки (оказавшейся весьма успешной), потратив на ее организацию 200 тысяч рублей из собственного кармана. При этом он интересовался географией, антропологией и историей Сибири и Камчатки.

Степан Павлович и Владимир Павлович были известны как собиратели старинных икон, а позже, уже в эмиграции, Владимир Павлович организовал общество «Икона», которое внесло большой вклад в изучение русской иконописи.

Имена братьев Рябушинских знали повсюду – от Риги до Бакинских нефтяных промыслов, от Архангельска до Тифлиса. Степан, Сергей и Владимир были еще и археологами, коллекционерами и специалистами по древнерусской иконописи. Михаил – тоже коллекционер, его собрание картин русских и западно-европейских художников стало жемчужиной фондов нескольких советских музеев.

Сергей впоследствии заведовал фабричным производством, Степан отвечал за коммерческую часть, Владимир и Михаил, а также и сам Павел совместно занимались банковским делом. В то же время Дмитрий, Николай и Федор, являясь совладельцами-пайщиками семейных предприятий, в предпринимательской деятельности практически не участвовали.

Николай Павлович, получивший свою долю капитала, сразу же начал вести разгульную жизнь. После неудачного брака он ударился в кутежи, получив прозвище «шалого» Рябушинского.

Известно, что российские купцы славились тем, что любили хорошо поесть, и были излюбленными мишенями газетных фельетонистов и карикатуристов. Например, в Москве отличительным признаком Купеческого клуба было стремление всячески подчеркнуть превосходство денежных тузов над теряющей былое значение в государстве дворянской аристократией. В отличие от дворян, предпочитавших французскую кухню, купечество упирало на старинные русские кушанья: «банкетная» телятина; поросенок с хреном; поросенок с кашей; белая индюшка, откормленная грецкими орехами; стерляжья уха; двухаршинные осетры; белуга в рассоле; «пополамные» расстегаи из стерляди и налимьих печенок и многое другое.

Поросята на вторничные обеды в Купеческом клубе покупались за огромные деньги у трактирщика Тестова. Телятина «банкетная» – в Троицко-Сергиевской лавре, где телят отпаивали цельным молоком. Каплуны и пулярки шли из Ростова Ярославского. Ну а после обильной закуски можно было и повеселиться.

Владимир Гиляровский писал: «На обедах играл оркестр Степана Рябова, и пели хоры – то цыганский, то венгерский, чаще же – русский от «Яра». Последний пользовался особой любовью, и содержательница его, Анна Захаровна, была в почете у гуляющего купечества за то, что умела потрафлять купцу и знала, кому какую певицу порекомендовать; последняя исполняла всякий приказ хозяйки, потому что контракт отдавал певицу в полное распоряжение содержательницы хора».

Молодой повеса Рябушинский завел себе певичку Фажетт из французского ресторана, купал ее в шампанском, катал на лихачах, дарил драгоценности от Фаберже. За одно только колье с жемчугом и бриллиантами чудак заплатил десять тысяч двести рублей. В общем, за два месяца он умудрился промотать 200 тысяч рублей. Это были огромные деньги. По последним данным, один русский золотой рубль того времени стоил примерно 30–35 нынешних долларов США. Можно также напомнить, что тогда

плата в пятьдесят копеек за рабочий день считалась хорошей для рабочего.

Старшие братья Рябушинские обратились к московскому генерал-губернатору с просьбой установить опеку над расточителем, который наносил ущерб всему семейному делу. И эта просьба была удовлетворена. Николая признали недееспособным, он не мог без согласия братьев-опекунов распоряжаться своим имуществом.

Опека была снята, когда Николай Павлович вроде бы взялся за ум и в 1906 году занялся издательством богато иллюстрированного журнала «Золотое руно». Тогда братья разрешили ему, пользующемуся в обществе скандальной репутацией, тратить деньги, но уже на хорошее дело.

Сотрудничавший в журнале Александр Бенуа оценивал его издателя как «фигуру любопытнейшую, не бездарную, во всяком случае особенную». Николай Павлович публиковал под псевдонимом Н. Шинский свои стихи и прозу в «Мусагете» и других модных изданиях того времени, и конечно, в своем журнале.

«Золотое руно» – запоминающееся явление в мире искусства начала XX века, в течение нескольких лет именно этот журнал был одним из центров русского символизма. В разное время здесь печатали свои работы художники К. Коровин, В. Серов, П. Кузнецов, М. Сарьян, писатели и поэты А. Блок, К. Бальмонт, А. Белый, В. Брюсов, А. Ремизов, И. Бунин, Д. Мережковский, З. Гиппиус, В. Иванов, Г. Чулков и др. Издание пользовалось в России огромной популярностью. Всего за три года из печати вышло 34 номера.

Само название журнала определило его цель – упорные поиски того Золотого руна, которое скрывается не в какой-нибудь таинственной Колхиде, а здесь, в глубине русского народного духа. На страницах этого популярного издания пропагандировалась русская культура. Выставки «Голубая роза», устраиваемые журналом, знакомили россиян с новейшими направлениями в западно-европейском искусстве, а весь мир – с Михаилом Ларионовым, Натальей Гончаровой, Мартиросом Сарьяном, Павлом Кузнецовым. Следует отметить, что впервые в «Золотом руне» появились портреты В. Брюсова (работы Врубеля), Ф. Сологуба (работы Кустодиева), В. Иванова (работы Сомова), Б. Зайцева (работы Ульянова), К. Бальмонта и Л. Андреева (работы Серова), А. Белого (работы Бакста), а также автопортреты Врубеля, Бакста, Сарьяна, Нестерова, Кузнецова, Уткина и многих других.

Как видим, при всех своих чудачествах и недостатках

Николай Павлович жертвовал большие деньги и на меценатскую деятельность. В отличие от Щукиных и братьев Морозовых, предпочитающих коллекционировать произведения художественного французского авангарда, Рябушинский поддерживал отечественное изобразительное искусство. Он вырастил плеяду молодых художников-символистов – П. Кузнецова, С. Судейкина, Н. Сапунова и др.: покупал их картины, находил им работу, устраивал грандиозные выставки их полотен в Петербурге, Москве, Саратове. Бабник и прожигатель жизни оказался предтечей русского Серебряного века в литературе и русского авангардизма в изобразительном искусстве.

«Искусство символично, – писал Н. П. Рябушинский, – потому что оно несет в себе символ, выражение Вечного во Временном».

Имея на руках громадные суммы (в том числе и часть отцовского наследства), он построил в Петровском парке Москвы уникальный загородный дом «Черный лебедь» в неоклассическом стиле (архитекторы В. М. Маянов и В. Д. Адамович). Здесь собиралась богема – известные художники, артисты, писатели, поэты, а также самые богатые и знатные люди Москвы. Для них, как утверждала народная молва, проводились «афинские ночи с голыми актрисами».

Об одном из кутежей очевидец оставил такие воспоминания: «…Кругом было «море разливанное»: в бетонных гротах пляшут полураздетые девчонки с Тверского бульвара, на бутафорских скалах, как после горной битвы, валяются вниз головой пьяные. Кто-то во фраке лезет на пальму обезьяной, кто-то в подтяжках плавает в бассейне за стерлядью, кто-то – почти голый – принимает душ под фонтаном. Немногие, кто уцелеет до утра, – те к «Жану», в извозчичий трактир: пить огуречный рассол с коньяком и целоваться с извозчиками – во имя народа…»

Дорожки виллы Рябушинского были обсажены пальмами, на клумбах цвели орхидеи и другие цветы. В саду пели заморские птицы с невиданно ярким оперением, распушив веером узорчатые хвосты, прогуливались павлины, бегали золотистые фазаны. У входа в сад был приготовлен саркофаг, как последнее пристанище Николая Рябушинского, у собачьей будки сидел леопард.

За строгим фасадом виллы скрывался изысканный интерьер: причудливая мебель, изготовленная по специальному заказу, с клеймом в виде черного лебедя, обтянутая парчой и шелком и пропитанная ароматными курениями; прекрасная роспись на стенах, выполненная художником Павлом Кузнецовым. На показ гостям была выставлена великолепная художественная коллекция: драгоценные фарфоровые вазы, фигурки драконов, привезенные хозяином с острова Майорка. Стены виллы были

увешаны ценнейшими картинами. Черный лебедь красовался на бокалах и рюмках из тончайшего венецианского стекла, сделанных в Италии по заказу Н. П. Рябушинского. Все столовое убранство было с тем же вензелем: скатерти, салфетки, посуда, серебряные приборы.

Расходы на журнал, светские приемы и страсть к картам разорили Рябушинского. С 1913 года Николай жил большей частью в Париже и на Лазурном берегу Франции, зарабатывая на жизнь торговлей антиквариатом.

Осенью 1913 года братья Рябушинские отпраздновали 25-летие товарищества «Павел Рябушинский и сыновья». Февральскую буржуазную революцию 1917 года они восприняли с надеждой. Павел Павлович тогда даже позволял себе шутить: «Мы вот теперь говорим, что Россия стоит перед пропастью. Но переберите историю: нет такого дня, чтобы эта страна не стояла перед пропастью. И все стоит». Однако к лету настроение братьев-миллионеров изменилось – Временное правительство уступило диктату Советов.

После октябрьского переворота и захвата власти большевиками Рябушинские уехали за границу. Павел, Сергей, Владимир и Дмитрий жили во Франции, Степан – в Италии, Михаил – в Англии. Конечно, их предпринимательская деятельность за границей была несколько более скромной, чем на родине, но они даже смогли заниматься благотворительностью. Например, на их средства был открыт дом для престарелых эмигрантов близ Ниццы.

Скандально известное здание «Черного лебедя» занял районный отдел ЧК. (Сейчас в особняке Рябушинского расположился банк). В доме чекистами была обнаружена коллекция икон Николая Павловича, которая пополнила экспозицию Третьяковской галереи.

Хозяин виллы оказался на побережье Средиземного моря – в княжестве Монако на юге Франции, расположенном на Лазурном берегу между французской Ниццей и итальянским Сан-Ремо. И даже в эмиграции, в городе Монте-Карло, Николай Павлович организовал художественную галерею «Голубая роза». Его партнерами стали известные американские промышленники Морган, Рокфеллер, а также Вандербильт.

Интересно, что на начальном этапе революционной борьбы за власть в России братья Рябушинские активно финансировали именно большевиков, точнее – национал-большевиков. Николай Рябушинский еще в 1914 году открыл в Париже антикварный магазин, торговавший предметами русской старины, ас 1917 года вполне официально занимался российской комиссионной

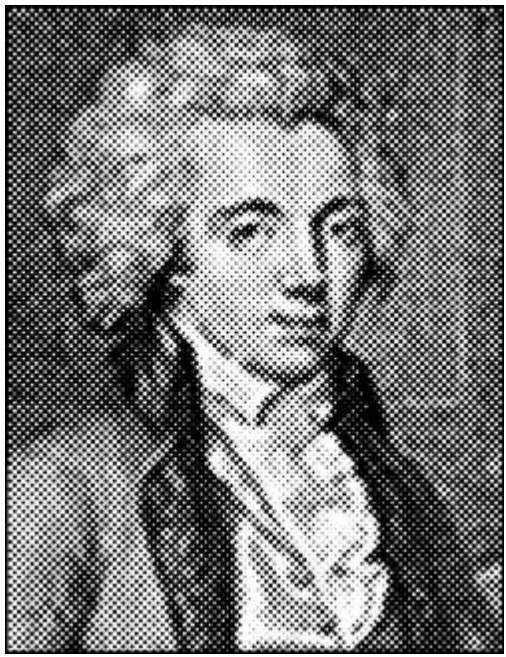
торговлей. Воспользовавшись связями Николая в среде антикваров, владелец нефтяных промыслов Степан Лианозов организовал контрабандный канал для поставки из России во Францию художественных ценностей, а также наладил доставку черной икры с рыбных промыслов Каспия. Канал Лианозова был придуман и организован им вместе с большевиками, и единой нитью связал персидский порт Энзели, чьи икорные промыслы как раз и принадлежали Лианозову, и нефтяной Баку, где работала его генеральная нефтяная компания «Ойль». Из Баку контрабандный товар шел в Грузию, через Батуми попадал на Черное море, а уже оттуда – в Средиземное море и, наконец, в Монте-Карло.

Николай Павлович Рябушинский доживал здесь последние годы своей феерической жизни, лелея уже не скандально знаменитую московскую виллу «Черный лебедь», а свой маленький антикварный магазин на площади Бомарше. Но к женщинам все равно питал слабость. Уже в глубокой старости, когда ему было за семьдесят, работая в художественной галерее «Эрмитаж» в Монте-Карло, Рябушинский пережил последнее увлечение. Он полюбил молодую – втрое моложе его – беженку из Германии.

Умер Николай Павлович Рябушинский 19 апреля 1951 года в Ницце.

СКАВРОНСКИЙ ПАВЕЛ МАРТЫНОВИЧ

(род. в 1754 или 1757 г. – ум. в 1794 г.)

Знаменитый меломан. Граф, покровитель композиторов и музыкантов. Неудержимая, никем и ничем не контролируемая страсть к музыке сделала его одной из самых курьезных фигур XVIII столетия.

В книге русского писателя Михаила Ивановича Пыляева (1845–1900), изданной в Санкт-Петербурге в конце XIX столетия, несколько страниц посвящено Павлу Мартыновичу Скавронскому. В наши дни его имя практически не известно. Однако в царствование императрицы Елизаветы Петровны он занимал при дворе почетное место и был широко известен благодаря своим эксцентричным выходкам, связанным исключительно с музыкой.

Высокого положения Павел Мартынович достиг потому, что был сыном родного брата императрицы Екатерины I, Мартына Карловича – лифляндского (латышского) крестьянина. Как известно, Петр I очень любил свою жену-простолюдинку, поэтому

и родственники ее были обласканы царем. Родившийся в бедности, Мартын Карлович был принят при дворе, а в царствование дочери Петра, Елизаветы Петровны, стал одним из крупнейших российских вельмож. В 1727 году получил титул графа, потом звание генерал-аншефа и должность обер-гофмейстера. Своему сыну Павлу он оставил огромное состояние. Это, однако, не пошло на пользу его единственному отпрыску.

Энергичный Мартын Карлович знал цену хорошим манерам и образованию, поэтому нанял сыну лучших учителей-иностранцев. Но Павел Мартынович так и не смог сделать приличную карьеру. Все силы его ума и души были направлены на утоление единственной страсти – музыки. К сожалению, музыкальных способностей у графа не было, что вовсе не мешало ему чувствовать себя чрезвычайно одаренным человеком.

В этом Скавронский был убежден уже в юности. Однако его пение и музыкальные сочинения не вызывали у слушателей энтузиазма. Тогда граф решил, что на родине нет настоящих ценителей его таланта, и отправился за границу.

В то время музыкальной Меккой в Европе считалась Италия. Поскольку Скавронский был чрезвычайно богат и швырял деньги налево и направо, вокруг него очень скоро образовался большой круг прихлебателей из числа оперных артистов, музыкантов и просто сомнительных личностей, вовсю расхваливающих его необыкновенный талант. Он задавал им пиры и дарил дорогие подарки в виде изящных сюрпризов, чем прихлебатели были очень довольны.

Как человека богатого и знатного его охотно принимала аристократия. Однако граф и не подозревал, что его чрезвычайная популярность связана с тем, что его новых друзей привлекают его деньги и экстравагантный образ жизни, граничащий с шутовством.

Друзья-музыканты притворно восхищались бездарными музыкальными произведениями, разучивали их и даже выступали с ними на сцене, вызывая либо недоумение, либо возмущение взыскательной итальянской публики. Сочиненные Скавронским оперы ставились на сцене в Италии. Однако за их постановку он платил огромные деньги, закупал половину мест в театре для людей, которые громко аплодировали актерам, заглушая свист и крики настоящей публики. Часть зрителей приходила специально для того, чтобы насладиться этим курьезным зрелищем, а критики соревновались друг с другом в резкости оценок. Графа, однако, это нисколько не смущало. Все неудачи он списывал на недоброжелательство завистников. В этом мнении его поддерживали и мнимые друзья.

Дошло до того, что Скавронский заставил всех слуг в своем доме обращаться к нему только посредством пения. По нотам, написанным хозяином, лакей-итальянец, украшая свое пение колоратурами, сообщал господину, что карета подана, метрдотель-француз – что стол накрыт. Даже русский кучер исполнял целую арию, спрашивая у графа, куда он собирается ехать. Нередко, отвечая графу на вопросы, он с козел пугал своим густым басом прохожих.

Во время парадных обедов вся прислуга Скавронского пела хором, квинтетом или квартетом. Меню исполнял метрдотель; официанты, разливая после каждого блюда вино, хором извещали о названии предлагаемого ими напитка. Сам граф отдавал приказания тоже в музыкальной форме. У гостей, которые во время застольной беседы тоже были вынуждены сочинять музыкальные импровизации, создавалось впечатление, что они участвуют в опере, что, впрочем, быстро утомляло присутствующих.

Так прошло 5 лет. В 1781 году Скавронский вернулся в Россию. В то время ему исполнилось 27 лет. Здесь он вскоре женился на племяннице князя Потемкина Екатерине Васильевне Энгельгардт, а в 1785 году вернулся в Неаполь уже в качестве русского посланника.

По мнению Пыляева, граф совершенно исправился и в дальнейшем вел обычный образ жизни. Но в это трудно поверить. То, что Павел Мартынович не оставил своих привычек, косвенно подтверждается одним обстоятельством: в Неаполь за мужем молодая жена не последовала. Она появилась там лишь спустя пять лет. К тому же в это время у графа появились и другие привычки, очевидно связанные с его новым положением, которые свидетельствуют о нем как об очень недалеком человке. Один из соотечественников, наблюдавший Скавронского в Неаполе, писал: «Соединяет он с крайнею неосторожностью в разговорах высокомерие о своем месте и для того слово “депеши” в разговорах употребляет; везде и во всякой тесноте кричит о сем и людям своим приказывает, что он “il ministro di Moscovia (московский посланник)”».

Чудачества Скавронского очень скоро стали широко известны в России. В 1790 году капельмейстер Екатерины II, испанец Висенте Мартин-и-Солером, написал комическую оперу «Песнолюбие» на либретто статс-секретаря А. Храповицкого, где высмеял поведение Скавронского. Главного героя звали Мелодист. Своих слуг он называл не иначе как Примо и Секондо, а дочерей Агафью и Аграфену величал Адажией и Аллегрой. Несмотря на то что события спектакля происходили в усадьбе

сельского дворянина, граф был весьма узнаваем. Будучи в это время в Неаполе, Скавронский на премьере не присутствовал, поэтому не имел возможности обидеться. А через три года он умер, не дожив до сорока лет.

На этом фамилия Скавронских пресеклась. Сыновей Павел Мартынович не имел. Однако старшая из его дочерей Екатерина оставила некоторый след в истории. В 1800 году император выдал ее за Петра Ивановича Багратиона, впоследствии ставшего героем Отечественной войны 1812 года. Екатерина была необычайно красива и несколько лет блистала в салонах Европы. Мужа она не любила, жила отдельно от него и прославилась своими любовными связями. Одним из ее любовников был знаменитый австрийский канцлер, князь Клеменс Меттерних. По обычаям своего времени, когда светские дамы принимали горячее участие в политических интригах, Екатерина исполняла деликатные поручения российского императора Александра I.

После смерти Багратиона бывшая княгиня вновь вышла замуж за итальянского графа Ю. П. Литту. Примечательно, что он, подобно ее отцу графу Скавронскому, тоже был заядлым меломаном, известным своими чудачествами. Благодаря отменному басу, которым он мог перекрывать оркестр, современники называли графа «трубой архангела при втором пришествии». Кроме того, Литта обожал мороженое и поглощал его в неимоверных количествах. По всей вероятности Екатерина Скавронская и ее второй муж были во многих отношениях примечательной парой.

СУВОРОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ

(род. в 1729 г. – ум. в 1800 г.)

В стенах Александро-Невской лавры, в церкви Благовещения покоятся земные останки выдающегося русского полководца, генералиссимуса, графа Рымникского, князя Италийского, генерала-фельдмаршала австрийской армии, а также Сардинских королевских войск Александра Васильевича Суворова. На его могиле – небольшая бронзовая доска, надпись на которой гласит: «Здесь лежит Суворов». Эта надпись сделана согласно завещанию полководца, и он действительно не нуждается в длинных эпитафиях. Одно только имя вызывает в памяти блестящие страницы боевой славы России, а народная память чтит его и вдохновенно объединяет в песнях и рассказах с чем-то великим и чудесным, а иногда… чудным.

В середине XIX века в Новгородском крае возникло народное предание. В глухом темном лесу, говорили крестьяне, среди мхов и болот лежит огромная каменная глыба, а в ней – пещера. Подступ к глыбе прегражден болотами. Вход в пещеру скрыт за уремою, под болотом. Гробовая тишина царит вокруг. Зверь

лесной не заходит сюда. Лишь ворон каркает порою да орел парит над таинственным камнем. А внутри пещеры, склонив седую голову на выступ камня, спит мертвым сном богатырь – Суворов. И будет спать он до тех пор, покуда не покроется русская земля кровью бранному коню по щиколотку. Тогда пробудится ото сна могучий воин и освободит свою родину от злой напасти.

На взлете своей военной карьеры Суворов написал, что происходит из шведского дворянского рода. И только недавно выяснилось, что его предки были выходцами из новгородских земель, так что будущий полководец был настоящий «природный русак». Он родился 13 ноября 1729 года в Москве в семье генерал-аншефа сенатора Василия Ивановича Суворова. Мальчик, пока была жива мать, рос под ее присмотром, при полном невмешательстве отца, всецело поглощенного хозяйственными делами по имению. Василий Иванович, видя слабое физическое развитие своего сына, решил, что ему уготована гражданская деятельность. Между тем Александр любил читать и слушать рассказы о военных походах, втайне от отца закалялся и укреплял свое хилое тело упражнениями, верховой ездой. Василий Иванович был довольно скаредным человеком и на домашних учителей и воспитателей не тратился. Тем не менее впечатлительный и любознательный мальчик, наделенный врожденными способностями, быстро изучил французский, немецкий и итальянский языки (а в зрелые годы овладел также польским, арабским, турецким и финским). Он мечтал стать офицером, а престарелый сенатор был озабочен только его замкнутым образом жизни. Однажды в имении гостил генерал Ганнибал, дед Пушкина, человек для своего времени весьма образованный. «Посмотри, братец, – попросил его старик Суворов, – зачем прячется от меня сын мой и что он делает». Ганнибал неожиданно вошел в комнату Александра и застал его за чтением книг. Он разговорился с мальчиком. Восхищенный услышанным, генерал сказал отцу: «Оставь, брат Василий Иванович, сына своего с его “гостями” – он пойдет подальше нас с тобой».

В октябре 1742 года недоросль Александр Васильев сын Суворов был записан рядовым в лейб-гвардии Семеновский полк сверх комплекта без жалованья. Но в казарму он прибыл только через три года, когда ему исполнилось 15 лет. Медленно двигался будущий генералиссимус по служебной лестнице, не так, как современные ему полководцы. П. Румянцев – стал полковником на 19-м году от рождения, Г. Потемкин – подпоручиком гвардии и камер-юнкером Высочайшего двора в

чине бригадира на 26-м году, Н. Репнин – в тех же летах пожалован полковником. Суворов же служил капралом, унтер-офицером, сержантом и только в 1754 году стал поручиком пехотного Ингерманландского полка.

Только в возрасте 29 лет, уже будучи подполковником Казанского мушкетерского полка, Суворову удалось впервые принять участие в сражении – в знаменитой Кунерсдорфской битве, в которой прусские войска Фридриха Великого, тогда лучшие в Европе, потерпели сокрушительное поражение от русской армии. После этого Суворов участвовал еще в нескольких сражениях Семилетней войны, был ранен и контужен, дослужился вначале до полковника (1762), спустя пять лет – до бригадира, а в 1770 году получил чин генерал-майора. Под его началом была пехотная бригада в составе Смоленского, Суздальского и Нижегородского мушкетерских полков, которая действовала в Польше.

10 мая 1771 года при Ландскроне войска Суворова нанесли решительное поражение полякам, которыми командовал французский генерал Ш.-Ф. Дюмурье. За это 42-летний полководец был награжден сразу самым почетным русским боевым орденом – Св. Георгия 3-й степени. Новые победы в сражении при Столовичах, а также взятие Краковского замка принесли Суворову новые награды. Он был отмечен орденом Св. Александра Невского и получил тысячу червонцев, а также 10 тысяч рублей для раздачи другим участникам операции.

В самом конце 1772 года Суворов вернулся в Петербург, но уже через несколько месяцев отправился на новый театр военных действий – турецкий. Там с 1768 года шла война за выход России к Черному морю. Александр Васильевич получил в командование небольшой отряд пехоты в 500 человек и расположился с ним на берегу Дуная, напротив турецкой крепости Туртукай. В ночь на 17 июня 1773 года отряд Суворова переправился на противоположный берег реки и нанес поражение туркам, за что командир получил… выговор от Румянцева и за ослушание был приговорен военным судом к смертной казни. Более месяца больной лихорадкой и страдающий от полученной контузии ожидал герой решения императрицы. К счастью, Екатерина II на приговоре написала: «Победителя не судят» и прислала ему орден Св. Георгия 2-й степени.

В других сражениях этой кампании Суворов одерживал новые победы, за что получил чин генерал-поручика. А «совершенная победа при Козлудже», как писал об этом сам Александр Васильевич в автобиографии, привела к заключению в 1774 году Кючук-Кайнарджийского мира между Россией и Турцией. На

церемонии заключения мира Суворов не присутствовал. Императрица направила его в Поволжье на помощь графу П. Панину в подавлении пугачевского бунта. Однако мятежника уже арестовали, поэтому полководцу досталась сомнительная честь переправить «злодея» в Симбирск, предварительно посадив его в железную клетку.

В «Замечаниях о бунте» Пушкин ссылается на один анекдот из жизни Суворова этой поры: «Сей Нащокин был тот самый, который дал пощечину Суворову (после того Суворов, увидя его, всегда прятался и говорил: “Боюсь! Боюсь! Он дерется!”)». Речь идет о Воине Васильевиче Нащокине – буйном и вспыльчивом чудаке. Сын Нащокина вспоминал этот случай: «Суворов успел отличиться, а отец мой, возвратясь в армию, застал его уже в Александровской ленте. «Так-то, батюшка Воин Васильевич, – сказал ему Суворов, указывая на свою ленту, – покамест вы травили зайцев, я затравил красного зверя». Шутка показалась обидной моему отцу, который и так уж досадовал; в замену эпиграммы он дал Суворову пощечину». Этот случай часто обсуждался в обществе, но никто и никогда не усомнился в храбрости Александра Васильевича, а вот Нащокин так и остался в «зайцах».

Когда в военных действиях наступило затишье, Суворов отпросился в Москву и женился на дочери генерал-аншефа князя И. А. Прозоровского – Варваре Ивановне. В семейной жизни он счастлив не был. Жена ему изменяла, и, уличив ее в этом, Суворов в 1779 году начал бракоразводный процесс, но затем отказался от него. Все сердечное тепло Александр Васильевич отдавал своей дочери Наталье. «Смерть моя для Отечества, а жизнь для Наташи», – говорил полководец. В 1784 году родился сын Аркадий, принявший в 15-летнем возрасте участие в последнем походе своего отца. Тогда император присвоил мальчику чин генерал-адъютанта и сказал: «Поезжай и учись у него. Лучшего примера тебе дать и в лучшие руки отдать не могу». По иронии судьбы, подающий надежды молодой генерал Аркадий Суворов-Рымникский, спасая солдата, утонул в реке Рымник накануне Отечественной войны, которая могла бы еще раз прославить знаменитую фамилию.

Легенды увековечили и странное отношение Суворова к женщинам: полководец их избегал, шутливо повторяя: «Они лишили нас рая». Денис Давыдов рассказывал, как старательно и по-мальчишески беспощадно Суворов конфузил за обедом не понравившуюся ему барышню: «Какая тетеха!» – подсмеивался он. Тому же Давыдову, в то время еще мальчику, Александр Васильевич, согласно легенде, сказал: «Я не умру, а ты выиграешь

три сражения». Великий полководец не ошибся, ибо сам он остался жить в истории России, а Давыдов прославился в партизанской войне 1812 года.

Императрица Екатерина II благоволила к Суворову и после подписания мирного договора с османами пожаловала ему золотую шпагу, осыпанную бриллиантами, и назначила его командующим Санкт-Петербургской дивизией. Затем Суворов возглавил Крымский корпус, и ему было поручено, избегая военных столкновений, пресечь турецкие посягательства на территории, отошедшие к России по Кючук-Кайнарджийскому миру. Прибыл Александр Васильевич в Крым вовремя – в апреле 1778 года, когда султан двинул войска в направлении полуострова, а в Черном море появился турецкий флот. Суворов расставил вокруг Ахтиарской бухты (там, где вскоре им же будет заложен порт Севастополь) пикеты казаков и, пользуясь самыми разнообразными предлогами – ссылками то на карантинные правила, то на чуму, то на засуху, – пресекал любые попытки турок сойти на берег, чтобы пополнить запасы продовольствия и воды. Корабли Гассан-паши, постояв еще некоторое время на рейде, вынуждены были вернуться в Константинополь. Затем Суворов с блеском выполнил еще одну нелегкую миссию – вывод из Крыма христиан и расселение их в Приазовье. Этой мерой достигались одновременно две цели: местный хан, обложивший христиан непомерными налогами, лишался значительной части своих доходов, а Приазовский край получал новые людские резервы. В конце 1779 года Александра Васильевича вызвали в Петербург, где его приняла Екатерина II. В конце аудиенции она сняла со своего платья бриллиантовую звезду ордена Св. Александра Невского и пожаловала ее генералу, не только доблестному, но и хитрому. Следует отметить, за заслугу «в присоединении разных кубанских народов к Российской империи» Суворов был награжден сразу орденом Св. Владимира 1-й степени, а через некоторое время получил чин генерал-аншефа.

Однако избежать войны с турками за уже присоединенный к Российской империи Крым не удалось. Началась новая Русско-турецкая война (1787–1791). В анналы военной истории вошел бой за крепость Кинбурн, охрану которой доверили Суворову. Неприятель под прикрытием 600 орудий флота высадил на Кинбурнскую косу пятитысячный отряд. Суворов велел не отвечать на огонь противника, говоря: «Пусть все вылезут», и спокойно пошел к обедне. Лишь когда весь десант высадился, генерал лично повел своих солдат в атаку. Полководец был ранен картечью в бок и в левую руку, но, наскоро перевязанный,

продолжал руководить сражением, и третья контратака, которую также возглавил Суворов, увенчалась успехом. Для награждения нижних чинов, участвовавших в бою, были отчеканены 20 серебряных медалей с надписью: «Кинбурн 1 октября 1787 года», и это был единственный в XVIII веке случай раздачи солдатских медалей особо отличившимся воинам, выбранным самими же солдатами. Сам Александр Васильевич был отмечен высшим российским орденом Св. Андрея Первозванного, а также алмазным плюмажем на шляпу в виде буквы «К» (Кинбурн). В столице по случаю победы палили из пушек, в церквах совершали благодарственные молебны с упоминанием имени героя.

В следующем году долгой и тяжелой осадой Очакова лично руководил Потемкин. Суворов, поступивший в его распоряжение, пытался решить дело штурмом, говоря: «Одним смотреньем крепости не возьмешь». Он даже попробовал завязать сражение, надеясь, что войска разовьют его успех. Но в бою Потемкин его не поддержал, и Очаков был взят лишь через 4 месяца, что дорого обошлось Екатеринославской группировке. Инициативу Суворова было невозможно держать в узде. Для него в бою ничего не значили титулы и звания, и, приняв решение, он всегда доводил дело до конца. Вот что, например, случилось в 1789 году, когда Суворов получил под свое начало 3-ю дивизию Южной армии, с которой должен был прикрывать левый берег реки Прут и в случае необходимости оказывать помощь союзнику – австрийскому принцу Кобургскому – в сражении при местечке Фокшаны. Осман-паша, возглавлявший 30-тысячное войско, принял решение разбить противников поодиночке, начав с австрийцев. Перед битвой Суворов примчался на соединение с корпусом принца Кобургского, забрался спать в солдатскую палатку и запретил говорить, что он пришел вместе с войском. Трижды принц приезжал в русский лагерь, ему повторяли, что генерала нет. А на рассвете Суворов ударил сбор и без объяснений прислал австрийцам приказ немедленно выступать. После победы Александра Васильевича спрашивали, почему он не хотел видеться с союзником. «Нельзя было, – отвечал Суворов, – он умный, он храбрый, да ведь он тактик, а у меня был план не тактический. Мы заспорили бы, и он загонял бы меня дипломатически, тактически, энигматически, а неприятель решил бы спор тем, что разбил бы нас. Вместо того – “ура!” С нами Бог! И спорить было некогда».

Представительница седьмого поколения Суворовых, графиня Фелицитас фон Ностиц, сохранила в памяти все, что ей рассказывали о великом предке родители, даже мелкие курьезы из его жизни. «Я выросла с анекдотами о Суворове, – признается

она. – Всем известно, что Суворов был чуть-чуть чудаком. Помню, папа мне рассказывал, что мой далекий предок кричал «ку-ка-ре-ку» перед началом битвы. Возможно, это ему помогало выигрывать сражения…» И это не анекдот. Перед каждым штурмом полководец издавал победный петушиный крик и вместе с солдатами шел в бой. Он и сам внешне чем-то был похож на шустрого щуплого боевого петушка, и даже дерзкий хохолок волос на голове напоминал петушиный гребень. Впрочем, разве важно, что кричать перед боем и как молиться, лишь бы бог войны был на твоей стороне. В известном анекдоте Ростопчина говорится, что однажды, в ответ на недоумение рассказчика, Суворов следующим образом объяснил свое кукареканье: «Поживи с мое, закричишь курицей».

Менее чем через два месяца после битвы при Фокшанах, 11 сентября 1789 года, тот же русско-австрийский отряд в новом сражении на реке Рымник разгромил 100-тысячную армию турок под командованием самого великого визиря. Тогда, разглядев ужасные лица янычар, Суворов приказал солдатам «не смотреть бусурманам в лицо, а колоть их прямо в грудь». Союзники признали главную заслугу Суворова в этой грандиозной победе, добытой малой кровью. Император Иосиф I пожаловал герою «графское Римской империи достоинство», а принц Кобург с тех пор называл его своим «великим учителем». Фактически победы Суворова предрешили исход русско-турецкой войны, и на него буквально посыпался дождь наград. Он получил бриллиантовые знаки уже имевшегося у него ордена Св. Андрея Первозванного, новую золотую шпагу с бриллиантами и с надписью «Победителю Верховного Визиря», орден Св. Георгия 1-й степени, а также титул графа «с наименованием Рымникский». Позднее ему были пожалованы бриллиантовые эполеты и перстень, а также должность шефа Фанагорийского гренадерского полка.

Теперь России нужна была победа, которая заставила бы Оттоманскую Порту первой искать мира, отказаться от агрессивных планов. Без взятия последней янычарской твердыни – крепости Измаил – о победоносном завершении войны нельзя было и думать. Суворов лично руководил подготовкой к штурму, так как, осмотрев сооружение, сообщил главнокомандующему: «Крепость без слабых мест». Он обучал солдат и казаков штыковому удару, «атаковал» огромные валы, сооруженные по его приказу возле села Сафьяны по образцу тех, которые предстояло взять. Турки были настолько уверены в неуязвимости Измаила, что на суворовский ультиматум о сдаче гордо ответили: «Скорей Дунай остановится в своем течении и небо упадет на землю, чем сдастся Измаил».

В течение двух дней крепость подвергалась ожесточенной бомбардировке из 600 орудий. 11 декабря 1789 года войска подошли к Измаилу, и к четырем часам пополудни крепость была очищена от турок. В рапорте главнокомандующему Суворов писал: «Не бывало крепости крепче, не бывало обороны отчаяннее обороны Измаила, но Измаил взят… Солдаты мои проявили массовый героизм, забыв чувство страха и самосохранения». Великий полководец, понимая, что за любую победу щедро заплачено солдатскими жизнями, всегда подчеркивал их бесстрашие и самоотверженность. Когда же при свидании с главнокомандующим Потемкиным тот спросил: «Чем могу наградить тебя, Александр Васильевич?», то получил неожиданный ответ: «Кроме Бога и матушки государыни, меня никто не может наградить – я не купец и не торговаться с вами приехал». Этот ответ оскорбил Потемкина, и они расстались очень холодно. Возможно, поэтому Суворов, рассчитывавший на звание генерал-адъютанта, его не получил, а был произведен в подполковники лейб-гвардии Преображенского полка, полковником которого была сама Екатерина II. Кроме того, в его честь была выбита настольная медаль. Позже полководец признавался: «Чувствую непрестанно, что я за Измаил худо награжден, сколько ни философствую».

Следует отметить, что великий полководец в отношении наград был очень щепетильным. Он всегда отмечал солдатские заслуги, но не выпрашивать же награду самому себе, тем более зная, что ты ее достоин. Императрица же зачастую щедро жаловала людей недостойных. Суворовские анекдоты той поры рисуют фельдмаршала остроумным, немного фрондирующим мудрецом – рассказывают, что Суворов не раз намекал Екатерине, что «пора бы ценить генералов за их полководческие, а не мужские, достоинства…». Но сказать, что Александр Васильевич был часто несправедливо обойденным, трудно, потому что Екатерина II благоволила к нему. Однажды после учений, на которых она присутствовала, императрица обратилась к Суворову с вопросом, чем его наградить. Вся эта шумиха не нравилась Александру Васильевичу. Он не видел ничего замечательного в продемонстрированном им своем обычном строевом учении; в то же время для него было ясно, что больше всех успеют нажить капитал на успешных маневрах сам Потемкин и облепившая его туча прихлебателей. В этих условиях предложенная награда не радовала его, и на вопрос Екатерины он дал столь типичный для него, чисто эзоповский ответ:

– Давай тем, кто просит, ведь у тебя и таких попрошаек, чай, много. – И потом добавил: – Прикажите, матушка, отдать за

квартиру моему хозяину: покою не дает.

– А разве много? – недоуменно спросила императрица.

– Много, матушка: три рубля с полтиной, – серьезно заявил Суворов.

Екатерина ничего не ответила на эту выходку; деньги были уплачены, и Суворов с важным видом рассказывал:

– Промотался! Хорошо, что матушка за меня платит, а то беда бы.

Впрочем, уезжая из Новороссии, государыня пожаловала злоязычному полководцу драгоценную табакерку, усыпанную бриллиантами.

«А я за гулянье получил табакерку с 7 тысячами рублей», – иронически писал он об этом.

Но подарки царицыны Суворов все же ценил. Так, однажды зимой Екатерине доложили, что полководец разъезжает по Петербургу в одном мундире (иные говорят – в старенькой шинели). Императрица подарила фельдмаршалу дорогую шубу. Впредь Суворов продолжал расхаживать в одном мундире, а вслед за ним шел офицер, несший в руках шубу. Вступая в покои императрицы, Суворов делал офицеру знак, и тот набрасывал шубу на плечи фельдмаршала.

Любимец Екатерины князь Потемкин долго видел в Суворове невзрачного и недалекого чудака. Он всячески старался унизить его перед императрицей. В «Загробных записках» князя Н. С. Голицына был описан один из таких случаев. Однажды Суворов был приглашен к обеду во дворец. Занятый разговором, он не касался ни одного блюда. Заметив это, Екатерина спросила его о причине. «Он у нас, матушка-государыня, великий постник, – ответил за Суворова Потемкин, – ведь сегодня сочельник, он до звезды есть не будет». Императрица, подозвав пажа, пошептала ему что-то на ухо; паж ушел и через минуту вернулся с небольшим футляром, в котором находилась бриллиантовая орденская звезда. Императрица вручила ее Суворову, прибавив, что теперь уже он может разделить с нею трапезу.

А вот что мы находим в сочинении Д. Н. Бантыш-Каменского «Биография князя Александра Васильевича Италийского, графа Суворова Рымникского, 3-го генералиссимуса». Екатерина Великая, «желая вывесть Потемкина из ошибочного его мнения об уме Суворова, присоветовала ему подслушать их разговор из соседней комнаты. Удивленный необыкновенным остроумием и глубокомыслием Рымникского, князь Таврический упрекнул его, зачем он с ним не беседует подобным образом. – “С царями у меня другой язык”, – отвечал Суворов».

Авторы анекдотов выражали веру общества во всеведение

Суворова. Чудачества экстравагантного полководца нужно было объяснить практическими умыслами. Полководец Суворов был цельной личностью, посвятившей себя одному делу – защите Отечества. Авторы анекдотов пытались связать чудачества Суворова с его великой миссией. А необычайное превращение недалекого, на первый взгляд, чудака, в некоторых анекдотах – даже солдафона в мудрого собеседника ученой императрицы или гениального стратега и тактика, составляющего план сражения, стало одним из центральных сюжетов суворовской мифологии. В волшебные превращения верили охотнее, нежели в право великого человека на странное, отличное от общепринятого, поведение.

Но за свое отношение к Потемкину Суворов все же поплатился: за несколько дней до официальных торжеств в Петербурге по случаю взятия османской твердыни главнокомандующий откомандировал Суворова в Выборг. Последующие полтора года выдающийся полководец занимался строительством оборонительных сооружений в Финляндии, в то время как на юге страны завершалась русско-турецкая война. В одном из писем он с отчаянием писал: «Баталия мне покойнее, нежели лопата извести и пирамида кирпичей». Во Франции бушевали революционные волнения, и легендарный Суворов обращался к императрице: «Матушка, пошли меня на французов!» Но все его просьбы и рапорты оставались без последствий. Лишь когда в Польше вспыхнуло восстание Т. Костюшко и возникла угроза разгрома русских войск, вспомнили о непобедимом графе Рымникском. Екатерина направила полководца в мятежную Польшу, сказав: «Я посылаю в Польшу две армии. Одну – из солдат, другую – графа Суворова».

Суворов прибыл в Польшу осенью 1794 года и в двух сражениях при Крупчинском монастыре и у Бреста переломил ход всей кампании. А вскоре неприятель капитулировал. За эту «викторию» полководец получил долгожданный фельдмаршальский жезл, украшенный бриллиантами. Екатерина II скрывала свое решение о награде победителю до торжественного обеда в Зимнем дворце по случаю привоза ключей покоренной Варшавы. В разгар торжества она подняла тост «за фельдмаршала графа Суворова-Рымникского», поставив многочисленных завистников полководца перед свершившимся фактом. Другая история гласит, что от почтения перед фельдмаршальским званием Суворов в письмах обозначал слово «жезл» лишь первой буквой, оговариваясь: «Боюсь и произнести». Наконец, привезенный жезл Суворов освятил в церкви. Он лично пришел в храм – в простой одежде, без орденов – и… приказал

расставить в линию с промежутками несколько табуреток и, перепрыгивая через каждую, называл имя того или иного генерал-аншефа: «Репнина обошел! Салтыкова обошел!..» Совершив эту процедуру, Суворов облачился в фельдмаршальский мундир и отстоял богослужение при всех регалиях. Седовласый фельдмаршал с удовлетворением говаривал: «Я не прыгал по молодости, зато прыгаю в старости».

Первая суворовская польская кампания добавила к образу полководца новую черту – великодушие. Молва гласит, что, отступая, ускользая от войск Суворова, маршал Пулавский замедлил движение арьергарда, а сам с войсками зашел в тыл русской армии и ушел в Литву. Суворов был введен им в заблуждение, но русский генерал оценил хитрость соперника и в знак своего восхищения послал польскому маршалу любимую табакерку.

Много позже, в Италии, Суворов вернет шпагу храбро дравшемуся французскому офицеру и отпустит его, восхищенный отвагой врага. Другого француза – плененного генерала Лекурба – старик Суворов спросит: «Есть ли у вас жена?» Получив утвердительный ответ, он отпустит храброго противника и даже подарит ему розу с наказом передать ее жене. Лекурб сохранит этот цветок как реликвию.

В январе 1795 года Суворов стал «Главнокомандующим войсками, в Польше расположенными», в следующем году получил под свое начало Екатеринославскую дивизию и Новороссийскую армию и был назначен шефом Суздальского мушкетерского полка. К тому времени Екатерина II скончалась, императором стал Павел I, ненавидевший все, связанное с именем матери, и уничтожавший все лучшее, что было при ней создано. Павел насаждал в армии новые прусские порядки, подавляя все прогрессивное и национальное. Для Суворова это была настоящая трагедия. До сих пор он служил не Государю, а матушке Государыне, что для него означало служение матушке России. Что может быть выше этого? С появлением на троне государя жизнь Суворова резко изменилась. Дело в том, что между Павлом и полководцем неприятие началось еще в 1784 году, когда Александр Васильевич посетил гатчинский двор цесаревича и присутствовал на показательных учениях гатчинского войска. Суворов всем своим видом продемонстрировал презрительное отношение к главенствовавшей в Гатчине прусской традиции. Затем полководец и Павел уединились для разговора в кабинете наследника. По своему обыкновению, Суворов начал проказничать и чудить, может быть, желая в иносказательной

форме показать свое отношение к прусским порядкам Гатчины. Но Павел доверительно прервал чудачества генерала: «Мы и без этого понимаем друг друга». Суворов заговорил с Павлом так, как он говорил только с царями, – серьезно, вдумчиво. Однако, выйдя из кабинета, полководец с усмешкой пропел по-французски: “Prince adorable, despote implacable” («Принц восхитительный, деспот неумолимый»). Легендарный Кутайсов – вечный враг Суворова в анекдотах о павловском времени – подслушал суворовское пение и рассказал обо всем Павлу. С этого и началась неприязнь полководца и императора.

Получив в дивизию деревянные палочки для измерения солдатских кос и буклей, Суворов не удержался от язвительного замечания: «Пудра не порох, букли не пушки, коса не тесак, а я не немец, а природный русак». В начале 1797 года слова эти были доложены императору, как раз в то время, когда он читал письмо фельдмаршала, в котором тот жаловался на бездействие. Реакция Павла была мгновенной – «так как войны нет и Суворову делать нечего», уволить его в отставку без права ношения мундира и сослать в Кобринское имение.

Приведем записанный Денисом Давыдовым эпизод, сохранивший атмосферу тех дней: «Император Павел, оставшись недовольным великим Суворовым, отставил его от службы; приказ о том был доставлен великому полководцу близ Кобрина. Приказав всем войскам собраться в полной парадной форме, он сам предстал пред ними во всех своих орденах. Объявив им волю государя, он стал снимать с себя все знаки отличий, причем говорил: «Этот орден дали вы мне, ребята, за такое-то сражение, этот за то»… Снятые ордена были положены им на барабан. Войска, растроганные до слез, воскликнули: «Не можем мы жить без тебя, батюшка Александр Васильевич, веди нас в Питер». Обратившись к присланному с высочайшим повелением генералу (по мнению некоторых, то был злополучный Линденер), Суворов сказал: «Доложите государю о том, что я могу сделать с войсками». Когда ж он снял с себя фельдмаршальский мундир и шпагу и заменил его кафтаном на меху, то раздались душераздирающие вопли солдат. Один из приближенных, подойдя к Суворову, сказал ему что-то на ухо; Суворов, сотворив крестное знамение, ответил: «Что ты говоришь, как можно проливать кровь родную!» Родную кровь проливать нельзя – это Суворов твердо знал».

Покидая дивизию, Александр Васильевич велел построить свой любимый Фанагорийский полк и обратился к солдатам: «Прощайте, ребята, товарищи, чудо-богатыри! Молитесь Богу: не пропадет молитва за Богом и служба за царем! Мы еще увидимся

– мы еще будем драться вместе!» Едва успев доехать до своего имения, прославленный полководец снова подвергся наказанию: его сослали в Новгородскую губернию, в село Кончанское, под надзор местного начальства.

Однако уже через два года Павел I вызвал Суворова в Петербург. В начале 1799 года к границам Франции должна была двинуться объединенная русско-австрийская армия. Сознавая, что борьба с Бонапартом предстоит тяжелая, оба императора, русский и австрийский, решили поручить командование легендарному герою Измаила. В своем рескрипте император писал: «Граф Александр Васильевич! Теперь нам не время рассчитываться. Виноватого Бог простит. Римской Император требует вас в начальники своей армии и вручает вам судьбу Австрии и Италии. Мое дело на сие согласиться, а ваше спасти их. Поспешите приездом сюда и не отнимайте у славы вашей время, а у Меня удовольствия вас видеть. Пребываю вам доброжелательным Павел».

Суворов прибыл в Северную Италию в апреле 1799 года. Первыми он разбил армии генерала Ж. Моро в знаменитом трехдневном сражении при реке Адда, в двух последующих битвах – армию генерала Ж. Макдональда при Треббии и армию генерала Б. Жубера при Нови. Французские силы в Северной Италии перестали существовать. За эти победы полководец был возведен в княжеское достоинство «с наименованием князя Италийского» и удостоился небывалой до и после этого награды. Павел отдал приказ: «..гвардии и всем Российским войскам, даже в присутствии Государя, отдавать ему все воинские почести, подобно отдаваемым особе Его Императорского Величества».

Затем наступила пора знаменитого перехода Суворова через Швейцарские Альпы (август 1799 г.), который проходил в сложнейших условиях. В донесении императору полководец писал: «Все опасности, все трудности были преодолены, и при таковой борьбе со всеми стихиями неприятель, гнездившийся в ущелинах и в неприступных, выгоднейших местоположениях, не мог противостоять храбрости воинов, явившихся неожиданно на этом новом театре: он всюду прогнан». Был взят Сен-Готард, после которого произошла битва за Чертов мост – разрушенную французскими гренадерами 30-метровую переправу через реку Ройс. «Чудо-богатырям» пришлось под огнем противника связывать бревенчатые перекрытия поясами. Вдохновленные призывом своего командующего, они ринулись в штыковую атаку. Французы дрогнули и отступили. Многие срывались с 25-метровой высоты, разбивались о камни, захлебывались в ледяной воде бурного потока.

«Побеждая повсюду и во всю жизнь вашу врагов Отечества, – писал Павел I к Суворову, – не достало вам еще одного рода славы: преодолеть самую природу; но вы и над нею одержали ныне верх. Поразив еще раз злодеев веры, попрали вместе с ними козни сообщников их, злобою и завистию против вас вооруженных. Ныне, награждая вас по мере признательности Моей, и ставя на вышний степень, чести и геройству предоставленный, уверен, что возвожу на оный знаменитейшаго Полководца сего и других веков». 28 октября 1799 года за переход через Альпы Суворов получил звание генералиссимуса всех российских войск. «Это много для другого, – сказал тогда император графу Ростопчину, – а Суворову мало: ему быть Ангелом», – и велел изготовить бронзовую статую полководца для украшения столицы, в память его подвигов.

А сам Суворов по дороге в Россию, в Кракове, заболел «фликтеною – сыпь и водяные пузыри покрыли все тело его». Он поспешил в свое Кобринское имение и там слег в постель. Через некоторое время Суворов стал выздоравливать и большую часть времени, по случаю наступившего тогда Великого поста, проводил в молитвах. Иногда он предавался мечтаниям о новой кампании, диктовал ответы на письма знаменитых особ и готовился к торжественному въезду в Петербург. Наконец доктор позволил ему отправиться в дорогу, но при выезде из Вильно болезнь вдруг усилилась, и поэтому генералиссимус пожелал въехать в столицу вечером, дабы избежать участия в торжествах.

Тщетны были старания врачей – болезнь день ото дня прогрессировала. Величайший полководец всех времен и народов скончался 6 мая 1800 года, а на третий день после кончины народ проводил останки Суворова до Александре-Невской лавры, где они были погребены в церкви Благовещения, около левого клироса. Император, окруженный блистательной свитой, ожидал печальное шествие у Публичной библиотеки и, по приближении гроба, снял шляпу, низко и почтительно поклонился праху знаменитого мужа, который прославил его царствование.

Ушел человек, посвятивший всю жизнь ратному делу. Суворов не раз был ранен в боях, знал, что такое война, и говорил, что война – зло. Чтобы противостоять злу, чтобы защитить родину, надо уметь воевать. Суворов создал самую совершенную для своего времени систему обучения и воспитания солдат – знаменитую солдатскую памятку, прозванную «Наукой побеждать». Тактика Суворова состояла в трех словах: «быстрота, глазомер, натиск». «Ошибки великих полководцев поучительны, – говорил он. – За ученого дают трех неученых. Нам мало трех! Давай нам шесть, давай нам десять на одного… всех побьем,

повалим, в полон возьмем. Береги пулю на три дни, а иногда и на целую кампанию, когда негде взять. Стреляй редко да метко – штыком коли крепко. Пуля обмишулится, а штык не обмишулится; пуля дура, штык молодец». Он не терпел оборонительной войны. «Неприятель думает, что ты за сто, за двести верст, – говорил генералиссимус, – а ты, удвоив, утроив шаг богатырский, нагрянь на него быстро, внезапно. Неприятель поет, гуляет, ждет тебя с чистого поля, а ты из-за гор крутых, из-за лесов дремучих налети на него, как снег на голову. Рази, стесни, опрокинь, бей, гони, не давай опомниться: кто испуган, тот побежден вполовину. У страха глаза большие, один за десятерых покажется».

В памяти народной Александр Васильевич был и остается любимым героем, высоким примером служения русским святыням. Вера народа в то, что легендарный защитник Отечества не умер, а лишь заснул до поры, подчеркивается его официальным формуляром. Как известно, все умершие военнослужащие приказом по ведомству исключаются из списков части. Относительно Суворова такой приказ не был отдан.

Но не только военные подвиги привлекали к Суворову и людей света, и солдатские массы. О его чудачествах и «клоунских» подвигах говорили не меньше, и это упрочивало славу полководца. В солдатских кругах – славу «заговоренного», непобедимого колдуна; в офицерстве и высшем свете – славу «замечательного оригинала». Показательным примером может быть мифологизированная биография Суворова. В построении идеализированного мифа о себе самом Суворов отчетливо ориентировался на образы Плутарха, и в первую очередь – на Цезаря. Этот высокий образ, однако, мог – в письмах к дочери или в обращении к солдатам – заменяться фигурой русского богатыря (в письмах к дочери – известной «Суворочке» – стилизованные описания боевых действий разительно напоминают сказочные трансформации боевых действий в сознании капитана Тушина из «Войны и мира», заставляя предполагать знакомство Толстого с этим источником).

Суворов-Цезарь, Суворов-богатырь и Суворов-шут – все эти ипостаси легендарного героя встречаются в анекдотах, записанных Фуксом или другим суворовским мифологом с чьих-то слов или известных по мемуарам. В некоторых анекдотах Суворов лично объясняет причины своего легендарного чудачества. Известен следующий монолог Суворова, включенный в сборник «Анекдоты князя Италийского…», изданный Е. Б. Фуксом: «Хотите ли меня знать? Я вам себя раскрою: меня хвалили цари, любили воины, друзья мне удивлялись,

ненавистники меня поносили, при дворе надо мною смеялись. Я бывал при дворе, но не придворным, а Эзопом, Лафонтеном: шутками и звериным языком говорил правду. Подобно шуту Балакиреву, который был при Петре Первом и благодетельствовал России, кривлялся я и корчился. Я пел петухом, пробуждал сонливых, утомлял буйных врагов Отечества». Каждый биограф Суворова тайком мечтал о том, чтобы историческая достоверность этого монолога подтвердилась документально. Но легенда не нуждается в документальном подтверждении; важно, что таким – по-рыцарски преданным Отечеству и Истине – Суворова запомнили соотечественники.

Анекдоты о Суворове на свой лад пересказали всю жизнь полководца – от демосфеновских легенд о преодолении физической немощи в детстве до легенды о похоронах Суворова с крылатым: «Суворов везде проходил!». В анекдотах Суворов прожил свою вторую жизнь; в них преломилась и встреча Суворова-подростка с генералом Ганнибалом, и первые громкие подвиги в Польше, и полные самой многозначительной символики отношения Суворова с матушкой императрицей. Хорош был полководец в сражениях, неповторим в придворной жизни. Во дворце он играл роль оригинала и чудака, некоторые шутки Суворова императрице были неприятны, но она высоко ценила природный юмор графа.

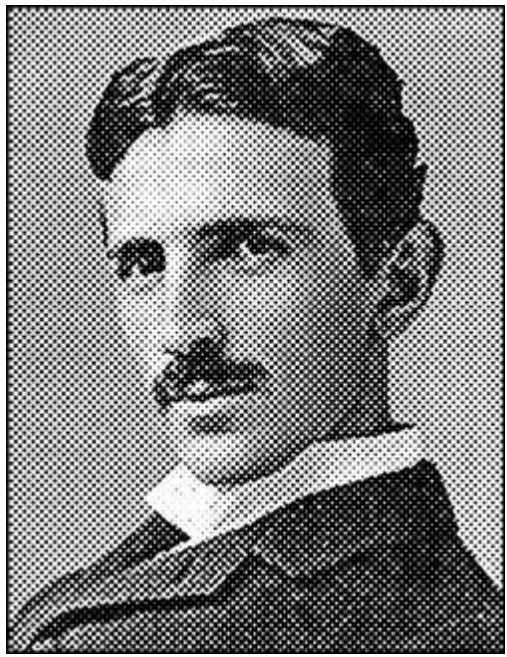
По апокрифическим свидетельствам, Суворов имел обыкновение на поле брани подзадоривать солдат непечатным словцом и солеными шутками. Другим был он в частной жизни: современников удивляло строгое отношение Суворова к браку и неверности, к злословию, к чревоугодию. Полководец оставался верным прежним, тесно связанным с Церковью, установкам, в «светски просвещенном» и отнюдь не невинном XVIII веке. Суворов бывал в большой моде, но казался старомодным. Старомодная добродетельность графа Суворова и его истинная приверженность христианской вере стали одними из причин возникновения мифа о Суворове как о полупомешанном чудаке. Его добродетельность казалась странной. Сам он о себе говорил: «О, родись я Цезарем, я был бы горд, как он, но удержался бы от его пороков».

По свидетельствам современников, он свято исполнял все религиозные обряды, молился, клал земные поклоны перед образами, строго держал посты, крестился, входя в покои и садясь за стол. Особую ревность имел к церковным службам: на рассвете спешил в храм к заутрене, затем к обедне. Сам читал Апостола во время службы и пел на клиросе. Известны его духовные сочинения. Суворов чтил народные традиции, прекрасно владел

народной, солдатской речью, любил русские песни и хороводы. «Горжусь, что я русский!» – говаривал он. И любил напоминать слова Петра Великого: «Россия в мире одна, она соперниц не имеет!»

ТЕСЛА НИКОЛА

(род. в 1856 г. – ум. в 1943 г.)

Его считают величайшим изобретателем, но незаслуженно редко упоминают в учебниках физики. А ведь Тесла открыл переменный ток, беспроводную передачу энергии, впервые разработал принципы дистанционного управления, построил первые электрические часы, двигатель на солнечной энергии и многое другое, получив на свои изобретения 300 патентов в разных странах. Он изобрел радио раньше Мар кони и Попова, получил трехфазный ток раньше Доливо-Добровольского, да и вся современная электроэнергетика была бы невозможна без его открытий. Это он предсказал возможность лечения больных током высокой частоты, появление электропечей, люминесцентных ламп, электронного микроскопа. Это его именем названа единица измерения магнитного поля. Это он придумал и создал генератор переменного тока. Вспомните об этом, включая в розетку чайник или компьютер. Но из-за фобий и навязчивых состояний, которыми страдал Тесла, ученый прослыл чудаком, и слава гениального безумца всю жизнь преследовала его.

В небольшом селе Смиляны (провинция Австро-Венгерской империи), затерянном в гуще лесов, в семье православного сербского священника Милутина Теслы и Георгины (урожденной Мандич) ровно в полночь с 9 на 10 июля 1856 года родился четвертый ребенок, получивший имя Никола. У них уже было трое детей: две дочери – Анжелина и Милка и сын Дане, который умер в детстве, поэтому всю свою любовь родители перенесли на младшенького. Смиляны состояли всего из нескольких домов, школы, где преподавание велось не на хорватском языке, а на немецком, костела да православной церкви, рядом с которой находился небольшой домик священника. Образованный и одаренный человек, Милутин Тесла интересовался не столько богословием, сколько литературой, философией и естественными науками. Как и брат его Иосип, он очень увлекался изучением математики и проявил в этой науке недюжинные способности. Он знал в совершенстве несколько европейских языков, много читал, любил книги и собрал большую библиотеку, содержавшую не только редкие богословские фолианты, но и литературу по естествознанию.

Мать будущего изобретателя славилась на всю округу как великолепная рукодельница, и жители соседних деревень говорили, что «даже если ее пальцы огрубеют от домашней работы, она все равно сможет завязать на реснице три узелка».

Неудивительно, что уже с детства Никола отличался находчивостью и пристрастием к чтению. В семь лет он тайком отливал из сала длинные свечи и читал по ночам тома, похищенные из отцовских шкафов. Но тогда же с ним стали происходить странные, необъяснимые вещи: при взгляде на жемчуг с ним случалось нечто наподобие приступа, искристость кристаллов приводила в необъяснимый восторг. «Я до сих пор чувствителен к некоторым из этих раздражителей», – писал Тесла спустя семьдесят лет. В детстве же каждый день и каждая ночь наполнялись для него странными видениями – призраками, сказочными великанами, таинственными знаками. Это было почти сумасшествие, с истериками и непонятными болезнями. Одно из ранних детских воспоминаний Теслы, собственноручно записанное им в возрасте восьмидесяти лет для 12-летней дочери его близкого друга, связано со следующим происшествием. Однажды морозным январским вечером, когда сумерки едва сгустились и в доме еще не зажигали огня, шестилетний Никола играл с черной кошкой. Однако забава была прервана необычайным явлением, показавшимся чудом не только ребенку. Спина кошки неожиданно озарилась полосой голубоватого света, а прикосновение к ней вызвало целый сноп искр. Ребенку

запретили играть с животным, чтобы не вызвать пожар, а из уст отца впервые прозвучало волшебное слово «электричество».

Ничего толком родители объяснить не сумели, но именно в тот вечер возник интерес Теслы к непонятному явлению, заставивший его отдать изучению электричества почти восемьдесят лет жизни. В первом классе начальной школы Тесла учился в Смилянах, а затем продолжал учебу и окончил начальное реальное училище в городе Госпиче, куда в 1804 году переехала вся семья. Там Николе пришлось преодолевать возникшую с первых дней неприязнь некоторых учителей и одноклассников, вызванную тем, что развитие его не соответствовало возрасту, а способности поражали всех окружающих. Необычайная память, редкая способность производить сложные математические вычисления в уме, молниеносно называя ответ, когда учитель еще только заканчивал диктовать задачу, – все это восстанавливало против необычайного ребенка. Не по годам высокий, худой, неуклюжий, левша (впоследствии Тесла научился одинаково хорошо владеть обеими руками), он при первом появлении в школе не вызывал симпатии у своих одноклассников.

Однако вскоре учителя поняли, что имеют дело с ребенком, на редкость одаренным, а сверстники оценили ловкость Николы в играх, умение плавать как рыба, способность дружить и быть верным дружбе. Он был живым ребенком. Ему нравились подвижные детские игры, но еще больше любил он уходить далеко в горы и часами следить за стадами овец в глубоких ущельях. Иногда мальчика заставала в горах гроза, и он с восторгом взирал на полыхающее от бесчисленных молний небо. И каждый раз Никола вспоминал тот случай с кошкой… А еще он был отличным пловцом и ныряльщиком, приобретя этим в Госпиче большую известность. Так, однажды 14-летний Тесла решил переплыть реку под водой, но ухитрился вынырнуть как раз под проплывающим над ним плотом. Можете представить, сколько было у подростка сил и самообладания, чтобы не запаниковать – собрав все силы, он раздвинул бревна, просунул в отверстие голову, набрал воздуха, вновь погрузился в воду и, проплыв под плотом, вынырнул у берега.

Годы учебы в Госпиче были началом изобретательской деятельности Теслы. Случилось это при довольно-таки курьезных обстоятельствах. Городская пожарная команда приобрела новый пожарный насос и его первое испытание обставила весьма торжественно, но агрегат «забастовал» и отказался качать воду. На удивление собравшейся публики к насосу протиснулся наблюдательный Никола, в минуту нашел неисправность и

устранил ее! Никто не ожидал успеха, и поэтому заработавший насос обдал знатных горожан, стоявших в первых рядах, струей холодной воды. Вскоре подросток уже сам построил несколько моделей водяных турбин, установил их на реке и начал внимательно изучать их работу. Тогда же он стал знакомиться с серьезной технической литературой, жадно набросившись на книги об электричестве. А присмотревшись к механическим и электрическим приборам, с которыми учитель в школе проделывал множество интересных опытов, Никола самостоятельно приступил к экспериментам с электрической машиной и лейденской банкой, которые позволяли создать иллюзию грозной силы молний. Он настолько увлекся этой темой, что даже высказал учителю идею управления дождями с помощью создания искусственной молнии.

Тесла продолжил учебу в Высшем реальном училище города Карловец, где жил у двоюродной сестры отца Станки Бранкович. И хотя семья тетки не знала ни в чем нужды, мальчика она почему-то решила держать в черном теле, не давая есть досыта. Позднее в автобиографии Тесла объясняет свои усиленные занятия в Карловце именно необходимостью заглушить чувство голода. Так это или нет, но ему действительно удалось окончить четырехлетний курс обучения за три года и получить степень бакалавра. Теперь перед юношей встал вопрос о выборе профессии. Для себя он уже все решил – лучшая в мире специальность – инженер-электрик. Но не об этом мечтал его отец, видевший сына, который уже в то время не признавал никакой религии, священником.

В разгар бурных споров с отцом Никола тяжело заболел. Впоследствии он сам считал, что перенес холеру, но воспоминания его близких не подтверждают этого. Тем не менее, болезнь была непритворная, и вся семья забила тревогу. Сам же Никола упорно твердил, что если отец разрешит ему идти своей дорогой, то он соберет все свои силы и выздоровеет. На удивление врачей это и случилось, как только Милутин Тесла дал клятвенное обещание не препятствовать намерениям сына. Событие это не прошло для Николы бесследно. Будучи уверенным, что он перенес холеру, и опасаясь вновь заразиться ею, Тесла на протяжении всей жизни оставался мнительным и болезненно брезгливым, что особенно бросалось в глаза в годы его материального благополучия. Вообще, все его недуги, несомненно, имели характер довольно редких аллергических заболеваний, связанных с повышенной реакцией органов чувств на внешние раздражения, и наложили отпечаток на весь образ жизни ученого. Он панически боялся микробов, постоянно мыл

руки, в отелях требовал до 18 полотенец в день и всегда носил перчатки. Если во время обеда на стол садилась муха, изобретатель заставлял официанта поменять блюда. Ко всему этому в отеле он поселялся лишь в том случае, если номер его апартаментов был кратен трем. И надо учесть, что при славе Теслы ему редко отказывали и исполняли любое требование.

Выздоровление, казалось бы, окончательно решало вопрос о дальнейшем образовании Николы. Однако выяснилось, что юноше предстоит в течение трех лет отбывать воинскую повинность в армии. Тесла не пожелал служить австро-венгерской монархии, и чтобы избежать призыва, отец отправил его в горы, где тот скрывался в течение целого года. Длительное пребывание на лоне природы значительно укрепило ослабленное болезнью здоровье Николы.

Затем Тесла приступил к учебе вначале в Политехническом институте в Граце (Австро-Венгрия, 1875–1878), затем – в Пражском университете (1880). Но словно неким чудом спасшийся Тесла вскоре начал страдать от странного появления четких видений, сопровождавшихся иногда сильными световыми вспышками. Такие галлюцинации обычно свойственны людям, обладающим парапсихологической мощью. Сильные вспышки света покрывали картины реальных объектов и попросту заменяли его мысли. В определенные моменты он замечал, что весь воздух вокруг него наполнен языками настоящего пламени. Их интенсивность нарастала и достигла максимума в возрасте двадцати пяти лет. Однажды у Николы было чувство, что у него пламенем охвачены и мозг, и сердце. Эти видения были настолько реальны, что он пытался убрать их руками. «Каждую ночь, а иногда и днем, я, оставшись наедине с собой, отправлялся в эти путешествия – в неведомые места, города и страны, жил там, встречал людей, создавал знакомства и завязывал дружбу и, как бы это ни казалось невероятным, но остается фактом, что они мне были столь же дороги, как и моя семья, и все эти иные миры были столь же интенсивны в своих проявлениях».

Именно тогда Тесла впервые обнаружил в себе удивительную способность: стоило ему лишь представить в воображении какой-нибудь механизм, вроде ткацкого станка или мельницы, и он мог внимательно следить за его работой, вносить усовершенствования, проверять, как будет крутиться то или иное колесо, – словно он соорудил этот механизм на самом деле. Его память оказалась столь совершенной, что хранила каждую строчку из сотен прочитанных книг, каждую картинку и каждый чертеж.

Перейдя на третий курс, Тесла отдал дань шумным и подчас

небезопасным развлечениям студентов. Его часто можно было видеть за азартной игрой в карты, бильярд, шахматы, домино. Он проигрывал большие суммы. Свои долги юноша возвращал, а выигрыши всегда раздавал проигравшим и скоро прослыл чудаком. Однажды Никола проиграл все деньги, данные матерью на оплату обучения. Но в последний момент пришла удача: он полностью отыгрался и даже что-то выиграл, но с той памятной ночи Тесла больше ни разу в жизни не садился за карточную игру. Им владел куда более яростный азарт – тяга к электричеству.

Следует сказать, что Никола выделялся среди соучеников не только странностями, но и красотой, немалой физической силой: жгучий брюнет под два метра ростом, атлетически сложенный, он побеждал почти во всех спортивных состязаниях и с той же легкостью получал отличные оценки по всем предметам. Декан технического факультета писал его отцу: «Ваш сын – звезда первой величины». А его понимание математики и физики было почти интуитивным, словно он родился со всеми этими знаниями, и оставалось только вспоминать то, что нужно. Тем более теперь, когда он с каждым днем все больше узнавал о той силе, которую впервые почувствовал ребенком, гладившим кошку. И, одна за другой, как при внезапных вспышках света, в его воображении начали возникать модели изобретений. Одному из первых – генератору переменного тока – суждено было стать самым знаменитым, хотя, возможно, далеко не главным в жизни Теслы.

Это был тот самый генератор, без которого немыслима ни одна электростанция и вообще современная энергетика. Но в 1872 году идея молодого студента казалась сущим бредом, так как еще не существовало моторов, работающих от переменного тока. Тесла придумал и такой мотор, который оказался более простым и эффективным, нежели обычные электродвигатели. Но все эти изобретения существовали… лишь в его воображении! Кто бы дал денег молодому инженеру для воплощения его идей? Для этого надо было быть таким же сумасшедшим.

Однако талантливому выпускнику университета пришлось просто зарабатывать на жизнь, так как заболел отец и финансовое положение семьи ухудшилось. Его первая должность – служащий телеграфного агентства в Будапеште. В 1882 году Тесла перебрался в Париж, а через год устроился в Страсбурге в Континентальную компанию Эдисона. Работая инженером-электротехником, он сделал свои первые шаги как изобретатель и инженер-электронщик. Переутомление, вызванное чрезмерной работой, вновь вызвало редкое заболевание – все органы чувств

Теслы стали необычайно восприимчивыми. Он мог видеть весьма отдаленные предметы даже ночью. Слух его обострился настолько, что шепот казался ему криком, а тиканье карманных часов в соседней комнате – ударами молота по наковальне. Прикосновение пальцев к любым предметам вызывало резкую боль. Пульс его менялся от 30 до 120 ударов в минуту. На протяжении всей этой странной и страшной болезни Тесла боролся с нею, продолжая в полубреду проектировать свой электродвигатель. Временами ему казалось, что решение так близко, что стоит только выздороветь, как он создаст конструкцию, во всем отвечающую его идее. Выздоровление и на этот раз пришло независимо от усилий докторов. Тесла был настолько счастлив, оправившись от болезни, что прогуливался со школьным другом Сцигети, цитировал любимых поэтов, читал наизусть строки из Гете, радуясь, что болезнь не изгладила из памяти знакомые с детства стихи.

Закончив одну из строф, он вдруг уверенно произнес: «А все-таки оно будет вращаться и в обратном направлении. Все зависит от моего желания». Сцигети, думая, что слова эти относятся к заходящему солнцу, не мог понять, что происходит с Теслой. Но Никола, увлеченный своими мыслями, быстро начал чертить тростью на песке схему электродвигателя переменного тока, основанного на использовании того, что впоследствии было названо вращающимся магнитным полем. «В одно мгновение, – писал Тесла в автобиографии, – истина была открыта. Своею тростью я сделал на песке набросок принципа, который изложил шесть лет спустя на конференции в Американском институте электроинженеров. И мой друг, находившийся рядом со мною, понял мою мысль и выразил полное согласие с ней». Тесла, ведомый своей интуицией, в 1883 году изготовил первую модель электродвигателя. Он жадно читал статьи в зарубежных технических журналах – а там все чаще писали о новых экспериментах российских электротехников. Лодыгин, Яблочков – эти имена тогда звучали по всему миру. И Тесла решил ехать в Санкт-Петербург. В последний момент об этом случайно узнал один из администраторов Континентальной компании, Чарлз Бечлор, в прошлом ассистент и личный друг Эдисона. Он уговорил его отказаться от поездки в Россию и дал рекомендательное письмо к Эдисону. В коротенькой записке Бечлор написал: «Было бы непростительной ошибкой дать возможность уехать в Россию подобному таланту. Вы еще будете мне благодарны, мистер Эдисон, за то, что я не пожалел нескольких часов для убеждения этого молодого человека отказаться от мысли ехать в Петербург. Я знаю двух великих

людей – один из них вы, второй – этот молодой человек».

В 1884 году Тесла переехал в США. Высадившись в Нью-Йорке без копейки денег, он сразу же убедился, что это страна больших возможностей: проходя по Бродвею, Никола увидел группу людей, пытающихся починить электромотор, – и тут же заработал 20 долларов. Но с Эдисоном Тесла не сработался: тот почувствовал в нем опасного конкурента, и чем лучше Никола справлялся со своей работой, тем в большую немилость впадал. Особенно раздражали американского гения идеи Теслы о машинах, работающих от переменного тока, тогда как сам Эдисон уже сделал себе состояние на электродвигателях постоянного тока. Однажды он попросил Теслу решить сразу десять проблем по усовершенствованию динамо-машин и электродвигателей постоянного тока, с которыми сам великий изобретатель не сумел справиться, пообещав за это вознаграждение в 50 тысяч долларов. Тесла за несколько недель блестяще решил все задачи, но когда потребовал денег, Эдисон только рассмеялся. «Вы, эмигранты, видимо, плохо понимаете американские шутки!» – сказал он. Взбешенный Тесла хлопнул дверью и больше не появлялся в офисе Эдисона. С этого дня они стали смертельными врагами.

Тесле, уволившемуся из компании Эдисона, пришлось браться за любую, даже самую грязную работу. Он подрабатывал грузчиком в порту, рыл канавы и старался раздобыть хоть немного денег, чтобы вернуться в Европу. Однако во время какой-то поденной работы Никола познакомился с молодым безработным инженером Брауном, который и оказался тем самым «сумасшедшим», готовым поверить в идеи Теслы! Да к тому же предприимчивым и практичным. И его «капитала» в 50 долларов оказалось вполне достаточно, чтобы основать небольшую фирму «Тесла арк лайт компани», принимающую заказы на установку уличных фонарей. Пока Тесла разрабатывал новые образцы дуговых электроламп, Браун добыл кредиты и огромные заказы. Буквально через несколько месяцев фирма переехала в новый офис на Пятой авеню – словно в насмешку заняв соседнее с фирмой Эдисона здание. Еще через несколько месяцев у Теслы уже была собственная, оборудованная по последнему слову техники, лаборатория. И он, наконец, смог, не думая о деньгах, приступить к реализации всех тех идей и изобретений, которые так много лет витали в его воображении.

Прежде всего Тесла изготовил и испытал генераторы и двухфазные электродвигатели переменного тока, доказав их эффективность. Модели, которые он послал в ведущие американские университеты, убедили многих знаменитых ученых в его правоте. Изобретателя стали приглашать для чтения лекций

по электротехнике, о нем писали газеты и научные журналы… Но это был еще не триумф, а лишь первая ступень на лестнице к всемирной славе.

Следующий шаг Тесле помог сделать Джордж Вестингауз. Известный инженер и промышленник считал Теслу гением и хотел использовать переменный ток не только для освещения города, но и для привода станков на своих питсбургских заводах. «Я предлагаю вам миллион долларов за ваш патент!» – заявил с порога Вестингауз. Тесла был растроган, увидев наконец человека, который верит в его изобретение так же сильно, как он сам, и почти сразу согласился, сделав лишь одну незначительную оговорку (ох уж эти математики!): «И вы будете выплачивать мне ежегодно по одному доллару за каждую лошадиную силу, развиваемую вашими двигателями переменного тока». Вестингауз принял эти условия. Он еще не знал, что спустя всего три года, когда мощность всех произведенных им электродвигателей превысит 15 миллионов лошадиных сил, ему придется буквально стоять перед Теслой на коленях, чтобы уговорить его изменить контракт…

Вестингауз купил патенты на разработанные Теслой системы передачи и распределения многофазных токов (включая генераторы, электродвигатели и трансформаторы) и применил их в своей гидроэлектростанции на Ниагарском водопаде. Это тоже принесло Тесле около 15 миллионов долларов, что по тем временам составляло огромное состояние. Ученый носил самые дорогие костюмы, останавливался в самых фешенебельных отелях. Он был желанным гостем в любом аристократическом доме. На него заглядывались лучшие американские невесты. Но сам он избегал общества. Единственной женщиной, которая могла бы, по словам изобретателя, стать ему женой, была Катарин Джонсон, супруга его лучшего друга Роберта. Но Никола никогда не посмел признаться ей в своих чувствах. Именно для их дочери Тесла написал книгу о своей жизни.

А тем временем конкуренция обострялась, и Эдисон попытался доказать опасность переменного тока для жизни человека, для чего демонстративно убил переменным электрическим током собаку. Но и Тесла мог позволить себе всласть поиздеваться над своим завистником. В 1893 году он устроил настоящее шоу на Всемирной выставке в Чикаго. Стоя на подиуме в центре выставочного зала, он пропустил через себя ток напряжением в два миллиона вольт! По версии Эдисона, от «сумасшедшего серба» не должно было остаться даже пыли. Однако Тесла спокойно улыбался, а в его руке горела лампочка Эдисона, получавшая энергию будто бы из ниоткуда. Это теперь

мы знаем, что убивает не напряжение, а сила тока и что ток высокой частоты проходит только по поверхностным покровам. В эпоху младенчества электричества подобный фокус казался чудом.

Слава гениального безумца, преследовавшая Теслу, в чем-то соответствовала действительности. Странностей у него хватало. Но фобии и навязчивые состояния сочетались у изобретателя с поразительной энергией. Прогуливаясь по улице, он мог во внезапном порыве сделать сальто. Он часто гулял в парке и читал наизусть «Фауста» Гете, и в эти моменты его осеняли блестящие технические идеи. С другой стороны, у него был необъяснимый дар предвидения. Однажды он буквально силой задержал друзей, гостивших у него, заставив их опоздать на поезд. А вскоре стало известно, что этот состав потерпел крушение. В другой раз ему приснился сон, что его сестра Анжелина умерла, и это оказалось правдой. А своего друга Дж. П. Моргана он уговорил отказаться от путешествия на «Титанике».

Итак, как только Тесла получил финансовую независимость и привлек внимание публики к своим разработкам, изобретения посыпались, словно из рога изобилия. В 1888 году он открыл явление вращающегося магнитного поля, на основе которого построил электрогенераторы высокой и сверхвысокой частот. В 1891 году сконструировал резонансный трансформатор (трансформатор Теслы), позволяющий получать высокочастотные колебания напряжения с амплитудой до миллиона вольт, и первым указал на физиологическое воздействие токов высокой частоты.

Двухфазный ток стремительно завоевывал Америку и Европу. Резерфорд называл Теслу «вдохновенным пророком электричества». Но самого изобретателя это уже почти не интересовало. Он погружался в круг новых проблем, суливших совсем иные открытия. Ученый был полностью поглощен своими идеями, совершенно не заботясь о личном благополучии, он даже не имел своего дома. Тесла снимал номер в одном из лучших нью-йоркских отелей, а его домом была лаборатория. В ней он проводил двадцать часов в сутки и даже иногда принимал гостей. А ведь Тесла был не просто миллионером, он был легендой Нью-Йорка! С ним искали знакомства самые разные люди: его любимый писатель Марк Твен, Редьярд Киплинг, Герберт Уэллс, Антонин Дворжак… В лаборатории происходили небольшие вечеринки, о которых гости потом вспоминали с замиранием сердца: «Он доставал из чемоданов шаровые молнии и жонглировал ими как простыми шариками!», «Он был наполнен электричеством – и каждый предмет, к которому он прикасался,

начинал светиться», «Он рассказывал о передаче энергии на расстоянии»…

Вивекананда, один из членов миссии Рамакришны, посланный в начале XX века на Запад с целью выяснить возможность объединения всех существующих религий, посетив Теслу в его лаборатории в Нью-Йорке, писал позднее на родину: «Этот человек отличается от всех западных людей. Он продемонстрировал свои опыты, проводимые им с электричеством, к которому относится как к живому существу, с которым разговаривает и которому отдает приказания. Речь идет о высшей степени спиритуальной личности. Вне сомнения, что он обладает духовностью высшего уровня и в состоянии признать всех наших богов. В его электрических многокрасочных огнях появились Вишну, Шива, и я почувствовал присутствие самого Брахмы».

Настороженное отношение к Тесле начало складываться со времен демонстрационного эксперимента в Колорадо-Спрингс, то есть приблизительно с 1900 года, когда ученый заявил, что инопланетная цивилизация поддерживает с ним связь и он чувствует ее сигналы всякий раз, когда на небе появляется Марс. В то время как общественность обвиняла изобретателя в черной магии, сам он говорил о своих контактах с марсианами и считал, что он был первым, «кто услышал приветствие от одной планеты к другой».

Что же произошло в Колорадо-Спрингс? Наблюдаемые во время грозы стоячие волны электрического поля привели Теслу к идее о возможности создания системы для обеспечения электроэнергией удаленных от генератора потребителей энергии без использования проводов. Она приобрела огромную известность после экспериментов в Колорадо-Спрингс, когда он подсоединял вторые выводы от лампочек к сырой земле, и лампочки загорались. Таким образом он показал, что земля проводит электрический ток. Это доказывало, что, научившись, население Земли может пользоваться безграничными запасами энергии. Но на обывателей это произвело гнетущее впечатление, как, впрочем, и опыт Теслы по дистанционному управлению маленькими лодочками в Мэдисон-Сквер-Гарден (1898), который многие люди сочли колдовством. Когда репортер газеты «Нью-Йорк Таймс» спросил у изобретателя, можно ли начинить его кораблик динамитом и направить на судно неприятеля, Тесла взбесился и закричал: «Там, где вы видите телеавтоматическую торпеду, я вижу механических людей, выполняющих за нас всю тяжелую работу!» Но спустя два месяца большой корабль отошел на 25 миль от порта, повинуясь радиосигналам с берега. А в

конце года Тесла сообщил, что им создан полностью радиоуправляемый человекоподобный робот, способный повторять все движения оператора. К сожалению, это изобретение, как и многие другие, уничтожил пожар, внезапно случившийся в его лаборатории.

В научных кругах после некоторых «представлений» Теслы царило смущенное молчание, зато репортеры следовали за ним по пятам. Поэтому о самых сенсационных изобретениях ученого нам известно из множества газетных сообщений. Надо сказать, что легенды о Тесле-чернокнижнике и даже Дракуле родились не на пустом месте. Никакого отношения к Дракуле он, конечно, не имел, но, так же как и эта легендарная личность, избегал яркого солнечного света. Изобретателя преследовал странный недуг, который он получил во время своих экспериментов. Тесла часто попадал под воздействие мощных электромагнитных полей. Его нервная система, как уже упоминалось, приобрела особую чувствительность. Глаза стали видеть в темноте, солнечный свет причинял ему сильную боль, тихие шорохи звучали, как раскаты грома.

В 1896 году изобретатель начал эксперименты с резонансными излучателями. Когда он привел в действие самый мощный из своих приборов, стены лаборатории начали ходить ходуном, с потолка посыпалась штукатурка… Выключать излучатель было слишком долго, и Тесле пришлось разбить его молотком. Так его и застали встревоженные полицейские. Их направили сюда жители близлежащих домов, квартиры которых сотрясались от резонансных волн. Но и здания в других районах Нью-Йорка тоже испытали подземные удары… Это было настоящее землетрясение силой в три балла! Скорее всего, здесь имела место случайность – эксперимент Теслы просто совпал по времени с природным катаклизмом. Но некоторые исследователи утверждают, что колебания земли были вызваны именно работой его установки. Проверить это уже невозможно. Но, по тем же слухам, американское правительство приобрело чертежи и наложило на них гриф высшей секретности – как на потенциальное оружие, способное с помощью электромагнитных колебаний провоцировать резонанс в земной коре.

А тот фокус с энергией из воздуха в Колорадо-Спрингс впечатлил даже Джона Пирпонта Моргана – одного из богатейших американцев того времени. По его приглашению инженер переехал в Нью-Йорк для осуществления грандиозного проекта «Ворденклиф» – Всемирного центра беспроводной передачи. Морган выделил баснословную по тем временам сумму – 150 тысяч долларов (сейчас это эквивалентно нескольким

миллионам долларов) и участок в 200 акров на острове Лонг-Айленд. Там была возведена грандиозная башня высотой 57 метров со стальной шахтой, углубленной в землю на 36 метров. Ее венчал 55-тонный металлический купол диаметром 20 метров. Башня, в которой располагалась и лаборатория Теслы, – одно из самых странных сооружений в городе. Очевидцы рассказывали, что вокруг нее, особенно ночами, творилось что-то невероятное: гуляющие горожане вдруг замечали, что их тела начинают светиться, а в воздухе распространяется зеленоватое сияние. Нью-йоркские газеты того времени пестрят рассказами об этих странностях. Тесла начал экспериментировать с передачей энергии в виде пучков на противоположную сторону земли – и сияния усилились.

В полную силу Тесла испробовал свой передатчик 15 июня 1903 года, начав эксперимент ровно в полночь. Граждане Нью-Йорка стали очевидцами выдающегося для научного будущего события. Ослепительно яркие пряди электрической плазмы длиною более сотни миль соединяли сферический купол Ворденклифа с небом. Газета «Нью-Йорк Сан» на следующий день писала: «Живущие вблизи лаборатории Теслы на Лонг-Айленде более чем заинтересованы его опытами с беспроволочным переносом энергии. Прошлой ночью мы были свидетелями странных феноменов – многокрасочных молний, собственноручно испускаемых Теслой, затем воспламенения слоев атмосферы на разной высоте и на большой территории, так что ночь моментально превращалась в день. Случалось, что весь воздух на несколько минут был наполнен свечением, сосредоточенным по краям человеческого тела, и все присутствовавшие излучали светло-голубое мистическое пламя. Сами себе мы казались призраками».

Сам же «виновник торжества» в одном из интервью только усугубил загадочность произошедшего: «Люди, живущие возле Ворденклифа, пугавшиеся моих экспериментов, проводимых два года тому назад, говорили, что за эти два года они больше бодрствовали, чем спали, и могли познакомиться с поистине невероятными вещами. Как-нибудь, но не сейчас, я объявлю нечто, чего нет даже в сказках».

Это был триумф. Но… фокус не прошел. Морган ожидал от него не передачи энергии на расстояние, а мечтал, что Тесла усовершенствует систему беспроводной связи, и прекратил финансирование. Кстати, изобретатель еще в 1893 году построил первый волновой радиопередатчик, на годы опередив Маркони (в 1943 году Верховный суд США подтвердил приоритет Теслы в изобретении радио).

А потом произошло нечто совсем необъяснимое. После той необычной ночи Тесла вдруг покинул свою лабораторию, не взяв оттуда ни одного чертежа, ни одной бумаги и никогда больше не перешагнул порога Ворденклифа. С тех пор изобретатель оставил все свои «магические» опыты и до самой смерти занимался лишь усовершенствованием обыкновенных электротехнических приборов. Перед отъездом в Европу Тесла объяснил друзьям, что видит неготовность человечества принять плоды его изобретений. «Они будут созданы заново, много лет спустя, когда настанет их время, – но не сейчас». Это был поворотный пункт в его публичной научной работе. Он жил еще сорок лет, непрестанно работая, но патентовал только открытия, относящиеся к механике, и публиковал лишь газетные статьи.

Тем не менее известно, что при поддержке компаний “Pierce-Arrow Co” и “General Electric” в 1931 году Тесла снял бензиновый двигатель с нового автомобиля фирмы “Pierce-Arrow” и заменил его электромотором переменного тока мощностью в 80 лошадиных сил без каких бы то ни было традиционно известных внешних источников питания. Для этого в местном радиомагазине он купил 12 электронных ламп, немного проводов, горстку резисторов и собрал все это хозяйство в коробочку длиной 60 см, шириной 30 см и высотой 15 см с парой стержней длиной 7,5 см, торчащих снаружи. Укрепив коробочку за сиденьем водителя, Тесла выдвинул стержни и возвестил: «Теперь у нас есть энергия». После этого он ездил на машине неделю, гоняя ее на скоростях до 150 км/час. На вопрос, откуда бралась энергия, Тесла отвечал: «Из эфира вокруг всех нас». А когда изобретателя в очередной раз обвинили в черной магии, он снял с машины загадочную коробочку, и тайну источника энергии до сих пор так никто и не раскрыл.

В 40-х годах XX века стали поговаривать, что Тесла окончательно выжил из ума. Причиной тому послужило заявление ученого о том, что он изобрел «луч смерти», который передает на расстояние до 400 км энергию, достаточную для уничтожения 10 000 самолетов или армии в миллион человек. Известно, что отчаявшийся изобретатель рассылал по всему миру предложения сконструировать «супероружие», предполагая установить баланс сил между разными странами и таким образом предотвратить Вторую мировую войну. В списке адресатов были правительства США, Канады, Англии, Франции, СССР и Югославии. Как ни странно, Советский Союз заинтересовался этим предложением. В 1937 году изобретатель провел переговоры с фирмой «Амторг», представлявшей интересы СССР в США, и передал ей некоторые планы вакуумной камеры для своих «лучей

смерти». Два года спустя Тесла получил из СССР чек на 25 000 долларов. Войну это, конечно, не остановило, а в СССР лазерные технологии появились гораздо позже. Но тем не менее, именно Тесла послужил для многих писателей-фантастов прототипом расхожего образа безумного профессора, изобретения которого грозят уничтожить всю планету.

С 1936 по 1942 год Никола Тесла был директором проекта «Радуга», в рамках которого был проведен печально известный Филадельфийский эксперимент. О нем существует множество самых невероятных предположений, но имеются и абсолютно доказанные факты: в 1943 году военно-морской флот США провел эксперимент по созданию мощного электромагнитного поля вокруг конвойного эсминца «Элдридж» ДЕ-174. Целью данного проекта была защита кораблей от немецких радаров. Однако после пуска генераторов «Элдридж» внезапно исчез, мгновенно переместившись на базу в Норфолке (350 км от места проведения эксперимента). Некоторое время спустя он так же неожиданно вернулся назад. Часть экипажа исчезла, остальные матросы сошли с ума. Технология проекта оказалась разрушительной для психики и биологической структуры человека. Проект «Радуга» также известен под другим названием – проект «Филадельфия». Не секрет, что при подготовке к нему Тесла создал прибор, который должен был помочь матросам в случае потери ориентации во времени (!). Говорят, что ученый считал возможным использовать его для решения проблем преодоления возраста. Как объяснял Тесла, если у личности может произойти смещение привязки во времени, то можно практически изменить возраст. Если чью-то привязку во времени сместить на двадцать лет назад, соответственно изменится возраст тела. Открытия Теслы намного опережали свое время. Физика явлений, которые он исследовал, лежала и сейчас лежит на границе современного знания и технологических возможностей.

Все свои миллионы Тесла истратил на изобретения и к концу жизни жил в нужде. Ему пришлось отказывать себе в самом необходимом, расстаться со многими привычками. Но и в этом случае становилось все труднее и труднее сводить концы с концами. Когда пришлось отказаться и от помощи своих неизменных секретарей – Дороти Скеррит и Муриэли Арбус, – он вынул из стола золотую медаль Эдисона, которую ему вручили чуть ли не насильно в 1916 году, и ножом разрубил ее пополам. «Здесь золота на сто долларов, а другой ценности для меня она не представляет», – сказал он и протянул по половинке мисс Скеррит и мисс Арбус.

В последние годы жизни, после автомобильной аварии, Тесла

стал настоящим затворником. Даже друзья не могли прорваться в его гостиничный номер № 33 отеля «Нью-Йоркер», на двери которого постоянно висела табличка «Никогда не входить без вызова». В пятницу 8 января 1943 года горничная, хотя и опасаясь неодобрения постояльца, все же вошла в номер. Никола Тесла – великий ученый, отказавшийся от Нобелевской премии, человек, которого все физики мира считают и величайшим гением, и величайшим шарлатаном, лежал мертвый, с застывшей на лице полуулыбкой. Было установлено, что смерть наступила от старости и хронических болезней. Сотрудник Федерального бюро расследований вскрыл сейф и забрал все бумаги, надеясь в них найти что-либо из изобретений, имеющих ценность для военных. Во вторник 12 января 1943 года Николу Теслу отпели по православному обычаю, а затем тело было сожжено в соответствии с буддийским церемониалом, и урна с его прахом установлена на кладбище Фернклиф.

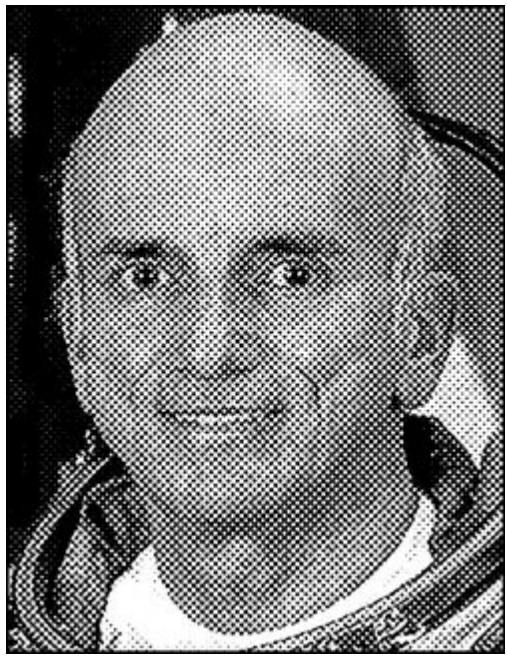
Вскоре все бумаги и личные вещи Теслы были сданы в Бюро хранения вещей иностранцев, а затем, согласно его личному завещанию, переданы в югославское посольство, после чего перешли к племяннику Саве Косановичу, который основал в Белграде музей Николы Теслы.

Секретная документация, изъятая из сейфа Теслы, никогда более не упоминалась, а большую часть опытов не удалось повторить ни в одной лаборатории мира. Кроме того, существует аргументированное предположение, что Теслу переправили в Англию, а для организации похорон использовали тело двойника, которое сожгли, хотя это противоречило традициям православной веры, которой придерживались в его семье… Поэтому остается спорным, умер он или нет…

Многие открытия Теслы сегодня забыты. О них сохранились лишь легенды, в которых трудно отделить правду от домыслов. Но даже отрывочные сведения, дошедшие до нас, будоражат воображение. И совершенно очевидно, что если бы современники воспринимали его изобретения всерьез, то вполне вероятно, что мы с вами сейчас жили бы в другом мире – причем словосочетание «другой мир» можно было бы трактовать буквально. Ведь Никола Тесла действительно обогнал свое время и был самым настоящим «человеком не отсюда», который часто повторял: «Я не тружусь для настоящего, я тружусь для будущего!» Что еще мог сказать гениальный чудак?

ТИТО ДЕННИС

(род. в 1940 г.)

Американский мультимиллионер, ставший в 60 лет первым в мире космическим туристом. Заплатив за восьмидневный полет 20 млн долларов, он считает его чистым развлечением.

Многое из того, о чем рассказал более 130 лет назад в романе «Полет на Луну» знаменитый Жюль Верн, осуществилось в наши дни. Первый в XXI веке пилотируемый старт с космодрома Байконур открыл эпоху пассажирских перевозок в космос и обратно. Наверное, не случайно, что первый экипаж космических извозчиков возглавил Талгат Мусабаев, в прошлом пилот гражданской авиации. А пассажиром на его корабле стал американский гражданин Деннис Тито, хотя официально он не был первым гражданским пассажиром, побывавшим в космосе. Еще в 1985 году на американском космическом корабле в космос полетел принц из Саудовской Аравии, а затем на околоземную орбиту поднялся сенатор Де Гарн. В следующем году полет вокруг Земли совершил член палаты представителей Бэн Нельсон. В 1990 году на советской орбитальной станции «Мир»

побывал японский журналист Т. Акияма, а в 1991 году кондитер из Великобритании Х. Шарман. Но Деннис Тито первым сказал, что цель его полета исключительно приватная: реализовать свою давнюю детскую мечту побывать в космосе. Он считается первым на Земле космическим туристом, потому что самостоятельно оплатил свой вояж. Сам Деннис Тито называет себя первым космическим путешественником. Так что события, описанные в романе Жюля Верна, больше нельзя назвать фантастикой.

Деннис Тито родился 8 августа 1940 года в Нью-Йорке в бедной семье итальянских иммигрантов. Фамилия Тито происходит от названия городка на юге Италии, откуда родом его родители. В поисках лучшей жизни семья Тито переехала в США и поселилась в нью-йорском районе Квинс. Отец мальчика работал в типографии, а мама была швеей. Еще в школе Деннис «заболел» космосом. Это случилось в тот день, когда он узнал о запуске первого космического спутника Земли: «Я был тогда подростком и наблюдал развитие советско-американского соперничества в космонавтике. Я всегда хотел слетать в космос – такой род жизненного опыта был как раз для меня». Деннис Тито никогда не забывал о том, что его родители переехали в США для того, чтобы достичь жизненного благополучия. Их сын вынес из этого хороший урок. Он понял, что если поставить перед собой жизненную цель и упорно трудиться над ее осуществлением, достичь можно всего, чего пожелаешь.

Когда Деннис немного подрос, он переехал из Нью-Йорка в Калифорнию и занялся осуществлением своей мечты. В 1962 году Тито поступил в инженерный колледж при Нью-Йоркском университете. А в следующем году он уже работал инженером по аэрокосмической технике НАСА. Деннис Тито занимался расчетом траекторий полетов межпланетных станций типа “Mariner”, а также принимал активное участие в осуществлении полетов автоматических станций к Марсу и Венере. В 1964 году молодой ученый окончил университет, получив степень магистра по инженерным технологиям. В 1970 году он продолжил обучение в университете Андерсена при Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. Спустя два года Деннис Тито основал свою фирму “Wilshere Associates Inc” (штат Калифорния), которой руководит до сих пор.

Сегодня первый космический турист постоянно живет в Лос-Анджелесе. В доме Тито (площадью 30 000 м^2), есть комната, в которой хранится коллекция моделей самолетов с газовыми двигателями, где все экспонаты изготовлены его руками. Кроме того, он увлекается ездой на спортивных автомобилях, любит ходить под парусом, а в свободное время с удовольствием

слушает оперу. Раньше в этом доме Деннис Тито жил с семьей – женой и тремя детьми, а сейчас – один.

Благодаря хорошему образованию Тито разработал суммарный рыночный индекс Wilshere 5000, который сейчас является наиболее применяемым индексом на рынке ценных бумаг. На сегодняшний день компания Тито вышла в ранг ведущих провайдеров услуг в области управления, консалтинга и технологии инвестиционной деятельности. Глава компании рассказывает о себе: «Руковожу принятием решений в таких сферах, как финансирование, консультация и технологии. Но несмотря на смену профессий, мой интерес к полетам в космос никогда не угасал, как и моя преданность делу развития национальной космонавтики. К тому же я никогда не терял надежды, что однажды сам смогу полететь в космос».

НАСА всегда стремилось не допускать «штатских» на свои космические корабли. Поэтому формально у себя на родине Тито был лишен возможности осуществить свою мечту. Но неожиданно содействие ему решила оказать Россия – извечный соперник США в космосе. Тито уже был согласен совершить полет на станцию «Мир». Однако в связи с окончанием срока эксплуатации советской станции проект был закрыт. Но официальные представители российского агентства по космонавтике и компании «Энергия» связались с Деннисом Тито по телефону с предложением побывать на международной космической станции с миссией «Такси». Правда, неожиданно возникли проблемы с американской стороной, которая долгое время не давала согласия на полет Тито в космос. Глава Национального агентства США по аэронавтике Дэниэл Голдвин, выступив на слушании в конгрессе, заявил, что против полета Тито возражали четыре страны-партнера по международной космической станции. Чуть позже к числу критиков идеи первого космического путешествия присоединился астронавт Джон Гленн – первый американец, облетевший в 1962 году вокруг Земли, впоследствии сенатор. По его мнению, международная космическая станция использовалась бы не по назначению: «Это все равно, как если бы мы с партнерами построили больницу или лабораторию, а потом один из нас стал бы использовать это помещение совершенно в других целях… Например, играл там в бейсбол». Затем участники проекта МКС, представляющие США, европейское космическое агентство, Японию и Канаду, формально известили Росавиакосмос о том, что выступают против участия господина Тито в космической экспедиции: «Присутствие на борту станции непрофессионального члена экипажа, не прошедшего подготовку обращения с ее основными системами, не способного должным

образом действовать в возможных нештатных ситуациях и нуждающегося в постоянном надзоре, существенно осложнит экспедицию и нанесет общий ущерб безопасности станции». Такая осторожность американской стороны объяснялась трагическим инцидентом, произошедшим в районе Тихого океана, когда подводная лодка МВС США непреднамеренно потопила учебное японское судно. Из материалов расследования стало ясно, что роковые ошибки экипажа субмарины были спровоцированы тем, что на ее борту находились гражданские лица. К тому же одна из попыток НАСА отправить в космос непрофессионала тоже закончилась трагедией. В 1986 году экипаж шаттла «Челенджер», в состав которого входила преподаватель Криста Маколифф, погиб в результате взрыва.

В американской печати все чаще появлялись статьи, негативно оценивающие попытку Денниса Тито отправиться в космическое путешествие. «…Человек, который готов рисковать жизнью, не в своем уме. И поскольку нельзя серьезно отнестись к его предложению, лучше бы он молчал и не волновал страну таким диким вздором», – такими заявлениями пестрели американские газеты.

Но совсем иначе к этой идее отнеслись сыновья Тито: 26-летний Майк и 23-летний Брэд. Узнав о том, что отец собирается провести отпуск в космосе, они только недоуменно пожали плечами: «Это вполне в его духе». Не известно, как восприняла идею отца живущая в Новой Зеландии дочь Тито. Она категорически отказалась давать какие-либо интервью по этому поводу.

Но, несмотря на категорический протест НАСА, Росавиакосмос на свой страх и риск решилось на полет Денниса Тито, предоставив ему возможность находиться в российской части орбитальной станции «Альфа». В начале 2001 года Росавиакосмос и компания «Энергия» заключили с Деннисом Тито официальный контракт стоимостью 20 миллионов долларов.

НАСА выдвинула перед первым космическим туристом ряд условий. Деннис Тито подписал документ, согласно которому с Национальных космических агентств снималась любая ответственность за возможные инциденты. Ему было предложено подписать соглашение о том, что первый космический турист обязуется компенсировать любой причиненный им ущерб, а также не будет иметь никаких претензий к НАСА, если во время полета пострадает его здоровье: американцы считали, что Тито недостаточно подготовлен для полета в космос. Кроме того, американские модули МКС он мог посещать только в сопровождении капитана корабля.

Когда последние формальности были улажены, началась кропотливая подготовка Денниса Тито к полету. В целом она длилась приблизительно 800 часов, включая и обучение, и практическую работу. В систему подготовки входили такие задачи, как овладение аварийно-спасательными операциями, привыкание к условиям взлета и посадки в условиях нулевой гравитации, ведение домашнего хозяйства, личная гигиена на космическом корабле. Через некоторое время Тито уже мог похвастаться тем, что умел надевать скафандр за 25 секунд, и положенные зачеты сдавал на отлично. Несмотря на почтенный возраст, медики констатировали у него отличное состояние здоровья. Интересно, что весь экипаж этого полета стал самым пожилым за всю историю полетов. Толгату Мусабаеву и Юрию Батурину, которые сопровождали в космосе первого туриста, к тому времени исполнилось соответственно 50 и 51 год.

Незадолго до старта были заложены и первые традиции космического туризма. Денниса Тито во время беседы руководства полетами с экипажем корабля еще раз тактично предупредили: «Вы должны понять, что комфорта в полете будет несколько меньше, чем вы, вероятно, ожидаете». На что смелый искатель приключений ответил: «Я понимаю, что космический путешественник не турист, который в гавайской рубахе со стаканом коктейля, накрытым фруктовым зонтиком, потягивает его через соломинку и любуется окружающими красотами». Тут же капитан корабля Толгат Мусабаев взял стоявший в гостиничном номере высокий стакан, налил в него на 5 миллиметров коньяку, накрыл долькой апельсина, проткнул его соломинкой и отдал Деннису, превратив это действо в настоящий предполетный ритуал.

Но намеченный полет мог так и не состояться. Перед самым стартом в ночь на 26 апреля 2001 года произошло ЧП: в американском лабораторном модуле Destiny отказали один за другим все три центральных компьютера. Станция потеряла связь с ЦУПом и перестала принимать с Земли команды управления. Сложившаяся нештатная ситуация вновь подхлестнула тех, кто стремился не допустить Тито к полету. Но вскоре неполадки были устранены, а команды ориентации станция стала принимать через российский модуль «Звезда». Старт экипажа в составе Толгата Мусабаева, Юрия Батурина и Денниса Тито все-таки состоялся в установленное время.

Чтобы проводить первого космического туриста в путешествие, в Россию прилетело 25 человек. Среди них были родственники, коллеги и друзья Тито, а также его бывшая жена, партнер по бизнесу Сьюзан Холмс, и Дон Эбрахам – новая подруга

Денниса. Тем самым он нарушил давнюю космическую традицию – не приглашать близких на старт. Дон в интервью журналистам призналась: «Сейчас я очень волнуюсь, чем меньше времени остается до старта, тем больше волнения, особенно теперь, когда мы не можем быть вместе».

Облачившись в скафандры, экипаж вышел из гостиницы «Космонавт». Их приветствовали близкие и друзья. Специально для первого космического туриста были переведены пожелания счастливого пути президента Росавиакосмоса Юрия Коптела, генерального конструктора Юрия Семенова и первой женщины-космонавта Валентины Терешковой. С собой в полет Деннис Тито захватил фотоаппарат, 30 фотопленок, видеокамеру, диктофон, множество компакт-дисков с записями «Битлз» и ариями знаменитого тенора Бочелли. «Когда на стартовой площадке заработали двигатели, я – выпускник программы подготовки российских космонавтов – чувствовал себя вполне уверенно и знал: смогу выдержать все, что случится на корабле. Мой пульс ни разу не превысил 72 удара в минуту; я мог следить за всем, что происходило в каждую секунду от момента взлета до выхода на орбиту», – рассказывал позже Деннис.

«Союз ТМ-32» стартовал днем 28 апреля 2001 года. Спустя двое суток произошла стыковка корабля с орбитальной станцией. 30 апреля в 13.30 по московскому времени первый космический турист вошел в Международную станцию, через полтора часа после того как «Союз ТМ-32» пристыковался к МКС. Вместе с ним с корабля на станцию перешли и остальные члены экипажа.

Первые сутки, проведенные Тито в космосе, нельзя назвать легкими. Как и любой непрофессионал, он чувствовал себя не очень хорошо, его даже немного мутило. Но потом организм Тито освоился с космическими нагрузками. Во время первого выхода на связь первый космический турист с восторгом рассказывал: «У меня все чудесно! Это потрясающее ощущение невесомости. Здесь, в космосе, вещи удивительны и невероятны…» Самым первым впечатлением в космосе для Тито стали благоговение и изумление, испытанные им, когда он впервые увидел в иллюминатор хрупкий слой атмосферы вокруг Земли.

Космонавтам на борт МКС прислали в подарок гавайские рубахи. Денниса Тито сразу же переодели в одну из них, где-то нашли прозрачную коробочку, по форме напоминающую стакан. К ней приделали «зонтик» и вставили соломинку. Не прошло и пяти минут, как Тито в гавайской рубахе со «стаканом» парил в невесомости и любовался в иллюминатор красотами Земли. Ему очень понравилось ощущение невесомости. Оно оказало на первого космического туриста сильное впечатление: «Сколько не

тренируйся и не готовься к полету, никогда заранее не привыкнешь к испытанию невесомостью и свободе движений без малейшего усилия. Этот опыт движений невозможно передать другим в подробностях. Я бы сказал, что испытываю чувства совершенного отдыха. Мой сон в те ночи, что я провел на борту корабля, был самым лучшим с того времени, когда я был младенцем».

Тито проводил много времени за фото– и видеосъемкой нашей планеты, самой космической станции, стараясь не причинять даже малейших неудобств в работе основного экипажа станции и прибывших российских космонавтов. Командир экипажа рассказывал, что он был на борту корабля не только туристом, но и примерным космонавтом: «Когда Деннис решил лететь с нами, он подошел ко мне и сказал, что он не профессиональный космонавт, а солдат, поэтому, если надо чистить картошку, он будет чистить картошку».

Итак, Деннис Тито во время полета выполнял самую простую работу. Командир корабля Толгат Мусабаев назначил первого космического туриста ответственным за питание экипажа МКС. Тот занимался подготовкой рациона, т. е. выбирал из запасов еды, имеющихся на станции, продукты на завтрак, обед и ужин так, чтобы они не повторялись. Командир основного экипажа МКС Юрий Усачев подчеркивал, что Деннис Тито ни в коей мере не мешал профессиональным космонавтам, а скорее, им помогал. Еще во время подготовки к полету космический турист заметил, что русская еда для него слишком жирная. Поэтому на станции он получил возможность ввести тот рацион питания, который считал для себя более здоровым.

1 мая Деннис Тито дал 20-минутную пресс-конференцию с борта МКС. Отвечая на вопросы репортеров CNN, NBC, ТВ-6, он рассказал не только о своих впечатлениях, но и о пребывании на станции: «Здесь все относятся ко мне дружелюбно, и я никому не мешаю… Вообще, перед полетом я не думал, что все будет так комфортабельно. Мне представлялось, что космос – это как неспокойный океан. Но оказалось, что все очень комфортно. Я чувствую себя великолепно».

Отметим, что во время посещения американского модуля МКС, на котором ему все-таки удалось побывать, первый космический турист не приближался к американским астронавтам более чем на сто метров и старался ничего не трогать руками. Однако директор НАСА Даниэль Голдин, заявивший: «Американский экипаж был отвлечен от основной работы, так как вынужден был опекать первого на МКС туриста». Кроме того, работники центра управления полетами в Хьюстоне

испытали шок от появления на станции постороннего. На что сам космический турист ответил следующее: «Я провел большую часть времени, исполняя обязанности члена экипажа, текущую работу. У меня просто не было времени мешать».

Бортинженер Юрий Батурин рассказал о том, что Тито общался с другими членами экипажа и по-английски, и по-русски. Например, когда командир отдавал ему команду по-английски, Деннис отвечал на русском языке. Это, наверное, самый надежный вариант при выполнении ответственных операций.

За время подготовки к полету и пребывания на орбите Деннис Тито запомнил много русских анекдотов. Юрий Батурин вспоминал: «Деннис Тито – человек с хорошим чувством юмора. За шуткой в карман не полезет. Как-то за обедом он сказал: американцы очень уж серьезны, шуток не понимают, а вот мы – русские – сидим, шутим, смеемся».

Пока первый космический турист находился на орбите, вспыхнул еще один скандал между представителями НАСА и Росавиакосмоса. Американская сторона потребовала выплатить моральный и материальный ущерб, якобы причиненный Тито американскому модулю МКС. Представители российской стороны ответили сдержанно. Пресс-секретарь Росавиакосмоса сообщил, что вопрос о возможности возмещения ущерба можно рассматривать лишь после того, как Деннис Тито вернется на Землю: «Вы можете сказать, сколько что стоит и что он сломал? Пока все на уровне эмоций. Вот когда все будет официально предъявлено, тогда есть договоренность, что эти претензии будут обсуждены. Это внутренняя договоренность между Росавиакосмосом и НАСА».

Деннис Тито пробыл на орбите 8 суток. 6 мая 2001 года вместе с Толгатом Мусабаевым и Юрием Батуриным он вернулся на Землю. Приземление спускаемого модуля прошло успешно. «Состояние здоровья первого космического туриста отвечает нормальному состоянию человека, только что вернувшегося из космоса, – сообщил сотрудник российского Института медико-биологических проблем, заместитель руководителя полетами по медицинскому обеспечению профессор Игорь Гончаров. – О чем свидетельствует пульс, электрокардиограмма и эмоциональное состояние Денниса Тито».

В России после приземления и реабилитационного периода первый космический турист посетил Звездный городок, где вместе с Толгатом Мусабаевым и Юрием Батуриным принял участие в торжествах по случаю совместного полета на МКС. Он считает, что члены российского экипажа стали для него очень близкими друзьями.

На родине Денниса Тито, приземлившегося в аэропорту Лос-Анджелеса, встречали не только близкие и друзья, но и многочисленные фанаты новой знаменитости, а также мэр города Ричард Риордан. «Моя мечта исполнилась, – заявил собравшимся в аэропорту первый космический турист. – Я думаю, что испытываю чувство огромного удовлетворения от той привилегии, которую я получил, имея возможность наблюдать Землю с высоты 240 миль. У нас прекрасная планета». Согласно распоряжению мэра Лос-Анджелеса, 10 мая объявлено в городе Днем Денниса Тито.

После полета в космос первого космического туриста в прессе все чаще стали появляться сообщения о том, что Россия собирается отправить на орбиту еще несколько туристов, среди них известный американский режиссер Джеймс Камерон и несколько английских бизнесменов. Тито мечтает о том, чтобы вслед за ним в космос отправились представители творческих профессий: художники, музыканты, писатели, кинорежиссеры: «Я думаю, что люди просто не понимают, как прекрасен космос. Может быть, донести до них это способен рэп-музыкант? Кто знает. Перед нами открывается потрясающая возможность обрести новые ценности». Сам Деннис Тито для осуществления своей мечты решил основать собственную компанию с целью развития космического туризма как формы бизнеса: «Этот рынок бизнеса велик, и я надеюсь, что этим займусь».

Теперь решение вопроса о дальнейших «турпоходах в космос» в основном зависит от возможностей Росавиакосмоса обеспечить всех желающих транспортом, а не от юридических и организационных трудностей, с которыми столкнулся первый космический путешественник. Вскоре полеты американских космических кораблей будут возобновлены. А из сообщений, регулярно появляющихся в прессе, можно сделать вывод, что последователей Денниса Тито, желающих совершить путешествие к звездам, с каждым годом становится все больше.

ТОЛСТОЙ ФЕДОР ИВАНОВИЧ

(род. в 1782 г. – ум. в 1846 г.)

Граф, участник Отечественной войны 1812 года, прославившийся не только храбростью, но и авантюризмом, любитель кутежей, дуэлей и карточных игр. За страсть к дальним путешествиям и приключениям получил прозвище Американец.

Граф Федор Иванович Толстой был одним из популярнейших людей XIX века. В нем удивительно сочетались жесткость, буйное своеволие, презрение к моральным нормам с храбростью и широтой натуры. Недаром один из современников писал о нем так: «Кажется, он довольно смугл и черноволос, но в сравнении с душой его он покажется блондином». Эта яркая, колоритная личность стала прототипом многих персонажей в произведениях А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, адресатом эпиграмм и дружеских посланий. В частности, с графа буквально был «списан» образ Репетилова в комедии «Горе от ума»:

Но голова у нас, какой в России нету,
Не надо называть, узнаешь по портрету:

Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом
И крепко на руку нечист…

Федор Иванович не только узнал себя в этом описании, но и согласился с ним во всем, за исключением одной детали: «В Камчатку черт носил, ибо сослан никогда не был». На счет Камчатки он прав, чего нельзя сказать относительно ссылки – таковая все-таки была, но не далее как в собственную деревню.

Еще один, не менее точный портрет графа уже после его смерти создал Лев Николаевич Толстой, приходившийся ему двоюродным племянником. Чертами своего знаменитого родственника он наделил сразу двух своих героев – Долохова в романе «Война и мир» и графа Турбина в повести «Два гусара». Особенно интересна характеристика последнего: «Ведь это какая отчаянная башка, надо знать! Картежник, дуэлянт, соблазнитель; но – гусар душа, уже истинная душа!»

Жизнь Федора Ивановича Толстого действительно могла стать сюжетом не для одного романа. Родился он в 1782 году в скромном имении в Кологривском уезде Костромской губернии в богатой дворянской семье. По традиции мальчик сначала получил хорошее домашнее воспитание, а затем был зачислен в Морской кадетский корпус. По окончании учебы перед молодым офицером из знатного рода открывалась блестящая перспектива, но карьера мало его интересовала. Юноша обладал всеми качествами светского льва – был остроумен, страстен, к тому же очень красив и хорошо сложен. Не удивительно, что вскоре он стал непременным участником всех московских балов и маскарадов, пристрастился к кутежам и карточной игре, в которой проявлял недюжинные способности. Обладая буйным характером, он нередко впадал в крайности, пренебрегал светскими приличиями и часто попадал в скандальные истории, которые, как правило, заканчивались дуэлями. А поскольку молодой граф превосходно стрелял и фехтовал, то всегда выходил из них победителем. С каждым поединком в нем все больше укреплялась вера в собственной неуязвимости.

Вскоре Толстому стало тесно в светских гостиных – его широкая натура и неуемный характер требовали иного применения. И в 1803 году двадцатилетний офицер стал участником первой русской кругосветной экспедиции под руководством И. Ф. Крузенштерна на корабле «Надежда». Отправляясь в свое первое путешествие, Федор стремился к приключениям и вовсе не думал обременять себя каким-либо

серьезным делом. Вместо этого он постоянно придумывал разные «шалости». Зная, что корабельный священник охоч до хмельного, молодой повеса напоил его вусмерть и украденной у Крузенштерна печатью припечатал бороду святого отца к палубе. Когда же батюшка проспался и хотел встать, дожидавшийся этого момента Толстой закричал: «Лежи! Видишь, казенная печать?» Пришлось отрезать бороду перепуганному священнику под смех команды.

Потом этот отъявленный скандалист перессорил на борту судна всех офицеров и матросов. Но после следующей проделки, которая коснулась руководителя экспедиции, терпению команды пришел конец, когда живший на судне ручной орангутанг по наущению Толстого уничтожил многомесячные записи Крузенштерна, Федора за это высадили на один из Алеутских островов – Ситху. Через несколько месяцев его, татуированного с ног до головы, подобрал какой-то случайный корабль. Вернувшись в Россию, Толстой увлеченно рассказывал о своей жизни среди алеутов, утверждая, что аборигены-островитяне предлагали ему стать их вождем. Свои рассказы он сопровождал демонстрацией татуировок на теле. После этих событий он и получил прозвище Американец. А близкий друг Толстого, поэт П. А. Вяземский, написал о нем следующее:

Американец и цыган,
На свете нравственном загадка,
Которого, как лихорадка,
Мятежных склонностей дурман
Или страстей кипящих схватка
Всегда из края мечет в край,
Из рая в ад, из ада в рай!
Которого душа есть пламень,
А ум – холодный эгоист;
Под бурей рока – твердый камень!
В волнении страсти – легкий лист.

Федор Иванович был действительно загадкой для современников. Он изумлял их как своими проделками и причудами, так и героическими поступками, достойными уважения. Дважды разжалованный за дуэльные истории в солдаты, Толстой возвращал себе офицерский чин благодаря смелости, проявленной на полях сражений. Так в августе 1812 года, находясь «на житье» в собственной деревне, он самовольно покинул место ссылки и, надев солдатскую шинель, явился на Бородинское поле. Вместе с рядовыми Федор Иванович ходил в

бой, отличился, был ранен и получил Георгиевский крест.

После войны граф по-прежнему проявлял свою удаль в бесчисленных дуэлях. В 1826 году он чуть было не стрелялся с А. С. Пушкиным, который за распространение порочащих его слухов написал на Толстого едкую эпиграмму, называя его «холопом знатным», «невеждой при звезде» и «картежным вором». Американец не остался в долгу и ответил на слова поэта не менее резко. Пушкин пытался вызвать его на дуэль, но Федора Ивановича в то время не оказалось в Москве. Впоследствии конфликт между ними был улажен мирным путем, а к весне 1829 года их отношения стали такими дружескими и теплыми, что Толстой по просьбе поэта даже сватал за него Наталью Николаевну Гончарову. Но, несмотря на это, Пушкин изобразил своего друга в романе «Евгений Онегин» в образе Зарецкого, секунданта Ленского, – человека, который был «некогда буян, картежной шайки атаман, глава повес…»

Мошенничество в картежной игре ловко сходило Американцу с рук и приносило солидные доходы. Он постоянно выигрывал огромные суммы денег и тратил их на кутежи и женщин. Но надо отдать ему должное – друзей он сам просил не садиться с ним за карточный стол. Как-то на предложение князя Сергея Волконского, героя войны 1812 года, сыграть с ним Федор Иванович ответил: «Нет, мой милый! Я вас слишком люблю для этого».

Толстой был завсегдатаем Английского клуба. Здесь после игры, как правило, организовывались кутежи с приглашением цыган. Одна из солисток хора, молоденькая цыганка Дуня (Авдотья Максимовна Тураева), особенно приглянулась сорокалетнему графу. Он увез ее к себе в имение. Роман оказался затяжным, но со временем красавицу-цыганочку, вероятно, постигла бы та же участь, что и других возлюбленных стареющего повесы. Если бы не случай…

Однажды Толстой, который уже оставил шулерство, проигрался по-крупному. Погасить большой долг он не мог. Как истинный аристократ граф предпочитал смерть позору. Он занялся проверкой дуэльного пистолета, как вдруг вошедшая в кабинет Дуня выложила перед ним на стол необходимую сумму денег. На его вопрос о том, откуда они, девушка ответила: «От тебя же. Мало ты мне дарил? Я все прятала. Теперь возьми их, они – твои». И тогда растроганный Федор Иванович решил жениться на ней. Вся Москва была удивлена его выбором: «Такая знатная фамилия – и цыганка!» Но привыкший изумлять всех своими чудачествами, Федор Иванович на сей раз был искренен и непоколебим в своем решении. В январе 1821 года он обвенчался

с Авдотьей Тураевой.

Они прожили в браке 25 лет, и все эти годы Авдотья Максимовна была Толстому верной, заботливой и терпеливой женой, безропотно выносившей все причуды мужа. Ведь даже на склоне лет он так и не отказался от большинства своих привычек. Рассказывали, что однажды, чтобы доказать свою меткость, он поставил жену на стол и прострелил ей каблук башмака.

Цыганка-графиня родила Федору Ивановичу двенадцать детей. Но, к сожалению, все они, кроме двух дочерей, умерли в младенчестве. Толстой воспринимал это как отмщение за свое прошлое. Он насчитал одиннадцать человек, убитых им на дуэлях и после каждых похорон своих детей вынимал из письменного стола список погибших в этих поединках и писал сбоку слово «квит». Особенно тяжело переживал Федор Иванович смерть своей любимицы – 17-летней дочери Сарры. Девочка была так же красива, как и ее мать, и обладала не только музыкальным, но и поэтическим, художественным талантом.

И только последнему, двенадцатому, ребенку – Прасковье – удалось пережить своего отца. Федор Иванович Толстой скончался в 1846 году. Последние слова его были обращены к дочери: «Ну слава Богу, хоть мой курчавый цыганеночек будет жив!» Действительно, Прасковье Федоровне Толстой было суждено прожить долгую и счастливую жизнь. У нее родился сын Федор, очень похожий на деда, но только внешне…

ТРИЕР ЛАРС ФОН

(род. в 1956 г.)

Среди сотен и сотен картин мирового кинематографа фильмы Ларса фон Триера стоят обособленным рядом, игнорируя любую классификацию. К тому же режиссер никогда не повторяется и при этом еще и манипулирует зрительскими эмоциями лучше любого фокусника. Зритель начинает не просто задумываться над тем, что происходит в окружающем мире, он словно сам себе влезает в душу, выворачивает себя наизнанку, чтобы разобраться в том, что он увидел на экране. Кинематографический язык Триера максимально символичен и эмоционален. К тому же он привлекает к себе внимание всеми своими фобиями и широко рекламируемой паранойей, хотя при этом режиссер умело и сознательно выстраивает линию поведения.

Киномир давно знал о Дании, которая «выстреливала» редко, но метко – будь то не понятые современниками, но превознесенные потомками шедевры Карла Теодора Дрейера или уютные фантазии Билле Аугуста, дважды награжденного высшим трофеем – «Золотой пальмовой ветвью» – в Канне. Тем не менее

критики, раскладывая историю датского кино по полочкам, ведут отсчет от Ларса фон Триера, разделяя датский кинематограф, по сути, на кино до 1995 года и после… «Каждый, кто видел любой из моих фильмов, знает, что все закончится плохо! Таким я вижу мир, – говорит этот режиссер, сценарист и оператор в одном лице. – Нет ни плохих людей, ни хороших, зато обстоятельства могут обнажать в них самое худшее. Единственное, что можно сделать для улучшения мира, – это изменить обстоятельства».

Ларе фон Триер родился 30 апреля 1956 года в столице старого датского королевства – Копенгагене, а значит, в городе Г.-Х. Андерсена. В произведениях этого великого сказочника редко встречается хеппи-энд. Вот и любимой книжкой Ларса Триера (тогда еще без дворянской приставки «фон») была датская народная сказка «Золотое сердце», которой, едва научившись читать, зачитывался будущий режиссер. В ней рассказывалось об очень доброй девочке, которая одна отправляется в лес, прихватив лишь немного хлеба. К концу книжки у нее не остается совершенно ничего, потому что она делилась всем, что имела, с теми, кто встречался ей на пути. И все-таки последние ее слова исполнены веры: «У меня все равно все будет хорошо». Эта тема – экстремальных последствий добровольного мученичества – врезалась Ларсу в память навсегда.

Семья у будущего кинорежиссера была необычной. Мать исповедовала коммунизм, а отец – иудаизм. Желание быть похожим на отца прошло красной нитью через всю раннюю биографию Триера, рождая анекдоты о его одержимости еврейской идеей, частых посещениях синагоги и соблюдении кошрута в юности. Но, умирая, мать Ларса призналась, что его отец Ульф Триер, человек с безумными привычками (он пожимал руки манекенам в магазинах готовой одежды), уверявший сына, что сказки – это слащавое и бездарное чтиво, не является его биологическим родителем. Это случилось в 1995 году, и потрясенный Триер не только решил «перекраситься» в коммунистические цвета, но даже разыскал настоящего виновника своего появления на свет. Он провел с 90-летним родителем четыре беседы, после чего на пятую «отец» выслал вместо себя адвоката.

А вот между сыном и матерью отношения были очень теплыми. Фон Триер говорит: «Известно, что мать Наполеона очень любила своего сына, она думала, что все, что он делает, изумительно. Моя мама тоже такая. Если я рисовал каракули на листе бумаги, она говорила, что это просто великолепно. Подобная реакция вдохновляет, рождает желание творить. В то же время, как и в любой другой семье, в моей было немало своих

неприятных секретов, а я был чутким ребенком, насколько себя помню, всегда легко возбуждался, приходил в волнение, начинал нервничать. По-видимому, в детстве мое артистическое развитие нуждалось в похвалах, к тому же искусство удовлетворяло требования естественного детского эскапизма[3] – оно было способом уйти из мира взрослых: я творил вселенную, которую сам мог полностью контролировать. Кстати, моя мама была большой почитательницей Брехта и, когда отец в припадке ярости сокрушил ее коллекцию пластинок с музыкой Вайля, ушла из дому. Для нее Брехт и в особенности Вайль были светочами прогресса».

Лет в одиннадцать Ларе понял, что его судьба – кино. Именно тогда он стал обладателем двух сказочных вещей – 8-миллиметровой камеры и старинного черно-белого кинопроектора. На нем подросток бесконечно прокручивал единственную пленку, не зная названия фильма, его автора, а уж тем более не понимая смысла. Особенно ему нравились сцены пыток и казни одинокой героини, которая даже на костре не отказывается от своих убеждений. Гораздо позже Ларе, конечно, узнал, что смотрел фильм Карла Теодора Дрейера о Жанне д'Арк. Впрочем, не так уж мальчишка и любил ходить в кинотеатры. Скорее ему, племяннику известного датского документалиста, нравился сам процесс складывания разрозненных кадров в одну историю. И Ларе начинает придумывать свои истории, одновременно учась снимать на камеру.

В 1977–1982 годах он учится в Копенгагенском университете и одновременно в Копенгагенской школе кино. Ректор знаменитой киношколы, из стен которой вышли буквально все теперешние датские кинодеятели, Пол Несгор уверяет, что объяснение феномена «датская волна» – в методах обучения и воспитания молодежи. Преподаватели предоставляют ученикам абсолютную творческую свободу, для дипломной работы могут быть выбраны любые темы и формы, зато обязательно воспитывается чувство товарищества, корпоративная этика.

Может показаться, что это установка то ли советская, то ли американская, но факт остается фактом: в современном кино, зацикленном на оригинальности и самобытности, цеховой принцип выделяет датчан. Они все – дети правительственной политики 70-х годов прошлого столетия, когда было принято судьбоносное решение об открытии национальной киношколы.

В киношколе юный Триер испытывает на себе магическое очарование старой доброй киношной механической техники и становится убежденным формалистом. От приятелей-студентов за надменность он получает аристократическую приставку «фон».

Шутка Ларсу понравилась, и он всерьез решает назваться дворянином. Впрочем, это еще и связано с семейным анекдотом: его дед, Свен Триер, подписывал все письма “sv. trier”, и в послевоенной Германии к нему начали обращаться как к «герр фон Триер». Поэтому, справедливо решив, что никто его разоблачать не будет, Ларе стал называть себя фон Триером.

Юноша, подобно аквалангисту, погрузился в алхимическую кухню кинопроизводства, интересуясь прежде всего технической стороной съемок, формальными изысками стиля. Вспоминая о годах учебы, Триер говорит: «В отличие от многих, я не в восторге от американских лент. Помню, когда я учился, у нас на факультете «Кино и средства массовой информации» были несколько человек, которые поклонялись американскому кино. Я не разделял их любви ни к жанру экшен, ни к гангстерским лентам. Я считал Хьюстона хорошим режиссером, мне нравились картины с Хамфри Богартом, но для меня они никогда не имели большого значения, зато я сходил с ума по фильмам представителей неореализма. Европейская традиция меня вдохновляет еще и потому, что мы постоянно сталкиваемся с американской повествовательной моделью, и в результате она приедается».

Свои первые короткометражки Триер снимал, экспериментируя с цветами и монтажом, демонстрируя подчеркнутую насыщенность и сосредоточенность на детальной проработке антуража: «Сад Орхидей» (или «Садовник, выращивающий орхидеи», 1977), «Блаженная Менте» (1979), «Ноктюрн» (1980), «Последняя деталь» (1981). Среднеметражная лента «Картины освобождения» (дипломная работа в киношколе, 1982) – барочный экзерсис, разыгранный в переполненном бессмысленными обломками гибнущего материального мира бункере, в котором находятся деморализованные офицеры-интеллигенты условно-нацистского вида. В этом фильме, как в миниатюре, сконцентрировались все лейтмотивы более поздних работ Триера. О чем именно этот фильм, никто сказать не сумел, но все в один голос заговорили о новом гении в кино. Кстати, фильмы «Последняя деталь» и «Картины освобождения» взяли призы на Мюнхенском кинофестивале.

Все эти ленты уже резко выделялись на фоне кинособратьев. Тем не менее Триер утверждает, что никогда не занимался эстетическими экзерсисами только ради того, чтобы что-то попробовать. «Я просто делал какие-то вещи так, как было нужно. Здорово было впервые использовать панорамирование или застывший кадр. Я работал и с масками, как горизонтальными, так и вертикальными. Результат получился неплохой, и работа

была чертовски интересной, но это не было просто стилистическим упражнением».

Уже в ленте «Картины освобождения» сконцентрированы основные черты и стилевые особенности первой трилогии фон Триера, которую он, следуя по-скандинавски рационально-педантичному замыслу, задумал как три фильма, начинающиеся с буквы «Е» и сфокусированные не на актерах. Но еще до выхода на экраны всей трилогии Ларе засветился на Каннском фестивале: показал первую часть – фильм «Элемент преступления», который получил Большой приз Высшей технической комиссии Каннского кинофестиваля за 1984 год. И это не удивительно. Снятый в желто-черном цвете, сумрачный детектив завораживает прежде всего изобразительной стороной. Повсюду вода, ночь, даже обычные коровы и лошади напоминают потусторонних посланцев… Получилось, как говорят кинокритики, «Сердце ангела» и «Имя розы» в одном флаконе – будоражащий и чарующий фильм. «Элемент преступления» – уникальный опыт скрещивания двух параноидальных эстетик: немецкого экспрессионистского кино 20-х годов и американского «черного фильма» 40–50-х годов XX века. Триумф визуального стиля, изысканная насыщенность сюжета отсылками к целому слою европейской культуры («Степной волк» Г. Гессе, «М» Ланга, «Андрей Рублев» Тарковского и т. д.), работа художников с фактурой и оператора с цветом и освещением – все эти составляющие первого шедевра фон Триера принесли ему культовое признание среди интеллектуалов и Гран-при технической комиссии. Когда Андрей Тарковский посмотрел «Элемент преступления», он сказал: «Очень слабо». Но, несмотря на это, с тех пор Триера обожают, шельмуют, молятся на него, обижаются, злятся, не прощают, завидуют ему, дают премии. Мало кто из кинорежиссеров удостоился такой гаммы эмоций, как Триер.

Итак, фильмы «Элемент преступления», «Эпидемия» (1987) и «Европа» (1991) образуют трилогию, лейтмотивом которой является некая Зона, в которой царит атмосфера упадка и декаданса. Первые две из этих лент наделали немало шума в Дании. К тому же в «Эпидемии», эксплуатирующей сюжет многих американских фильмов ужаса, зритель увидел европейский ответ засилью Голливуда. Картина-провокация, она была представлена в Каннах, но ничего не заслужила. Может быть, потому, что жюри обиделось на молодого многообещающего автора, не желающего оценить внимание, ему оказанное: ссылаясь на прирожденную фобию к путешествиям, фон Триер даже не приехал в Канны. Зато Ларе сыграл в своем фильме главную роль – режиссера, который

вдвоем со сценаристом (тот тоже сыграл сам себя) пишет сценарий фильма-катастрофы, повествующего об охватившей весь мир эпидемии чумы. Под конец вымысел оборачивается страшной реальностью. Самый оригинальный ход автора – пометка «Эпидемик копирайт» в углу экрана на протяжении всего фильма. Самый красивый кадр: вертолет летит над пустынным полем, а на нижней ступени веревочной лестницы парит над землей врач-избавитель с походным чемоданчиком-аптечкой в руке. Самая страшная сцена: снятый на видеокамеру финал – глядя на распускающиеся на глазах фурункулы на собственной коже, одна из героинь долго и пронзительно кричит, – хочется заткнуть уши и бежать от экрана подальше. Именно в такие минуты понимаешь, что хотел сказать фон Триер, когда выдал свое знаменитое: «Фильм должен быть подобен камешку в твоем башмаке».

Даже используя заокеанские киноштампы, Ларе вносил в свои ленты неуловимый аромат настоящего европейского кинематографа, и «Европа», по его замыслу, являлась заключительным, самым внушительным, аккордом этого глобального во всех отношениях замысла. Триер создал исключительно эстетский фильм: черно-белые кадры, перемежающиеся цветными вставками (например, кровью вскрывающего себе вены в ванной старика), авангардный монтаж, неожиданные ракурсы, даже клиповая методика. Тема – та же самая, магически-отчужденная Европа после войны, куда и приезжает наивный молодой американец в поисках работы. Он становится проводником в поездах железнодорожной компании-монополиста “Zentropa” и оказывается втянутым в деятельность нацистского подполья. Первый экзамен на должность оказывается последним в его жизни, и все это подано с мрачным изысканным юмором. Сам фон Триер сыграл в эпизоде еврея, который за скромную мзду спасает от послевоенного трибунала коллаборационистов. Гипнотизирующий голос за кадром: «На счет “десять” вы умрете».

«Европа» была обречена на успех, и фон Триер, который безумно боится путешествий, даже покинул Данию, чтобы самому присутствовать на Международном фестивале в Каннах. Но, как ни странно, жюри во главе с Романом Полански предпочло его картине американский фильм, а «Европа» получила Большой приз за техническое мастерство и приз жюри Каннского фестиваля. Со слов очевидцев, на банкете, посвященном закрытию фестиваля, Триер учинил форменный скандал, поклявшись, что никогда больше не ступит на легендарную красную дорожку. И его можно понять, ведь он получил международное признание и был назван

«классиком» при жизни.

«Е-трилогия» завершена, как и период в творчестве режиссера, когда он стремился к техническому совершенству, когда каждый кадр, каждый поворот камеры продумывался и планировался заранее. «В случае с «Европой» я понял, что добрался до конца пути. Все было так эстетизировано, так чисто выполнено, что напрашивалось что-то новое, – говорил впоследствии Триер о трилогии. – Когда я о них думаю, мне кажется, что это плохие фильмы. Но недавно я пересмотрел фрагменты «Элемента преступления» и обнаружил, что они интересны. «Элемент преступления» находится так далеко, что, возможно, поэтому я и могу его вынести. Но свои более поздние фильмы я уже выдержать не в состоянии. Некоторые из них меня по-настоящему приводят в замешательство. Это, знаете, как смотреть свои очень старые фотографии или слушать свой голос на магнитофонной пленке».

После триумфа в Каннах Триер и продюсер «Европы» Петер Ольбек Йенсен создали свою собственную кинокомпанию, назвав ее “Zentropa Entertainments” («Зентропа Энтертейнментс»), которая постепенно стала ведущей силой скандинавского кинопроизводства. Но прежде чем приступить к другому эпохальному проекту, Ларе отдал дань телевидению и снял несколько телевизионных фильмов. Первый представлял собой воплощение неосуществленного сценарного замысла К. Т. Дрейера (по мнению Триера, Дрейер – режиссер № 1), экранизацию античной трагедии «Медея» (1987). От Дрейера (Тарковского, Бергмана и других классиков) в фильме присутствует невероятное пространство воды и полотнища. От самого Триера – фатальный финиш: мальчик, помогающий матери удавить собственного брата. К тому же режиссер, превратившись еще и в оператора, демонстрирует поразительное владение ручной камерой, превращая образы античного искусства в мрачно-торжественную историю обезумевшей Медеи. Затем была «Учительская» (1994) и мини-сериал «Королевство» (1994, совместно с Мортеном Арнфредом), который принес Триеру международную славу не только в интеллектуальных кругах и на фестивалях. Этот четырехсерийный телевизионный фильм сразу же был объявлен «европейским ответом на “Твин Пике”» и покорил простых зрителей. «Королевство» – ироничный коктейль из черной комедии, сюрреалистического фильма ужасов и производственной картины, действие которой происходит в огромной копенгагенской больнице, над которой довлеют проклятие и тайна убийства. В дни первой трансляции сериала улицы всех датских городов и селений буквально пустели. Успех

был настолько велик, что в 1997 году режиссер сделал продолжение сериала («Королевство-2»). Телесериал так полюбился зрителям, что для кинотеатров была даже выпущена 280-минутная киноверсия.

Следует отметить, что именно на съемках «Медеи» и «Королевства-1» Ларе фон Триер создал технический стиль, который позволял с большей легкостью сосредоточить внимание на развитии сюжета и актерах. Режиссер пришел к умозаключению, что техника и стилистика менее важны и интересны зрителям, чем сюжет и персонажи. Найденный интуитивно, этот стиль позднее был положен в основу идей концептуального манифеста и группы «Догма», созданных в 1995 году. «Королевство» было снято в основном ручной камерой, Триер пренебрег традиционными правилами освещения и монтажа, результатом чего явился смазанный цвет и зернистость кадра. Этот мини-сериал стал первым коммерческим успехом фон Триера, что позволило ему и его продюсеру Петеру Ольбеку Йенсену найти финансовые средства для осуществления следующего большого проекта.

Но пока он готовился, Триер завоевал сердца коллег по цеху «Догмой» и превратил датский кинематограф в передовика европейского кино. Может быть, поэтому в фон Триера в Дании никто не бросит камень. Трудно представить себе кого-нибудь из его духовных учителей с радикальным манифестом собственного сочинения: ни Дрейер, ни Тарковский, ни Бергман никогда бы не согласились будоражить общественность подобным образом. При всех фобиях и широко рекламируемой паранойе фон Триер умело и сознательно выстраивает свою линию поведения. В манифесте «Догмы» содержится «клятва верности» кинематографистов, обязывающая их соблюдать десять незыблемых правил при съемках фильмов. Среди них:

1. Все съемки могут происходить только на натуре. При съемках не могут использоваться декорации.

2. Звук и изображение не могут быть записаны отдельно друг от друга.

3. К использованию допускается только ручная камера.

4. Фильм должен быть цветным. Но специальное освещение недопустимо.

5. Оптические приемы, а также фильтры запрещаются.

6. Фильм не должен содержать поверхностного действия.

Манифест подписали Ларе фон Триер; Томас Винтерберг, получивший за фильм «Торжество» (1998) специальный приз жюри Каннского кинофестиваля; Кристиан Левринг («Король жив», 2000). Сам Триер строго соблюдает эти правила: снимает

фильмы, держа камеру в руках, игнорируя требования к освещению съемочной площадки, последовательность монтажа. И в результате у него получаются расплывчатые, размытые цвета и зернистые изображения. Но именно эти приемы принесли ему настоящую популярность.

Следующим циклом фильмов – «трилогии о добре» («Рассекая волны», 1996; «Идиоты», 1998; «Танцующая в темноте», 2000) – фон Триер декларировал кардинальную смену эстетики в стиле «Догмы». Первая картина цикла поставила режиссера в один ряд с Бергманом и Феллини. Фильм «Рассекая волны» сразу и бесповоротно был признан шедевром. История женщины, готовой пойти на все ради своей любви к мужу и Богу, потрясла весь мир. Триер, как всегда, применил новаторские методы съемок – имитация телерепортажа, эксперименты с цветовой палитрой. На этот раз Канны не устояли – «Рассекая волны» получает «Золотую пальмовую ветвь», но Триер сдержал обещание, данное им в 1991 году, – вместо того чтобы произнести слова благодарности со сцены фестиваля, он прислал в Канны свою фотографию в шотландской юбке, намекая на место действия картины. Но теперь ему прощали все выходки.

Спустя два года Триер все же явился на фестиваль, что уже само по себе стало сенсацией. Но шикарным апартаментам режиссер предпочел синий микроавтобус с надписью «Идиоты», а на знаменитой Каннской лестнице вместо смокинга предстал в джинсах. Для него настал момент явить миру результат «Догмы» – «Идиотов». Именно так называлась центральная лента манифеста. В этой работе Триер достигает вершины манипуляции зрителем, пафосность, с которой сделаны некоторые сцены, заслоняет собой ироничный тон режиссера. Триер играет, дурачит всех, в то же самое время создавая сильнейший эмоциональный заряд, энергетику которого ощущаешь на протяжение всей картины. Первые полчаса просмотра зритель пытается понять – что происходит на экране. «Идиоты» – история коммуны молодых людей, которые в миру изображают клинических кретинов, пускают слюну, искажают походку, закатывают глаза… Ни одного известного актера. Это самое политнекорректное кино в истории. Пронзительное, страшное, чрезвычайно откровенное кино. Говорят, перед съемками Триер вышел к актерам полностью голый и сказал: «Хотите, чтобы этот фильм был снят, – будьте такими же, как я». Импровизационный элемент не преувеличен – даже сценарий был написан за считанные часы. «Идиотам» не дали наград, зато приз жюри получил молодой дебютант-догматик Винтерберг за фильм «Торжество». Все утверждают, что подожди фон Триер с

«Идиотами» годик – и приз был бы его. Тем временем Ларс запрещает прокат улучшенной, «осветленной» киноверсии этого фильма, заменяя ее на авторскую – еще менее удобосмотрибельную.

Как ни парадоксально, но новая киносвобода в «Идиотах» не безусловна. Фон Триер подчеркивает, что она есть результат следования заповедям «Догмы»: «Например, когда я делал “Идиотов”, Ольбек и Вибеке Винделоу разрешили использование фильтров – но это случилось уже на этапе постпродукции. А ведь это полный бред, из-за этого я рисковал не донести до публики главную мысль фильма. Отчасти проблемы с “Догмой” состояли в том, что никто ее полностью всерьез не принял. Ее расценили как что-то вроде шутки. Кому, считали многие, в здравом уме пришло бы в голову загонять себя в такие жесткие рамки? Это все равно что разжигать огонь при помощи двух камней вместо “ронсоновской” зажигалки».

Но для Ларса фон Триера это было не шуткой: «В профессию я пришел главным образом из-за этого стремления держать под контролем целый мир, так что цель творчества я вижу только в создании своего собственного мира».

А «догмомания» охватывает мир. «Обетом целомудрия» начинают руководствоваться самые неожиданные люди. Например, свой догматический фильм снимает Жан Марк Барр («Любовники»). В 1999 году в Каннах объявляют о начале съемок третьего фильма трилогии – «Танцующей в темноте». Музыка и главная роль – Бьорк, в другой главной роли Катрин Денев. «Что, “Догма” умерла?» – спрашивали ехидно Триера. Он в ответ молчал. Режиссер не любит давать интервью, а тем более заранее говорить о своих работах. Никто не знает, чего можно ожидать от этого мастера провокаций. Триер никогда не повторяется, постоянно пишет манифесты, любит лицедействовать, страдает множеством фобий – вот тот набор характеристик, который известен не только поклонникам режиссера, но и любому уважающему себя киноману. Мифотворчество – неотъемлемая часть не только Триера-художника, но и Триера-человека. Источником большинства легенд о «датском вундеркинде» является он сам. Все они, косвенно или явно, помогают нам лучше понять его фильмы, те «внутренние страхи», которые ему приходится преодолевать на съемках своих картин (и если они существуют на самом деле, то режиссеру не позавидуешь). Каждая новая работа этого датчанина неизменно вызывает фестивальный переполох, продолжительные дискуссии, а зачастую и скандалы.

2000 год начинается в Дании с очередного эксперимента

Ларса – с показа четырех семидесятиминутных фильмов об ограблении банка в новогоднюю ночь, которые сняли четверо «догматиков». Во время съемок актеры получали указания, что делать и говорить, непосредственно перед каждым эпизодом, по радиосвязи. «День “Д”» показали одновременно по всем каналам датского телевидения, чтобы каждый зритель мог совершить вольный монтаж, переключаясь с канала на канал. А через несколько месяцев – премьера «Танцующей в темноте» в Каннах. Ни один гость фестиваля ни о чем больше не мог даже думать. В день первого показа за час до начала в зале Люмьеров негде было яблоку упасть. Журналистам после просмотра Триер запретил в публикациях о фильме рассказывать, чем он кончается. Аплодисменты продолжались до конца титров – минут пять подряд, для Канн неслыханно. К тому же весь зал плакал, многие – навзрыд. Ситуация повторилась при вручении Бьорк награды за женскую роль, а Триеру – за лучший фильм. Вот он и получил свою «Золотую ветвь» и еще несколько призов. Трудно, почти невозможно представить себе последнее кинодесятилетие XX века без «Европы», «Идиотов», «Танцующей в темноте», которые фон Триер называет «Трилогией Золотого сердца». Так что 2000 год можно по праву считать годом Ларса фон Триера. Заявленный как мюзикл фильм оказался очередной холодной манипуляцией чувствами зрителей. Давно не случалось события, которое обсуждалось бы столь горячо и вызывало бы столь полярные мнения: от экзальтированных восторгов до проклятий и обвинений в художественной безграмотности. Притчей во языцех стал конфликт между Триером и Бьорк.

После такого успеха «живой классик» заявил о запуске нового… американского цикла. Для человека, ненавидящего переезды, не говоря уже о перелетах, это было явным нахальством, ведь он судил о стране только по ее фильмам и телевизионным репортажам. В 2003 году на экраны вышел «Догвилль» (приз Европейской киноакадемии за лучшую режиссуру года). И вот как об идее создания фильма говорит сам режиссер: «Историю спровоцировал зонг «Пиратка Дженни» из «Трехгрошовой оперы» Брехта. Я заинтересовался темой мести – неожиданной для меня. Другой искрой, побудившей написать такой сценарий, стала реакция американской критики на «Танцующую в темноте», и сводилась она в основном к следующему вопросу: «Как вы можете делать фильм о стране, где никогда не бывали?» Тогда я сказал себе: «Ну, я еще покажу, как это!» Отправляясь на рыбалку, я думал о фильме, и мне представлялся американский городок, увиденный с высокой точки в виде плана, чертежа. И я поверил, что смогу это сделать.

Мои «американские» фильмы являются зеркалом полученной об этой стране информации – ведь 90 процентов того, что я смотрю по телевидению, связано с Америкой. Мне пришлось о многом «поразмышлять». И потом, Америка – это состояние ума, это некий миф, который принадлежит всем, а не только американцам».

«Догвиллем» Триер разрушил на корню все представление о том, каким должно быть кино. Он был настолько категоричен и беспощаден к зрителю, что всем становилось не по себе… Возникало такое количество нравственных вопросов, от которых голова идет кругом. Выбранная форма была настолько агрессивна и безжалостна в деталях, что буквально выворачивала зрителей наизнанку. Триер, не использовав при этом никаких голливудских приемов, показывал глубину человеческой души со всей присущей ему правдивостью. Он не пытался осудить человека, но и намеренно сглаживать острые углы тоже не старался.

Конечно, вряд ли можно было ожидать от фон Триера, что он предложит кинообщественности нечто предсказуемое. И все же, почему 60-е годы прошлого века? Почему штат Вашингтон? И почему главная героиня – чешка? «Вашингтон я выбрал в первую очередь из-за американского законодательства, – объясняет режиссер. – Некоторые законы, которые нужны были мне для достоверности коллизий придуманного мной сюжета, действовали там до середины 60-х годов. Мне понравилось имя Сельма. У меня дочку так зовут».

Кстати, бывшая жена фон Триера, популярный режиссер детских фильмов Сесилия Холбек-Триер, которую он бросил беременной, носит фамилию экс-мужа с гордостью. На вопрос о личной жизни режиссер отвечает философски: «Как и Фрейд, я считаю сексуальность движущей силой, имеющей огромное значение в жизни людей. Вероятно, существует тесная связь между сексуальностью и искусством. Я не знаю, верно ли, что эта связь особенно сильна в моих работах, но не исключено, что именно через фильмы я реализую большую часть своей сексуальности – вместо того чтобы вести себя неразборчиво в личной жизни. Кое-кто из режиссеров поступает прямо противоположным образом: одно и то же можно ведь делать совершенно по-разному».

Для Триера семьей стала его студия – знаменитая “Zentropa”, расположившаяся на территории бывшего военного лагеря, которая выглядит сегодня как студенческий кампус. Здесь все – равные среди равных. В скромной столовой последние осветители обедают за одним столом с фон Триером и членами его семьи.

Недаром же четыре режиссера, подписавшие манифест «Догмы», называют друг друга не иначе как братьями. Это свидетельствует и об общей ориентации на семейные ценности, даже если это и не семья по сути, а кинематографическое братство.

«Люди, с которыми я обычно работаю, знают, что я с приветом, но об этом не распространяются», – признается режиссер. Ларе фон Триер живет отшельником, позволяет себе политнекорректные высказывания и практически никогда не появляется в обществе (даже в родном Копенгагене), но это не мешает ему оставаться настоящей звездой.

При упоминании имени национального гения номер один Дрейера почти каждый устало закатывает глаза к потолку, при имени Аугусте презрительно щурятся, – променял, мол, своих на «Оскар», а когда называют фон Триера, датчане говорят с умиленной улыбкой: «Ларе, он такой скромный!» И это при том, что сумрачный датский гений, придумавший «Догму», человек, откровенно говоря, малоприятный. Когда же Триер все же дает согласие на интервью, то журналисты просто поражаются его видением кинематографа. «Нет! Я никогда не теоретизирую. Все гораздо проще: я делаю то, что хочу увидеть на экране. И надеюсь, что другие люди почувствуют то же, что я. Огромная разница между мной и другими режиссерами заключается в том, что у меня есть собственное орудие (средство) производства – студия, которая дает мне возможность делать то, что хочу, опробовать новые идеи, рисковать. С другой стороны, постоянное стремление к новому означает, наверное, защитную реакцию – форму бегства вперед. Поэтому я решил сделать еще два фильма по такому же методу, что и «Догвилль», а такое решение – свидетельство определенной зрелости. Буду работать более углубленно, хотя мне может осточертеть снимать три фильма подряд – ведь они так похожи!»

Логичным продолжением «Догвилля» стала лента «Мандерлэй» (2005) об одноименной плантации в Алабаме, где до сих пор общественным строем остается рабство. В 2006 году Ларе фон Триер добавит еще один виток в своей карьере, поставив «Кольцо нибелунгов» Рихарда Вагнера для вагнеровского фестиваля в Байрейте. Режиссер по-прежнему утверждает, что, занимаясь искусством, нужно все время себя провоцировать.

Триер заявляет, что «главная его режиссерская добродетель – упрямство. Если стоять на своем, можно всего добиться». И если он решил что-то и каким-то определенным образом снимать, то никто не в силах изменить его решение. Еще в 1992 году режиссер запустил свой самый амбициозный и самый загадочный проект в истории кино – съемки фильма «Измерение». Он

установил для себя странный режим работы над картиной, о сюжете которой неизвестно ничего, кроме того, что это криминальная история и в главной роли снимается его самый любимый актер Удо Клер. Ежегодно в разных местах Европы снимается по… три минуты фильма, который будет закончен к 2024 году! Причем Триер собирается это сделать любой ценой: в случае своей преждевременной смерти он отдал распоряжения своему последователю относительно окончания картины. Правда, никто не знает, что делать в случае смерти Клера. Почему установлен именно такой срок, можно только догадываться. Вот, например, снимая «Догвилль», режиссер дал себе зарок уложиться в шесть недель и ни на день больше. Успел! Только вот зачем нужно было так надрываться?! Но какой спрос с чудака, который говорит: «Мне всегда нужно себя мучить». Можно, правда, добавить: «И мучить других». Что ж, следует признать, что Триер снимает собственно «для тех, кто понимает».

ТУРГЕНЕВА ВАРВАРА ПЕТРОВНА

(род. в 1788 г. – ум. в 1850 г.)

Мать писателя Ивана Сергеевича Тургенева, за жестокость прозванная «Салтычихой».

Это была довольно колоритная фигура! С одной стороны, Варвара Петровна любила театр, свободно говорила и писала по-французски, читала Вольтера и Руссо, дружила с великим поэтом В. Жуковским, разводила цветы… С другой – за исчезновение лишь одного тюльпана с клумбы она отдавала приказ пороть садовников поголовно… Помещица надышаться не могла на своих сыновей, в особенности на среднего, Ивана, не жалела ни сил, ни средств, чтобы дать им хорошее образование. В то же время в доме Тургеневых детей частенько секли!

«Редкий день проходил без розог, – вспоминал Иван Сергеевич, – когда я отваживался спросить, за что меня наказывали, мать категорически заявляла: «Тебе об этом лучше знать, догадайся».

Варвара Петровна была примером своему сыну – впечатляющим примером того, как не надо обращаться с людьми.

Родилась она в 1788 году в богатом роду Лутовиновых, восходящему к XVII столетию. Девочка появилась на свет через два месяца (по другим источникам – через месяц) после смерти отца, Петра Лутовинова. Ее мать, овдовев, вышла замуж за некоего Сомова. Отчим пил водку, тиранил падчерицу, избивал ее и мать, заставлял подчиняться своим капризам и прихотям своих дочерей, всячески унижал Варю. И в конце концов даже попытался изнасиловать 16-летнюю падчерицу. Она, не снеся положения Золушки и издевательств над собой, полуодетая убежала из дома, под дождем и снегом прошла 60 верст до Спасского, где укрылась у родного дяди Ивана Ивановича – основателя имения и усадьбы Спасское-Лутовиново близ города Мценска Орловской губернии.

Дядя тоже был человеком с фокусами: держал племянницу почти всегда взаперти. Возможно, он боялся, как бы девушка до замужества не лишилась невинности. Но его опасения были напрасны: Варенька, выражаясь деликатно, не отличалась красотой.

Однако когда Иван Иванович в 1813 году умер, подавившись косточкой от персика, она, его 25-летняя наследница, стала богатейшей невестой Орловской губернии. Варя получила в наследство несколько имений и пять тысяч крепостных. Теперь остановка была за женихом. Правда, богатые кавалеры не очень-то спешили предложить некрасивой Варе свою руку и сердце. Вот как описывали современники ее наружность: «Некрасивая собою, небольшого роста, немного сутуловатая, она имела длинный и вместе с тем широкий нос, с глубокими порами в коже, отчего он казался как бы изрытым оспой. Глаза у нее были черные, злые, неприятные, лицо смуглое, волосы черные как смоль; осанку она имела гордую, надменную, величавую, тяжелую; характер мстительный, властный, жестокий».

Молодой помещице было уже около 30 лет, когда ей на глаза попался сын помещика-соседа, поручик кавалергард Сергей Николаевич Тургенев. Он заехал в Спасское для закупки лошадей ее завода, и они познакомились. Сергей был выходцем из почти разорившегося дворянского рода и славился тем, что не пропускал ни одной юбки. Дед его некогда служил пажом у императрицы Анны Иоанновны столь успешно, что был из ревности услан Бироном на турецкую войну, где попал в плен и оказался в гареме. Возможно, пленник до конца дней раскуривал бы трубку и подавал кофе султану, если б не соблазнилась его красотой сама султанша. Она всего за одну (но какую!) ночь любви озолотила симпатичного русского и устроила ему побег из гарема.

Его внук поручик был «редкой красоты молодым человеком с тонким и нежным, как у девушки, лицом, с “лебединою” шеей и синими “русалочьими” глазами». У кавалергарда было одно имение и всего 130 крепостных. Но для богачки Лутовиновой относительная бедность красавца кавалергарда, который был на пять лет младше ее, не имела значения. Поэтому, когда Сергей сделал Варе предложение, она с радостью согласилась.

Махнув рукой на военную карьеру, молодой супруг вскоре вышел в отставку и поселился в Спасском-Лутовинове. Он, как и прежде, заводил один роман за другим, предавался кутежам (как правило, на стороне), карточной игре, охоте. Варвара Петровна знала обо всех похождениях красавца-супруга (услужливых по этой части людей всегда хватало), но терпела. А свою злость обращала в изощренные издевательства над людьми.

Эта жестокая, властная женщина многими чертами своего характера напоминала знаменитую Салтыкову. Ее любимым изречением было: «Хочу – казню, хочу – милую». Например, Варвара Петровна любила своих трех сыновей – Николая, Ивана и Сергея. И в то же время она была для них грозным судьей и безжалостно наказывала за любую провинность.

«Драли меня за всякие пустяки, чуть ли не каждый день, – рассказывал в старости Тургенев поэту Полонскому. – Мать без всякого суда и расправы секла собственными руками и на все мольбы сказать, за что меня так наказывают, приговаривала: сам должен знать, сам догадайся, за что я секу тебя!»

Однажды, не зная за собой никакой вины, Ваня совсем отчаялся и решил темной ночью бежать из дома. Но его случайно встретил учитель-немец. Со слезами на глазах мальчик поведал доброму старику, что не знает, за что его наказывают и что может спасти свою жизнь только бегством. Учитель успокоил мальчика, а утром пошел к барыне. После долгого разговора учителя с помещицей ребенка наказывать прекратили.

В доме было много гувернеров, учителей-немцев, швейцаров, приживалок и прочих слуг, среди которых царила атмосфера наушничества. Вот они, стараясь выслужиться перед своими хозяевами, и ябедничали на всех без разбора, даже супруге на своего мужа и наоборот.

«Да, в ежовых рукавицах держали меня в детстве, – делился с друзьями воспоминаниями Иван Сергеевич, – и матери моей я боялся как огня. Взыскивали с меня за все, точно с рекрута николаевской эпохи, и только раз, помню, одна моя выходка совершенно непостижимым образом прошла для меня безнаказанно.

Сидело за столом большое общество, и зашел разговор, как

зовут черта – Вельзевулом ли, Сатаной ли или как-нибудь иначе. Все недоумевали. «А я знаю!» – вырвалось у меня. «Ты?» – строго посмотрев на меня, спросила мать. – «Я». – «Как же? Говори!» – «Мем». – «Мем? Почему же?» – «А когда в церкви изгоняют черта, всегда говорят: «Вон – Мем!» (На самом деле – «вонлем»). Все рассмеялись, и я счастливо выбрался из беды».

Вместе с тем Варвара Петровна была женщиной образованной и не чуждой литературным и театральным интересам. Домашняя библиотека Тургеневых постоянно пополнялась, в доме устраивала балы, маскарады, театрализованные представления. В одном из залов были устроены сцена и хоры. В спектаклях участвовали крепостные актеры, музыканты, танцоры. Не скупилась Варвара Петровна и на наставников для сыновей, особенно для среднего, Ивана, ставшего впоследствии писателем.

Его отец – Сергей Николаевич – вел себя более уравновешенно, менее жестоко и привередливо, чем его сумасбродная супруга. Но рука у него тоже была тяжелая, и на расправу он тоже был скор. Сергей Николаевич мог, например, чем-то не понравившегося ему домашнего учителя сбросить прямо в лестничный пролет. И к детям он относится без излишних сантиментов, не принимая почти никакого участия в их воспитании.

«Странное влияние имел на меня отец… – писал Тургенев. – Он… никогда не оскорблял меня, он уважал мою свободу – он даже был, если так можно выразиться, вежлив со мною… только он не допускал меня к себе. Я любил его, я любовался им, он казался мне образцом мужчины, и, Боже мой, как бы я страстно к нему привязался, если бы я постоянно не чувствовал его отклоняющие руки!..»

К сожалению, между его отцом и матерью были сложные отношения: их союз основывался на деньгах, а не на любви, поэтому частые ссоры и сцены нарушали покой в семье.

С малых лет родители вывозили Тургенева за границу, после переезда семейства в Москву в 1827 году его обучали лучшие педагоги (среди них – литератор Д. Н. Дубенский, автор исследования «Слова о полку Игореве», и поэт И. П. Клюшников). К моменту поступления на словесное отделение философского факультета Московского университета в 1833 году будущий поэт уже говорил на французском, немецком, английском языках и сочинял стихи. Затем получил блестящее образование за рубежом, причем долгое время, пока искал свое призвание, жил на деньги, высылаемые матерью. (Отец Тургенева умер в 41 год.)

После смерти супруга в 1834 году Варвара Петровна еще больше полюбила среднего сына. («Иван – мое солнце. Когда оно

закатывается, я ничего больше не вижу, я не знаю, где нахожусь».)

Варвара Петровна неспроста числила Ивана в любимчиках – ей не откажешь в проницательности. «Я вас обоих люблю страстно, но – различно, – пишет она «любимой Ванечке», слегка противопоставляя его Николаю, своему старшему сыну. – Ты мне особенно болен… Ежели я могу объяснить примером. Ежели бы мне сжали руку – больно, а ежели бы мне наступили на мозоль – нестерпимо». Она раньше многих литературных критиков поняла, что ее сын отмечен высоким даром писательства. (Проявляя тонкий литературный вкус, мать писала сыну в письме, что его первая напечатанная поэма «пахнет земляникой».)

В то же время Варвара Петровна будто отыгрывалась на окружающих за свое тяжкое детство и некрасивую внешность. Она правила своими «подданными» на манер самодержавной государыни – с «полицией» и «министрами», заседавшими в особых «учреждениях» и каждое утро церемонно являвшимися к ней на доклад. (Об этом – в рассказе И. С. Тургенева «Собственная господская контора», 1881.)

Многочисленную дворовую челядь «Салтычиха» распределила по классам и чинам, как при дворе; дворецкий назывался министром двора, и фамилию ему придали такую, какую носил тогдашний шеф жандармов – Бенкендорф; мальчик, заведовавший получением и отправкой писем, именовался «министром почт», компаньонки и женская прислуга – гофмейстринами, камер-фрейлинами и т. п.

Этикет соблюдался строгий. Сумасбродная и жестокая помещица редко показывалась на глаза; без ее разрешения никто не смел с нею заговорить – иначе виновному грозило жестокое наказание.

«Является, например, кто-нибудь из ее «министров» с докладом, останавливается подобострастно у дверей и терпеливо ждет разрешительного жеста повелительницы говорить; если Варвара Петровна минуты с две знака не подавала, значило, что доклад она выслушивать теперь не может, – и «министр» робко удалялся прочь.

Приход почты возвещался обыкновенно большим колоколом, затем почтальоны с колокольчиками бегали по коридорам обширного дома, а «министр почт», одетый по форме, преподносил на серебряном подносе газеты и письма, адресованные на имя госпожи…»

Этого 14-летнего мальчишку ежедневно посылали за почтой в Мценск. Но не сразу можно было отдать письма Варваре Петровне, до того нервной, что стук оконной рамы или падение ножниц доводили ее до истерики. «Министр двора» (дворецкий)

просматривал почту, отсеивая письма глупые или с траурной печатью, а дворовый флейтист, подготавливая барыню, играл веселую или печальную мелодию.

Чудачка-барыня даже велела сделать себе особенные носилки со стеклянным колпаком в виде кареты, так как ходить на открытом воздухе она не решалась, боясь свирепствовавшей в то время холеры. Под этим колпаком помещица садилась в мягкое кресло, и ее носили по улицам специально назначенные крепостные.

Несколько фактов прекрасно характеризуют жестокость матери Тургенева. Скажем, в его произведении «Муму» передано истинное происшествие, и фигурирующая в нем помещица – сама Варвара Петровна.

А однажды в гости к Тургеневым приехал известный в то время баснописец И. И. Дмитриев. Маленький Ваня прочел вслух одну из его басен, а потом не удержался и сказал:

– Твои басни хороши, а Ивана Андреевича Крылова – гораздо лучше.

За такую бестактность мать немедленно наказала сына.

Если так беспощадна была Варвара Петровна к своим собственным детям, то можно себе представить, как она относилась к крепостным! Например, за разбитую посуду или пыль на полке горничных секли, а затем ссылали на скотный двор или в дальние деревни на самую черную работу. Садовников наказывали розгами за сорняк на клумбе или сорванный тюльпан. За «непочтительный» поклон барыне можно было угодить в солдаты на много лет или в Сибирь на каторгу. Жестокая помещица наводила ужас также на старост и крестьян во время поездок по своим владениям. Порой чудачка-барыня отменяла даже пасхальный колокольный звон и саму Пасху в Спасском-Лутовиново, а однажды заставила священника исповедовать себя публично, при народе.

Когда Иван, учась в Москве или за границей, долго не писал ей писем, мать грозила ему за это… выпороть кого-нибудь из прислуги. С добродушным от природы и мечтательным сыном она обходилась сурово, желая воспитать в нем «настоящего Лутовинова», но напрасно. Варвара Петровна лишь ранила сердце мальчика, чиня обиды тем из своих «подданных», к кому он успел в детстве привязаться.

Все трепетало от взгляда сумасбродки, все преклонялось перед ее упрямой, непреклонной волей. Сколько людей подвергла она истязаниям, скольких сослала в Сибирь, отдала в солдаты – сосчитать невозможно, но сцены разнузданного барского произвола разыгрывались в Спасском ежедневно. Жестокую

барыню проклинали и ненавидели все ее крепостные – от мала до велика.

Но и приблизить к себе Варвара Петровна иногда могла. Она любила окружать себя красивыми фаворитками, «фрейлинами». Одной из них чудачка и велела, когда юный барин Иван приехал домой из Москвы на каникулы, отвлечь его от вредных мечтаний.

«Ростом я был в 15 лет не выше семилетнего, – вспоминал И. С. Тургенев. – Затем совершилась удивительная перемена. Я заболел. Со мной сделалась страшная слабость во всем теле, лишился сна, ничего не ел, и когда выздоровел, то сразу вырос на целый аршин. Одновременно с этим совершилось и духовное перерождение. Прежде я знать не знал, что такое поэзия; а тут математику с меня точно что сдуло, я начал мечтать и сочинять стихи».

Фаворитка матери была гораздо старше и опытнее подростка. «Статная и красивая, с глупым видом», и глупость эта, по мнению барыни, придавала ей нечто «величавое». Варвара Петровна направила ее сырым весенним вечером в парк, где задумчиво бродил сын-студент.

Б. Зайцев пишет: «Дрозды перепархивали в яблонях, иволга заливалась. Березы Спасской рощи были в зеленом клейком пуху. Афродита-Пандемос предстала ему со своим «глупо-величавым» видом. Его раба, крепостная. Но и властительница. Она взяла его за волосы на затылке и сказала: «Пойдем».

Вечерами Ваня прокрадывался к ней на свидание в заброшенную избу. Сова кричала в парке. Накрапывал теплый дождик…»

Но куда-то исчезла деревенская богиня с пышной грудью и горячими влажными губами. Даже имени ее история не сохранила. Не исключено, что это была та самая Лукерья, из-за которой в 1835 году мценской полицией было заведено «Дело о буйстве И. С. Тургенева».

А случилось вот что. Варвара Петровна, вдоволь натешившись, продала крепостную девку соседней помещице, которая была известна во всей округе тем, что изощренно мучила горничных и «устраивала театры с мужиками». В то время в Спасское-Лутовиново приехал молодой барин и заступился за Лукерью, хотя сделка уже была оформлена по закону и девушка считалась собственностью новой хозяйки. Когда урядник прибыл, чтобы забрать крепостную, Иван вышел с ружьем и прогнал его прочь. На молодого помещика было заведено уголовное дело в связи с неподчинению властям. Дело, правда, вскоре замяли, очевидно, не без помощи матери Ивана.

Как только сын приезжал в усадьбу, все менялось: ни

капризов, ни наказаний. Целыми днями мать придумывала, чем бы угодить Ванюше. Она заказывала его любимые кушанья, а варенье из крыжовника, которое он обожал, посылала банками в его флигель. Продукты привозили пудами.

Но если со временем отношение матери к сыновьям изменилось к лучшему, то с крепостными барыня продолжала обращаться не по-человечески. Даже талантливых людей она не щадила.

Однажды Варвара Петровна обратила внимание на одного крепостного мальчика, у которого были большие способности к рисованию. Она отправила его учиться живописи в Москву – какой, казалось бы, достойный поступок! Но как только талантливый юноша овладел искусством художника, помещица возвратила его назад в деревню, чтобы он рисовал ей цветы. Чудаковатая сумасбродка заставляла с утра до вечера рисовать для себя одни и те же цветы. Бедняга рисовал их с ненавистью, со слезами… А вскоре спился и умер.

Был у Варвары Петровны крепостной мальчик Порфирий Кудряшов, которого она отправила вместе с сыном за границу в качестве казачка. Заметив редкие способности последнего, Иван много работал над его развитием. Овладев немецким языком и подготовившись к экзамену, крепостной поступил на медицинский факультет в один из германских университетов. Тургенев, зная властолюбие своей матери, у которой он напрасно и долго просил для Кудряшова вольную, убеждал его не возвращаться в Россию. Казачок поддался советам своего молодого друга и дал слово остаться в Германии. Но каково же было удивление Тургенева, когда Порфирий вернулся в Спасское, где барыня немедленно обратила его в безотлучного домашнего врача при своей особе. Перейдя на положение дворового, Кудряшов запил горькую…

Возможно, помещице казалось, что всякое проявление жалости, сочувствия и сострадания должно было уменьшить ее власть, которой она упивалась до сладострастия. Не исключено, что все жестокости самодурки-крепостницы объясняются унижениями, вынесенными ею в детстве от отчима.

Лишь после 50 лет жизни Варвара Петровна частично осознала свою вину перед людьми. Сыновьям за границу она писала 28 марта 1843 года:

«Христос Воскрес.

Милые дети, Коля и Ваня.

Вы получите это мое письмо в праздник, потому я с вами и христосуюсь. На Страстной буду я исповедоваться и причащаться. Должна простить виноватых и признаться в вине своей. Нет! Я

ничего не имею, в чем бы я могла признать себя виновною. Ежели совесть ваша так же передо мной покойна, поздравляю вас и только того и желаю, чтобы ваша совесть вам ни в чем не упрекала. В противном случае примите мое прощенье и благословение.

…Я пишу к вам из села Тургенева. Признаться, я не очень-то здорова. Такие спазмы, что иногда потрушиваю; схватит тяжело – и не увижу вас, думаю. Мои милые, гнев матери – дым; малейший ветерок, и пронес его. А любовь родительская неограниченна. Сквозь этот дым, как бы он ни ел глаза, надо видеть любовь, которая с колыбели вкоренилась в сердце.

Однако простите еще раз. Похристосуйтесь между собою вместо меня еще раз.

…Благословляю вас от сердца. Мать и друг ваш

В. Тургенева».

В 1850 году 62-летняя помещица скончалась в Москве. Это случилось в доме маркшейдера Н. В. Лошаковского, который Варвара Петровна снимала с 1839 года. Здесь же во время приезда в Белокаменную жил и ее сын, Иван Сергеевич.

Во всех знаменитых «тургеневских барышнях», начиная с Аси, Одинцовой из «Отцов и детей» и заканчивая сумрачной черноволосою «цыганкой» Кларой Милич и Валерией из «Песни торжествующей любви», можно обнаружить черты матери писателя. Варвара Петровна, натура весьма самобытная, реализовать свои природные таланты так и не смогла. Однако ее литературная одаренность, несомненно, передалась Ивану. Недаром именно он был ее любимцем, и старость свою мать хотела провести возле среднего сына. Но писатель не захотел этого, очевидно помня ее жестокость, испытанную на себе в детстве.

Помещица старалась быть достойной старинного дворянского рода Тургеневых (о чем призналась однажды в письме сыну), которых еще и до второй четверти XVTII столетия жаловали цари. Она много читала по-французски, встречалась с поэтами и писателями, бывала в театрах.

В одном из сохранившихся писем к Ивану за 1838 год Варвара Петровна писала: «…В Москве мне хочется кое-что сделать, таков, по крайней мере, мой план. Во-первых, людей посмотреть, себя показать, т. е. со старыми знакомыми и родными повидаться. Театру – хотя дурного посмотреть, но Вольтера на сцене видеть, он мне напоминает отца…»

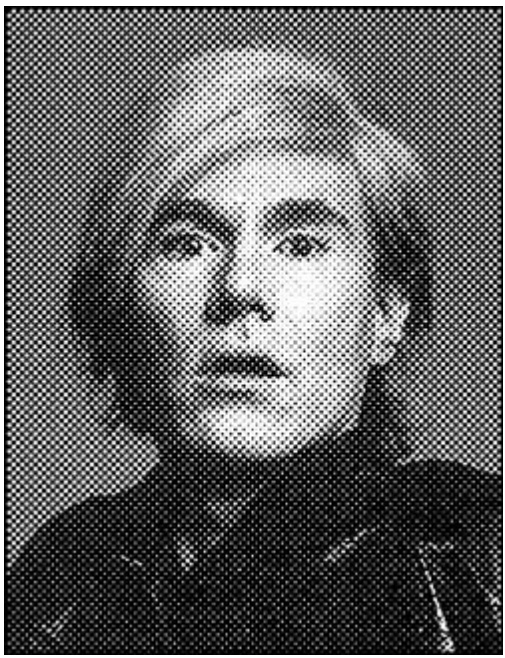
Но жизнь богатой, жестокой и чудаковатой дамы-барыни так и не сложилась. «Век мой имела я одних врагов, одних

завистников», – признавалась она сыну. Обо всем, что В. П. Тургенева пережила и перечувствовала за свою жизнь, он узнал лишь после ее смерти. Прочитав дневники, писатель воскликнул: «Какая женщина!.. Да простит ей Бог все… Но какая жизнь!»

УОРХОЛ ЭНДИ

Настоящее имя – Анджей Вархола

(род. в 1928 г. – ум. в 1987 г.)

Знаменитый американский художник, скульптор, дизайнер, режиссер, продюсер, писатель. Один из создателей поп-арта, лицо американской культуры второй половины XX века.

Одна из самых ярких и противоречивых фигур американской поп-культуры второй половины XX века, неординарная личность и создатель направления поп-арт – Энди Уорхол – называл свою деятельность «производством» и «фикцией», а себя – «машиной» и мечтал, чтобы все люди думали одинаково, и в то же время хотел, чтобы каждый на планете стал знаменитым «хотя бы на 15 минут». Он возвел массовую культуру в ранг искусства и сам стал его частью, потому что публика воспринимала его не как личность, а, скорее, как часть его же произведений. Уорхол оказал колоссальное влияние на мировую культуру второй половины XX века. Его жизнь и творчество стали подтверждением его же знаменитой фразы: «Искусство ничего не меняет, оно само

меняется, неизбежно двигаясь к концу». Он сделал из искусства бизнес и сказочно разбогател.

Точных сведений относительно даты рождения Анджея Вархолы, к сожалению, нет. Источники называют не только разные даты: 6 августа и 28 сентября, но и разные годы – 1927, 1928 и 1930. Анджей родился в городе Питсбурге, штат Пенсильвания, в семье бедных выходцев из Чехословакии. Его отец умер, когда Анджею было 13 лет. Мальчик рос замкнутым и стеснительным, самым страшным испытанием для него стала школа, где над тощим белобрысым Анджеем все смеялись. Все время, свободное от ненавистного пребывания в школе, мальчик проводил дома, да и мать, опасавшаяся за своего слабого младшего сына, боялась отпускать его далеко от себя. У Анджея довольно рано появилось увлечение – он делал коллажи из цветных картинок старых журналов и комиксов, – вырезал, склеивал, дорисовывал.

После окончания школы Анджей изучал дизайн в Технологическом институте Карнеги, а позже ему каким-то чудом удалось поступить в Калифорнийский технический университет на факультет дизайна. Это было престижное учебное заведение, и наш герой выглядел там довольно жалко на фоне детей из богатых семей. Он почти ни с кем не общался и культивировал свои комплексы, хотя в университете над ним не смеялись, как в школе, здесь его скорее жалели. Вскоре преподавателям стало ясно, что Вархола очень талантлив, и ему начали помогать: сокурсницы делали задания по английскому языку (сам Анджей в то время не мог связать на бумаге и двух слов), профессора боролись за то, чтобы его не выгнали из университета, когда вместо классических моделей он рисовал нищих или детей, ковыряющихся в носу.

После окончания университета Анджей Вархола отправился в Нью-Йорк – центр культурной жизни Америки и модных художественных галерей. Он сменил свое имя на более благозвучное для США – Энди Уорхол, снял дешевую студию и начал обивать пороги рекламных агентств и редакций популярных изданий. Уже первые его работы в рекламе стали пользоваться большим успехом, они были яркими и запоминающимися – Уорхол отлично улавливал веяния времени.

В Нью-Йорке раскрылся еще один талант Уорхола. Ранее всегда замкнутый и нелюдимый, он начал притягивать к себе людей, как магнит. Как бы компенсируя недостаток общения и развлечений в юные годы, он стал активным тусовщиком, не пропускал ни одной презентации, выставки или вечеринки, постоянно пропадал в ночных клубах, что не мешало ему

работать в дневное время, так как Энди с детства страдал бессонницей. Позже Уорхол признался в своей патологической тяге к тусовкам: «Если бы в Нью-Йорке устроили торжественное открытие сортира, я пришел бы туда первым». Эта любовь к появлению в публичных местах оказалось ему на руку: лучшей рекламы для художника трудно было представить. К этому времени уже окончательно сформировался его образ – неизменные темные очки, седой парик (Уорхол очень рано облысел) и дорогой костюм, заляпанный красками. В дневное время он редко покидал свою студию – его тонкая светлая кожа моментально обгорала, и если он и выходил на солнце, то только с зонтиком и в темных очках.

Довольно быстро Энди Уорхол стал самым высокооплачиваемым рекламщиком Нью-Йорка. Однако такое положение вещей его не совсем устраивало, ведь Уорхол считал, что, работая в рекламе, где тебя знают только коллеги по цеху, мировой известности не добьешься. В это время в Америке зарождалось новое направление – поп-арт, оно стирало грани между «высоким» и «массовым» искусством, живописным объектом могло стать все что угодно – реклама, газетные вырезки, герои мультфильмов. Все это напоминало Уорхолу его детские эксперименты с коллажами, которыми мальчик когда-то развлекал свою семью и всю улицу. И уже взрослый Энди вновь начал экспериментировать в поисках нового метода, который помог бы ему достичь своей цели – прославиться. В 1956 году Уорхол едет в путешествие: он посещает Индию, Египет, Францию, Италию, Великобританию и многие другие страны, где изучает местную культуру и искусство. Образцом эпатажа считается озвученное им впечатление от этой поездки: «Самое красивое в Риме – “Макдональдс”. Самое красивое в Париже – “Макдональдс”. Самое красивое в Лондоне – “Макдональдс”». С точки зрения массового искусства – это действительно так. Дворцы, храмы и монументы Старого Света – искусство элитарное, представленное в единичных экземплярах, а «Макдональдс» – это единая концепция, вершина массовости и стандартизации.

Во время своего мирового путешествия Уорхол окончательно утверждается в мысли, что современное искусство должно быть массовым и коммерческим, и по возвращении в Америку вновь берется за холст.

После продолжительных попыток и экспериментов с техникой письма удачную, как оказалось впоследствии, идею ему неожиданно подкинула одна знакомая, сказав: «Что ты больше всего любишь? Деньги. Вот и нарисуй доллар. Смысл в том, чтобы

взять что-нибудь простое и всем известное – тот же доллар или консервную банку с супом». Монументальные полотна с банкой томатного супа «Кэмпбелл», созданные художником в 1962 году, на долгие годы стали визитной карточкой Энди Уорхола и сделали его по-настоящему известным. Газеты и критики захлебывались от восторга, цены на его работы стремительно подскочили вверх, а сам художник удивлялся, до чего же наивен этот мир, до чего же все оказалось на самом деле просто. Очень точно охарактеризовал успех картин с супом «Кэмпбелл» искусствовед Роберт Хьюз: «Разрисовывать консервную банку само по себе не значит заниматься настоящим искусством. Но подлинным в Уорхоле остается то, что уровень производства супа в консервной банке он поднял до уровня создания картин, придав им характер массового производства, – потребительское искусство имитирует процесс, а также облик потребительской культуры». Еще одним продуктом народного потребления, увековеченным на картинах Уорхола, стала «кока-кола». Художник объяснял свой выбор тем, «что ее пьют все – и президент страны, и Лиз Тэйлор, и нищий, который знает, что его “кока-кола” не хуже, чем у президента». Однажды на выставке, где среди других работ были представлены полотна с супом «Кэмпбелл», один нью-йоркский критик язвительно заявил Энди: «Если можно нарисовать рекламу супа, то почему бы не нарисовать и рекламу пива?» Уорхол совершенно серьезно с ним согласился, и уже на следующий день на экспозиции красовался и «портрет» пивной банки. Кстати, доллар, о котором говорила его знакомая, подсказавшая идею с супом, Уорхол тоже изобразил…

Вокруг Уорхола теперь постоянно крутилось огромное количество людей, и вскоре художник открыл большую студию, окрестив ее «Фабрикой», которая впоследствии стала символом нового искусства. В комнатах «Фабрики» толпились молодые художники, актеры и просто люди, мечтавшие стать знаменитыми. Их притягивала необычная аура Уорхола, ему поклонялись, пели дифирамбы и были готовы исполнить любую его прихоть, а это означало только одно – Энди Уорхол стал живым идолом поп-культуры. Из общения с людьми, посещавшими «Фабрику» или жившими там, Энди черпал свое вдохновение. Из-за этого он нажил себе огромное количество врагов, зачастую используя чужие идеи или включая в свои фильмы записи с откровенными рассказами людей, которым он обещал этого никому не показывать. Именно «Фабрика» и ее посетители во многом помогли сделать искусство массовым, как того и хотел Уорхол, работы появлялись тысячами, в некотором смысле слова это была настоящая фабрика. Художник с гордостью

заявлял: «На нашей «Фабрике» в день создается по фильму, по картине, скульптуре, много рисунков, много фотографий».

На протяжении пяти лет, с 1963 по 1968 год, Уорхол активно занимался, по собственному выражению, «кинопроизводством». За этот период он создал несколько сотен фильмов, начиная с массы трехминутных проб и портретов и заканчивая 150 полнометражными фильмами. В существующие кинематографические рамки работы Энди Уорхола не вписывались, они представляли собой гремучую смесь из авангардного, голливудского и андеграундного кино, включали в себя элементы порнографии, театра, минимализма и портрета. Продолжительность этих фильмов колебалась от трех минут до двадцати пяти часов. Лишь считанные единицы из сотен фильмов Уорхола были поняты и приняты зрителями. Зачастую на протяжении нескольких часов на экране находился всего один актер. «Я начал делать мои фильмы с одним актером. В течение нескольких часов он курил, сидел, ел, спал. Я это делал, потому что понял, что зрители ходят в кино главным образом для того, чтобы увидеть своего любимого актера. Вот я и дал им эту возможность», – говорил Уорхол. В фильме «Эмпайр» 1964 года камера вообще на протяжении восьми часов фиксирует изображение знаменитого нью-йоркского небоскреба Эмпайр Стейт Билдинг. Можно сказать, что фильмы Энди Уорхола – противоположность коммерческого игрового кино, это в некотором смысле «антифильмы», не имеющие аналогов в истории мирового кинематографа.

К 1968 году Уорхол стал признанным мастером поп-арта, его выставки проходили по всему миру. В Америке он был самым популярным художником, его картины продавались по немыслимым ценам. Энди прославился и своими скандальными интервью, в одном из которых ко всеобщему удивлению он заявил: «Меня никогда не трогали собственные работы. Я делаю дешевую писанину…» В Лос-Анджелесе весной того же года на открытии большой ретроспективы его работ Уорхола ждала толпа, которая скандировала: «Мы любим Энди Уорхола!» Успех выставки был грандиозным. И при этом сами выставки художника нельзя было назвать чисто художественными, здесь играл роль и интерьер, и свет, и всевозможные инсталляции. Он мог показывать на выставке груды картонных коробок, хаотично набросанных по углам комнат, – и ничего более, а выставка все равно пользовалась грандиозным успехом.

Все в том же 1968 году Уорхолу принесла сценарий фильма радикальная феминистка, единственный член ею же самой созданного «Общества уничтожения мужчин» Валери Соланас.

Художник посчитал сценарий слишком «грязным» и отказался снимать по нему фильм. Когда девушка несколько раз появлялась на «Фабрике» с требованием вернуть рукопись, Энди всякий раз отмахивался от нее и просил зайти попозже. Однажды терпение неуравновешенной Валери лопнуло. Через пару дней после возвращения Уорхола из Лос-Анджелеса она вновь появилась на «Фабрике», подошла к Уорхолу, достала из бумажного пакета револьвер и сделала три выстрела по художнику, еще одним ранила человека из окружения Энди. После чего Соланас спокойно вызвала лифт и уехала. На улице она обратилась к первому встреченному полицейскому со словами: «Я стреляла в Энди Уорхола». Позже этими словами назовут фильм о ней и этой мрачной истории.

В больнице врачи констатировали клиническую смерть художника. Мало кто думал, что физически слабый Уорхол сможет выжить после трех пулевых ранений, но он выжил. На выздоровление ушел целый год, и всю оставшуюся жизнь художник вынужден был носить корсет из-за того, что врачи неудачно сшили ему мышцы живота. Фотография Ричарда Аведона, на которой запечатлен голый торс Энди Уорхола с изуродованным страшными шрамами животом, обошла журналы всего мира.

После покушения Энди, почти избавившийся было от своих комплексов, вновь стал бояться людей. Он начал постоянно носить бронежилет, ужесточил фэйс-контроль на входе на «Фабрику» и не выходил на улицу после восьми вечера. «После выстрела я как во сне. Ничего не понимаю. Не пойму, жив я или умер», – часто повторял Уорхол. Теперь художник очень неохотно давал интервью, мог на все вопросы отвечать только «да» или «нет»; иногда спрашивал у репортеров, что бы они хотели от него услышать, и давал разрешение опубликовать их ответ в качестве собственного. Уорхол вообще не любил рассказывать о себе, зачастую на подобные вопросы он отвечал: «Если вы хотите все узнать об Энди, смотрите мои фильмы, мои картины. В этом весь я. Больше ничего нет». Уорхол стал избегать появления на публике, нередко он отправлял похожего на него внешне человека читать лекции от своего имени.

Энди Уорхол не скрывал своей нетрадиционной ориентации, но и не кричал о ней на всех перекрестках. У него не было громких и скандальных романов, как у других звезд, он предпочитал быть наблюдателем, а не участником: «Любовные фантазии гораздо лучше любви плотской. Никогда не заниматься этим – очень увлекательное занятие».

Своеобразной была и литературная деятельность Энди

Уорхола. В 1968 году вышла его первая книга под названием «А», состоявшая из записей телефонных разговоров на «Фабрике». Следующая книга появилась несколькими годами позже, она называлась «Философия Энди Уорхола. От А до В и наоборот». Главной ее темой были рассуждения о том, что искусство – это процесс зарабатывания денег. С 1969 года под руководством Уорхола издавался знаменитый в Соединенных Штатах журнал «Интервью», в котором звезды брали интервью у других звезд.

С 1970 года начался самый успешный период в творчестве Энди Уорхола – он стал методом шелкографии создавать портреты знаменитостей. Его изображения Мэрилин Монро, Лайзы Миннелли, Джимми Картера, Элвиса Пресли, Элизабет Тэйлор и Мао Цзедуна обошли весь мир. Один критик назвал портрет Мэрилин Монро работы Уорхола Джокондой XX века. Теперь можно было уже говорить не только об американской, но и о мировой известности художника. Излюбленный метод Уорхола – шелкография – тиражная техника, она делала создание картин не долгим кропотливым процессом, как всегда было принято считать, а воистину массовым «производством». Уорхол использовал только яркие, чистые цвета, без всяких полутонов, теней и нюансов, он лишил свои работы реалистичности и жизни, они не дышат, это – просто оттиски, образы, еще более безжизненные, чем на рекламных плакатах, а их создатель удовлетворенно объясняет: «Я люблю все искусственное». Он уничтожил разницу между подлинником и копией, поскольку шелкография предполагала создание практически неограниченного количества оттисков. Художник считал, что именно такое искусство – банальное и растиражированное – нужно современному миру, и, судя по своей сумасшедшей популярности, во многом был прав. К тому же чем дальше, тем больше публику интересовала сама личность Уорхола, а не его произведения, имя Энди стало скорее торговой маркой, нежели именем деятеля искусства.

В 80-е годы XX века Уорхол вновь много работает в рекламе. В 1980 году он разработал и осуществил проект собственного кабельного телевизионного канала и стал его директором. В том же году вышла очередная книга художника «Попизм: Уорхол в 60-е». В этот период он заканчивает работать с образами звезд и принимается за живописные шедевры прошлого – выходят его серии «Мона Лиза» и «Тайная вечеря».

Со второй половины 80-х годов XX века у Энди Уорхола заметно ухудшилось здоровье, это обстоятельство усугублялось тем, что художник панически боялся врачей и отказывался лечиться. Зимой 1987 года у него обострилось воспаление

желчного пузыря, и Уорхол был вынужден лечь в больницу для проведения несложной операции. Хирургическое вмешательство прошло успешно, но на следующий день медсестра нашла художника в постели мертвым. Он умер во сне от сердечного приступа. Это случилось 22 февраля 1987 года. Уорхол был похоронен в родном Питсбурге. На состоявшейся 1 апреля поминальной службе в соборе Святого Патрика в Нью-Йорке присутствовало около двух тысяч человек.

Когда после смерти художника его друзья и адвокаты вскрыли квартиру Уорхола, куда тот при жизни не допускал никого, то обнаружили там огромное количество самых разнообразных вещей, находившихся в жутком беспорядке. Среди них было множество не распакованных свертков с покупками, многочисленные флаконы духов и индийских благовоний, драгоценности, шедевры мировой живописи в подлинниках вперемешку с откровенным хламом из лавок старьевщиков. Энди Уорхол тратил на покупки миллионы долларов, но никому не показывал своих приобретений. Деньги он также хранил в своей квартире в коробках из-под печенья, не доверяя банкам. Пестрая коллекция Уорхола была продана на знаменитом аукционе «Сотби» более чем за 25 миллионов долларов. Эти деньги, по завещанию Энди, были переданы в созданный им фонд помощи художественным организациям.

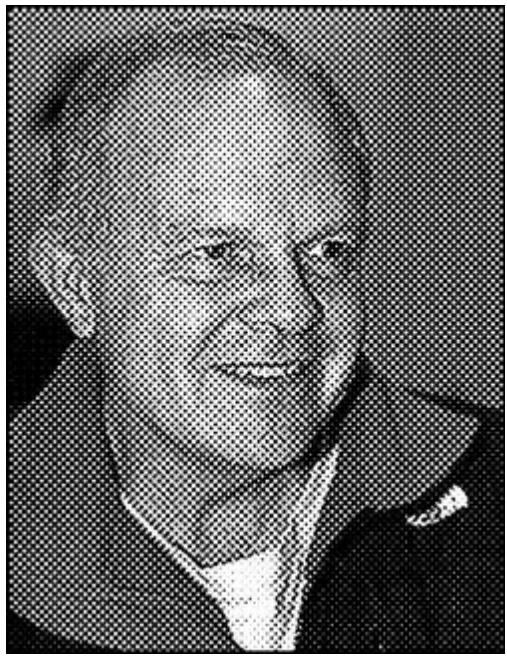
Через несколько лет после смерти знаменитого художника в его родном Питсбурге был открыт музей Энди Уорхола, в котором собрано множество его произведений.

До сих пор непонятно, как мог этот тихий и странный человек, всегда скрывавший свой истинный облик под париком и огромными темными очками, стать лицом своего времени и столь удачно совместить искусство и бизнес. Некролог, опубликованный в «Нью-Йорк Таймс», дал, пожалуй, самое точное и емкое определение феномена Энди Уорхола: «Лучшее произведение Уорхола – это сам Уорхол». Действительно, его работы невозможно оценить по достоинству, ничего не зная об их создателе, образ этого странного и застенчивого человека неотделим от его произведений, и наоборот. Еще одно, очень точное определение творчества Энди Уорхола принадлежит рок-музыканту Мику Джаггеру, лидеру группы “Rolling Stones”, в расцвете своей популярности тоже попавшему на полотно знаменитого художника: «Если хочешь узнать, что было самым популярным в тот или иной период, посмотри, что в это время рисовал Уорхол». И это правда. Энди очень тонко чувствовал веяния времени и моментально отражал предпочтения широких масс в своих работах – будь то томатный суп «Кэмпбелл» или

Мэрилин Монро, «кока-кола» или Элизабет Тэйлор.

ФОССЕТ СТИВ

(род. в 1944 г.)

Стива Фоссета можно назвать одним из самых непоседливых миллионеров современности. В то время как большинство его сверстников ведет размеренный образ жизни и отдыхает в комфортабельных отелях, Стив отдает предпочтение экстремальным видам спорта. В «активе» Фоссета – высотные восхождения, ралли на скоростных машинах, кругосветные плавания и рекордные перелеты без посадки и дозаправки. В общей сложности Стив Фоссет поставил более 100 мировых рекордов. Но останавливаться на достигнутом не собирается…

Услышав имя Стивена Фоссета, любители путешествий испытывают нечто похожее на белую зависть. Еще бы! Этот человек освоил практически все стихии и несколько раз – в одиночку и в команде – совершал кругосветное путешествие… Но в деловых кругах к миллионеру-чудаку относятся неоднозначно: с одной стороны, признают за ним крепкую хватку и профессионализм, а с другой – недоумевают: для чего он рискует собственной жизнью?

Стив Фоссет родился 22 апреля 1944 года в Чикаго. Уже в детстве он выделялся среди сверстников – активно участвовал в скаутском движении и даже добился высшей награды скаутов, которой гордится до сих пор. С этого и началась история борьбы за лидерство, за право заявить на весь мир о своем первенстве. Борьбы предельно честной, поскольку Стив боролся не столько с соперниками, сколько с самим собой…

Первая часть его жизни вовсе не походила на приключенческий роман. Вместо походов по местам, где не ступала нога человека, или захватывающих состязаний Стив проводил дни в каменных джунглях Нью-Йорка. Примерно к сорока годам он сделал прекрасную карьеру на Нью-йоркской бирже, стал основателем крупнейшей трейдинговой корпорации США “Lakota Trading Inc”. Но ему постоянно не хватало новизны ощущений, ситуаций, связанных с риском, когда все зависит только от собственных усилий, – одним словом, успешному биржевому дельцу не хватало адреналина. И он с нетерпением ждал момента, когда не он будет работать для умножения своих капиталов, а деньги сами начнут работать на него… И такой момент наступил.

Первое достижение Стива не стоило ему ни цента. Оно состоялось в 1985 году, когда миллионер решил переплыть Ла-Манш. Но не на борту яхты или парохода, а самостоятельно. По его словам, это был просто вызов самому себе, желание испытать свои силы. Пролив Фоссету удалось одолеть только с четвертой попытки. Это не только дало ему уверенность в своих силах, но и натолкнуло на мысль о других экстремальных развлечениях.

Последующие восемь лет прошли в тренировках. Стив не привлекал к себе внимания, жил с женой в Колорадо. Но с некоторых пор главным для него стал не бизнес (он уже обеспечил свою семью на долгие годы вперед), а участие в проектах, которые рядовым финансистам показались бы безумными, например, в лыжных гонках по горам Колорадо… Предпочтения Фоссета определились довольно скоро: его манило пространство. Преодолевая марафонскую дистанцию, Стив мог в полной мере проявить свои лучшие качества: выносливость и настойчивость. Но вскоре он почувствовал, что лыжные гонки – по крайней мере для него – себя исчерпали.

В 1992 году Фоссет решил попробовать свои силы в гонках на собачьих упряжках. Участники соревнований должны были проехать более тысячи миль по заснеженной Аляске. Это было испытание для настоящих мужчин! Оно позволяло вернуться на несколько столетий назад, когда нарты и собаки были единственным транспортом в тундре… В собачьих гонках чаще

всего побеждал не самый настойчивый, а самый опытный – об этом писал еще Джек Лондон. Поэтому неудивительно, что упряжка Стива стала только сорок седьмой. Впрочем, миллионер недолго переживал по поводу своего поражения. Если не вышло с собаками, значит, нужно попробовать другой вид транспорта, только и всего…

На следующий год Фоссет вновь удивил любителей экстрима. Он дебютировал во французском марафонском ралли на гоночных автомобилях – Le Mans Sports Car Race. Удача отвернулась от него и на этот раз: команда, в которой выступал Фоссет, заняла лишь тридцать шестое место. И тогда Стив принял довольно неожиданное решение: попытать счастья в водной стихии.

В том же 1993 году он поставил свой первый мировой рекорд скоростного плаванья на яхте. За 44 часа он обогнул Ирландию! Еще не утихли поздравления, еще не улеглась газетная шумиха, а Фоссет уже целиком погрузился в расчеты и консультации. Ему хотелось построить самую быструю яхту на свете, чтобы превзойти собственное достижение. Результат усилий Стива – скоростной катамаран “PlayStation” (позже он получил более романтическое имя – “Cheyenne”), на котором он совершил еще 24 рекордных заплыва. С каждым разом Фоссет ставил перед собой все более сложные цели. А самым впечатляющим стало кругосветное путешествие 2004 года, во время которого Стив Фоссет и его команда опередили предыдущих рекордсменов на шестеро суток! Впрочем, через год пальму первенства пришлось уступить. Но к этому моменту яхты чудаку-миллионеру наскучили. Свои последние плаванья он совершал как бы «между делом». Точно так же совершил Фоссет восхождение на все высочайшие горы планеты. Ведь у него появилось новое увлечение…

Стив Фоссет подходил к подготовке своих побед с той же тщательностью, что и к биржевым операциям. Он планировал каждое свое действие, стремился учесть опыт предшественников. Возможно, именно поэтому он ставил один рекорд за другим. Но одно дело – идти по проторенной тропе, и совсем другое – стать первопроходцем. Эта мысль не давала Стиву покоя. Ему хотелось не побить поставленный кем-то рекорд, а попытаться сделать что-то, чего еще никто до него не делал… Фоссет внимательно изучил историю человеческих достижений. И вскоре обнаружил идею, которая как будто дожидалась воплощения. Правда, для этого Стиву необходимо было освоить еще одну стихию – воздух.

Идея нового рекорда сама по себе была проста: облететь вокруг Земли на воздушном шаре. Оказывается, таких попыток за

всю историю воздухоплавания еще не было! И неудивительно: такое путешествие требовало огромных затрат и высокого уровня подготовки. Разумеется, в США, да и в остальном мире, было немало людей богаче Фоссета. И много спортсменов-воздухоплавателей, обладавших куда лучшей подготовкой. Но только у Стива имелось и то, и другое.

Кругосветное путешествие на воздушном шаре было чем-то совершенно новым. Фоссету пришлось столкнуться с целым рядом проблем еще до того, как он поднялся в небо. Прежде всего, он отдавал себе отчет в том, что ему предстоит полет в разреженном воздухе, при пониженной температуре. К тому же – без сна (иначе некому будет контролировать движение шара) и нормальной пищи. Стив снова вернулся к тренировкам в горах. А для того, чтобы окончательно приспособиться к условиям будущего перелета, сконструировал специальную капсулу, внутри которой имитировались атмосферные условия на высоте 3 километров, и спал в ней несколько ночей подряд. В итоге это позволило ему находиться на высоте в 7 километров в одной только кислородной маске.

Второй проблемой был сам воздушный шар. Существовавшие конструкции не годились для дальних путешествий. Фоссет собрал команду экспертов. Предпочтение отдавалось практикам – тем, кто сам участвовал в дальних беспосадочных полетах. Работы велись в ускоренном режиме: параллельно с Фоссетом готовились к установлению того же рекорда англичане и швейцарцы. В итоге усовершенствование шара обошлось Стиву в триста тысяч долларов. Сумма немалая, но конкуренты потратили миллионы: в отличие от Фоссета, который решил обойтись кислородной маской, англичане и швейцарцы много времени и средств потратили на специальную капсулу для воздухоплавателя.

Первая попытка «кругосветки» на воздушном шаре состоялась в 1996 году. Фоссет стартовал в Южной Дакоте, но сумел долететь только до Канады. После «разбора полетов» было решено изменить место старта. Две следующие попытки – на сей раз они начинались в Миссури – также завершились неудачей. В первый раз Фоссет добрался до Индии, второй – до России. Четвертое путешествие едва не закончилось трагически: над Австралией шар попал в шторм и стал резко терять высоту… Но и это не остановило Стива. Он совершил еще одну безрезультатную попытку, но следующая – шестая – оправдала все затраченные усилия. В 2002 году, стартовав из Австралии, Фоссет вернулся в исходную точку через 14 дней, 19 часов и 50 минут. Фотография его шара, носившего гордое имя «Дух свободы» (“Spirit of

Freedom"), обошла все крупные издания мира.

Несмотря на усталость, миллионер нашел возможность пообщаться с журналистами. Разумеется, их интересовали подробности полета, вошедшего в историю мирового воздухоплавания. Но гораздо больше интереса вызывал сам Фоссет. Один из журналистов задал ему вопрос: «Зачем вы это делаете?» И получил ответ, который перепечатали многие издания: «Мне не нужна шумиха вокруг моего имени, чтобы находить деньги на экстремальные достижения. Они и так у меня есть. Полет на воздушном шаре вокруг света – это просто то, что я хочу сделать. Давно и очень сильно». После этих слов имя Фоссета стало символом воплощенной мечты. А сам он «заболел» небом…

Поначалу Стив пошел по уже знакомому по другим стихиям пути: он установил несколько небольших рекордов скорости и дальности. Удивительно быстро он освоил планеры, дирижабли и аэропланы. А освоив, стал изучать пределы их возможностей. Он перелетал через океаны и континенты, однажды даже сделал попытку подняться на планере в стратосферу. Но подвел ветер, и выше 2,3 км Фоссет так и не взлетел…

Дальнейшее было вполне предсказуемо. Если раньше, готовясь к покорению водной стихии, Фоссет сконструировал скоростной катамаран, теперь ему понадобился скоростной самолет. Его постройку Стив доверил своему лучшему другу – Ричарду Брэнсону, конструктору первого туристического космического корабля "Space Ship One". Брэнсон с огромным удовольствием взялся за этот заказ. Самолет для беспосадочного перелета получился необычным. В небе он выглядел, как три небольших самолета, объединенные одним крылом. Два из трех фюзеляжей представляли собой топливные баки: ведь Фоссету предстояло облететь вокруг Земли не только без посадки, но и без дозаправки в воздухе. Брэнсон пообещал Фоссету бесплатно пилотировать этот воздушный корабль до конца его дней. Правда, при одном условии: на нем должен быть установлен рекорд скорости кругосветного перелета. Фоссет только усмехнулся…

В 2005 году рекорд был поставлен. По признанию Стива, это был самый сложный из его рекордов. Целых 67 часов он провел в самолете, ни на минуту не отрываясь от штурвала. Во время полета Фоссет питался специальными калорийными молочными коктейлями, а вместо туалета использовал бутылки. Но, пожалуй, самым тяжелым испытанием было постоянное напряжение и концентрация. За долгие часы полета Стив еще раз увидел Землю с высоты птичьего полета. На пресс-конференции он охотно рассказывал о своих впечатлениях – городах и океанах,

нетронутых цивилизацией песках Сахары, описывал технические детали полета… У некоторых журналистов сложилось впечатление, что Фоссет говорит несколько равнодушно, что его интересует сам факт покорения пространства – и ничего более. Но не стоит забывать и о том, что для Стива это достижение – лишь очередная ступенька к познанию собственных возможностей. Да и трудно требовать эмоциональных высказываний от человека, который больше трех суток не спал…

Стиву Фоссету исполнилось 62 года. Он все еще полон сил, и можно только гадать, чем он займется в следующий раз… Просторы суши и океана для него – пройденный этап. В небе он сделал практически все возможное. Так может быть, следующее путешествие Стива Фоссета будет полетом на Луну? Ведь этот человек сумел осуществить все свои детские мечты. А какой ребенок хоть раз не мечтал о космосе?

ФУНДУКЛЕЙ ИВАН ИВАНОВИЧ

(род. в 1804 г. – ум. в 1880 г.)

Тринадцать лет кряду исполнял Иван Иванович нелегкие обязанности Киевского гражданского губернатора. Киевляне избрали своего чудаковатого любимца почетным членом Императорского университета имени Святого Владимира и почетным гражданином города. Задолго до революции они даже мечтали поставить прижизненный памятник «отцу и благодетелю», но этим планам не суждено было сбыться. И помешали этому вовсе не чудачества «прекрасной испанки» и «дьячка», как за глаза называли этого бескорыстного человека.

Начать рассказ об Иване Ивановиче следует с его отца – Фундуклея-старшего, который имел огромное влияние на сына. Путь к своим миллионам он начал, служа приказчиком в Елисаветграде. Позже обрусевший грек содержал там же табачную лавочку и магазин, но жил впроголодь, экономил на всем, «наживая капитал». Со временем новоявленный «капиталист» завладел приличной частью винного откупа в Одессе и постепенно сделался богатейшим человеком

Новороссийского края. Он имел несколько заводов и тысячи десятин земли. В числе тех, кто занимал у него деньги, был и такой далеко не бедный человек, как «начальник Новороссии» Михаил Воронцов.

Но аристократическое общество мало интересовало богатого откупщика. «Это был, – вспоминал один из его современников, – громадной толстоты человек, добряк, хлебосол, но он никогда не обедал с гостями, а ел простую пищу целовальника. В его кабинете на видном месте висели: красная рубаха, пестрые портки, поддевка и простой зипун с дегтярными сапогами, шапка и рукавицы крестьянские. Старик не стыдился прежней своей одежды и, показывая это всем, говорил: «Не должно забывать, чем человек рожден и чем был».

Естественно, у единственного сына Фундуклея-старшего – Ивана, который родился 13 ноября 1804 года в Петербурге, была возможность избегнуть тягот отцовской жизни. Мальчик был слабым и так часто болел, что образование получил домашнее, хотя имел хорошие задатки. Но Фундуклей-старший не давал сыну спуску. Он даже отказал светлейшему князю Воронцову, который неоднократно высказывал желание заняться судьбой юноши. Отец считал, что тот должен пойти по его пути и закалить свою волю в жестокой борьбе за выживание. Желая сыну добра, он держал его на полуголодном пайке и с семи лет определил в работу. Наследник миллионов вначале безропотно служил мелким чиновником на одесской почте, потом – в канцелярии Кабинета министров в Петербурге. Бедняге стукнуло почти 30, а он все еще протирал штаны за канцелярской стойкой. Не известно, чем бы завершился жестокий педагогический эксперимент, если бы отец-миллионер не смилостивился над сыном. В 1831 году Иван Иванович вернулся в родной дом и поступил на службу чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Новороссийского края графе Воронцове.

Одесса в это время переживала экономический бум. Молодому и энергичному человеку не раз представлялась возможность показать себя на деле. Но только через семь лет многоопытный Воронцов, убедившись в его дарованиях, открыл перед ним двери в круг высших имперских сановников: Фундуклей получил звание коллежского советника и должность вице-губернатора Волыни. К тому времени старый Фундуклей умер. Иван Иванович оказался обладателем огромных богатств, которые сумел приумножить. К отцовским владениям он присоединил стекольный завод под Чигирином, сахарный завод в местечке Медведовка Киевской губернии, вырабатывавший 78 тысяч пудов сахара в год. Огромный доход приносили и

винодельные погреба в гурзуфском имении, устроенные им на землях, купленных у Новороссийского и Бессарабского губернатора Воронцова. Здесь ежегодно производилось до трех тысяч ведер первоклассного вина, и всю выручку от продажи Фундуклей направлял на содержание благотворительных заведений Одессы и Гурзуфа!

В отличие от Ришелье и Воронцова, Фундуклей каждое лето (за исключением периода Крымской войны 1853–1856 гг.) проводил в гурзуфском имении, которое капитально отремонтировал. Большое внимание Иван Иванович уделял развитию виноградарства в Гурзуфе. Им были заложены обширные плантации виноградников, для чего из Испании и Португалии были завезены лучшие сорта винограда. В 1847 году он заложил большой винподвал (винодельный цех), здание которого сохранилось до наших дней и является одним из старейших винподвалов в Крыму. Много было сделано Фундуклеем и для обустройства парка в его гурзуфском имении, где при нем было посажено множество редких растений. В середине XIX века это был один из лучших парков на Южном берегу Крыма.

Кроме того, Иван Иванович был крупным землевладельцем (он имел примерно 20 тысяч десятин земли). В его селах Мельники и Медведовка помимо стекольного и сахарного заводов функционировали паровая и водяная мельницы. В селах Новая Осота, Старая Осота, Яновка (Ивановка) у Фундуклея тоже были имения. На свои средства в Яновке он построил церковь, в Старой Осоте – еще один сахарный завод, немного позже неподалеку от имений – в Александровке – железнодорожную станцию. (8 октября 2005 года на здании железнодорожной станции Фундуклеевка в поселке городского типа Александровка открыта мемориальная доска, увековечивающая память И. И. Фундуклея.)

Далеко за пределами мест деятельности Ивана Ивановича распространилась слава о нем как о способном организаторе, прогрессивно мыслящем человеке, удачливом предпринимателе и щедром человеке. Неравнодушный к чужим деньгам киевский генерал-губернатор Дмитрий Гаврилович Бибиков тоже заинтересовался Фундуклеем, но только не его деловыми качествами, а кошельком и щедростью. Как только он проведал, что в Житомире появился чиновник-миллионер, то тут же начал хлопотать о его новом назначении и преуспел в этом. По высочайшему императорскому указу 12 апреля 1839 года статский советник Фундуклей занял почетное место киевского гражданского губернатора. Назначая этого кристально честного человека на столь важный пост, Николай I сказал: «Этому уж

точно денег не надобно – своих девать некуда». И не ошибся: Фундуклей сам взяток не брал и другим не давал этого делать. Гражданский губернатор, вечно стеснительно сующий деньги нуждающимся, быстро заработал любовь своих подчиненных, которым выплачивал из своего кармана отдельное жалованье (до 12 тысяч рублей) лишь для того, чтобы те не соблазнялись взятками.

Неуклюже, словно стесняясь своих добрых поступков, и не для чужих глаз, Фундуклей, как мог, помогал своим землякам. Про неповторимую манеру гражданского губернатора тихонько совать в руки просителей крупные ассигнации один из его современников вспоминал так: «Он много делал добра, много помогал бедным, но как-то так, что это было незаметно. Бибиков давал три копейки с шумом, с эффектом, а Фундуклей, казалось, никому не давал, но я сам раз видел, как к нему подошла бедная благородная вдова, старушка, и показала ему требование уплатить 300 рублей долгу. Фундуклей, проходя мимо, сунул ей в руку 2000 рублей, и никто не заметил, кроме меня, а старушка приняла их без удивления, должно быть, не в первый раз». (Для справки: в то время годовое жалованье, например, горничной составляло 36 рублей в год.)

Подобных просителей у губернатора было множество, создавалось такое впечатление, что на его попечении находился чуть ли не весь город. А однажды он еще выкупил своего нерадивого подчиненного Попова, который «одолжил» из казны значительную сумму. «У Фундуклея в канцелярии, – пишет мемуарист, – заведовал полицейскою частью и паспортами весьма способный чиновник Попов. Это был крошечный человек, плешивый, с загнутым кверху носом, но умный и способный. Мы прозвали его Сократом. Этот Сократ начал строить большой каменный дом и уже подвел под него крышу. Вдруг оказывается, что у Сократа недостаток казенных денег 20 тысяч. Фундуклей, зная, что Попов не пьет, не играет, спросил: «Где деньги?» Сократ признался, что выстроил на них дом, надеясь выручить более и пополнить казну. Фундуклей признал его поступок только неосторожным, внес за Попова деньги, оставив его на службе, а дом взял себе».

После этого события жители Клева настроились на переезд губернатора из служебного помещения на Липках в более пристойные апартаменты, но не тут-то было. Ни дня не прожил Фундуклей в этом добротном доме (теперь угол Б. Хмельницкого и Пушкинской). Позже, служа Отечеству уже в Польше, он безвозмездно передал это здание для первой в Российской империи общедоступной женской гимназии, названной «за глаза»

Фундуклеевской (впоследствии переименована в Киево-Подольскую), и выделял для ее нужд по 1200 рублей ежегодно. В Фундуклеевской гимназии учились поэтесса Анна Ахматова, оперная звезда Ксения Держинская, историк Наталья Полонская-Василенко (ее труды по истории Украины сейчас переизданы и очень популярны), просветитель и общественный деятель София Русова и многие другие.

Фундуклей не прятал и своих миллионов на черный день, а всячески старался принести пользу другим. Однако его альтруистические качества очень часто внаглую использовались. Так, киевский генерал-губернатор Бибиков назойливо хлопотал вокруг новоприбывшего в столицу гражданского губернатора. «Иван Иванович, а вы знаете, скоро бал, вот-с. Мне как губернатору по уставу каждый месяц надобно-с бал организовывать. А у меня дел невпроворот…» Фундуклей молча принимал «полупрозрачный» намек, отсчитывал 500 рублей и, вскинув голову, усердно нюхнув табаку, отвечал: «Хорошо-с, Дмитрий Гаврилович. Будет бал». И сверкали зеркала, разносилась музыка, благодаря европейской иллюминации ночь «уподоблялась» дню. Дамам в уборной выдавали перчатки и веера, у мужчин принимали тросточки. Всех угощали пирожными и шипучим вином. Вот только гости воспринимали Бибикова как хозяина, а деликатно отсиживающегося Фундуклея для виду приветствовали легким кивком головы. Но Иван Иванович не обижался. То ли от широты душевной, то ли для того, чтобы, наконец, отстал от него этот «банный лист» из администрации, но Фундуклей практически за свой счет выстроил Бибикову дом и жаловал (!) своему бесцеремонному шефу квартальные отступные.

Никакой близости между этими двумя высокопоставленными чиновниками не было. Фундуклей, как пишет один из мемуаристов, «не заискивал в Бибикове, ни разу не унизился как губернатор, даже отстаивал твердо свои права против капризов генерал-губернатора». За все годы своего пребывания в Клеве Бибиков ни разу не переступил порога губернского правления. Всеми делами занимался Фундуклей. И весьма успешно. А что касается денежных «одолжений», то делалось это самым что ни на есть благопристойным и «деликатным» образом. «Таким образом Фундуклей дарил Бибикову несколько тысяч в год».

Губернатор полюбил Клев и очень много сделал как для тогдашних жителей города, так и для нынешних. Многое из того, что было возведено на средства Фундуклея, служит киевлянам и в XXI веке. Наверное, не было в то время в Российской империи более щедрого человека, чем Иван Иванович. Он жил по принципу

«да не оскудеет рука дающего» и помогал всем, кто обращался к нему. Фундуклей постоянно опекал детские приюты, больницы, школы, делал значительные пожертвования в различные благотворительные фонды. Этот замкнутый и далекий от своей чиновничьей среды человек был, как это ни странно, деятельным и толковым администратором. Он наладил службу сбора пошлин, улучшил содержание заключенных в тюрьмах. После рекордно высокого наводнения 1845 года, когда вода в Днепре поднялась на 779 см и затопила весь Подол и часть Оболони, он основал традицию помощи пострадавшим от стихии. С того времени губернское правление выделяло значительные средства для восстановления разрушенных усадеб на Оболони, а их хозяева в период бедствия размещались в просторных помещениях Контрактового дома. Сам же Иван Иванович на собственные средства поддерживал многодетные семьи. Неизвестно, когда бы в столице стала активно заселяться местность в районе между Кирилловскими богоугодными заведениями и Куренёвкой, если бы не средства Фундуклея. Они были выделены пострадавшим от грандиозного наводнения, полностью затопившего Подол. Сколько губернатор потратил собственных денег – история умалчивает, но нетрудно догадаться, что это обошлось ему недешево.

За счет Фундуклея создали один из фонтанов новой водопроводной системы на Крещатике. Это сооружение с мраморной чашей и бассейном киевляне назвали в честь губернатора «Иваном» или «Фундуклеевским». Уже в первый год правления Ивана Ивановича по его инициативе в районе Киевского университета был заложен Ботанический сад (ныне – Ботанический сад имени академика Фомина) площадью 20 гектаров. А в связи со смещением киевских гор по указанию губернатора регулярно проводились работы для укрепления киевских склонов. Благодаря ему была завершена реконструкция Софийской площади, вымощена мостовая на Андреевском спуске, который имел огромное значение для соединения Верхнего города с Подолом. Со временем на его средства замостили также улицы Московскую, Дворцовую, Софийскую, Михайловскую, Житомирскую и Крещатик. Застройка города, согласно генеральному плану, набирала обороты. При Иване Ивановиче был возведен знаменитый Николаевский цепной мост над Днепром, который на то время считался самым красивым в Европе. Особенно интересными были профинансированные Фундуклеем проекты знаменитых архитекторов – отца и сына Беретти – университет, обсерватория, училище графини Левашовой, Анатомический театр, Первая мужская гимназия.

При Фундуклее Крещатик стал главной центральной магистралью города. Собственно свой дореволюционный вид эта улица начала приобретать во время правления генерал-губернатора Д. Бибикова, а окончательно сформировалась при губернаторстве Ивана Ивановича (т. е. после 1835 г.). Строительство велось от Бессарабки до Царского сада. А на юго-запад города от Печерской площади на месте Солдатской слободы в 1835–1845 годах был сооружен военный госпиталь. По «канцелярским рецептам» губернатора реконструировали Подол и прилегающие к нему переулки. Фундуклею киевляне обязаны и первым водопроводом.

В Контрактовом доме на Подоле Фундуклей устраивал сельскохозяйственные, фабричные и художественные выставки. Здесь киевляне и гости города имели возможность развлечься: посмотреть легкую пьесу, послушать концерт, отдохнуть в приятном обществе. Это Иван Иванович ввел традицию дворянских собраний в Клеве. Кстати, сборы его представителей были многочисленными, шумными и похожими на пленарные заседания в современном парламенте. Губернатор оказывал материальное и организационное содействие созданию общественного фонда предоставления помощи больным, бедным и отдельно – путешественникам, которым симпатизировал и которых всячески поддерживал.

Гражданский губернатор был очень популярным как среди беднейших слоев населения, так и среди зажиточных киевлян. При правлении Фундуклея в 1842 году восстановил работу Киевский университет, который на некоторое время был закрыт из-за кипевших там политических страстей. Согласно новому уставу университета была изменена система преподавания. Чтобы студенты не занимались политикой, их обучали верховой езде, поэзии, музыке, танцам, требовали, чтобы они выглядели прилично и аккуратно. И конечно, руководству университета вменялось в обязанность не допускать в свои стены людей политически неблагонадежных и низкого происхождения.

Следует сказать, что только в плане «политической благонадежности» Иван Иванович допустил «прокол», который ему до сих пор не могут простить «щирі українці». С именем Фундуклея связывают гонения на Тараса Шевченко. Киевский гражданский губернатор дружил с Николаем Костомаровым и Тарасом Шевченко, которые часто бывали в его особняке, но был вынужден подчиниться распоряжению столичного петербургского начальства и «сдать» обоих накануне венчания Костомарова, на свадьбе которого Шевченко обещал быть свидетелем. К чести Ивана Ивановича, он старался решить все дипломатично и

облегчить участь «обреченных», пытался предупредить членов Кирилло-Мефодиевского братства о грядущих арестах, желая, чтобы люди могли уйти от беды… Но шеф жандармов граф Орлов приказал Фундуклею распорядиться о немедленном производстве обыска на квартирах подозреваемых в участии в тайной организации. Губернатор был не в силах воспротивиться подобному указанию. Да, Фундуклей, не смог противостоять царю, выгораживая симпатичных ему людей. Поэт вышел на свободу лишь через десять лет, хотя следствие и не установило факта его причастности к братству. В марте 1847 года Кирилло-Мефодиевское братство было разгромлено, к сожалению, к этому был причастен первый гражданский губернатор Клева.

И все же бескорыстность и порядочность этого человека не знали границ. Вообще, он жил весьма скромно, предпочитал роскоши и праздности ежедневный труд, а в свободное время не отсиживался в казенном особняке на Липках, не ездил в закрытой карете, окруженный охраной, а ходил по улицам города и был, так сказать, доступен каждому горожанину и гостю. Писатель Николай Лесков, который в то время жил в Клеве, рассказывал, что Фундуклей был очень трудолюбивым и педантичным, но одиноким и закрытым человеком, Иван Иванович избегал светского общества, женщин, но любил, когда его окружали историки, поэты, писатели и художники. Подчиненные чиновники поддерживали губернатора во всех его начинаниях.

К тому же Фундуклей был не просто прекрасным человеком и чиновником, о котором можно лишь мечтать даже в наше время. В истории Клева навсегда сохранилась память о нем как о ревностном хранителе старины. А вклад гражданского губернатора в науку, в частности историческую, ставит его, уже как ученого, в один ряд с выдающимися историками XIX столетия. Созданные им труды, в том числе и на основании собственных археологических изысканий, послужили толчком для многих историков, и в первую очередь краеведов, к участию в напряженной и титанической работе по созданию подробных описаний Клева. Фундаментальный труд губернатора «Статистическое описание Киевской губернии» – воистину непревзойденное по объему и наличию фактического материала издание, без которого изучение географии, этнографии и промышленности этого края сегодня невозможно во всей полноте. Еще одна работа Фундуклея – «Обозрение Клева и Киевской губернии по отношению к древностям», увидевшая свет в 1847 году, до сих пор остается настольной книгой для пытливых исследователей киевской старины. Кроме того, историки называют и такой труд губернатора, как «Обозрение могил

[курганов], валов и городищ Киевской губернии», изданный год спустя, где Фундуклей выступил уже как археолог. Естественно, что все перечисленные книги автор издал за свой счет и просто передал в дар Клеву.

И все же при всей любви к своему губернатору киевляне относились к этому стеснительному человеку как к чудаку. Николай Семенович Лесков в главе «Умершее сословие» поместил чудесное, полное грустной теплоты эссе о губернаторе Фундуклее: «Он был одиноким, довольно скучным человеком тучного телосложения и страдал неизлечимыми и отвратительными лишаями [вероятно, речь идет о мокнущей экземе]. Его лечили многие медицинские знаменитости и не вылечили: лишаи немного успокаивались, но потом опять разыгрывались – пузырились, пухли, чесались и не давали богачу ни малейшего покоя. Тогда потаенно был призван какой-то из известных в свое время киевских самоучек – не то Потапенко, не то Корней (Столичевский) – и стал лечить расчесавшегося вельможу «травкою» и «выпотнением».

Травки шли больше «для успокоения больного», но главное, на что рассчитывал знахарь, – это было «выпотнение», столь известное по своим последствиям ветеринарам и спортсменам.

Лошадям для этого покрывают подлежащую выпотнению часть тела войлочным потником и гоняют их на корде, а Фундуклей покрывал стеганым набрюшником пораженное лишаем место, надевал на себя длинное ватное пальто, сшитое «английским сюртуком», брал зонтик и шел гулять со своей любимой пегой левреткой. Таким образом происходило «выпотнение», и производилось оно в течение довольно долгого времени неотложно и аккуратно при всякой погоде. А так как губернаторам в то время днем среди толпы гулять было неудобно, потому что все будут кланяться и необходимо откланиваться (Фундуклей был человеком застенчивым и скромным), то он делал свою гигиеническую прогулку через час после обеда, вечером, когда – думалось ему – его не всякий узнает, для чего тщательно закрывался зонтиком.

Разумеется, все эти страдания бедного губернатора не вполне достигали того, чего он желал: киевляне узнавали Фундуклея и от любви к этому тихому человеку старались не нарушать его уединения. Образованные люди, заметив его большую фигуру, закрытую зонтиком, говорили: «Вот идет прекрасная испанка», а простолюдины проверяли по нему время, сказывая: «Седьмой час – вон уже дьяк с горы спускается».

«Дьяком» называли Фундуклея потому, что в своем длинном английском ватошнике он очень напоминал известную киевлянам

фигуру Златоустовского дьячка Котина, который в таком же длинном ватошнике сидел на скамеечке с тарелочкой и кропильницей у деревянной церкви Иоанна Златоуста и «переймал богомулов», уговаривая их «не ходить на Подол до братчиков, бо они дуже учени и переучена, а класти упрост жертву Ивану». Издали дьяк Котин и губернатор Фундуклей в английском капоте имели по фигуре много сходства. Чтобы выпотнение шло сильнее, губернатор делал свои вечерние прогулки не по ровной местности в верхней плоскости города, где стоит губернаторский дом на Липках, а спускаясь вниз по Институтской горе, шел Крещатиком и потом опять поднимался в Липки, по крутой Лютеранской горе, где присаживался для кратковременного отдыха на лавочке у дома портного Червяковского, а потом, отдохнув, шел домой.

Такой курс держал он и в тот теплый вечер, когда шел случившийся проездом в Клеве князь Петр Иванович Трубецкой.

Фундуклей шел, понурив голову и закрывая лицо распущенным без надобности зонтиком, а Трубецкой «пер» своей гордой растопыркой, задрав лицо кверху. Они столкнулись. Трубецкой получил легкое прикосновение к локтю, но сам вышиб этим локтем у Фундуклея зонтик и шнурок, на котором шла собачка.

Грузный Иван Иванович, ничего не сказав, сделал очень тяжелое для него усилие, чтобы поймать и поднять покатившийся зонтик, а в это время убежала его собачка, шнурок которой ему было еще труднее схватить, чем зонтик.

Трубецкой же рассердился, затопал и закричал:

– Знаешь ли, кто я? Знаешь ли, кто я?

– Не знаю, – отвечал Фундуклей.

– Я губернатор!

– Ну так что же делать, – рассеянно произнес Иван Иванович, – я и сам тоже губернатор!

В это время на небе блеснула луна, и случившийся на улице квартальный, узнав Фундуклея, поймал и подвел к нему на шнурке его собачку.

Тут Трубецкой воочию убедился, что перед ним в самом деле, должно быть, губернатор, и поспешил возвратиться в гостиницу в гневе и досаде».

Про губернатора ходило множество слухов. Горожане считали его большим чудаком и, как уже упоминалось, простодушно звали «дьяком» за его странные одеяния и «прекрасной испанкой» за попытку прикрыться зонтиком. О мучительной болезни доброго самаритянина они и не подозревали, как не знали и о том, что Фундуклей знал почти все европейские языки, так как

говорил он на них крайне редко – лишь с избранными иностранцами. А соотечественники тем временем раскрывали рот. «Да наш губернатор и на фортепиано играет. Не знали? Очень даже неплохо. Каждую неделю передаю ему самые модные нотные партитуры», – говорил почтальон, таща очередную депешу в дом на Липках.

И все же киевляне, даже принимая во внимание некоторую «чудаковатость» в поведении своего начальника, любили Фундуклея безгранично и, расставаясь с ним 11 апреля 1852 года, рыдали и клялись в том, что не забудут его никогда! В 1869 году во время упорядочения названий городских улиц Кадетская была переименована в Фундуклеевскую. (В 1919 году новая власть назвала эту улицу именем Ленина, а в 1993 году ее опять переименовали… в улицу Богдана Хмельницкого.) В 1872 году признательные горожане избрали Ивана Ивановича почетным гражданином Клева. Подобной прижизненной славы администраторы удостаивались очень редко… Задолго до революции киевляне даже мечтали поставить прижизненный памятник «отцу и благодетелю», но планам этим не суждено было сбыться. Возможно, к счастью, так как монумент «царському посіпаці та ще й душителю Шевченка» непременно уничтожили бы либо националисты, либо большевики. Сам Иван Иванович помнил о Клеве всю жизнь и до конца своих дней не порывал связи с «Матерью городов Русских», отзываясь на всякое благое дело.

Деятельность свою Иван Иванович продолжил в Варшавском департаменте правительственного сената, куда его перевел на службу Николай I, одновременно сделав тайным советником. Весь свой досуг Иван Иванович отдавал тщательному изучению экономической жизни края. Результатом его трудов явились обстоятельные монографии о разных отраслях местного хозяйства. Особенно замечательна его работа о лесах в Царстве Польском. Все эти труды послужили богатым материалом для Н. А. Милютина во время подготовительных работ по освобождению крестьян в Привислинских губерниях. Ко времени пребывания Фундуклея в Варшаве относится и его большая работа по составлению «Статистического обозрения расходов на военные потребности России с 1649 по 1825 год». В 1865 году Фундуклей был назначен вице-председателем государственного совета Царства Польского. Он также председательствовал в комиссии, которой был поручен перевод на русский язык всех сборников административных распоряжений Царства Польского, благодаря чему эта огромная работа была успешно завершена за три года.

В 1867 году Фундуклея отозвали в Петербург, где вскоре он

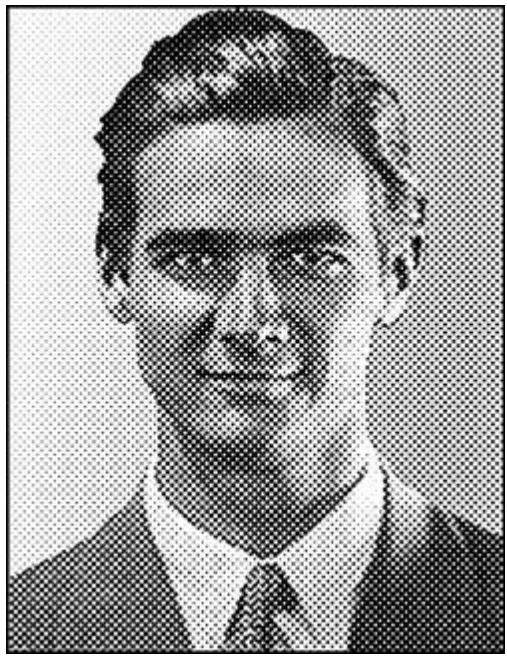
стал членом Госсовета России и разрабатывал законы империи. В 1874 году русское правительство отметило Ивана Ивановича высшей наградой – орденом Святого апостола Андрея Первозванного.

Вскоре Иван Фундуклей вследствие почтенного возраста оставил службу. Последний год его жизни был связан с Москвой. Семейная жизнь Ивана Ивановича так и не сложилась, и до конца своих дней он был одиноким. 22 августа 1880 года в возрасте 76 лет известный киевский меценат скончался, и все его гигантское состояние досталось внучатым племянницам – княгиням Голицыным. Фундуклей был похоронен на кладбище Донского монастыря.

При жизни этот удивительный человек заслужил репутацию чудака. На самом же деле он был не чудаком, а чудом! Не чиновником – настоящей легендой! Кажется невероятным, но полтора столетия назад во всей Российской империи лишь два губернатора не брали взяток. Одним из них был Ковенский губернатор Радищев, другим – Киевский гражданский губернатор Фундуклей. К тому же Иван Иванович всю свою сознательную жизнь направлял свои честно унаследованные и заработанные капиталы на благотворительные цели. Клев должен быть благодарен этому замечательному человеку за то, что получил в наследство.

ХЬЮЗ ГОВАРД

(род. в 1905 г. – ум. в 1976 г.)

Он стал первым человеком в мире, чье состояние превысило один миллиард долларов. Но при этом Хьюз страдал патофобией (боязнь болезней вообще) с отчетливо выраженной молизмофобией (боязнь инфекции), что привело его к печальной кончине.

Говард создал и испытал в 1930-х годах самый быстрый в то время самолет в мире – H-1 Racer, «Серебряная пуля». При его участии были сконструированы лазер, ракеты класса «воздух-воздух», геостационарный спутник связи, космические аппараты Surveyor, волоконная оптика, атомные часы, жидкокристаллические дисплеи, различные шпионские устройства («жучки» и подобная радиоэлектронная аппаратура) и др.

В то же время миллиардер жил, наглухо отгородившись от остального мира. Он не касался голыми руками документов, дверных ручек и даже вилки с ножом и поминутно протирал руки и лицо салфетками. Чудак отказался общаться с женой, поскольку не был уверен в ее чистоте. В конце жизни он уже почти ничего не

ел и не пил, так как даже дистиллированная вода казалась ему грязной.

Говард Хьюз родился 24 декабря 1905 года в Хьюстоне, штат Техас (США). Его прадед фермерствовал, дед стал преуспевающим адвокатом, один дядя сделал карьеру в Голливуде, другой получил известность как музыкант. А отец Хьюза, Говард-старший, в 26 лет бросил дом и отправился ловить удачу: искал полезные ископаемые, объехал весь Техас, зарегистрировал несколько изобретений и между делом женился на Эллин Геноу, девушке из приличной семьи. Через три года после рождения сына (его появление на свет окутано такой же тайной, как и смерть, – ни в одной из книг регистрации рождаемости нет сведений о Говарде Хьюзе-младшем) отец запатентовал вращающееся сверло со 166 алмазными коронками. Этот чудо-бур нефтяники прозвали «камнеед», потому что он легко проходил любые скальные породы. После этого Горвард-старший довольно быстро разбогател и, управляя своей нефтяной компанией “Hughes Tool Company”, стал миллионером.

Говарда-младшего в семье называли Сонни («сынок»), несмотря на то что к 16 годам рост мальчика был более двух метров. Мать его, миссис Хьюз, прекрасно воспитанная, красивая, образованная женщина, панически боялась микробов и болезней, которые могли погубить ее сына. Поэтому она постоянно таскала Сонни к врачам, и у мальчика постепенно развилось огромное количество всяких фобий.

Сонни учился в престижной частной Бостонской школе, где больше отличался в игре в гольф, чем в освоении предметов. Робкий и застенчивый, в классе он держался в тени и не сходился с другими мальчишками. Но, несмотря на это, подросток ухитрялся заниматься бизнесом. Родители дарили ему фрукты ящиками, а Говард-младший, оставляя себе лишь часть, остальные продавал одноклассникам по пять центов за штуку. Мальчишку также отличала смелость и любовь к опасностям: в десять лет он упросил отца прокатить его на самолете, и полеты на всю жизнь остались страстью Хьюза.

А еще он любил разбирать и собирать механизмы в подаренной отцом мастерской. Например, из дверного звонка мальчишка смастерил маленький радиопередатчик, велосипед переделал в мопед. Однажды Хьюзу попался старый саксофон, и он полгода истязал и несчастный инструмент, и домашних – упорный, но лишенный слуха ребенок решил стать джазменом.

Хьюз так никогда и не получил полноценного образования. Когда его мать умерла (Эллин отправилась в больницу для пустяковой операции и не пришла в сознание после наркоза), 16-

летний мальчик уехал учиться в Калифорнию. Там за его воспитание взялся брат отца Руперт, работавший в Голливуде сценаристом. Он и провел племянника по студиям, познакомил с Чарли Чаплиным и другими кумирами. Благодаря общению со своим дядей Говард заинтересовался созданием кинофильмов.

В 17 лет он влюбился в 23-летнюю актрису красавицу Элеонору Бордман. По ее словам, второго такого непривлекательного, стеснительного и нудного юнца на голливудских вечеринках не было, к тому же боявшийся объясниться Говард обратился за помощью к папе. Элеонора уверяла, что Хьюз-старший «пытался подсунуть ей своего сына, обещая, что со временем тот станет очень богатым человеком». Кончилось все это большим позором. После этого парень боялся смотреть девушкам в лицо – он окончательно уверовал в то, что как кавалер не стоит и цента.

Его отец внезапно умер, когда Говарду исполнилось 18 лет, и молодой человек унаследовал почти миллион долларов. До совершеннолетия Хьюза (по законам штата совершеннолетие наступало лишь в 21 год) часть бизнеса контролировал его дядя Руперт. Но наследник повел политику таким образом, что, когда ему исполнился 21 год, вся империя покойного отца стала принадлежать только ему.

Затем он женился на Элле Райс, одной из самых богатых девушек Хьюстона. Прожив четыре года, они тихо развелись; муж в 1929 году отправился покорять Голливуд, и ему было не до супруги.

Вступив во владение империей отца, Хьюз приобрел “RKO Studios” и стал кинопроизводителем. Правда, его первый фильм был так плох, что даже не вышел на экран. Зато второй принес кое-какую прибыль, а третий – «Ангелы ада» (1930) обрел бешеную популярность. Лента рассказывала о летчиках Первой мировой войны, и хотя она фактически не окупилась, но стала очень популярной, и Говард продолжил заниматься киноиндустрией. (Затем он в течение 30 лет был продюсером 40 фильмов.) Во время съемок «Ангелов ада» Хьюз сам научился летать на самолетах и каждый день проводил в небе два-три часа.

В 1932 году он основал “Hughes Aircraft Company”, занимавшуюся разработкой и созданием самолетов, многие из которых Говард сам испытывал. Он добился в летном мастерстве таких успехов, что бил рекорды. Например, 13 сентября 1935 года Хьюз установил на своем H-1 Racer («Серебряная пуля») мировой рекорд скорости для сухопутных самолетов – 565 км/ч, который продержался до 1939 года. В январе 1937 года был готов новый вариант самолета, на котором был осуществлен

трансамериканский перелет из Бирбэнка в Нью-Йорк – за 7 часов 28 минут. В июле 1938 года Говард на двухмоторном самолете Локхид 14-N2 совершил перелет вокруг света за 91 час 14 минут летного времени и стал национальным героем США.

Но в героический образ никак не вписывался скромный и немодно одетый человек, не покидавший самых дальних углов во время светских приемов. Журналисты ломали головы над тем, зачем ему – мультимиллионеру! – надо было стажироваться в гражданской авиакомпании и при этом таскать багаж пассажиров. О том, что чудак изначально был не вполне нормален, они, разумеется, не догадывались.

Во время Второй мировой войны “Hughes Aircraft Company” вела целый ряд секретных проектов и была вовлечена в выполнение оборонных заказов. Военные быстро убедились, что иметь дело с Хьюзом – настоящий кошмар. Он не соблюдал никаких сроков, часто заявлял о фантастических данных своих самолетов, был способен надавить на правительство, чтобы оно немедленно закупило именно его самолеты, а потом в последнюю минуту отказаться от контракта. Чудака преследовала параноидальная мысль о том, что все только и собираются украсть его секреты. Одно время он даже утверждал, что «Локхид» выкрала у него базовую компоновку истребителя Р-38 «Лайтнинг».

О том, какое это странное, неуверенное и замкнутое существо, знали и женщины, за которыми предприниматель ухаживал. Такого букета красивых и знаменитых любовниц (сплошь обладательницы «Оскаров») больше, пожалуй, не было ни у кого.

Первой стала Кэтрин Хэпберн, потом – Бэтт Дэвис, за нею Джейн Рассел, обладательница легендарного бюста, для которого Хьюз спроектировал особый бюстгальтер (без верхних бретелек). На Джин Петерс он женился, но жил отдельно. И наконец – первая голливудская красавица всех времен Ава Гарднер, бросившая после недолгого замужества Фрэнка Синатру.

При этом миллионер оставался до болезненности застенчивым: Кэтрин Хэпберн, например, раздражало то, что Хьюз совершенно не умел вести себя за столом в гостях и начинал бешено орудовать вилкой, только когда все остальные гости поднимались со своих мест, – чудак не мог есть, если на него смотрели посторонние.

Он волочился также за Мэрилин Монро в конце 40-х годов, когда будущая звезда работала фотомоделью и пыталась пробиться на экран. Миллионер увидел ее фотографию, приходя в себя в госпитале после очередной авиакатастрофы. Выздоровев,

он позвонил модели из кабинета, через два часа поговорил с ней из своей авиакомпании, а под вечер перезвонил Монро с киностудии. Через несколько дней влюбленный пригласил ее в офис, где, краснея и запинаясь, протянул ей бланк контракта, который связал бы их на 75 лет.

После этого Говард не встречался с Монро, но постоянно говорил с ней по телефону, и бедняжка сутками не выходила из дома, ожидая его звонка. Он звонил ей по ночам, и она засыпала с трубкой в руке, – чудак сидел и часами слушал ее дыхание. На следующий день он звонил Монро из ресторана, самолета или стриптиз-клуба, представляясь вымышленными именами и меняя голос, чтобы Мэрилин его не узнала. Каждое утро она получала две дюжины чайных роз; раз в неделю Хьюз назначал ей свидание, а потом перезванивал, говорил, что не может прийти, и предлагал пойти в ресторан с подругой. И вдруг Говард пригласил ее к себе в поместье Палм-Спрингс.

Был ужин при свечах, вино, комплименты даме, твердая мужская ладонь, опускающаяся на женское плечо. Модель закрыла глаза в предвкушении счастья… И тут чудак встал, уехал на аэродром и улетел на другой конец страны. Больше она его не видела.

Еще многих красоток Голливуда миллионер приглашал к себе в кабинет. Здесь обладавшей выдающимся бюстом кинозвезде он объяснял, что ее карьера обеспечена – надо лишь расстаться с мужем… На этом отношения заканчивались – Говард решал, что произвел скверное впечатление, и очень боялся вызвать насмешки.

Очевидно, чудак перенес на отношения с окружающими ту же схему, которой придерживались его покойные родители: он безгранично доверял одному-двум ближайшим помощникам, а всех остальных сторонился. Мысль о том, что в его жизнь войдет женщина, которая будет знать о нем все, тяготила Хьюза безгранично. Он и тянулся к окружавшим его красавицам, и боялся сделать последний, решающий шаг. Романы его пугали – миллионер предпочитал платить проституткам.

Зато опасность, высота, скорость и скрипящий от отчаянных перегрузок деревянный биплан его никогда не страшили. Одну из авиакатастроф Хьюз пережил в мае 1943 года, испытывая гидроплан «Сикорский», предназначенный для Военно-воздушных сил США. Самолет потерпел аварию и затонул на глубине 165 футов в озере Мид. Летчик получил множественные раны и, когда его вытащили из воды, находился в глубоком шоке. Когда расследовавший причины аварии офицер поинтересовался, почему миллионер взялся сам пилотировать свой самолет, Хьюз

спросил: «А зачем я буду платить другому за то, чтобы он получил все удовольствие?»

Летчик умудрился воскреснуть из мертвых: в 1947-м он рухнул на землю вместе с легким самолетом, который сам придумал и испытывал. Но и тогда счастливчик Хьюз выкарабкался, а чтобы скрыть уродующий его шрам, отпустил усы, которые ему очень шли. При лечении для снятия боли ему кололи морфий. Выздоровев, он уже не смог отказаться от наркотиков и принимал ежедневно всю оставшуюся жизнь другой наркотик – кодеин. Говард привык к нему и каждый день принимал дозу, которую медики считали летальной. С каждым годом количество инъекций увеличивалось, и чудак все дальше уходил в свой собственный, ирреальный, плохо совпадающий с действительностью мир.

Будучи скрытным и очень богатым человеком, он «подружился» с ЦРУ. В 1950-х годах выросла власть и империи Хьюза, и этой секретной организации. Причем во многих делах было невозможно отличить одно от другого. Например, управляющий делами миллионера Роберт Мэхью организовал попытку убить кубинского коммунистического лидера Фиделя Кастро. Все это проходило под руководством президента США Ричарда Никсона. Считается, что Хьюз имел отношение к убийствам братьев Кеннеди, а также к Уотергейтскому скандалу, после которого Никсон подал в отставку.

Купленные журналисты с удовольствием создавали Говарду имидж самого могущественного человека в мире, самого добропорядочного консерватора, самого пылкого борца за справедливость. Его речи в конгрессе становились заголовками газет, обыватели рукоплескали его смелости, с которой он противостоял вашингтонским бюрократам. Но мало кто догадывался, что таким образом магнат выбивал себе новые многомиллионные контракты.

В 51 год чудак женился на актрисе Джинни Петерс. Он подозревал, что недоброжелатели собирают сведения о его психической нестабильности, а законный брак должен был свидетельствовать о здравом рассудке. После венчания Хьюз каждый вечер водил супругу в кино, где фильмы демонстрировали только для них двоих. Но вскоре Говард узнал, что в этом же зале ежедневно прокручивали свежие серии негритянского сериала для черной съемочной группы. Больше Хьюз в кинотеатре не появлялся. (В детстве он стал свидетелем мятежа черных солдат, убивших 16 белых граждан.)

Узнав, что актриса, с которой он встречался несколько лет назад, заболела венерическим заболеванием, Говард сжег всю

свою одежду и домашние коврики. Когда у знакомой Джин схватило печень, Хьюз немедленно отправил супругу в карантин: микробы и негры пугали его одинаково. Со временем они с женой перестали спать вместе – сифилис, о котором Говард не подозревал, убил в нем мужчину… К тому же он стал чудовищно неопрятен: месяцами не мылся, не брился, не стригся, не менял одежду.

Терпеливая Петерс выдержала целых 14 лет такого брака – уж очень ей хотелось заполучить состояние мужа, ставшего в 1968 году первым в мире миллиардером (после продажи в конце 1960-х годоа акций транспортной компании TWA, купленной Хьюзом в середине 1930-х). Но в 1971 году все же не выдержала и подала на развод.

Чудак сохранял отменную деловую хватку, но его странности все усиливались – он приватизировал туалет в своем офисе, а сотрудникам посоветовал пользоваться пакетами. Психоз Говарда развивался стремительно: окружающие беспрекословно исполняли самые нелепые желания босса, с его страхами соглашались и фобии поощряли – мир, в котором он жил, становился все более ирреальным. И в один прекрасный день мультимиллионер исчез.

Перед этим Хьюз пережил тяжелый внутренний кризис. Один из секретов его успеха в бизнесе был в том, что он всегда ставил на нужных людей и при необходимости выжимал из них все соки. Например, компанию «Хьюз эйркрафт» возглавлял Чарлз Томас, бывший морской министр США. Говард жестко контролировал каждого и при этом доверял лишь своему ближайшему сотруднику Чарлзу Торнтону, и именно этот человек его и предал. В середине 1950-х годов стало ясно, что все эти годы Торнтон ловко обирал своего патрона и, скопив денег, приобрел небольшую компанию «Литтон индастриз», которую вскоре превратил в гигантский концерн.

Разочаровавшийся в людях, понемногу сходивший с ума Хьюз в 1966 году отправился на запад США, к мексиканской границе, на еще не освоенные большим бизнесом земли. Незадолго до этого он продал свои авиалинии за 500 млн долларов. С этими деньгами мультимиллионер приехал в Лас-Вегас, вошел в номер отеля, который должен был стать сердцем его империи, закрыл дверь и начал самую крупную в своей жизни игру.

Ходили слухи, что в то время Хьюз говорил: «Я могу купить любого. Или уничтожить!» И это был не блеф. Благодаря своим деньгам и связям мультимиллионер стал практически всемогущим. Его новый менеджер Роберт Мэхью, в прошлом частный детектив и агент ЦРУ, свое дело знал – полмиллиарда,

которые Хьюз привез в Лас-Вегас, вскоре увеличились в шесть раз.

С приездом Говарда в этот город начался новый век игорного бизнеса – без организованных преступных группировок, с привлечением капитала больших корпораций. Чудак купил большинство лас-вегасских казино, 15 гостиниц, телевизионную станцию, аэродром, пивную компанию, заброшенные золотые и серебряные рудники, площадки для гольфа, 35 тысяч акров земли на юге США, авторемонтные предприятия, губернатора штата Лассальта и местного прокурора. И все, что он приобретал, приносило ему новые доходы.

В последнее время историки и исследователи находят все новые материалы из жизни чудака-миллиардера. Есть версия, что, скупая собственность в Неваде, он хотел в конечном итоге полностью уничтожить игорный бизнес и организовать на месте Лас-Вегаса космодром. Оказалось, что Говард также финансировал операцию ЦРУ по подъему со дна океана остатков советской подводной лодки К-129 (проект «Дженнифер»), построив для этого специальный корабль “Glomar Explorer”. Чудак всерьез собирался купить Соединенные Штаты. Приобретать всю страну целиком не было необходимости – президент должен был обойтись гораздо дешевле.

Джин Петерс рассказывала журналистам о страсти Хьюза контролировать все и вся. Например, когда она шла в кафе, супруг отправлял вместе с ней охранников, распахивавших двери, придвигавших стул к столику и протиравших тарелки одноразовыми салфетками. Теперь чудак хотел позаботиться о стране: никаких негров на телеэкране, никаких ядерных испытаний, а только режим наибольшего благоприятствования для «Компании рабочих инструментов Хьюза», действующей без оглядки на законы США. Кандидат от республиканской партии Ричард Никсон взял у Говарда 500 тысяч долларов на избирательную кампанию – и стал в 1969 году президентом страны.

Хьюз между тем не выходил на улицу; его обслуживали несколько мормонов. Ходили слухи, что члены этой религиозной секты не падки ни на женщин, ни на деньги, не увлекаются вином, азартными играми, наркотиками. Их преданность можно купить или завоевать только раз и навсегда.

С верным помощником Робертом Мэхью чудак общался посредством записок. Он не читал биржевых сводок, не следил за рынком: его сознание меркло, и он часами перебирал свои длинные, грязные, спутанные волосы. Но идеи, которые привели его на запад страны, продолжали работать, и гениальная деловая интуиция ему еще не изменила – на окраине США возникала

гигантская промышленная империя. Всего за несколько лет Говард стал одним из самых влиятельных людей в стране.

Американским политикам он внушал священный трепет. Ричарду Никсону (который, говорят, тоже был параноиком) снился притаившийся в Лас-Вегасе спрут – человек без возраста и лица, собирающий компромат на президента США. Но соблазн был силен – Никсон по-прежнему брал деньги у всесильного миллиардера.

А чудак, зарывшийся в пыль и мусор, в это время дрожал за семью запорами от ужаса – ему тоже было страшно. Он и сам не знал, чего боится и зачем ему нужен Ричард Никсон, – от лошадиных доз кодеина фобии Говарда увеличивались в геометрической прогрессии.

В Лас-Вегасе Хьюз занимал восьмой и девятый этажи гостиницы «Десерт Инн», но при этом всегда находился только в одной маленькой комнате с постоянно опущенными темными шторами и никогда не выходил наружу. Сидя в кресле совершенно голый, он целыми днями смотрел старые кинофильмы. Чудак общался с внешним миром только посредством записок, передаваемых через приближенных слуг.

Хьюз давно не мог без них обходиться: в 10 часов 15 минут его будил мормон, который восемь раз щипал миллиардера за левую ногу, обхватывая его грязные пальцы четырьмя стерильными салфетками; мормоны три раза в год меняли ему одежду, пять раз в год мыли его и раз в полгода перестилали постель.

В конце жизни чудак тайно бежал от своих мнимых и явных недругов на Багамские острова, затем в Никарагуа, потом в Мексику. За этим последовали грандиозный переполох в Калифорнии и Техасе, серьезный передел влияния в бизнесе и глобальные изменения в политической жизни США.

Хьюз начал судиться с Робертом Мэхью. Тот не хотел выпускать из рук его империю и уверял, что миллиардера похитили рэкетиры. Говард проиграл процесс Роберту и почти утратил контроль над своей империей – из-за халатности новых менеджеров с его счетов исчезали сотни миллионов долларов. В последние месяцы жизни 70-летний чудак-миллиардер управлял своей империей по телефону, панически опасаясь инфекций и не общаясь с внешним миром. Он совершенно обессилел, его речь стала неразборчивой, рассудок ослаб.

Умер Хьюз 5 апреля 1976 года в самолете по пути из Акапулько в хьюстонскую больницу. Не нашлось ни одной живой души, которую бы тронула смерть того, кто более 30 лет был самым богатым и могущественным человеком в США. Он всю

дорогу прошагал по людям, подминая их, ломая их судьбы и беспощадно отшвыривая любого, кто мешал ему достичь цели.

Чудак-магнат оставил после себя несколько десятков завещаний и состояние в два миллиарда долларов, на которое претендовало около 400 предполагаемых наследников. Однако в конечном счете деньги в 1990-х годах были поделены между 22 дальними родственниками покойного, которые были учителями, служащими и мелкими торговцами. (По другим данным – между налоговой службой США и штатами Калифорния и Техас.)

Выиграв все возможные сражения в бизнесе, политике и на любовном фронте, чудак-миллиардер в жизни проиграл, пожалуй, одну-единственную битву – битву за собственное счастье.

ШАЛИКОВ (ШАЛИКАШВИЛИ) ПЕТР ИВАНОВИЧ

(род. в 1768 г. – ум. в 1852 г.)

Князь, поэт, переводчик и журналист, предмет пародий и насмешек, которому современники дали прозвище «Вздыхалов». Одновременно с этим, Шаликов являлся человеком, истинно (хотя и по-своему) преданным литературе. В течение многих лет он занимал должность издателя журналов «Аглая», «Московский зритель» и «Дамского журнала». Пушкин, перед которым Петр Иванович благоговел, назвал его «поэтом прекрасного пола». Потомкам князь оставил два сборника стихотворений – «Плод свободных чувствований» (1798–1801) и «Цветы граций» (1802), а также несколько прозаических работ. В них отразилась странноватая фигура автора-чудака – в чем-то трогательная, невзирая на комичность.

Грузин по происхождению, Петр Иванович Шаликашвили, который вошел в историю литературы под псевдонимом Шаликов, в начале своего жизненного пути о писательской

карьере и не помышлял. Нет, читать он, конечно же, любил, но не более того. Да и о каком сочинительстве могла идти речь, если князь с малолетства был приписан к одному из полков? Родители ничтоже сумняшеся с самого рождения наметили для сына стандартную для аристократов военную карьеру. Естественно, и сам Петр ни о чем ином не думал.

Служил он недолго, однако репутацию обеспечил себе хорошую. Несмотря на некоторую чудаковатость и манерность, Шаликова считали воякой храбрым, способным быстро принимать важные решения, человеком компанейским, с чувством юмора. Правда, знакомые отмечали также повышенную вспыльчивость Петра и то, что, войдя в раж, он долго не мог остановиться. Не слишком приятной стороной характера молодого человека были присущая ему некоторая злопамятность. Тем не менее Шаликов неплохо проявил себя под Очаковым и в Польше. Затем в 1797 году он усмирял крестьянский бунт, вспыхнувший в Тульской губернии. Постоянная напряженность воинской жизни постепенно стала надоедать Шаликову, который считал себя особой утонченной и чувствительной. Так что при первой же возможности Петр Иванович подал в отставку.

После ухода из армии князь поселился в Москве и решил заняться литературой. Как страстный поклонник карамзинского сентиментализма, Петр Иванович начал создавать поэтические произведения именно в этом, милом его сердцу, ключе. Отдавал должное Шаликов также прозе. Свои работы он обычно публиковал в «Приятном и полезном препровождении времени», «Аонидах», «Иппокрене», «Московском Меркурии», «Патриоте», «Вестнике Европы», «Сыне Отечества», «Благонамеренном», «Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете», «Современнике» и «Московитянине».

Чудаковатый князь, который стал героем многочисленных анекдотов, имел весьма комичную внешность. Это был маленький, щупленький мужчина, который всегда объяснялся с подчеркнутым жеманством, постоянно покачивая головой из стороны в сторону. Он почему-то пребывал в уверенности, что его слова неизменно и в обязательном порядке пленяют собеседников и убеждают их в правоте говорящего. Петр Иванович, стараясь «усовершенствовать» собственный облик, часами не отходил от зеркала. Знавший об этой страсти литератора князь Вяземский, который вполне заслуженно пользовался репутацией остроумной язвы, как-то назвал особо невменяемого знакомого «бесом перед зарею или Шаликовым перед зеркалом».

К литературному творчеству бывший вояка относился трепетно, любил его всем сердцем и считал, что ему лично

принадлежит особое место среди обитателей литературного Олимпа. В 25-летнем возрасте Петр Иванович стал редактором «Московских ведомостей», а позднее, в 1806–1812 годах, издавал журналы «Московский зритель» и «Аглая». В них князь объявил, что «одним из главных предметов внимания» новых изданий будут «хороший вкус и чистота слога, тонкая разборчивость авторов и нежное чувство женщины». Последней работой князя на данном поприще стал выпуск знаменитого «Дамского журнала» (1823–1835), главной темой которого, естественно, стала «нежная чувствительность, сопряженная с моралью». Наряду с произведениями признанных поэтов и писателей, Петр Иванович начал постепенно издавать и собственные работы. О них можно судить по-разному, однако, несмотря на ряд недостатков (например, доведение «чувствительности» до полного абсурда), творчество чудака-аристократа имело одно бесспорное достоинство: Шаликов владел легким, правильным и красивым слогом. Благодаря этому, он способствовал выработке русской литературной речи и освобождению ее от устаревших старославянских выражений. Видимо, поэтому, давая оценку произведениям Петра Ивановича, критики говорили, что он мало в чем уступает Карамзину.

Вот только ориентировался в веяниях времени Шаликов слабо. Вся его проблема как поэта заключалась в том, что князь слишком долго оставался ярым сторонником сентиментализма – даже после того, как ложность этого литературного направления была признана всеми. Видимо, по этой причине деятельность известного издателя обычно характеризуют как вырождение сентиментализма… Собственно, критика безоговорочно признала ценность только одного труда поэта, носившего название «Историческое известие о пребывании в Москве французов 1812 года». Кроме того, Шаликов был неплохим переводчиком Жанлиса и Шатобриана. Что же касается прозаических произведений Петра Ивановича, то и «Путешествие в Малороссию» (1803–1804), и «Путешествие в Кронштадт» (1805) особым успехом не пользовались, поскольку явно писались в подражание «Письмам русского путешественника» и не имели при этом ни одной местной черты. По сути, эти работы были составлены исключительно из «впечатлений».

Восточное происхождение неугомонного чудака постоянно давало о себе знать. Сказалась «горячая кровь» и в эмоциональной наполненности произведений Шаликова. Он, будучи ярым эпигоном Карамзина, с упоением развивал характерную особенность сентиментализма – чувствительность. Причем в работах князя чувствительность и чувственность были сплавлены

воедино. И при этом в реальной жизни, несмотря на все старания изображать утонченную личность, Петр Иванович отнюдь не мог претендовать на причисление себя, любимого, к разряду ангелов… Современники часто говорили о Шаликове как о человеке необузданном, буйном, «без правил и нравственности», злом и крайне раздражительном. В итоге, в то время не было ни одного литератора, чья деятельность вызывала бы такую же лавину насмешек. Из эпиграмм, написанных на Шаликова, можно было бы составить целое собрание сочинений! Имя Петра Ивановича со временем превратилось в нарицательное обозначение приторной, слащавой чувствительности.

Каждый, кто считал себя остроумным, норовил оттачивать язык своего искусства на князе. Шаликов постепенно обзавелся целой связкой обидных прозвищ, среди которых были и такие, как «кондитер литературы», «Вздыхалов», «князь вралей». Все тот же Вяземский, рисуя словесный портрет Петра Ивановича, написал: «С собачкой, с посохом, с лорнеткой, и миртовой от мошек веткой, на шее с розовым платком, в кармане с парой мадригалов…» И дался же ему этот злосчастный платок! Хотя, по правде говоря, сия деталь гардероба Шаликова изрядно намозолила всем глаза. Он никогда не появлялся на людях без этого украшения – причем непременно голубого, розового или «беранжевого» цвета. Чудака нимало не смущал тот факт, что присутствие столь яркого пятна в одежде элегантным считает только он сам…

В 1827 году агент III отделения фон Фок донес Дибичу информацию, касающуюся слухов о возможном назначении Шаликова цензором: «Редактор “Московских ведомостей”… с давнего времени служит предметом насмешек для всех занимающихся литературой. В 50 лет он молодится, пишет любовные стихи и принимает эпиграммы за похвалы. Этот Шаликов не имеет никаких сведений для издания политической газеты и даже лишен природой сметливости».

Работодатель Петра Ивановича, граф Строганов, также посмеивался над ним и откровенно не любил жеманного самовлюбленного мужчину. Однажды, в приступе раздражения, Строганов решил избавить себя от обязанности периодически общаться с Шаликовым и лишил беднягу места. В итоге, старость неудавшегося литератора оказалась печальной: накопления быстро истаяли, и князь едва сводил концы с концами. В результате очередного ухудшения дел он вынужден был удалиться из города и осесть в маленькой деревушке. Отношения князь продолжал поддерживать всего с парой знакомых. При этом общался с ними Петр Иванович лишь в письмах. Да и бывшие

приятели Шаликова не горели желанием особенно часто связываться со стариком, который все чаще просил денег взаймы…

Петр Иванович на самом деле был личностью неординарной. В его характере непостижимым образом уживались странные противоположности: авторское самолюбие и чрезмерное простодушие, сатирическая колкость и тяга к лиризму, осознание собственной физической непривлекательности и претензии в отношении прекрасного пола.

Чудачества князя возникали чаще всего внезапно, под действием момента. Например, он в течение ряда лет практически ежедневно переписывался с Василием Львовичем Пушкиным, но почему-то обязательно в стихотворной форме. Однажды Шаликов вдруг решил, что эти его письма могут представлять интерес для широкой публики, и напечатал их отдельной книгой. Еще одной идеей-фикс Петра Ивановича было убеждение в том, что он в совершенстве владеет французским языком. Переубедить в данном вопросе князя не смог никто. Так что поэт-неудачник, уже прекратив работать и испытывая подчас настоящую нужду, продолжал писать знакомым и издателям в основном на языке Вольтера.

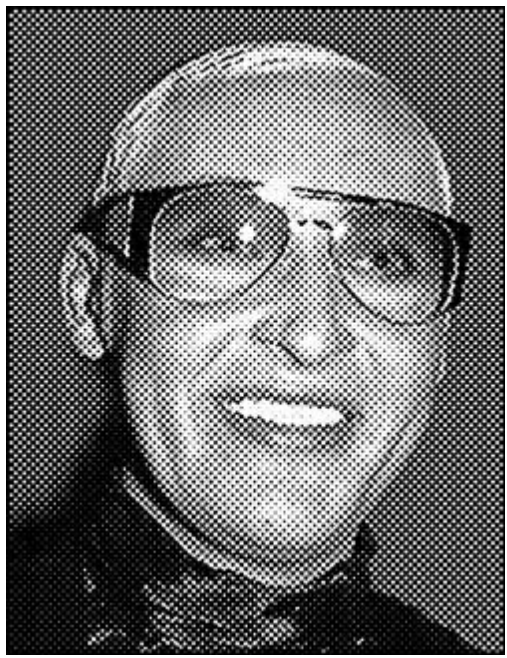
Интересно, что супруга Петра Ивановича, Александра Федоровна фон Лейснау, и его дочери, Наталья и Софья, искренне любили главу своего семейства, относились серьезно ко всем выходкам князя и научились не обращать внимания ни на сложности его характера, ни на анекдоты, героем которых он становился.

Ушел из жизни князь Шаликов 16 (28) февраля 1852 года в маленькой деревушке в Серпуховском уезде. «Поэт прекрасных дам» сумел дожить до глубокой старости – до 85 лет.

ШУРА

Настоящее имя – Медведев Александр

(род. в 1975 г.)

Российский эстрадный певец, которого неоднократно называли самым эпатажным исполнителем современности.

Александр Медведев родился в Новосибирске 20 мая 1975 года. Личность этого лидера хит-парадов окутана настолько плотным коконом слухов и сплетен, что иногда весьма непросто понять, где же заканчивается правда и начинается ложь. Собственно музыкального образования Шура не получил. Его «университеты» ограничились новосибирским рестораном «Русь», где Медведев пел с 13 лет – после уроков в школе. От матери сей факт биографии, кстати, тщательно скрывался. Одноклассники и просто знакомая молодежь ни разу не «продали» Шуру. Зато о «кабацких» университетах» внука была прекрасно осведомлена его бабушка. Подвижная женщина с чувством юмора, она работала в «Руси» поваром и охотно «прикрывала» Сашу, мечтавшего о сцене.

Бытует мнение, что для того чтобы не потерять индивидуальную манеру исполнения, лучше не учиться музыке вообще. И талантливый мальчишка, похоже, быстро это понял. Шура говорит, что у него было много преподавателей, которые пытались научить его петь так же, как это делали они сами. В результате, Медведев предпочел вообще отказаться от какого-либо обучения. К тому же наука использования голоса давалась ему особенно тяжело: из-за отсутствия зубов (в девятилетием возрасте Саша от души схлопотал от брата Миши кеглей в челюсть), неправильного дыхания и неправильного прикуса… «В общем, я весь неправильный. Вот. Но я пою. Там есть учитель, но он выше», – отшучивается звезда. Интересно, что и по сей день Шура не понимает, почему необходимо распеваться. Он просто недоумевает: голос либо есть всегда, либо зачем себя мучить?

О том, как жил певец, пока не приобрел известность, практически никто ничего не знает. Ну, где-то учился, причем с большой неохотой; общеобразовательную школу так и не закончил, «вылетев» после седьмого класса со справкой о «неполном среднем образовании». Отца парень не помнит; больше 20 лет он, его брат, мама и бабушка ютились в однокомнатной квартире. С детства играл в эстрадного певца (сцена сооружалась из чемоданов с прикрепленными к ним по краям бенгальскими огнями, а роль микрофона играла бутылочка из-под лака)… Четыре года ездил пионервожатым в лагерь (представляете себе картинку: Шура, пытающийся «построить» малолетних зловредных подчиненных?!). С ранних лет умел отлично готовить, шить одежду и мягкие игрушки, плести макраме, вышивать; первый костюм он сшил своей матери всего за одну ночь в 13 лет… Одно время вел кружок рукоделия для женщин… Дружил в основном с девчонками – роднила страсть к шмоткам, косметике и дискотекам… На школьных вечерах чаще всего играл роль Бабы-яги… И все. Его личная жизнь тоже, что называется, покрыта мраком. Известно лишь, что с определенного времени на дискотеки, которые устраивались в клубе «Отдых», зачастил, мягко говоря, странный паренек: лакированные туфли на высоченной платформе, черное длинное пальто до пят и черную же кофту с бахромой и люрексом «удачно» дополнял… этакий «дуремарский» колпак! В руках Медведев постоянно таскал большой желтый саквояж. Для чего? А кто его знает! Во всяком случае, ни одна живая душа не видела, чтобы парень хоть раз открывал свой «чемодан»… Неудивительно, что посетители неизменно оборачивались вслед молодому чудаку, иногда откровенно посмеиваясь. А когда Шура достаточно примелькался завсегдатаям клуба, его за глаза стали называть Желтый

Чемоданчик. Парню, похоже, вполне импонировал стиль «чуда в перьях». Чтобы не разрушать «имидж», он никогда не ездил на общественном транспорте, предпочитая такси. Позднее Медведев признался, что в саквояже никогда ничего не было – по той причине, что замок сего патриарха, рожденного на заре производства сумок, был сломан. А обладателем столь оригинальной вещи артист стал случайно. Это произошло в то время, когда Наташа Королева спела песню «Я сяду в скорый поезд, и желтый чемоданчик…» В общем, Шура «запал» на этот шлягер, а затем как-то увидел у приятелей старый саквояж «канареечной» масти. Медведев в случае необходимости умел сочетать убедительность с приставучестью матерого банного листа, так что вскоре стал счастливым обладателем рыжих туфель и вожделенного желтого чемодана.

Нам кажется, что артистом Шура стал благодаря собственной бабушке. Сия достопочтенная дама, повар шестого разряда, очень любила сооружать абсолютно невероятные костюмы и в них петь перед зеркалом романсы. Однажды внук увидел, что его бабуля напялила на себя юбку, щедро «украшенную» бутылочными пробками, и от греха подальше… спрятался в ванной. По счастью, заикой паренек не стал, а затем и вовсе вошел во вкус, по достоинству оценив дизайнерские изыски бабушки. Во всяком случае, сегодня тяга Шуры к экстравагантным туалетам известна всем и каждому.

Распрощавшись со школой, Медведев некоторое время болтался без дела, а затем отправился в Ригу, где окончил двухмесячные курсы дизайнеров-флористов и получил диплом «мастера по составлению икебаны». В середине 90-х годов, когда в Новосибирске стали в невероятном количестве открываться ночные заведения, Саша, совсем как Остап Бендер, «переквалифицировался». Теперь он играл роль «массовика-затейника», умевшего, несмотря на шокирующую экстравагантность, неплохо повеселить публику. Постепенно, но методично молодой человек начал «подтягивать» собственный репертуар – от стандартного набора «ласковомайских» шлягеров до стабильного «клубного уровня». Именно в то время Медведев стал исполнять мелодичные, запоминающиеся песни молодого новосибирского композитора Павла Есенина, создававшего модную музыку с европейским качеством аранжировок. Есенин, кстати, тогда с Шуры денег почти не брал и за соблюдением авторских прав не следил. Так что однажды плутоватого певца «застукали» за выступлением под… фонограмму автора песен. «Новатора» для острастки побили и отпустили на все четыре стороны. А вскоре хозяева одного из ночных клубов решили

вывезти Медведева в Москву – «на заработки»… Но проект почему-то заглох. И тогда настырный исполнитель, у которого даже не было денег на билет на самолет, сам попросил помощи у основателя клуба «Успех», вице-президента федерации карате-до Вениамина Пака. Почему тот дал парню денег, не знает никто…

Там, в столице, Саша Медведев окончательно превратился в Шуру. Впервые чудаковатый исполнитель предстал перед московским зрителем в «Манхэттен-Экспресс». Поскольку его никто не знал, парень напрашивался выступать за еду; ночевал он где придется (часто – на скамейке). Однажды на дискотеке Медведев познакомился с девушкой, которая приютила чудака в комнате в «коммуналке», где обитала вместе с собственным бойфрендом; впоследствии она стала администратором Шуры. Тогда же юное дарование нашло себе «собрата по разуму» – стилиста и модельера Алишера, с которым работает и по сей день. На первых порах Шура «косил» под иностранную звезду. Чего стоил один его макияж, провоцирующий на агрессию: этакий клоун-вампир с «потекшими» глазами и беззубым ртом…

Прорываться на «большую эстраду» Медведеву было очень тяжело. К провинциалу со столь оригинальным имиджем, да еще без надлежащей финансовой поддержки относились, мягко говоря, без особого восторга. Но оказалось, что пародийный образ люмпена Пьеро из заводской самодеятельности подчас сильнее «цепляет» публику, чем буржуазный шик. «Я понимаю, что вызываю агрессию толпы. На меня невозможно адекватно реагировать. Я же не Филипп Киркоров, – говорит сам чудак. – Но если бы не было Шуры, кто поверил бы, что человек без зубов может петь на эстраде? А я доказал, что зубы – не главное». Кстати, когда артиста в клубе «Метелица» поздравляли со званием «Певец года», Киркоров, Пугачева и Агузарова явились «на огонек», чтобы лично поздравить виновника торжества…

На обложке дебютного альбома Шура был сфотографирован в ярко-красном «прикиде», да еще и с сердечком в руках. Стоит ли удивляться тому, что его первыми столичными поклонниками стали посетители местных гей-клубов? Завсегдатаи таких заведений по достоинству оценили закос под «унисекс» и вычурные костюмы. Комичный факт: в то время Шура часто создавал англоязычные песни, составляя при помощи словаря из понравившихся фраз нечто, напоминающее текст. А погрешности дикции скрывали все смысловые «ляпы»… «Бывает, запишешься – и сам не разберешь, чего там получилось», – рассказывал исполнитель. Так что, задумав выпустить второй альбом, он все же решил обратиться к профессионалу-текстовику Эрику Чантурия. Но непредсказуемый Медведев не был бы самим собой,

если бы накануне выхода диска не умудрился вдрызг разругаться и с выпускающей компанией, и с администратором, и с журналистами, и даже с Павлом Есениным.

Естественно, с момента появления Шуры в столице окружающие проявляли к нему нездоровый интерес. А ему, похоже, было откровенно наплевать на сплетни. По весьма понятным причинам столь колоритную личность, прочно «застрявшую» на отечественной поп-сцене, очень любят журналисты. «Акулы пера» вовсю оттачивают зубы на внешнем виде певца, на его экстравагантных выходках, на периодически возникающих слухах. Пишут о Медведеве много. Часто журналисты невежливо величают его «голубым» – правда, бездоказательно. Сам Шура по этому поводу немного возмущается, отстаивая право называться полноценным мужчиной. Однако к представителям сексуальных меньшинств он относится совершенно спокойно: мол, именно среди таких людей «нетрадиционной ориентации» чаще всего попадаются самые яркие таланты. Когда же в беседе с артистом очередной репортер пытается выяснить, к какому же типу дам звезда питает особое расположение, бывший Желтый Чемоданчик нетерпеливо отмахивается: лишь бы девушка была доброй и честной. Блондинка-брюнетка-рыжая-полненькая-худенькая… и т. д.? Да какая, собственно, разница? Человек хороший – и отлично. А остальное – дело моды и настроения. Все, так сказать, зависит от диеты, вдохновения парикмахера, возможностей современной химической промышленности и минутного настроения… И тем не менее, чаще всего артист «входит в раж» при женщинах, которые напоминают ему его собственную мать, – стройных привлекательных блондинках.

При всей «любви» прессы к его персоне, Шура к журналистам относится с явной симпатией. Мол, хуже, чем мой имидж, уже не придумаешь! А раз так, то почему бы не пообщаться? Подумаешь, написали, что спит с мужиками или зубы себе специально выбил! «Чтобы ни выдумывали, да на здоровье», – пожимает плечами чудак. Пожалуй, в чем-то он прав: бить себя в грудь и доказывать, что очередная статейка – лишь плод фантазии автора, себе дороже. Ведь желающих сунуться к бочке меда со своей личной ложкой дегтя всегда найдется предостаточно. Да будь ты хоть образцом добродетели, и то найдут, в чем упрекнуть! А если не найдут – тебе же хуже. Значит, удачно маскируешься…

Люди, которые сталкивались с Медведевым лично, в один голос утверждают, что с ним общаться невероятно трудно; тем не менее, должное способностям певца отдавали все.

Примером того, как Шура работает, может служить история

со съемками его первого клипа «Холодная луна». Тогда Медведев успел довести до белого каления всю группу: он был недоволен сценарием, съемками, погодой, режиссером, актерами… Певец не просто показал, что ожидал лучшего; он сделал демонстрацию своего недовольства предельно доходчивой и наглядной – топал ногами, орал, хамил. А в конце Шура приволок на съемочную площадку двух трансвеститов, потребовал снять их в «Холодной луне» и выплатить новоявленным «артистам» 200 $. Оказалось, «сладкую парочку» Медведев раскопал в одном из питерских клубов…

Тернистый путь к славе сделал характер артиста весьма колючим. Он невероятно капризен, легко срывается на скандал, преступно необязателен (может не явиться на установленную встречу или просто опоздать – часа на два), в состоянии аффекта истеричен и запросто посылает всех присутствующих по стандартно нецензурным адресам. Сложно сказать, как при этом чудаковатый исполнитель не стал изгоем в приличном обществе, а сделался его любимцем. Вот уж действительно неисповедимы пути судьбы и неистощимо ее чувство юмора!

К счастью, в обычной жизни чудаковатая звезда, хотя и имеет весьма неординарный вид и замашки, опасности для здоровья окружающих не представляет, хотя общаться с ним и правда нелегко; существует круг вопросов, которые при беседе с Шурой лучше не затрагивать. А так – классический экземпляр «чуда в перьях» на своей волне: в меру резок, в меру любезен, в меру привирает, отличается явной самовлюбленностью и железной уверенностью в собственном великом будущем. После недолгого общения понимаешь, что один диагноз – скромность – можно навсегда исключить из списка причин, способных сократить жизнь этой звезды…

Не так давно артист, которого часто злорадно величали «самым беззубым певцом России», решил ликвидировать этот досадный дефект и передал свое бренное тело в руки специалистов-стоматологов из известной московской клиники. Ранее Шура обращался за помощью к американским медикам, но… западные врачи заломили за услуги весьма солидную цену: 15 000 долларов. Медведев величественно отказался и решил поддержать отечественных специалистов. Однако и тут чудаковатый артист «не вписался» в общепринятые рамки. Красивую улыбку он восстановил лишь частично, оставив промежуток между зубами – как бы из-за технической невозможности исправить данный недостаток. «Я не буду вставлять зубы «от» и «до», как у всех нормальных людей. Извините, я сделаю так, как нужно мне», – заявил Шура.

Прошло какое-то время, и бывший Желтый Чемоданчик несколько изменил собственный «опереточный» образ, включив в свой гардероб юбки, боди в обтяжку, огромные ботинки и стильные туфли. Обувь на невероятной по размеру платформе, похоже, вообще получила решительную и бесповоротную отставку. Вместе с рожками на голове и прочей чертовщиной. Место маленьких очков на «звездной» переносице заняла внушительная конструкция в роговой оправе с толстенными линзами. Вместе со стрижкой «а-ля завиток» и щетиной, больше напоминающей иголки кактуса, это уж никак не укладывалось в рамки образа, успевшего стать «визитной карточкой» Шуры. Что это – признак взросления? Вряд ли. Кто знает, какие новые сумасшедшие идеи могут появиться в голове сумасбродной звезды? Подобные прогнозы не рискнет делать ни один здравомыслящий человек. Да и сам Шура часто говорит, что не может достаточно долгое время пребывать в одном конкретном образе: скучно, мол, так и тянет чего-нибудь отчебучить… А вот с чем Медведев не расстается, так это с шикарным бабушкиным платком, расписанным доблестным поваром шестого разряда собственноручно. На концерте сей оригинальный предмет гардероба часто играет для Шуры роль юбки… Кроме того, «в активе» исполнителя появились кожаные трусы, прозрачные гольфы, огромные черные башмаки. Дабы совсем уж не расхолаживать публику, он перекрасил волосы в антрацитовый цвет и для пущего эффекта вплел в них лампочки от китайского фонарика… В общем, Шура неисправим!

Еще не так давно артист заявлял, что находится буквально на пороге нового витка своей творческой биографии. Однако подробностями делиться не спешил. А пока публика раздумывала, чего же еще можно ожидать от артиста, он заключил эксклюзивный договор с НТВ. По его условиям, о новом облике теперь уже «зубастого» певца впервые будет рассказано в одной из программ «Принцип домино».

В будущем Шура мечтает попробовать свои силы в кино. И не просто сняться у кого-нибудь. Нет, он горит желанием работать у самого Эльдара Рязанова! Но чтобы непременно с собственным сценаристом, и все хорошенько обсудить… Предложения от Рязанова Медведев покуда не получал. Однако он не расстраивается по этому поводу, говоря, что подождет еще немного, и явится к режиссеру сам – с деньгами и готовым сценарием. «Комедия будет еще та!» – предупреждает Шура. И ему заочно верят.

Интересно, что имидж «чуда в перьях» нисколько не тяготит этого неординарного исполнителя. Напротив, Шура-сценический

образ и Шура-обычный человек абсолютно идентичны. Именно поэтому Медведев не боится критики в свой адрес. Да, мягко говоря, странный. Да, шокирующий. Да, избыточно эмоциональный и самовлюбленный. Ну и что?! Ведь, как ни странно, он при этом еще и хорошо поет… А наличие у парня определенного шарма не будет оспаривать даже самый предвзятый зритель.

Интересно, что Медведев после концертов не выбрасывает подаренные ему цветы. Артист отвозит букеты домой, в Новосибирск, и вместе с матерью создает из них удивительные живые картины. Еще одно чудачество? Зато какое! Профессиональное, можно сказать, поскольку Шура как-никак дизайнер-флорист. Он никогда не остается один, постоянно собирая вокруг себя пеструю «свиту». Эти «сопровождающие лица» часто говорят о том, что Медведев очень ценит доброту и честность и терпеть не может злых людей, просто как ребенок. А еще он – неисправимый… романтик! Например, не принимает понятия «друг», поскольку считает, что у человека может быть масса знакомых и приятелей, в то время как другом до гроба должна стать только жена… Зимой (любимое время года артиста) Шура больше всего любит смотреть на небо, считать звезды и пить чай с можжевеловым вареньем. А еще он верит не только в свои силы и успех, но и в… сказки.

Медведев – законченный киноман. Но, намертво прилипая к экрану во время просмотра практически любого фильма, он на дух не переносит столь популярный жанр, как боевик… Зато от качественной, дорогой фантастики – «Когда понимаешь, что тебя не обманывают!» – получает искреннее удовольствие. А еще Шура очень любит принимать гостей; он охотно готовит (видимо, сказалась наследственность!), накрывает на стол. А вот заставить артиста мыть посуду – выше человеческих сил. Что ж, на то он и чудак, чтобы иметь свои, понятные только ему одному, «пунктики».

Кстати, в Москве у Шуры долгое время не было собственной квартиры. Столичная жизнь вообще штука дорогая, так что артист жил у друзей. Свободных денег, несмотря на популярность, у него мало. Львиную долю заработков съедают новые шоу. Например, на выступление в концертном зале «Россия» Шура ухлопал совершенно нереальные деньги; артист сам оплатил декорации Бориса Краснова, а также сшил 12 новых костюмов у известного французского модельера Жан-Поля Готье. Кстати, один такой «прикид» обходится в 10 000 долларов…

И еще одна странность: Шура, что называется, «с упорством маньяка» до недавнего времени пел только песни, написанные

Павлом Есениным. В третьем альбоме исполнителя их 12… И хотя Есенин в настоящий момент «пашет» и на других исполнителей – Илью Оболенского, Диму Маликова, Александра Маршала, “Hi-Fi” – бросать своего Шуру он явно не намерен. Да и певец заботится о сохранении этого, по его мнению, на редкость удачного творческого союза. И вдруг артист начал работать и с Игорем Крутым. Почему певец изменил устоявшейся традиции, он объяснил так: Крутой, мол, поможет ему расстаться со студией «Союз», с которой у певца подписан контракт…

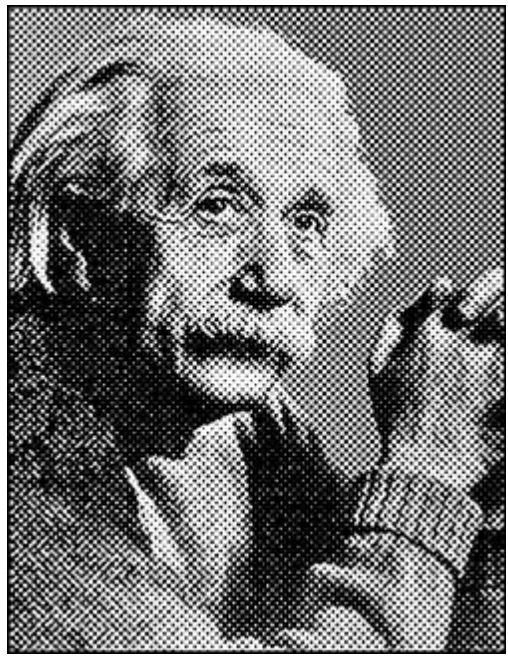
Чудаковатый артист имеет собственных почитателей не только в России. Его хорошо принимают в Швейцарии и Америке. Интересно, что Шура приволок из Швейцарии горнолыжные ботинки и очки – они, видите ли, отлично смотрятся на сцене! Хорошо, хоть лыжи не захватил…

И еще одна странность: поскольку артист считает, что для всех поголовно хорошим стать нельзя, он старается быть пай-мальчиком исключительно для собственной родительницы. Светлана Медведева весьма критично относится к творчеству сына и очень скупа на похвалы. Нет, назвать Шуру после концерта «умничкой» она не забывает, но хвалит по-настоящему редко. Зато мать не препятствовала Шуре, когда он решил ехать покорять Москву. Ей, видимо, шестое чувство подсказало, что ее ребенка ждет большая удача и главное в данном случае – просто не мешать… Когда же Шуре потребовались деньги на первые записи, женщина, не сказав ни слова, продала свою шубку. Сегодня она с улыбкой вспоминает то время, когда ее сын только начинал прокладывать себе дорогу, выступая в ночных клубах едва ли не за тарелку супа… Первый свой приезд в Москву Светлана, едва не заработавшая нервный тик от газетных статеек и обсуждений имиджа ее сына, запомнила на всю жизнь. Шура устроил ей настоящий праздник: поселил в прекрасной гостинице, подобрал одежду в дорогом магазине, отвез к хорошему парикмахеру, стилисту… А «в довесок» приволок столько роз, что они не поместились даже в ванну.

Сегодня чудак упорно топает вперед, к одному ему ведомой мечте. И скорее всего, непредсказуемому Шуре снова повезет, поскольку он уже успел доказать: на свете действительно нет ничего невозможного…

ЭЙНШТЕЙН АЛЬБЕРТ

(род. в 1879 г. – ум. в 1955 г.)

Великий ученый, Альберт Эйнштейн в 37 лет был признан величайшим физиком-теоретиком нашего времени, равным Ньютону. Этот человек, свято веривший в то, что ценна только та жизнь, которая прожита для людей, для целого поколения стал пророком разума и мира. Он отдал теоретической физике всю свою жизнь. Интересно, что многие коллеги чудаковатого ученого считали, что он понапрасну растратил силы во второй половине своей жизни. Долгое время говорили, что именно этот удивительный человек несет ответственность за создание атомной бомбы и страшную трагедию Хиросимы и Нагасаки. Но, по существу, открытие деления атомного ядра и цепной реакции никак не связано с работами Эйнштейна, а письмо ученого к Рузвельту в 1939 году имело особое значение. Фактически в данном случае знаменитый физик сыграл роль… почтового ящика!

Альберт Эйнштейн родился в семье мелкого коммерсанта в Ульме (Вюртемберг, Германия) 14 марта 1879 года. Предки великого физика (евреи) осели в Швабии около 300 лет назад,

поэтому сам Эйнштейн до конца жизни сохранял мягкое южногерманское произношение. В семье к религии относились равнодушно. Родители Эйнштейна были относительно обеспеченными людьми, так что Альберту не пришлось столкнуться с ужасами нищеты.

Будущий ученый в детстве не отличался особыми способностями, некоторые его считали отсталым. Например, он очень поздно начал говорить, и многие вещи усваивал с видимым трудом. Это кажется особенно странным, если учесть тот факт, что математический дар, как правило, проявляется в очень раннем возрасте. Однако математические способности Эйнштейна «всплыли» достаточно поздно; признаки быстрого развития стали обнаруживаться у мальчика, лишь после 10 лет. При этом стоит говорить скорее о развитии характера, а не интеллекта. Так что в начальной католической школе в Ульме Альберта считали посредственным и не слишком развитым ребенком… Да и сам мальчик к учебе относился равнодушно.

Когда Эйнштейну исполнилось 10 лет, его семья переехала в Мюнхен. Альберта зачислили в одну из городских гимназий, которую мальчик практически сразу люто возненавидел. Интересно, что отношение к гимназии у него не изменилось и по прошествии шести десятков лет. Дело в том, что порядки в учебном заведении были буквально пропитаны духом милитаризма, а его-то Эйнштейн терпеть не мог. Школа, в которой дети маршировали, а учителя отдавали приказы, где муштра ставилась во главу угла, не могла не напоминать казарму. Альберт же приходил в ужас от принуждения в любой форме – умственной, эмоциональной или физической.

Уже в 10 лет Эйнштейн всецело и с полной уверенностью полагался на собственный разум. И если в раннем детстве ученый пережил период повышенной религиозности, то с 12 лет и до самой смерти он исповедовал нечто, напоминающее космическую религию неверующего. Эйнштейн говорил: «Я верю в Бога Спинозы, который раскрывается в гармонии всего сущего, а не в того Бога, который управляет судьбами и поступками людей».

В гимназии у Альберта были хорошие, – но не более того! – отметки по математике и физике, однако мальчик уверенно определил для себя дальнейший жизненный путь, решив связать свою судьбу именно с этими предметами. Остальные же школьные дисциплины будущего ученого абсолютно не привлекали. Он не любил большинства предметов и просто не считал нужным преуспевать в них. Так что в этом вопросе Эйнштейн разительно отличался почти от всех будущих светил науки, которые обычно заканчивали школу с великолепными

отметками.

Тем временем дела у отца Альберта в Мюнхене шли плохо. Пытаясь наладить коммерцию, он перебрался в Милан, но там ситуация лишь ухудшилась. 15-летнего подростка родители с собой в Италию не взяли, поскольку ему было необходимо закончить гимназию, а на новом месте семье только предстояло устраиваться. Разлуку с матерью и отцом Альберт воспринял легко; он уже тогда отличался крайне независимым умом, а за шесть месяцев одиночества принял решение кардинально изменить собственную жизнь. Для начала будущий физик отправился в Милан, чтобы поговорить с родителями. Те, вопреки ожиданиям, одобрили планы сына и не стали ему мешать ненужными советами и опасениями. Так что Эйнштейн вскоре бросил ненавистную гимназию и отказался сдавать выпускные экзамены. Затем парень решительно порвал с еврейской общиной, в которой и без того состоял лишь формально. И наконец, он отказался от немецкого гражданства. Таким образом, будущий ученый изменял навязанные ему жизнью обязательства.

Альберт хотел поступить в Политехнический институт в Цюрихе, чтобы стать инженером-электриком. Его отец был не в состоянии оплатить обучение сына в столь серьезном и престижном заведении. Но другие члены рода Эйнштейнов, живущие в разных странах Европы, решили помочь молодому родственнику. Однако на вступительных экзаменах в 1895 году Альберт провалился: он блестяще сдал те предметы, которыми интересовался, но показал себя неучем в других областях. Так что пришлось будущему физику в течение года учиться в швейцарской кантональной школе. Обучение давалось Эйнштейну нелегко хотя бы потому, что он успел достичь уровня зрелости, характерного лишь для немногих людей даже более солидного возраста.

Сдав экзамены, в 1896 году молодой человек вновь отправился в Цюрих и подал заявление на педагогический факультет Политехникума, так как решил стать учителем физики. Но и здесь новоявленный студент столкнулся со столь ненавидимой им муштрой. Больше всего подавляли талантливого молодого человека… экзамены! Он жаловался, что сей вечный кошмар студенчества сковывает его ум и отбивает охоту учиться. Видимо, именно поэтому Эйнштейн в течение целого года после окончания института шарахался от занятий наукой, как черт от ладана. Тем не менее с преподавателями Альберту удивительно повезло: он учился (если говорить честно, с заметной ленцой) у выдающегося ученого Минковского. Кроме того, общий уровень преподавания в Политехникуме был высоким; у Альберта в то

время появилось много друзей, которые восторгались этим чудаком, считая его существом не от мира сего. Недовольство Эйнштейна вузом крылось в том, что ни тогда, ни после не существовало учебного заведения, способного удовлетворить требования столь неординарного человека, чья независимость не укладывалась ни в какие рамки. Видимо, по этой причине все необходимые дисциплины Альберт сдал без блеска, и в институте его не оставили даже на самой простой должности. Так что новоиспеченный дипломированный специалист в 1900 году остался безработным…

Поддерживать Эйнштейна было некому; если в годы студенчества родители помогали сыну материально, то после окончания института они посчитали, что Альберт должен сам зарабатывать себе на жизнь. Пару раз молодой человек, единственным достоянием которого на тот момент являлся поношенный костюм, устраивался на временную работу преподавателем. Ситуация изменилась тогда, когда приятель Эйнштейна, Марсель Гроссман (впоследствии сам ставший видным ученым), уговорил своего отца устроить Альберта хоть куда-нибудь. Марсель также убедил друга в том, что для современной физики математика просто необходима. Гроссман-старший, состоятельный швейцарский промышленник, решил, что учитель-физик вполне подходит для должности… эксперта патентного бюро в Берне.

Новая работа, которую чудаковатый молодой человек получил в 1902 году, оказалась не слишком сложной. Эйнштейн, обладавший редкой способностью отбрасывать все наносное, второстепенное и видеть суть проблемы, оказался для патентного бюро настоящей находкой. К тому же он был не лишен практической сметки, очень интересовался разными усовершенствованиями и прекрасно в них разбирался. Так что вскоре Альберту повысили жалованье. А все свободное от работы время 23-летний физик проводил в раздумьях о природе Вселенной.

Несмотря на то что мышление Эйнштейна было абстрактным, большую роль в его исследованиях играла интуиция. Работая в лаборатории над созданием своей теории относительности, Альберт понял, что ему не хватает математических знаний, которыми оперировали первоклассные физики-теоретики. Поэтому молодой человек старался расширить свои познания в данной области. При этом Эйнштейн шутил, что великие открытия делаются… невеждами, которые не знают, что что-то сделать невозможно…

Одновременно с работой в патентном бюро Альберт начал

писать научные статьи. Пять его работ были опубликованы в 1905 году в «Анналах физики». При этом три статьи принадлежали к числу величайших в истории этой науки. Одна из них, давшая объяснение фотоэлектрического эффекта, спустя 16 лет принесла Эйнштейну Нобелевскую премию. В другой, рассматривавшей так называемое броуновское движение, автор показал, что движение частиц в данном случае подчиняется конкретному статистическому закону. А третья посвящалась изложению знаменитой теории относительности, соединявшей воедино такие понятия, как материя, пространство и время.

Интересно, что в своих научных трудах Эйнштейн никогда не приводил каких-либо цитат или ссылок на авторитеты. Манера изложения гениального физика разительно отличалась от работ его коллег-теоретиков. Обычно в статьях Эйнштейна было много логического анализа, но удивительно мало математических расчетов, но доводы при этом выглядели несокрушимыми.

Работы молодого физика буквально потрясли научный мир. Уже через несколько месяцев после выхода статей Эйнштейна польские специалисты заявили, что в мире появился новый Коперник – ни много, ни мало! А спустя еще четыре года крупнейшие немецкие теоретики назвали «отца» теории относительности гением. В общем, с момента выхода знаменитых статей пространство и время навсегда перестали быть тем, чем считались прежде, масса стала одной из форм энергии, а квант и атом обрели реальность.

Вскоре после начала работы в Берне Альберт женился на сербке Милеве Марич, которая училась вместе с ним в Цюрихе и была на четыре года старше супруга. Собственно, это единственное, что можно достоверно сказать о первой спутнице жизни ученого. Швейцарские знакомые часто удивлялись, что такой остроумный человек, как Эйнштейн, мог связать свою судьбу со столь угрюмой и малоодаренной особой. Однако ряд биографов говорят о Милеве просто как о скрытном, меланхоличном человеке, очаровательно беззащитном и преданном. Сложно сказать, был ли этот брак несчастливым с самого начала. Ученый не любил распространяться о своей личной жизни, а домыслы тут, по понятным причинам, неуместны. Вполне возможно, что в этом браке Альберт искал «пуританскую сдержанность», необходимую, по его мнению, для ученого, занятого поисками истины. Ведь чувственность Эйнштейн считал оковами, от которых надо обязательно освободиться!

Как бы там ни было, Милева и Альберт воспитывали двоих сыновей. Первый ребенок родился, когда Эйнштейну исполнилось

26 лет. Но если старший из братьев не доставлял родителям никаких хлопот (он легко учился, был целеустремленным и волевым человеком, а со временем стал крупным специалистом по гидравлике, профессором Калифорнийского университета), то младший был настоящим семейным горем. Он унаследовал депрессивную психику своей матери, постоянно «кочевал» от кризиса к кризису; здоровье парня также постепенно ухудшалось, вызывая вполне обоснованные опасения.

Семейная жизнь Эйнштейна тем временем бодро и уверенно… шла ко дну. В конце 1909 года ученый стал экстраординарным профессором теоретической физики в Цюрихском университете, а после трех семестров получил почетное приглашение на кафедру теоретической физики Немецкого университета. Когда ученый перебрался в Прагу, его брак уже трещал по швам. На новом месте Альберту очень не понравилось. Когда Эйнштейн принял предложение занять в университете должность профессора, он как-то упустил из виду, что тем самым становится чиновником империи Габсбургов. А значит, для начала должен заявить о своей религиозной принадлежности. Тут в дело вступил дух противоречия, и поскольку в Австрии был силен антисемитизм, ученый, давным-давно порвавший с еврейской общиной, «вспомнил» о своем происхождении… В общем, в Праге физик надолго не задержался. Тем не менее, именно в этом городе в 1911 году Эйнштейном были заложены основы релятивистской теории тяготения. А летом следующего года он возвратился в Цюрих, на кафедру математической физики в Высшей технической школе.

В апреле 1914 года Эйнштейн, уже будучи членом Академии наук (1913), переехал в Берлин, оставив семью дома. Его брак распадался, и ученый давно чувствовал это. Особенно тосковал он по сыновьям. Но… «склеить» отношения супругов не могла уже никакая сила в мире. Германии суждено было на 19 лет стать домом для чудаковатого ученого с мировой славой.

Так получилось, что в Берлин Эйнштейн попал всего за несколько месяцев до начала Первой мировой войны. Пацифист по духу, знаменитый физик с ужасом наблюдал за тем, как его коллег из Прусской академии наук охватывает то состояние, которое он называл «тевтонским сумасшествием». Естественно, этот чудак осмелился высказываться против настроений, которые в Берлине на тот момент считались единственно правильными, и упрекать немецких ученых в том, что они ведут себя так, будто «у них восемь месяцев назад удалили головной мозг». Защищало физика лишь то, что он все еще являлся подданным Швейцарии…

Пожалуй, обрести душевный покой и найти свое личное

счастье в Берлине, где царила атмосфера милитаристского угара, мог только такой оригинал, как Эйнштейн. Но пути Господни неисповедимы! Во всяком случае, именно в Берлине Альберт встретился с дочерью своего дяди… Эльза как раз успела развестись после неудачного замужества; вскоре ученый, оформив развод с Милевой Марич, женился на своей нетребовательной, жизнерадостной кузине. Она, не имевшая, в отличие от первой жены Эйнштейна, ни малейшего понятия о высшей математике и ничего не понимавшая в работах мужа, отличалась удивительной проницательностью и прекрасно разбиралась в людях. Эльза сумела оградить своего чудаковатого супруга от всех житейских неприятностей, предоставляла ему необходимую свободу и с пониманием относилась к его стремлению к уединению. Видимо, это стало причиной окончания периода спада в научной деятельности Эйнштейна. Практически сразу после женитьбы знаменитый физик стал работать с утроенной энергией и вскоре достиг небывалого творческого подъема. Уже в 1916 году он опубликовал свою общую теорию относительности, а затем и гипотезу о замкнутой (пространственно конечной) Вселенной. Коллеги ученого единогласно признали, что новая теория почти безоговорочно верна и по своей значимости является одним из величайших достижений человечества. И вот что интересно: если все другие открытия, принадлежащие этому удивительному человеку, могли бы совершить и его коллеги, только позже, общая теория относительности, распространившая идеи частной теории на гравитационное поле, вряд ли родилась бы в другой голове на протяжении еще многих поколений.

После опубликования этой работы Эйнштейн занял в науке совершенно беспрецедентное место. Кто может объяснить, почему живым символом науки, перед которым благоговели современники, стал человек, значения трудов которого большая часть населения земли не понимала? Видимо, никто. И тем не менее, Эйнштейн превратился в кумира своего времени, был признан живой легендой и едва ли не существом высшего порядка!

В 1916–1917 годах вышли работы ученого, посвященные квантовой теории излучения. Выдвинутые в них идеи стали теоретической основой современной лазерной техники. А уже в 20-е годы XX века чудаковатый академик решил, что настала пора активно поддержать международный пацифизм. Своей общественной деятельностью он часто вызывал удивление у прагматичных американцев, которые со временем стали обвинять великого физика в детской наивности. Но Эйнштейн не был наивен, просто он, стараясь полностью обособиться от других

людей, чувствовал себя в долгу перед ними… Особую же ответственность перед миром, по мнению физика, несли ученые. Он говорил, что основной целью науки должна стать именно забота о каждом конкретном человеке и его судьбе. «Никогда не забывайте об этом среди ваших чертежей и уравнений!» – предостерегал Альберт своих коллег.

Когда в Германии к власти пришел Гитлер, Эйнштейн гораздо быстрее многих политических деятелей осознал, сколь мрачное будущее ожидает мир. А раз пришло время становиться по одну из сторон баррикад, физик начал открыто выступать против фюрера. Естественно, он не мог не понимать, что стал для Гитлера «врагом номер один» и что при попытке вернуться в Германию обязательно простится с жизнью. Поэтому ученый большую часть 1933 года провел во фламандском городке Ден-Хаан (Кок-сюр-Мер), где основал своего рода столицу для ученых-беженцев.

Эйнштейн любил маленькие страны. Особенно ему нравились Бельгия и Голландия, но в них он не мог укрыться от нацистов. Так что пришлось знаменитому физику перебираться за океан. В США «отец» теории относительности поселился в Принстоне и получил американское гражданство, одновременно оставаясь подданным Швейцарии. Несмотря на налаженность быта, он ощущал себя изгнанником. Кроме того, мир Эйнштейна, дававший ему столько радости и вдохновения, начал рушиться на глазах: вскоре после переезда умерла Эльза, а младший сын физика попал в одну из психиатрических клиник Швейцарии; причем не оставалось никакой надежды на выздоровление больного. Чудаковатый ученый стал замыкаться в себе и окончательно растерял свою веселость. У него оставались только два устремления: работать над разгадками законов Вселенной и выполнять свой долг перед человечеством.

С наукой Эйнштейн не расставался до конца жизни. При этом гений, что называется, «шел против течения», не беря в расчет утверждения самых уважаемых физиков своего времени – Бора, Борна и Гейзенберга. Оппоненты Эйнштейна считали, что основные законы выражаются статистически, а когда возникают квантовые явления, «Бог должен играть в кости». Но гениальный чудак продолжал отстаивать идею возможности создания одной великой теории поля, в которой снова возникнет традиционная концепция случайности… Правда, за 40 лет работы Эйнштейну так и не удалось открыть эту теорию. Коллеги же, преклонявшиеся перед ученым, считали, что этот «упрямый старый грешник» зря растратил половину своей жизни.

Как же человек, которого часто называли «совестью мира»,

мог стать причиной рождения такого кошмара, как атомная бомба? Да никак! Дело в том, что история с письмом к Рузвельту в свое время получила неправильное толкование. Ведь работы Эйнштейна не имели, по сути, ничего общего с открытием, а тем более применением деления атомного ядра. И вообще, о возможности использования внутриатомной энергии в практических целях физики говорили задолго до открытия деления урана (оно, кстати, было осуществлено экспериментальным путем без участия теории Эйнштейна). К тому же над проблемой создания атомной бомбы физики-атомщики бились еще с начала 1939 года! Что же касается правительств ряда стран, то их специалисты проинформировали о возможности изготовления нового оружия задолго до того, как Эйнштейн подписал злополучное письмо Рузвельту. Просто группа ученых-эмигрантов, не имевших возможности напрямую связаться с Белым домом, обратилась за поддержкой к «отцу» теории относительности… У данной проблемы имелся еще один аспект: ученый-пацифист считал своим долгом подписать обращение коллег к американскому президенту хотя бы по той причине, что нацисты могли изготовить атомную бомбу первыми и благодаря этому захватить мировое господство. Чем это грозило человечеству, Эйнштейн понимал прекрасно…

Интересно, что чудак-физик вообще не был в курсе работ по созданию нового оружия массового уничтожения. Когда его коллеги вовсю протестовали против использования атомной бомбы в войне с Японией, Эйнштейн молчал. Почему? Да он просто не подозревал, что бомба уже почти готова! Так что известие о трагедии Хиросимы и Нагасаки застало ученого врасплох. Теперь перед ним встал вопрос о том, что же делать человечеству, когда страшное оружие уже существует. И чудак стал призывать к созданию единого мирового государства, высказывать мрачные предположения относительно будущего земли, убеждать, что создание водородной бомбы сделает технически возможным уничтожение всей жизни на планете. В итоге, недоверие к ученому в США резко возросло, его просто перестали слушать. Но Эйнштейн продолжал вместе с другими специалистами настойчиво требовать трезво оценить ситуацию, в которую человечество поставило себя само. Последнее такое письмо он подписал за неделю до собственной смерти.

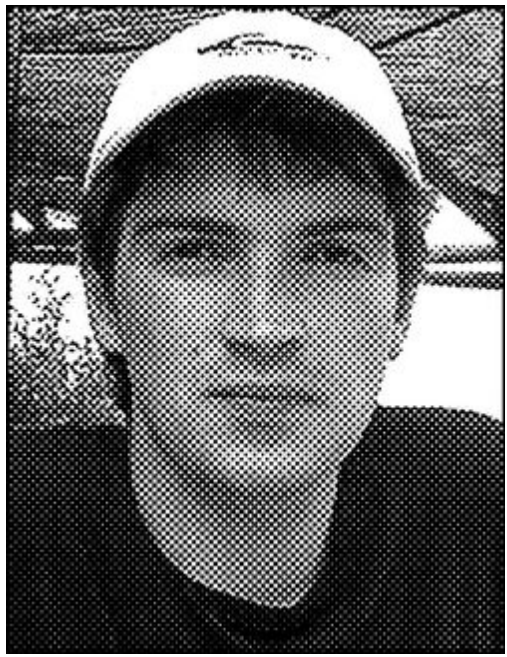
Под конец жизни Эйнштейн сильно сдал. Много проблем приносила ему болезнь кишечника и печени, а со временем к этому «букету» добавилось тяжелое заболевание аорты. Странно, но страдавший от сильных болей ученый находил в себе силы оставаться спокойным и приветливым. Понимая, что смерть уже

близка, он, тем не менее, игнорировал ее приближение и старался как можно меньше внимания уделять собственному состоянию. Эйнштейн продолжал работать, а на осторожные замечания врачей заявлял, что смерть свою встретит спокойно и без сожаления. «Свою задачу на земле я выполнил», – безмятежно говорил он.

…17 апреля 1955 года, ночью, чудак-ученый вынужден был оторваться от объемистой рукописи с новыми уравнениями. Эти строчки являлись очередной ступенью к единой теории поля. Но сильные боли не давали старику сосредоточиться. Что ж! Рукопись не без сожаления была отправлена на прикроватный столик. Ведь завтра будет новый день, боль утихнет, и появится возможность вновь заняться работой. С Эйнштейном такое случалось не раз, поэтому он не мог ожидать, что новый день наступит для всех, но не для него… 18 апреля на рассвете у великого физика произошло прободение стенки аорты, которое привело к мгновенной смерти. Прах гениального чудака, согласно его последней воле, был развеян друзьями покойного в месте, которое навсегда должно остаться неизвестным…

ЮХИН АРТЕМ

(род. в 1974 г.)

Российский программист, разработавший алгоритм трехмерного распознавания человека по геометрии лица. Для этой цели он со своим однокурсником Андреем Климовым спроектировал и запатентовал беспроводной оптический трехмерный сканер.

Дипломнику Бауманского училища не хотелось чертить десять листов формата А1 со всякими призмами и прочими фигурами. И он придумал метод, позволявший распознавать людей по геометрической информации.

Сейчас Артем – член совета директоров, директор фирмы по технологии, а Андрей Климов – вице-президент. У фирмы A4Vision (ее название расшифровывается как Application for Vision – «приложения для зрения») два офиса в США, по одному в Швейцарии и Москве. У входа в свой кабинет хозяин заглядывает в маленькое зеркальце – и после этого звучит электронный голос: «Привет, Артем, заходи!» Дверь открывается. Похоже на сказку «Али-баба и сорок разбойников» со знаменитым заклинанием «Сим-сим, откройся».

Фирма Юхина уже оценивается в 30 млн долларов. В отличие от некоторых российских олигархов, он ничего не приватизировал и не строил финансовых пирамид. В изобретенную в 1999 году выпускником МГТУ им. Н. Э. Баумана технологию вкладывают деньги правительства США, Италии, Франции, Англии, Японии, Швейцарии, Сингапура и других стран. Поэтому у Юхина есть все шансы стать русским Биллом Гейтсом.

Артем родился в 1974 году в Москве. Родители – математики, закончили в свое время Московский государственный университет. В школе мальчишка отличником не был, а даже наоборот. По его словам, он начал уходить из дома, когда ему было 13 лет. Подросток жил жизнью хиппи, часто уезжал к друзьям в Ленинград (ныне Петербург) – порядочно потрепал нервы родителям.

«А еще в детстве мне очень нравилось врать, фантазировать, – вспоминал он в одном из интервью. – В какой-то момент я понял: гораздо легче превращать в красивые истории правду, чем неправду. Потому что когда неправду превращаешь, бывает много несостыковок. Не врать никогда – первое, чему я научился».

В МГТУ им. Н. Э. Баумана на факультет «Радиоэлектроника и лазерная техника» Артем поступил случайно: там просто экзамены раньше шли, чем в других вузах столицы. В начале студенческой жизни он ушел из дома совсем, снимал с тремя друзьями однокомнатную квартиру, потом жил в общежитии.

«Общага мне запомнилась отбитым копчиком: по традиции выпускники на тазике съезжают по лестнице, – говорил Юхин. – В фонтане не купался – побрезговал. Еще помню водку и черный хлеб с майонезом».

«К сожалению, системы контроля успеваемости скорее проверяют человека на дисциплинированность, а не на сообразительность, – продолжал Артем. – Меня из вуза пытались выгнать, по-моему, каждый год. Там все время контрольные, лабораторные. А если ты появился сначала первого сентября, а второй раз – какого-нибудь января – очень трудно не вылететь. Я уходил в академический отпуск, когда делал мебельную компанию. Потом надо было восстановиться, а я полгода не появлялся. Когда пришел, то имел 11 «хвостов». Я остался только благодаря телефонному терроризму. Тогда часто звонили, говорили, что в училище подложили бомбу. Поэтому сессия растянулась надолго, что меня и спасло от отчисления за неуспеваемость».

У Юхина всегда была тяга к предпринимательству, он все время занимался какими-то проектами. Первая его компания

появилась в 1992 году и специализировалась на компьютерном дизайне интерьеров и мебели. Затем он с компаньоном рассорился, фирма распалась, у Артема остался долг в 11 тысяч рублей, и вот с таким «багажом» он вернулся доучиваться в Бауманку.

Занимаясь наукой, Юхин не забывал о бизнесе и старался в интересующих его областях найти направления с большим коммерческим потенциалом. Он ходил на встречи студентов, которые занимались самообразованием и рассказывали друг другу об открытиях, которые им удалось сделать. На одной из таких встреч Артем и познакомился со своим будущим компаньоном Андреем Климовым. Тот разрабатывал программу математического моделирования, способную предсказывать котировки акций на бирже. Объединив усилия, изобретатели сделали такой электронный «предсказатель» и даже нашли компанию, которой собирались его продать. Но случился обвал рубля в 1998 году, и интерес трейдеров к компьютерному пророчеству мгновенно пропал.

Тогда изобретатели решили воплотить в жизнь другой проект, который обсуждался на студенческих встречах, – трехмерное распознавание объектов. В советские годы подобное устройство пытались изобрести, чтобы «научить» роботов различать объекты. Но в конце 90-х годов прошлого века роботы не вызывали большого интереса у инвесторов. Актуальным было 3D-моделирование (3D-технологии – по-английски «3-деменшн фэйс рикогнишн»). Юхин с Климовым решили создать прибор для трехмерной фотографии.

В 1999 году они разработали теоретическое обоснование устройства и получили патент на «бесконтактный оптический трехмерный сканер». (По этой же теме Юхин в 1999 году защитил диплом.) Придуманное молодыми учеными устройство позволяло получать цифровые копии трехмерной поверхности любого объекта, измеренного с очень высокой точностью.

Затем компаньоны наняли знакомых программистов, сняли офис, назвали фирму A4Vision и стали разрабатывать разные программы. Юхин был гендиректором, Климов – его замом. Деньги добывали научно-исследовательскими работами, из них платили зарплату и аренду. Некоторые коллеги называли их чудаками и не верили, что они смогут выйти на мировой рынок.

У авторов было много идей, как применить камеру: для пластической хирургии, контроля качества деталей, трехмерного телевидения. От многих очень интересных проектов пришлось отказаться. И заняться, может, не самым увлекательным, но нужным сегодня делом – системой безопасности и

распознаванием лиц.

Сканированная с помощью этой камеры поверхность лица человека содержит антропометрические характеристики, которые не меняются с возрастом и уникальны для каждого человека. Получаемый в результате биометрический шаблон можно занести в базу данных и использовать его для идентификации личности.

На практике это выглядит так: человек смотрит в «зеркальце» маленького аппарата – это и есть изобретенная трехмерная камера, – и на мониторе компьютера появляется изображение, похожее на объемную гипсовую маску. Это лицо – точная скульптурная копия человека – в виде цифровой модели. Точность 3D-шаблона настолько высока, что позволяет отличать даже однояйцовых близнецов.

«Мы не изобретали велосипед, – говорил журналистам Артем. – Надо было только автоматизировать то, что знают антропологи. На черепе есть ключевые, устойчивые точки, им соответствуют мягкие ткани лица. По постоянным зонам маски система сможет узнавать людей даже через десять лет. Кроме этого у биометрики есть и другие характеристики: надежность, устойчивость к подделке, скорость, бесконтактность и степень невторжения в личную жизнь.

Автоматическое сравнение параметров индивида с имеющимися в базе данных имеет свои особенности. Сейчас существуют три основных метода автоматического опознания человека: по отпечаткам пальцев (дактилоскопия), по радужной оболочке глаза (иридодиагностика) и по лицу в целом, чем и занимается A4Vision».

Надо признаться, что этим методы распознавания не исчерпываются: есть и более экзотические способы, скажем, отпечаток губ. А исследователи Fujitsu – Siemens продемонстрировали, например, способ идентифицировать человека по рисунку вен ладони, который, как считается, также индивидуален и не изменяется с возрастом.

Однако основными способами все еще остаются «пальцы» и «глаза». Но иногда «пальцы» отказывают: так, у представителей восточноазиатских народов отпечатки выражены намного хуже, чем у европейцев, и для идентификации почти не годятся.

Трехмерный сканер может снимать 25–50 поверхностей в секунду. Это позволяет, независимо от желания людей, распознавать лица, двигающиеся в потоке – на стадионах, в аэропортах, вокзалах или метро. И выявлять, скажем, людей, находящихся в розыске, – хотя бы тех же террористов. Система сама находит объект, соответствующий описанию, в базе данных.

В системе, используемой корпорациями, сотрудник, чтобы

войти в защищенное помещение, должен несколько секунд смотреть в специальный сканер. Его лицо сканируется, сверяется с имеющимся в базе данных, и если он является сотрудником компании, дверь открывается.

Но это было уже потом, а в 1999 году после получения диплома Юхин и Климов приступили к созданию собственного бизнеса. Они проштудировали соответствующую литературу, узнали, как это происходит на Западе, и попытались все сделать «правильно», не повторяя ошибок предшественников.

Согласно учебникам по бизнесу предстояло пройти три этапа. Первый – создание фирмы и поддержание ее жизнеспособности собственными силами. В это время маленькая компания живет обычно на собственные средства, а также на деньги частных инвесторов (в США это так называемые «ангелы», в России – просто друзья) и разрабатывает идею, которая должна вывести ее наверх. Второй этап – привлечение венчурного капиталиста, который оценит идею и вложит в компанию некоторые средства. Третий этап – союз с крупным инвестором.

Сначала наши герои из нескольких проектов и идей отобрали самую перспективную и самостоятельно финансировали проект в течение года (с помощью собственных средств и средств друзей), а затем, доведя проект до определенной готовности – то есть на этапе появления рабочего прототипа, – привлекли венчурные деньги.

У друзей теперь был пакет предложений, как может применяться их технология в самых разных областях. Они «разделили» весь мир на части, составили список всех венчурных фондов и компаний, которые занимаются инвестициями в начинающие компании, потом проанализировали полученную информацию, отфильтровали, распределили по регионам и начали целенаправленно добиваться встреч с представителями этих компаний. Потом стали летать на переговоры в Корею, США, страны Европы, потратили на это изрядное количество своих денег. Ну а дальше пошла цепная реакция: теперь про их фирму уже знали, и встречи начинали организовывать сами компании. После года поездок по разным странам в поисках инвестиций у Юхина и Климова было несколько десятков предложений, из них три наиболее интересных – одно из Кореи, другое из Америки и третье – от итальянского венчурного фонда MyQube. Свою задачу этот фонд видел в капитализации на электронной коммерции, Интернете и прочих модных идеях. MyQube нашел фирму по рекомендации одного из профессоров, консультировавшего Юхина во время написания диплома.

Когда итальянцы обратились к друзьям в первый раз, у тех не

было ничего, кроме идеи и теоретического обоснования технологии. Фонд не хотел связываться с Россией, поэтому Юхин послал им список из десяти мировых ученых, которые работали над похожей технологией. После этого инвесторы исчезли на несколько месяцев. Как выяснилось, они ездили по этому списку и изучали изобретения, а потом позвонили в A4Vision и сказали, что приедут через две недели. Это заставило изобретателей срочно сделать прототип трехмерной камеры.

Прототип устройства судорожно собирал Андрей Климов, пока его компаньон знакомился с гостями в одном из московских ресторанов. Артем мирно беседовал с представителями фонда, улыбался и с ужасом думал, что будет завтра. Завтра наступило, но устройство все еще не было готово к демонстрации. Времени катастрофически не хватало. Чтобы выиграть время, Юхин возил инвесторов по Москве извилистыми маршрутами.

В конце концов, они все приехали в офис фирмы. Предвидя недоумение гостей, Артем уже подбирал в голове формулировки для объяснений. Но произошло чудо – аппарат неожиданно заработал. По иронии судьбы на первых удачных снимках были запечатлены лица представителей MyQube.

При этом технические решения, предложенные Юхиным, были оригинальны, но не более того. Нобелевская премия ему не «светила», а «хэдхантеры» из международных корпораций не охотились за ним. Секрет его успеха не столько в уникальности разработки, сколько в ориентации на глобальный рынок, готовности преодолеть культурный барьер и принять чужие правила игры.

Они долго торговались – фактически камнем преткновения была убежденность москвичей в том, что компанию нужно создавать в России и разработчики должны быть тоже из России. Это снижало привлекательность условий, но в конечном итоге россияне все-таки настояли на своем.

Сотрудничество с фондом обязывало к постоянному достижению результатов, иначе финансирование может быть в любой момент прекращено. Работа шла в очень жестком режиме. Каждый месяц представители MyQube заслушивали отчет фирмы и ставили новые задачи. В случае их невыполнения все инвестиции были бы заморожены.

«Мы вскочили в последний вагон, – говорил Артем. – После нас MyQube деньги ни в кого не вкладывал, а start up (т. е. начальный этап, когда фирма встает на ноги) стало ругательным словом. Темпы были совершенно сумасшедшие, за три месяца мы делали то, на что в НИИ потратили бы три года. Жили в офисе, спали на столах.

Start up – это значит забыть про семью, вообще про все. Кроме того, в течение года A4Vision должна была найти стратегических партнеров».

А ведь фирме пришлось искать партнера в период, когда «все не только никуда не инвестировали, но и пытались продать то, что у них есть, хоть в 100 раз дешевле». Юхина опять стали называть чудаком.

Когда грянули теракты в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года, повышенным спросом стали пользоваться технологии безопасности. Совет директоров A4Vision единогласно высказался за продвижение технологии на рынок систем безопасности. Их наработки легко поддавались конвертации в антитеррористические средства распознавания внешности.

«Злые языки говорили: вот, вы воспользовались 11 сентября, – позже рассказывал Юхин. – А было наоборот. 2001 год, разгар кризиса, у нас деньги на исходе. И либо мы найдем инвестора, либо загнемся. Кризис жутчайший: программистов увольняли десятками тысяч. А мы – российская компания, которая пытается привлечь деньги в США, где и своим приходилось туго».

Дело было в том, что две американские компании после 11 сентября заключили контракты, пообещав, что их система, по фото распознав человека, найдет его, например, даже на футбольном матче. Но в итоге этого сделать не удалось. Потому нашим героям после 11 сентября было очень трудно. Они устраивали по пять презентаций в день, говоря: «У нас система распознавания лица». И все тут же начинали зевать: «Это же не работает!»

Ситуация была бы практически безвыходной, если бы A4Vision не удалось добиться внимания, так сказать, культовой фигуры, акулы большого бизнеса – итальянца Энзо Торрези. Он – известнейший предприниматель в области инновационных технологий, его называют венчурным Генри Фордом, пионером и легендой Силиконовой долины, знаменитой своими компьютерными разработками.

«Друзья отправили синьору Энзо около 50 писем с просьбой устроить презентацию A4Vision в Силиконовой долине. На первые послания миллиардер, который дружит с Биллом Гейтсом, не отвечал. Потом заявил, что ему это не интересно. В конце концов, он согласился встретиться. А спустя некоторое время Торрези стал председателем совета директоров A4Vision, а офис фирмы был устроен на его шикарной вилле. Так Юхин с Климовым смогли добиться внимания гигантов американской IT-индустрии.

Прошло еще три года, и в ходе второго этапа инвестиций компанию профинансировал лично Лари Эллисон, глава Oracle,

сам создавший с нуля компанию, ставшую сейчас крупнейшим в мире производителем программного обеспечения. Во втором этапе также приняли участие стратегические инвесторы – крупнейшие в мире интеграторы: NTT (Япония), ST (Сингапур Технолоджи). A4Vision превратилась в русско-итало-швейцарско-американскую компанию с офисами в Калифорнии и Швейцарии и командой разработчиков в Москве.

На работу Юхин принимал студентов и выпускников компьютерных специальностей крупных вузов страны. При этом никогда не брал отличников, так как у них, по его словам, отсутствует «креатив».

В марте 2003 года под эгидой ООН 188 стран подписали так называемое Ньюорлеанское соглашение, провозгласившее, что основным методом идентификации в загранпаспортах и визах будет биометрия лица. Отпечатки пальцев и распознавание по радужной оболочке глаза каждая страна может использовать по своему усмотрению лишь как дополнительную меру. В новый проект международного стандарта на формат данных, хранящихся в паспортах, уже включили биометрику, разработанную фирмой Юхина.

Артем Юхин стал членом международного исполнительного комитета по стандартизации информационных технологий (INCITS) и работает в технической комиссии (Ml) по биометрии, где активно участвует в разработке международных стандартов по биопаспортам.

Сейчас их с Андреем проект «оброс» консорциумом, в который входят известные компании ID Technology Partners, Logitech, Motorola, Oracle, and Unisys Corporation. Консорциум ставит целью вывод этого стандарта на широкий рынок.

«Для этого мы пошли на необычный для отрасли шаг и открыли информацию о стандарте хранения данных, – пояснил Юхин. – С одной стороны, мы облегчили жизнь нашим конкурентам. Зато с другой – обеспечили возможность быстрого развития в будущем.

У нас еще слишком много нереализованных возможностей – в Штатах, Европе, Юго-Восточной Азии, России. Биометрический рынок – это rocketing market: он взлетает, как ракета. До момента, когда с этой ракеты нужно будет слезать, думаю, еще далеко».

Разработки A4Vision ставят в банки, аэропорты, на вокзалы. Авторы получили грант от правительства США за разработку считывателя электронных транспортных документов для спецагентов и дорожной полиции: в США уже все водительские права электронные – с трехмерной маской. Эту технологию включили в проекты биометрических паспортов Сингапура,

Англии, Франции.

Аналитическая компания Frost & Sullivan (независимое агентство, которое можно сравнить с жюри технологического «Оскара») признала решение A4Vision лучшим биометрическим продуктом 2004 года.

Теперь у Артема Юхина подруга из Колумбии – скрипачка Мария Лорена Коррея Посада. Познакомились они в Москве на квартире у Юхина, у которого собрались ребята из консерватории. А Лорена приехала сюда учиться. Дальше предоставим слово герою: «Как же это удивительно! – как-то сказал Андрей своей девушке. – Мы жили на разных континентах, встретились и теперь вместе». А она мне в ответ: «Ну да. Только я для этого выиграла национальный конкурс в Колумбии и получила премию, которую дают раз в три года. Затем снялась в главной роли в фильме, пересекла океан, стала учиться в Москве, потом пришла к тебе. А ты даже из своей кухни не вышел!»

ЯКОВЛЕВ САВВА АНДРЕЕВИЧ

(род. в 1790 г. – ум. в 1848 г.)

Представитель очень богатого рода, получивший известность благодаря своему необузданному характеру, специфическому чувству юмора, пристрастию к разного рода чудачествам и диким выходкам. Имя Яковлева даже вошло в поговорку, став синонимом бесшабашного кутилы и откровенного безобразника.

Один из самых известных скандалистов и пьяниц Российской империи XIX века Савва Андреевич Яковлев был назван в честь своего предка, основателя рода Яковлевых. Конечно, на него традиционно возлагались надежды относительно приумножения богатств и влияния семьи, однако жизнь распорядилась иначе. Злая ирония судьбы заключалась в том, что в роду серьезных дельцов и довольно жестких людей, потомков Саввы Собакина, родился мот и кутила, едва не пустивший по ветру все состояние, сколоченное отцом, дедом и прадедом…

Предание гласит: история одной из богатейших семей России началась с того, что мещанин города Осташкова Тверской губернии Савва Яковлевич Собакин отправился пешком (!) в Петербург, имея в кармане полтину денег и родительское благословение. В Северной Пальмире он начал торговать мясом с лотка вразнос. И никогда бы не стать его потомкам миллионерами, если бы не страсть императрицы Елизаветы к музыке и людям с хорошим голосом и слухом… Однажды Ее Величество, пытавшаяся обуздать скуку разглядыванием суетливой толпы, отметила, что у молодого парня-разносчика прекрасный голос, и распорядилась, чтобы гофмаршал пристроил певуна поставщиком припасов для императорской кухни. Предок известного скандалиста быстро разбогател, поскольку начал получать также заказы от многих вельмож. А поскольку Савва угождал всем причудам императорского фаворита князя Потемкина, вскоре тот отдал понятливому детине поставки на армию, что было источником огромной наживы. Так бывший лоточник сколотил изрядное состояние и записался в купечество. Доходы его на тот момент были столь велики, что он вместе с другими коммерсантами взял на откуп таможню в Риге… Теперь нажившийся миллионы купец мечтал о том, чтобы заполучить дворянство и приобрести право на покупку имений с крестьянами. Для начала Савва перешел из податного звания в

чиновничье, а в 1762 году Петр III «за особенно оказанные заслуги» жаловал его потомственным дворянством. При Екатерине II Собакин обогатился еще больше, прибрав к рукам петербургский питейный откуп. Когда же зарвавшийся миллионер попытался облапошить саму императрицу, его отдали под суд. Однако Савву мало того что простили, чтобы предать забвению неблаговидный поступок любимца, императрица приказала ему поменять фамилию и называться, в соответствии с отчеством, Яковлевым… Позднее бывший лоточник скупил ряд заводов и фабрик, одновременно построив еще несколько предприятий. В итоге он сделался самым крупным русским заводчиком – в его собственности находились 22 завода. После смерти основателя рода его огромное состояние было поделено между четырьмя сыновьями покойного. Один из них как раз приходился дедом Савве Андреевичу, чудаковатому отставному военному, которого соседи боялись, как черта…

Вот уж на чьем примере как нельзя более наглядно можно постичь смысл пословицы: «В семье не без урода!». И отец, и дед героя нашей статьи были типичными представителями своего рода: хваткими, решительными, не страдающими избытком мягкосердечия, строгими хозяевами и неплохими организаторами. Они неустанно приумножали капитал, а их наследник сорил деньгами и постоянно откалывал такие номера, что солидное положение Яковлевых в обществе пошатнулось… Сын миллионера, блестящий юноша с великолепными перспективами, Савва выбрал для себя карьеру военного и вскоре был зачислен в престижнейший лейб-гвардии кавалергардский полк. Однако достаточно быстро молодой корнет зарекомендовал себя отнюдь не с лучшей для начальства стороны: Яковлев, что называется, спал и видел, как бы отколоть что-нибудь особенно веселое и шокирующее. Поступавшие из дому деньги корнет моментально проматывал, устраивая поистине грандиозные попойки.

Муштра и прочие тяготы казарменной жизни Савве быстро наскучили, и он, подав в отставку, посвятил себя более приятному делу – проматыванию своего наследства. Собственно, с этого момента все чудачества этой неугомонной и непредсказуемой личности сводились к одному: беспримерным по своей грандиозности и продолжительности кутежам. Сам Яковлев обладал способностью потреблять невероятное количество спиртного, но при этом долго сохранять четкость и ясность мышления. Естественно, что и собутыльников он подбирал себе соответствующих, таких, которые могли долго поддерживать веселье, не отправляясь в самый неподходящий

момент досыпать в ближайшую тарелку с салатом либо под стол. Тем не менее «перепить» Савву не удавалось никому. Участники кутежей неоднократно проводили своего рода состязания на этот предмет, но победа неизменно оставалась за Яковлевым.

Над отставным корнетом за глаза посмеивались, а представители старшего поколения сетовали: вот, мол, какой человек пропадает, пуская попутно на ветер родительские денежки. А Савва тем временем продолжал искать идеального для себя собутыльника… Наконец, особое внимание самодур сосредоточил на одном из участников кутежей – отставном капитане саперного полка Беме. Нет, больше Яковлева сей бравый вояка «потребить» выпивки не мог, зато по крайней мере не отставал от организатора застолий. А это уже было своеобразным рекордом, достойным, как мы сейчас бы сказали, Книги рекордов Гиннесса. Оценив умение приятеля пить, Савва подарил Бему за «достойное соперничество» 100 000 рублей (невиданная по тем временам сумма!). Естественно, что бывший капитан с огромным уважением относился к своему благодетелю и был для него самым преданным другом, не разлучавшимся с чудаком до последних дней жизни…

Особенно любил Савва развлекаться «закидыванием тони» на Крестовском. Для этого к месту действия заранее доставлялся специальный складной домик, который к моменту приезда Яковлева и целой толпы его приятелей устанавливался в указанном месте. Участники очередного «алкогольного заплыва» являлись на Крестовский в сопровождении огромного обоза, привозившего невероятное количество продуктов и спиртного. А поскольку организатора столь веселого мероприятия раздражала походная дача без сада, он брал с собой нескольких садовников. Привыкшие к причудам барина, эти люди всего за два-три часа (!) разбивали вокруг сборного домика настоящий сад – с деревьями, «позаимствованными» из соседней рощи, проложенными дорожками и клумбами цветов (их обычно садовники привозили с собой).

Когда Яковлев «со товарищи» начинали попойку, с ними беспробудно пьянствовали и местные рыбаки, так что на шум и безобразия, чинимые, мягко говоря, не совсем трезвыми гостями, никто не был в обиде. Затем, когда простое накачивание спиртным Савве надоедало, он давал верному Бему задание: немедленно найти и привезти к даче женщин «для русалочной потехи». Отыскать сговорчивых бабенок для капитана не составляло большого труда: все окрестности были хорошо осведомлены о привычках чудаковатого барина и о том, что он никогда не забывает расплатиться за предоставленные услуги.

Причем платил Яковлев всегда щедро, не обижая участников потехи. Так что многие крестьянки неплохо подрабатывали у этого самодура, и Бему оставалось только проехаться по знакомым местам…

Когда к домику привозили будущих «русалок», начиналась настоящая вакханалия. Бабенки, упившиеся вдрызг, сбрасывались Саввиными гостями в воду, поднимая жуткий визг на всю округу. Пьяная компания с большим интересом наблюдала за тем, как импровизированные и плохо соображавшие от большого количества алкоголя «русалки» путались в поставленных сетях и пытались выкарабкаться на берег, сопровождая свои действия смачными выражениями, от которых покраснел бы и профессиональный портовый грузчик. Многие гости даже заключали пари, кому из крестьянок удастся первой немного протрезветь и вернуться на грешную землю, а кого придется вытаскивать, дабы не омрачить праздник появлением утопленницы. Чаще всего, правда, попав в довольно-таки холодную воду, женщины трезвели, а затем «русалок», которые не смогли выбраться на берег самостоятельно, вылавливали рыбаки и возвращали компании. «Поправив здоровье» дам лошадиной дозой шампанского и доведя их снова «до кондиции», гости в очередной раз отправлялись швырять «русалок» в воду. Сам же Яковлев находил это зрелище на редкость забавным и хохотал до слез. При этом для него не было суть важно, сколько раз за день собутыльники успеют искупать шалых баб; с каждым новым «заплывом» он явно получал все больше удовольствия.

Стоит ли удивляться тому, что именно этому чудаковатому выпивохе приписывали порчу нравов населения окрестностей Черной речки? И действительно, до того момента, как в этом дачном уголке появился Савва, здесь царили тишина, мир, патриархальные привычки и сонный покой. Когда же Яковлеву взбрело в голову соорудить на Черной речке свою дачу, добрые нравы местных жителей быстро дали трещину и покатились под уклон. Соседство с богатым пьяницей, кутилой и мотом ни к чему хорошему не привело. Непрекращающаяся череда попоек, каждая из которых растягивалась на несколько суток, нецензурные песенки, ночью гремевшие по всему околотку, могли исчерпать терпение даже святого… В итоге, разгульные гости Яковлева «выжили» из этой излюбленной петербуржцами местности всех порядочных дачников, земли у Черной речки стремительно обесценивались. Соседи предпочитали обходить Саввину дачу, что называется, десятой дорогой; отставной корнет быстро сделался для всей округи этаким пугалом, с которым не свяжется ни один уважающий себя человек. Потеху Яковлев понимал по-

своему; например, ему доставляло удовольствие травить случайных прохожих специально купленным для этих целей злющим бульдогом. А женщин «юморист» пугал… обезьянами, которые совершенно свободно жили в его огороженном саду. Выбираясь на улицу, хвостатые любимцы состоятельного скандалиста могли побить и оттаскать за волосы человека средней комплекции, разорвав на нем одежду. Затем с чувством исполненного долга обезьяны возвращались за родимый забор. Жаловаться на обнаглевших приматов не рисковал никто, зная, что их проделки приносят немало удовольствия странному хозяину «проклятого» дома. Время от времени, заскучав, Савва устраивал у себя «патагонскую идиллию»: свозил в свой немаленький дачный двор непотребных девок, распахивал ворота, чтобы с улицы было видно, что происходит у дома, и заставлял «красоток» водить хороводы в очень откровенных, непристойных костюмах. Гостям сумасбродный хозяин пояснял, что желает, не выезжая из Петербурга, оказаться у южноафриканских дикарей…

Немного успокаивался Савва зимой, когда перебирался в дом своего отца на Васильевском острове. Правда, в приступе меланхолии он периодически начинал палить из пистолета по «горкам» с разными бьющимися редкостями, а также по огромным драгоценным зеркалам, но прислуга к такому проявлению «грусти» сына хозяина привыкла давно. Равно, как и родители великовозрастного самодура. Зеркала и безделушки заменялись новыми, а через пару дней, проснувшись в плохом настроении, бывший корнет снова отправлялся искать в доме вещь, наиболее раздражавшую его. Заслышав выстрелы, прислуга тяжело вздыхала и, улучив момент, спешила убирать новые следы разрушений… И вообще, никто не помнил, чтобы шутки Яковлева когда-либо можно было назвать добрыми. Внутри этого человека словно сидел мелкий зловредный бес, не дававший Савве покоя и заставлявший его отчебучивать шутки одна похлеще другой. А без проделок, скандалов и попоек отставному корнету, похоже, жизнь была не в радость…

Измывался этот чудаковатый самодур не только над челядью и соседями. Неоднократно жертвами специфического чувства юмора Саввы становились его собственные гости-собутыльники. Так, Яковлев очень любил следующий розыгрыш: он отдавал распоряжение приготовить все блюда ужина на… касторовом масле; сам довольствуясь бульоном (мол, болезнь разыгралась), богач заставлял присутствующих давиться практически несъедобными закусками. Как говорится, «все это было бы смешно, когда бы ни было так грустно»: отказаться от «угощения», зная нелегкий характер организатора застолья, не

рисковал обычно никто. А «гроба», которым непременно заканчивались все попойки у Саввы, боялись даже самые бесшабашные и закаленные жизнью пьяницы. Провожая гостей (обычно утром) Яковлев хрипло орал: «Гроб!» Вышколенные слуги относили сумасброда к дверям дома прямо в кресле, куда притаскивался серебряный гроб, вмещавший ровно бутылку шампанского, и ящик аналогичного напитка. Савва хватался за пистолет, и гости начинали по одному подходить к хозяину – прощаться. Тот приставлял к физиономии каждого собутыльника оружие, а лакей подносил жертве неприятной шутки гроб с шампанским. Гостю полагалось выпить напиток до дна, расцеловаться с хозяином и убраться подобру-поздорову домой. Не все выдерживали последнее испытание затянувшейся вечеринки; некоторые из гостей, осушив странную тару «на посошок», падали на ковер. Яковлев обычно очень потешался в этом случае, а затем отдавал распоряжение «подобрать убитого» и отнести его в ближайшую спальню – отоспаться и протрезветь. Часто задержавшийся гость спал вплоть до того момента, когда в дом снова начинали съезжаться гости. В таком случае «покойник» поднимался и отправлялся опохмеляться в столовую. Трагикомизм ситуации заключался в том, что сам Яковлев обычно к моменту проводов был мертвецки пьян, а пистолет – заряжен… Так что никто из гостей не мог поручиться, что в один далеко не прекрасный момент рука «гостеприимного» хозяина не дрогнет и он не снесет кому-нибудь полголовы.

В конце 1848 года Савва устроил очередной громкий скандал. Чудаковатый пьяница обвинил некоего Угрюмова в том, что тот подделывал его подписи. На самом деле Угрюмов никогда подобных вещей не делал, но доказать это быстро не смогли. Да и Савва не желал слушать оправдания, поверив доносу и явно получая удовольствие от самого процесса измывательства над «виновным». Он ни за что не хотел упускать столь великолепной возможности развлечься (сумма, о которой шла речь, по сравнению с состоянием самого «обобранного» и средствами, выбрасываемыми им на попойки, являлась мизерной). При этом скандалист не замечал, что на сей раз столкнулся с человеком, способным к глубоким переживаниям и высоко ценящим свою честь и достоинство. Савва даже не понимал, что откровенно подталкивает мнительного Угрюмова к гибели. В итоге отчаявшаяся жертва поклепа решила свести счеты с жизнью и отравилась… Яковлев, узнав об этом и убедившись в невиновности покойного, впал в черную меланхолию. Шутки шутками, но осознавать, что на его совести лежит чья-то жизнь и загубленная душа, отставному корнету было тяжело. Его

характер, и без того нимало не напоминавший ангельский, стал резко ухудшаться, а плохое настроение сделалось вообще нормой. Наконец, после очередной попойки с друзьями, когда гости пили прощальную «дозу» из серебряного гроба, он приставил пистолет к собственному виску и залпом выпил из необычной «тары» сам. Правда, никто до последнего момента не догадывался, что окончание ставшего уже привычным ритуала будет действительно кровавым. Финал вечеринки заставил окаменеть всех присутствующих. Яковлев неожиданно сунул дуло пистолета себе в рот и спустил курок. Единственное, что успел выговорить смертельно раненный чудак, прощаясь с жизнью, было: «Подобрать убитого!»

notes

Примечания

1

Ландвер – часть прусских вооруженных сил, состоявшая из военнообязанных, которые отбыли военную службу и были зачислены в запас. В 1838 и 1841 годах Бисмарк действительно служил в армии и даже получил офицерский чин. Здесь он отличился тем, что все время нарушал дисциплину, а также спас двух тонувших вместе с лошадьми улан. За это он и получил первую среди бесчисленных медалей, которые ожидали его в будущем.

2

Кинизм – название, связанное с поименованием гимнасия Киносарг, что в переводе означало «Белая собака» или cynicos (киники). Иногда его связывают со значением слова суоп – «собака». Наши современники знают еще одно слово, связанное с этой философией, – циники. Это – более известное название – философской школы появилось из-за того, что буква «с» по-разному произносилась в Древней Греции и позже, в Средневековье. Сравните: имя философа, известного нам как Цицерон, произносится на языке оригинала как Кикеро.

З

Эскапизм (эскейпизм) (от англ. *eskape* – бежать, спастись) – стремление личности уйти от действительности в мир иллюзий, фантазий в ситуации кризиса, бессилия, отчуждения.